СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XII

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор

М. И. Артамонов

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, С. Н. Замятнин, Т. Н. Книпович, В. А. Миханкова (ответственный секретарь), А. П. Окладников, А. Ю. Якубовский

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Стр.

В. И. Равдоникас. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). Часть II . . 7

И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья. (По материалам полевых исследований 1947 г. в бассейне р. Сейма) 41

С. Н. Бибиков. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала 66

Н. Н. Гурина. Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова 105

М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами 128

А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов» 157

Материалы

Г. П. Сергеев. Позднеашельская стоянка в гроте у сел. Выхватинцы (Молдавия). (Предварительное сообщение) 203

С. Н. Замятнин. Памяти Михаила Вацлавовича Воеводского 213

М. В. Воеводский. Находки раннего палеолита в бассейне р. Десны 217

Л. Я. Крижевская. Неолитические стоянки окрестностей сел. Алексеевского, Вышневолоцкого района 231

А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут 247

Э. Р. Рыгдылон. Неолитические находки на Нижне-Березовской стоянке 287

Т. М. Девель. Обозрение коллекций собрания Фотоархива Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР 289

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбНИИ — Абхазский научно-исследовательский институт.
АЖ — Антропологический журнал.
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВЛГУ — Вестник Ленинградского Государственного университета.
ВРГО — Вестник Русского географического общества.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел.
ЗВАК — Записки Всеукраїнського археологічного Комітету.
ЗАО — Записки Археологического общества.
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ЗРГО — Записки Русского географического общества.
ЗРОРАО — Записки русского отделения Русского археологического общества.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИАН — Известия Академии Наук СССР
ИАЭ — Институт антропологии и этнографии Академии Наук СССР
ИГАИМК — Известия ГАИМК.
ИИМК — Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР
ИСОРГО — Известия Сибирского отделения Русского географического общества.
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК.
ЛОИИМК — Ленинградское отделение ИИМК.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МАО — Московское археологическое общество.
МАР — Материалы по археологии России.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии.
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии.
ОИФ — Отделение истории и философии.
ООН — Отделение общественных наук.
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
СА — Советская археология.
СГАИМК — Сообщения ГАИМК.
ТОВЭ — Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ТОН — Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.
ТР. . .АС — Труды I—XV Всероссийских археологических съездов.
ТСАРАНИОН — Труды секции археологии РАНИОН.
УАК — Ученая архивная комиссия.
УзФАН — Узбекский филиал Академии Наук СССР
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов.
ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исторический архив.
ЧОИДР — Чтения Московского общества истории и древностей российских.
AA — Archäologischer Anzeiger.
AJA — American Journal of Archaeology.
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua.
RA — Revue archéologique.
SMYA — Suomen Muinasmuisto yhdistyksen Aikakauskirja.

СТАТЬИ

В. И. РАВДОНИКАС

СТАРАЯ ЛАДОГА

(Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.)

Часть II[1]

1. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР НИЖНЕЙ ТОЛЩИ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ЛАДОГИ

Толща культурного слоя на земляном городище Старой Ладоги ниже горизонта *д* (X в.) стратиграфически является его прямым продолжением вглубь и представляет слоистые отложения гумуса, в особенности же щепы, коры и навоза со включением отбросов (угольно-зольные выкиды, кости животных, птиц, рыб и т. д.). Органические остатки в этой нижней толще сохранились очень хорошо. Щепа залегает пластами до 0.20—0.30 м толщины между постройками, частью и под ними. Навоз с примесью остатков подстилки и корма (соломы, половы, щепы, коры, стеблей и листьев осоки, мха) отложился весьма значительными, плотно спрессованными пластами (до 0.40—0.50 м и более) почти по всей площади раскопа между жилыми постройками и, естественно, внутри скотных дворов. Создается впечатление, что навоз не вывозился на сторону и что его время от времени просто выбрасывали из скотных дворов на свободные от построек участки поселения. Сохранность навоза удивительна. Нередко он встречался почти в свежем состоянии, сохраняя характерный зеленовато-желтый или буроватый цвет и даже свой специфический запах. По раскрытии, при соприкосновении с воздухом, навоз подвергался немедленному окислению и в течение нескольких минут темнел. Выкиды отбросов наблюдались также значительными скоплениями, но на ограниченных участках, очевидно служивших помойными ямами. Особо следует отметить массовые залегания чешуи рыб (рис. 1), очевидно отложившиеся в местах постоянной чистки рыбы. В таких залеганиях многократно встречались наджаберные щиты осетров очень крупных размеров.

Общая толща указанных отложений от нижней границы горизонта *д* до слоя древней болотно-луговой почвы составляет 0.80—1.00 м (рис. 2). Комплексы деревянных построек, как правило, хорошо сохранившихся в этой толще, резко отличаясь от построек горизонта *д*, однородны по своему типу, по своей конструкции. Ввиду этого, а также вследствие стратиграфической однородности всей этой нижней толщи, мы обозначаем ее в нашей общей стратиграфии культурного слоя земляного городища Старой Ладоги одной литерой *е*.

---

[1] См. СА, XI, стр. 5—54.

Но здесь, в этой толще *е*, комплексы нескольких жилых построек с их окружением залегают один над другим, начиная от нижней границы горизонта *д* и до материка. В связи с этим толща *е* расчленяется на горизонты. Если отвлечься от плохо сохранившихся остатков, а также от частей комплексов, уходящих в стенки раскопа, то здесь выделяются — и очень резко — три таких горизонта, обозначаемых нами (сверху вниз) литерами e_1, e_2 и e_3.

На генеральном плане (рис. 3) показаны остатки строительных комплексов всей толщи *е*, т. е. всех горизонтов в проекции на одну плоскость. Этот план характеризует взаимное расположение комплексов.

Рис 1. Скопление чешуи рыб. Горизонт e_2.

Разобраться в нем можно только с помощью публикуемых нами аналитических планов, выполненных для каждого горизонта в отдельности (рис. 4 и 5).

В основании культурного слоя залегает, как уже упоминалось, слой погребенной луговой заболоченной почвы со включениями вивианита (слой *ж*). Вивианитовая окраска особенно резко выступала на камнях. Ниже погребенной почвы идет светлый суглинок (материк, слой *з*).

Переходим к характеристике строительных комплексов каждого горизонта в отдельности.

2. ПОСТРОЙКА В ГОРИЗОНТЕ e_1

Почти непосредственно под постройками X в. в южной части раскопа (к югу от линии $Б_0$—$З_0$, на глубине от Р[1] 0.80—0.98 м) выступали круп-

[1] Р — репер; плита, залегающая в восточной стенке раскопа на глубине 0.60 м от поверхности.

ные бревна и входной мостик большой постройки, открытой нами еще в 1938—1939 гг. В нашем раскопе оказалась лишь часть этой постройки, именно — северное бревно и более половины восточного от нижнего венца, а также мостик у входа в постройку с запада. Остальная часть нижнего венца уходила в раскоп Н. И. Репникова и показана на его

Рис. 2. Культурные отложения толщи e_1.

чертеже. Это — южное бревно и часть восточного. Западное бревно вообще не сохранилось, но западная граница постройки определяется восточным краем входного мостика. Объединяя данные из наших раскопок и раскопок Н. И. Репникова, а также опираясь на контролирующие друг друга данные об аналогичных постройках, залегающих ниже, мы имеем вполне достаточные основания для реконструкции плана постройки из горизонта e_1.

Это прямоугольный дом с весьма значительной жилой площадью (около 80 кв. м); от него сохранился только нижний венец сруба (рис. 6 и 7). Общая длина наиболее сохранившегося северного бревна (состоящего из двух частей) около 12 м (11.80); его толщина в комле до 0.60 м. На западном конце бревно было нарощено приемом двух соответственных вырубок, одной в конце бревна, другой в конце нарощенной части (рис. 8). Длина основного бревна около 10 м, длина нарощенной части около 2 м. Бревно лежало на деревянных подкладках — чурках — и было укреплено недлинными кольями, вбитыми в землю у его наружного края. Восточное бревно в нашем раскопе сохранилось наполовину (длина сохранившейся части 5.30 м, толщина в комле — до 0.50 м). Бревна срублены (в северо-восточном углу) в обло.

Западное бревно, как указывалось, не сохранилось. Зато хорошо сохранился мостик у входа в постройку (рис. 9). Устройство его таково: в двух боковых продольных бревнах, лежащих перпендикулярно к западной стене постройки, вырублены пазы, в которые были впущены концы нетолстых бревен или коротких жердей настила. Положение боковых бревен было закреплено вбитыми в землю колышками. Длина мостика около 2 м, ширина около 1.50 м. Хотя западная стена постройки и не сохранилась, но указанное нами назначение мостика как наружной части входа совершенно очевидно, так как подобные же мостики, как увидим из дальнейшего, являлись необходимой принадлежностью залегающих ниже жилых комплексов. Там мостики также располагались у входа в постройки, причем их продольная ось составляла продолжение продольной оси самих построек, что совершенно отчетливо обнаруживается в постройке горизонта e_2.

Последнее обстоятельство дает возможность реконструировать план описываемой постройки горизонта e_1. Эта реконструкция могла бы быть произведена даже в том случае, если бы недостающие в нашем раскопе бревна нижнего венца не были показаны на чертеже Н. И. Репникова.

Никаких деталей комплекса не сохранилось, как не сохранилось и его хозяйственное окружение. Все это было уничтожено при сооружении лежащих выше построек X в. Перед нами, в сущности, только каркас, т. е. только нижний венец сруба, дающий возможность судить лишь об общем плане постройки и о ее размерах.

Как указывалось, постройка была открыта в 1938—1939 гг., но лишь настолько, насколько это позволяли не снимавшиеся с места остатки построек X в. (они были сняты в данной части нашего раскопа только в 1947 г.). Она настолько резко отличается от типичных небольших жилых домов горизонта X в., что при ее открытии (тогда, правда, лишь в отдельных частях и лишь с поверхности) назначение ее нами, в сущности, понято не было. В своем полном (неопубликованном) отчете мы назвали ее тогда «постройкой особого типа» и писали о ней следующее: «Постройка была в плане прямоугольником размерами примерно 9 × 12 м и своей величиной резко выделялась из обычных жилых и хозяйственных построек горизонта *д*, занимая площадь в 4—5 раз бóльшую, чем площадь обыкновенной избы. Каково было ее назначение — сказать до полного раскрытия трудно, но размеры постройки говорят о том, что это было здание общественного назначения».

Исследования 1947 г. показали, что это вовсе не здание общественного назначения, а самый настоящий жилой, при этом типовой дом, однако дом такого типа, который выработался совсем в других исторических условиях, чем тип индивидуализированного крестьянского или посадского жилища X в. и позднее.

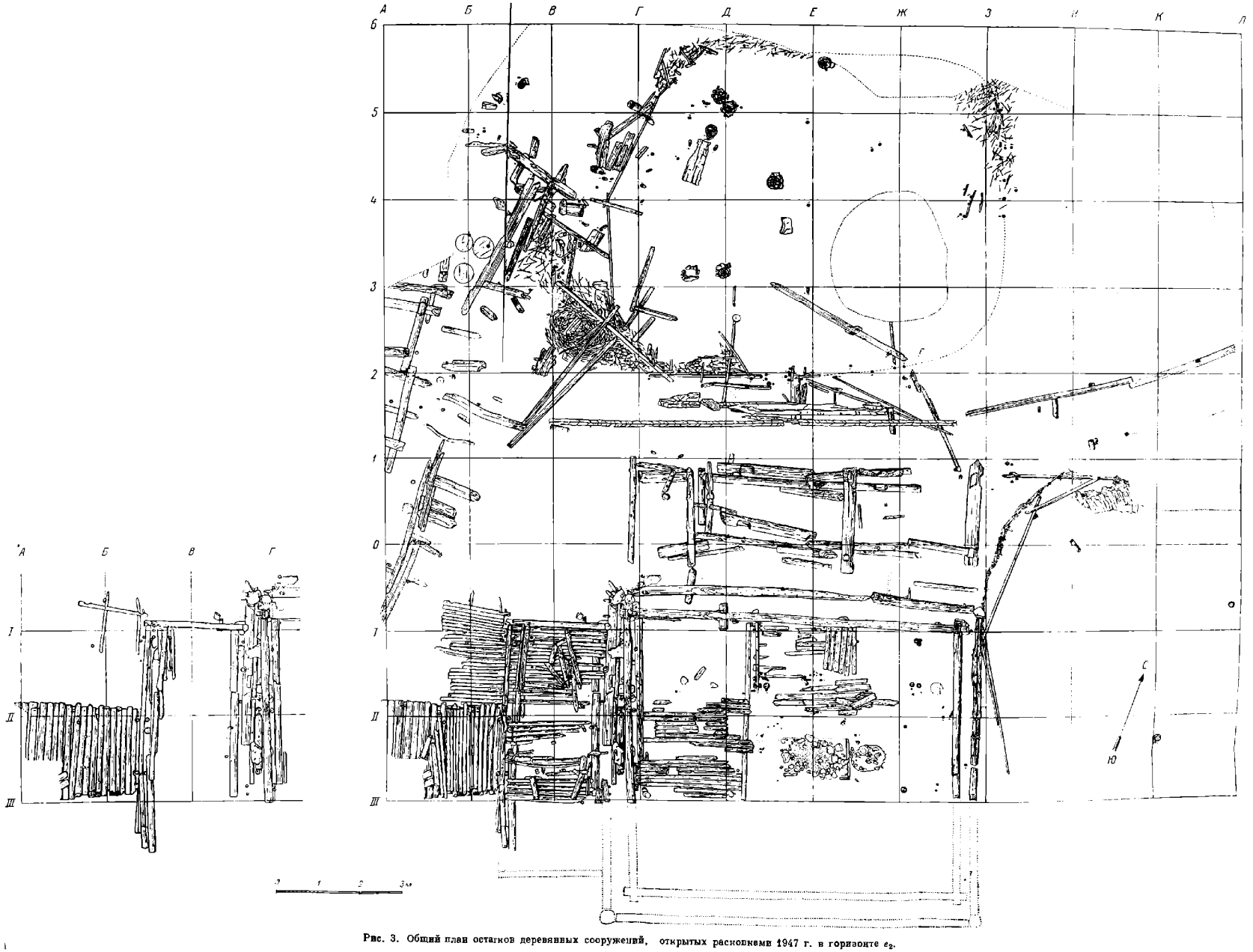


Рис. 3. Общий план остатков деревянных сооружений, открытых раскопками 1947 г. в горизонте e_2.

Но к такому выводу нас привело лишь изучение нижележащих аналогичных комплексов построек, открытие которых является, как нам кажется, совершенно новой страницей в истории культуры восточных славян.

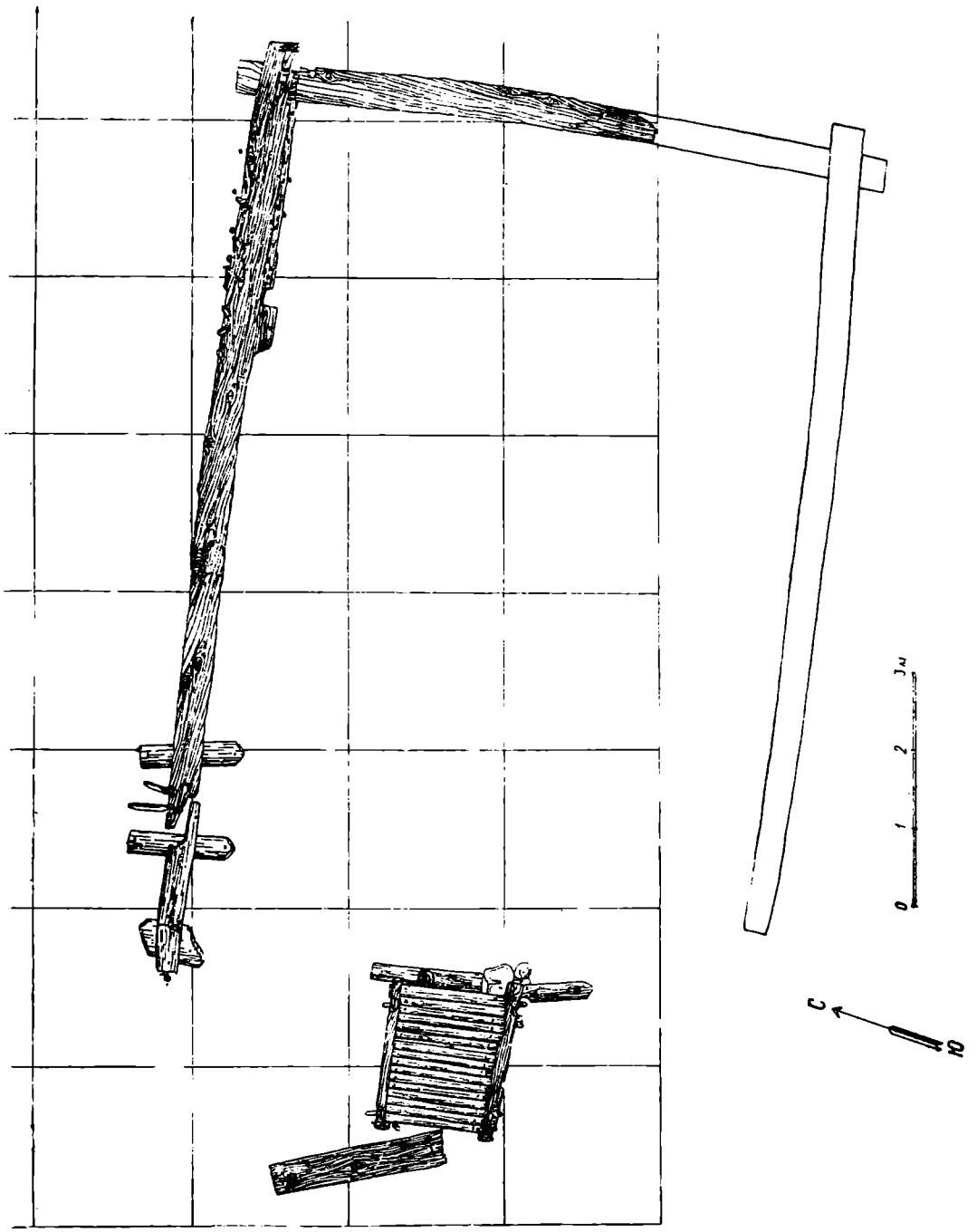


Рис. 6. Нижний венец сруба большого жилого дома из горизонта e_1.

ГОРИЗОНТ e_2

Ниже горизонта e_1 шла прослойка щепы, местами навоза. На глубине от Р 1.08—1.30 м (т. е. ниже только что описанной постройки горизонта e_1 на 0.40—0.50 м, но приблизительно в горизонтальной плоскости на том же месте) залегали остатки другой аналогичной постройки, погибшей от пожара. Почти непрерывные следы пожара (обгорелость дерева) ясно прослеживались на всех других деревянных остатках горизонта, вследствие чего абсолютная синхронность этих остатков, принимая во внима-

Рис. 7. Нижний венец сруба большого жилого дома из горизонта e_1 (способ рубки угла).

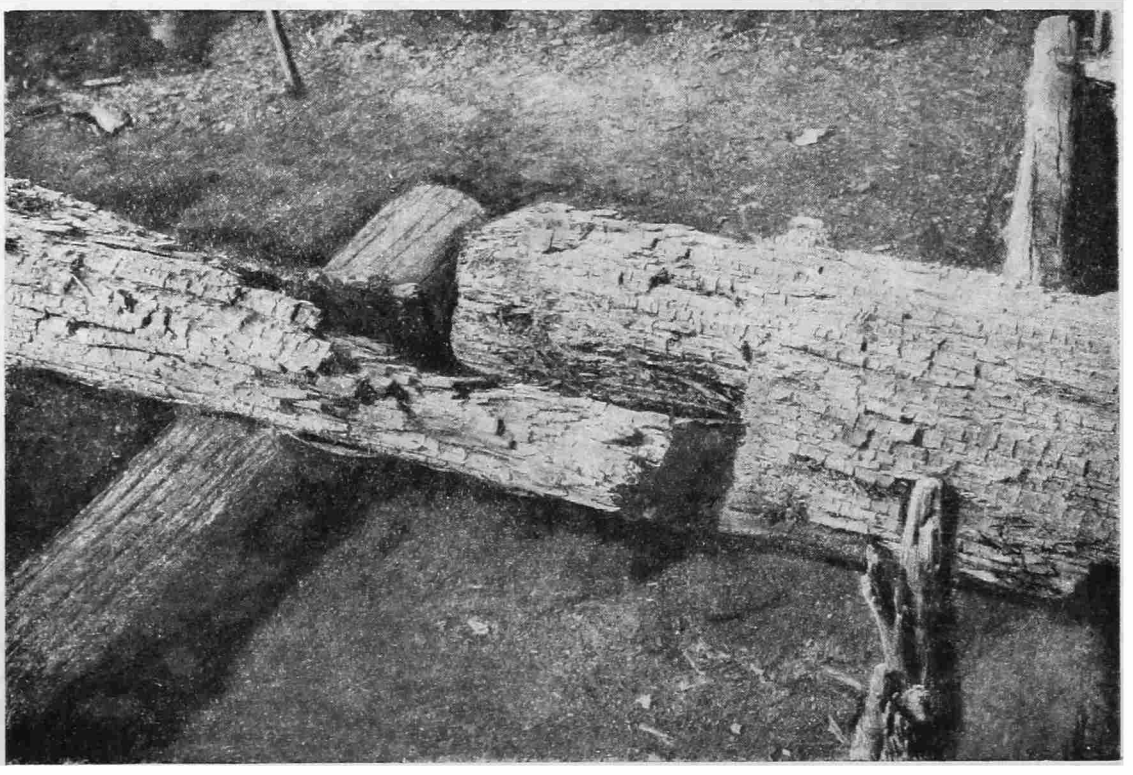


Рис. 8. Деталь сруба большого жилого дома из горизонта e_1.

ние и их высотные отметки, не подлежит ни малейшему сомнению. — Это горизонт в самом строгом смысле слова. И в раскопе Н. И. Репникова в том же самом горизонте (по его терминологии — II ярус) наблюдаются аналогичные постройки, частью со следами пожара. Так, Н. И. Репников пишет об очень интересном комплексе (см. далее, стр. 22) этого горизонта следующее: «...вся описываемая постройка погибла от пожара, следы которого отчетливо прослеживаются на половых настилах, равно на бревнах сруба».

Таким образом, на довольно значительной площади (около 600 кв. м: 360 кв. м наш раскоп и около 250 кв. м — раскоп Н. И. Репникова,

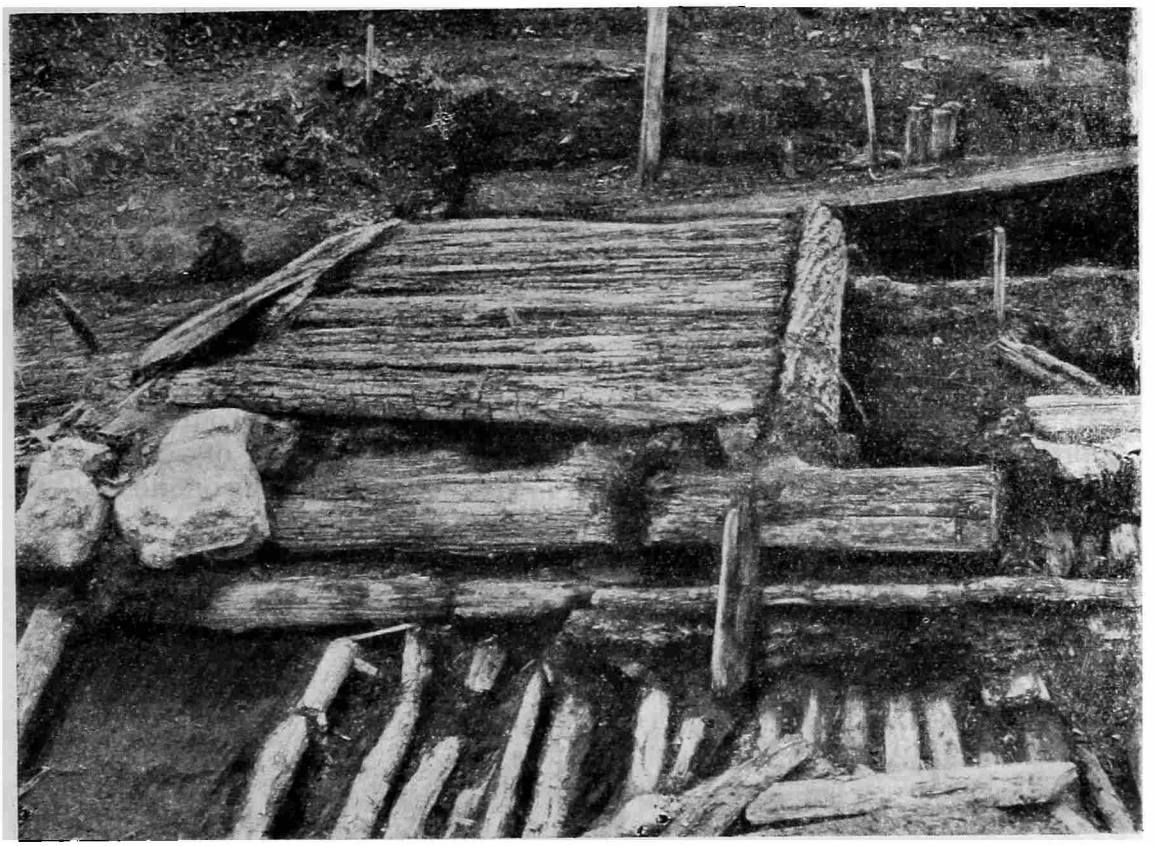


Рис. 9. Входной мостик перед срубом большого жилого дома из горизонта e_1.

в его — и то лишь частично — полезной для нас площади) мы имеем единый сплошной культурный горизонт с хорошо сохранившимися остатками деревянных сооружений. Остатки дают возможность надежных и довольно полных реконструкций этих сооружений с выяснением многих их особенностей. При этом хочется отметить, что в раскопе 1947 г. в горизонте e_2 нам открылась, в сущности, законченная картина жилой постройки со всем ее хозяйственным окружением.

Переходим к характеристике отдельных типов деревянных сооружений в горизонте e_2.

а. Жилая постройка

Остатки жилой постройки залегали в южных квадратах нашего раскопа (к югу от линии A_0—$З_0$), т. е. прямо под постройкой горизонта e_1 (рис. 3, 4). Вся южная часть постройки (приблизительно $^1/_3$) уходит в рас-

коп Н. И. Репникова, но на его чертежах она не показана, за исключением, может быть, одного настила. План постройки, однако, реконструируется полностью; так, ее продольная ось выступает со всей четкостью по средней линии входного мостика, самого входа и средней же линии очага, или, вернее, печи.

Постройка разделяется на следующие три части: 1) жилое отапливаемое помещение, 2) преддверие, или сени с наружным входом с запада, и 3) входной мостик с прилегающими к нему боковыми настилами.

От жилого помещения сохранился нижний венец, срубленный в обло (рис. 10, 11, 12). Длина северного бревна и, соответственно, реконструированного южного около 8 м. Восточное и западное бревна сохранились, как указывалось, не полностью, приблизительно на $^2/_3$; длина каждого из них вместе с реконструированными частями около 7 м. Таким образом, жилая часть описываемой постройки в плане приближается к квадрату и занимает внутреннюю жилую площадь размером около 49 кв. м. Под бревнами сруба местами наблюдаются деревянные подкладки в виде коротких чурок, совершенно аналогичные подкладкам постройки горизонта e_1, а также подкладки из камней и плит. Снаружи этот нижний венец окружен другим срубом, отстоящим от него на расстоянии 0.40—0.50 м. Этот внешний сруб представляет наружную стенку завалины, встречающейся и в жилых постройках X в. Ладоги.[1] Бревна завалины не срублены в обло, а прилегают друг к другу в углах, где их положение закреплено камнями и вбитыми в землю колышками (рис. 13). Длина северного (состоящего из двух частей) и соответственно реконструируемого южного бревна завалины составляет около 9.00 м, длина реконструированных восточного и западного бревен около 8.00 м.

Внутри жилого помещения в западной и северной его частях наблюдались остатки бревенчатого (с западной) и частично дощатого настила пола (в южной части) (рис. 14). Возможно, что здесь находились обособленные и отгороженные камеры общего жилого помещения. В остальных частях пол земляной, местами (например около печи) из утрамбованной плотной глины.

Печь была расположена строго в центральной части (в середине) помещения (рис. 15). Ее остатки в плане представляют прямоугольник размерами 1.00 × 1.50 м. Она была сложена из валунов и кусков известняковых плит на субструкции из песка. Со всех сторон печь окружена бревнами. Очевидно, она была сводчатой. Устье печи устроено в ее восточной стенке. Под глиняный, естественно, сильно обожженный; непосредственно у входа (снаружи и внутри) находилась каменная подстилка, на которой вне печи стояли два горшка (неполных: отсутствовали их верхние части). В горшках находились угли, очевидно только что (перед гибелью постройки) выгребенные из печи (не забудем, что описываемая постройка погибла очень быстро — от пожара). Вокруг печи и в различных точках пола находились остатки вбитых в землю кольев и вкопанных столбиков. Вероятно, это устои или подпоры от столов, скамей, нар и другой неподвижной обстановки жилья.

Такова картина жилого помещения данного строительного комплекса. Остатки преддверия, или сеней, прилегающих к западной стене жилого помещения, представляют прямоугольную пристройку (бревна не врублены) размерами (с учетом реконструированной южной части) 2.20 × 6 м, т. е. около 13 кв. м площади (рис. 16). Следовательно, общая площадь всей постройки составляет около 63 кв. м. Настил пола сеней состоит из плотно прилегающих друг к другу нетолстых бревен (корот-

[1] В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI, стр. 16—17.

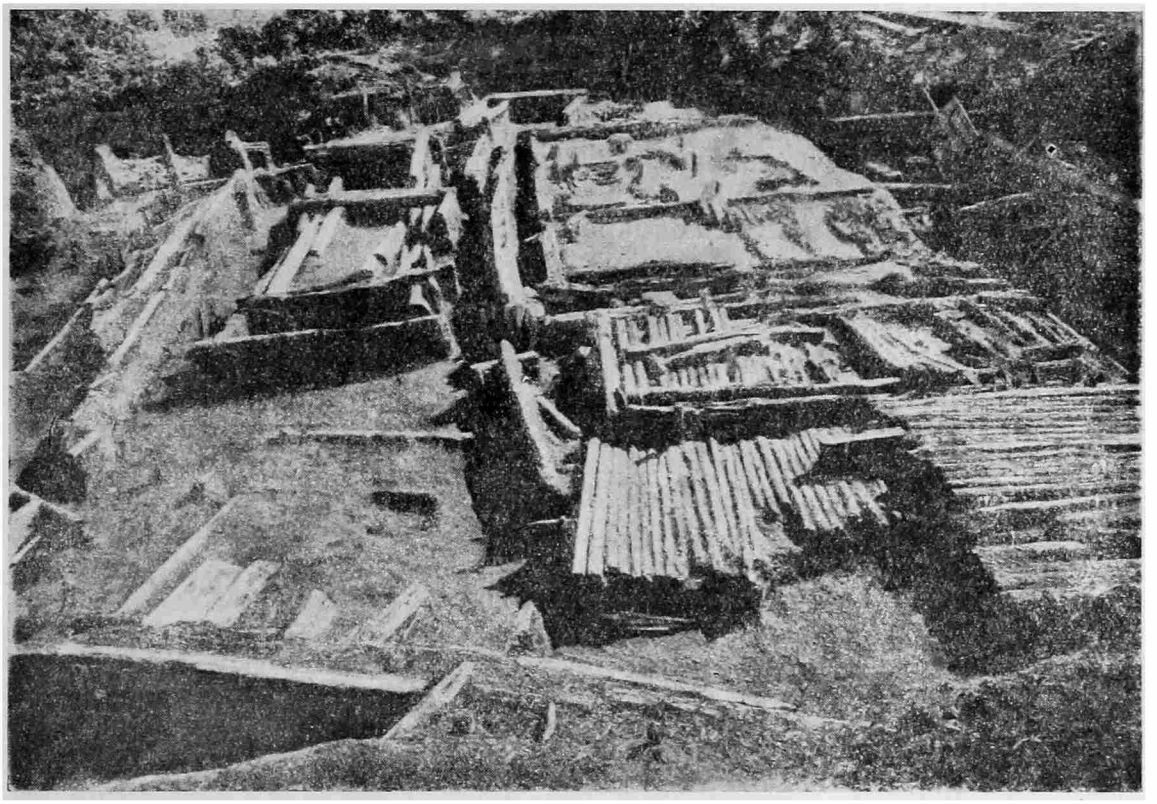


Рис. 10. Общий вид остатков жилой избы из горизонта e_2.

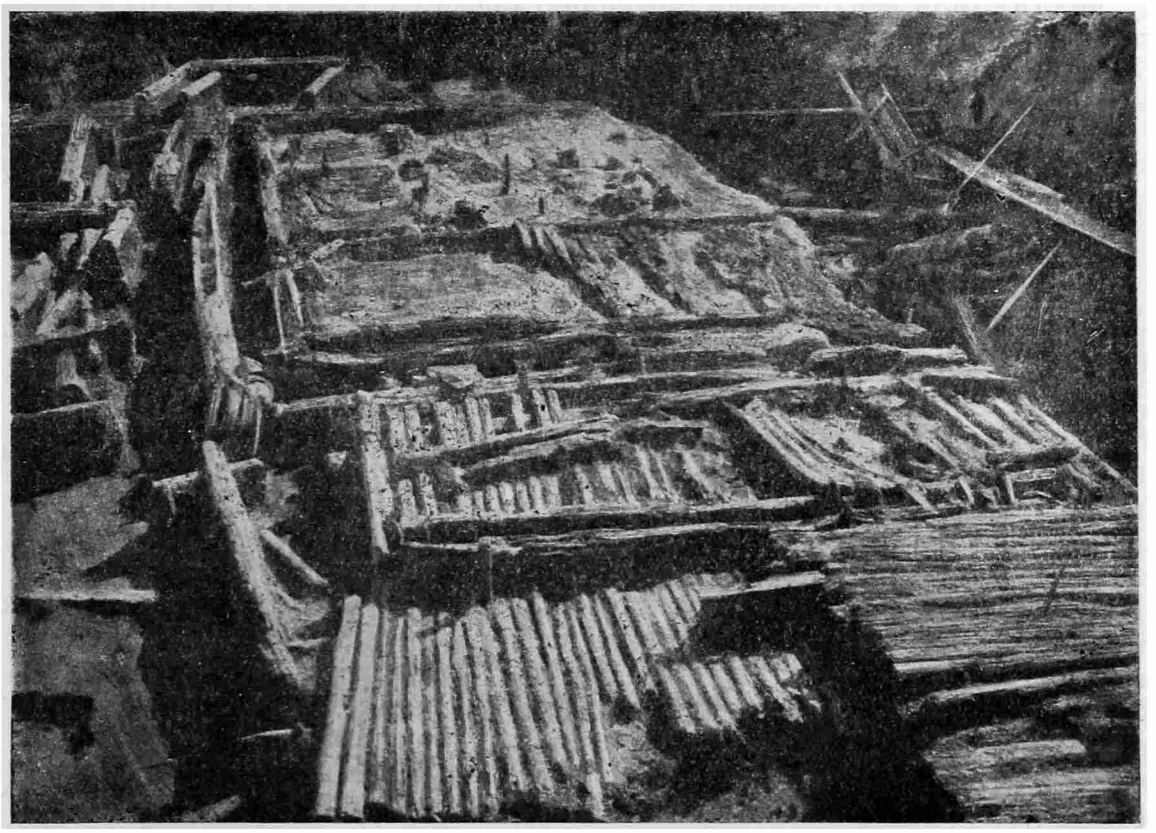


Рис. 11. Общий вид остатков жилой избы из горизонта e_2.

ких жердей), расположенных перпендикулярно к западной стене постройки и лежащих на лагах. Сверху настила наблюдались бревна и плахи от рухнувшего потолка. Посредине западной стены был устроен вход с дверью, от которого сохранились две крайних пары столбов. Ширина входа между столбами 1.30 м.

К входу непосредственно прилегал наружный мостик из нетолстых бревен, настланных на лагах параллельно западной стене постройки (рис. 17). Размеры мостика около 1.5 × 2.20 м. С северной стороны к нему примыкал боковой настил из подобных же бревен, той же ширины, длиной около 2.5 м. Здесь бревна настланы перпендикулярно к западной стене постройки. По всей вероятности, подобный же настил примыкал к центральному входному мостику и с юга, потому что на чертеже соответствующего горизонта раскопа Н. И. Репникова часть такого настила показана приблизительно в том месте, которое по оси соответствует расположению нашего северного бокового настила. Недостающее звено приходится как раз на осыпь северной стенки раскопа Н. И. Репникова, где это звено, естественно, легко могло выветриться. Если все это так, — а это стоит под вопросом, — то в устройстве наружной привходной части нашего строительного комплекса мы имеем своего рода прототип хорошо известного по данным этнографии и старым рисункам древнерусского крыльца в виде центральной, приподнятой над землей площадки и двух боковых, ведущих к этой площадке с земли лесенок с перилами. Разница в том, что в нашем комплексе площадка не приподнята над землей (однако она могла иметь крышу на столбах и, следовательно, быть настоящим крыльцом), поэтому к ней с боков вели не лесенки, а просто деревянные настилы, лежащие прямо на земле.

Мостик (или центральная площадка) предполагаемого крыльца ремонтировался, потому что под верхним настилом бревен залегал другой, более древний настил, показанный на рис. 4.

Вопрос о конструкции перекрытия столь большой постройки остается открытым, но так как опорные столбы в жилом помещении обнаружены не были, то крышу, следует думать, скорее всего поддерживали стропила, в то время как для сеней весьма вероятно перекрытие на столбах.

б. Хозяйственные пристройки

Кладовая или амбар. К северной стене жилой части описываемого комплекса примыкала параллельная пристройка, по своей длине (8 м) почти в точности соответствующая длине бревна северной завалины (квадраты к югу от линии $Г_1$—$З_1$). При всей совершенно замечательной сохранности самих бревен этой пристройки, она в значительной степени представляет уже развал, а потому ее конструкцию восстановить довольно трудно. Это было прямоугольное в плане сооружение, размерами 2.5 × 8 м, срубленное, судя по вырубкам в некоторых бревнах, в обло и разделявшееся, повидимому, на три секции. Восточная секция, как это видно на чертеже (рис. 4), производит впечатление отдельной камеры, присоединенной ко всей остальной части пристройки. Больших скоплений навоза здесь не наблюдалось; местами он встречался, но попал сюда, вероятно, из вышележащего горизонта. В целом это скорее всего амбар или кладовая с секциями для хранения различных видов продуктов и, возможно, инвентаря.

Скотный двор или загон. В северной части раскопа, в квадратах между линиями $В_6В_2$—$З_6З_2$ (рис. 4), перед нами раскрылась картина совершенно замечательного скотного двора или, может быть,

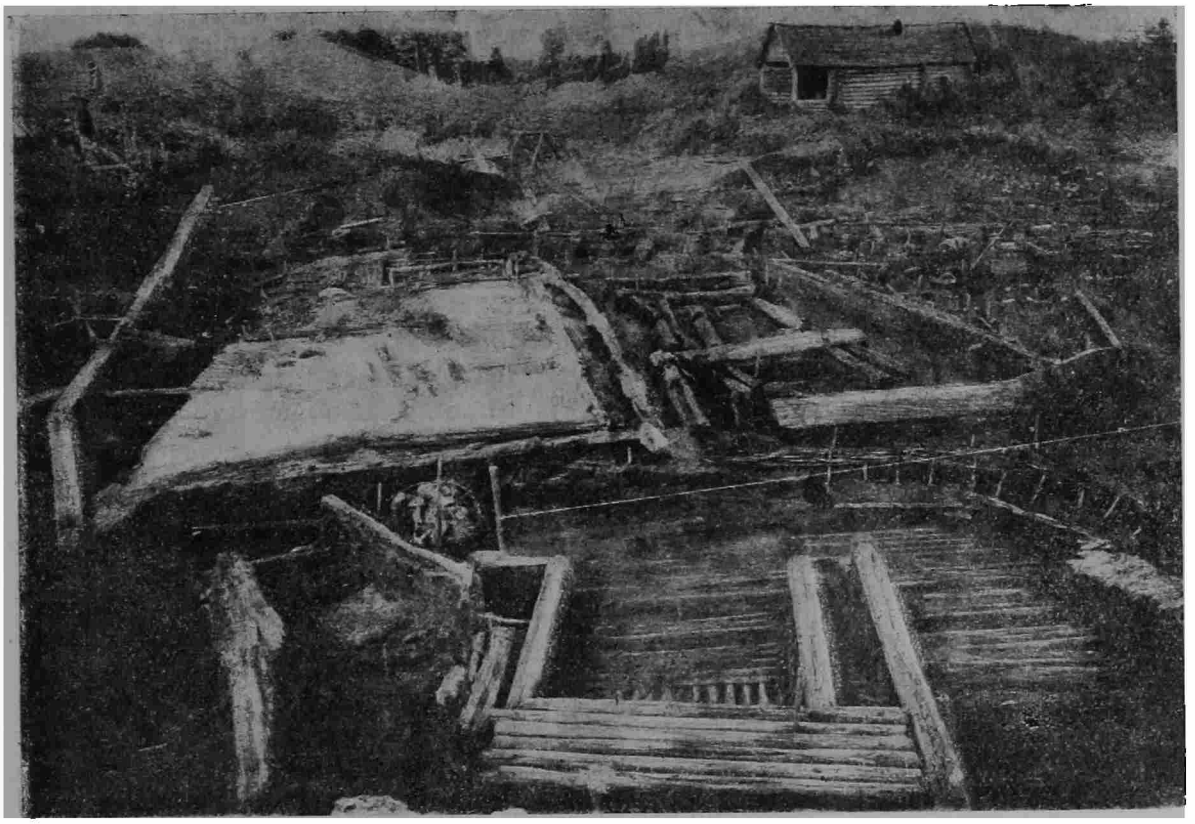


Рис. 12. Общий вид остатков жилой избы из горизонта e_2.

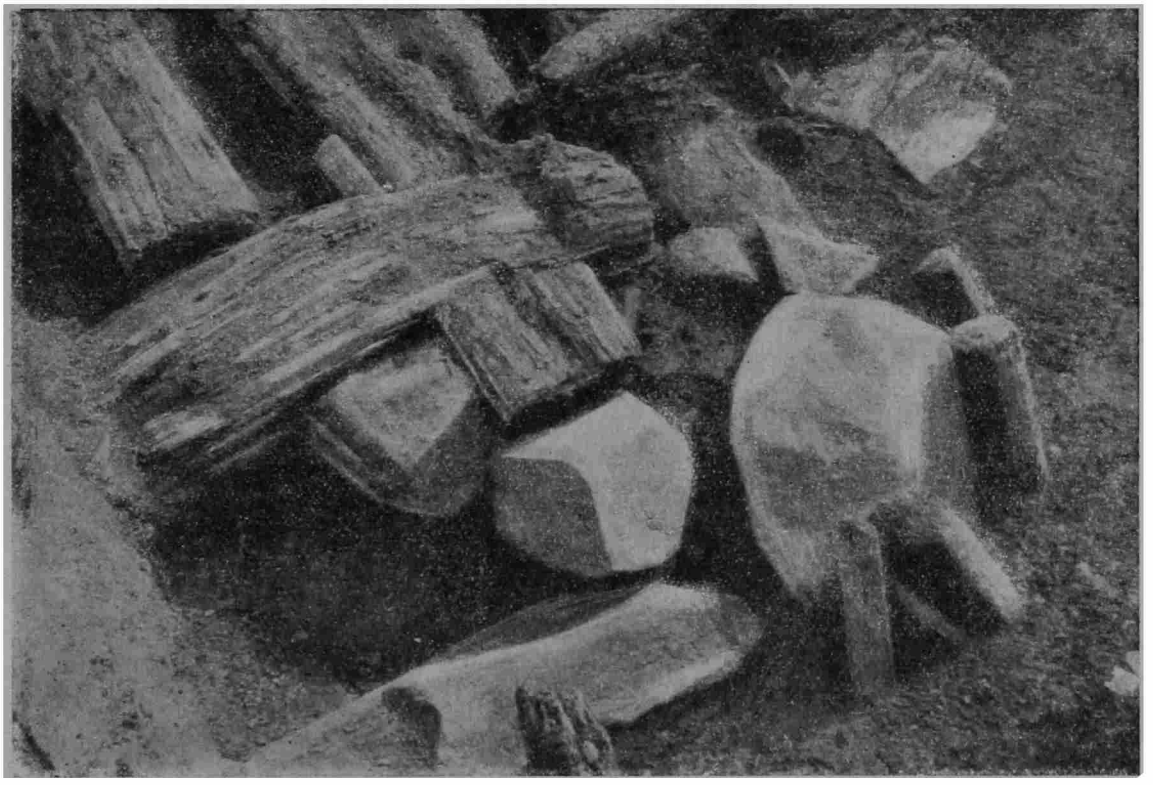


Рис. 13. Крепление углов завалины жилой избы из горизонта e_2

загона, расположенного симметрично с жилой постройкой, в той же самой, идущей с севера на юг, полосе, в которой находилась и только что описанная пристройка, названная нами амбаром или кладовой. Это единый ряд сооружений, продольные диаметры которых параллельны и даже по длине более или менее одинаковы.

Скотный двор представляет неправильно округлый в плане огороженный участок земли общей площадью свыше 60 кв. м, границы которого совершенно четко демаркированы сохранившимися нижними частями кольев, вбитых в землю по непрерывной кривой линии на расстоянии 0.5—1 м друг от друга. Местами колья уже исчезли, но на большей части линии их расположения они хорошо сохранились (рис. 18—20). Колья, несомненно, были опорой для плетня, представлявшего стенку скотного двора. Плетень не сохранился. Он, очевидно, сгорел во время пожара, так же как и собственно колья, — от них ведь остались лишь вбитые в землю и окруженные пластами навоза нижние заостренные концы. В трех местах (у линии $В_2Г_2$ к северу, у пикетов $Г_5$ и $З_5$) в толще навоза лежали беспорядочными скоплениями тонкие прутья (рис 21). Вряд ли это остатки плетня, так как прутья слишком тонки, причем залегали они беспорядочно спресованными массами. Скорее всего, мы имеем здесь дело с остатками больших корзин, предназначенных для хранения кормов, возможно, суточных дач.

Но о характере плетня мы все же имеем совершенно точное представление по отлично сохранившимся его остаткам в других комплексах нашего раскопа. Так, к востоку от жилой постройки данного горизонта $е_2$, непосредственно рядом с ней, но ниже, в другом горизонте (видимо, промежуточном между горизонтами $е_2$ и $е_3$), не носящем следов пожара, перед нами раскрылась часть стенки или ограды, совершенно аналогичной описанному выше скотному двору (комплекс уходит в восточную стенку раскопа и нами еще не раскрыт). Здесь ограда или стенка сохранилась (в своей нижней части) очень хорошо. Она представляет (рис. 22 и 23) ряд вбитых в землю — на расстоянии друг от друга 0.30—0.40 м — кольев, между которыми горизонтально вплетены плотно прилегающие друг к другу довольно толстые березовые и еловые прутья. Другой, более совершенный плетень, представлявший, видимо, откидную загородку, сохранился в нижнем горизонте $е_3$, в квадратах между линиями $З_{II}З_I$—$И_{II}И_I$, у восточного края бревенчатой постройки, судя по заполнению навозом, — хлева. Это прямоугольная рама из кольев и жердей (два боковых кола и четыре продольных жерди); между продольными жердями вертикально вплетены прилегающие очень плотно друг к другу нетолстые прутья (рис. 24). Размеры этой плетенки 0.70 × 3 м.

Скотный двор горизонта $е_2$ был огорожен, несомненно, плетенкой первого рода с горизонтальным вплетением прутьев. Вход находился в северо-восточной стороне ограды (в квадрате $В_4$),[1] где его отмечают два боковых столба; укажем также, что уличные мостки (о них речь далее) как раз подводят к этому месту. Внутри двора залегали мощные пласты навоза и местами встречались весьма редкие фрагменты дерева — бревен, плах. Наблюдались также остатки вкопанных в землю толстых столбов, но какой-либо закономерности в их расположении установить не удалось. Из особенностей устройства скотного двора интересно следующее. Вдоль ограды и местами непосредственно на ней лежали жерди,

---

[1] Напомним, что квадраты мы указываем обозначениями пикетов юго-восточного угла.

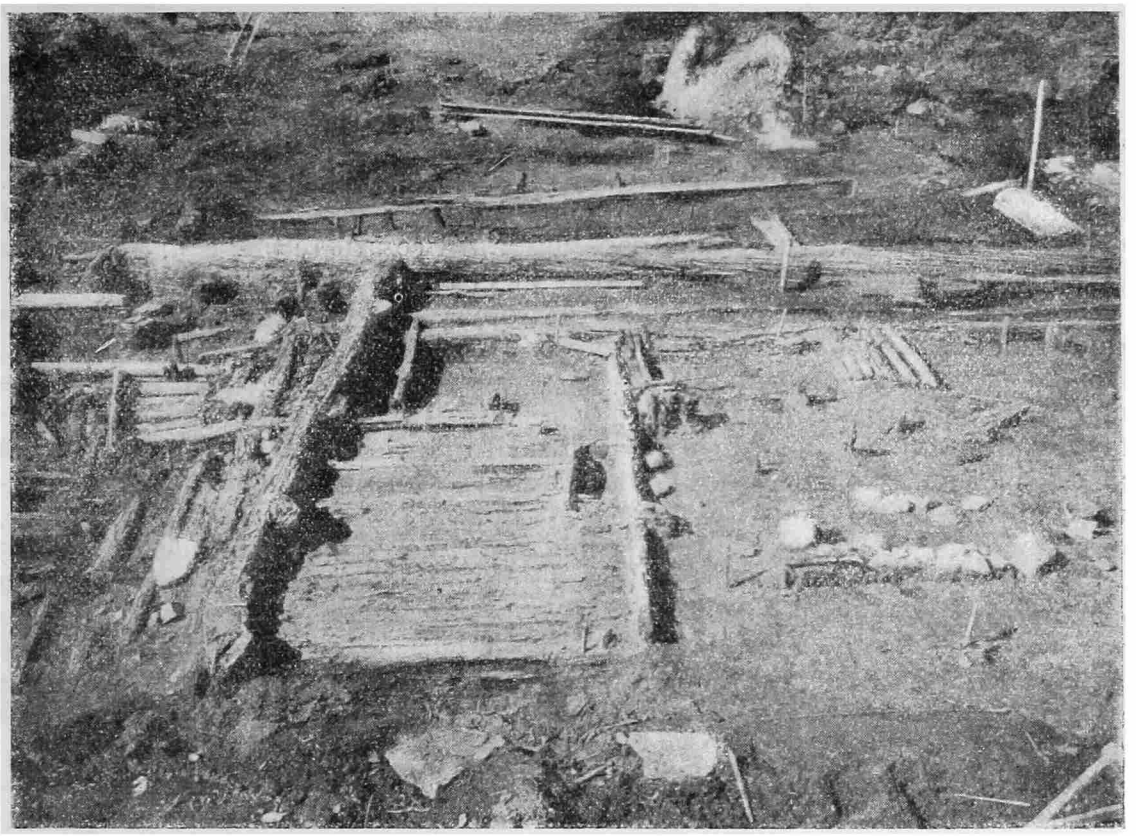


Рис. 14. Остатки настила пола в жилой части избы. Горизонт e_2.

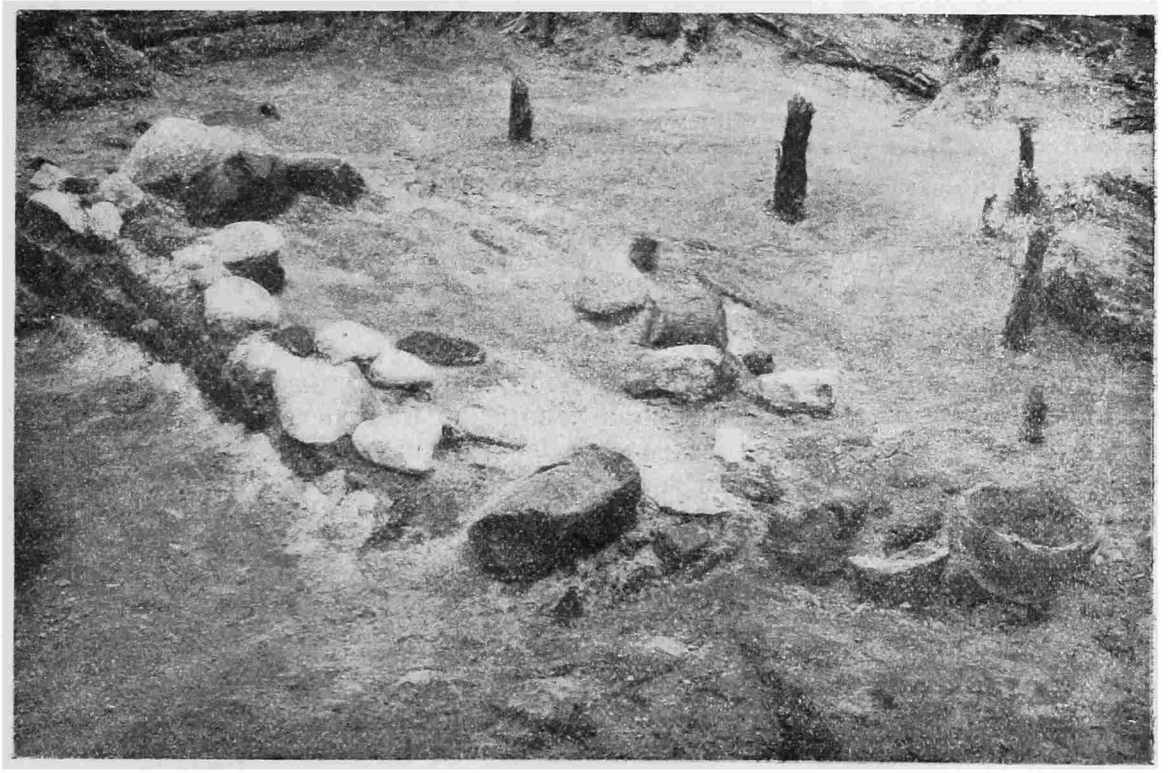


Рис. 15. Остатки печи, открытой в центре жилой постройки из горизонта e_2.

которые хорошо видны на рис. 4, в восточной части ограды. Это остатки или самой ограды (жерди от плетня), или, может быть, коновязи.

Таково устройство скотного двора в горизонте e_2, насколько его удалось выяснить по сохранившимся остаткам. Вопрос о перекрытии остается невыясненным. Конструкция перекрытия могла быть здесь только столбчатой, а материал перекрытия — легким (солома, кора). Однако, как указывалось, сохранившиеся внутри двора столбы не дают оснований для реконструкции перекрытия. Все эти технические вопросы должны найти ответы в последующих раскопках на новых участках.

Надворные мостки. В горизонте e_2 была раскрыта одна особенность, так сказать, «благоустройства» поселения — уличные или, вернее, надворные мостки. Один ряд таких мостков шел по направлению от входа в жилой дом к входу в скотный двор (выступающий к западу узкий нижний настил входного мостика и соответствующий южный конец мостков уходят в западную стенку нашего раскопа, поэтому прямой контакт между ними не наблюдается, но, как видно по чертежу, он будет обнаружен где-нибудь в квадрате, соседнем с запада с квадратом A_{II}). Другой ряд мостков настлан примерно по средней линии нашего раскопа в направлении З—В от квадрата A_1 и до квадрата $Л_2$, где он уходит в восточную стенку раскопов по направлению к Волхову. На западе этот ряд соединяется с мостками, ведущими от жилой постройки к скотному двору, и далее проходит как раз в проулке между скотным двором и амбаром.

Мостки не везде сохранились полностью (местами — только отдельными элементами), но некоторые их звенья представлены всеми элементами, и потому устройство мостков выступает со всей очевидностью. Они состоят из плах или расколотых бревен, настланных (до четырех лежащих рядом друг с другом плах) на поперечных подкладках — коротких бревнах и чурбанах.

Наличие мостков здесь вполне понятно. Место было сырое, навоз выкидывался прямо по соседству с постройками; грязь, следовательно, была непролазная, особенно осенью и весной.

Итак, горизонт e_2 в нашем раскопе 1947 г. дает нам действительно, как указывалось, целостную, законченную картину жилого гнезда древнейшей Ладоги: большой жилой дом, амбар или кладовая, скотный двор, причем единство, связь всех этих элементов жилья и его хозяйственного окружения подчеркивается соединяющими их мостками.

4. ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОРИЗОНТА e_2 В РАСКОПЕ Н. И. РЕПНИКОВА

Под наименованием II яруса горизонт e_2 продолжается, как упоминалось, в раскопе Н. И. Репникова и показан на его чертеже. Это доказывается как стратиграфическими совпадениями (высотными отметками), так и следами пожарища в некоторых отмеченных Н. И. Репниковым комплексах во II ярусе, аналогичными следам в нашем горизонте e_2.

К сожалению, чертеж (план) Н. И. Репникова (рис. 25) явно не полон и, повидимому, не совсем точен. Кроме того, в нем в ряде мест даны в проекции очертания некоторых второстепенных комплексов, залегающих на разных уровнях (до трех комплексов, а может быть, и более на одном месте), и определить, какой из них относится точно к нашему горизонту e_2, — невозможно, так как обгорелость дерева на самом чертеже не показана (о ней только в одном случае упоминается в тексте), а описания совершенно лаконичны и, в сущности, мало что разъясняют. Приводим текст этих описаний полностью.

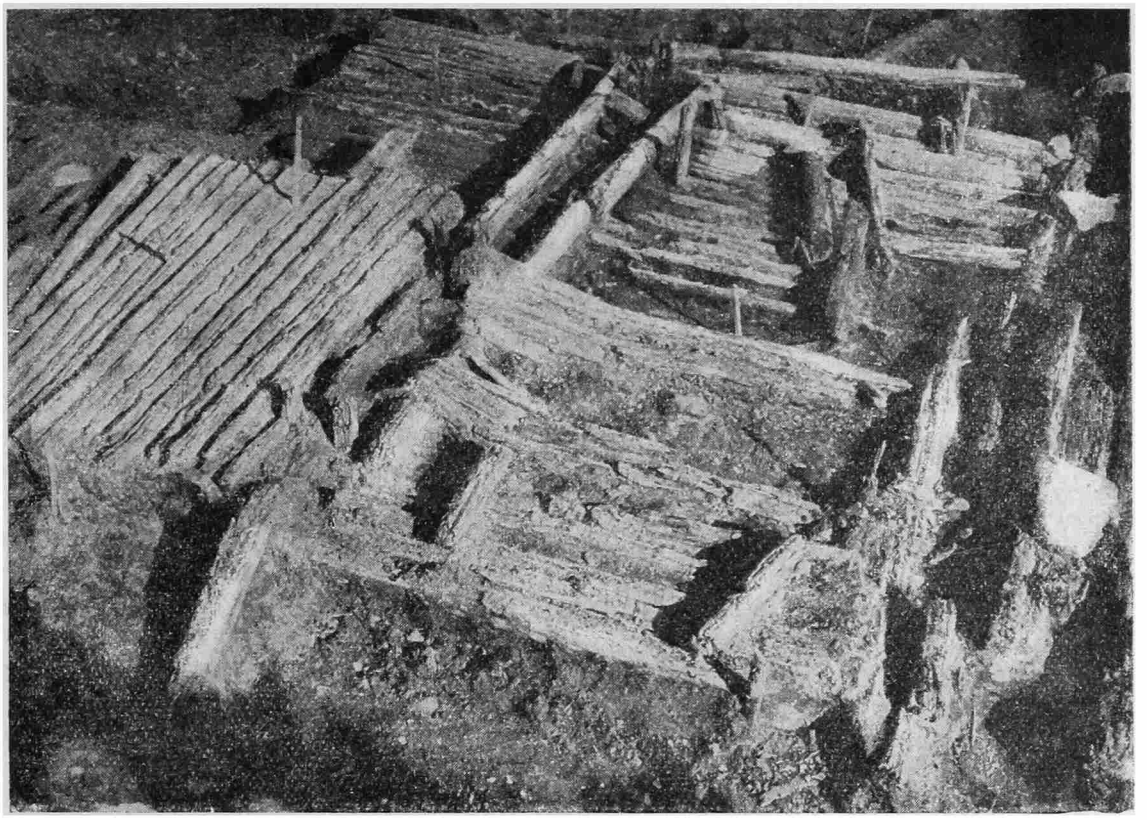


Рис. 16. Сени с остатками настила пола перед жилой избой из горизонта e_2.

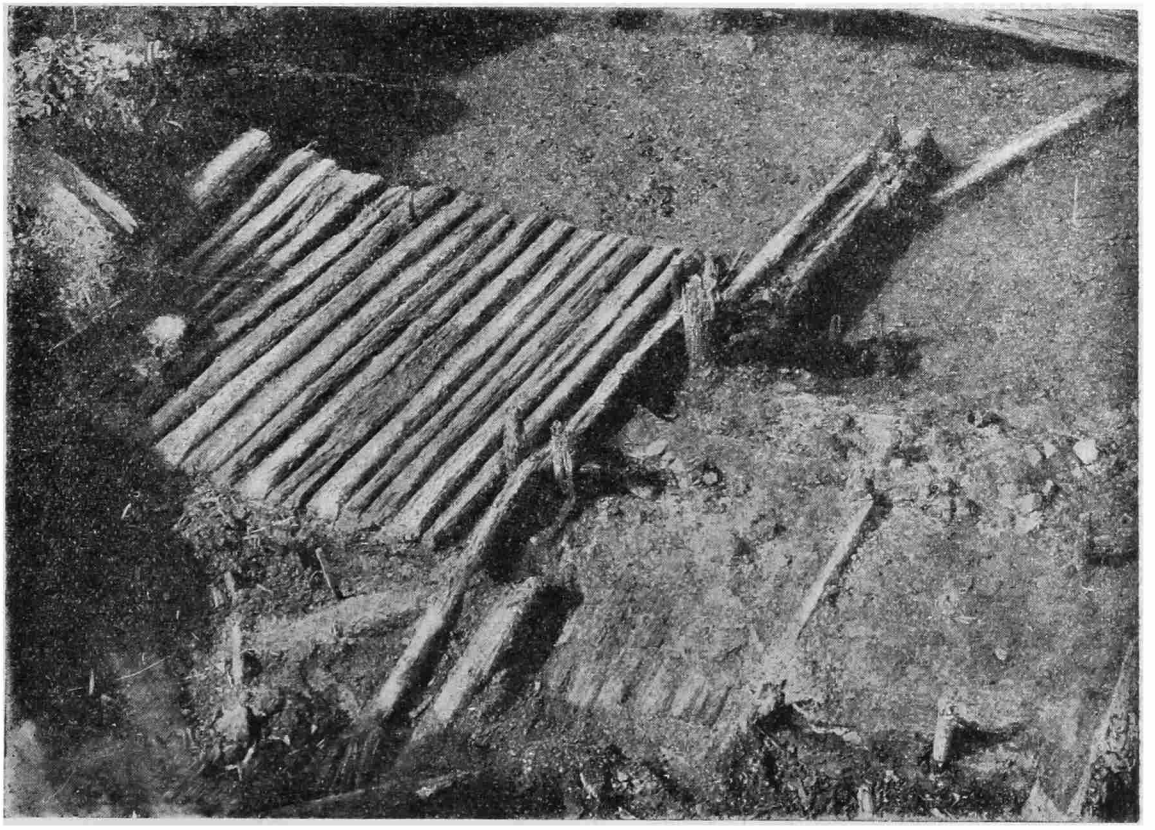


Рис. 17. Входной мостик и настил перед сенями постройки из горизонта e_2.

«Второй ярус представляет остатки сооружений из сосновых бревен по преимуществу; ель встречается в виде исключения.

«Вдоль северного края раскопанной площади были обнаружены остатки сооружения, уходящего в большей своей части в нерасследованную толщу городища.

«В западном направлении остатки сооружения перекрывают угол сруба с налегающим на него помостом из жердей, перевязанных по концам лежнями со вбитыми по сторонам их кольями.

«Еще далее к западу наблюдается аналогичный настил, но бо́льших размеров, и вымостка из параллельных бревен.

«К югу от указанных остатков находились два налегающих друг на друга венца срубов, тщательно врубленных по углам. Среди описываемых оснований постройки лежали бревна, сдвинутые со своего первоначального места. На восточном и западном углах постройки стояли пни. Верхняя часть пней сильно деформирована (от ударов).

«К ЮВ обнаружено аналогичное же сооружение. Около него лежали отдельные части бревен, сброшенные со своего первоначального места. В числе их обломок бревенчатой приставной лестницы с врубленными ступенями.

«Вдоль южного края вскрытого участка из не раскопанной еще толщи городища выступали части какой-то крупной постройки из бревен.

«Несколько далее к западу — еще один настил из бревен, обвязанный срубленными по углам бревнами.

«Весь ЮЗ угол вскрытого второго яруса построек был занят остатками крупного сооружения. От последнего сохранились нижний ряд венцов бревенчатого сруба, остатки пола и жердей и плах, а посредине очаг-каменка.

«Упомянутый очаг-каменка состоял из субструкции (белый песок — прослойки глины), поверх которой наложены камни. По краям все сооружение закреплялось рядом вбитых кольев».

Из данных чертежа Н. И. Репникова мы с уверенностью можем учесть планы собственно только двух комплексов. Это, во-первых, настил, показанный в северо-западном углу его раскопа и являющийся, повидимому, частью бокового (южного) настила привходного устройства нашего жилого комплекса в горизонте e_2, и, что самое главное, замечательный комплекс жилой постройки в юго-западной части раскопа. Остатки сооружений вдоль северного края раскопа, уходящие, по мнению Н. И. Репникова, «в неисследованную толщу раскопа», должны были бы получить соответствия как раз в нашем раскопе (например два лежащих под прямым углом в средней части северного края раскопа бревна могли бы быть продолжением нашего жилого дома в горизонте e_2), но этого нет, что, очевидно, объясняется неточностью чертежа Н. И. Репникова.

Остановим наше внимание на юго-западной постройке II яруса. Это бревенчатый дом, срубленный, судя по фотографиям (рис. 20), в обло, от которого сохранилось до четырех нижних венцов. Он почти квадратный в плане и занимает площадь 42 кв. м (6 × 7 м). Однако, если прибегнуть к фотографиям, нет никакой уверенности в том, что на чертеже Н. И. Репникова показан весь комплекс. Повидимому, здесь был другой сруб, уходящий в западную стенку раскопа. Северная стена прорезана срубом очень позднего (вероятно XVI—XVII вв.) колодца. Как будто (опять-таки, судя по фотографиям) и этот дом был окружен завалиной. С востока к дому прилегает мостик, вероятно входной, аналогичный описанным выше, но его положение на чертеже показано несколько южнее продольной оси постройки, и он не вплотную прилегает к ней.

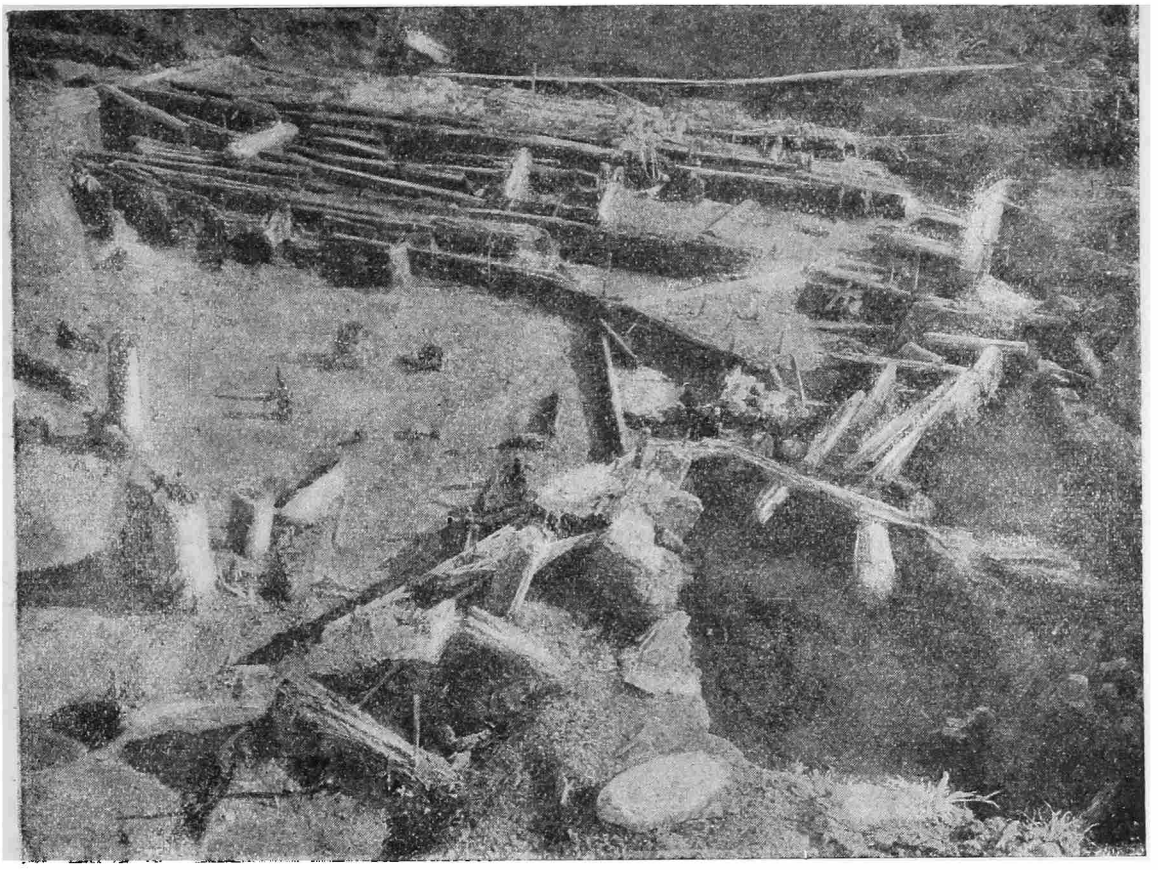


Рис. 18. Колья ограды скотного двора из горизонта e_2.

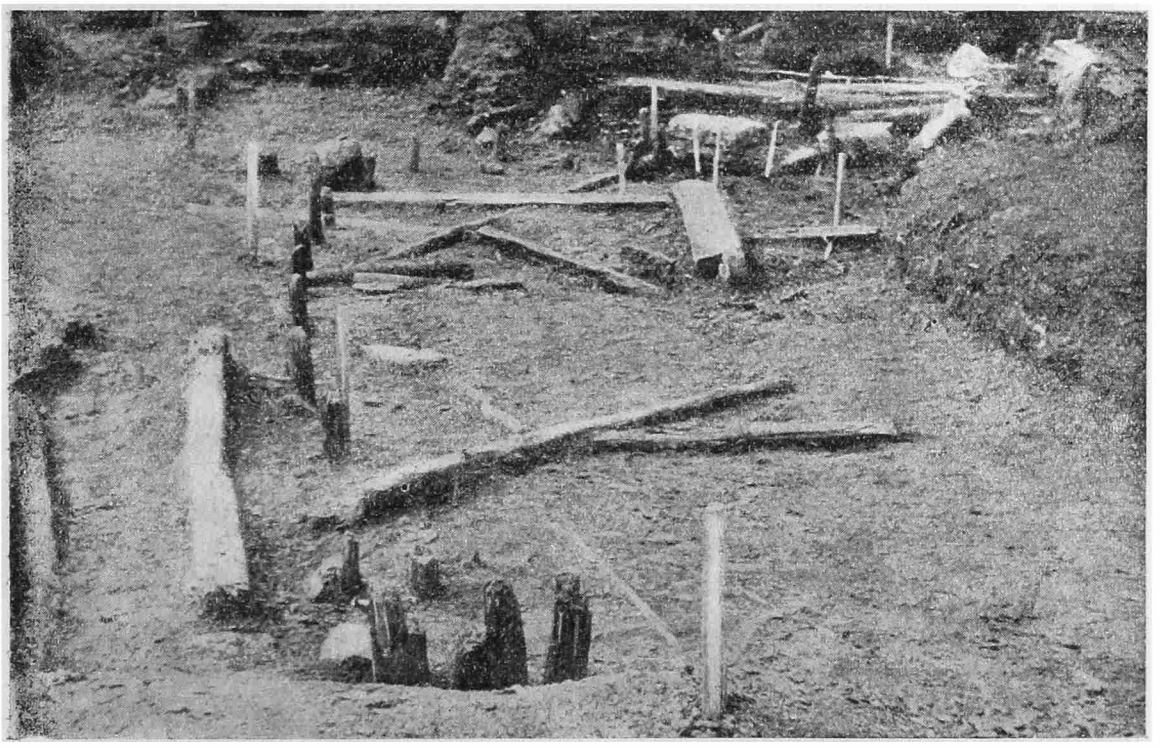


Рис. 19. Колья ограды скотного двора из горизонта e_2.

Однако, судя по фотографии (рис. 26), впереди восточной стены постройки было небольшое преддверие, так как, по крайней мере, верхнее северное бревно сруба постройки очень сильно выступает вперед и концом соединяется с перепендикулярным к нему бревном, идущим параллельно восточной стене раскопа. Западный край мостика на фотографии вплотную прилегает как раз к этому последнему бревну.

Внутри постройки местами видны деревянные настилы пола. В самой середине жилого пространства расположена печь, изумительно (судя по фотографиям) сохранившаяся (рис. 25, 26). В плане она прямоугольна (по чертежу размерами 1.20 × 1.50 м), сложена из камней сводом, при этом свод не рухнул; отчетливо видно устье (в восточной стенке) и под печи. С боков печь была укреплена вбитыми в землю близко друг к другу кольями.

В целом описанный комплекс совершенно аналогичен нашим комплексам всех горизонтов толщи *е*, но меньше их по площади.

5. ГОРИЗОНТ e_3

На глубине от Р 1.70—1.90 (2.5 м ниже поверхности) непосредственно на древней почве залегает наш культурный горизонт e_3 (рис. 5), относящийся ко времени первого заселения данного участка Ладоги. Он представлен тремя комплексами построек — жилым домом и двумя хозяйственными сооружениями.

Жилая постройка расположена примерно на том же участке раскопа, что и вышележащие к юго-западу от линии A_1—$Ж_0$, но ее продольная ось значительно отклоняется от осей верхних построек и ориентирована почти точно с запада на восток. Полностью постройка еще не раскрыта. Ее западная часть, представляющая, в сущности, пристройку к основному срубу, составляет вместе с ним единое целое; она вплотную прилегает к срубу, по ширине в точности ему соответствует и окружена той же общей для всей постройки канавой. Ввиду недоисследованности этой части сооружения, мы о ней говорить пока не будем и сосредоточим наше внимание на раскрытой полностью его восточной части.

Это квадратный в плане сруб в обло, размерами около 7.5 × 6.6 м (по наружным концам бревен), с внутренней площадью около 45 кв.м (рис. 27). От сруба сохранилось до двух венцов. Нижние бревна лежат на подкладках — каменных (валуны, известняковые плиты) и деревянных (чурбаны). С трех (наружных) сторон сруб окружен рядом бревен (завалина), укрепленных вбитыми в землю колышками. Внутри постройки идут в продольном направлении два параллельных ряда столбов, расположенных строго друг против друга, по пяти столбов в каждом ряду. Столбы делят жилую площадь почти точно на три равных части. Может быть, это остатки столбчатой конструкции перекрытия, вероятнее же всего они имели другое назначение: служили опорами внутренних перегородок. Крайне любопытно то обстоятельство, что пол в полосе между рядами столбов устроен из плотно утрамбованной и даже обожженной глины, в то время как между столбами и стенами он земляной. Столбы встречаются и в других точках жилой площади постройки, но закономерности в их расположении не улавливается.

В средней части постройки между рядами столбов находится печь (рис. 28 и 29), в плане прямоугольная и довольно значительных размеров, около 3.5 м длиной и до 1.5 м шириной. Она сложена на субструкции из песку, преимущественно из известняковых плит. С севера печь укреплена бревном и рядом вбитых кольев. Последние прослеживаются и вдоль остальных стенок печки. Южная стенка развалена и частью,

Рис. 20. Колья ограды скотного двора из горизонта e_2.

Рис. 21. Прутья большой корзины, найденные близ ограды скотного двора. Горизонт e_2.

видимо, разобрана. По всей вероятности, и здесь находилось бревно, параллельное северному. Устье устроено в восточной стенке, перед ним лежат наружные плиты.

Снаружи вся постройка вместе с ее недоисследованной западной частью окружена осушительной канавой, ныне, конечно, расплывшейся, деформированной. Ширина канавы в ее настоящем состоянии до 1.20 м, глубина до 0.5 м.

Наружный вход в постройку, несомненно, был устроен в западной стене всего сооружения, и до него мы еще не докопались.

В том же горизонте открылись две хозяйственных пристройки. Судя по глубине залегания и по ориентировке продольных осей, согласных с ориентировкой жилой постройки, они были связаны именно с ней. Одна, плохо сохранившаяся (находится в северной части раскопа), представляет фрагментарные остатки сруба, размерами около 5 × 5 м, с внутренним дощатым настилом. Постройка скорее всего — амбар — окружена осушительной канавой.

Другая пристройка находилась в квадратах между линиями $З_{I}Л_{I}$ — $З_{II}Л_{II}$ — к СЗ от жилой постройки. Это сруб в обло площадью около 4.5 × 4.6 м с внутренними настилами из бревен и плах. Судя по заполнению навозом, — это хлев, при этом явно с секционными делениями (в восточной части), предназначавшимися, скорее всего, для особого содержания молодняка. Передняя стенка в нем не прослежена. Вместо нее здесь залегал описанный уже плетень в виде рамы из жердей с вертикально вплетенными прутьями, который мы определили как откидную загородку (рис. 24).

Все постройки горизонта e_3 выстроены на очень сырой заболоченной почве, чем и объясняется наличие осушительных канав вокруг двух из этих построек. По той же причине на значительной части площади между постройками здесь была устроена вымостка из камней и кусков известняковой плиты (рис. 30). Местами плиты и камни лежат в несколько рядов друг над другом.

Почему для первичного заселения был выбран столь неудобный заболоченный участок земли? Нам кажется, что здесь мы имеем дело не с центральной, а с периферийной частью поселения. Здесь селились, так сказать, по нужде, не желая отрываться от поселения в целом, но уже не располагая более удобными местами. Центральная часть поселения располагалась севернее, в более возвышенной местности на мысу между речкой Ладожкой и Волховом, там, где в настоящее время высится каменная крепость. Раскопки внутри крепости могли бы дать наиболее интересные результаты, но, к сожалению, эта площадь перекапывалась христианскими могилами, начиная с XIV в. — со времени основания Георгиевского монастыря, а может быть, и с более раннего времени, так как церковь Георгия была выстроена в крепости уже в XII в. — и вплоть до советского времени. Однако мы не оставляем намерения произвести здесь раскопки в надежде отыскать хотя бы незначительные участки ненарушенного культурного слоя.

Продолжение нашего горизонта e_3 в раскопе Н. И. Репникова не дает сколько-нибудь существенных материалов. Автор пишет об этом ярусе только следующее.

«Третий ярус построек в северной половине вскрытого участка представлял остатки сильно разрушенных построек из прекрасно сохранившихся сосновых бревен. Последние в большинстве были сброшены со своего первоначального места. Лишь вдоль западной стены раскопа наметился уходящий в толщу городища угол постройки in situ. Венцы этой постройки срублены весьма тщательно в два ряда бревен.

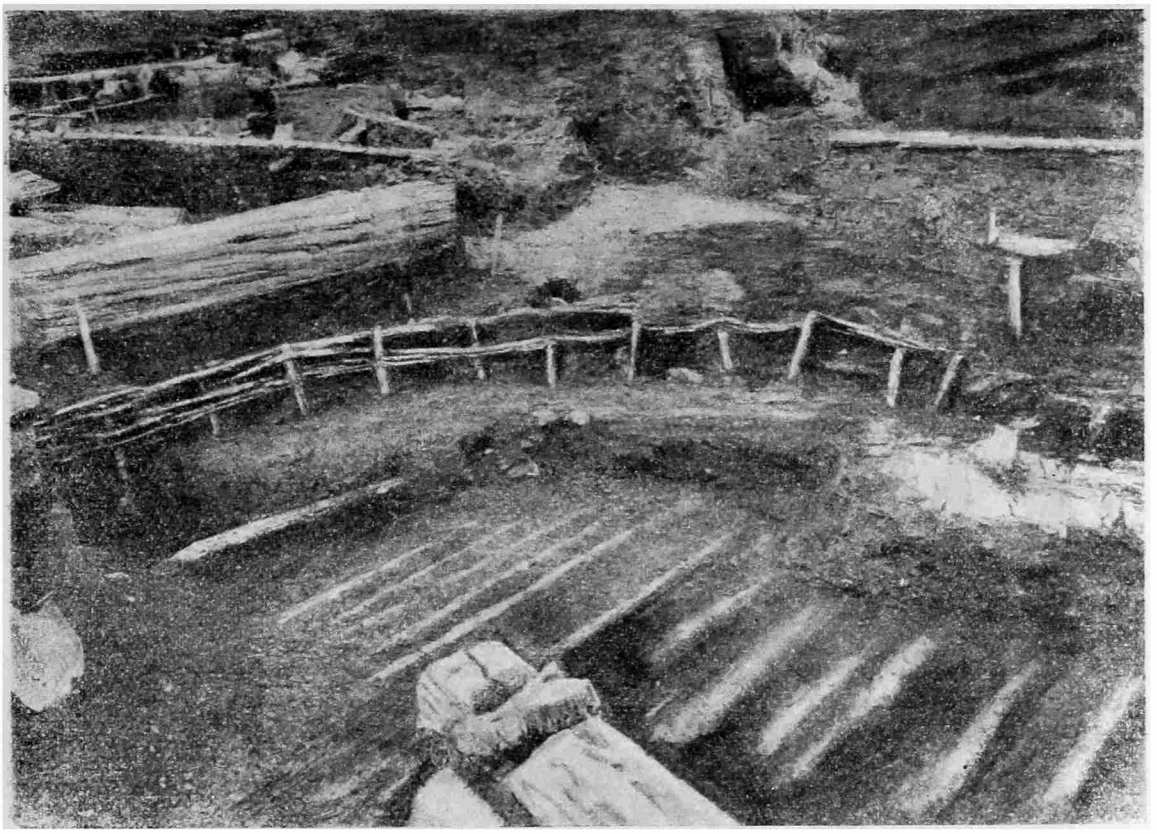


Рис. 22. Часть плетневой ограды скотного двора под восточным бревном жилой избы из горизонта e_2.

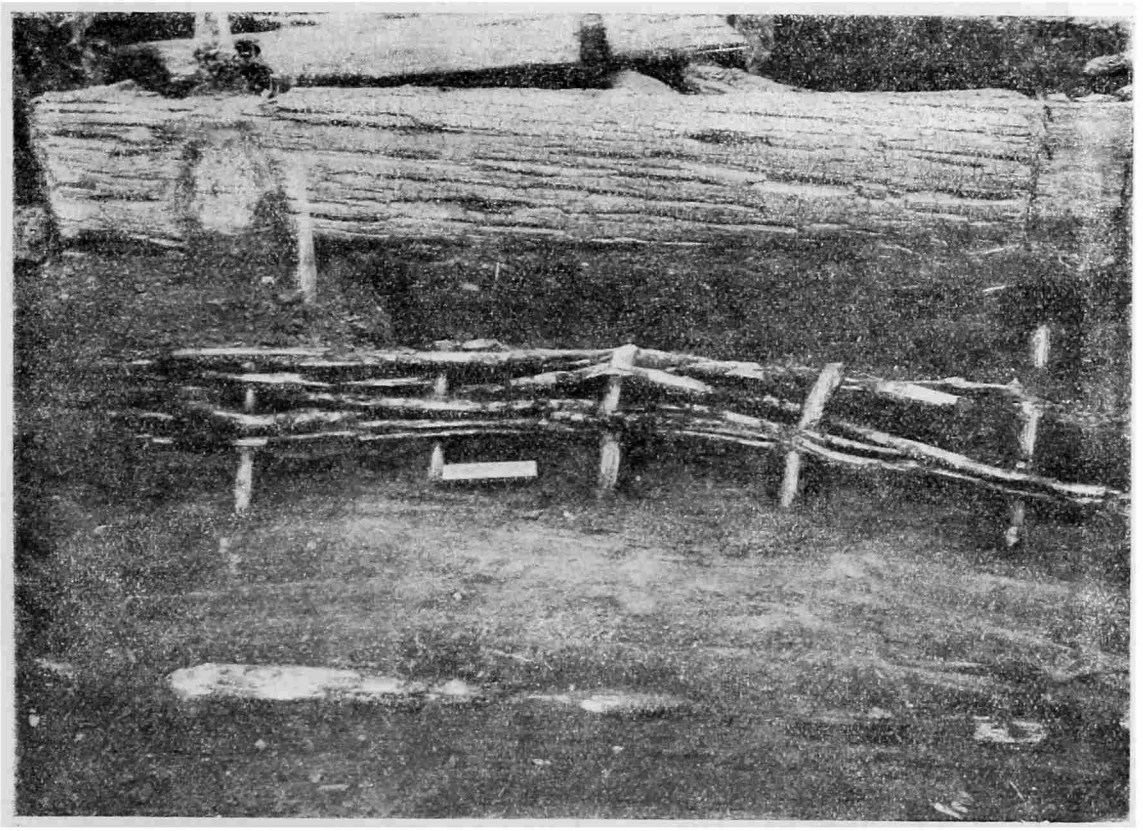


Рис. 23. Часть плетневой ограды скотного двора под восточным бревном жилой избы из горизонта e_2.

«В южной половине раскопанной площади находились прекрасно сохранившиеся настилы. Бревна их на концах имели вырубки, по которым проходили поперечные лежни. С испода настилы были подложены бревенчатыми лежнями.

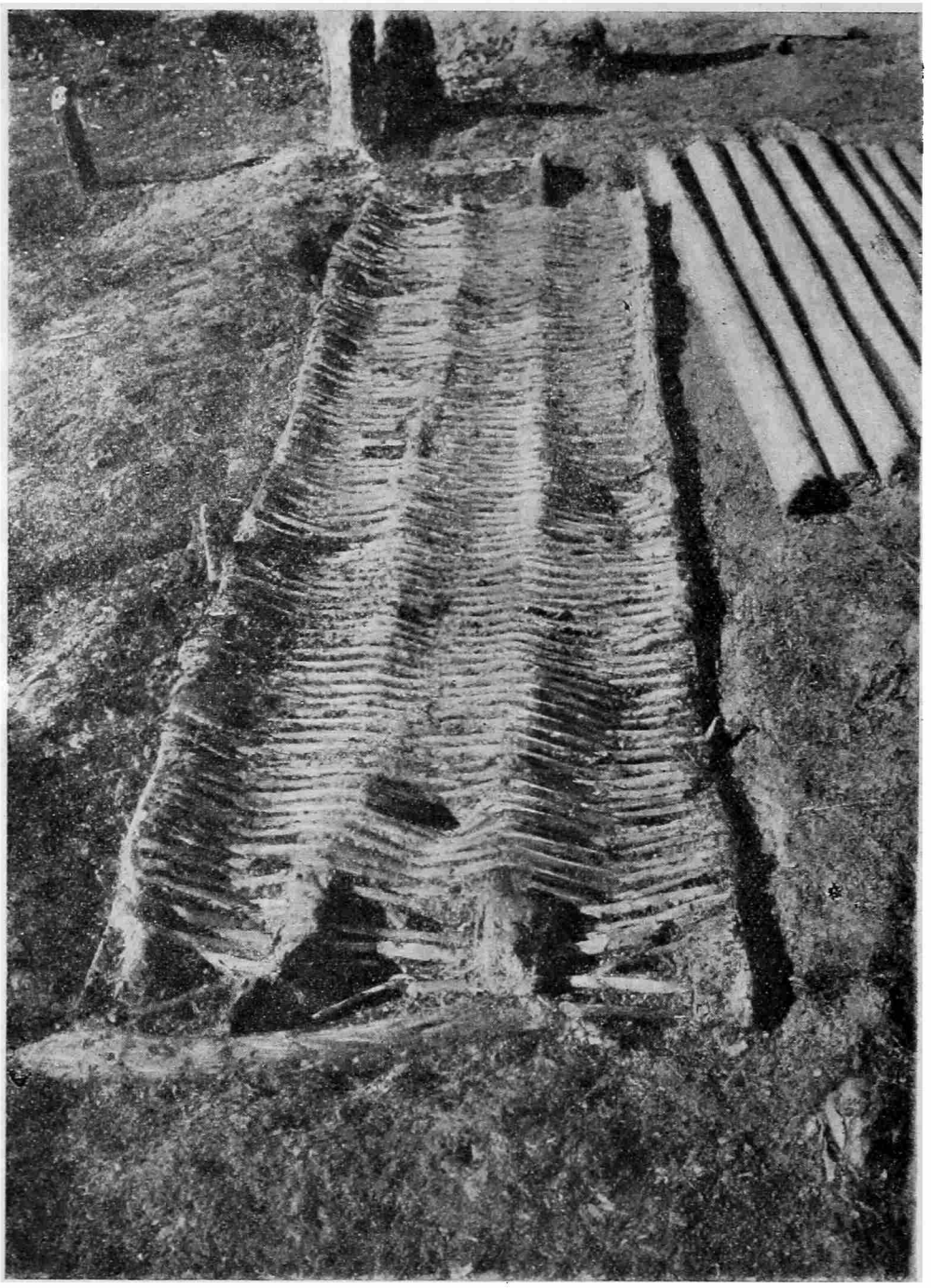


Рис. 24. Плетневая откидная загородка, найденная перед срубом хлева. Горизонт e_3.

«На уровне третьего яруса построек, непосредственно на стерильном слое чернозема, обнаружились остатки двух очагов. Первый — в северной половине раскопа — состоял из субструкции (глина, белый песок), по верху которой проходила глиняная обмазка и куски плит. Поверхность сохраняла следы огня. По бокам очага имелись вбитые

в землю колья. Второй — в южной половине раскопа — состоял из аналогичных субструкций, имея вытянутую прямоугольную форму. Поверх очага шла деревянная, обмазанная глиной обвязка из бревен, укрепленная по краю вбитыми кольями».

Таким образом, в данном горизонте раскопа Н. И. Репникова представлены или бесформенные развалы построек, или части комплексов,

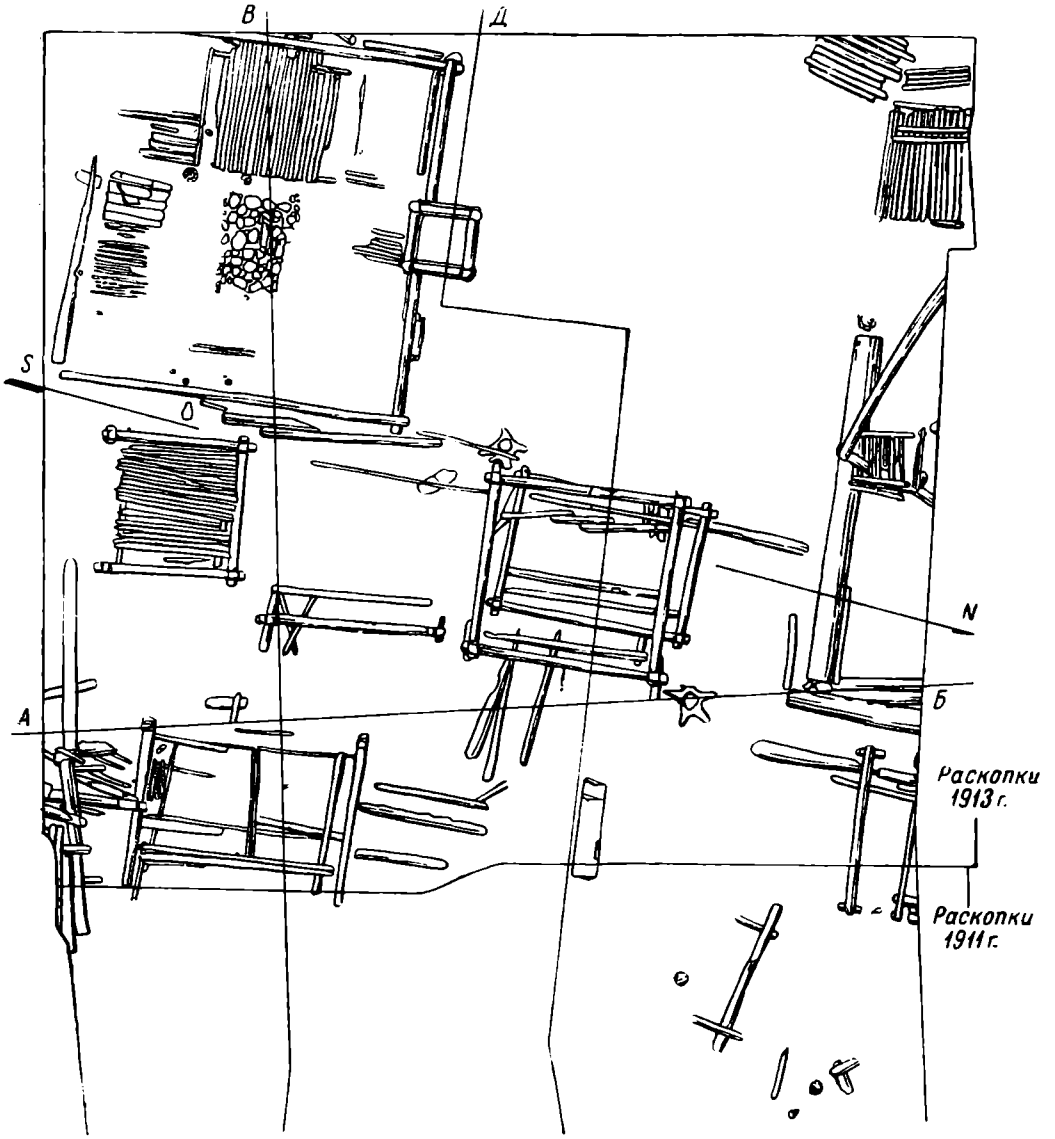


Рис. 25. План остатков деревянных сооружений II яруса, открытых Н. И. Репниковым в 1911—1913 гг.

уходящих за пределы раскопа. Любопытны указываемые исследователем очаги, или, вернее сказать, печи. Если они были, действительно, открытыми, то, значит, предназначались для приготовления пищи в летнее время.

6. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕРЕВЯННЫХ ПОСТРОЕК НИЖНЕЙ ТОЛЩИ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ЛАДОГИ

Хотя исследованная нами и Н. И. Репниковым общая площадь толщи *е* культурного слоя Ладоги, конечно, еще весьма незначительна, но повторяющиеся в разных горизонтах этой толщи особенности построек

дают уже сейчас основания для некоторых, вероятно надежных, выводов.

Относительно жилищ можно даже говорить об их типовых особенностях, удерживавшихся в течение, как увидим, двух-трех столетий. Нас поражают прежде всего размеры этих жилищ: 42 кв. м в раскопе Н. И. Репникова, около 90—100 кв. м в горизонте e_3 (только восточный сруб этой постройки занимает площадь около 45 кв. м; западная половина ее, нами полностью не раскрытая, судя по раскрытой части, имеет не меньшие размеры), около 70 кв. м (вместе с сенями) в горизонте e_2 и, наконец, до 80 кв. м в верхнем горизонте e_1. Стремление строителей таких жилищ к увеличению площади было настолько велико, что они, как видно по конструкции постройки в горизонте e_1, не всегда удовлетворялись естественной длиной и без того длинных (в данном случае около 10 м) бревен, но наращивали их.

Это настоящие большие дома — в строгом смысле слова, с площадью, в 2—5 раз превышающей площадь индивидуализированных домов-изб, появляющихся в нашем горизонте *д* (X в.) и в дальнейшем сохраняющих свои скромные размеры, а также, в основном, план и конструкцию до XVII—XVIII вв. Если принять среднюю численность малой крестьянской или посадской семьи, обитавшей в таких индивидуализированных домах, за 6—7 человек (муж, жена, 2—3 детей, 1—2 старших члена семьи), то пропорционально площади в больших домах толщи *е* должны были обитать коллективы от 15 до 25—35 человек.

Цифры эти, конечно, приблизительны, но, во всяком случае, наши большие дома, несомненно, были жилищами коллективного типа.

Далее, в них выступают следующие общие черты конструкции и планировки: 1) наличие наружного привходного устройства (прототип древнерусского крыльца) в виде мостиков в одном случае (горизонт e_2) и боковых настилов; 2) самое интересное — центральное расположение печей (в отличие от угловой X в. и позднее), совершенно очевидное единство печи, или очага, для всего коллектива обитателей дома, а тем самым, следовательно, и единство потребления, единство коллективного хозяйства. В такой печи варилась и жарилась пища для всех, а продукты брались из коллективных запасов.

Одна печь обогревала всех обитателей большого дома — до 30—35 человек; и если дать волю воображению, то легко можно представить себе весьма правдоподобную картину, как вокруг такой пылающей печи (не даром же она находится в центре жилья) собирались в зимние вечера все главы и домочадцы дома и сообща обсуждали очередные, важные для них хозяйственные и другие вопросы. Ведь именно так собиралась у своего очага, например, южно-славянская задруга.

Устройство перекрытия нами еще недостаточно выяснено. Оно было, повидимому, стропильным, но в одном случае (горизонт e_3), возможно, столбчатым. Для таких больших построек оно, несомненно, представляло сложную задачу.

Но как бы то ни было, совершенно ясно одно, что люди, сооружавшие из огромных (до 0.50—0.60 м толщины в комле и до 10 м длины) бревен свои большие дома и умевшие устраивать на них крышу, уже в VII—VIII вв. (о хронологии — см. ниже) великолепно владели техникой деревянного зодчества, техникой плотницкого дела. Только давняя традиция деревянного строительства, которая могла сложиться лишь в среде коренных обитателей леса, привела к выработке таких замечательных строительных приемов, к такому мастерству, которые воплощены в древних больших домах Старой Ладоги. Эта традиция и впоследствии была сохранена и развита новгородцами (к ним, конечно, относятся и ладо-

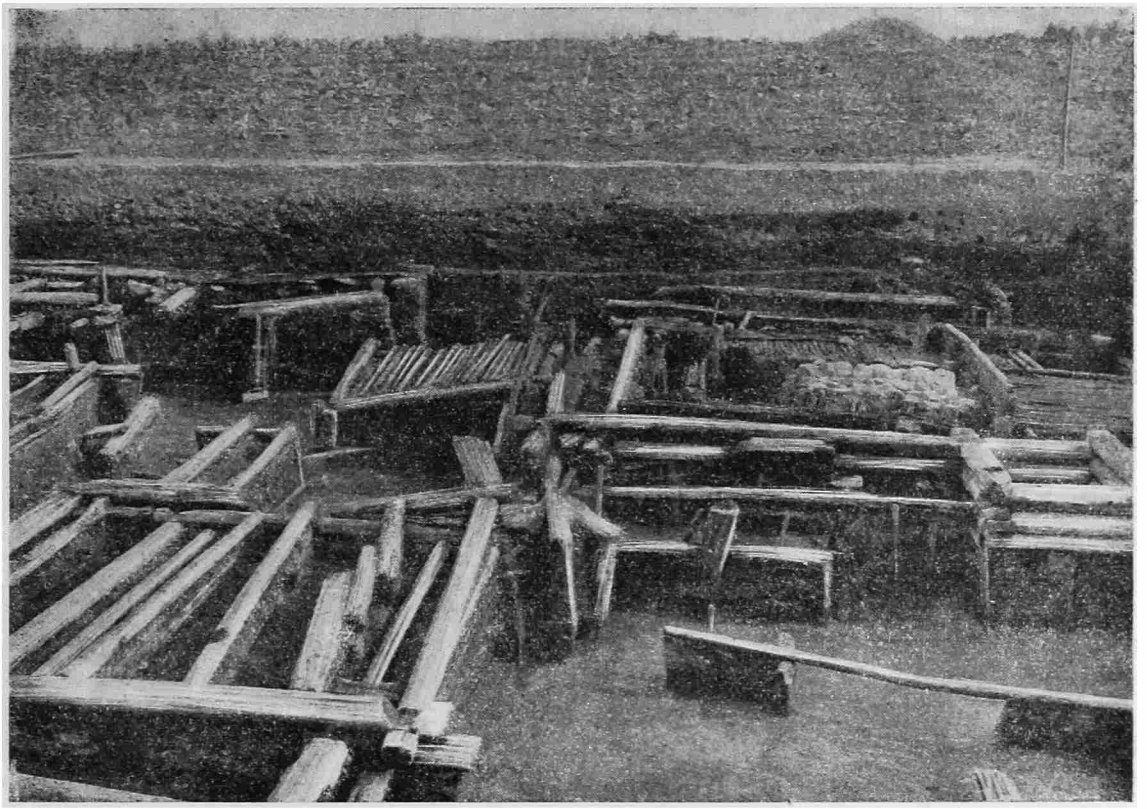


Рис. 26. Общий вид остатков деревянной жилой постройки II яруса, обнаруженных в раскопках Н. И. Репникова. Фото Н И. Репникова.

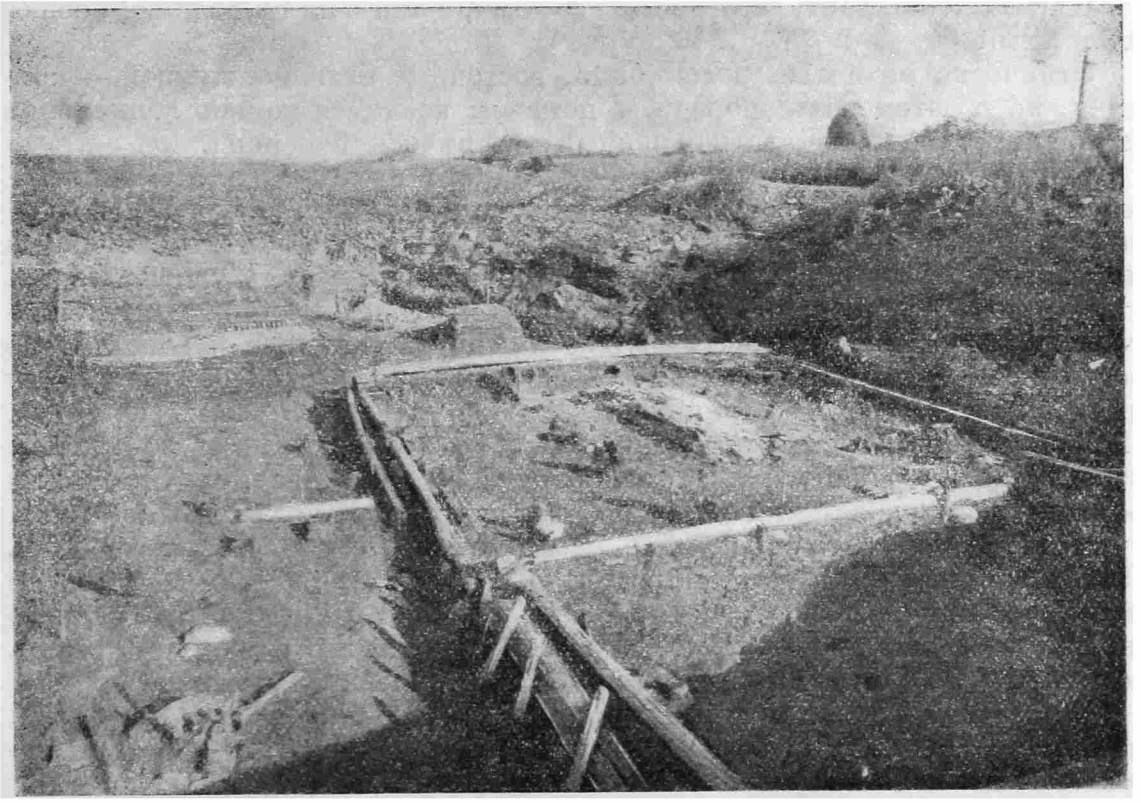


Рис. 27. Общий вид остатков жилой избы из горизонта e_3. Раскопки 1947 г.

жане), среди которых, согласно известному выражению летописи (под 1016 годом) «а вы плотницы суще, а приставим вас хоромы рубить», были первокласные знаменитые на всю Русь плотники. Мы чувствуем эту традицию в первой новгородской Софии 989 г., срубленной «из дуба о 13 верхах». Мы воочию видим ее в изумительных позднейших деревянных храмах северной Руси, вплоть до таких совершенных и, конечно, чисто народных памятников, как двадцатидвухглавая церковь в Кижах или ее аналог — церковь в Вытегре.

И в более тонкой обработке дерева ладожане владели высоким мастерством, судя по многочисленным находкам деревянных изделий в толще *е*; в их состав входят долбленая посуда, вещи с резьбой и скульптурными украшениями.

Хозяйственные пристройки к описанным большим домам также имеют типичные особенности. Скотный двор, или загон, площадью свыше 60 кв. м, окруженный плетнем, обнаруженный нами в горизонте e_2, не исключение, так как часть стенки другого такого же двора открыта нами на несколько более низком уровне в другом месте раскопа. В таких дворах стояли десятки голов скота — целое стадо. Наряду с ними, мы имеем в горизонте e_3 бревенчатый хлев меньших (около 25 кв. м), по сравнению с хлевами из горизонта X в. (где площадь их не превышает 9 кв. м), но все же значительных размеров.

Амбары и кладовые также относительно велики по площади: в горизонте e_2 — до 25 кв. м, в горизонте e_3 — также около 25 кв. м, в то время как, например, кладовая или житница крестьянского двора в горизонте X в. имеет в плане размеры всего около 4.5 кв. м.

Значит, и в пристройках к большим домам перед нами выступают признаки коллективного и довольно крупного для своего времени хозяйства.

Какие же коллективы строили эти дома, жили в них и вели свое общее хозяйство?

Этнически это были, несомненно, восточные славяне, думаем — кривичи, но об этом речь впереди, а пока мы коснемся только социальной природы населения Ладоги в данный исторический период.

При решении этого вопроса нам должны помочь аналогии описанным постройкам. Большие дома появляются в истории очень рано — еще в период матриархата, что очень хорошо известно из археологии и этнографии. У нас они представлены, например, в культуре Триполья. Но тогда — в период матриархата — они были секционированы и многоочажны, так как предназначались для обитания хотя и общины, но состоявшей из парных семей, имевших каждая обособленную камеру для жилья. Аналогиями для ладожских домов они служить не могут. Первой, хотя и весьма отдаленной как по времени, так и по технике строительства, однако, все же подходящей для нас аналогией являются большие жилища-землянки или полуземлянки срубно-хвалынской культуры эпохи бронзы (раскопанное нами поселение у Костенок на Дону, Ляпичево, поселения на р. Иргизе и др.), достигающие иногда 200 кв. м площади, причем очаги в них (1—2 на жилище) занимают центральное положение. Едва ли не все исследователи, изучавшие такие памятники, согласны с тем, что это тип патриархально-семейного жилища.

Большие деревянные дома известны в позднелужицкой культуре; например в Бискупинском поселении (юго-западная Польша) они достигают площади в 80 кв. м; хотя они здесь и секционированы, но имеют патриархально-семейный характер.

Более близкими аналогиями, если не по размерам, то по плану, являются бревенчатые дома на городищах середины I тысячелетия н. э.

Рис. 28. Остатки большой печи, сложенной из известняковых плит. Горизонт e_3.

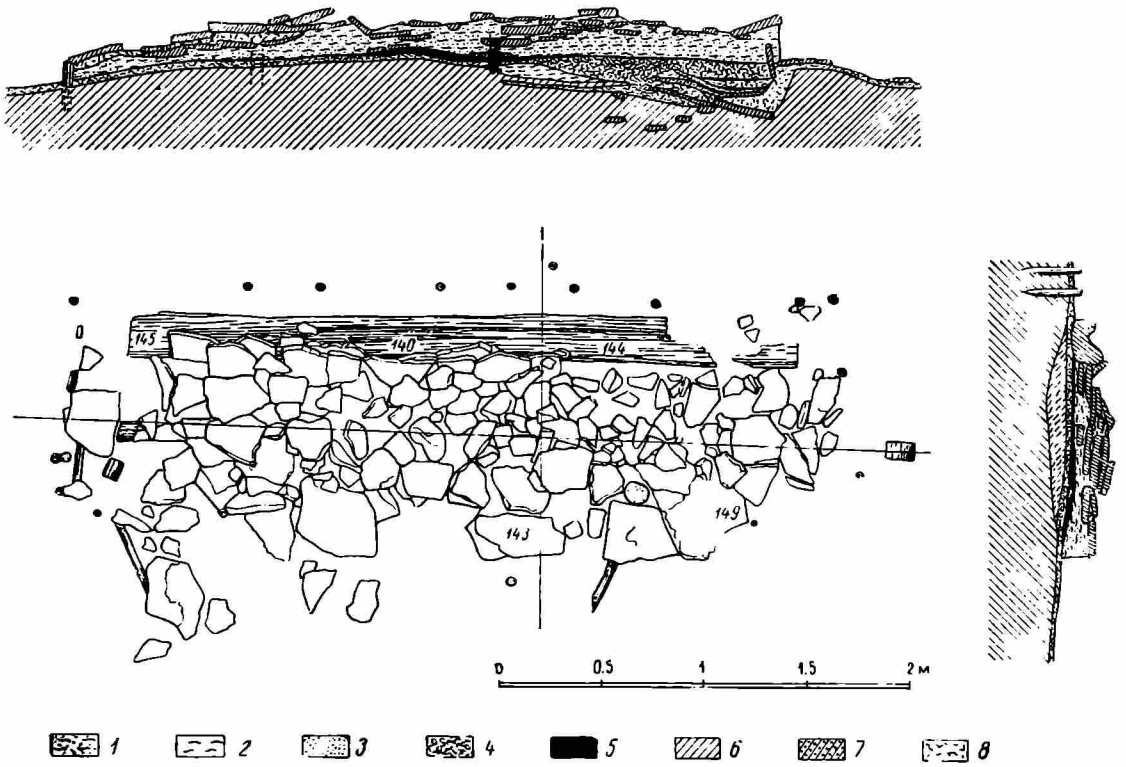


Рис. 29. План и разрезы печи из большой постройки. Горизонт e_3.

1 — песчано-глинистая засыпка; *2* — глина необожженная; *3* — песок; *4* — глина обожженная (пол); *5* — уголь; *6* — уголь с обожженным суглинком; *7* — суглинок; *8* — древесина.

в Верхнем Поволжье, известные нам по городищу Березняки, раскопанному П. Н. Третьяковым. Площадь домов не велика (4 × 4.5 × 5, м), и только центральная постройка имеет площадь в 40 кв. м, но очаги, или печи, здесь везде занимают центральное или почти центральное положение — традиция, сходная с ладожской.

Городище представляло патриархально-семейное поселение, в котором обитало, по исчислению Н. П. Третьякова, до 30—40 человек, очевидно одна патриархальная семья.

В безусловно славянских памятниках Восточной Европы мы пока не знаем прямых аналогий ладожским большим домам. Но по обществен-

Рис. 30. Остатки каменной вымостки на поверхности древней почвы. Горизонт e_3.

ному смыслу им соответствуют патриархально-семейные городища в целом или же группа небольших жилищ, соединенных, как в Боршевском городище, ходами.

С очень большой долей уверенности можно утверждать, что большие дома Ладоги также являлись жилищами патриархально-семейного типа, сложившегося в тот переходный период и в той исторической среде, когда в укреплении места обитания каждой патриархально-семейной общины уже не было небходимости и когда оборона осуществлялась восточным славянством другими способами. Патриархальный род вряд ли существовал в это время в Ладоге, но большая патриархальная семья типа задруги, очевидно, существовала. И, очевидно, в это самое время (VII—IX вв.) в среде восточных славян, достигших высокого по тому времени уровня культуры, уже складывалось государство, исключавшее существование мелких, обособленных, самообороняющихся групп, археологическими остатками которых являются большесемейные городища.

7. ХРОНОЛОГИЯ НИЖНЕЙ ТОЛЩИ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ЛАДОГИ

В толще *е* нами собран значительный вещевой материал (свыше 1800 инвентарных номеров, причем черепки инвентаризировались не в отдельности, а группами), который, вместе с собранными органическими остатками, освещает вопросы хронологии, экономической и культурной жизни Ладоги в период образования толщи. Весь этот материал находится в данное время в процессе изучения; над ним работает группа исследователей, главным образом Г. П. Гроздилов, затем Я. В. Станкевич (керамика), Ф. Д. Гуревич (бусы), Н. В. Попова (остатки сельского хозяйства), С. Н. Орлов (деревянные изделия) и др. Здесь мы не даем сколько-нибудь полного его обзора в увязке с горизонтами и комплексами, ограничиваясь ссылками только на некоторые находки и общими характеристиками, необходимыми для чисто предварительного решения и, гораздо чаще, постановки некоторых важных историзеских вопросов.

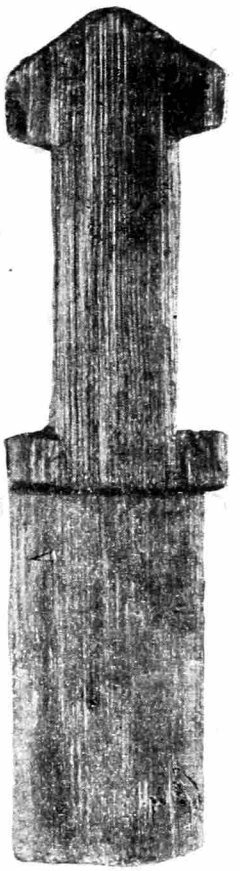


Рис. 31. Детский игрушечный меч, воспроизводящий форму железных мечей IX в.

Первый такой вопрос — хронологизация толщи *е*, — который мы здесь пытаемся разрешить по отношению к толще в целом, что, впрочем, ввиду однородности комплексов всех ее горизонтов, может быть оправдано как попытка общей хронологизации, в сущности, единого древнейшего периода исторической жизни Ладоги.

Верхняя хронологическая граница определяется довольно точно и надежно как IX в. Для столь же точного определения нижней границы мы пока не имеем данных и вынуждены ограничиться лишь приблизительной, хотя и весьма вероятной датировкой — VII в. (имеются, однако, основания относить нижний горизонт Ладоги в целом ко времени не позднее, чем VI в.). Попытаемся обосновать эти хронологические рамки VII—IX вв. для всего времени образования толщи *е*.

По снятии остатков горизонта *д* (X в.) мы не нашли во всей толще *е* ни одного черепка славянской гончарной керамики X в. и тем более позднейшей. Единственное исключение — два фрагмента сосуда, сделанного на гончарном круге, но это явно привозный и явно более ранний, чем X в., черный лощеный сосуд с орнаментацией, прочерченной глубокими линиями. Вся керамика толщи *е* исключительно лепная, славянских типов VI—VII—IX вв.

Далее, в самом верхнем горизонте, на глубине от Р 0.80 м в ненарушенном пласте навоза (квадрат $Ж_0$) были найдены сами по себе любопытные и совершенно уникальные два деревянных игрушечных меча (точнее их фрагменты: один — более грубой выделки — только рукоять, другой — оформленный значительно лучше — рукоять с частью клинка, рис. 31). Оба меча, особенно последний, в точности воспроизводят в дереве форму настоящего боевого меча, по типу (треугольная головка рукояти, очень короткое перекрестие, по Петерсену, тип Н) относящегося, безусловно, к IX в. Один такой меч был нами найден в Приладожье

на р. Ояти. Игрушечные мечи могли вырезывать из дерева сами мальчики (судя по размерам рукояти, 10—11 лет), могли это делать и родители, но несомненно, что по своей форме эти игрушки подражают бытовавшему в жизни подлинному объекту и потому могут служить опорой вместе с другими данными для датировки верхнего горизонта толщи *е* IX в. Надо отметить, что еще один аналогичный игрушечный меч с такой же треугольной головкой рукояти был найден значительно ниже.

Из этого следует, что все находки в толще *е*, как и сама толща, относятся ко времени не позднее, чем IX в. Среди них, кроме керамики, наиболее часты бусы типов, встречающихся в длинных курганах, — характерные синие стеклянные пронизки, круглые стеклянные: синие,

Рис. 32. Височное кольцо (золото), цепочка и стеклянные бусы, найденные в толще *е*.

фиолетовые, посеребренные и позолоченные, стеклянные круглые с глазками и со вставками, цилиндрические и другие (рис. 32). Для таких бус, как и для многих других находок в длинных курганах и сопках, в отличие от находок в круглых курганах X—XII вв. и позднее, сколько-нибудь точная хронология еще, к сожалению, не разработана, и главное основание для уточненной хронологизации — монеты — здесь отсутствует. Длинные курганы и сопки чаще всего датируют суммарно VI—VII вв. и до IX в. включительно по привозным изделиям восточного (камского) и западного — днепровского или прибалтийского (главным образом вещи с эмалью) происхождения. Нам пока не остается ничего другого, как принять эту суммарную датировку для предметов (не только бус, но, например, фрагментов трапециевидных подвесок, наконечника копья характерной ранней формы) из толщи *е*, аналогичных находкам в сопках и длинных курганах, а следовательно, и признать эту толщу приблизительно синхроничной могильным памятникам указанного рода.

Одна находка заслуживает особого внимания и сама по себе и в целях хронологизации. Это комбинированная двусторонняя литейная форма из литографского камня (рис. 33). На одной ее стороне мы имеем формочки для отливки лунницы и маленькой круглой бляшки, на другой — форму для отливки очень интересной подвески в виде треугольника

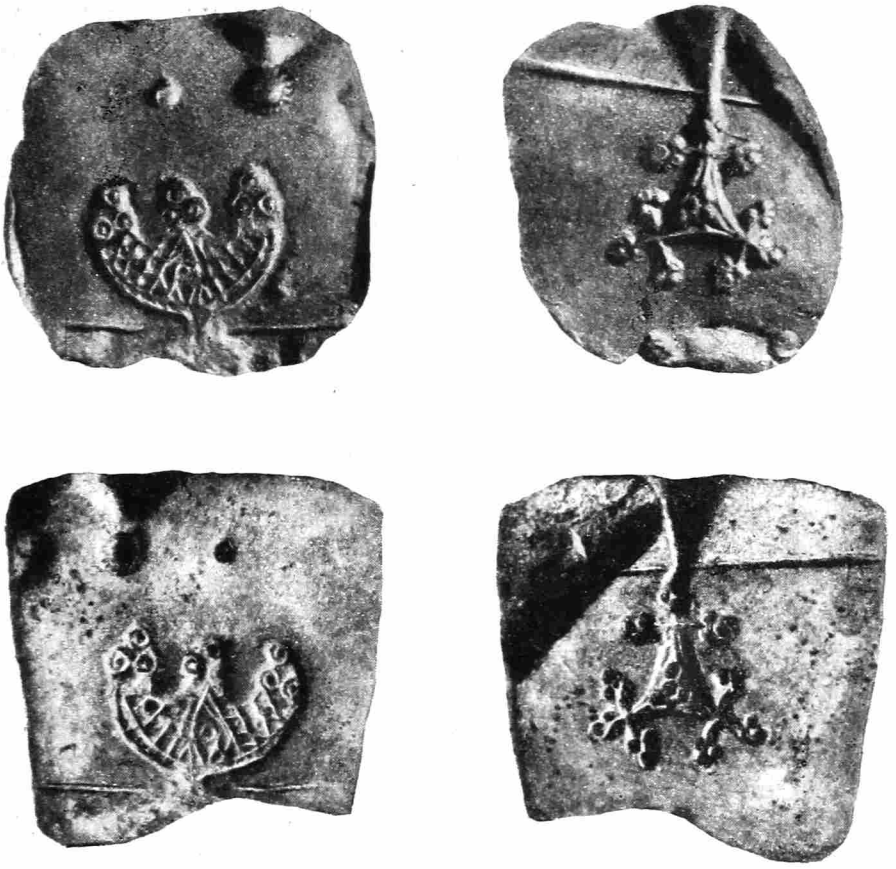


Рис. 33. Двусторонняя литейная формочка для отливки украшений, найденная в толще *е*. Форма и гипсовые отливки.

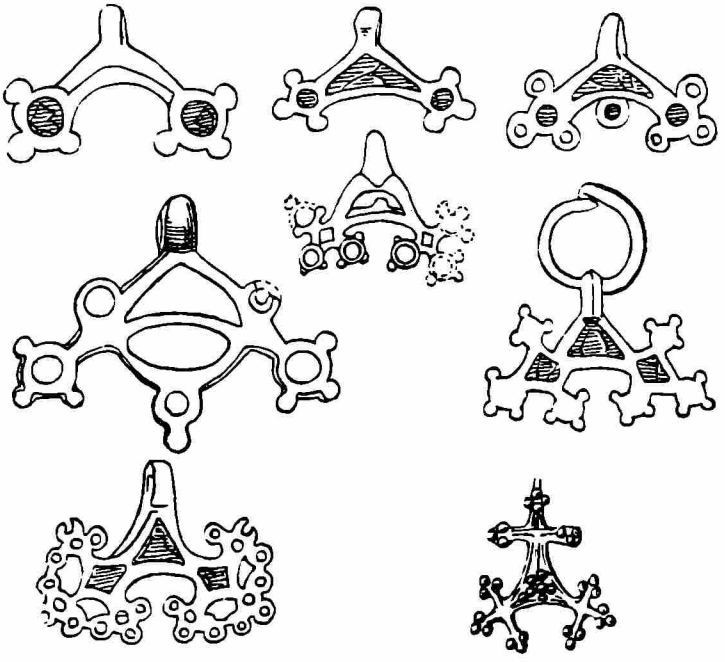


Рис. 34. Бронзовые подвески со среднего Поднепровья и подвеска из Старой Ладоги (внизу справа).

несколько криволинейных вогнутых очертаний, углы которого заканчиваются трехчастными или трехлопастными округленными выступами на тонких стержнях с круглыми шишечками в каждом выступе.

Совершенно прямых аналогий к этой подвеске мы не знаем, но довольно близкие имеются. Это широко распространенные подвески с выемчатой эмалью, которые А. А. Спицын вряд ли правильно называл лунницами[1] и относил их к «аланской группе» эмалей, датируемой им VI—VIII вв. Они известны на Западе, например на Немане, распространены в Приднепровье, особенно на территории Киевщины, представлены в Мощинском кладе. Типы их разнообразны, но основные элементы (треугольная или, гораздо реже, полукруглая средняя часть подвески, заканчивающаяся на нижних концах трехчастными круглыми выступами) повторяются. В верхней части подвесок представлено ушко. Подвеска носилась в середине ожерелья.

Сопоставление нашей подвески с подвесками этого рода (рис. 34) показывает, что она входит в тот же типологический ряд, но осложнена третьим (верхним) лопастным выступом и, вероятно, представляет поздний вариант типа. Вопрос о том, была ли эмаль на нашей подвеске (ведь мы имеем дело не с самой подвеской, а ее формой), нельзя решить категорически отрицательно. Эмаль могла быть в средней части подвески. Если такие подвески с эмалью датируются VI—VII вв., то для нашей подвески мы с большой долей вероятности можем принять дату VII в. и тем самым датировать всю литейную форму. Действительно, лунница на другой стороне формы весьма архаична, а ячейки между ребристыми выступами ее поверхности, конечно, могли быть заполнены эмалью. Архаична и маленькая круглая бляшка на той же стороне формы. Некоторую аналогию к ней мы имеем в Мощинском кладе.

Таким образом, датировка всей толщи *е* VII—IX вв. имеет серьезные основания, что подкрепляется давно известными находками в ближайшем окружении земляного городища Ладоги (частью для VIII—IX вв. в самом городище) монет VI—IX вв. и данными могильных памятников. Сопки окрестностей Ладоги и открытый нами в 1938 г. вблизи земляного городища грунтовый могильник с сожжением — несомненно, синхроничны толще *е*; в них хоронились обитатели как раз больших домов описанного выше типа. В сопках были встречены вещи VII—VIII вв., а грунтовый могильник в инвентаре содержал вещи типов, встречающихся в длинных курганах, и датируется VIII—IX вв.[2]

Следовательно, уже какая-то окраинная часть древнейшего, несомненно славянского, и очень крупного поселения в Ладоге образуется в VII в.

8. ХОЗЯЙСТВО

Что можно сказать о хозяйстве и культуре этого совершенно замечательного славянского поселения, превращающегося в город в период VII—IX вв.?

Уже с момента первого заселения исследованного нами участка Старой Ладоги (т. е. с VII в.) довольно развитое сельское хозяйство имело важнейшее (особенно в ранний период — до X в.) значение в экономике поселившейся здесь группы восточного славянства.

Большие скотные дворы или загоны и бревенчатые хлевы, с отложившимися внутри этих построек мощными пластами навоза, сами по себе

---

[1] А. А. Спицын. Предметы с выемчатой эмалью. ЗОРСА, V, вып. 1.

[2] С. К. Орлов. Могильник в Старой Ладоге. Уч. зап. ЛГУ, серия ист. наук, вып. 10 (1941).

характеризуют высокое развитие скотоводства в Ладоге VII—IX вв. Собранные нами в толще *е* кости животных еще не определены (для горизонта X в. они определены в точности), и потому о составе стада домашних животных и соотношении численности видов последних с видами диких животных, продуктом охотничьей добычи, мы пока ничего сказать не можем. Неоднократные находки деревянных мутовок (для изготовления масла) говорят о молочном хозяйстве, о наличии коров в стаде. Огромные бревна для сооружения больших домов вывозились, вероятно, на лошадях. Надо отметить, что скотоводство в Ладоге уже в VII в. было до некоторой степени рационализированным. Бревенчатый зимний хлев в самом нижнем горизонте (e_3), относящийся по нашей хронологизации к VII в., в своей восточной части имеет внутренние секционизированные деления (рис. 5), предназначенные, вероятнее всего, для содержания молодняка или, скажем, свиней (может быть, птицы).

О земледелии в нашем распоряжении имеются интереснейшие данные. В толще *е* неоднократно встречались значительные скопления зерен проса (определение растительных остатков принадлежит В. А. Петрову, работавшему в составе нашей экспедиции). Встречены единичные находки зерен ячменя. Представлены остатки гороха. Лен встречен в виде остатков чешуи зерен и тканей из льняного волокна. Эти ткани вырабатывались на месте, о чем свидетельствуют неоднократные находки трепалок для льна. Конопля представлена зернами и изделиями — веревки. Рожь и пшеница отсутствуют. Солома и полова прямо-таки массами залегают в навозе. Ясно, что уже с VII в. хлебопашество было коренным производством в Ладоге.

Мы не случайно употребили термин «хлебопашество», так как земледелие здесь с самого начала было действительно пашенным. Об этом косвенно говорят самый размах и вся организация сельского хозяйства в древнейшей Ладоге. Но есть и прямое свидетельство, а именно, железный сошник (рис. 35), найденный в самом нижнем горизонте толщи *е* — на уровне древнейшей почвы, ниже Р на 1.70 м в кв. $Ж_1$. Сошник симметричный, видимо, от многозубой сохи.

Это — самый древний из известных к настоящему времени сошников для всего восточного славянства — от Киева до Новгорода. Он датируется VII веком. Могут быть и даже должны быть найдены столь же, а вероятно и более древние сошники среди восточно-славянских древностей. Но сейчас этот ладожский сошник является единственной реликвией, характеризующей весьма высокий уровень экономического развития восточного славянства еще в VII в. Таковы черты, которыми мы можем предварительно охарактеризовать сельское хозяйство Ладоги в VII—IX вв. Как видим, это было развитое скотоводство в органическом сочетании с высоко культурным хлебопашеством.

В промышленности ладожан этого периода выступают противоречивые черты. Домашняя промышленность преобладала. Об этом говорит ее продукция: исключительно лепная керамика, изготовлявшаяся в каждой большой патриархальной семье; многочисленные изделия из дерева (преобладающие, если исключить керамику, по численности находки: долбленая посуда, рукояти к железным и медным орудиям, полозья от саней, весла, части, повидимому, ткацкого станка, льнотрепалки, скульптурные изображения, изделия с художественной резьбой и т. д.).

Представлены изделия из кожи — обувь (в частности, так называемые поршни), вероятно подшлемник, ремни и многое другое. Найдены и ткани — льняные и шерстяные, а также веревки, почти канаты.

Но, наряду с этим, нельзя не отметить здесь наличия выделившегося из домашней промышленности ремесла. Это относится, прежде всего, к металлургии. Железные изделия представлены здесь не только сошником (рис. 35), но многочисленными ножами (архаических форм), наконечником копья, светцом, долотом, дверным крюком, огромным ключом, шильями и другими предметами, часто в деревянных рукоятках. Они вырабатывались кузнецами-ремесленниками, ими же осуществлялся и самый процесс добычи железа из болотной руды (железные шлаки встречались в слое многократно).

Рис. 35. Железный сошник из горизонта e_3.

Добыча и обработка железа производились здесь, конечно, мастерами-ремесленниками, которые могли с успехом вырабатывать на месте и те же мечи с треугольной головкой рукояти, весьма несложные по своей форме, но все-таки считающиеся импортными западноевропейскими (там они, несомненно, выделывались); в толще *е* культурного слоя Старой Ладоги они представлены игрушечными мечами.

Уже одна литейная форма VII в. показывает, что ремесленная металлургия существовала здесь с первого момента заселения данного участка Ладоги.

Некоторые свидетельства довольно отдаленных культурно-торговых связей Ладоги VII—IX вв. мы имеем в многократных находках в толще *е* янтарей (подвески, шашки), в указанных выше фрагментах лощеного гончарного сосуда, в наличии изделий из меди, золота и позолоченного серебра.

Следовательно, сельское хозяйство, домашняя промышленность, выделяющееся ремесло, торговля с далекими областями — вот основы экономики Ладоги VII—IX вв.

В целом же изложенные факты показывают, что материалы нижних горизонтов (e_1, e_2, e_3) Старой Ладоги проливают неожиданно яркий свет на всю проблему истории северной ветви восточных славян. Но на этом мы детально остановимся в следующей статье.

И. И. ЛЯПУШКИН

ПОСЕЛЕНИЯ ЗОЛЬНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ («СКИФОВ-ПАХАРЕЙ») В СЕВЕРНОЙ ПОЛОСЕ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

(По материалам полевых исследований 1947 г. в бассейне р. Сейма)

1

В лесостепной полосе Левобережной Украины сохранились многочисленные остатки поселений оседлого населения эпохи железа. Среди них большое место занимают поселения так называемого скифского времени. Они известны в литературе под двумя различными названиями. В. А. Городцов, исследовавший Бельское городище, по характеру культурных отложений назвал их «зольничными»;[1] А. А. Спицын — поселениями «скифов-пахарей».[2] Поселения этого типа хотя и давно известны археологам, однако в дореволюционное время мало привлекали внимание исследователей. В свое время на это положение обратил внимание А. А. Спицын. «К отысканию поселений скифов, — писал он, — у нас не приложено внимания».[3] А. А. Спицын смог назвать не более десятка точек для всей полосы лесостепи, которые можно было в какой-то мере связать с местами поселений «скифов-пахарей». Эти точки были разбросаны по всей территории лесостепи и отстояли одна от другой на сотни километров (Немировское городище б. Балтского у. Подольской губ., Пастерское городище б. Чигиринского у. Киевской губ., Бельское городище б. Зеньковского у. Полтавской губ. и т. д.).[4]

В советское время на изучение мест поселений было обращено особое внимание. В частности, поселениями скифского времени много занимались и занимаются работники ленинградских и украинских научных учреждений. На Левобережье большая работа в этом направлении была проделана в 20-х годах группой харьковских исследователей под руководством проф. А. С. Федоровского.[5] Несмотря на то, что обследованию были подвергнуты лишь городища, исследователи обнаружили в пределах одной только Харьковской области до 40 точек, бо́льшая часть которых оказалась принадлежащей скифскому времени. Таким образом, за несколько лет работы выявлено в четыре раза больше того, что

---

[1] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. Исследование Бельского городища. Тр. XIV АС, III, М., 1911.

[2] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65.

[3] Там же, стр. 141.

[4] Там же, стр. 141—142.

[5] М. Фукс. Про городища скитськоі доби на Харківщині. ЗВАК, Киев, 1931.

было выявлено за все предшествующее время. К сожалению, многолетний труд харьковских исследователей не нашел должного освещения на страницах печати и собранные ими материалы не вошли полностью в научный оборот.[1] Многое из сделанного этим коллективом, повидимому, погибло безвозвратно.

В 1938 г. Институт истории материальной культуры (Ленинград) совместно с Институтом археологии Академии наук УССР приступили к широкому археологическому обследованию южной полосы лесостепи Левобережной Украины. Перед исследователями была поставлена задача установления характера памятников раннеславянской культуры в пограничной полосе лесостепи и степи. Уже в первые годы работы стало ясно, что решение поставленной задачи без изучения памятников эпохи железа в широком смысле слова невозможно, что в круг исследования должны войти и памятники первого тысячелетия до н. э., так называемой скифо-сарматской поры.

В течение 1938, 1940, 1945 и 1946 гг. сплошной разведкой были охвачены берега р. Ворсклы от с. Каменка (верхнее течение) до с. Переволочное (устье) и ряда ее притоков (рр. Коломак, Тагамлык, Кобелячка). Такой характер разведки, суживая горизонт наблюдений территориально, позволил значительно глубже заглянуть в далекое прошлое. В результате проведенных работ удалось установить, что в обследованном районе, в так называемое скифское время, население обитало не только в укрепленных поселениях, т. е. городищах, но и в поселениях открытого типа — селищах, и что количественно последние занимали даже большее место. За четыре полевых сезона экспедициями было обследовано около 40 зольничных поселений, из них более 30 оказались селищами, до этого времени никому не известными. Хронологически жизнь на этих поселениях укладывается в рамки VII—III вв. до н. э. Никаких данных, которые могли бы свидетельствовать о ее более поздних следах, ни на одном из поселений обнаружено не было. Не найдено их и на поселениях культуры «полей погребений» пограничной полосы лесостепи и степи, обследованных экспедицией в те же годы.

П. Н. Третьяков некоторые из селищ зольничного типа (у с. Чернечины и на левом берегу р. Ворсклы против Ахтырского монастыря), обследованных им в 1938 г., пытается датировать VI—VIII вв. н. э. Основание к этому он видит в том, что собранные на них обломки лепной посуды со сквозными отверстиями ниже края венчика несколько отличны от так называемых скифских. Кроме того, на этих селищах не были найдены черепки лощеной посуды, столь характерной для скифского времени. Самым же главным аргументом автора является наличие подобной керамики в основании культурного слоя славянских городищ близ Воронежа, Гочева (Курской обл.) и некоторых других городищ первого тысячелетия в бассейне р. Десны.[2] В свое время мы уже отмечали несостоятельность доводов, приводимых П. Н. Третьяковым в защиту поздней датировки этой группы керамики, и останавливаться на этом вопросе вторично не считаем нужным.[3] Необходимо добавить лишь следующее. Обследованные в 1947 г. городища северной полосы лесостепи, о кото-

---

[1] М. Фукс, ук. соч. — A. Potapov. Inkrustierte Keramik von Belsk. ESA, IV, 1929, стр. 162—168.

[2] П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археологія, I, Киев, 1947, стр. 127.

[3] И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий в бассейне р. Ворсклы (Полтавская и Харьковская обл.) летом 1945 г. и некоторые выводы из них. Рефераты научно-иссл. работ за 1945 г., Отд. истории и философии. Изд. АН СССР, 1947.

рых мы будем говорить ниже, дали новый материал, подтверждающий нашу точку зрения.

Следует отметить, что прекращение жизни в III—II вв. до н. э. наблюдается на поселениях зольничного типа и юго-восточного угла Харьковской обл.[1] Мы не касаемся сейчас истории лесостепной полосы Правобережья, но и там, насколько нам известно, имеют место те же самые явления.

Большой интерес представляют наблюдения А. А. Спицына, работавшего над другим кругом памятников лесостепной полосы — курганами, оставленными тем же народом. В статье «Курганы скифов-пахарей» А. А. Спицын писал: «Повидимому, к концу II в. скифские курганы исчезают совершенно. Таким образом, расцвет сарматских курганов как будто совпадает с гибелью скифских».[2] Мы не останавливаемся сейчас на вопросе, насколько прав был А. А. Спицын в определении этнического облика населения, оставившего изучаемые памятники; для нас важно установление факта исчезновения этой культуры около II в. до н. э. Таким образом, наблюдаемая нами и другими исследователями картина прекращения жизни на поселениях зольничного типа (по терминологии А. А. Спицына «скифов-пахарей») южной полосы лесостепи в III—II вв. до н. э. находит подтверждение и в других археологических источниках — могильниках курганного типа. Прямого ответа на вопросы, какими обстоятельствами было вызвано более или менее одновременное прекращение жизни на многочисленных поселениях громадной территории лесостепной полосы и какова дальнейшая судьба отдельных групп населения, некогда обитавшего на этой территории, — в археологических источниках мы не находим. Между тем, ответы на эти вопросы имеют существенное значение для понимания истории народов нашей страны. В частности, историческое прошлое восточно-славянских племен, их генезис, давно уже связывается многими исследователями с земледельческими скифскими или близко стоящими к ним племенами — неврами, будинами. Неоднократно делались попытки показа этих связей на археологическом материале лесостепной полосы Среднего Поднепровья, в том числе и Левобережья.[3]

Попытку ответить на эти вопросы сделал и А. А. Спицын. В вводной части к цитированной нами выше работе А. А. Спицын писал: «Выставляется предположение, что курганы скифов-пахарей исчезают в III—II ст. вследствие массового и главным образом подневольного переселения в приречные и приморские города, боспорские и греческие».[4] Эту же мысль автор повторил несколько ниже, после обзора киевской группы памятников: «Нельзя допустить массового вымирания или уничтожения племени, — писал он, — вероятнее, что оно отчасти ушло в городскую жизнь, сплотясь в свои особые городки или же войдя в греческие, отчасти же было выведено или привлечено иначе в Боспорское царство, в сферу привычного земледельческого труда». Свои предположения А. А. Спицын не мотивировал ничем; единственно, на что он обратил внимание читателя,—это предположение, что «скифское племя едва ли

---

[1] Л. М. Славин. Научная конференция археологов, изучающих историю Украины в скифо-сарматский период. ВДИ, 1940, № 1/10, стр. 24.

[2] А. А. Спицын, ук. соч., стр. 119.

[3] И. Е. Забелин. История русской жизни с древнейших времен, ч. I. М., 1876, стр. 252 и сл. — Д. Я. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908, стр. 84—93. — М. И. Артамонов. Венеды, невры и будины в славянском этногенезе. ВЛГУ, вып. 2, 1946, стр. 80 и 85.

[4] А. А. Спицын, ук. соч., стр. 88.

было обширным; тем легче оно могло быть усвоено в том или другом виде городами и вообще торгово-промышленной жизнью».[1]

Вполне естественно, что при исследовании древнейшего периода истории юго-восточной ветви восточного славянства, проводимом нами, мы также не могли пройти мимо этих вопросов и, в частности, мимо дальнейшей судьбы оседлого населения, занимавшего в скифское время всю лесостепную полосу.

На материалах южной полосы Днепровского лесостепного Левобережья (Поворсклье) нам удалось показать, что в рамках обследованной нами территории нет прямой генетической связи между славянским населением, появившимся здесь около VIII—IX вв., и населением, оставившим зольничную культуру.[2] Однако наши выводы вовсе не исключают того, что в своей дальнейшей истории, протекавшей где-то за пределами обследованной нами территории, население зольничной культуры в какой-то мере могло явиться одним из слагаемых в формировании юго-восточной группы восточного славянства. Тем самым для изучения на конкретном археологическом материале генетических связей между народами лесостепной полосы скифского времени и славянскими племенами юго-востока рассмотрение вопроса о прекращении жизни на поселениях-зольниках южной полосы лесостепного Левобережья в III—II вв. до н. э. и о дальнейшей судьбе этого населения приобретает существенное значение.

В поисках ответа на эти вопросы мы пошли несколько иным путем, чем это сделал А. А. Спицын. Изучая накопленный археологический материал по собраниям в музеях, архивным данным и публикациям, нам удалось напасть на следы исчезнувшего населения. Среди материалов ряда раннеславянских поселений северной полосы лесостепи на линии Путивль—Курск—Воронеж выделяется особая керамическая группа.[3] Детальным изучением этой керамики никто не занимался, тем не менее, благодаря характерным чертам, присущим этой керамической группе, ее определили достаточно верно, называя «скифоидной» или «зольничной» по сходству с керамикой зольничной культуры юга.[4]

Занявшись сравнительным изучением этого материала, мы пришли к выводу, что обломки «скифоидной» посуды северной полосы лесостепи принадлежат группе керамики позднезольничной культуры, датируемой не ранее IV—II вв. до н. э. Данных для определения верхней ее границы в нашем распоряжении не оказалось. Бросалось в глаза отсутствие керамики раннезольничной группы: черной лощеной керамики как гладкой, так и с геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой; кухонных горшков с характерным налепным валиком несколько ниже края венчика и некоторых других форм, т. е. той группы, на базе которой в южной полосе слагается позднезольничная группа. Этот факт наталкивал на мысль, что население, оставившее зольничную культуру в северной полосе, могло появиться там лишь на поздней стадии ее развития, в период не ранее IV—II вв. до н. э., и что есть основание появление его поставить в связь с прекращением жизни на поселениях южной полосы.

Основываясь на этих данных, в своей работе «Итоги полевых изысканий в бассейне р. Ворсклы (Полтавская и Харьковская обл.) летом

---

[1] А. А. Спицын, ук. соч., стр. 119.

[2] И. И. Ляпушкин. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. СА, XI.

[3] То же.

[4] Л. Н. Соловьев. Стоянки и городища окрестностей г. Курска. Изв. Курск. губернск. общ. краевед., № 4, 1927, стр. 12—33.

1945 г. и некоторые выводы из них», мы писали: «По сравнению с раннезольничными поселениями поселения позднезольничные имеют, повидимому, более широкое распространение. На востоке и северо-востоке они доходят до верховьев Дона (Воронеж); на севере границей их является бассейн р. Сейма; западная граница пока не известна. К сожалению, мы ничего не можем сказать о хронологии зольничных поселений северной полосы, особенно о верхней ее границе. Возможно, что там они бытуют дольше, чем в южной полосе. Вместе с тем следует иметь в виду и то, что в северной полосе лесостепи истоков позднезольничной культуры (т. е. раннезольничных поселений) мы не знаем. Встает вопрос — не является ли зольничная или так называемая «скифоидная» культура северной полосы лесостепи (Путивль — Курск — Воронеж) хронологически продолжением позднезольничной культуры границы степи и лесостепи?».[1]

Полевая работа 1946 г. и дальнейшее изучение материалов, собранных другими исследователями, подтвердили высказанное нами предположение, тем не менее мы считали, что окончательный ответ может быть получен лишь в результате полевого изучения памятников северной полосы лесостепи.

2

С целью проверки выставленного нами предположения о передвижении населения зольничной культуры в III—II вв. до н. э. из южной полосы лесостепи в северную мы предприняли летом 1947 г. специальную поездку. Наш маршрут пролегал по берегам рр. Десны (от устья до впадения р. Сейма) и Сейма (от устья до истоков). На этой линии общей протяженностью около 1100 км (по прямой около 600 км) мы осмотрели более 40 поселений, преимущественно городищ. Одни из них более или менее известны и неоднократно исследовались; археологический облик их в какой-то мере был знаком (например Липинское городище,[2] городище у с. Шуклинка[3]); другие хотя и упоминались в литературе, однако археологическое лицо их до последних дней оставалось неясным: это преимущественно те городища, которые в свое время были введены в научный обиход Д. Я. Самоквасовым по анкетным данным и личным обследованиям [городища у сел Ховзовка, Божки (ныне Красное Утро), Воргол и некоторые другие],[4] и, наконец, третьи — это те, которые совершенно не были известны в литературе.

Разведочные работы 1947 г. по сравнению с предшествующими (1945 и 1946 гг.) носили несколько иной характер. Мы не вели сплошного обследования района, а двигались по маршруту по заранее намеченным точкам от поселения к поселению. Отклонения имели место лишь в случаях, когда из опроса местного населения мы узнавали о существовании в том или ином районе городищ, городков, селищ и т. п. памятников, неизвестных в научном обиходе, а также в случаях, когда при нашем продвижении мы сами обнаруживали такие памятники. Такой метод обследования определялся задачами, стоящими на этом отрезке нашего

---

[1] И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий в бассейне р. Ворсклы.

[2] ИАК, Прибавление к вып. 26, СПб., 1908, стр. 30. — В. Е. Данилевич. Отчет о раскопках Курской ученой архивной комиссии в Курском уезде в мае и июне 1907 г. Тр. Курск. губ. арх. ком., вып. 1, Курск, 1911.

[3] Л. Н. Соловьев, ук. соч.

[4] Д. Я. Самоквасов. Древние города России. СПб., 1873, Приложение. — Он же. Северянская земля и северяне. . — П. М. Еременко. Могильники и городища Глуховского и Суражского уездов. Тр. Моск. предварит. комит. по устройству XIV арх. съезда, вып. 1, М., 1906.

пути. Мы не стремились выявить археологический облик района. Нам важно было установить наличие в районе лишь определенной категории памятников — поселений зольничной культуры. Примененный нами метод, как нам кажется, вполне оправдал себя.

Из 43 поселений, обследованных нами в северной части нашего маршрута 1947 г. (Десна—Сейм), на 15 городищах обнаружены отложения зольничной культуры. Городища этой группы территориально расположены в лесостепной полосе в замкнутых границах бассейна среднего и нижнего течения р. Сейма в условиях однообразного рельефа (рис. 1). Самое западное городище этой культуры находится на левом берегу р. Десны, при впадении р. Сейма, в урочище Ведмедки в $2^1/_2$ км к юго-западу от с. Шабалиново (Шабелиново по десятиверстке) Коропского р-на Черниговской обл. Оно расположено на мысу коренного берега. Северо-западный склон его высотою от 10 до 15 м довольно круто обрывается в долину р. Десны. Южный и юго-восточный — более низкие, 5—7 м, и сравнительно пологие, доступные для обработки. С напольной стороны (с севера, северо-востока и востока) площадка городища обрамлена валом и рвом.

Городище (площадка, вал, ров и южный склон) сильно распахано. Археологический облик городища довольно интересен. Предварительное знакомство с ним мы получили по материалам, хранящимся в Сосницком музее.

Просмотр этих материалов показал, что на городище имеются отложения трех культур — деснинской, зольничной и славянской (роменской и великокняжеской). Посещение городища полностью подтвердило выводы, сделанные по материалам музея. Не останавливаясь сейчас на весьма важном и интересном вопросе о взаимоотношении этих трех культур, не являющемся предметом данного исследования, отметим лишь следующее: подобного сочетания культур (деснинской, зольничной и роменской) мы пока не знаем ни на одном поселении, равно не знаем мы и поселений, содержащих отложения деснинской и зольничной культур. Что касается сочетаний деснинской и славянской (роменской) и зольничной и славянской (роменской), то они имеют самое широкое распространение по всему Левобережью; первые из них распространены в лесной полосе, вторые в лесостепной. По р. Десне выше впадения р. Сейма не встречено ни одного поселения, содержащего зольничные отложения;[1] по р. Сейму — ни одного с отложениями деснинской культуры.[2] Шебалинское городище является стыком, одной из точек границы этих культур. Эти данные позволяют сделать вывод, что деснинская культура связана с лесной полосой, а зольничная — с лесостепной. Поселения роменской (раннеславянской) культуры имеют более широкое распространение. Их мы находим и в лесной и в лесостепной полосах. В лесной полосе большинство роменских поселений размещено на местах, ранее занятых населением деснинской культуры, а в лесостепной — зольничной.

На востоке в бассейне р. Сейма последним пунктом, содержащим отложения зольничной культуры, является городище на правом берегу нижнего течения р. Рать, правого притока р. Сейма, у с. Городище Бесединского р-на Курской обл. Оно расположено на мысе, образованном долиной реки и впадающим в долину оврагом. С напольной стороны (север) мыс

---

[1] Материалы разведок М. В. Воеводского (коллекции ИИМК, Москва). Ср.: В. П. Левенок. Археологические работы Трубчевского музея. КСИИМК, X, стр. 95—99.

[2] Среди материалов лишь на трех поселениях (у сел Ст. Гончары, Лещиновка и Погореловка) имеются единичные черепки, близкие к керамике деснинской культуры.

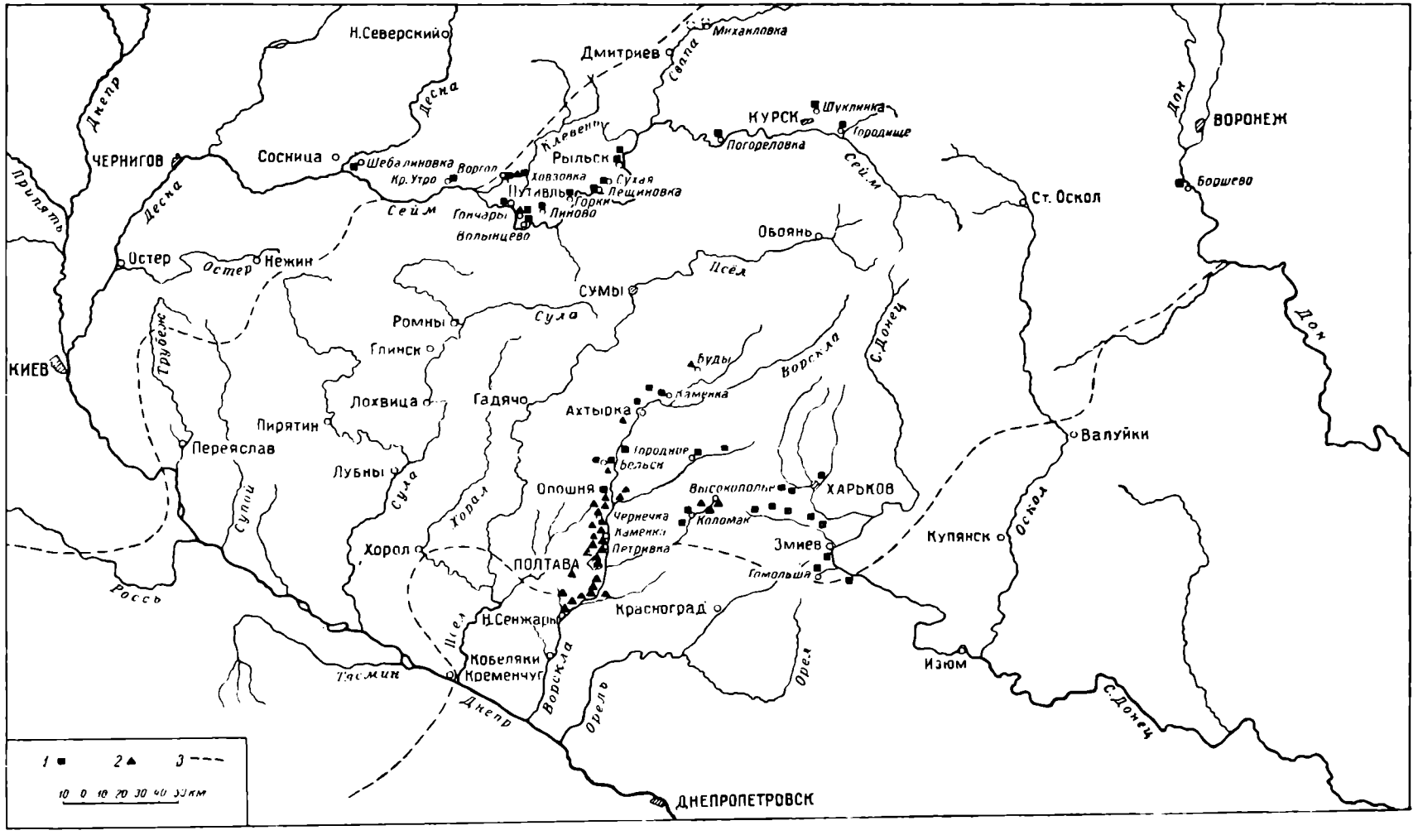


Рис. 1. Схематическая карта поселений зольничной культуры («скифов-пахарей») северной и южной полосы Днепровского лесостепного Левобережья.

1 — городища зольничной культуры; *2* — селища зольничной культуры; *3* — граница лесостепи.

обрамлен валом, достигающим 6—8 м, и рвом. Высота мыса над долиной составляет 12—15 м. Поверхность городища и склоны задернованы. С севера к городищу примыкает большое селище (рис. 2 и 3).

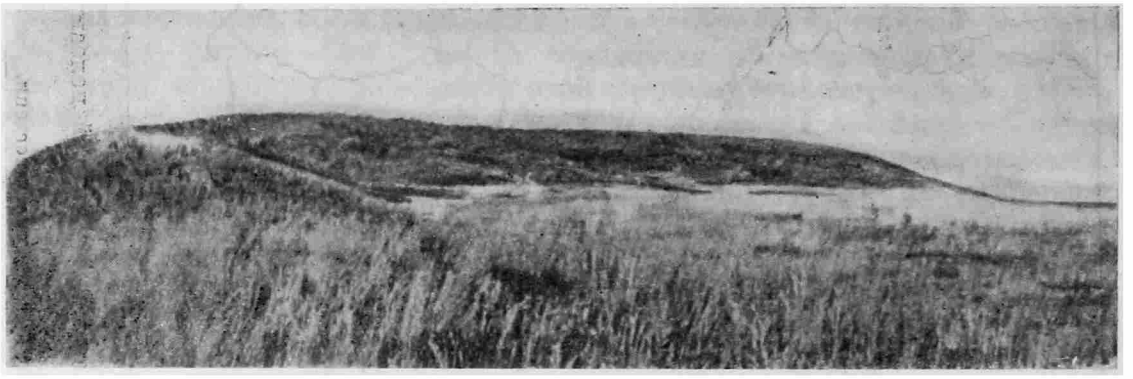


Рис. 2. Вал Ратского городища (у с. Городище).

С археологическим обликом Ратского городища и прилегающего к нему селища мы имели возможность предварительно ознакомиться по материалам Курского музея. В свете этих материалов оно выступало как поселение сравнительно поздней поры — славянской и татарской. Собранный нами подъемный материал дал те же результаты, и только зачистка юго-западного склона городища показала, что в основании культурного слоя лежат зольничные отложения, на которых покоятся отложения раннеславянской (роменской) культуры.

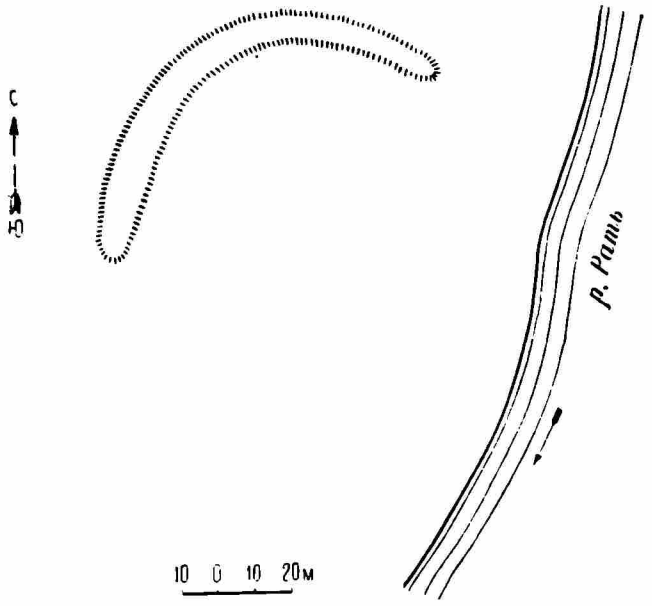


Рис. 3. Схематический план Ратского городища (у с. Городище).

Ратское поселение в целом представляет значительный научный интерес, главным образом, для поздней, татарской поры. Судя по площади распространения культурных остатков, их разнообразию и насыщенности ими, это было большое и богатое поселение, возможно одна из таких слобод, как слободы Курского баскака Ахмата, о которых упоминает летопись под 1283 г.[1] В данном исследовании мы останавливаемся на этом поселении лишь как на памятнике зольничной культуры, как самой восточной ее точке в бассейне р. Сейма, однако, не самой восточной вообще. Сейчас мы уже нисколько не сомневаемся в том, что к группе поселений зольничной культуры относится и нижний слой Б. Боршевского городища, исследованного в свое время

[1] ПСРЛ, XVIII (Сим. лет. 6791/1283).

П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым. Его-то (Б. Боршевское городище) и следует сейчас считать восточной точкой позднезольничной культуры.

Если восточная и западная границы распространения поселений зольничной культуры в бассейне рр. Сейма и Десны могут считаться прослеженными, то этого нельзя еще сказать о севере. Судя по материалам, собранным нами в бассейне р. Клевень, а также по материалам, собранным другими исследователями в бассейне р. Свапы (правые, северные притоки Сейма), есть основания полагать, что городища зольничной культуры по правым притокам Сейма поднимаются высоко на север, почти до водораздела с р. Окой (а может быть, и на верховья р. Оки, поселения которой нам плохо известны), следуя строго параллельно поднимающейся здесь к северу границе лесостепи и леса. Мы имеем в виду городища у с. Михайловки-Льговской и у дер. Снижи, обследованные в 1927—1928 гг. И. И. Булавинцевым.[1]

Большинство обследованных нами поселений, содержащих остатки зольничной культуры, являются городищами. Несколько селищ, относящихся к этой же культуре, встреченных нами по маршруту, не являются самостоятельными поселениями; они связаны с городищами, примыкая территориально непосредственно к ним. По своему внешнему облику, местонахождению, форме, размерам, характеру искусственных укреплений городища достаточно однотипны. Они расположены на высоких, крутых мысах берегов рек, оврагов, балок. Три стороны городищ, как правило, имеют естественную защиту в виде высоких крутых склонов, четвертая, напольная, защищена рвом и валом, достигающим 10 м.

Форма городищ определяется конфигурацией площадки мыса, — большею частью овальная, несколько удлиненная. Размеры по длинной оси колеблются от 100 до 200 м, по короткой — от 25 до 100 м, что в среднем составляет от 6000 до 10 000 кв. м. Лишь 4 городища из 15, осмотренных нами, несколько выделяются и своей формой и размерами. Площадь последних в 3—4 раза больше первых, достигая 30 000 кв. м. Городища обнаружены вдоль всего правого берега р. Сейма (от устья до впадения р. Рать, в 20 км к востоку от г. Курска), а также по берегам ее правых притоков. Однако на этой линии необходимо выделить один участок, излучину р. Сейма от устья р. Клевень до г. Рыльска, на территории которого мы обнаружили своеобразное гнездо городищ (10 из 15). Следует отметить, что в этом районе кроме обследованных нами городищ имеются и другие. Некоторые из них, повидимому, также содержат отложения зольничной культуры. Одно из них, расположенное у с. Волынцево, судя по материалам, хранящимся в Курском музее, не вызывает в этом отношении никакого сомнения. Между прочим, материалы этого городища явились одним из первых поводов к поискам в северной полосе лесостепи следов исчезнувшего из южной полосы населения зольничной культуры. Д. Т. Березовец обнаружил следы зольничного поселения в этом районе в с. Литвиновичи. Городища этого района не только многочисленны, но, пожалуй, и наиболее ярки по материалу.

Остановимся коротко на их характеристике, следуя маршруту по направлению с запада на восток.

1. В 2 км к югу от с. Воргол Путивльского р-на Сумской обл., в урочище «Вишневая гора», находится давно известное не только археологам, но и историкам Ворголовское городище.[2] Оно расположено на двух

[1] Архив ИИМК, дело № 154—1929 г.

[2] Д. Я. Самоквасов. Древние города России. — Он же. Северянская земля и северяне

высоких мысах правого коренного берега р. Клевень, образованных долиной реки и впадающими в нее балками (рис. 4). С северной, напольной, стороны возведено два вала. Один из них преграждает доступ непосредственно со стороны плато к обоим мысам, второй лишь к западному (рис. 5). Высота валов 4—6 м. Размер площадок мысов более или менее одинаков: по длинной оси около 200 м, по короткой 30—100 м (рис. 6). Склоны мысов круты и высоки (до 50 м). Ворголовское городище Д. Я. Самоквасов считает остатками г. Воргола, волостного центра Северянской земли. Собранный нами подъемный материал показывает, что на городище имеются отложения не только славянской культуры, но и более ранней, так называемой зольничной, и что возникновение городища уходит далеко в глубь веков.

2. Хорошо сохранившееся городище с отложениями зольничной культуры находится в 20 км к востоку от с. Воргол, у с. Ховзовка Путивльского р-на Сумской обл., в 20 км к северу от Путивля. Оно расположено на мысу правого берега р. Клевень, на расстоянии 0.5 км к юго-западу от села (рис. 7). С севера мыс обрамляется долиной реки, с востока и запада — глубокими балками, с юга, с напольной стороны — перерезан рвом и валом. Последний, хотя и сильно разрушен, однако и сейчас еще имеет довольно внушительный вид, достигая 4—4.5 м (рис. 8). Склоны мыса сильно оползли, но все же продолжают оставаться крутыми. Высота их достигает 50 м. Площадка городища имеет неправильную, вытянутую форму размером 120 × 30—60 м (рис. 9). Городище имеет хорошо выраженный культурный слой, мощность которого местами превышает 1.00—1.2 м. Городище у с. Ховзовка упоминает еще Д. Я. Самоквасов.[1] Мы не знаем, производились ли на нем какие-либо исследования. Совершенно не известен был и его археологический облик. Собранный подъемный материал дает основание говорить о наличии двух культурных слоев — зольничного и славянского (роменского).

С южной стороны к городищу примыкает селище. Подъемный материал, собранный на нем, состоит из черепков только зольничной культуры.

3. Следы зольничного поселения обнаружены и в г. Путивле, на мысу правого коренного берега р. Сейма, на так называемой Никольской горке в 200—250 м к юго-западу от «Городка», признаваемого до последних дней за остатки г. Путивля великокняжеской поры. Площадка Никольской горки связана с напольной стороной узким перешейком без каких-либо следов искусственных укреплений. Еще не так давно на мысу стояла церковь, к которой с напольной стороны через перешеек была проложена дорожка, замощенная камнем. Повидимому, существовавшие когда-то на перешейке ров и вал были уничтожены при сооружении этой дорожки. Размер площадки по длинной оси около 200 м, по короткой — около 80 м. Форма мыса овальная; края, вследствие оползания, сильно изорваны. Культурный слой выражен достаточно хорошо. В оползнях прослеживаются остатки разрушенных землянок, печей и т. п. Подъемный материал состоит из остатков зольничной и славянской (роменской и великокняжеской) культур. Следует отметить, что на территории «Городка», признаваемого за остатки великокняжеского Путивля, — следов великокняжеской культуры не обнаружено. Это было установлено и разведочными раскопками Д. Т. Березовца, произведенными летом 1947 г., это показали и наши сборы подъемного материала.

---

[1] Д. Я. Самоквасов. Древние города России, Приложение, стр. 8. — Он же. Северянская земля и северяне. , стр. 113; см. также: П. М. Еременко, ук. соч.

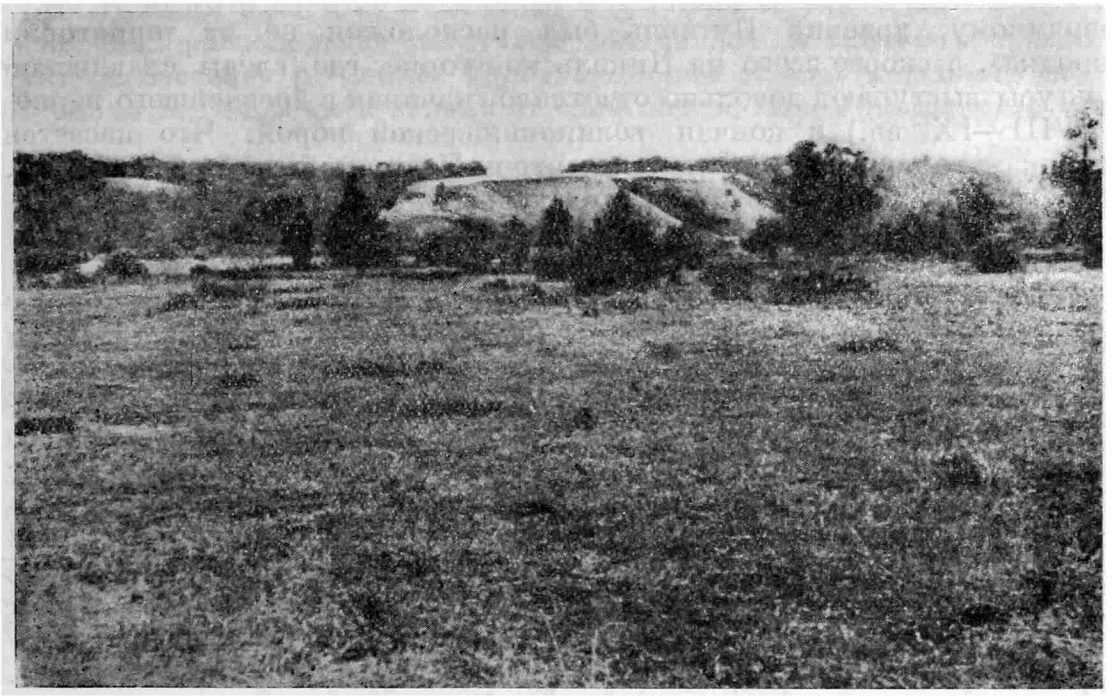


Рис. 4. Общий вид городища у с. Воргол.

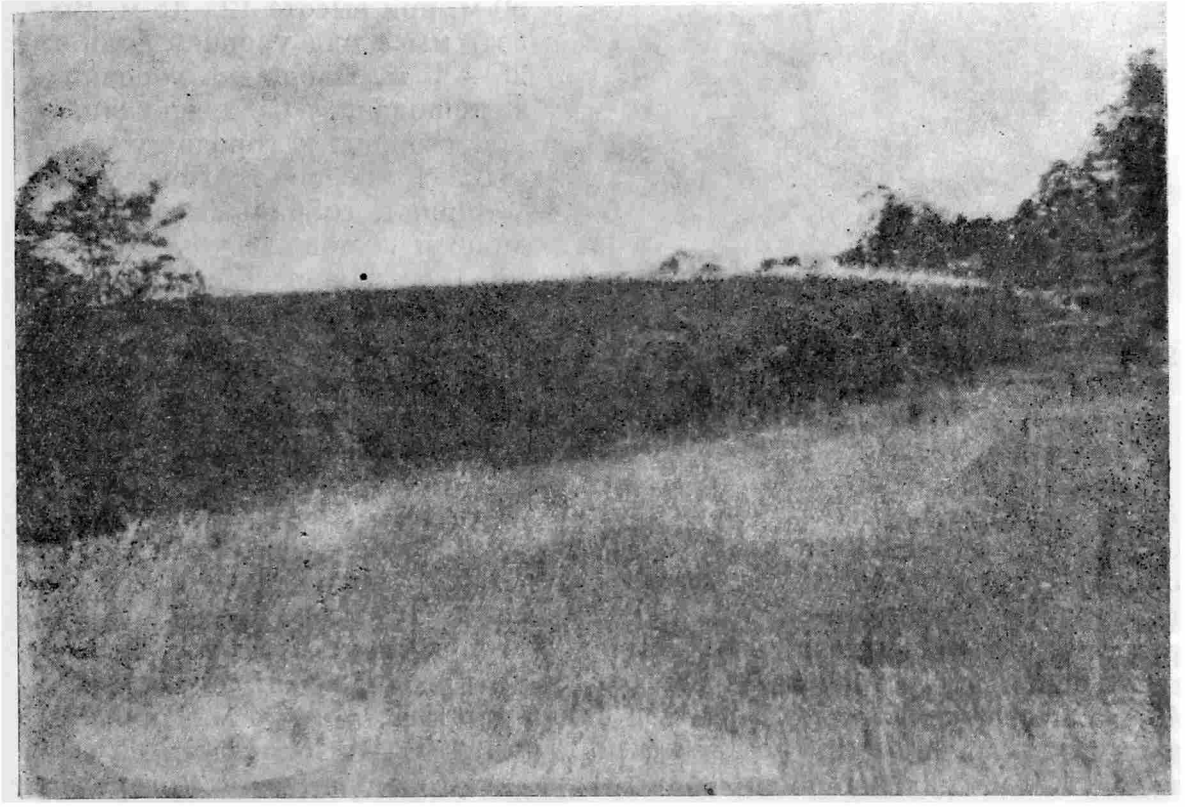


Рис. 5. Вал городища у с. Воргол.

Повидимому, древний Путивль был расположен не на территории «Городка», а скорее всего на Никольской горке, где следы славянской культуры выступают довольно отчетливо, начиная с древнейшего периода (VIII—IX вв.) и кончая великокняжеской порой. Что касается «Городка», то последний является центром Путивля более поздней поры, о чем говорит как содержимое культурных отложений, так и характер оборонительных сооружений «Городка».

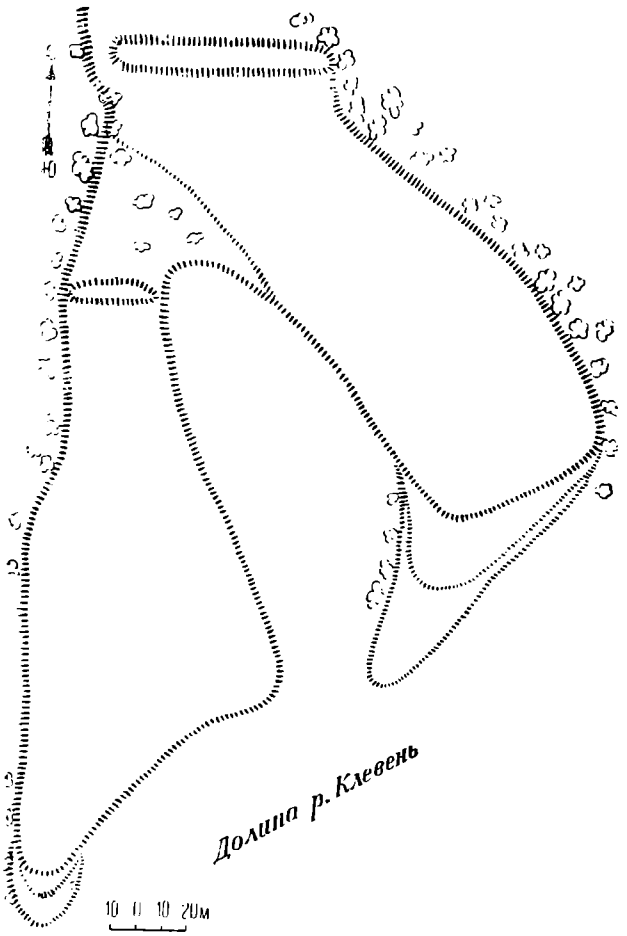


Рис. 6. Схематический план городища у с. Воргол.

4. Интересное однослойное городище зольничной культуры с прилегающим к нему селищем обнаружено близ с. Старые Гончары, Путивльского р-на Сумской обл., на мысу правого коренного берега р. Сейма, отстоящего на 7—8 км от современного русла реки, в 1.5 км к северо-востоку от села. Форма городища овальная, вытянутая по оси С—Ю. Размер городища: по длинной оси — 140 м, по короткой — на юге — 15 м, на севере — 100 м. С северо-западной стороны от плато мыс отрезан рвом и валом длиною около 50 м, при высоте 12—15 м. Высота мыса над уровнем долины 25—30 м. Площадка городища задернована. С северо-западной стороны к городищу примыкает селище. Подъемный материал, собранный на городище и селище, а также материал из зачистки склонов городища оказался однотипным, принадлежащим зольничной культуре, если не считать единичных черепков, принадлежащих эпохе бронзы.

5. В этой же излучине долины р. Сейма, километрах в восьми к востоку от с. Старые Гончары обследовано еще одно городище, содержащее отложения зольничной культуры, в с. Линово Путивльского р-на Сумской обл. (18 км к востоку от Путивля). Городище расположено на мысу левого берега большой балки, прорезывающей правый коренной берег р. Сейма через с. Линово. С трех сторон мыс обрамлен балками; с восточной, напольной, стороны он отрезан рвом и валом высотою около 3—4 м. Высота мыса над уровнем дна балки достигает 40—50 м. Городище занимает площадь размером 150 м по длинной (В—З) оси, 50 м на востоке и 120 м на западе по короткой. Площадка городища занята огородом и распахивается. Культурный слой выражен слабо. Большая часть его смыта водой вследствие сильной покатости площадки городища в южную сторону.

Собранный материал содержит остатки исключительно зольничной культуры.

6. В 20 км к востоку от Линово у с. Горки Путивльского р-на Сумской обл. расположено последнее зольничное поселение территории УССР в бассейне р. Сейма. Городище занимает мыс коренного берега р. Сейма в 2—2.5 км к западу от села над полотном железной дороги.

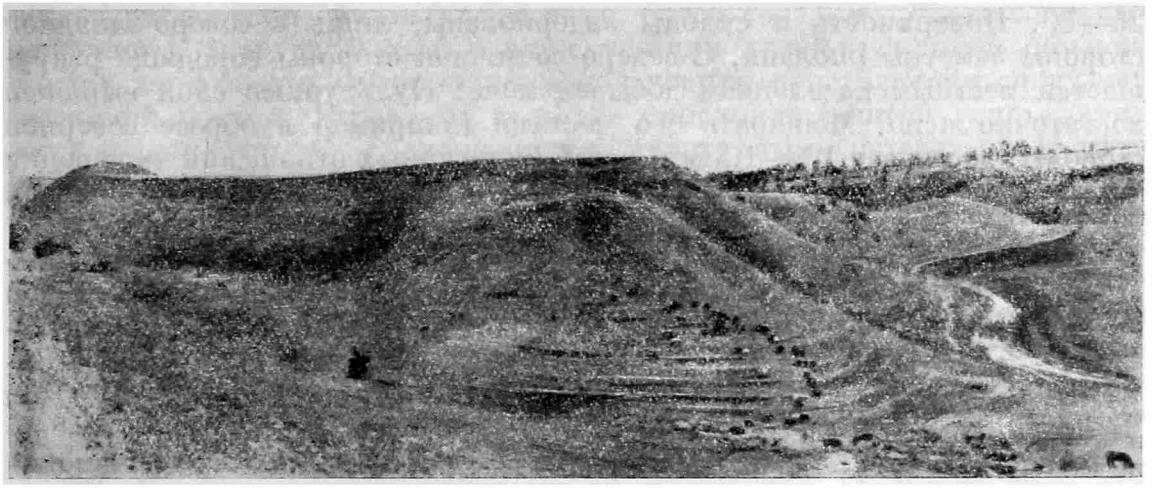


Рис. 7 Общий вид городища у с. Ховзовка.

С южной, западной и северной сторон мыс обрамляется долиной р. Сейма и балками. С востока, со стороны плато, он отрезан валом от 2 до 6 м высотой. Мыс над долиной возвышается до 30 м. Городище имеет оваль-

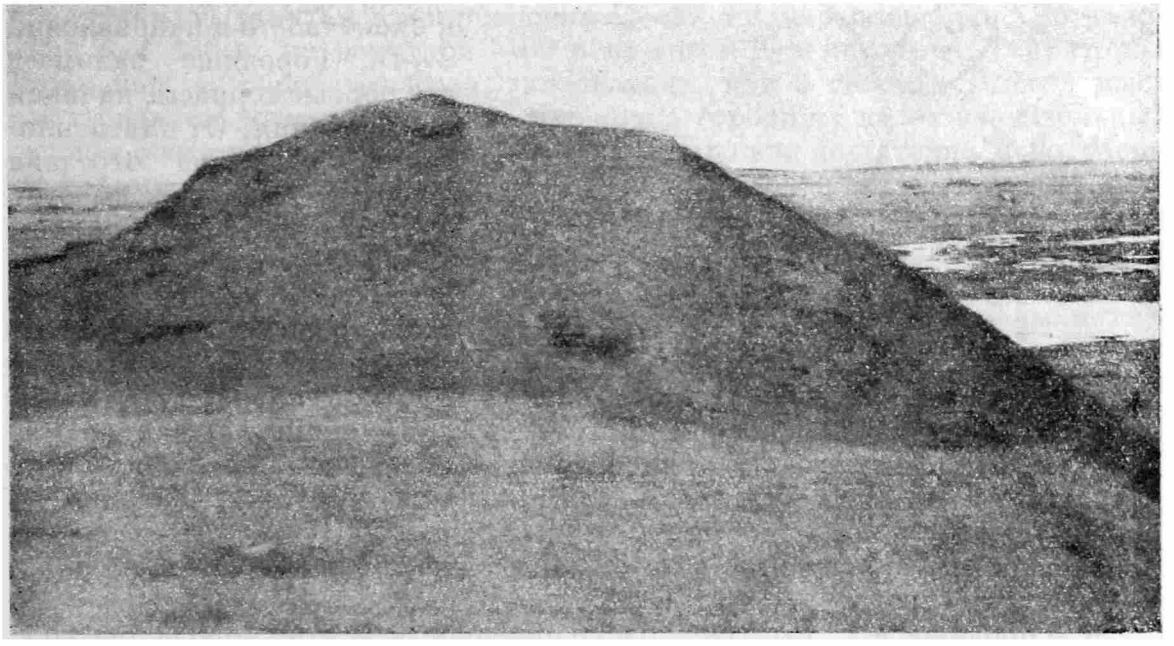


Рис. 8. Вал городища у с. Ховзовка.

ную форму. Размер по длинной оси около 150 м, по короткой на западе 15 м, на востоке около 100 м. Площадка городища распахивается. Культурный слой имеет мощность до 1.20 м. Он состоит из отложений зольничной и славянской (роменской) культур.

7. Небольшое, полуразрушенное городище обнаружено в с. Лещиновка Глушковского р-на Курской обл. Оно расположено на останце

правого коренного берега р. Сейма, отрезанного от плато оврагами. Следов искусственных укреплений не сохранилось; повидимому, ров и вал, когда-то отделявшие мыс от плато, разрушены оврагами. Форма городища яйцевидная. Размер по длинной оси 110 м, по короткой (на середине) 56 м. Площадка возвышается над долиной метров на 25—30. Поверхность и склоны задернованы, лишь с северо-западной стороны заметны оползни. С северо-восточной стороны городище разрушается местным населением добычей мела. Культурный слой выражен достаточно ясно. Мощность его местами (например в обрезе северной стороны) достигает 1.2—1.3 м. Состав культурных отложений — черепки зольничной и славянской керамики.

Рис. 9. Схематический план городища у с. Ховзовка.

8. Одно из интереснейших поселений зольничной культуры находится у Советского хутора, близ с. Сухая Рыльского р-на Курской обл., в 8—10 км к северо-востоку от с. Лещиновка (в 25 км к юго-западу от г. Рыльска). Городище расположено на мысу правого коренного берега р. Сейма, образованном балками. Длина мыса около 1.5 км. Он состоит из ряда террас, идущих уступами от основания к оконечности в направлении З—В. Городище занимает две первые террасы, начиная от основания. От плато площадка городища отрезана мощным валом, высотой 6—7 м; с восточной стороны склон второй террасы путем искусственной зачистки превращен почти в отвесную стенку, высотою 4—5 м. Северная сторона обрамлена балкой, южная—болотистой долиной р. Сейма. Форма городища—грушевидная, размер его—около 30 000 кв. м. Культурный слой сохранился неравномерно. Вследствие неровности площадки в некоторых местах он совершенно смыт, в других, наоборот, — значительно усилен и достигает 1.2 м.

Собранные культурные остатки принадлежат исключительно зольничной культуре.

9. Городище в г. Рыльске, расположенное в центре города, на горе Ивана Рыльского, давно привлекает к себе внимание,[1] однако археологический облик его, как и многих других обследованных нами городищ, оставался неясным. Оно занимает мыс, превращенный в последнее время в останец правого коренного берега р. Сейма, отрезанный от плато с запада балкой, а с юга искусственной выемкой, сделанной с целью связи города с предместьем. По своему внешнему облику останец напо-

[1] А. Н. Александров. Долина р. Сейма. Археологическая экскурсия 1910 г. Древности. Тр. МАО, XXIII, вып. 2, стр. 308—328.

минает столовую гору с отвесными обрывистыми стенками высотой до 50 м над уровнем долины реки. Площадка останца имеет неправильную, несколько вытянутую с юга на север форму, размером около 300 м по длинной оси и 150 м по короткой. Следов искусственных укреплений не обнаружено, но, несомненно, это было укрепленное поселение. Мощность культурного слоя достигает местами более 2—2.5 м. Древнейшие отложения в виде слоя золы с вкраплениями углей, глиняной обмазки, костей животных и черепков глиняной посуды подстилаются снизу черноземной почвой. Выше них залегает прослойка желтой глины, затем новый слой чернозема, смешанный с культурными остатками. Подъемный материал, а также материал зачисток содержит вещи, относящиеся к двум культурно-хронологическим этапам: зольничному и славянскому (роменскому и великокняжескому). Самый верхний слой связан с отложениями последних дней — развалинами церкви XIX в.

Повидимому, гора Ивана Рыльского была древнейшей частью г. Рыльска великокняжеской поры. Возникновение здесь поселения следует отнести, как и в Путивле, к далекому прошлому (до н. э.) и связать его с населением зольничной культуры, этнический облик которого определить пока что не представляется возможным.

10. В 4 км к северу от Рыльска по дороге на с. Осмолово находится последнее городище «гнезда» поселений участка Рыльск — устье р. Клевень. Оно занимает мыс коренного берега р. Сейма, вытянутый параллельно долине реки по линии С—Ю. С востока мыс обрамлен долиной реки, с севера и запада — балкой, с напольной (южной) стороны площадка, занятая городищем, отгорожена рвом и валом высотою до 10 м. Сохранность вала и рва, как и всего городища, прекрасная, если не считать проложенных по всему городищу окопов. Форма городища — овальная, вытянутая в направлении С—Ю. Размер площадки: по длинной оси 150 м, по короткой — 60 м на юге и 10 м на севере. Территория городища не обрабатывается, задернована, как и склоны. Высота мыса над уровнем долины 25—35 м. Площадка городища имеет значительный уклон с юга на север. Культурный слой выражен достаточно ясно. Мощность его местами доходит до 1 м. Городище содержит отложения зольничной культуры и слабо выраженные элементы славянской. Хотя в литературе городище и было известно, однако археологический облик его оставался не выясненным.[1]

Прочие пять поселений зольничной культуры расположены к востоку и западу от рассмотренной нами территории. Два из них — восточное (Ратское) и западное (Шебалинское) — мы кратко охарактеризовали выше. Из остальных трех одно лежит в западной части, между Шебалинским городищем и устьем р. Клевень; это городище у с. Красное Утро (б. Божки), два других к востоку — между Рыльским и Ратским городищами. Это городища у с. Погореловка Льговского р-на Курской обл. и с. Шуклинки Стрелецкого р-на Курской обл. (в 6 км к северу от Курска).

Городище у с. Божки известно в литературе по сведениям, собранным в 70-х годах Д. Я. Самоквасовым.[2] В числе других городищ этого района оно было причислено Д. Я. Самоквасовым к остаткам одного из поселений Воргольской волости Северянской земли. Археологический облик городища, однако, никем не выяснялся. Собранные нами при обследовании материалы, наряду с ранней славянской керамикой, содержали,

---

[1] А. Дмитрюков. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах. Тр. Курск. статист. комит., вып. 1, Курск, 1863.

[2] Д. Я. Самоквасов. Древние города России, Приложение, стр. 3.

правда, незначительные остатки и зольничной. Повидимому, территория городища была освоена уже населением зольничной культуры. Отсутствие ясно выраженных следов последней следует объяснить мощностью отложений славянской культуры (до 1.5 м) и характером обследования (никаких зачисток не производилось).

Городище у с. Погореловка расположено к северу от села, в 3—4 км, на высоком мысу коренного правого берега р. Сейма, против с. Быки. По своему внешнему облику оно весьма типично — овальное, несколько вытянутое, размером около 130 м по длинной оси и 50 м по короткой. С напольной (северо-западной) стороны оно защищено довольно мощным, высотою около 5—6 м, валом и глубоким, около 2.5—3 м, рвом. С северо-восточной и юго-западной сторон его обрамляют глубокие балки, а с юго-востока долина р. Сейма. Высота мыса над уровнем долины реки достигает 50 м. по отношению к балкам — от 30 до 40 м. Площадка мыса имеет большой уклон (до 10 м) с С—З на Ю—В. Культурный слой выражен достаточно ясно. Собранный материал на площади городища, а также при зачистке склонов состоит из керамики, принадлежащей зольничной культуре.

Шуклинское городище хорошо известно в литературе. Исследователь его, сотрудник Курского музея Л. Н. Соловьев, даже назвал по имени городища одну из групп керамики, обнаруженной на городище. Городище расположено близ с. Шуклинки, километрах в шести от г. Курска, на высоком правом берегу р. Тускарь, притоке р. Сейма. С востока, севера и юго-востока мыс обрамлен долиною р. Тускарь, с юга, запада и юго-запада — оврагом, а с северо-запада, со стороны плато — рвом и валом высотою 5—6 м. Как и большинство городищ этой группы, Шуклинское имеет овальную удлиненную форму, вытянутую по оси СЗ—ЮВ. Размер по длинной оси — 150 м, ширина от 40 до 70 м. Площадка имеет значительную покатость в направлении с северо-запада на юго-восток. Поверхность городища задернована и сильно заросла кустарником. Ближе к восточной стороне по длинной оси городища пролегает дорога, в нижней части сильно размытая, почти превращенная в овраг. Культурный слой прослеживается хорошо в обрезе дороги и в зачистке склонов. Мощность его колеблется от 0.50 до 1.5 м. По своему археологическому облику Шуклинское городище многослойное. Здесь есть отложения и зольничные и раннеславянские.

Как видно из изложенного, бо́льшая часть обследованных нами городищ хорошо сохранилась и имеет ясно выраженный культурный слой, мощность которого колеблется от 0.4—0.5 м до 2—2.5 м. Основную массу собранного материала на этих городищах составляют черепки глиняной посуды; меньшую часть — различные поделки из глины, куски глины с отпечатками прутьев, поделки из камня и единичные находки из металла — бронзы и железа. Мы не производили раскопок. Весь материал является подъемным или из зачистки отложений на склонах городищ и небольших разведочных шурфов, заложенных в тех местах, где на поверхности находки не были обнаружены. Вполне естественно, что наши стратиграфические наблюдения крайне скудны. Несмотря на это, мы располагаем достаточными данными для суждения об археологическом облике обследованных нами городищ. Объясняется это прежде всего простотой стратиграфии. Большинство городищ, как мы видели, содержит отложения всего лишь двух культурно-хронологических периодов (так называемого зольничного и славянского), за исклю-

[1] Л. Н. Соловьев, ук. соч., стр. 12—33.

чением двух поселений: у с. Шебалиново и на р. Рать. Что касается самого материала, то он, несмотря на свою сравнительную бедность, для каждого периода имеет такие характерные особенности, что легко поддается определению. Кроме того, хотя и на ограниченном круге памятников, все же мы имели возможность провести стратиграфические наблюдения (городище в г. Рыльске, городище у с. Горки). Совокупность этих данных позволяет установить, что в основании культурного слоя почти всех перечисленных нами городищ лежат отложения зольничной культуры, что отложений более ранней поры мы не имеем ни на одном из них, если не принимать в расчет случайных единичных черепков эпохи бронзы. Вопрос о взаимоотношении деснинской и зольничной культур в отложениях Шебалинского городища как частный, имеющий к исследуемому нами вопросу лишь косвенное отношение, остается пока что нерешенным. Дать ответ на него не представляется возможным, главным образом, из-за отсутствия четкой датировки деснинской культуры. Датировка ее началом нашей эры, предложенная П. Н. Третьяковым, не обоснована и не может быть принята.[1] Наши стратиграфические наблюдения на Шебалинском городище также бедны, и мы не решаемся использовать их для каких-либо выводов по этому вопросу.

Основываясь на всем вышеизложенном, мы вправе утверждать, что обследованные нами городища, содержащие отложения как зольничной культуры, так зольничной и славянской, своим возникновением обязаны населению, создавшему так называемую зольничную культуру.

3

Перейдем к характеристике облика той культуры, остатки которой сохранились в древнейших отложениях исследуемых нами поселений и которую мы назвали хорошо знакомым нам именем по исследованиям поселений южной полосы лесостепи — «зольничной». Основную массу собранных материалов из отложений зольничной культуры составляют черепки глиняной посуды. Ведущее место среди них принадлежит черепкам кухонных горшков, орнаментированных по краю венчика «щипками» и насечками и рядом сквозных отверстий, расположенных несколько ниже края венчика (рис. 10). Нижняя часть горшков на горизонте донышек имеет в профиле характерный для этой группы сосудов выступ в виде рантика. По размерам сосуды этой группы весьма разнообразны. Сделаны они из плохой неотмученной глины, часто с примесью, вследствие чего поверхность многих сосудов шероховатая. Толщина стенок колеблется от 0.5 до 2 см. Цвет большинства собранных черепков светлый, от желто-красного до красно-бурого. В изломе черепки имеют темную, даже черную окраску, связанную, повидимому, с неравномерностью обжига.

Вторую группу представляют черепки мискообразных сосудов с загнутыми внутрь венчиками. Количественно эта группа сосудов представлена небольшим числом черепков. Изготовлялись они из глины лучшего качества, без каких-либо заметных примесей. Цвет сосудов — серый, иногда заметны следы лощения. Из других вещей, характеризующих «зольничный» комплекс, следует отметить различные поделки из глины. Наиболее широкое распространение из них имеют так называемые глиняные блоки. По своей форме и размерам они весьма разнообразны.

---

[1] П. Н. Третьяков. Северные восточно-славянские племена. МИА СССР. вып. 6, М.—Л., 1941, стр. 13—16. Ср.: Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908. (Материалы из Юхновского городища).

Почти на всех городищах найдены куски глины с отпечатками прутьев диаметром в 1.5—2 см. Найдено несколько вещей из металла. Из них следует отметить небольшой серповидный нож (а может быть, и поломанный серп) из железа (городище у с. Сухая Рыльского р-на Курской обл.) и два бронзовых наконечника стрел (городище у с. Ховзовка Путивльского р-на Сумской обл.).

В изложенной характеристике мы показываем лишь общий облик вещевого комплекса зольничной культуры поселений северной полосы лесостепи. Мы совершенно не касаемся здесь некоторых особенностей, наблюдаемых в керамических комплексах отдельных городищ. На них мы остановимся ниже.

Рассмотрим теперь этот зольничный комплекс северной полосы лесостепи на фоне материалов южных зольничных поселений и попытаемся найти ему хронологическое место среди них.

В 1945—1946 гг. при изучении зольничных поселений южной полосы лесостепи нам удалось произвести хронологическое членение их на две явно ощутимых группы: раннюю, до V—IV вв., и позднюю, от V до III—II вв. до н. э. Основанием для таких выводов явились находки хорошо датирующей греческой привозной посуды в комплексах с местной керамикой, собранной нами на большом числе поселений. Неоднократная последующая проверка этих выводов получила полное подтверждение их достоверности.[1] Напомним кратко характерные черты керамических комплексов, свойственных каждой из этих хронологических групп.

Для поселений ранней поры (VII—V вв.) присущи следующие типы сосудов (рис. 11):

1) кухонные горшки, изготовленные без гончарного круга из грубой глины, часто с примесью инородных тел. Размер этих сосудов весьма разнообразен. Цвет глины — от красного до темнобурого; обжиг неравномерен. Край венчика срезан горизонтально или орнаментирован «щипками». Несколько ниже края — налепной валик, орнаментированный также щипками, и ряд сквозных отверстий. Иногда валик под прямым углом спускается книзу;

2) следующую группу составляет черная лощеная посуда самых разнообразных профилей. Для наиболее раннего периода характерен геометрический врезной орнамент, инкрустированный белой пастой. Лощение этой поры отличается высоким качеством, часто приближаясь к черному лаку греческой посуды;

3) различные привозные греческие сосуды — чернолаковые, амфоры и т. п.

Посуда керамического комплекса поселений поздней поры, сохраняя в целом облик предшествующей, имеет и свои особенности (рис. 12):

1) кухонные горшки продолжают оставаться самым распространенным типом; форма, размер и техника изготовления горшков мало изменяются. Основное отличие сводится к отсутствию в орнаментации налепного валика и более резкой профилировке основания горшка (днище);

2) более существенные изменения происходят в группе лощеной посуды. Прежде всего значительно сокращается круг типов сосудов и ухудшается качество лощения. Наиболее широкое распространение получают миски с загнутым внутрь краем. Цвет их от темносерого до оранжево-красного. Сосуды с геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой, совершенно исчезают;

---

[1] И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий в бассейне р. Ворсклы. , стр. 82—84.

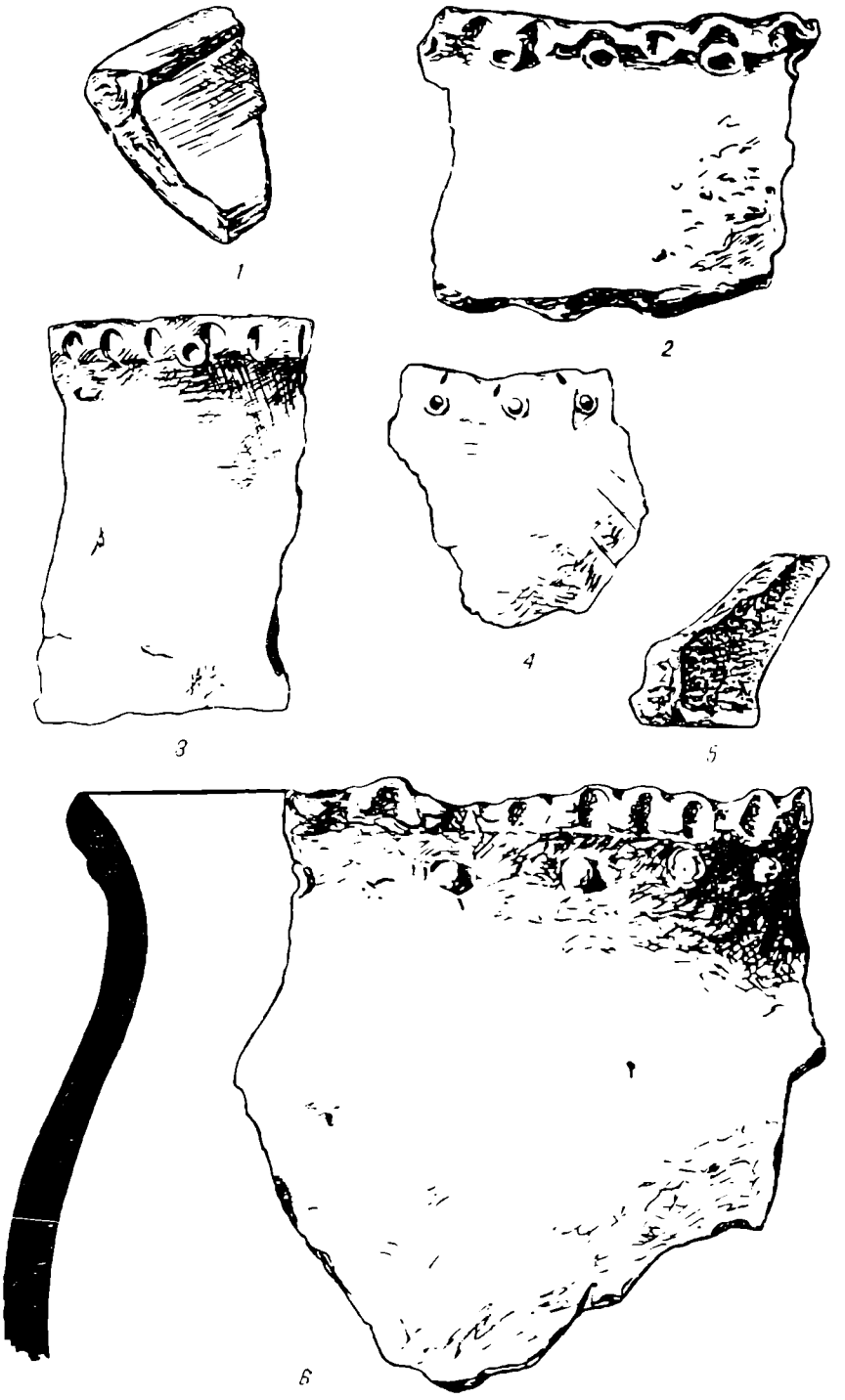


Рис. 10. Керамика зольничных поселений северной полосы Днепровского лесостепного Левобережья.

1, *6* — городище близ с. Ховзовка; *2*, *4* — городище близ с. Сухая; *3* — городище близ с. Городище (р. Рать); *5* — городище близ с. Горки.

3) большое место в комплексе посуды этой поры занимают привозные сосуды — амфоры.

Таким образом, керамический комплекс позднезольничных поселений не является чем-то новым, оригинальным. В нем мы наблюдаем все наиболее характерные типы сосудов, свойственные керамическому комплексу ранней поры. В то же время он и отличен от раннего. В нем нет многих деталей, присущих отдельным типам сосудов раннего комплекса. Кухонные горшки в орнаментации не имеют налепного валика, придающего особый оттенок ранней группе сосудов; исчезает врезной геометрический орнамент, инкрустированный белой пастой, на черных лощеных сосудах; качество лощения сильно падает. В свете изложенного, керамический комплекс зольничной культуры северной полосы лесостепи можно поставить в связь лишь с поздним этапом развития этой культуры.

Как известно, в южной полосе лесостепи поздний этап зольничной культуры датируется от V до III—II вв. до н. э. Было бы, кажется, вполне закономерным перенести эту датировку и на исследуемые нами памятники, однако некоторые обстоятельства не позволяют этого сделать. Выше мы отмечали, что сделанное нами описание вещевого комплекса зольничной культуры городищ северной полосы лесостепи характеризует лишь общий его облик и не оттеняет некоторых особенностей, свойственных как отдельным вещам, так и целым группам. Суть вопроса состоит в том, что охарактеризованный выше комплекс с вещами, явно тождественными вещам позднезольничного комплекса южной полосы, включает в себя вещи, хотя и безусловно принадлежащие к кругу зольничной культуры, однако не являющиеся типичными для позднезольничного комплекса южной полосы, а следовательно, и относящиеся к какому-то иному хронологическому отрезку. Мы имеем в виду прежде всего некоторые особенности глиняной посуды. Наиболее широко распространенными типами сосудов позднезольничной поры южной полосы являются кухонные горшки, орнаментированные по краю венчика «щипками». Реже встречаются насечки. Ниже края венчика у большинства сосудов имеются сквозные отверстия. Второе место занимают миски с загнутым внутрь краем. Если мы обратимся к материалам северных зольничных городищ, то заметим, что охарактеризованные выше черты в них занимают далеко не ведущее место. В частности, орнаментация в виде «щипков» составляет лишь незначительный процент. Большинство горшков, сохраняя характерный орнаментальный мотив зольничной керамики — сквозные отверстия ниже края венчика, — здесь вместо «щипков» чаще украшаются насечками, сделанными палочкой или каким-либо другим острым орудием. Очень мало в керамическом материале мисок. Они представлены, буквально, единичными черепками. Заметное место среди этих материалов занимают сравнительно тонкостенные кухонные горшки. Некоторые из них орнаментированы сквозными отверстиями ниже края венчика, но большинство их совершенно гладкие, без какой-либо орнаментации. В таких случаях только рантик донышка да совместные находки в комплексе с характерной зольничной посудой дают возможность разобраться в этой группе посуды.

Отмеченные особенности материалов зольничной культуры северной полосы лесостепи придают им своеобразную окраску. Разобраться в них, понять их на фоне зольничной культуры VII—II вв. до н. э. южной полосы невозможно. Их там нет. Они выходят за пределы этих хронологических рамок, являясь характерными чертами нового, следующего этапа в ее развитии уже в северной полосе, через который южные поселения не проходили. Элементы позднезольничной культуры типа южной полосы сравнительно широко представлены на северных поселениях

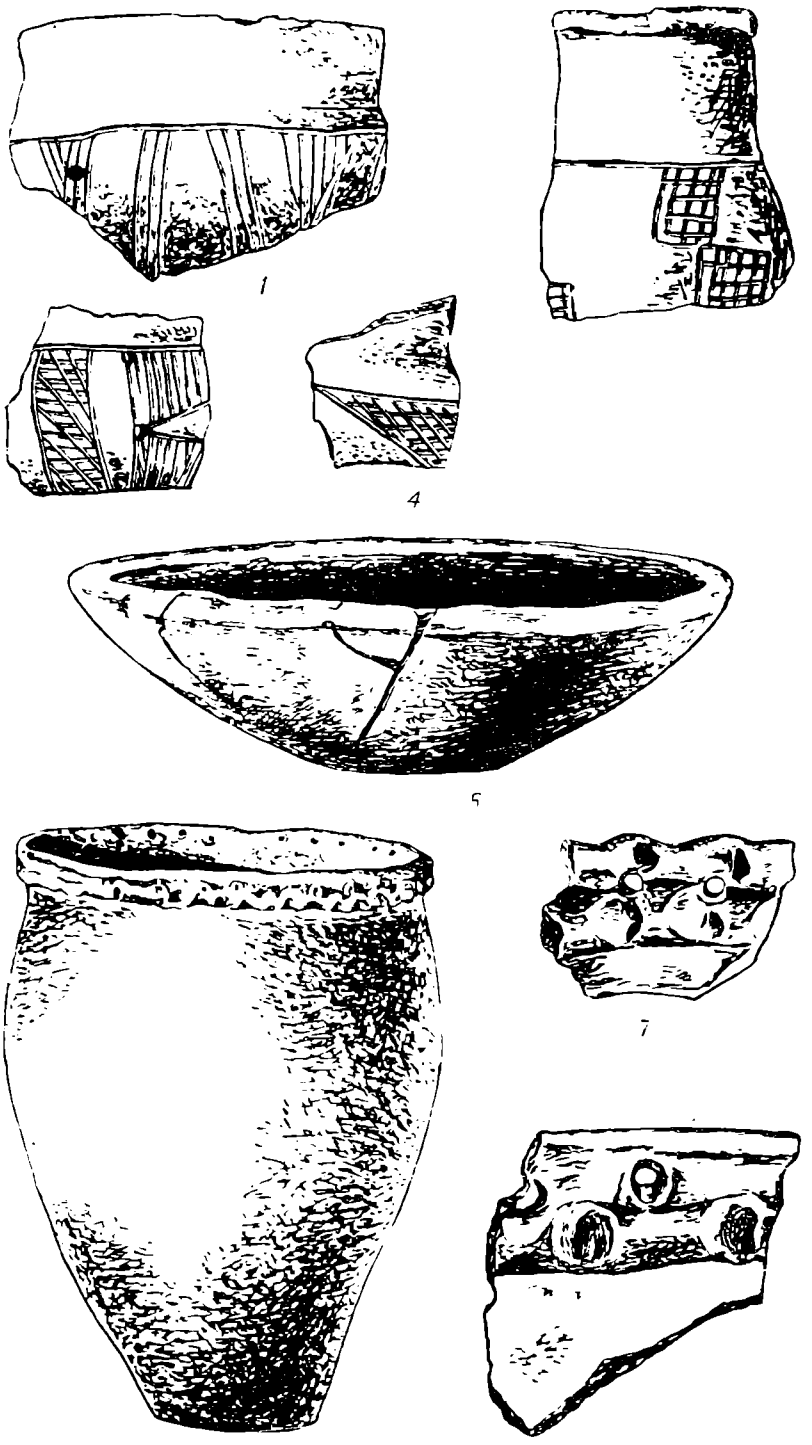


Рис. 11. Керамика раннезольничных поселений южной полосы Днепровского лесостепного Левобережья.

1, 7, 8 — селище № 2 близ хут. Пожарная Балка (зольники курганного типа); *2* — селище близ с. Стасовцы; *3, 4* — селище близ с. Петровка; *5, 6* — селище в г. Полтаве (раскопки 1946 г.).

в комплексах с этими новыми элементами. В таком сочетании они прослеживаются на городищах у сел Ховзовка, Ст. Гончары, Горки Путивльского р-на Сумской обл., с. Сухая и г. Рыльск. На одних эти новые элементы выражены ярче, на других слабее. В таком виде выступают и собственно позднезольничные остатки. К сожалению, среди собранных нами материалов мы не имеем непосредственно датирующих предметов, как это имеет место на юге, а посему не можем сказать даже приблизительно о верхней хронологической границе поселений, содержащих эти новые элементы позднезольничной культуры. Для нас ясна лишь нижняя граница, время их возникновения, датируемое на основании полного сходства керамического комплекса с комплексом позднезольничной культуры IV—II вв. до н. э. южной полосы.

4

Итак, древнейшие остатки зольничной культуры в северной полосе лесостепи относятся к позднему этапу ее развития, IV—II вв. до н. э., к тому времени, когда в южной полосе она уже начинает исчезать. Появление ее в северных районах, где никаких местных истоков для нее не прослеживается, может быть объяснено или заимствованием элементов этой культуры местным населением при тесных связях с югом, или же переселением в северный район непосредственных носителей этой культуры из других, более древних ее очагов. В первом случае зольничная культура должна явиться лишь одним из слагаемых местной культуры, особенно на первых этапах этого заимствования. Во втором случае — зольничная культура должна выступать как ведущая.

Судя по собранным нами материалам, мы имеем здесь дело со вторым случаем, к тому же таким, при котором зольничная культура выступает в обследованных памятниках (в большинстве) как единственная, без примеси каких бы то ни было элементов других синхроничных ей культур. Другими словами, мы устанавливаем факт переселения в северную полосу лесостепи в IV—II вв. до н. э. из какого-то другого района — нового народа, неизвестного ранее в этих краях. Откуда же могло передвинуться сюда это население?

Выше мы отмечали, что при изучении памятников скифского времени южной полосы лесостепи Днепровского Левобережья нами было установлено, что в III—II вв. до н. э. на поселениях зольничной культуры жизнь прекращается. Это событие относится к тому самому времени, когда в северной полосе лесостепи того же Левобережья в расстоянии 300 км мы наблюдаем картину возникновения поселений той же культуры, переселения сюда нового народа. Весьма заманчиво связать эти явления между собою. Нам кажется, что к этому есть полное основание. Помимо территориальной близости, хронологического совпадения этих событий, тождественности культур раннего периода северной полосы с поздним — юга, нам хочется отметить и еще одну, весьма любопытную сторону близости быта населения севера и юга. Мы имеем в виду укрепленный характер поселений (городища). Мы уже говорили, что все обследованные нами в северной полосе поселения, связанные с зольничной культурой, являются городищами; что встреченные по маршруту селища той же культуры не являются самостоятельными, они — придатки к городищам. Если мы обратимся к южной полосе, то там мы найдем картину как будто бы противоположного порядка. Большинство поселений зольничной культуры юга являются открытыми селищами. Так, в бассейне среднего и нижнего течения р. Ворсклы из общего количества более чем 30 поселений лишь 4 поселения — городища. Значительно

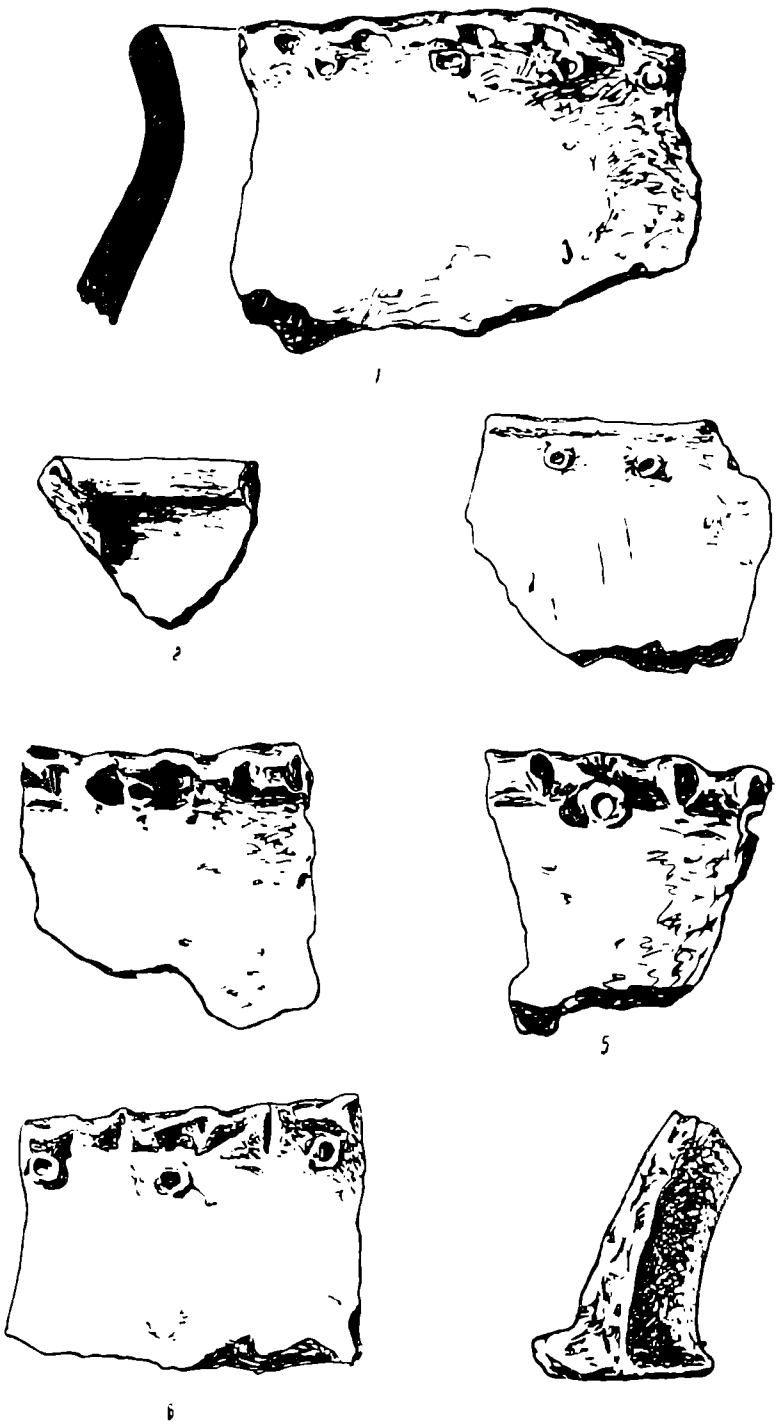


Рис. 12. Керамика позднезольничных поселений южной полосы Днепровского лесостепного Левобережья.

1, 3, 6, 7 — городище в с. Б. Гомольша; *2* — городище близ с. Коломак; *4* — городище близ с Меловая (Северское); *5* — селище № 1 у хут. Пожарная Балка.

больше городищ в бассейне верхнего течения рр. Ворсклы и Северского Донца, но и там, вероятно, это соотношение изменится, как только район будет исследован более тщательно. Изучение материалов поселений южной полосы, однако, показывает, что эта внешняя противоположность типа поселений севера и юга не отражает действительности. Оказывается, что южные поселения типа селищ в бо́льшей части принадлежат ранней поре зольничной культуры, т. е. тому периоду, когда в северной полосе населения зольничной культуры еще не было, а все поселения типа городищ являются поздними поселениями, близкими по времени городищам севера. Даже такое поселение, как Бельское, жизнь на котором началась не позднее VII—VI вв. до н. э., как городище так же оформляется лишь в позднюю пору. Раскопки В. А. Городцова дали прекрасный стратиграфический материал, подтверждающий это положение. Анализируя эти материалы, В. А. Городцов писал: «Заканчивая на этом обзор предметов, добытых в зольниках, мы можем сказать, что древность последних весьма значительна и соответствует не одному, а нескольким столетиям и что г о р о д и щ а (разрядка наша, — *И. Л.*) могут быть современны только концу образования зольников».[1]

Среди городищ, обследованных нами, — Коломацкое, Грашковское, Опошнянское (Кардашев вал), Большая Гомольша, Северское у с. Меловая, — мы не можем назвать ни одного, которое могло бы быть отнесено к раннему периоду зольничной культуры. В с е ж е п о с е л е н и я, с о д е р ж а щ и е т о л ь к о р а н н е з о л ь н и ч н ы е о т л о ж е н и я (например у сел Петровка, Каменка, хут. Пожарная Балка, у Тараниева яра и некоторые др.) я в л я ю т с я о т к р ы т ы м и п о с е л е н и я м и, с е л и щ а м и.

Отмеченные особенности типа поселений для различных этапов жизни одного и того же населения весьма любопытны сами по себе, а вместе с тем проливают некоторый свет и на отношения северной и южной групп населения зольничной культуры и помогают вскрыть обстоятельства, вызвавшие передвижку населения зольничной культуры из южной полосы в северную.

Появление укрепленных поселений в юго-восточной части лесостепной полосы Днепровского Левобережья, за исключением Бельского, относится к IV—III вв. до н. э., к тому времени, когда в юго-восточных степях и пограничных лесостепных районах появляются полчища кочевников-сарматов. Характерно, что наибольшее число укрепленных поселений зольничной культуры южной полосы сосредоточено именно в самом юго-восточном углу — в бассейнах верхнего течения рр. Северского Донца и Ворсклы, т. е. в том районе, который в первую очередь должен был принять на себя всю тяжесть нападения движущейся орды кочевников.

Судя по мощности укреплений, возведенных вокруг этих поселений, следует признать, что оседлое население лесостепной полосы длительно и упорно боролось со степью. Были, повидимому, мобилизованы все силы. И, несмотря на это, победа все же оказалась на стороне степняков. Южные районы лесостепи к рубежу III—II вв. до н. э. были оставлены оседлым населением. Как высоко к северу поднимается граница покинутых земель, мы пока еще не знаем. Памятники бассейнов рр. Пела и Сулы изучены слабо, и мы не решаемся сказать об этих районах что-либо определенное. Вероятнее всего и там, особенно в районах среднего и нижнего течений этих рек, мы найдем ту же картину, что и на Ворскле, поскольку по своему ланд-

---

[1] В. А. Г о р о д ц о в, ук. соч., стр. 158.

шафту эти районы ничем не отличаются от Поворсклья — особенно по водоразделам. Об этом говорит и то, что бывшие обитатели юга, даже забравшись за Сейм, в районы, пограничные с лесной полосой, не чувствовали себя в безопасности и вынуждены были искать себе защиту в укрепленных поселениях — городищах, сооруженных в малодоступных уголках — на высоких крутых мысах, среди лесов и болот. Сооружение таких убежищ могло быть обусловлено лишь непосредственной опасностью, близостью врага.

Так рисуется нам одна из страниц истории оседлого населения лесостепной полосы Левобережной Украины конца первого тысячелетия до н. э. на конкретном археологическом материале. Многое из изложенного должно быть проверено при дальнейших полевых изысканиях. Сейчас с полной достоверностью можно утверждать лишь одно, что мы нашли следы дальнейшей жизни населения лесостепной полосы (по А. А. Спицыну — «скифов-пахарей»), исчезнувшего около III—II вв. до н. э. на большей части территории лесостепи. Изучение этих следов откроет нам следующий этап в его жизни и в какой-то мере приблизит нас к решению вопроса о месте этого населения в истории восточно-славянского народа.

С. Н. БИБИКОВ

ПЕЩЕРНЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ В НАГОРНОЙ ПОЛОСЕ ЮЖНОГО УРАЛА

(Экспедиционные исследования ИИМК Академии Наук СССР и Областного Челябинского музея)

Не будет большим преувеличением сказать, что Южный Урал, в противоположность Среднему Уралу, в смысле археологической изученности представляет собой почти белое пятно. Здесь никогда не производилось систематических археологических исследований, и даже случайные наблюдения и находки не оставили заметного следа в литературе.

Изучение Среднего Урала, успешно начатое во второй половине XIX в., быстро продвинулось благодаря инициативе отдельных любителей археологии, а затем деятельности местных археологических учреждений Перми (Молотова), Екатеринбурга (Свердловска) и Вятки (Кирова). Не малую роль в насаждении археологических знаний сыграли Пермский университет и культурные учреждения старейшего горнозаводского центра, Екатеринбурга. Дореволюционные исследования в советский период еще больше расширились и углубились, особенно за счет проведения полевых археологических работ на местах строительства гидротехнических сооружений. В результате дореволюционных и советских работ наметилась археологическая периодизация памятников Среднего Приуралья, занявшая уже сейчас достаточно прочное место в системе наших знаний, и, более того, оказалось возможным поставить на реальную почву вопросы этногенеза некоторых племен и народов Урала. Успешности изучения памятников Среднего Урала во многом способствовала их сравнительно легкая доступность по системам горных рек, а главное сохранившиеся письменные источники, дающие надежду увязать их с памятниками материальной культуры легендарной Биармии, Чуди и с Великими Болгарами. Как известно, Средний Урал издавна был связан торговыми узами с народами Поволжья, а через них даже с далекими арабскими странами и Византией. Основная торговая артерия, многоводная Кама, обеспечивала сравнительно нетрудный доступ купцам даже к самым отдаленным уголкам Среднего Урала. Вместе с тем Кама, близко подходящая к Уралу особенно между Пермью и Чердынью, слева принимает два судоходных притока — Чусовую и Вишеру, — подводящие торговый путь к самому Уралу. Кроме того, доступ к горной части Урала и перевал через него не представляли особых трудностей, так как здесь Уральский хребет значительно понижен. С запада в Средний Урал сильно вдается восточная часть Русской равнины, с востока — Западно-Сибирская низменность. Эти равнины настолько суживают горный район, что подходят почти

вплотную к водоразделу. Таким образом, и это обстоятельство с древнейших времен значительно облегчало доступ в Средний Урал.

Совсем иную картину можно наблюдать в северной части Южного Урала. Сама по себе эта часть Урала значительно шире (до 140 км) и загромождена крупными горными образованиями, представляющими немало трудностей для передвижения. Здесь мы постоянно встречаемся с глубокими долинами быстротекущих горных рек, делающих переходы через них крайне неудобными, а временами даже опасными. Мало того, Южный Урал очень слабо связан с главной водной артерией Приуралья — Камой. Река Белая, впадающая в Каму, судоходна только в низовьях и частично в среднем своем течении. Река Уфа тоже мало приспособлена для этих целей, притоки же ее (Ай, Юрюзань и др.), так же как и притоки Белой (Сим и др.), вовсе не судоходны. Оторванностью края от основной торговой магистрали, Камы, можно, повидимому, объяснить отсутствие предметов далекого импорта в археологических материалах Южного Урала. Видимо, этой оторванностью края от торговых путей и от культурных центров можно объяснить и то, что территория эта до проведения здесь железной дороги из Самары (Куйбышева) в Челябинск оставалась в тени и с археологической точки зрения мало интересовала местные общественные организации и научные археологические центры.

Известную роль в археологической недооценке Южного Урала в дооктябрьский период сыграло и увлечение разработкой полезных ископаемых, затмившее собой другие интересы. Впрочем и эти экономические устремления развились на Южном Урале позднее, чем на Среднем Урале.

Из важных дореволюционных событий для южно-уральской археологии следует отметить издание двух выпусков археологических материалов Уфимского музея, выполненное Н. И. Булычевым.[1] В 1911—1912 гг. интересную и содержательную работу в районе Уфы и по рекам Уфе и Белой произвела В. В. Гольмстен.[2] Ею был раскопан и изучен богатый могильник ананьинско-пьяноборской эпохи близ Уфы, а также раскопан и обследован ряд городищ, в том числе у с. Охлебнино на р. Белой, Чертово городище под Уфой и др.

В послереволюционное время интерес к Уралу не только не ослабел, но, наоборот, приобрел государственное значение. Параллельно с геологическими и гидрологическими изысканиями продолжались археологические исследования, особенно на Среднем и Северном Урале. Рост крупных производственных и культурных центров, которые раньше были известны скорее как пересыльные пункты (Челябинск, Уфа и более мелкие населенные пункты), пробудил интерес и к археологическому прошлому Южного Урала. Дореволюционные раскопки и разведки близ Уфы В. В. Гольмстен обратили на себя внимание. В 1928 г. А. В. Шмидт направляется в Башкирию, где проводит очень плодотворные полевые исследования.[3] А. В. Шмидту удалось на основании своих работ и изучения коллекций Уфимского музея, собранных трудами М. М. Касьянова, М. С. Смирнова и др., установить периодизацию для поздних памятников — конца эпохи бронзы и эпохи железа. Эта периодизация, несмотря на ее недочеты, все же остается в основных положе-

---

[1] Н. И. Булычев, Древности Восточной России, вып. I, 1902; вып. II, 1904.

[2] В. В. Гольмстен. Могильники близ г. Уфы. Отч. Московск. археологич. инст., 1911; отд. изд., 1913.

[3] А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук. Прил. к № 8—9 журн. «Хозяйство Башкирии» за 1929 г., Уфа, 1929.

ниях непоколебленной. Если не считать очень важных исследований на самом юге Урала Б. Н. Гракова, а затем Г. В. Подгаецкого и К. В. Сальникова, то ближе к интересующему нас району относятся содержательные работы Башкирской экспедиции, организованной в порядке наблюдения за новостройками и работавшей на отрезке р. Белой Уфа—Ишимбаево. Руководство этой экспедицией осуществлялось П. А. Дмитриевым и К. В. Сальниковым.

Таким образом, из работ наших предшественников следует, что западная часть Южного Приуралья, несмотря на исключительно слабую археологическую ее изученность, все же не была тем «медвежьим углом», где не развивалась культура человека, где она не имела своих самобытных черт и не впитывала культурных приобретений соседних человеческих обществ. Работы В. В. Гольмстен и А. В. Шмидта убеждают нас в этом. Но дело в том, что все названные до- и послереволюционные работы археологов ограничивались Приуральем и не переходили на востоке границ рр. Уфы и Белой. Что было в собственно горном Урале, — оставалось и в значительной степени до сих пор остается за пределами наших знаний. Только сейчас местные музеи и краеведческие организации начинают работу в этом направлении, давшую уже свои положительные результаты. В советское время геологические экспедиции на Южный Урал тоже значительно расширили диапазон исследований. Наряду с продолжением изучения полезных ископаемых, ставятся работы по исследованию четвертичных отложений. Здесь следует отметить инициативу Г. Ф. Мирчинка и его учеников, а также Башкирского геолого-разведочного управления. Именно работам последних лет мы обязаны тем, что уже сейчас можно сделать набросок четвертичной истории Южного Урала и, в частности, интересующего нас района западного склона.

Расположенные на востоке от Прикамья области водоразделов рр. Уфы—Ая, Ая—Юрюзани имеют равнинный характер, представленный кое-где плоскими возвышенностями, ландшафт которых очень напоминает степь. Далее к югу и юго-востоку, начиная примерно от восточной конечности хребта Каратау, ландшафт приобретает гористый характер, образуя иногда достаточно запутанную орографическую систему, прорезанную глубокими долинами горных рек и ручьев. Главнейшие реки этого района западного склона — Юрюзань и Ай — берут свое начало в сердце гор и в нижнем своем течении приобретают характер равнинных рек. Однако обе эти реки, особенно Юрюзань, отличаясь сильно развитыми меандрами и прорезывая в нижнем течении Уфимское плоскогорье, все же сохраняют отпечаток горных рек. В верхнем и среднем течении р. Юрюзань, так же как Сим и Катав, мелководна, быстра и местами пробивает себе путь через глубокие теснины. Высота левого берега в районе пос. Лимоновка, где он совершенно отвесно обрывается к реке, превышает 80 м. На этом обрыве в слоистости пород запечатлелась вся геологическая летопись отложений, составляющих левый берег реки (рис. 1). По общему своему облику рр. Сим и Катав мало отличаются от Юрюзани.

Четвертичные отложения бассейнов рек западного склона Урала систематически начали изучаться в совсем недавнее время. Однако уже собрано довольно большое количество материалов и наблюдений для того, чтобы в общих чертах составить себе представление о четвертичной истории этого района. К сожалению, очень важный, с точки зрения археологической, вопрос об увязке четвертичных отложений с пещерными наносами остался пока нерешенным и в дальнейшем составит одну из важных задач для геологов и археологов. Правда, успех этого исследования

целиком еще будет зависеть от разработки методики исследования и интерпретации собранных фактов. Опыт разработки этого вопроса для других горных районов — Крыма и Кавказа — пока еще не дал ощутительных результатов, хотя связь террас с определенными комплексами датирующих археологических элементов в ряде случаев находит свое полное подтверждение.

Над изучением четвертичных отложений бассейнов рек западного склона Южного Урала — Юрюзани, Ая, Сима, Инзера, Белой и др. — много потрудились М. М. Толстихина, Преображенский, О. И. Ожигалова, Г. В. Вахрушев и др.; по их данным намечается следующая картина

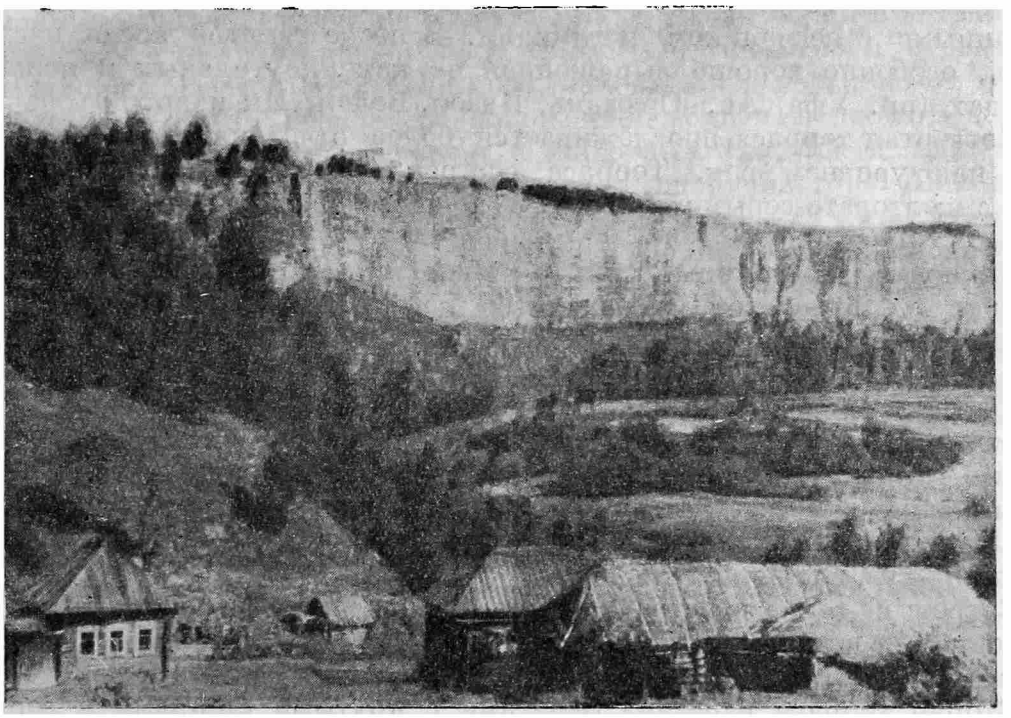


Рис. 1. Скалистый обрыв у сел. Лимоновка. Слева у обрыва находится пещера Ключевая, справа — пещера Гребневая.

формирования четвертичных отложений на рассматриваемом участке. В процессе развития современной эрозионной сети, начавшегося еще в третичное время, произошло пять или шесть колебаний базиса эрозии, вызвавших образование соответствующего количества террас (аккумулятивных и эрозионных). Развитие речной сети происходило и происходит путем регрессивной эрозии: поперечные по отношению к хребтам участки долин приурочены чаще всего к поперечным разрывам линий простирания сдвигового характера (Преображенский). Преображенский установил по рекам Инзеру, Юрюзани и Уфе наличие трех аккумулятивных надпойменных террас и в предварительном плане определяет их возраст в следующем виде: а) нижняя (1-я низкая надпойменная терраса, заливаемая высокими паводками) — накопление террасы может быть отнесено к послевюрмскому времени; б) средняя (1-я высокая надпойменная терраса) — накопление в рисс-вюрме; в) верхняя (2-я надпойменная терраса) — накопление в миндель-рисское и рисское время.

М. М. Толстихина, изучая террасы на более обширной территории, указывает на наличие в бассейнах рек западного склона Южного Урала

семи террас, причем ее наблюдения, подкрепленные определениями фауны, в основном не расходятся с выводами Преображенского и представляют немалый интерес для археологии, особенно в отношении первой надпойменной, второй и третьей террас.

Приведем характеристику террас по М. М. Толстихиной.[1]

Седьмая терраса наблюдается в предгорной зоне и между реками Белой и Иком.

Шестая терраса выражена уступом на высоте 120—130 м над уровнем местных рек. Она состоит из галечников, переслаивающихся желто-бурыми песчаниками, песками и глинами.

Пятая терраса — 70—80 м над уровнем крупных местных рек. Терраса сложена дочетвертичными породами—валунами и гравием, перемешанными с песчаником и глинами. В песке заметна косая наслоенность, особенно хорошо выраженная на каменноугольных и пермских породах (рр. Уфа, Ай, Юрюзань, Инзер, Белая, Ик и др.).

Четвертая терраса прослеживается более отчетливо. Высота ее 40—50 м над уровнем рек. Терраса состоит из галечника, перемешанного с желтовато-серыми глинами, и хорошо прослеживается на р. Юрюзани.

Наиболее характерным для верхних террас является присутствие валунов и галечников, большинство которых состоит из измененных песчаников, хорошо окатанной гальки и из разноцветных кварцев и кварцитов.

Третья терраса прослеживается почти на всех крупных реках, высота ее 20—25 м над уровнем рек. Строение террасы: внизу синие, темные глины, затем идут песчанистые желтые и красно-бурые глины. Самый верх террасы слагают желто- и красно-бурые глины и меловидные суглинки. Нижняя и средняя части террасы состоят из аллювия, верхняя — из аллювия-делювия.

В третьей террасе встречены следующие виды позвоночных (в разрозненном состоянии): *Elephas trogontherii*, *Elasmotherium sibiricum*, *Rhinoceros tichorhinus* и *Bison latifrons*.

Вторая терраса изрезана оврагами с крутыми стенками в верхних меловидных суглинках. Высота ее в среднем 6—10 м (она соответствует второй надпойменной террасе Преображенского, расчленяющего первую террасу на первую низкую и первую высокую надпойменные террасы). Местами она перекрыта болотами и изрезана старицами. Верхняя часть террасы состоит из желто- и красно-бурых суглинков и глин, нижняя из желто-бурых и зеленовато-серых глин, песка и галечника.

Видовой состав фауны, вымываемой из второй и третьей террас, кроме перечисленных позвоночных, содержит еще: *Elephas primigenius*, *Rhinoceros tichorhinus*, *Bison priscus*, *Equus caballus*, *Rangifer tarandus*, *Hyaena spelaea* и др.

Первая пойменная терраса. Высота ее 2—6 м.

Взаимоотношение последних трех террас еще недостаточно уточнено, но, видимо, после сложения третьей террасы было еще два понижения базиса эрозии, и каждая последующая терраса прикладывалась к предыдущей.

Определяя возраст террас, М. М. Толстихина третью террасу относит к рисс-вюрму. Вторую террасу, стратиграфически увязанную с первой надпойменной террасой Камы и Волги, — ко второй половине вюрмского века. Четвертая терраса условно относится М. М. Толстихиной

---

[1] М. М. Толстихина. Некоторые данные по новейшей геологической истории Уфимского плато. Изв. Союзгеоразведки, I, вып. 86.

к миндельскому времени. Приводя геолого-четвертичную характеристику района, мы имеем в виду показать процесс формирования современного рельефа, в том числе и в период, на который падает появление здесь человека.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕЩЕР ЗАПАДНОГО СКЛОНА ЮЖНОГО УРАЛА

На западном склоне Южного Урала издавна было известно несколько крупных пещер. Ими интересовались ученые путешественники XVIII в. — Паллас, Рычков и Лепехин. Позднее эти пещеры стали объектом исследований специалистов-геологов, преследующих в своих работах спелеологические задачи.

Академик Паллас, будучи на Южном Урале, не оставил без внимания ряд известных в то время пещер по р. Симу.[1] Он побывал в огромной пещере в горах Мазетау (Игнатьевской), находящейся недалеко от истоков р. Сим, и в другой пещере, расположенной вблизи первой. В пещерах он обнаружил кости человека и животных (косули и лошади). Вблизи Симского завода Паллас обследовал пещеру на горе Шишка и осмотрел в этом же районе другую пещеру. В первой из них ему тоже удалось найти несколько костей животных. Он же обследовал одну из пещер на левом берегу Юрюзани ниже устья Куликлы (может быть, ручей Кукля), где им была замечена копоть под слоем сталактитов. В этой пещере Паллас тоже обнаружил кости животных. В 1770 г. Паллас посетил обширную Лаклинскую пещеру, расположенную на берегу речки Лаклы, притоке р. Ая, и описал ее. Современнику Палласа Рычкову также были известны пещеры по р. Симу. Академик Лепехин и Рычков, обследуя бассейн р. Белой, описали пещеры в районе Стерлитамака. Более подробно Рычков описал одну из них, носящую среди башкирского населения название Шуллюган-таш.[2] В последней четверти XIX в. пещерами занимался академик Чернышев [3] (Лаклинской и Игнатьевской). Кроме описания их, он дал характеристику геологических отложений, в которых эти пещеры находятся. Эти же пещеры — Игнатьевскую и Лаклинскую — подробно исследовал в 1913 г. С. И. Руденко.[4]

Нужно сказать, что С. И. Руденко сделал попытку исследовать Игнатьевскую пещеру с точки зрения археологической, заложив в ней небольшой разведочный раскоп, правда не доведенный до материковой породы, однако давший кое-какой археологический материал. Работы С. И. Руденко преследовали преимущественно спелеологические цели, поэтому археологическое изучение в его программе занимало достаточно скромное место, как, впрочем, вообще археологическое изучение пещер в то время.

В 30-х годах пещеры на р. Белой обследовались геологом Г. В. Вахрушевым, давшим лучшее описание пещеры Шуллюган-таш.[5]

---

[1] Паллас. Путешествия по разным местам Российского государства, кн. I, ч. II, 1770.

[2] Рычков. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, т. XI. Описание пещеры в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается. Изд. Академии Наук, 1760, стр. 195—220.

[3] Ф. Чернышев. Общая геологическая карта России, лист 139. Тр. Геологич. комит., III, № 4.

[4] С. И. Руденко. Лаклинская и Игнатиева пещеры Южного Урала. Тр. Общ. землевед. при Петербургск. унив., III, 1914, отд. отт.

[5] Г. В. Вахрушев. Пещера Шуллюган-таш. Сов. краеведение, № 12, 1936.

На крайних юго-восточных границах Урала, недалеко от впадения р. Суундук в Урал, археологическая экспедиция на р. Урал под руководством Б. Н. Гракова обследовала пещеры, в одной из которых была сделана весьма интересная находка костяных наконечников стрел северо-уральских типов вместе с трехлопастным втульчатым наконечником стрелы сарматского типа (второй половины IV—II вв. до н. э.).[1]

Что же можно заключить на основании тех материалов об южноуральских пещерах, которыми мы сейчас располагаем?

Во-первых, наличие пещер в большинстве случаев относится к тем районам, где наиболее четко выступают карстовые явления, так как сами южно-уральские пещеры представляют собой продукт карстовых образований. Явления карста, как известно, связываются с относительно мягкими осадочными породами, главным образом известняками, мергелями, гипсами и др. Южно-уральские пещеры в большей своей части совпадают с распространением этих пород.

Во-вторых, все известные сейчас пещеры представляют собой глубокие, ветвистые образования, возникновение которых всецело зависело от действия грунтовых вод, просачивавшихся в щели материковой породы и производивших химическое и физическое разрушение породы. Как правило, пещеры очень сырые. Они далеко не всегда имеют наносные образования, отлагающиеся по преимуществу у выхода пещеры.

В-третьих, изучение пещер базировалось только на крупных пещерах, и изучение это шло по линии спелеологической, почти не затрагивая вопроса об археологической значимости пещер.

В 1937 г., благодаря случайному открытию большой пещеры около ст. Усть-Катав, расположенной примерно на полпути между Уфой и Златоустом, по инициативе Областного Челябинского музея было положено начало систематическому изучению южно-уральских пещер, сначала западного склона, с основным упором на сборы археологического материала.[2] К описанию этих работ мы сейчас и переходим.

При разработке известнякового карьера над станцией Усть-Катав, после взрыва, отделившего крупные блоки камня от материковой породы, рабочие обратили внимание на открывшийся ход в глубину скалы, имевший вид невысокой камеры, пол которой был покрыт желтой глиной, заполненной и перекрытой множеством костей четвертичных животных. Местные краеведы В. Бирюков и И. Биев поспешили к месту находки и собрали на глинистом полу пещеры хорошую коллекцию костных остатков животных. Организованные Областным Челябинским музеем совместно с ИИМК в 1937 г. раскопки дали много костного материала, составившего едва ли не основную коллекцию по четвертичной фауне Южного Урала. О результатах раскопок Усть-Катавской I пе-

---

[1] Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южно-уральских гидроэлектростанций. Отчет. Археологические работы на новостройках, II, изд. ГАИМК, 1935.

[2] Южно-уральская экспедиция, работавшая в течение летних сезонов 1937—1939 гг., была организована на средства ИИМК и Областного Челябинского музея. В работе принимали участие: безвременно погибший при блокаде Ленинграда антрополог Е. В. Жиров и павшие смертью храбрых в боях с немецко-фашистскими захватчиками Г. В. Калинин и В. В. Карачаровский, производивший научную обработку остеологического материала. Светлая память о погибших друзьях навсегда сохранится у тех, кто жил и работал вместе с ними. М. З. Паничкиной, Л. Я. Крижевской, Р. Ю. Хотинскому, П. В. Мещерякову, П. И. Биеву автор приносит глубокую благодарность за активное участие в работах экспедиции и разделяет вместе с ними скорбь о погибших товарищах.

щеры мы сообщали уже в специальной публикации,[1] поэтому подробно останавливаться на них не будем. Укажем только на результаты изучения костных остатков В. И. Громовым. По определению В. И. Громова, комплекс фауны из Усть-Катавской пещеры заключает следующие виды животных:

1) мамонт (*Elephas primigenius*); 2) шерстистый носорог (*Rhinoceros tichorhinus*); 3) лошадь [*Equus* (*Equus*) sp?]; 4) зубр (*Bison priscus*); 5) олень благородный (*Cervus elaphus*); 6) лось (*Alces alces*); 7) северный олень (*Rangifer tarandus*); 8) косуля азиатская (*Capreolus pygargus*); 9) медведь пещерный (*Ursus spelaeus*); 10) медведь бурый (*Ursus arctos*); 11) пещерная гиена (*Hyaena spelaea*); 12) медведь (*Ursus* sp.); 13) барсук (*Meles meles*); 14) волк (*Canis lupus*); 15) волк (*Canis* sp.); 16) лисица (*Vulpes vulpes*); 17) песец (*Vulpes lagopus*); 18) заяц (*Lepus* sp.); 19) водяная крыса (*Arvicola terrestris*); 20) полевка экономка (*Microtus oeconomus*); 21) сурок (*Marmota bobac*); 22) суслик рыжеватый (*Citellus rufescens*).

В составе фауны Усть-Катавской пещеры обращает на себя внимание присутствие видов, которые могут характеризовать мустьерское время: *Ursus spelaeus* — пещерный медведь и *Hyaena spelaea* — пещерная гиена. Таким образом, комплекс фауны из Усть-Катавской пещеры является древним комплексом четвертичного периода и в то же время самым полным и обусловленным определенной стратиграфической принадлежностью.

В работе о раскопках Усть-Катавской I пещеры мы привели свои соображения, основанные на всестороннем знакомстве не только с условиями залегания костных остатков, но и на просмотре всей серии костей из Усть-Катавской I пещеры.[2] Появление столь мощных костных отложений в пещере можно связывать только с местом обитания хищников, в данном случае пещерных медведей, натаскавших сюда кости животных. В этом отношении наилучшим доказательством служит характерная изгрызанность костей, в том числе и эпифизов, а также определенный вид костных изломов, ничего общего не имеющий с изломами, полученными в результате дробления костей человеком с целью добычи из них костного мозга. В. И. Громов, выступая по поводу моей точки зрения на Киевской конференции 1938 г., а затем в недавно вышедшей монографии,[3] отстаивает взгляд, что среди собранных в пещере костей имеются экземпляры, носящие на себе следы деятельности человека. Эти следы В. И. Громов видит в специфике изломов некоторых костей, в сбитости эпифизов и в остатках среза на роге лося. Однако при ближайшем сравнении костей из Усть-Катавской пещеры с сериями костных остатков из палеолитических стоянок Урала разница в характере изломов костей выступает очень ярко. Не в пользу точки зрения В. И. Громова говорит и тот факт, что, кроме этих малочисленных и недоказательных остатков, в Усть-Катавской пещере не обнаружено абсолютно никаких признаков присутствия человека. Здесь не встречено ни кремня, ни следов огня.

Не будучи стоянкой первобытного человека, Усть-Катавская I пещера представляет собой определенно важное естественно-историче-

---

[1] С. Н. Бибиков. Раскопки Усть-Катавской костеносной пещеры и археологическое обследование правобережья р. Катав в районе пос. Усть-Катав. МИА, № 2, 1941, стр. 61—64.

[2] То же.

[3] В. И. Громов. Палеонтологическое и геологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Тр. Инст. геологич. наук. вып. 64, геологич. серия, № 17, Изд. АН СССР, 1948, стр. 291.

ское звено, послужившее исходным и обнадеживающим началом к дальнейшим поискам палеолита на Южном Урале.

Фауна из Усть-Катавской I пещеры своим разнообразием видов дает представление о богатстве животного мира в одну из фаз максимального (рисского) оледенения, вероятно, близкого к моменту наибольшего развития ледникового покрова на территории Восточной Европы (по В. И. Громову). Близость ее по своему составу к крымской и кавказской фауне примерно того же возраста проявляется в смешанности холодолюбивых форм с животными обитателями умеренных широт, а также смешанности видов, представляющих различные ландшафтные зоны. Это наблюдение позволяет сделать важный вывод: природные условия, сложившиеся на Южном Урале в эпоху максимального оледенения, были климатически вполне благоприятны для обитания на этой территории человека, которому обеспечивалась добычливая охота и возможность найти себе убежище в пещерах и расселинах скал. Видимо, на Южном Урале сложились примерно те же условия, которые в то отдаленное время имели место на Кавказе, в Крыму и других внеледниковых областях.

Геологические наблюдения не противоречат этому. Как известно, европейский ледник даже в пору своего наибольшего развития (рисского) не переходил в восточных границах левобережья Волги, уходя к северу в районе г. Молотова. Что же касается распространения уральского ледника, то его значение оставалось все же местным и оттесняло фауну к югу. Судя по новейшим сведениям, уральский ледниковый покров, достигавший мощности до 800 м, спустившийся в период максимального оледенения до 61°.5 с. ш., не представлял собой сплошного перекрытия всего горного массива.[1] Таким образом, природная обстановка Южного Урала в эпоху рисского оледенения целиком соответствовала тем благоприятным условиям для существования человека, которые вырисовываются на основании собранных фактов. И, конечно, не будет ничего удивительного в том, что дальнейшие поиски палеолита откроют на Южном Урале остатки мустьерской эпохи, подобно тому, как это было сделано М. В. Талицким в долине р. Камы, недалеко от места впадения в нее р. Чусовой, в урочище Пещерный лог.

Руководствуясь вышеприведенными благоприятными данными для дальнейших поисков палеолита, мы, совместно с моим неизменным спутником почти во всех археологических кампаниях Е. В. Жировым, в 1938 г. предприняли ряд экскурсий в бассейне р. Юрюзани. Избирая именно этот маршрут, мы имели в виду следовать району распространения известняков, в которых встречаются карстовые образования, а также побывать в тех пещерах, где побывали прежние исследователи.

В методике производства разведочных работ мы использовали опыт крымских разведок, отдавая предпочтение сплошному обследованию в радиальных направлениях от пунктов и редко пользуясь маршрутными поисками. Таким образом, постоянной базой у нас было сел. Лимоновка, в 12 км к северу от пос. Усть-Катав, в окрестностях которого в течение двух сезонов мы проводили обследования и раскопки. Прием сплошного обследования вполне оправдал себя, так как выявил ряд пещер, неизвестных даже местному населению. Пробные шурфы имели размеры 2 × 2 м. Крупный размер шурфов вызывался очень тяжелым грунтом, составляющим отложения южно-уральских пещер и содержащим много крупных блоков камня (рис. 2). Обычно на глубине 2—2.5 м такой шурф суживался до размера в 1 кв. м и даже меньше. При работе

---

[1] И. П. Герасимов и К. К. Марков. Ледниковый период на территории СССР. Тр. Инст. географии, вып. 33, 1939.

в слое наравне с мелким инструментарием применялись кайла, стальные клинья, молоты и даже аммонал (Усть-Катавская I пещера). Без применения крупного инструмента работать в уральских пещерах совершенно невозможно.

Обследованный нами район западного склона Южного Урала удобнее всего разделить на три участка: 1-й участок — бассейн р. Юрюзани от поселка Усть-Катав вниз по реке до пос. В. Луки, т. е. до выхода реки на Уфимское плоскогорье; 2-й участок — бассейн р. Катав (левый приток Юрюзани), от поселка Усть-Катав до сел. Орловка; 3-й участок — от пос. Орловка по р. Сим вместе с верховьями впадающих в него речек

Рис. 2. Бурановская пещера. Закладка шурфа среди блоков камня.

Гамаза и Куряк и далее вдоль железнодорожного пути от ст. Сим почти до ст. Вавилово (Аша), где горы, отступая, переходят в холмистую равнину. Этот сравнительно небольшой по протяженности участок (не превышающий 85 км) обследовался в течение двух летних сезонов 1938—1939 гг., если не считать специальных раскопок Усть-Катавской пещеры, проведенных осенью 1937 г.

За время наших работ на Южном Урале было обследовано свыше 40 пещер, гротов и навесов, из них более чем в 30 закладывались пробные шурфы. Несомненные палеолитические остатки были обнаружены в пещерах Ключевой, Бурановской, Смирновской, Гребневой и Усть-Катавской II. Не вполне ясные следы палеолита найдены в Орловском навесе, навесе Кочкари II, в пещере Суходольной, в пещере Никольской и в навесе рядом с ней. В ряде пещер собраны остатки четвертичной фауны, не сопровождавшейся никакими признаками присутствия в этих пещерах следов древнего человека и представлявшие, видимо, берлоги хищников, таскавших сюда свою добычу. Среди этой категории пещер следует отметить главнейшую из них — Усть-Катавскую I пещеру, пещеру недалеко от пос. Лимоновка, в которой, согласно народному преданию, скрывался Салават Юлаев, пещеру у ключа Кюкля в том же

районе, пещеру у пос. В. Луки, тоже связанную с легендой о Салавате Юлаеве, над которой хорошо сохранилось большое городище (рис. 3). Отметим еще пещеру Безымянную (ниже Бурановской пещеры), пещеру на р. Катав, расположенную на левом берегу реки в 3—4 км выше устья, огромную пещеру около пос. Орловка (Игнатьевская пещера)[1] на р. Сим.

В ряде пещер, кроме палеолитических напластований, сохранились в вышележащих слоях остатки более поздних культур. Особенно интересными в этом отношении являются пещеры Бурановская, Гребневая и Усть-Катавская II, навес «Старичный гребень» на р. Юрюзани и в меньшей степени ряд пещер на р. Сим. Они сохраняют свое важное значение по находкам остатков культур времени неолита и позже. Этим местонахождениям мы посвящаем специальный очерк.

Общей чертой всех обследованных нами пещер в Усть-Катавском и Миньярском районах является характер их происхождения. Все они возникли благодаря корозионной деятельности грунтовых вод, разрушающих коренную породу — в данном случае девонские известняки. В некоторых случаях приходилось наблюдать очень интенсивное просачивание вод, конденсирующихся в значительные водоемы в глубине пещер или образующих подземные ручьи, вытекающие наружу. Благодаря этим водам, несущим с собой отмученный материал поверхностных напластований, а также разрушительному влиянию их на коренные породы, в устьях пещер отложились пещерные суглинистые слои, включающие часто хорошо окатанные гальки. Деятельность вод, естественно, активизировалась в осенние и весенние месяцы, в остальное же время, видимо, она затухала, и в эти периоды затишья отслаивались и отлагались частицы стен и потолков пещерных камер, образуя значительную примесь в пещерном наносе угловатого щебня. Может быть температурные колебания, всего более испытываемые у входа в пещеру, влияли на быстрое разрушение частиц известняка, находящихся ближе к входу. Этим, видимо, и объясняется значительная вместимость входных камер в большинстве пещер. Однако внутренние камеры пещер, достигающие иногда огромных размеров в сравнении с входными, возникали в результате непосредственного разрушительного действия подземных вод.

В связи с характером образования пещеры имеют своеобразную конфигурацию и целиком относятся к пещерам «коридорного типа». Они обычно глубоко вдаются в материковую породу, часто образуя в ней замысловатые извилистые ходы, то расширяющиеся в зал, то суживающиеся до полной непроходимости. В некоторых случаях приходилось наблюдать и двухъярусность в боковых ответвлениях, образующих над нижним проходом род галерей (Усть-Катавская I пещера, Гребневая пещера). Пол пещер во внутренних помещениях сохраняет более или менее горизонтальное положение, но чаще имеет небольшой уклон к выходу. Боковые ходы не всегда выдерживают горизонтальное направление относительно главного хода. В большинстве пещер проходы сильно загромождены крупными блоками отслоившейся от стен и потолка породы. В большинстве осмотренных нами пещер наслоения сосредоточены у устьев пещер. Здесь обычно скапливается и отлагается материал, выносимый подземными водами, и, смешиваясь с отслоившейся породой, образует нанос, заполняющий входную камеру. В глубине пещер значительные скопления отложений редки и обнаруживаются, главным образом, в помещениях зал и на закраинах ходов, где они удер-

[1] В Игнатьевской пещере в верхних наслоениях найдены остатки культуры, относящейся, как это определил С. И. Руденко, к железному веку. См. ук. работу С. И. Руденко.

живаются неровностями пола и стен или обвалами. Как правило, в пещерных отложениях входных камер в большом количестве встречаются крупные глыбы камней, отслоившиеся от стен и потолка и очень затрудняющие проходку шурфов. В отличие от пещер других горных районов — Крыма и Кавказа — пещеры Южного Урала почти не имеют площадок перед входом. Уральские пещеры находятся чаще всего под карнизами плато с круто обрывающимися склонами; здесь не было усло-

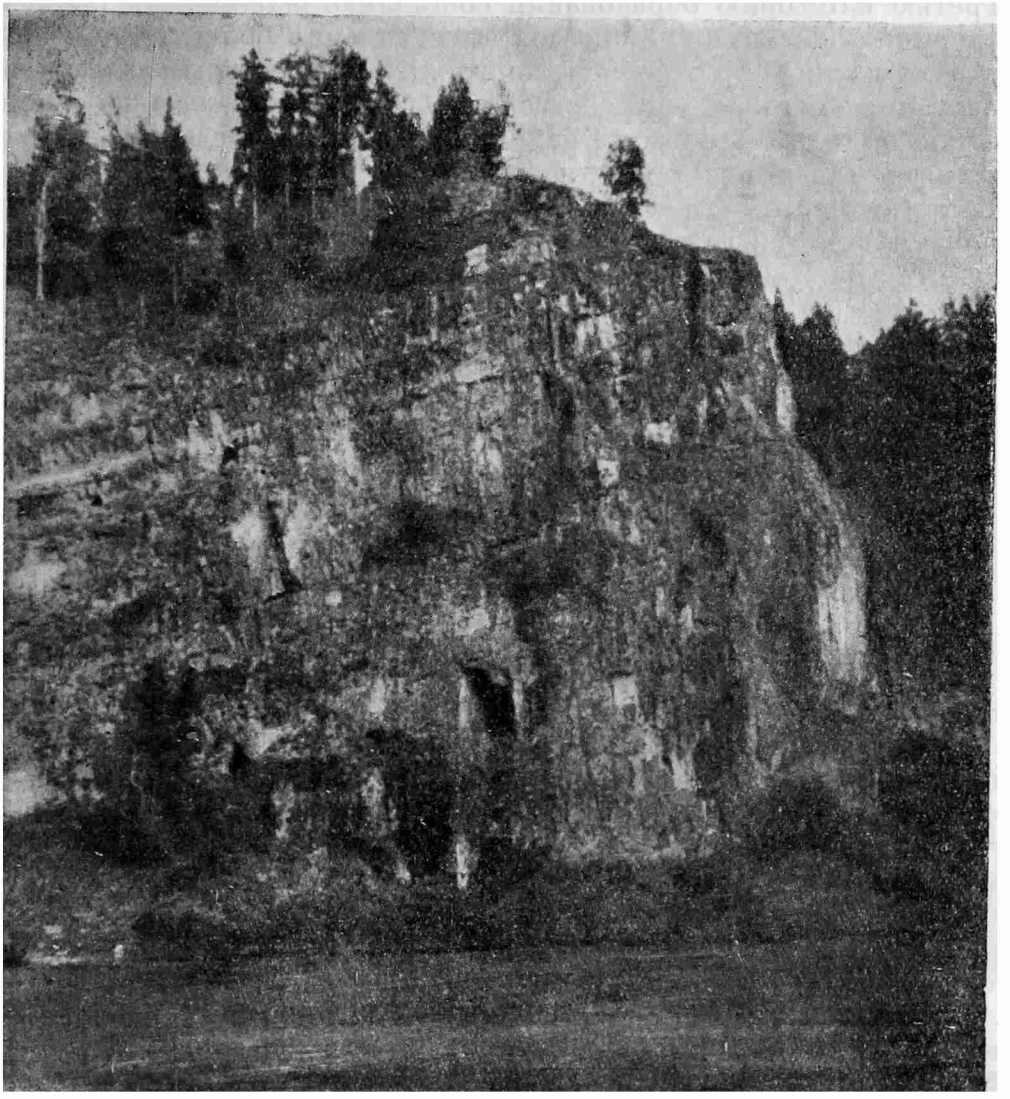


Рис. 3. Пещера Салавата Юлаева. На плато — городище.

вия для накоплений выносов из пещеры, и тот материал, который выносился за пределы пещеры, смывался вниз. Эта крутизна склонов делает пещеры труднодоступными; так, например, в Ключевую и Гребневую пещеры можно пробраться лишь с плато, пройдя под карнизом по промоинам, носящим здесь название логов.

Значительно более скромное место по своей численности занимают в обследованном районе гроты и навесы.

К категории гротов можно отнести три образования: Кочкари I и II на р. Юрюзани недалеко от устья р. Минка (правый приток Юрюзани) и Усть-Катавский грот. Их происхождение носило комбинированный характер. Началю образованию их положено действием грунтовых вод,

поддержанным процессом выветривания. Вместимость гротов меньшая, чем пещер, они имеют более высокие и широкие входы, не вдаются слишком глубоко в породу и не содержат значительных по размерам боковых ответвлений.

Близко соприкасаясь широким входным отверстием с наружным воздухом, они хорошо проветриваются и освещаются солнцем, поэтому несравненно суше пещер.

Третью категорию образований составляют навесы. Их происхождение целиком зависит от процессов выветривания более мягких прослоек частиц известняка в основной породе. В редких исключениях началу образования навесов способствовали реки, подмывающие коренной берег; после углубления ложа реки или отступания от прежней береговой линии оставались подмытые участки, углубляемые в дальнейшем процессом выветривания. В тяжелых и плотных породах девонских известняков Южного Урала навесы встречаются не часто; кроме навеса Старичный гребень на р. Юрюзани, где найдены остатки неолитической культуры, и 2—3 навесов по р. Сим, в которых тоже обнаружены следы деятельности человека, в обследованном районе зарегистрировано еще 5—6 навесов, не имеющих археологического значения. По своим размерам навесы не глубоки (3—4 м), но вытянуты в длину и достигают значительной высоты. Пол навесов часто покрыт завалами отслоившейся породы: крупными известняковыми глыбами, щебнем и измельченными частицами известняка. Нередко пол в навесах скалистый.

Палеолитические пещерные стоянки

1. Ключевая пещера. Левый берег р. Юрюзани напротив пос. Лимоновка представляет собой совершенно отвесный обрыв высотою до 80 м. Против южного конца деревни этот обрыв прорезывает крутая промоина — дол, на северной стороне которого под карнизом плато, на высоте 45—50 м над уровнем р. Юрюзани, находится Ключевая пещера (рис. 4). Вход в пещеру обращен на юго-восток и маскирован лесом. Спуск от пещеры к реке очень крутой и почти недоступен с долины. Поэтому в пещеру легче всего добраться с плато. Устье дола упирается в протекающий здесь ручей Ключ,[1] отделяющий устье дола от неширокой болотистой пойменной полосы («заводи»), заливаемой р. Юрюзанью в половодье. Ручей Ключ тут же на этой низменной площадке впадает в р. Юрюзань. Выше пещеры поднимается скалистое обнажение пластов выветрившегося известняка. Плато над пещерой имеет степной ландшафт, местами покрытый небольшими перелесками. Правый берег отделен от левого неширокой полосой реки (10—12 м), незаметно переходящей в узкий бичевник, прислоненный к береговому уступу (1-я терраса), плавно переходящему в береговую возвышенность в южной части, примыкающую к скалистым обнажениям «Старичной заводи». Правый берег имеет пересеченный характер и сплошь покрыт лесом. Пещера имеет длину 18 м, ширину (в наиболее широкой части) до 6 м и высоту ближе к выходу до 2 м (рис. 5).[2] Вход в пещеру имеет трапециевидную форму. В 5 м вглубь от входа пещера значительно расширяется к востоку, и граница стенок ее из-за низкого нависания потолка не прощупывается.

---

[1] Ручей Ключ является границей между Челябинской областью и Башкирской АССР. Пещера расположена в нескольких метрах от ручья на стороне БАССР.

[2] Показатели размеров Ключевой пещеры, а также и других пещер, о которых речь будет итти ниже, носят в известной мере условный характер, так как промеры даются только в пределах, доступных для измерений, и по преимуществу базируются на площади, с которой связываются археологические работы.

Здесь имеет место ответвление пещеры, которое, очень возможно, соединяется с глубокой западиной, заметной на обнажении восточнее входа и недоступной для осмотра из-за завала. Далее, после расширенного пространства пещеры, ход несколько суживается и через 1.5—2 м, снова расширяясь, приводит в последний отдел пещеры, несколько более узкий, чем предыдущий. Около 5 м далее пещера заканчивается, выклиниваясь в неширокую щель. Потолок пещеры неровен, и высота его над полом по главной оси варьирует от 1.20 до 3 м (не считая глубины щели в потолке, которую удалось проследить еще на 1.30 м). В глубине помещения пещера сырая, с потолка просачивается и капает вода. Перед пещерой сохранилась очень небольшая площадка, не более 10—12 кв. м, покрытая делювиальным наносом. Пол пещеры выстлан отложениями, возможно покрывающими всю площадь пещеры.

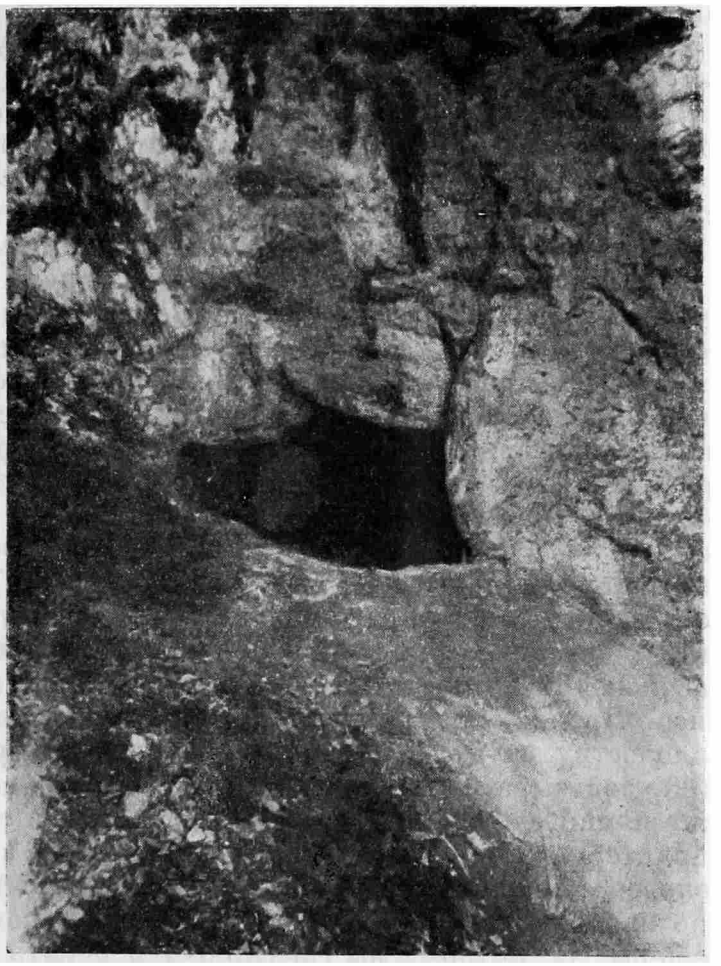


Рис. 4. Вход в пещеру Ключевую.

Разведочный раскоп был заложен сразу же у входа в пещеру и имел 4 м длины и 2 м ширины. Позднее, в 1939 г., раскоп был расширен к югу примерно на 1—1.5 м. Таким образом, площадь раскопок охватывала несколько больше 10 кв. м. В действительности же она не превышала 7 кв. м, так как остальное пространство было занято неизвлеченными крупными блоками камня. В процессе раскопок выяснен следующий разрез:[1] 1) серая рыхлая почва со щебнем и включением крупных обломков камня, толщина — 0.52 м; 2) светлокоричневый, глинистый, сырой слой, довольно плотный. В нем изредка встречаются угольки и кости животных. Толщина второго слоя — до 0.60 м.

Ниже следует очажное потемнение со множеством угольков и жженых костей. Очажный горизонт необыкновенно четко выражен на всей площади раскопа и особенно в восточной части (рис. 6). Плотная насыщенность горизонта угольками, жженой костью и обожженными камнями легко выделяет его из свиты напластований. При внимательном рассмотрении среза раскопа нетрудно заметить слоистость расположения угольков в слое, что указывает на известную цикличность накопления угля. Толщина очажного потемнения — до 0.30 м.

[1] Описание слоев дано по северной стенке шурфа.

Далее в глубину простирается значительно более слабое очажное потемнение, в нем меньше углей, но по количеству собранной кости этот горизонт не уступает вышележащему. Цвет горизонта светлокоричневый, но с несколько большим содержанием примеси песка, чем это наблюдалось в перекрывающем его горизонте. Таким образом, строго говоря, второй слой, оставаясь морфологически единым, меняет свою окраску благодаря включению остатков культуры человека. Общая толщина его 1.10 м; 3) коричневая глина (суглинок) с красноватым оттенком, имеющая значительную примесь угловатого щебня. Слой находок не содержит и простирается до материковой скалы, прощупанной в западной части раскопа на глубине 2.20 м.

Простирание слоев по площади раскопа остается более или менее горизонтальным с небольшим уклоном к выходу и местами понижением к восточной стенке. Очажный горизонт 2-го слоя, утолщаясь к востоку, следует большей частью тому рельефу, который подстилает его, и в местах нарушений обвалами заходит на камни (северная стенка шурфа 2).

Археологические находки в пещере. К числу наиболее многочисленных археологических находок в слое и очаге принадлежат в первую очередь кости животных и угольки. Костный материал с полной несомненностью утверждает присутствие здесь палеолитической стоянки.[1] Большинство костей, содержавших некогда костный мозг, раздроблено двояким образом — либо при помощи удаления эпифиза (при этом способе оставалось трубчатое тело кости, из которого извлекался мозг), либо с помощью обычного дробления кости по диафизу В этом случае кость дробилась на острые угловые отдельности, некоторые части кости при этом дробились на удлиненные осколки (рис. 7). На многих костях удалось заметить очень характерные нарезки и насечки на местах сочленений и прикреплений мышц, следы действия кремневым орудием при расчленении туш убитых животных, сдирания шкуры и соскабливания мяса. Правда, количественно кости с нарезками и насечками уступают количеству из других стоянок, например Крыма. Одной из особенностей, доказывающей преднамеренность разбивки трубчатых костей, служит и многочисленность мелких осколков в слое. Указанные признаки характерны только для костей, на которых запечатлелась деятельность человека. Подобный костный материал мы с полным основанием можем противопоставить самой большой серии костей из Усть-Катавской I пещеры, на которых мы тщетно будем искать следы деятельности человека. В. В. Карачаровский (под наблюдением В. И. Громовой) определил следующие виды животных, найденных в культурном слое пещеры Ключевой.

Копытные: 1) носорог шерстистый (*Rhinoceros tichorhinus*): 2) лошадь [*Equus* (*Equus*) sp.?]; 3) зубр первобытный (*Bison priscus*); 4) олень гигантский (?) (*Cervus megaceros*?); 5) олень благородный (*Cervus elaphus*; 6) олень (*Cervus* sp.); 7) лось (*Alces alces*); 8) косуля азиатская (*Capreolus pygargus*); 9) олень северный (*Rangifer tarandus*); 10) сайга (*Saiga tatarica*). Хищники: 11) медведь пещерный (*Ursus spelaeus*); 12) медведь (*Ursus* sp.); 13) россомаха (*Gulo gulo*); 14) куница (*Martes* sp.); 15) горностай (*Putorius erminea*); 16) волк (*Canis lupus*); 17) волк (*Canis* sp.); 18) лисица (*Vulpes vulpes*); 19) песец (*Vulpes lagopus*). Грызуны: 20) заяц (беляк?) (*Lepus timidus*?); 21) пищуха (*Ochotona pusilla*); 22) тушканчик большой (*Aelactaga jaculus*); 23) хомяк

[1] Нужно заметить, что сохранность костей из Ключевой пещеры очень хорошая. В слое вовсе не встречались поврежденные временем кости. Они отличаются крепостью, при протирании поверхности приобретают глянцевитость, повидимому, от присутствия в слое талька.

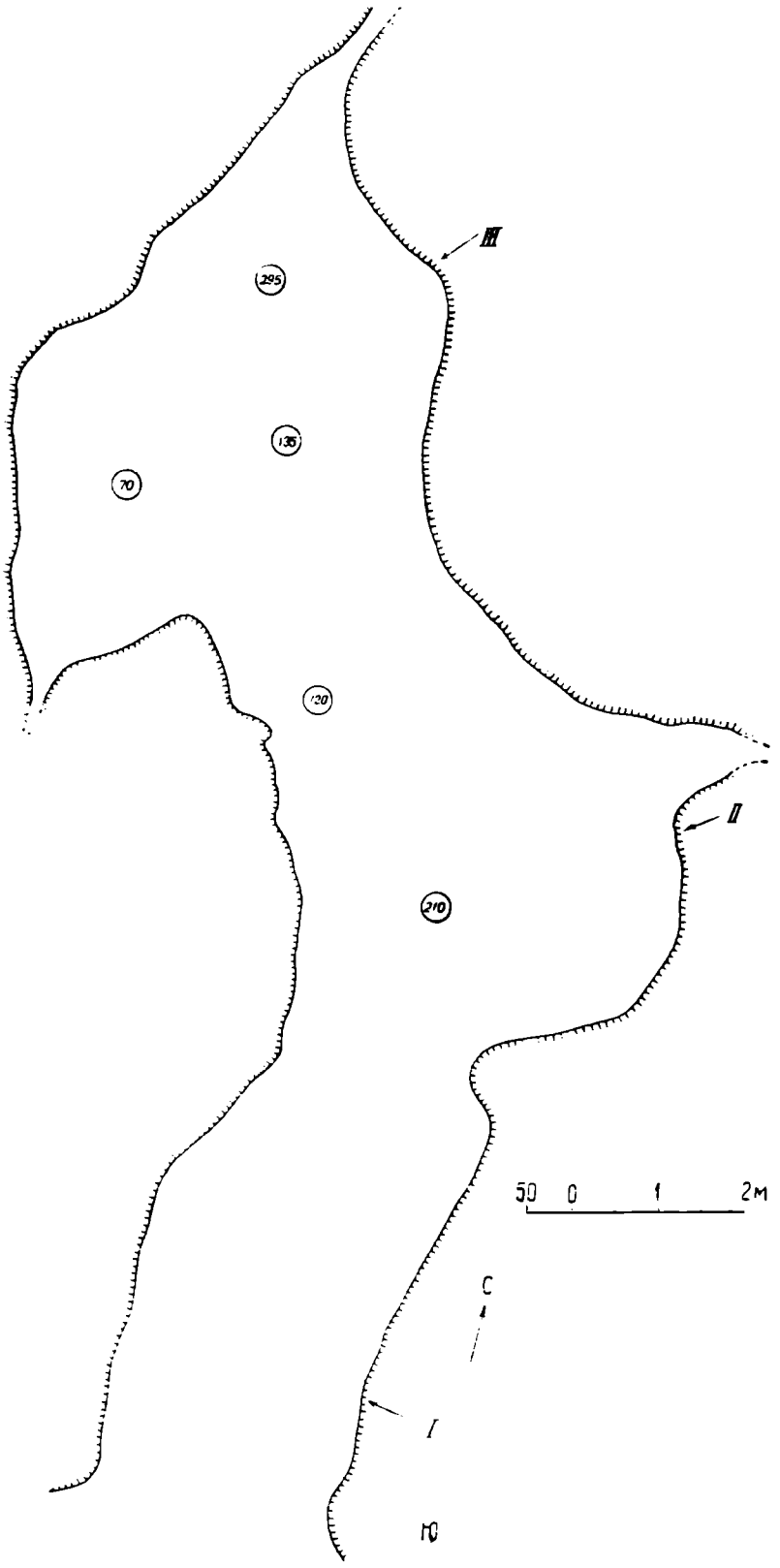


Рис. 5. План Ключевой пещеры.

I — первая камера; *II* — вторая камера; *III* — третья камера. В кружках отметки высоты потолка над уровнем пола.

(*Cricetus cricetus*); 24) крыса водяная (*Arvicola terrestris*); 25) сурок (*Marmota bobac*); 26) белка (*Sciurus vulgaris*); 27) суслик рыжеватый (*Citellus rufescens*). Насекомоядные: 28) крот (*Talpa europaea*) Птицы (по предварительному определению научного сотрудника Зоологического института Академии наук УССР В. И. Зубаревой): 28) куропатка белая (*Lagopus lagopus*); 30) куропатка тундряная (*Lagopus mutus*); 31) сорока (*Pica pica*); 32) ворона (*Corvus cornix*); 33) ласточка (*Hirundo* sp.); 34) орел (*Aquila* sp.); 35) пустельга (*Tinnunculus* sp.); 36) кулик (*Limicola* sp.).

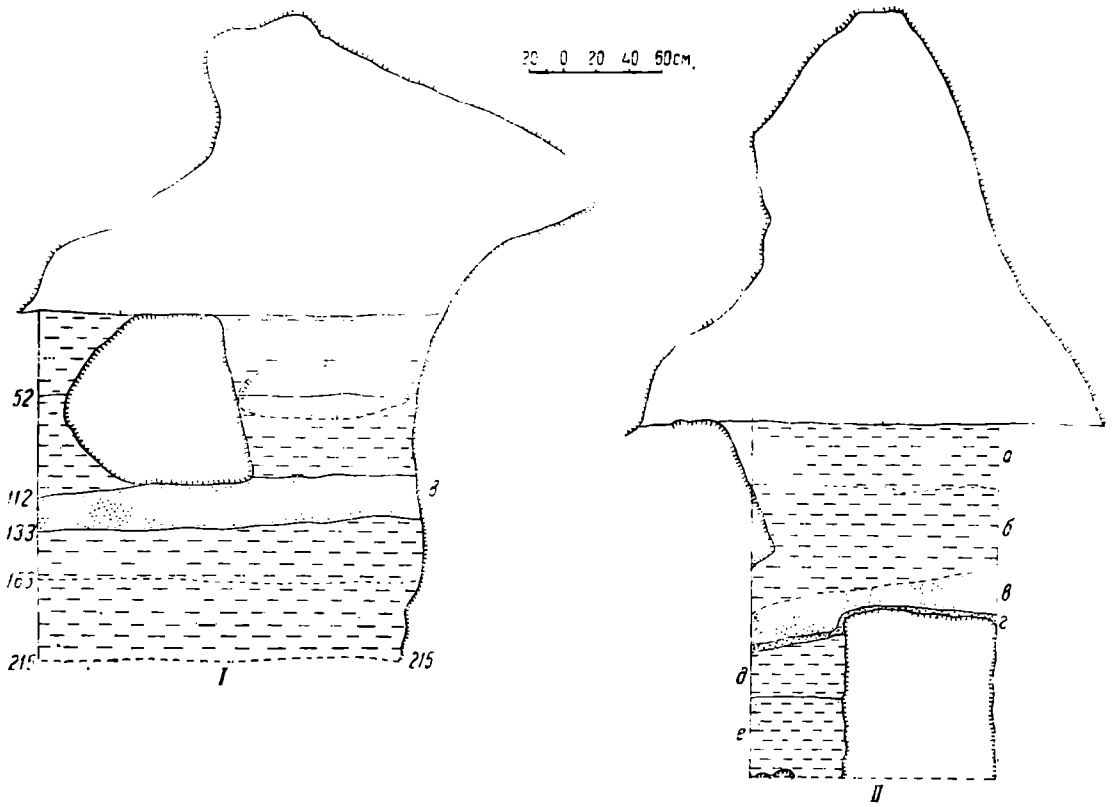


Рис. 6. Пещера Ключевая.

I — разрез по линии *АБ*; *II* — разрез по северной стенке шурфа по линии *ВГ*: *а* — глинистый слой серого цвета; *б* — глинистый слой светлокоричневый; *в* — очажное потемнение; *г* — интенсивный очаг; *д* — глинистый слой светлокоричневый с примесью песка; *е* — глинистый слой коричневый с большой примесью песка.

По количеству наибольшее число костей из копытных принадлежит лошадям (43 определимые кости, 3 особи), затем северному оленю (35 определимых костей, 3 особи). Из крупных хищников наибольшее число костей падает на волка (22 кости, 3 особи), пещерного медведя (11 костей, 2 особи). Из мелких хищников — песцу принадлежат 24 кости (4 особи), лисице — 8 костей (3 особи). Затем идут остальные виды хищников. Среди грызунов первое место по количеству собранных костей занимает заяц (57 костей, 5 особей), сурок (36 костей, 8 особей), суслик рыжеватый (30 костей от 5 особей), хомяк (16 костей, 3 особи) и др.[1]

Весьма заметное место в коллекции занимали угли из древних кострищ. Особенно много их встречено в очажном слое, где они залегали, как сказано выше, прослойками, разделенными тончайшими полосками глины. Больше всего угля находилось у камней и под камнями, среди скоплений костей и под крупными костями. Отдельные угольки в виде

[1] В отношении птиц количественных подсчетов не производилось. В общей же массе костей они занимают очень скромное место.

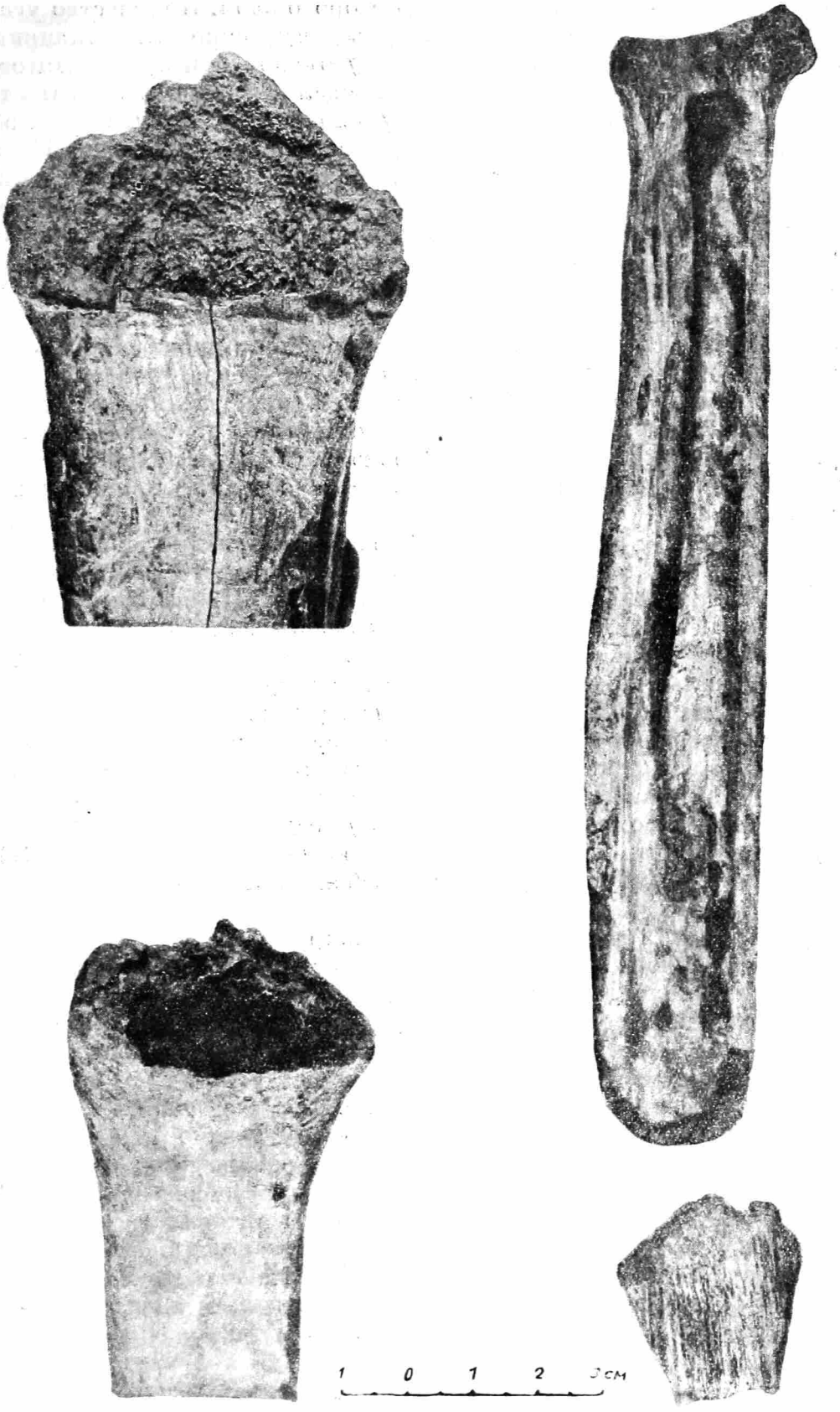


Рис. 7. Образцы преднамеренно раздробленных костей животных из пещер Ключевой и Бурановской.

вкраплений сопровождают всю толщу второго слоя. Количество угольков заметно уменьшается у выхода пещеры, где, впрочем, выклинивается и весь очажный горизонт. Появление угольков в пещере, взятое само по себе, и в том виде, как это мы наблюдали, можно связывать только с деятельностью человека, ибо нет других внешних и внутренних обстоятельств, способствующих появлению их в пещере. Угольки из Ключевой пещеры поражают своей великолепной сохранностью. Единичные из них по своим размерам достигали 6—8 мм в поперечнике. Однако сохранение их до лабораторного исследования в первоначальном виде оказывалось не всегда возможным. Следует учесть, что в целях сохранения структуры углей никаких пропитывающих закрепляющих веществ не применялось. Угольки упаковывались в пробирки, где каждый из них перекладывался слоем ваты. Укладка в пробирки производилась по мере раскопок, причем в укладываемых угольках обязательно сохранялась влага, что придавало им большую прочность (просушенные угольки легко распадаются на мелкие части, не пригодные для исследования).

А. А. Никитин произвел микроскопическое исследование данных ему 46 образцов и пр шел к выводу, что все они принадлежат ели (*Picea*).[1]

Если сборы органических остатков, особенно остеологических, из Ключевой пещеры достаточно богаты и разнообразны, то собственно археологические материалы выглядят очень бедно. Принимая во внимание периодичность и кратковременность заселения пещеры (на что указывает переслаивание угольных прослоек глиной), ее непригодность под долговременное жилье из-за сырости, а также отсутствие поблизости от нее кремневого материала для орудий, пещеру можно рассматривать как временное убежище, связанное с кратковременными остановками охотников, пользовавшихся при передвижениях неприхотливым бытовым инвентарем. Однако даже эти случайные посещения пещеры все же оставили свои несомненные следы. В культурном очажном слое (второй слой) найдено пять кремней и орудие из кремнистого сланца (?). Два из найденных кремней представляют собой тонкие призматические пластинки.

Первая из них длиной около 3 см, шириной немногим больше 1 см, довольно правильно огранена и сохраняет на спинке фасетки от предшествующих сколов с нуклеуса. Пластинка несколько изогнута и сломана со стороны, противоположной ударному бугорку. Кремень, из которого сделана пластинка, почти черный, мелкозернистый, хорошего качества (рис. 8,*а*).

Вторая пластинка, тоже длиною около 3 см, шириною несколько меньше 1 см, огранена менее правильно и с одной стороны у лезвия сохраняет следы желвачной корки. Пластинка, повидимому, является отходом при обработке нуклеуса или при «оживлении» рабочего края какого-то орудия (рис. 8, *б*). Остальные три кремешка представляют собой чешуйки, полученные, видимо, в результате подправок орудий. Если кремневые находки не относятся к изделиям, участвующим в трудовом процессе, то обработанная плитка из кремневого сланца выглядит как законченное орудие. Она имеет подтреугольную форму и подобно выш описан-

---

[1] Микроскопическое исследование показало, что все 46 образцов относятся к хвойным древесинам. Наличие же смоляных ходов, мелких окаймленных пор в крайних клетках сердцевинных лучей и простых овальных пор в срединных клетках лучей определяет принадлежность всех образцов к роду *Larix* или *Picea*. Так как мы наблюдали на исследуемых нами образцах, что внешние стороны в крайних срезах луча в большинстве случаев гладкие, то мы определяем принадлежность всех 46 образцов к роду *Picea* — ель. (Из заключения А. А. Никитина).

ным кремням на спинке сохраняет следы предшествующих сколов и выщербины от ударов около ударной площадки. Боковая выпуклая грань (лезвие) плитки приострена ретушью, придающей ей вид выпуклого скребка. Ретушь локализуется только на выпуклой части грани и доходит до верхней широкой части плитки (пятки); ближе к узкой нижней части заметны выщербины. Брюшко плитки не носит следов обработки (рис. 8, *в*). Так-же небогата коллекция обработанных костей из Ключевой пещеры. Обращает на себя внимание одна кость (радиус? медведя) с ясно выраженными следами сглаженности на одном конце, имеющей целью заострить его. На другом конце кости нанесены три параллельные насечки для лучшего крепления кости в древке. Длина кости около 15 см. Она, видимо, служила наконечником дротика (рис. 9).

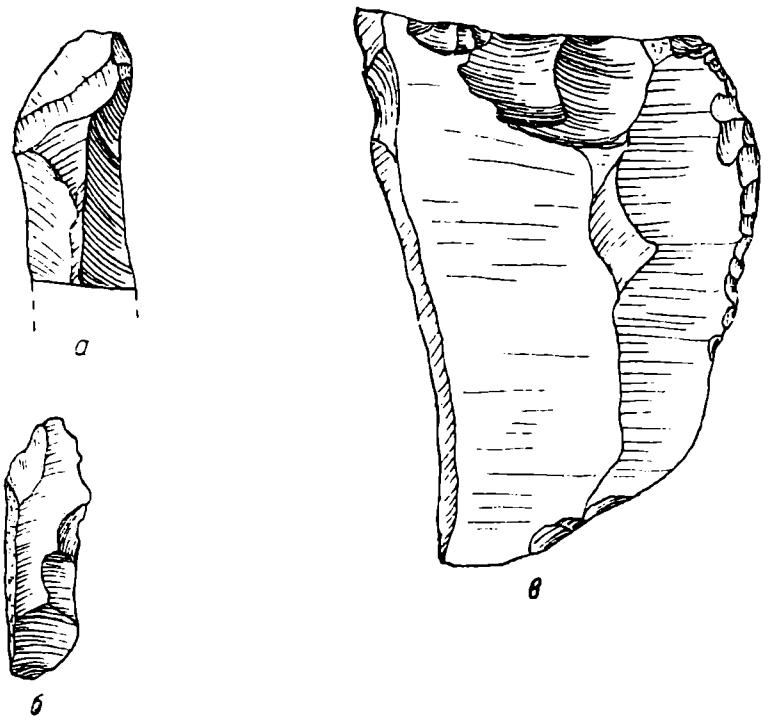


Рис. 8. Пещера Ключевая. Кремневый инвентарь из культурного слоя.

В коллекции представлен и отщеп рога оленя с ясно выраженной отметкой в виде ударного бугорка и отходящей от него волнистой поверхностью. Эти признаки характеризуют энергичный удар в одну точку, сразу же отделивший отщеп от стержня рога.

2. Бурановская пещера (2 км от пещеры Ключевой вверх по р. Юрюзани на левом ее берегу) возвышается над уровнем реки на 15—20 м (рис. 10 и 11). В районе пещеры левый берег обрывистый и крутой. Правый берег напротив пещеры имеет вид большой бугровой возвышенности, поросшей лесом и плавно сбегающей к реке. Спуск от пещеры к реке достаточно крутой и начинается сразу же от небольшой (до 20 кв. м) площадки перед входом в пещеру. Сам вход в пещеру обращен на юго-восток. Ширина входа до 3.5 м, высота 2.30 м. Пещера коридорного типа, состоит из главного коридора, могущего быть условно разделенным на 4 камеры, отграниченных друг от друга суженными частями главного коридора (перемычками). От коридора, в разных местах, намечаются низкие и очень узкие боковые ответвления, совершенно недоступные даже для измерений. Высота главного коридора колеблется в пределах от 2 до 6 м (в третьей камере). В стенах пещеры

заметно много ниш и каверн типично карстового характера. Пещера сырая, особенно в пределах 1-й камеры, и целиком обязана своим происхождением действию грунтовых вод, деятельность которых не прекращается и сейчас. Пол пещеры почти везде ровный. Разведочный раскоп был заложен в пределах 1-й камеры. Первоначально площадь его была 8 кв. м. но по мере углубления она значительно уменьшилась и на глубине раскопа едва доходила до 1 кв. м. Столь значительное уменьшение площади раскопа целиком зависело от трудностей проходки напластований, сплошь загроможденных очень крупными блоками камня (рис. 2). Литология слоев, в том виде как она раскрывается на участке раскопа, следующая.

Первый слой. Имеет вид серого, довольно рыхлого образования, ровным пластом прикрывающего всю площадь пещеры.

Второй слой. Желтый суглинок с примесью щебня. Этот слой прослежен до глубины прокопа (2.85 м). Он сильно насыщен крупными камнями. Второй слой прорезывает интенсивно выраженный очаг, достигающий мощности 0.90 м.

Уже на глубине 1.20 м в слое начали встречаться редкие угольки, раздробленные и обожженные кости животных. Однако они встречались как отдельные находки, вкрапленные в слой, и не составляли хорошо очерченного культурного горизонта. С глубины же 1.50 м количество костей и угольков значительно возрастает, с 2 до 2.50 м насыщенность ими слоя настолько велика, что можно говорить о довольно плотной залежи костей, перемешанных с угольками и золистой массой. Цвет самого слоя в пределах этих отметок выделяется значительным потемнением, типичным для очажных слоев. Верхняя граница очага сильно повышается к северной стенке пещеры и понижается к выходу (см. разрез I, рис. 12). Этот рельеф верхней границы очага, видимо, определился в результате смятости очага крупными обломками скалы, отвалившейся со стен и потолка пещеры. Нижняя граница очага сохраняет горизонтальное положение. В подстилающем очаг желтом суглинке заметны слабые следы прокалины в виде буроватых и красноватых пятен, локализованных в самом верхнем горизонте подстилающего слоя. В слое, почти до глубины прокопа (2.85 м), редко встречаются отдельные кости, без угольков и зольных включений.

Рис. 9. Пещера Ключевая. Кость со следами обработки и сглаженности из культурного слоя.

Так же как и в Ключевой пещере, археологические находки в Бурановской пещере редки и в массе своей представляют кости животных и угольки. По определению В. В. Карачаровского и В. И. Громовой, кости принадлежат следующим видам животных: 1) лошадь [*Equus* (*Equus*) sp.?]; 2) зубр первобытный (*Bison priscus*); 3) олень благородный (*Cervus elaphus*); 4) лось (*Alces alces L.*): 5) олень северный (*Rangifer tarandus*); 6) медведь (*Ursus* sp.); 7) волк (*Canis lupus*); 8) лисица (*Vulpes vulpes*); 9) песец (*Vulpes lagopus*); 10) заяц (беляк?) (*Lepus timidus*?); 11) пищуха (*Ochotona pusilla*); 12) тушканчик большой (*Aclactaga jaculus*); 13) полевка экономка (*Microtus oeconomus*); 14) хомяк (*Cricetus cricetus*); 15) крыса водяная (*Arvicola terrestris*); 16) бобр (*Castor fiber*); 17) сурок (*Marmota bobac*); 18) суслик рыжеватый (*Citellus rufescens*).

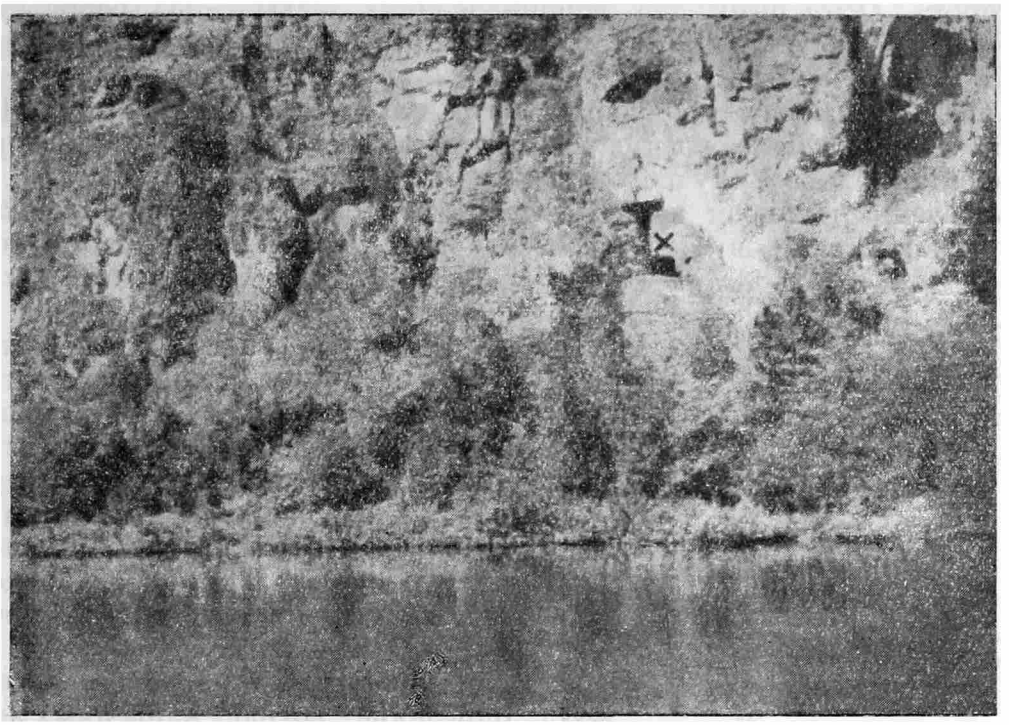


Рис. 10. Общий вид скалистого обнажения на р. Юрюзань.
X — обозначен вход в Бурановскую пещеру.

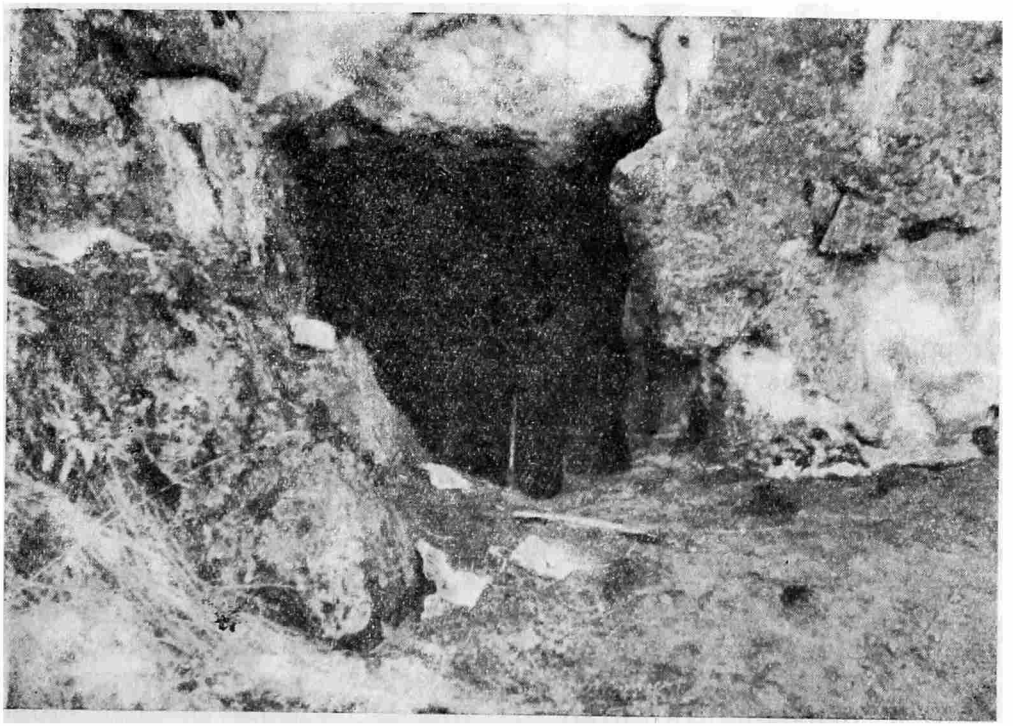


Рис. 11. Вход в Бурановскую пещеру.

Птицы: 19) тетерев-косач (*Tetrao tetrix*); 20) глухарь (*Tetrao urogallus*); 21) сорока (*Pica pica*); 22) ворона (*Corvus cornix*); 23) воробьиные (*Passeres*); 24) орел (*Aquila* sp.); 25) пустельга (*Tinnunculus* sp.); 26) кулик (*Limicola* sp.).

Наибольшее количество костей животных принадлежит лошади (минимум 6 особям). Далее следуют другие животные, число костей которых в каждом отдельном случае относится к 1—2 особям.

Приведенный список животных из Бурановской пещеры не вносит почти ничего нового в состав четвертичной фауны, известной по определениям остеологического материала из Ключевой пещеры. Наоборот, бурановская фауна несколько беднее и не имеет таких характерных представителей, как носорог и пещерный медведь. Нам представляется, что отсутствие этих древних видов скорее случайно и не отражает закономерности исчезновения их. В. И. Громов, на основании отсутствия остатков носорога, мамонта и других архаических видов в слоях Бурановской пещеры, определяет возраст найденных здесь палеолитических остатков как более молодой и следующий во времени за остатками из Ключевой пещеры (т. е. не выше мадлена).[1] Может быть это и так, однако, нам кажется, что сопоставление это несколько преждевременно, потому что площадь раскопок палеолитических отложений Ключевой пещеры значительно превышает площадь, вскрытую раскопками в Бурановской пещере. С точки зрения археологической кости из очажного горизонта пещеры вполне аналогичны костям из Ключевой. Характер раздробленности их обнаруживает те же приемы раскалывания и с полной несомненностью позволяет видеть в них преднамеренность раскалывания.

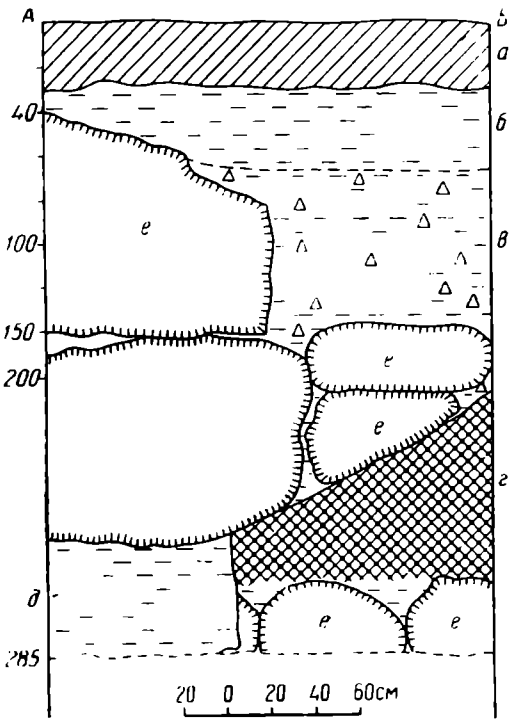


Рис. 12. Бурановская пещера. Разрез наслоений по линии *АБ*.

а — черный слой; *б* — серо-желтая глина; *в* — желтая глина со щебнем; *г* — культурный слой; *д* — желтая глина; *е* — камень.

Кроме костей животных и еловых угольков, в слое найдена группа очажных камней, сильно обожженных и растрескавшихся от действия огня, а в ряде случаев буквально облепленных золой и угольками. На глубине 2.40—2.50 м встречен четко прослеживаемый очаг. Он оказался заваленным крупными обломками скалы, тем не менее, часть его довольно легко выделилась из общей массы завала по признаку обжига камней. Вполне достоверно можно говорить о четырех камнях, лежащих на одном уровне и дающих в плане дугообразный изгиб. Края этих камней сильно обожжены и, ограничивая пятно зольной массы с внутренней стороны, сохранили на закраинах приставшие угольки. Очаг размещался недалеко от выхода пещеры и, видимо, в диаметре не превышал 1 м.

---

[1] В. И. Громов, ук. соч., стр. 291.

Он имел округлые очертания и, если судить по множеству угольков и большому количеству костей животных внутри и вокруг него, можно думать, что очагом пользовались неоднократно. В очажном слое вместе с костями животных и угольками найдено 3 кремнистых осколка с явными следами преднамеренного скола их с нуклеуса. Осколки атипичны и по ним нельзя сделать какие-нибудь выводы.

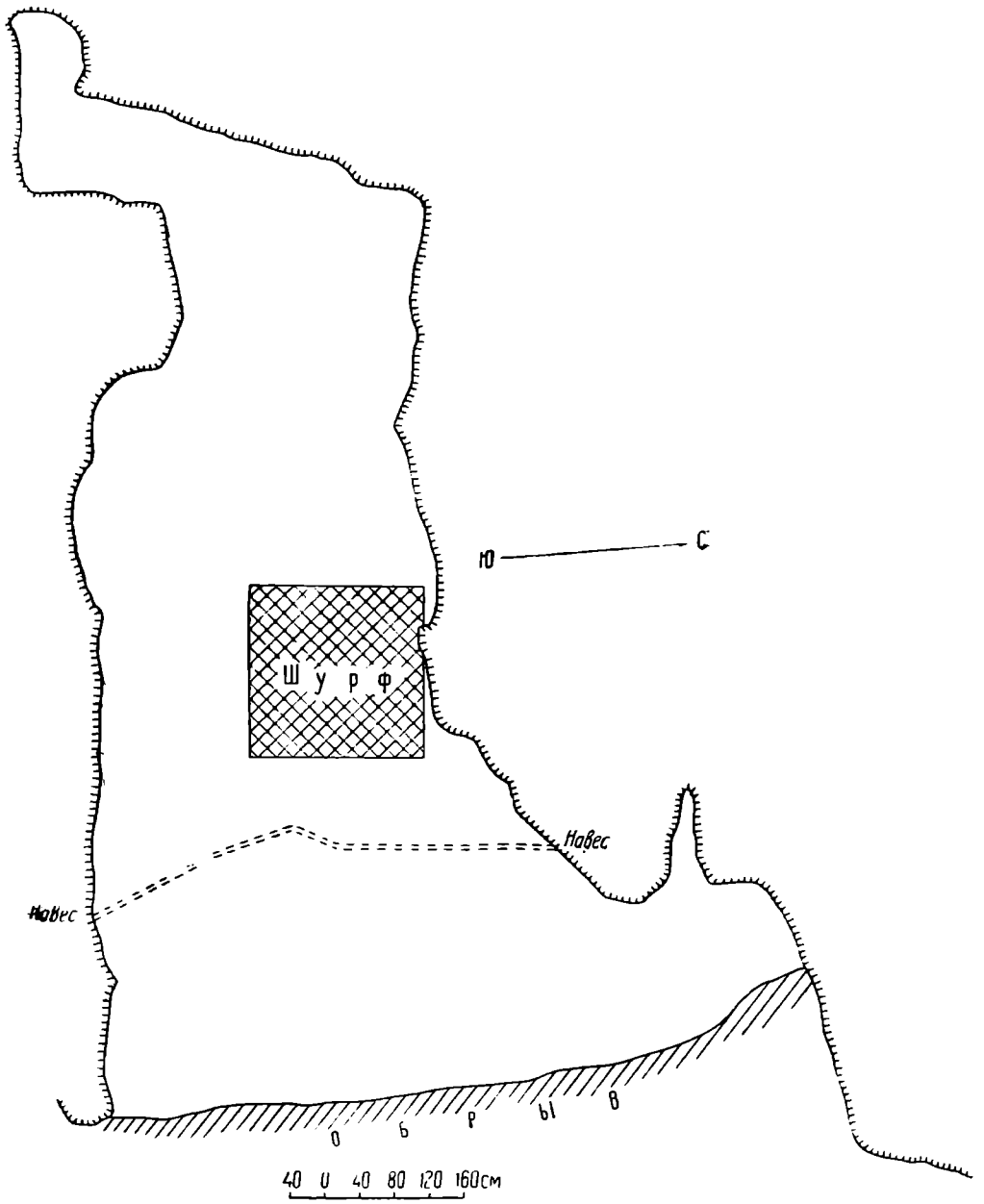


Рис. 13. Смирновская пещера. План.

3. Смирновская пещера расположена на левом очень высоком берегу р. Юрюзани примерно в 300 м ниже железнодорожного моста через р. Юрюзань в окрестностях ст. Усть-Катав. Пещера сухая, обращена на восток, высокая и довольно вместительная (рис. 13). Высота пещеры над уровнем реки — 50—60 м, причем доступ к ней очень труден и возможен только со стороны реки по крутому склону, покрытому делювиальным наносом и обломками скалы. Дно пещеры выстилает нанос, состоящий из однородного суглинка желтого цвета, содержащего в виде примеси щебень. Этот слой, мощностью почти в 2 м, залегает на яркожелтой

глине тоже с примесью щебня. Мощность слоя в пределах раскопа, занимающего площадь всего в 2.5 кв. м, не превышала 0.60 м. Он выстилает скалистое дно навеса. Таким образом, общая толщина напластований в пещере составляет 2.60 м, причем для нас имеет интерес слой над яркожелтой глиной, так как только в нем встречены археологические остатки. Однородность этого слоя по всей толщине нарушается ясно заметными очажными прослойками в верхнем ярусе. Они состоят из очень насыщенного угольками и золистой массой образования, в котором нередки и включения костей. Верхний очажный слой, залегающий до глубины 0.35—0.45 м, связывается с остатками поздних костров, вплоть до современных. Ниже этого очажного горизонта идет слой с остатками культуры палеолитического возраста. В верхней части слоя ясно очерчивается очажная прослойка, выклинившаяся к выходу пещеры (рис. 14—15). Литологическая однородность слоя с глубины 0.45 до 2.1 м исключала возможность членения толщи по естественным признакам, поэтому толща разделялась и раскапывалась по горизонтам, толщина которых зависела от количества находок. Таким образом, весь слой был разделен на 5 горизонтов: I — толщиной в 0.20 м, II — 0.10 м, III — 0.20 м, IV — 0.75 м, V — 0.40 м. Наибольшее количество находок приурочивается к I, II и III горизонтам. Затем следует пласт, где находки составляют единичные явления, и в V, последнем, горизонте количество находок опять увеличивается: в нижнем отделе горизонта они составляют сплошные залежи костей вместе с угольками. Можно с уверенностью установить два палеолитических этапа заселения пещеры, оставивших два культурных слоя. Нижний слой, с глубины 1.70 м до глубины 2.10 м, и верхний слой, с глубины 0.45 м до глубины 0.90 м (рис. 15). Кости животных отличаются всеми признаками, которые характеризуют преднамеренность раскалывания их человеком. Они находились в очажных горизонтах вместе с угольками. Эти факты дают все основания к тому, чтобы видеть в них остатки, связанные с обитанием здесь человека. Хотя костные остатки и происходят из разных горизонтов, однако представляют почти один и тот же состав животных. Очень интересно, что в Смирновской пещере найдены обломки костей мамонта. Для южноуральских палеолитических местонахождений это первый случай находки

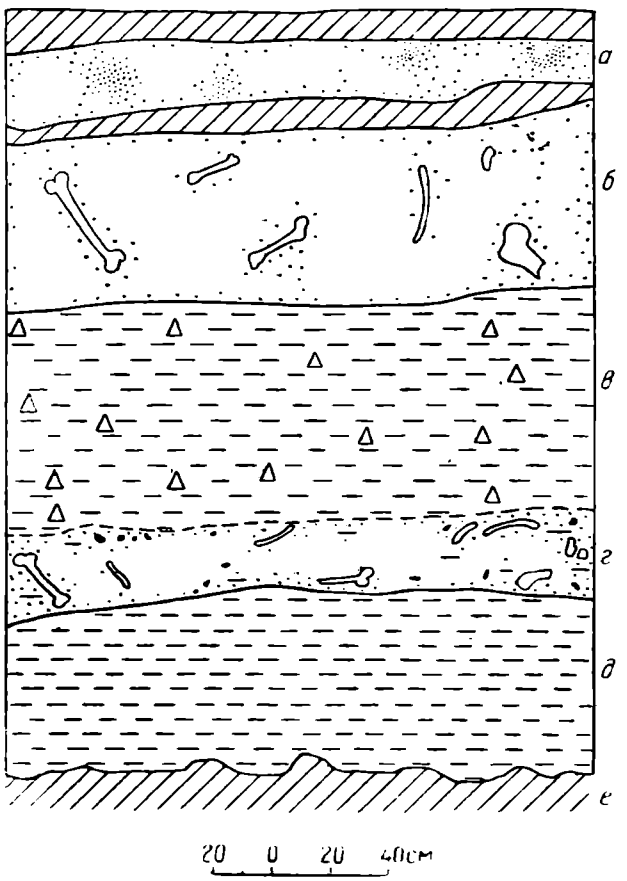


Рис. 14. Смирновская пещера. Разрез по южной стороне шурфа.

а — очаги; *б* — II культурный слой; *в* — желтая глина со щебенкой; *г* — горизонт наибольшего скопления костей (есть уголь); *д* — яркожелтая глина, без находок; *е* — скала.

костей мамонта. На площади раскопа с глубины 0.45 м до глубины 2.10 м найдено всего 246 определимых костей млекопитающих, принадлежавших, по определению В. И. Громовой, следующим видам животных: 1) мамонт (*Elephas primigenius*); 2) носорог шерстистый (*Rhinoceros tichorhinus*); 3) лошадь [*Equus* (*Equus*) sp.]; 4) зубр первобытный (*Bison priscus*); 4) олень благородный (*Cervus elaphus*); 6) лось (*Alces alces*); 7) олень северный (*Rangifer tarandus*); 8) сайга (*Saiga tatarica*); 9) медведь пещерный (*Ursus spelaeus*); 10) россомаха (*Gulo gulo*); 11) волк (*Canis lupus*); 12) лисица (*Vulpes vulpes*); 13) песец (*Vulpes lagopus*); 14) заяц (беляк?) (*Lepus timidus*?); 15) тушканчик большой (*Allactaga jaculus*); 16) хомяк (*Cricetus cricetus*); 17) крыса водяная (*Arvicola terrestris*); 18) бобр (*Castor fiber*); 19) сурок (*Marmota bobac*); 20) суслик рыжеватый (*Citellus rufescens*); 21) еж (*Eri aceus* sp.). Из птиц: 23) куропатка белая (*Lagopus lagopus*); 24) куропатка тундряная (*Lagopus mutus*); 25) утка (*Anas* sp.); 26) гусь (*Anser* sp.). Между прочим, кости водоплавающих — гуся и утки — тоже остаются пока единственными находками в южно-уральских палеолитических пещерах.

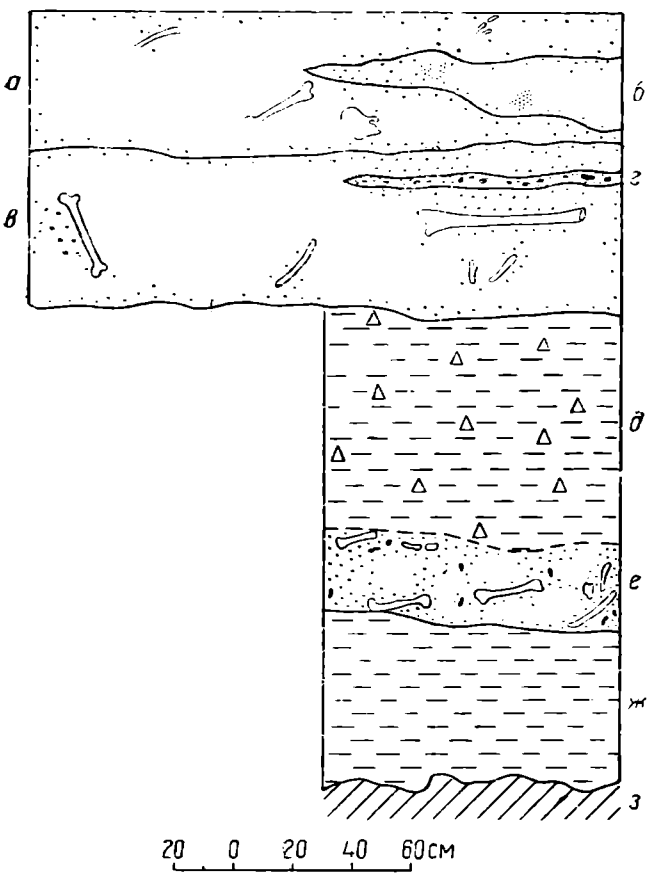


Рис. 15. Смирновская пещера. Разрез по восточной стороне шурфа.

а — I культурный слой; *б* — очаги; *в* — II культурный слой; *г* — угольки; *д* — желтая глина со щебенкой; *е* — горизонт наибольшего скопления костей (есть уголь); *ж* — яркожелтая глина, без находок; *з* — скала.

От поверхности до глубины 0.40 м в слое, где обнаружены поздние очаги, найдены остатки лошади, лося, северного оленя и косули.

Количественное соотношение костей восстанавливает перед нами одну из сторон охотничьего хозяйства. Наибольшее число костей копытных животных принадлежит северному оленю (32 кости, минимум 3 особи), затем идут кости лошади (15 костей, минимум 4 особи) и зубра (14 костей, минимум 2 особи). Из хищников по количеству костных остатков первое место занимает песец (42 кости, минимум 15 особей) и волк (22 кости, минимум 2 особи). Из грызунов — заяц (58 костей, минимум 3 особи) и сурок (33 кости, минимум 5 особей).

Несмотря на то, что в слоях не встречено кремневых орудий и осколков — мы все же имеем все основания отнести очажные слои в Смирновской пещере к палеолиту и видеть в них остатки культуры обитавших здесь человеческих обществ. Наше мнение целиком опирается на характерную раздробленность костей и присутствие очажных слоев в пещере, где исключены случайные накопления угля и золистой массы.

4. Гребневая пещера. Несколько иной характер по своей конфигурации, равно как и по литологическим признакам, имеет пещера Гребневая. Она, так же как и другие рассмотренные нами пещеры, относится к пещерам коридорного или тоннельного типа. Пещера расположена на правой стороне Большого Дола, севернее пос. Лимоновка, на левом берегу р. Юрюзани, в северной части обрывистого обнажения, находящегося против пос. Лимоновка (рис. 1). Высота пещеры над уровнем реки 50—60 м. Склон от пещеры к реке очень крутой и почти недо-

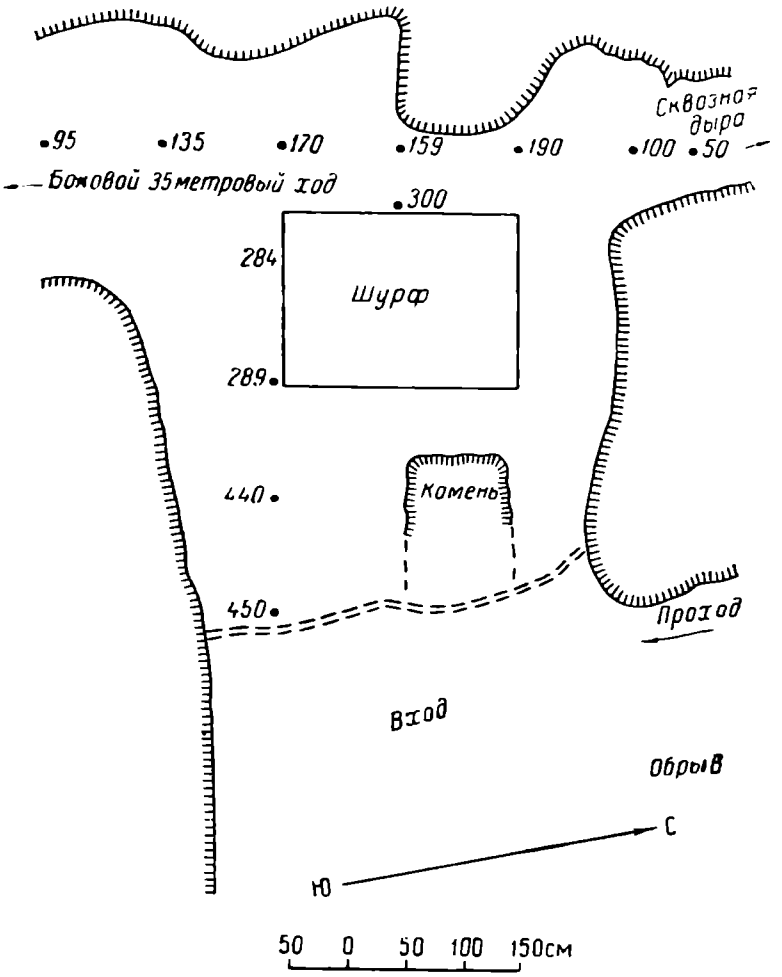


Рис. 16. Гребневая пещера. План.

ступен для передвижения. В пещеру можно попасть с плато над обрывистым обнажением, спустившись по долу и пройдя под карнизом плато. Вход в пещеру замаскирован деревьями, составляющими вместе с кустарниковым покровом густую заросль склона. Пещера обращена на восток с небольшим отклонением к югу и у головной своей части хорошо освещается солнцем. Ширина входа до 4 м, высота до 4.5 м. Сразу же от входа начинается 1-я камера пещеры. Это довольно вместительное помещение с достаточно высоким потолком (до 4.5 м). Свод пещеры и стены представляют собой расслоившийся известняк, постоянно угрожающий обвалом. Справа от входа у задней стенки 1-й камеры имеется узкое сквозное отверстие, выходящее наружу (рис. 16). Пол первой камеры выстилают отложения. Камера соединяется посредством 9-метрового узкого и извилистого коридора со 2-й камерой, имеющей вид овального помещения с высоким, до 4.5 м, сводом. Ширина помещения от

1.5 до 3 м. От этого помещения ход идет дальше на юг и доступен по узким извилинам примерно на протяжении 35 м от 1-й камеры. Высота хода местами превышает 5 м, ширина не более 1 м. Боковой ход имеет вид обычной трещины в известняке, доступной для проникновения подпочвенных вод. Разведочный шурф был заложен почти в центре 1-й камеры. Размер его 2 × 1.5 м. Напластования, покрывающие дно пещеры, удалось проследить до глубины 1.80 м. Сильная загроможденность слоев камнями помешала дальнейшему углублению шурфа, однако вполне возможно, что встреченные на глубине 1.80 м крупные обломки известняка, расслоившиеся на отдельности, составляют границу скалистого дна пещеры. Всю толщу отложений Гребневой пещеры легко разделить на два слоя, отвечающие двум различным культурным горизонтам: первый слой до 0.40 м толщины — гумусированная глина, проросшая корнями деревьев и кустарников, растущих за пределами пещеры и черпающих здесь в пещере влагу. В первом слое найдены остатки культуры человека позднего времени. Второй слой — коричневатая глина с большим содержанием песка, придающего рыхлость глине. Слой однородный до глубины прокопа. В нем много крупных блоков камня. С глубины 0.50 м во втором слое часто находились обломки костей ископаемых животных, особенно на глубине 1—1.30 м (рис. 17). В ряде случаев кости сопровождались находками угольков, однако не составляющих тех типичных очажных прослоек, которые наблюдались нами в Бурановской, Ключевой и Смирновской пещерах. Угольки в Гребневой пещере как бы рассеяны по слою и четко вырисовываются в виде отдельных черных пятнышек на срезе шурфа. Кости же сохраняют те же следы преднамеренной раздробленности. По определению В. И. Громовой и В. В. Карачаровского, собранные в Гребневой пещере кости животных из палеолитического слоя принадлежат следующим видам животных: 1) носорог шерстистый (*Rhinoceros tichorhinus*); 2) лошадь [*Equus* (*Equus*) sp.]; 3) зубр первобытный (*Bison priscus*); 4) олень благородный (*Cervus elaphus*); 5) косуля азиатская (*Capreolus pygargus*); 6) олень северный (*Rangifer tarandus*); 7) лев пещерный [*Felis* (*Leo*) *spelaea*]; 8) медведь пещерный (*Ursus spelaeus*); 9) лисица (*Vulpes vulpes*); 10) песец (*Vulpes lagopus*); 11) заяц (беляк?) (*Lepus timidus*?); 12) хомяк (*Cricetus cricetus*); 13) крыса водяная (*Arvicola terrestris*); 14) сурок (*Marmota bobac*); 15) суслик рыжеватый (*Citellus rufescens*); 16) крот (*Talpa europaea*). Из птиц: какой-то вид из семейства куриных и пустельга (*Tinnunculus* sp.). Рыбы: несколько костей жереха (*Aspius* sp.) и окуня (*Perca fluviatilis*).

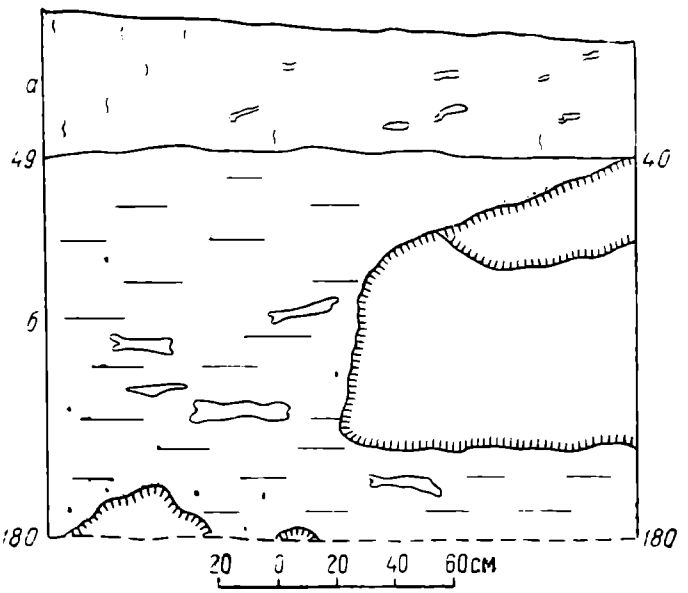


Рис. 17. Гребневая пещера. Разрез по западной стенке шурфа.

а — I культурный слой, серый глинистый; *б* — II культурный слой, коричневая глина.

5. Усть-Катавская II пещера. В 1—1.5 км к востоку от ст. Усть-Катав высятся скалистые обнажения. В одном из таких обнажений под карнизом плато находится обширная пещера, которую видно с поймы р. Катав. Пещера имеет широкий и высокий вход, обращенный на восток и хорошо освещающийся солнцем. Внутреннее помещение пещеры скорее напоминает собой грот, пол которого покрыт мощным наносом желтого суглинка и местами загромождён крупными обломками скалы. Высота пещеры над уровнем железнодорожного полотна около 45—50 м. Вход в пещеру имеет ширину около 5 м, высота у входа 4.5 м. Свод пещеры постепенно снижается с востока на запад. Пещера имеет непроходимые боковые ответвления: северное в виде узкой щели, уходящей вниз, и западное, ведущее в верхний ярус пещеры и переходящее там в щель, теряющуюся в материковой породе. И, наконец, южный боковой ход, в самом начале заваленный обломками известняка. Ход сообщается с плато, откуда проникают лучи света, освещающие непроходимое внутреннее помещение его. Первоначально разведочный шурф был заложен ближе к выходу из пещеры по центральной оси. Закладывая этот шурф (№ 1), мы поставили перед собой задачу определить всю свиту отложений в пещере. Однако это намерение пришлось отложить, так как с имеющимися в нашем распоряжении средствами дальше глубины 1.65 м пройти не удалось из-за крупных блоков камней, скопившихся на этой глубине. В пределах раскопанной части напластования в пещере представляются в следующем виде. Сверху на глубине не более 0.10 м залегает современный зольный слой, отложившийся от костров. Второй слой серого цвета, золистый, представляет собой изменившую свой первоначальный состав глину. В нем встречаются щебень и пятна яркокрасных включений — следы прокаливания слоя кострами. Надо сказать, что образцы второго слоя и нижележащего третьего слоя, подвергнутые обжигу на обычном огне костра, принимают красный цвет, сильно отличающийся от нормального серо-желтого или желтого цвета породы.

Второй слой, относимый к энеолитическому времени, явится предметом нашего специального рассмотрения в другой работе. Укажем только, что мощность его не превышает 0.45 м. Под вторым слоем залегает мощным пластом желтая глина (третий слой) с крупными обломками известняка. В этом слое, в верхнем отделе его, ясно вырисовывается тонкая очажная прослойка, выклинивающаяся к центру шурфа с сильным уклоном с юга на север. Очажная прослойка (толщина 0.05—0.08 м) из золистой массы, насыщенной угольками и мелкими обуглившимися частицами кости, особенно четко вырисовывается на западном срезе шурфа.

В третьем слое встречено довольно много костей ископаемых животных. Горизонт залегания, наиболее насыщенный костями, связан с верхним отделом слоя. Находки костей заметно беднее в пределах нижних границ распространения третьего слоя, т. е. ближе к глубине прокопа. Кроме самой углистой прослойки, в слое имеются включения отдельных угольков, причем наибольшее число их отмечается опять-таки ближе к верхней границе слоя. Итак, в Усть-Катавской пещере мы имеем ту же картину залегания остатков палеолитической культуры, какая наблюдается нами в вышеописанных пещерах. Здесь присутствуют те же компоненты, позволяющие видеть в них остатки палеолита, — раздробленные кости животных, угольки и очажная прослойка. В. И. Громова вместе с В. В. Карачаровским занимались определением костей из палеолитического горизонта Усть-Катавской II пещеры. Приведем данные их определений: 1) носорог шерстистый (*Rhinoceros tichorhinus*); 2) ло-

шадь [*Equus* (*Equus*) sp.]; 3) зубр первобытный (*Bison priscus*); 4) лось (*Alces alces*); 5) косуля азиатская (*Capreolus pygargus*); 6) олень северный (*Rangifer tarandus*); 7) медведь (*Ursus* sp.); 8) горностай (*Putorius erminea*); 9) волк (*Canis lupus*); 10) лисица (*Vulpes vulpes*); 11) песец (*Vulpes lagopus*); 12) заяц (беляк?) (*Lepus timidus*?); 13) хомяк (*Cricetus cricetus*); 14) крыса водяная (*Arvicola terrestris*); 15) сурок (*Marmota bobac*); 16) белка (*Sciurus vulgaris*). Из птиц: 17) тетерев косач (*Tetrao tetrix*); 18) пустельга (*Tinnunculus* sp.); 19) голубь (*Columba* sp.); 20) кулик (*Limicola*).

Приведенный список животных не вносит существенных дополнений к тем видам, которые приведены для ранее описанных пещер.

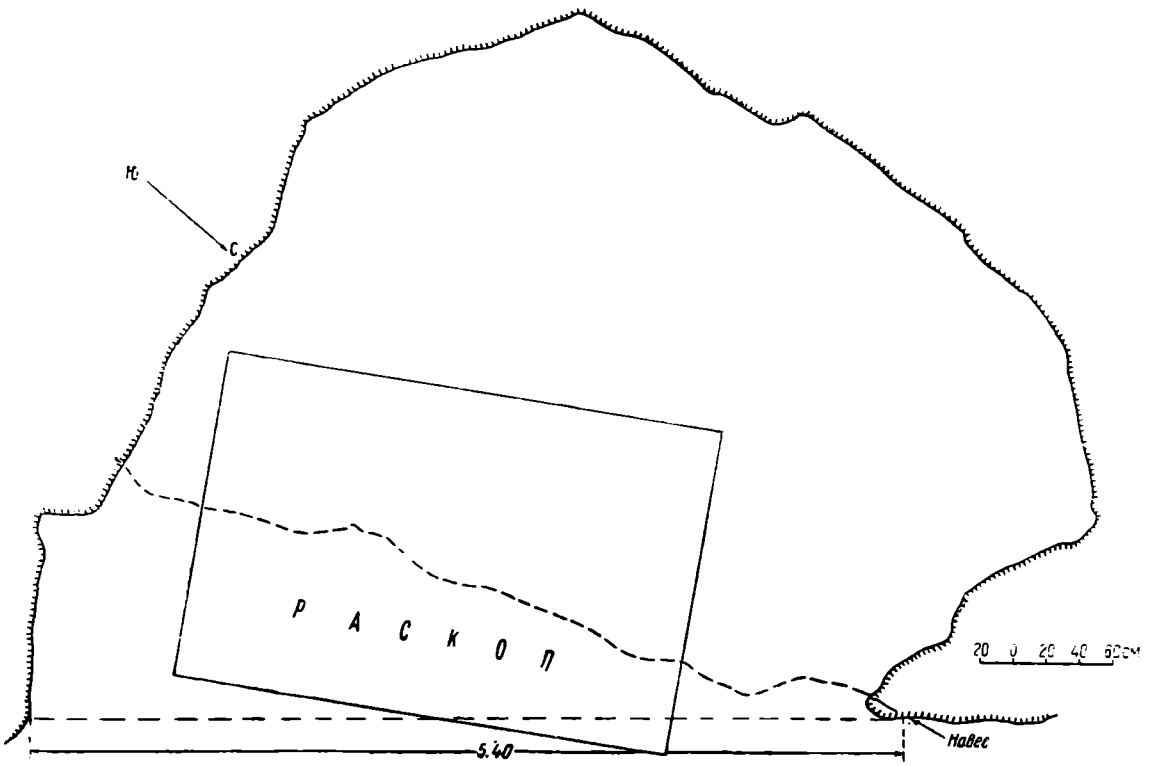


Рис. 18. Пещера Кочкари II. План.

6. Пещера Кочкари II. У южной околицы дер. Кочкари, на правом берегу реки Минки, тут же невдалеке впадающей справа в Юрюзань, сохранилась пещера. Расположена она у подножья прибрежной возвышенности и сильно замаскирована кустарником и лесом. Высота пещеры над уровнем р. Юрюзани не больше 10 м. Пещера обращена входом на северо-восток, сырая и не велика по площади. Ширина входа около 5.5 м, глубина 4 м. Высота у входа немного больше 1 м и далее вглубь снижается до 0.50 м (рис. 18). Нет сомнения в том, что в древности пещера была значительно больше и до заполнения ее мощным наносом представляла собой достаточно объемистое вместилище. О былой величине пещеры можно судить по отвалу известняка от современной наружной кромки пещеры. Обломки скалы, оторвавшись от материковой породы, скопились тут же у входа в пещеру. Пол пещеры имеет небольшой уклон от входа в глубину. Разведочный раскоп был заложен ближе к южной стенке, причем частью своей выходил за пределы нависшего свода, на небольшую площадку перед пещерой. Размеры раскопа 6 кв. м. Напластования в пещере следующие: первый слой темный, напо-

минающий собой чернозем. В слое много корней от растительности, развившейся у входа. Слой рыхлый, примесь щебня в нем невелика. Мощность его до 1.10 м. Второй слой резко отличается от первого по цвету и консистенции. Это суглинок, с трудом поддающийся даже кайлу. В слое много крупных блоков камня. Глубина залегания его прослежена до 2.10 м (рис. 19). В общем однородная толща слоя на глубине 1.30 м (по западному срезу) прорезывается горизонтом, содержащим кости животных, залегающие вместе с угольками. Толщина этого культурного горизонта на площади раскопа не превышала 0.25 м, в нем найдено наибольшее количество костей, в нем же сосредоточивались и включения угольков. По характеру изломов кости из пещеры Кочкари II с уверенностью можно отнести к группе костей, несущих на себе следы деятельности человека.

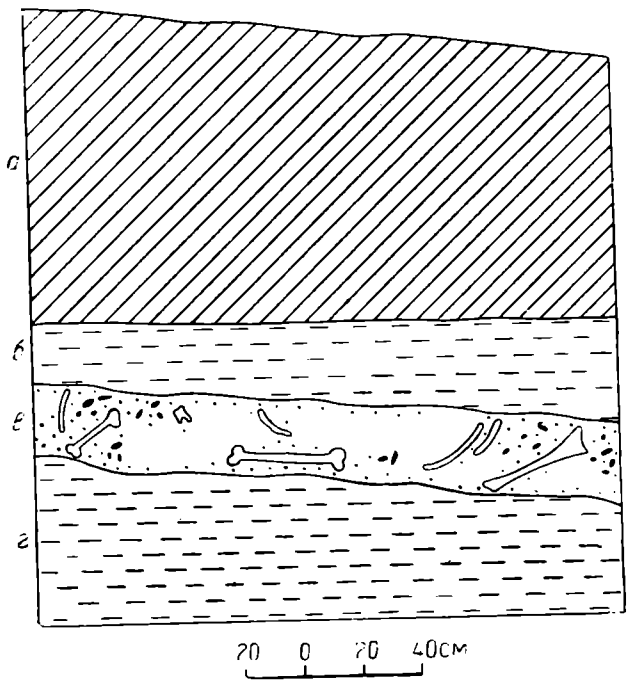


Рис. 19. Пещера Кочкари II. Разрез по западной стенке раскопа.

а — чернозем; *б* — желтая глина; *в* — горизонт костей и угля; *г* — желтая глина.

По определению В. В. Карачаровского и В. И. Громовой, в палеолитическом горизонте пещеры Кочкари II представлены следующие виды животных: 1) носорог шерстистый (*Rhinoceros tichorhinus*); 2) лошадь [*Equus* (*Equus*) sp.?]; 3) зубр первобытный (*Bison priscus*); 4) олень благородный (*Cervus elaphus*); 5) косуля азиатская (*Capreolus pygargus*); 6) олень северный (*Rangifer tarandus*); 7) заяц (беляк?) (*Lepus timidus*?); 8) пищуха (*Ochotona pusilla*); 9) хомяк (*Cricetus cricetus*); 10) крыса водяная (*Arvicola terrestris*). В общем фауна из пещеры Кочкари II несколько беднее, чем в пещерах, описанных выше.

7. **Суходольная пещера.** В 1 км к западу от пос. Жеребчиков в урочище Сухой Дол на левом берегу Юрюзани находится большая пещера. Вход в пещеру обращен на юго-восток. Он имеет в ширину 3 м, в высоту 1.80 м. Примерно метра за четыре от входа передняя камера пещеры суживается в щель, затем, расширяясь, превращается в огромный, двухъярусный, тянущийся на несколько десятков метров коридор, заканчивающийся, опять-таки, очень низким ходом.

Шурф в пещере заложен у входа. Размер шурфа 1.5 × 1.5 м. Под темным гумусированным слоем (толщина 0.20—0.40 м) залегает желтая глина, насыщенная щебнем и крупными камнями. В этом слое найдено много раздробленных и целых костей животных. Находки костей идут до глубины 2 м. В толще второго, также глинистого слоя встречались отдельные угольки, не составляющие, однако, определенных, строго локализованных горизонтов залегания. Эти находки — угольки вместе с раздробленными костями животных — позволяют нам отнести пещеру в урочище Сухой Дол к местонахождениям, сохранившим следы палеолита. Фауна из этого местонахождения, по определению В. В. Карачаровского и В. И. Громовой, принадлежит следующим видам живот-

ных: 1) лошадь [*Equus* (*Equus*) sp.]; 2) зубр первобытный (*Bison priscus*); 3) олень благородный (*Cervus elaphus*); 4) олень северный (*Rangifer tarandus*); 5) волк (*Canis lupus*); 6) песец (*Vulpes lagopus*); 7) заяц (беляк?) (*Lepus timidus*?); 6) хомяк (*Cricetus cricetus*); 9) крыса водяная (*Arvicola terrestris*); 10) сурок (*Marmota bobac*), 11) суслик рыжеватый (*Citellus rufescens*).

8. Пещера Кочкари I. Для того чтобы закончить обзор палеолитических местонахождений в бассейне р. Юрюзани, следует упомянуть еще о находках в пещере Кочкари I. Фаунистический комплекс из этой пещеры уже не имеет того древнего облика, который так четко выступает в вышеописанных пещерах. Здесь не встречено находок костей шерстистого носорога, сопровождающих почти все позднеплейстоценовые слои пещерных местонахождений Южного Урала. Не найдено и остатков мамонта, гигантского оленя, пещерного медведя и других представителей древней четвертичной фауны, которые, хотя и в единичных находках, все же встречаются в отдельных палеолитических местонахождениях.

Пещера Кочкари I находится недалеко от южной окраины дер. Кочкари, в нескольких десятках метров от устья речки Минки, впадающей в Юрюзань. Пещера образовалась в обнажении известняка, обрывающегося крутым береговым уступом к р. Юрюзани. Место это носит название «Хваточный гребень». Общий вид пещеры скорее напоминает собой грот. Вход в нее открывается широким зевом, обращенным к югу (высота 2.75 м, ширина 11 м). В глубину, в пределах доступности, пещера имеет 6 м. Свод пещеры от входа вглубь понижается и на шестом метре переходит в широкую, но очень низкую щель высотою не более 0.30—0.35 м, прослеженную дальше в глубину на 6 м. В северо-западном углу пещеры тоже замечена щель, прослеженная до глубины более 4 м (рис. 20). Возможно, что эта щель сообщается с предыдущей очень широкой и глубокой щелью в западной стенке, образуя таким образом внутреннюю камеру, примыкающую к доступной части пещеры с севера и запада. Пол пещеры скалистый и лишь в восточной части, под большой глыбой известняка, удалось найти пригодное для раскопок место. Пещера отделена от реки узкой, не более 30 м, полосой бичевника, прислоненного к скалистому уступу высотой до 2.5 м, переходящему в пол пещеры. Высота пещеры над уровнем реки 3—4 м (рис. 21). Происхождение пещеры осталось не вполне ясным. Возможно, что начало образованию ее было положено подмыванием береговой линии водами реки далеко в глубь материковой породы. Затем передняя часть берегового подмыва, расположенная ближе к реке, расширилась в высоту и ширину под действием выветривания. Более отдаленная от внешних влияний часть берегового подмыва сохранила свои прежние очертания и представляет собой, как мы указывали, широкую и глубокую щель, уходящую в материковую породу в горизонтальном направлении. Это, пожалуй, наиболее правильное решение вопроса о происхождении пещеры, отвечающее нашим наблюдениям над конфигурацией ее.

Нет сомнения в том, что пещера со времен глубокой древности не могла не привлекать к себе внимания удобством своего расположения, сухостью, близостью воды и другими качествами. Ею и сейчас пользуются пастухи, охотники и экскурсанты. Однако культурные слои в ней почти не сохранились и были, вероятно, вычищены людьми или вымыты в периоды высоких стояний воды в Юрюзани, когда ложе реки было выше и уровень воды ближе к пещере. В восточной части пещеры, после того как была убрана по частям огромная глыба известняка, прикрывающая расселину в полу пещеры, обнаружился желтый суглинок, уходящий

в глубь расселины. В верхней части этого слоя был найден трехреберный бронзовый наконечник скифско-сарматского типа, небольшое гладко выструганное костяное шильце и несколько птичьих костей. Сами по себе эти находки представляют собой определенный археологический интерес именно для этой нагорной части Южного Урала. Но сейчас для нас имеют большее значение находки, приуроченные к нижней границе желтого суглинка. Здесь, на глубине около 0.50 м от поверхности слоя, обнаружен небольшой, хорошо сохранившийся очажок, перекрытый

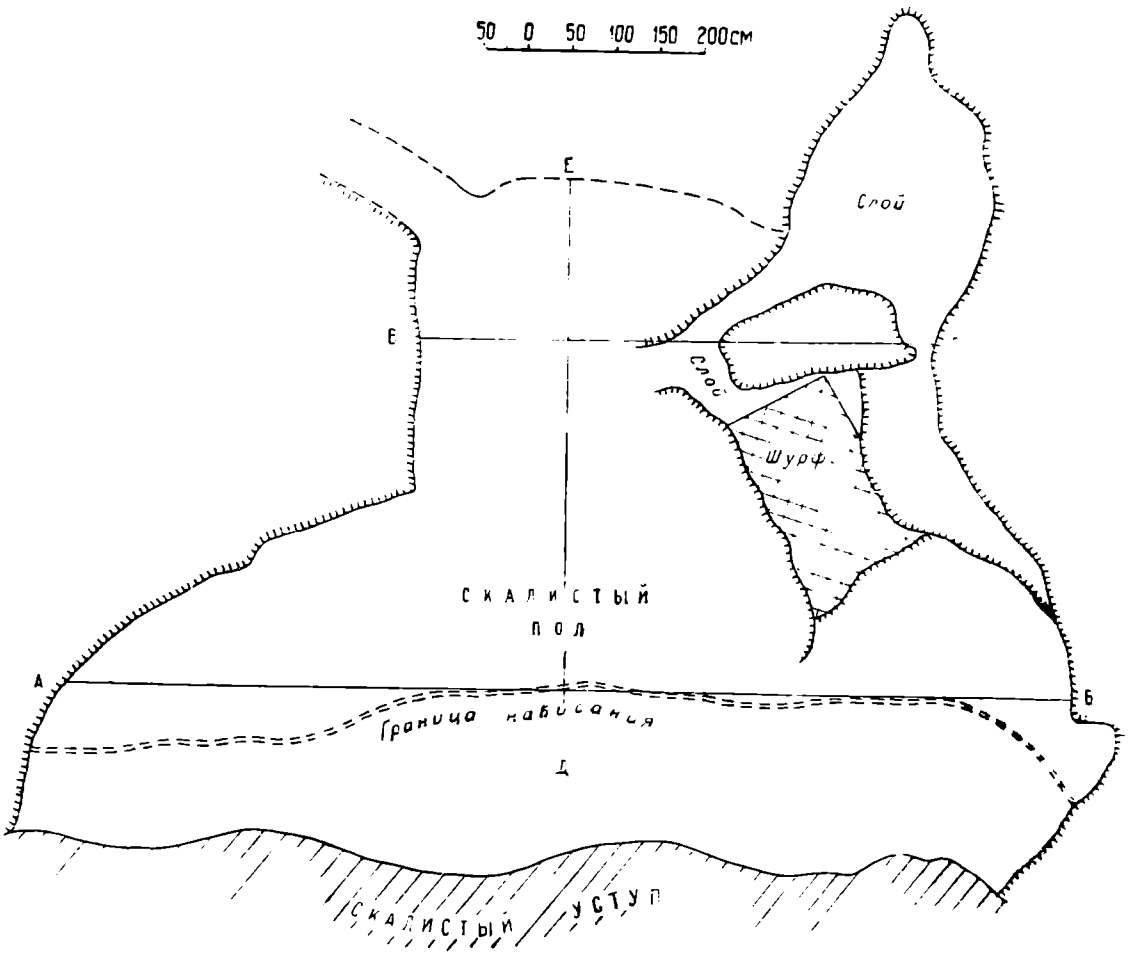


Рис. 20. Пещера Кочкари I в Хваточном гребне. План.

крупным обломком известняка. Очажок встречен в юго-западной части шурфа. Он имел округлые очертания и в диаметре не превышал 0.6 м. Толщина очажка, состоящего из угольков и золистой массы, доходила до 0.12 м. Под очажком наблюдалась небольшая прокаленность слоя. Желтый слой покрывал красноватую глину, стерильную в археологическом отношении. В слое на уровне очага и несколько выше найдено довольно много костей животных и несколько кремневых отщепов. Среди последние обращают на себя внимание две очень тонкие, изящные призматических пластинки из серого кремня, правильно ограненные и, возможно, служившие вкладышами для метательных орудий. Они очень отличаются от пластинок, найденных в пещере Ключевой, а также от обломков кремня из нижнего слоя Бурановской пещеры. По общему своему облику они напоминают изделия позднего палеолита. Длина одной пластинки не более 2.5 см, второй — 2 см. Сами по себе кремневые

находки не дают прочного основания для датировки культурных остатков в пещере Кочкари I, однако, в сочетании с определениями фауны, можно сделать вывод об историческом месте этих находок, сделанных в нижнем горизонте пещеры Кочкари I.

Фауна из пещеры Кочкари I, согласно заключению В. И. Громовой и В. В. Карачаровского, содержит следующие виды животных: 1) лошадь [*Equus* (*Equus*) sp.?]; 2) зубр первобытный (*Bison priscus*); 3) косуля азиатская (*Capreolus pygargus*); 4) олень северный (*Rangifer tarandus*); 5) волк (*Canis lupus*); 6) песец (*Vulpes lagopus*); 7) лисица (*Vulpes vulpes*); 8) куница (*Martes* sp.); 9) хорек (*Putorius putorius*); 10) заяц (беляк?) (*Lepus timidus*?); 11) хомяк (*Cricetus cricetus*); 12 крыса водяная (*Arvicola terrestris*); 13) сурок (*Marmota bobac*). Из птиц: 14) куропатка белая (*Lagopus lagopus*); 15) куропатка тундряная (*Lagopus mutus*); 16) тетерев

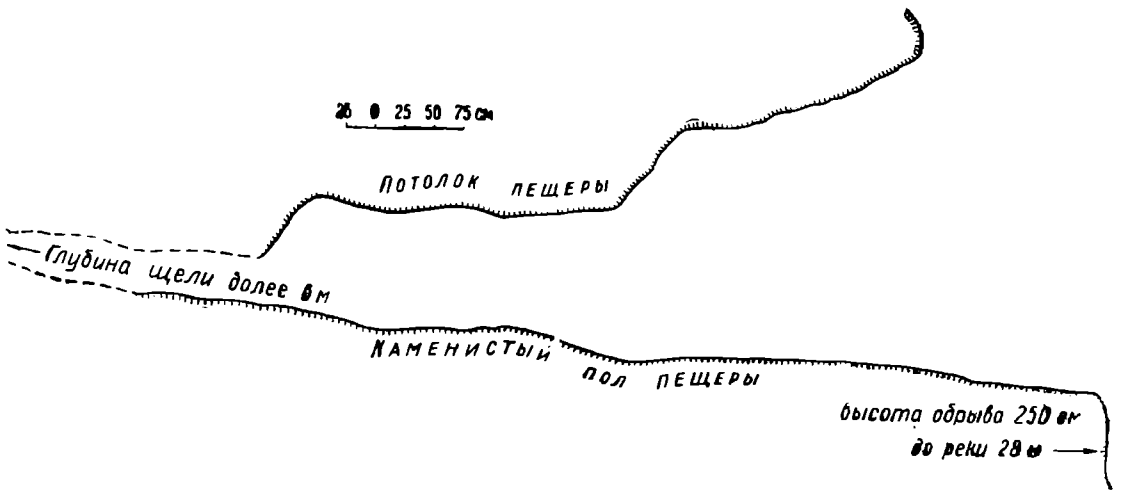


Рис. 21. Пещера Кочкари I. Продольный разрез.

(*Tetrao tetrix*); 17) глухарь (*Tetrao urogallus*); 18) орел (*Aquila* sp.); 19) ястреб (*Accipiter* sp.); 20) кулик (*Limicola*).

Как видно из приведенного списка, в смешанном лесостепном комплексе фауны еще значительное место принадлежит холодолюбивым формам (северный олень, песец, белая и тундряная куропатки), однако типичные представители позднеплейстоценовой фауны здесь уже отсутствуют, и, может быть, лишь зубр продолжает еще существовать на этой территории перед тем как окончательно исчезнуть в неолитическое время. Памятники южно-уральского неолита не содержат костей этого животного. Итак, кремневый инвентарь, отсутствие керамики и состав фауны скорее говорят о том, что культурные остатки из пещеры Кочкари I относятся к переходному времени от палеолита к неолиту, поэтому мы и относим их к группе палеолитических местонахождений.

Скажем несколько слов о пещерах, где не найдено следов пребывания в них первобытного человека, но встречены четвертичные слои с ископаемой фауной, вполне соответствующей палеолитическим местонахождениям. На р. Юрюзани в процессе работ в 1937—1939 гг. найдено несколько таких пещер, из которых заслуживают быть отмеченными, кроме упомянутой уже Усть-Катавской I, следующие.

1. Пещера в окрестностях пос. Лимоновка у ручья Клюкля на левом берегу Юрюзани в 1 км к северо-западу от хут. Жеребчиков. Расположена пещера на 50 м выше уровня реки. Она имеет четыре входа (окна), три из них выходят в обрыв, четвертый, главный, легко доступен и обращен на юг. Размеры этого входа — 4 м в ширину и 5 м в высоту. Начинается пещера тремя небольшими вытянутыми в поперечном направлении камерами. Первая из них имеет почти везде обнаженное скалистое дно. Вторая камера низкая, зато третья достигает высоты 6—8 м. Далее

от третьей камеры ведет длинный, постепенно суживающийся коридор, который заканчивается непроходимой щелью. В дальнем конце пещера очень сырая, потолок ее покрыт известковым натеком, пол покрыт красной глиной. Шурф размером 1 × 1 м был заложен у входа во вторую камеру. Под слоем овечьего помета залегает бурый слой с углями, небольшим количеством костей и черной, грубо обожженной керамикой. Мощность слоя не более 0.20 м. Ниже, до глубины 0.60—0.80 м, залегает красная четвертичная глина, загроможденная крупными обломками известняка и щебня. В ней встречены кости ископаемых животных. Пещера не имеет названия, фольклор же связывает ее с именем Салавата Юлаева.

2. Пещера в окрестностях сел. Верхние Луки тоже не имеет названия, но среди местного населения слывет за место, служившее убежищем Салавату Юлаеву Пещера расположена на правом берегу р. Юрюзани. Она имеет несколько входных отверстий, выходящих на обрыв, и одно большое отверстие, доступное со стороны реки. Пещера отличается очень сильным развитием боковых разветвлений, потолок в которых низкий. В пещере найдено много ископаемых костей. На плато над пещерой хорошо сохранились остатки большого городища, прекрасно защищенного природными условиями. С доступной стороны городище укреплено валом и рвом. По ряду признаков оно датируется эпохой бронзы и раннего железа.

3. Большая пещера в 4—5 км выше по р. Катав от пос. Усть-Катав имеет очень большую входную камеру. Пол пещеры круто поднимается от входа вглубь. В пещере найдены кости ископаемых животных. Остеологические материалы из названных пещер обработаны В. В. Карачаровским и В. И. Громовой.

Пещеры со следами палеолита в бассейне р. Катав

Небольшая по протяженности и немноговодная р. Катав принадлежит к типичным горным рекам, прокладывающим свое ложе в горных теснинах. Она сливается с р. Юрюзанью еще до выхода последней на Уфимское плоскогорье. Примерно в среднем течении р. Катав, в районе пос. Орловка, в известняковых обнажениях имеется ряд пещер. Некоторые из них вовсе недоступны вследствие завалов входов, другие мало пригодны для исследования по различным причинам. У входов нескольких пещер имеются следы старых кладоискательских ям — результаты неудачных попыток найти сокровища Салавата Юлаева, предания о которых сохранились в народе еще до сих пор.

В районе пос. Орловка нами было разведано несколько пещер и навесов, не давших сколько-нибудь обнадеживающих результатов, хотя в одном из навесов все же удалось найти следы палеолита. Расположен этот навес на левом берегу р. Катав, в 1.5 км вниз по реке от пос. Орловка, не доходя до сел. Нугаево, против горы Бороновой. Образовался навес в толще девонских известняков с сильно наклоненными слоями. Высота навеса над уровнем реки не превышает 15 м. Спуск от навеса к реке крутой. Правый берег против навеса более пологий, плавно переходящий в склон горы Бороновой. У входа навес имеет около 6 м ширины, в глубину он распространяется не более, чем на 4 м. Высота его у входа 2.5—3 м, обращен навес на северо-восток. В древности навес был несколько больше, о чем свидетельствуют отвалы материковой породы, скопившейся у входа. Разведочный раскоп был заложен почти в центре навеса размером 3 × 1.5 м и охватывал пригодную для раскопки площадь, в большей своей части выходящую за пределы кромки навеса (рис. 22). Пол навеса покрывает черноземный слой толщиной от 0.65 до 0.95 м. Ниже, до глубины 1.70 м от поверхности пола, залегает желтая глина, загроможденная, так же как и черноземный слой, крупными обломками известняка. На глубине 1.40—1.60 м желтую глину прочерчивает культурный горизонт с большим содержанием преднамеренно раздробленных костей, залегающих вместе с угольками (рис. 23). Кроме этого горизонта, где встречено наибольшее количество костей и угольков, кости и угольки в рассеянном состоянии находились во всей толще

желтой глины. Чтобы избежать возможного смешения разновременных культурных комплексов, залегающих в общем однородном слое, вся толща последнего была разделена по глубинам на два горизонта: первый горизонт — от глубины 0.65 м до глубины 0.95 м, второй горизонт — от 0.95 до 1.70 м. Первый горизонт дал небольшое количество костей животных. В числе копытных здесь может быть отмечена только косуля. Остальные виды принадлежат грызунам, не представляющим слишком большого интереса с естественно-исторической точки зрения. Второй горизонт значительно богаче находками фауны. В. И. Громова и В. В. Карачаровский определили следующие виды животных: 1) носорог шерстистый (*Rhinoceros tichorhinus*): 2) лошадь [*Equus* (*Equus*) sp.]; 3) зубр

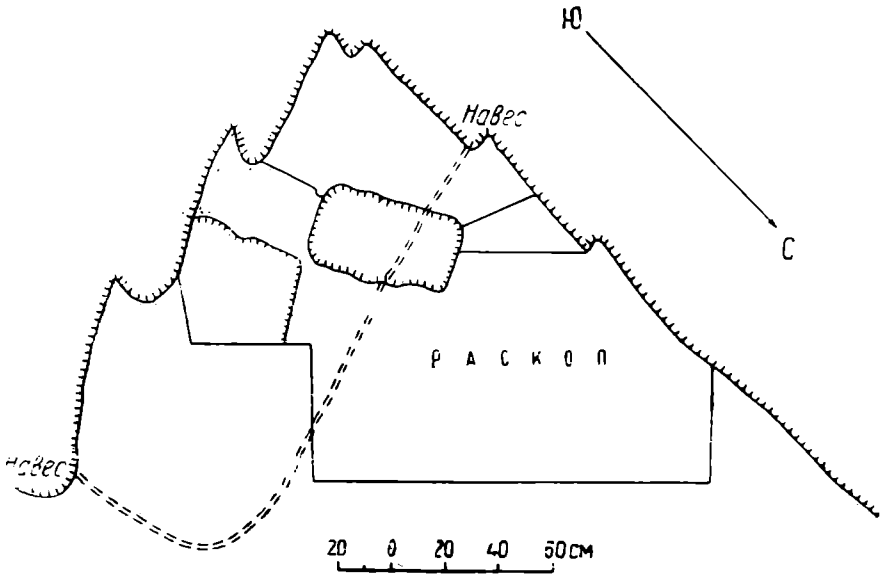


Рис. 22. Орловский навес. План раскопа.

первобытный (*Bison priscus*); 4) олень северный (*Rangifer tarandus*); 5) медведь (*Ursus* sp.); 6) заяц (беляк?) (*Lepus timidus?*); 7) пищуха (*Ochotona pusilla*); 8) полевка экономка (*Microtus oeconomus*); 9) хомяк (*Cricetus cricetus*); 10) сурок (*Marmota bobac*). Из птиц: 11) куропатка белая (*Lagopus lagopus*); 12) куропатка тундряная (*Lagopus mutus*); 13) тетерев-косач (*Tetrao tetrix*); 14) глухарь (*Tetrao urogallus*); 15) сова (*Strigeidae* gen.); 16) пустельга (*Tinnunculus* sp.).

В 1939 г. экспедицией ИИМК совместно с Областным Челябинским музеем, кроме раскопок пещер в Усть-Катавском районе, был осуществлен также разведочный маршрут по р. Симу и его небольшим притокам. Маршрут начинался у пос. Сергиевка и проходил вниз по р. Симу до ж.-д. ст. Вавилово (Аша), охватывая, таким образом, пункты, где в свое время побывали Паллас, Рычков и в последние перед революцией годы С. И. Руденко. На протяжении всего маршрута было исследовано свыше 10 пещер, в том числе и те, где производили наблюдения Паллас и Руденко. В нескольких пещерах, путем шурфовки, установлены бесспорные следы пребывания в них человека, относящиеся, однако, к более позднему времени, чем палеолит (навес на ручье Гамаза, пещера в 2 км от Симского завода), в других найдены только кости животных без всяких следов преднамеренного раскалывания их (например пещера у Никольского моста — 0.5 км от моста, 4 км выше пос. Миньяр).

Известная пещера у пос. Серпиевка (по Палласу — пещера в горе Ямазе-таш, по С. И. Руденко — Игнатьевская пещера) принадлежит к числу тех пещер, в которых в верхнем горизонте сохранились поздние остатки культуры, нижний же горизонт содержит остатки фауны, отложившейся здесь без всякого участия человека.

Из группы пещер, разведанных в бассейне р. Сим, обращает на себя внимание навес, находящийся поблизости от Никольской пещеры (в 100—150 м к западу и выше на 15 м). Навес обращен на юго-юго-запад. Он имеет протяженность до 7 м, высота навеса от 3 до 7 м, глубина 2 м, не считая небольшой пещерки в восточной части навеса, уходящей в глубь известняка и заканчивающейся щелью. Перед навесом сохранилась небольшая, узкая площадка, заваленная крупными обломками скалы и переходящая в крутой (падение на 1.45 м) склон. Разведочный шурф размером 1 × 1.5 м, заложенный в восточной стороне навеса, определил следующую литологию. Первый слой — гумусированный, довольно рыхлый, с большими камнями. Мощность его — до 0.65 м. Далее следует обыкновенный суглинок (второй слой) толщиною от 0.20 до 0.30 м. Он лежит на желтой глине с большой примесью щебня (третий слой), покрывающей скалистое дно навеса.

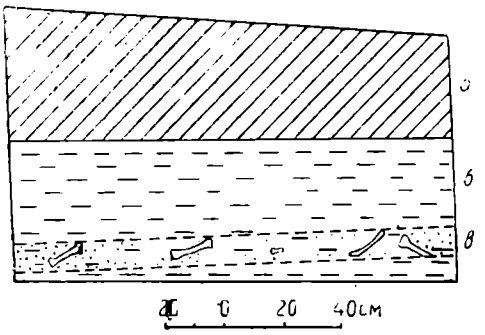


Рис. 23. Орловский навес. Разрез по северной стенке раскопа.

а — чернозем; *б* — желтая глина; *в* — культурный слой.

Находки костей ископаемых животных отмечены с глубины 0.30 м и заканчивались на глубине 1.10 м, ниже этого уровня желтая глина остается стерильной в археологическом отношении. Важно отметить, что находки костей до глубины 1.10 м не приурочивались к определенным горизонтам, а были как бы вкраплены в слой. На глубине же 1.10 м четко прослеживается темный с угольками горизонт, с которым связываются основные находки остатков фауны, сделанные в навесе. Таким образом, наличие очажка, так же как и характер изломов костей, дает нам основание рассматривать навес у Никольской пещеры как местопребывание первобытного человека. Костные остатки, извлеченные из наслоений в навесе, принадлежат следующим видам животных: 1) шерстистый носорог (*Rhinoceros tichorhinus*); 2) благородный олень (*Cervus elaphus*); 3) барсук (*Meles meles*); 4) россомаха (*Gulo gulo*); 5) куница (*Martes* sp.); 6) волк (*Canis lupus*); 7) заяц (беляк?) (*Lepus timidus?*); 8) хомяк (*Cricetus cricetus*).

Несмотря на то, что наши работы в основной своей части носили разведочный характер и что все наше внимание мы направили на исследование пещер, не отвлекаясь поисками открытых местонахождений, сейчас уже можно сделать некоторые выводы из проделанной работы.

1. Природная обстановка от позднего плейстоцена до голоцена значительно изменилась, что нашло свое отчетливое отражение в первую очередь в изменении морфологии речных долин, в образовании террас.

Установление точной датировки террас рек Южного Урала имеет большое значение для археологов, так как позволит производить поиски палеолита на открытых площадях, руководствуясь твердыми научными данными.

В бассейне рек западного склона Южного Урала особенно важно изучение II и III террас (по М. М. Толстихиной). Фаунистические остатки,

найденные в отложениях этих террас, в ряде определений совпадают с фауной пещерных стоянок. Однако состав животных из террас содержит и более древние элементы, такие, как эласмотерий и слон трогонтерий. Имея в виду продолжительность накопления террас и нерасчлененность фауны по горизонтам залегания, здесь возможно говорить пока о возрасте террас в целом без уточнения циклов накопления по горизонтам, относя их ко времени позднего плейстоцена (R—RW—W). Возможно, что III террасу следует датировать эпохой максимального оледенения, II террасу — рисс-вюрмским и первой половиной вюрмского века.

Процесс эволюции растительных комплексов недостаточно еще изучен, несмотря на наличие реликтовых форм, сохранившихся на отдельных высоких участках. Следуя Крашенинникову, ель и пихта вовсе не являлись типичными представителями леса, уступая место сосне, лиственице и березе. Ель и пихта были оттеснены в сильно ограниченные территориальные участки-убежища. Вспомним, кстати, что все 46 образцов угля из пещеры Ключевой принадлежат ели. Может быть, бассейн р. Юрюзани и представлял собой один из таких участков-убежищ. Состав фауны тоже претерпел изменения, идущие в направлении постепенного исчезновения четвертичных видов. Так, смешанность в составе флоры и фауны дала возможность В. И. Громову, В. И. Громовой и В. В. Карачаровскому оценить фауну как характерную для участков-убежищ.

Таким образом, природная обстановка, сложившаяся в позднем плейстоцене на Южном Урале, напоминала в совокупности условий обстановку других горных внеледниковых зон (Крым, Кавказ) и вполне способствовала освоению этой территории древним человеком.

2. Мы не можем еще на основании собранных материалов дать культурно-историческую характеристику пещерных местонахождений Южного Урала по отдельным этапам. Однако в целом почти все названные стоянки следует отнести к эпохе верхнего палеолита, причем не к поздним фациям его развития. Эта датировка основывается на анализе фауны и, хотя и очень скромного, кремневого инвентаря из Ключевой пещеры (имеются в виду призматические пластинки).

3. Все отмеченные в настоящей работе пещерные местонахождения нельзя считать местами оседлых поселений. Это временные стоянки охотников (подобно стоянке близ Томска), посещавших пещеры, готовивших себе там пищу и вскоре покидавших свои временные укрытия.

Не следует забывать, что все разведанные нами пещеры водного происхождения, сырые и вовсе не пригодные для длительного жилья. Именно временным характером этих поселений объясняется, например, переслаивание тонких углистых пластов пластами глины в Ключевой пещере. На кратковременность использования пещер указывает и факт очень малочисленных находок кремня. В пещерах не производилась выделка орудий, и кремень весьма экономно расходовался людьми, так как нигде в даже относительно близких районах он не встречался.

Экономически охотничьи коллективы меньше всего были связаны с узкими долинами горных рек, хотя и заходили сюда в периоды охоты, используя при этом в качестве укрытий пещеры под карнизами плато, откуда доступ к реке часто бывал крайне затруднен.

Основными же охотничьими угодьями служили обширные водораздельные плато, склоны возвышенностей и низины. В этих условиях и следует в дальнейшем производить поиски основных стоянок.

4. Открытие палеолита на Южном Урале имеет значение не только с точки зрения узко познавательной, т. е. как новый район для изуче-

ния, стирающий еще одно белое пятно на археологической карте Союза. Значение южно-уральского палеолита состоит еще и в том, что он служит связующим звеном между двумя очень обширными палеолитическими областями Европейской и Азиатской частей СССР.

В самом деле, крайнюю западную стоянку в Европейской части СССР — Карачарово на Оке — и крайнюю западную стоянку в Азиатской части — близ Томска — разделяли огромные пространства слабо обследованных территорий.

Стоянка Талицкого близ устья р. Чусовой, вместе с уральскими местонахождениями, служит как бы связующим звеном между далекими областями палеолитических культур и дает основания к усилению поисков палеолита между Волгой и Уралом, а также в Зауралье.

Н. Н. ГУРИНА

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ЗАСЕЛЕНИИ ЮЖНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Среди громадных просторов нашей Родины Кольский полуостров занимает сравнительно небольшую территорию. Своеобразие быта населения, обусловленное окраинным характером этого полуострова, остававшегося долгое время лишенным нормальных связей с центром страны, вызывало заслуженный интерес у этнографов.[1] Наряду с этим, археологические исследования на данной территории были явно недостаточными. Строго говоря, если не считать кратких указаний путешественников конца XIX и начала XX вв.[2] о встреченных лабиринтах в русской Лапландии, в досоветский период здесь вообще никаких археологических изысканий не производилось. В советское время археологическое изучение Кольского полуострова также не получило еще планового характера. В то время как во многих районах Советского Союза из года в год ведутся систематические исследования, археологические работы на интересующей нас территории ограничились лишь небольшим участком узкой прибрежной полосы северо-западной окраины полуострова, где непродолжительное время производил изыскание А. В. Шмидт[3] и работала экспедиция советской секции АПЧПЕ совместно с Институтом истории доклассового общества ГАИМК.[4] Естественно, что в столь короткое время эти исследователи не могли охватить всего громадного пространства Кольского полуострова и потому его северная, центральная и юго-восточная части до сих пор продолжают оставаться белым пятном на археологической карте. Между тем, для решения многих вопросов, встающих перед археологами, занимающимися изучением Севера, требуется тщательное исследование данной территории, и прежде всего путем полевых работ. К такого рода вопросам относятся, например, установление северной границы распространения карельской культуры, пути и характер первичного заселения Карелии, границы распространения и связи беломорской культуры, связь поселений Кольского полуострова с поселениями Западной и Восточной Сибири, а также вопрос происхождения саамов. Совершенно естественно, что разрешение больших и серьезных проблем станет возможным лишь в результате многолетних плановых археологических исследований, проводимых на всей территории Кольского полуострова.

---

[1] В числе их: Д. Н. Зеленин, Н. А. Харузин, Н. Дергачев, Чернолусский и другие.

[2] К. П. Рево, Елисеев, С. Дурнлин.

[3] Раскопки на Большом Оленьем острове и разведки на р. Варзуге.

[4] Разведки в 1935 и 1937 гг. на Рыбачьем полуострове.

В целях выполнения этой задачи, летом 1946 г. ЛОИИМК была организована, под моим руководством, экспедиция на юго-западное побережье Кольского полуострова. Поскольку данная территория подвергалась археологическому исследованию впервые, явилась необходимость ограничиться в этом году работами разведывательного характера.

Выбор в первую очередь юго-западного побережья Кольского полуострова был продиктован, прежде всего, тем, что именно на этой территории следовало искать ответ на вопрос о северной границе распространения карельской культуры. Кроме того, данный участок, являясь началом северного побережья Белого моря, мог послужить удобным отправным пунктом для будущих плановых систематических исследований всей территории полуострова.

Экспедиция обследовала побережье Белого моря от г. Кандалакши до с. Умбы, преимущественно устья впадающих в него наиболее крупных рек (Лувенги, Колвицы и Умбы). На указанном пространстве было обнаружено 15 пунктов с остатками мест поселений древнейшего человека, среди которых встречаются стоянки, поселения и лабиринты (рис. 1).

По территориальному признаку стоянки и поселения можно разделить на 3 группы: а) кандалакшскую, б) колвицкую, в) умбинскую. Все они расположены соответственно близ устьев рек — Нивы, Колвицы и Умбы. Наиболее многочисленной является кандалакшская, насчитывающая 7 местонахождений.

Не располагая пока полными данными для более детального расчленения обнаруженных поселений и пользуясь наличием общих черт, свойственных подавляющему большинству стоянок, я позволю себе при рассмотрении объединить значительную часть их в одну группу.

Все стоянки расположены на древних морских террасах, имеющих в среднем высоту от 10 до 13 м выше современного уровня моря и представляющих собой преимущественно ровную площадку, лежащую между отступившими от берега горами и урезом воды. Количество таких площадок на побережье крайне невелико. Они сложены из морских отложений в виде крупнозернистого песка и гальки. Поверхность участков слабо залесена и затянута мхом — ягелем. Культурные остатки залегают на небольшой глубине, 6—12 см. Вследствие этого на поверхности бывают часто заметны скопления кварцевых отщепов, имеющих острые, режущие грани, резко отличающие их от обычных кварцевых галек.

Территория распространения находок весьма ограничена, и сами они относительно немногочисленны. Общая площадь стоянки редко превышает 200 кв. м. Культурный слой лишен отчетливо выраженной окрашенности и в большинстве случаев ничем не отличается от окружающего грунта. Повидимому, в тесной связи со стратиграфическими особенностями стоит и отсутствие в культурном слое столь характерных для него золы и углей.

Анализ материала, добытого в результате исследования, позволяет сделать следующее заключение. Орудия труда на всех поселениях изготовлялись преимущественно из местных пород камня: мелкие — из кварца и кварцита, крупные — из сланца и песчаника. Кремень употреблялся очень редко. Кремневые орудия и отщепы насчитываются единицами. Особенно многочисленными являются кварцевые скребки различной величины и формы, в технике изготовления которых обитатель южного побережья Кольского полуострова достиг высокого совершенства (рис. 2, 3 и 4). Многие из них обработаны тонкой отжимной ретушью и имеют правильную округлую форму. Наконечники стрел немно-

точисленны, некоторые из них изготовлены из кремня, другие же — из сланца, обработанного с помощью шлифования. Форма их удлиненно-листовидная, с хорошо выраженным черешком. Среди крупных орудий мы встречаем молоты, м тыгообразные орудия, шлифовальные плиты, точила.

Особого внимания заслуживает керамика, хотя количество ее на поселениях крайне невелико. Последнее обстоятельство может быть объяснено наличием особой примеси к глиняному тесту, стратиграфиче-

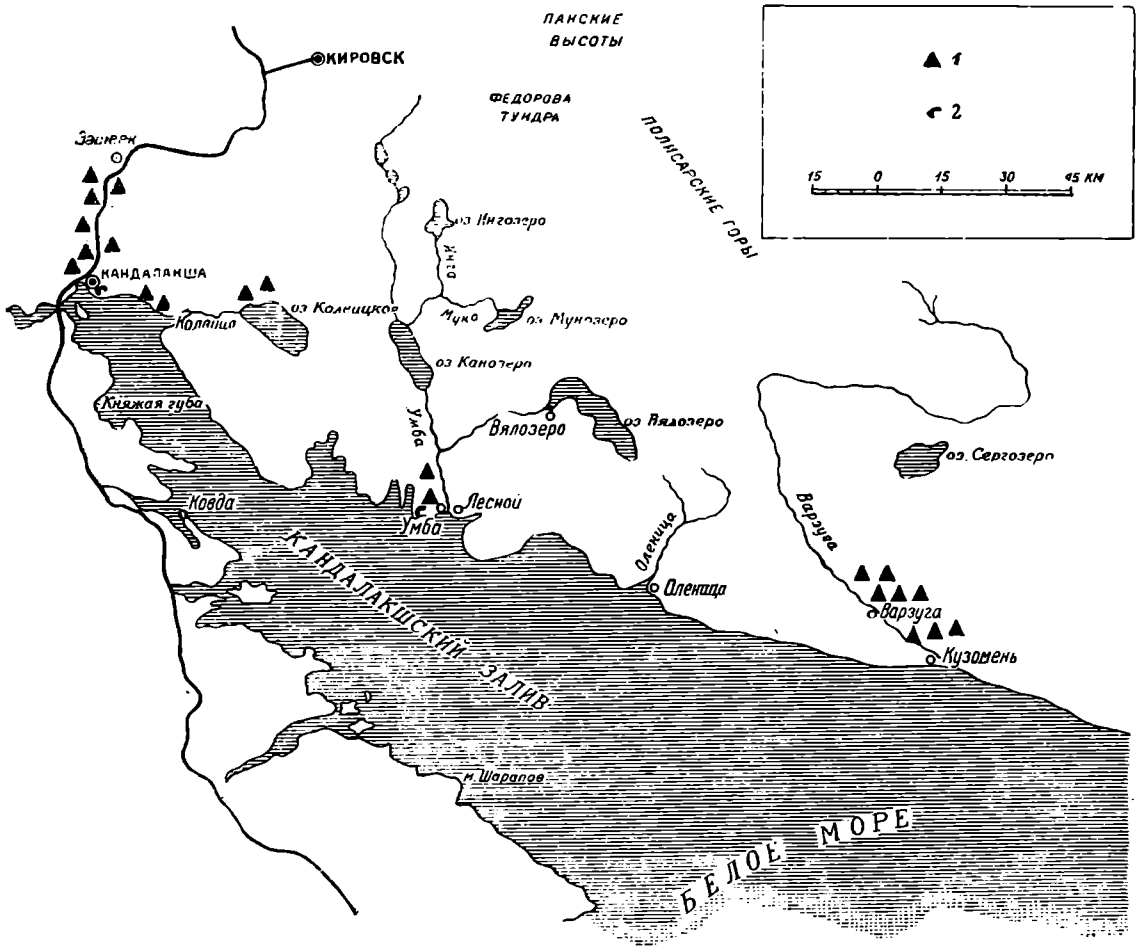


Рис. 1. Карта местонахождений археологических памятников на южном побережье Кольского полуострова.

1 — стоянки и поселения; *2* — лабиринты.

ской особенностью стоянок и климатическими условиями, не способствующими сохранению этого рода предметов. Вместе с тем, однообразие керамики дает, в целом, достаточно точное представление о ее типе. Найденные фрагменты являются частями тонкостенных сосудов, изготовленных из хорошо отмученной глины серого или желтого цвета, с примесью толченого асбеста. В ряде случаев количество его не велико. Внешняя поверхность в подавляющем большинстве гладкая. Имеющаяся орнаментация не сложна: она состоит из отпечатков гребенчатого штампа и узких горизонтальных углублений, расположенных параллельно.

Несколько иной тип представляет керамика стоянок, расположенных у устья р. Колвицы (рис. 5, *б*) и на берегу Колвицкого озера. Керамический материал здесь состоит из мелких обломков тонкостенных сосудов, в глиняное тесто которых введено какое-то органическое вещество,

выгоревшее при обжиге и оставившее после себя следы в виде оттисков чешуйчатой формы. Примеси асбеста в этой керамике нами совершенно не обнаружено.

Анализируя все местонахождения данной группы стоянок, можно сделать предварительный вывод, что большинство из них представляют собой не постоянные поселения, с длительным пребыванием человека, а скорее такие стоянки, которые посещались лишь в сезон рыбной ловли. Об этом свидетельствуют ограниченность площади распространения находок, малая мощность культурного слоя, характер самого инвентаря (небольшое количество крупных орудий) и, наконец, расположение у современных рыболовецких тоней. Весьма возможно, что более длительные поселения стационарного характера мы должны будем искать не непосредственно на побережье моря, а несколько отступя от него в глубь материка и, прежде всего, вдоль русла рек. С этой точки зрения особого интереса заслуживает поселение № 10, расположенное на ныне распаханном поле, в расстоянии 1 км от устья р. Нивы, близ г. Кандалакши.

Геологическое строение данной части берега прослеживается достаточно отчетливо. Стоянка расположена на склоне третьей террасы, имеющей высоту 13 м над современным уровнем реки. Находки были сделаны как непосредственно на обработанном участке, так и в шурфах, заложенных по краям поля в нетронутом распашкой культурном слое. Площадь, занятая поселением, исчисляется приблизительно в 600 кв.м. О границе существовавшего тогда поселения мы можем судить по наличию окрашенного в красноватый цвет культурного слоя.

В результате сборов на поверхности и в заложенных шурфах на поселении № 10 было обнаружено большое количество крупных орудий, среди которых преобладают изготовленные из разновидности глинистого сланца, обработанные с помощью шлифования. В их числе оказались два топора, отличающиеся от других величиной и формой. Это крупные массивные орудия с округлым поперечным сечением; один из них имеет отчетливо выраженную форму топоров типа «рованиеми» (рис. 6, *3*), второй, с фрагментированной рабочей частью, напоминает кирку карельского типа. Все остальные топоры, удлиненные и плоские по форме, имеют четыреугольное поперечное сечение; рабочий край у них широкий и очень острый; обух тонкий и почти так же широк, как и лезвие; вся поверхность от рабочего края до тыльной части хорошо зашлифована; у некоторых боковые грани изготовлены с помощью пиления (рис. 7, *4—5*; рис. 8). Такой тип топоров характерен для позднего каменного века.

Определенный интерес вызывает группа орудий, по внешнему виду напоминающих грузила (рис. 9). Однако наличие явных следов сработанности на обоих концах, сделавших эти части орудия совершенно плоскими, заставляет видеть в них тип молотов. Выемки по всем трем граням в середине орудия указывают, что оно имело рукоять. Сильная сбитость краев говорит о работе по чему-то очень твердому. Аналогии к некоторым из них находятся в материалах раскопанной А. Я. Брюсовым стоянки Томицы, представляющей собой древнюю бронзолитейную мастерскую.

Кварцевые орудия, в отличие от всех упомянутых стоянок, немногочисленны и представлены скребками разнообразной формы. Из единичных находок следует упомянуть листовидный наконечник копья, изготовленный из сланца, с хорошо выраженным черешком (рис. 7, *3*), а также зубчатый штамп для керамики (рис. 7, *1*). Керамика данной стоянки немногочисленна (рис. 5, *1—5*). Вся она имеет примесь асбеста, введенного в уме-

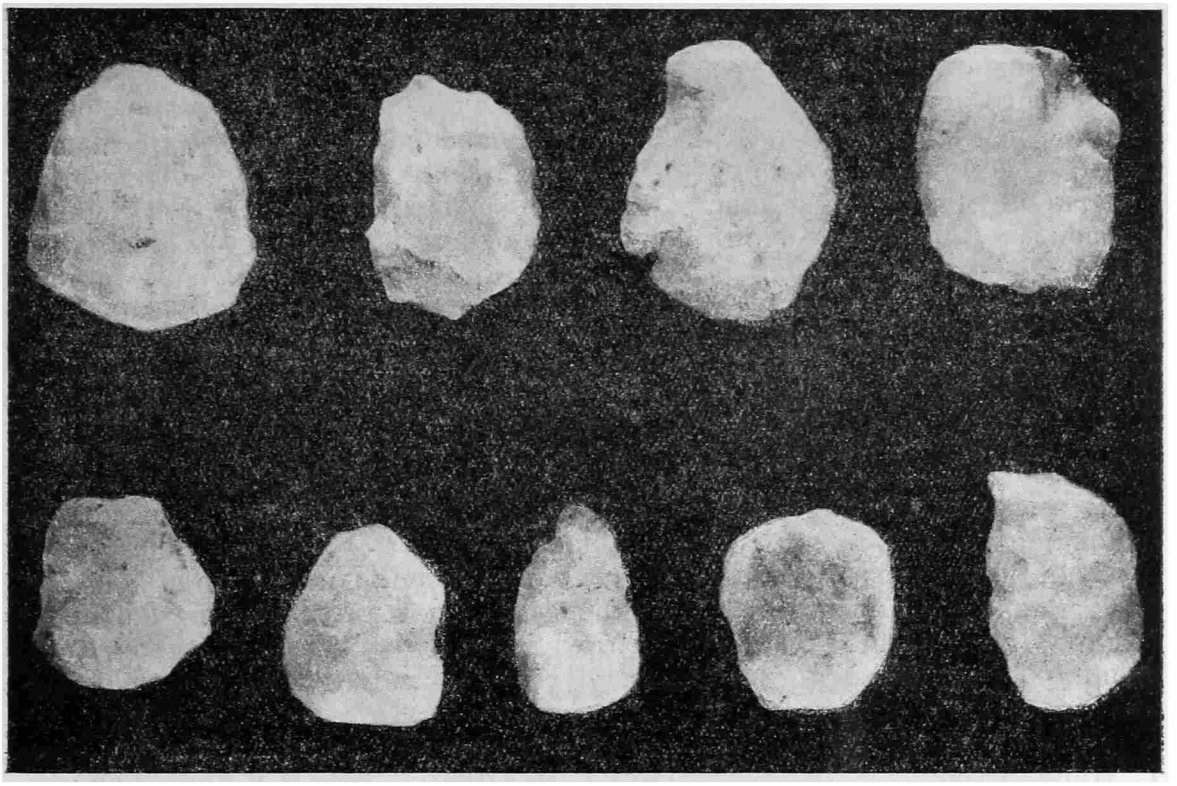


Рис. 2. Мелкие варцевые скребки.

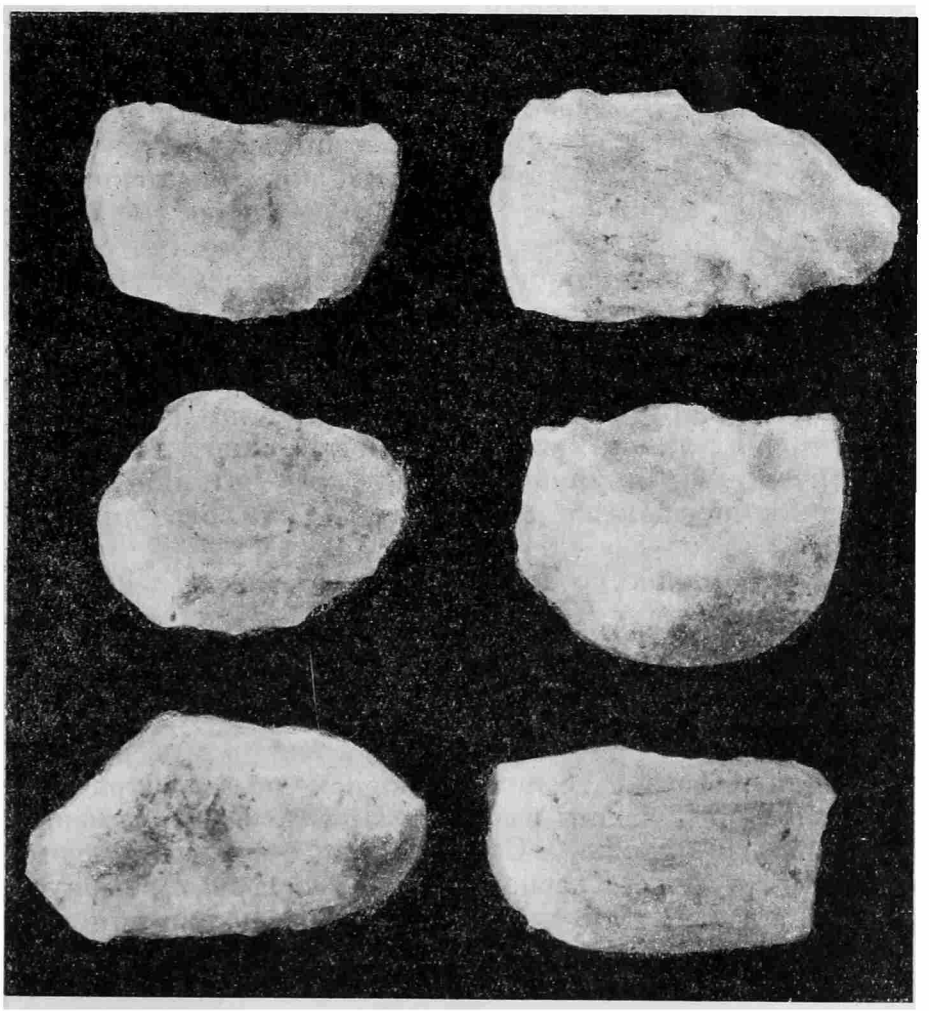


Рис. 3. Кварцевые скребки.

ренном количестве. Внешняя поверхность ее изредка орнаментирована крупными отпечатками гребенчатого штампа.

Особого внимания заслуживают три углубления с интенсивной окрашенностью культурного слоя, сохранившиеся несмотря на распашку поля. Размеры углублений 5 × 5 м. Они являются, повидимому, остатками древних жилищ. Об этом свидетельствуют интенсивность окраски культурного слоя, наличие в одном из углублений зольного пятна, одинаковый размер и, наконец, расположение в одну линию. Кроме этих углублений, на нераспаханном участке прослеживаются еще четыре углубления достаточно правильной четыреугольной формы. Два из них почти сливаются друг с другом, образуя как бы прямоугольник, длинные стороны которого составляют около 8 м. Два других, размером 4 × 4 м, соединены канавой в 0.5 м шириною. Глубина всех западин от современной поверхности не превышает 0.4 м. Правильная форма, размеры, а также характерное соединение друг с другом, дают полное основание видеть в них остатки жилищ.

Судя по значительной площади, занятой находками, наличию следов жилищ и относительному обилию инвентаря, среди которого видное место занимают крупные орудия, следует сделать вывод о постоянном характере поселения № 10 и относительной его долговременности.

Кроме пункта № 10, из числа поселений, расположенных близ г. Кандалакши, заслуживают внимания стоянки №№ 1 и 4, обнаруженные в непосредственной близости от лабиринта (рис. 10).

Более тщательному исследованию подверглась стоянка № 1. Данное место является наиболее удобным для обитания человека. Здесь горы отходят от моря, оставляя узкую прибрежную полосу в виде ровной площадки, хорошо защищенной горами от холодных ветров. Общая протяженность стоянки не превышает 400 кв. м. Культурный слой находится на глубине 15—20 см от дневной поверхности и отличается от современного грунта лишь красноватой окраской и наличием находок. Отсутствие окатанности кварца, сохранность керамики, наличие мелких угольков и окрашенность слоя не оставляют сомнения в том, что культурный слой после своего отложения не подвергался перемыву и залегает in situ.

Здесь были найдены тщательно обработанные кварцевые скребки (рис. 2) и керамика с примесью асбеста и слюды (рис. 5, 7). Количество асбеста в глиняном тесте крайне велико, он встречается крупными волокнами, достигающими длины 2 см. Внешняя поверхность сосудов изредка украшена отпечатками крупного гребенчатого штампа или мелкими волнистыми линиями, в большинстве же случаев она вовсе лишена какого-либо орнамента.

Расположение стоянок по соседству с лабиринтом и наличие между ними явной взаимосвязи имеет существенное значение в вопросе установления даты каменных беломорских лабиринтов.

Проблема каменных лабиринтов, столь распространенных на севере Европы, относится к числу тех проблем, которые настойчиво требуют своего разрешения. Последние проведенные мною в этой области исследования позволяют связать беломорские каменные лабиринты с магическими верованиями древних рыбаков. Прежде всего, каменные лабиринты Беломорья, Лапландии и Скандинавии, о которых имеются достаточно подробные сведения, расположены на островах и полуостровах, в непосредственной близости от моря. Места расположения лабиринтов обычно совпадают с современными рыболовецкими тонями, т. е. с участками, особенно богатыми рыбой. При изучении конструкции

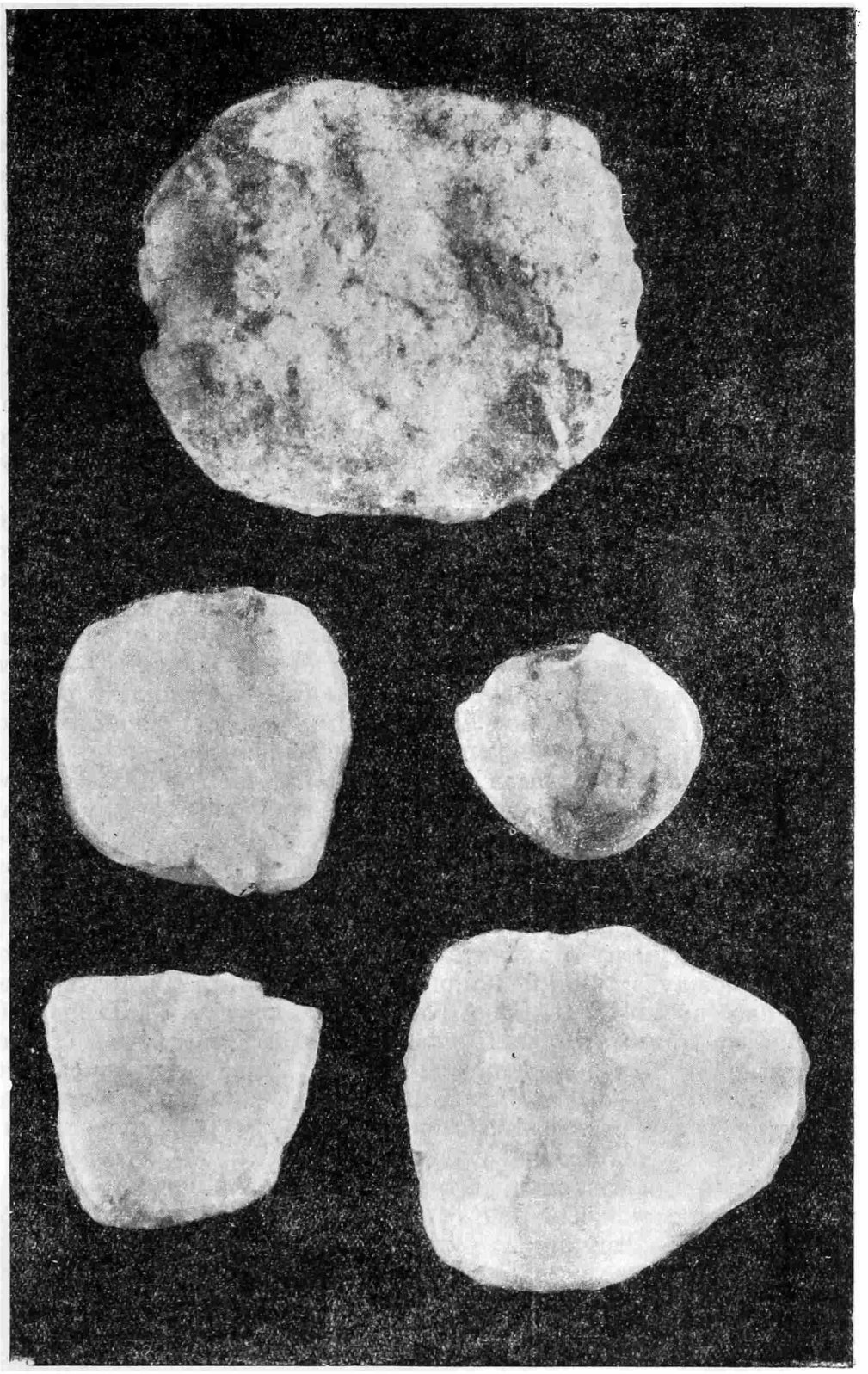


Рис. Крупные кварцевые скребки.

лабиринтов невольно обращает на себя внимание их сходство с древними рыболовными сооружениями, применяемыми в Беломорье и называемыми «убегами», варианты которых в средней части СССР и в северной Азии именуются «котезы» или «котцы». В некоторых случаях каменные лабиринты по конструкции совершенно сходны с рыболовными сооружениями, изображенными в плане. О сходстве лабиринтов с рыболовными сооружениями свидетельствуют также следующие факты: а) вход в лабиринт (во всех известных нам случаях) обращен в сторону материка, как и у «убежищ», или ловушек; б) некоторые лабиринты сопровождаются каменными кладками в виде гряды, отгораживающими полуостров с лабиринтом (или соединяющими вместе два лабиринта) и напоминающими частокол или забор, перегораживающий реку, в который вставляют ловушки; в) на одном из Соловецких островов, в непосредственном соседстве с лабиринтом, расположена фигура, также выложенная из камней и поражающая своим сходством с рыболовной ловушкой «вентерь»; г) сами очертания полуостровов, на которых располагаются лабиринты, часто бывают похожи на рыболовные снаряды.

Археологические находки как на территории Западного Приладожья, так и в средней полосе СССР, свидетельствуют о том, что населению неолитической эпохи было известно устройство рыболовных сооружений типа «убегов» или «заборов», и оно довольно широко ими пользовалось. Таким образом, неразрывная связь лабиринтов с берегом моря и тонями, с одной стороны, и их сходство с рыболовными сооружениями, — с другой, дают основание видеть в лабиринтах символ этих последних и объяснять создание подобных памятников магическими представлениями людей, стремящихся обеспечить себе успех рыбного промысла.

Но если назначение и смысл лабиринтов становятся более или менее понятны, то отнесение их к определенному хронологическому периоду пока, к сожалению, не может выйти из области гипотез. Прежние исследователи, основываясь на сходстве изображения лабиринтов с соответственными фигурами на бронзовых украшениях, относили их к периоду бронзы. В качестве доказательства древнего возраста лабиринтов приводился также аргумент о значительной толще почвенного слоя, образовавшегося между камнями понойского лабиринта, частично раскопанного в свое время К. П. Рево. Как видим, подобная датировка была основана не на прямых, а лишь на косвенных данных. Отсюда становится понятно то большое значение, какое приобретают поселения №№ 1 и 4, обнаруженные в близком соседстве с лабиринтом у Кандалакши. Будучи непосредственно с ним связанными, эти поселения позволяют датировать лабиринты с большей точностью.

В плане изучения северных каменных лабиринтов заслуживает внимания обнаруженный экспедицией новый лабиринт близ селения Умба (рис. 11). Своей конструкцией и характером расположения он может служить доказательством правильности сделанного заключения о магическом значении данных памятников. Подобно другим, этот лабиринт расположен на полуостровке в непосредственном соседстве с одной из лучших семужьих тоней «Ударник» (старое название «Аннин крест»). Лабиринт выложен камнями на гранитной скале, представляющей собой ровную площадку. В целом он образует фигуру эли сиса, несколько неправильных очертаний, с диаметром в 10—13 м (рис. 12). Вся фигура выложена тремя линиями — двумя длинными и одной короткой. Две линии, начинаясь в центре фигуры, заходят концами одна за другую, образуя внутренние дуги лабиринта. Третья линия, начинаясь близко от центра, образует вход в лабиринт.

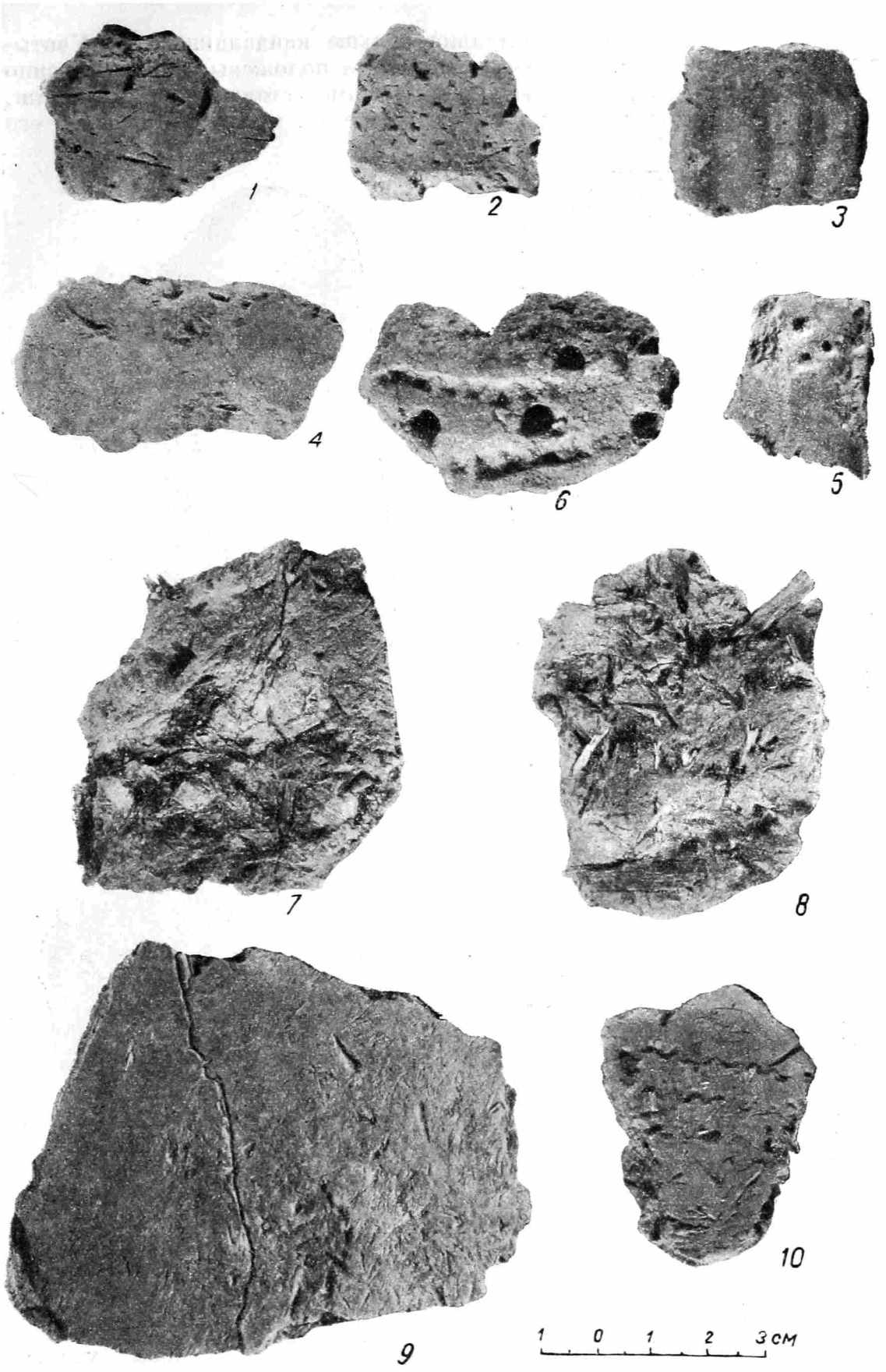


Рис. 5. Фрагменты керамики.

1—5 — с поселения № 10 близ Кандалакши; *6* — со стоянки на оз. Колвицком; *7—8* — с поселения № 1 близ лабиринта; *9—10* — с поселения № 4 близ лабиринта.

Умбинский лабиринт значительно больше кандалакшского. Учитывая то обстоятельство, что камни лабиринта положены непосредственно на голый гранит и закреплены лишь стеблями стелющейся вороники, образующей как бы гнезда для каждого камня, можно удивляться его

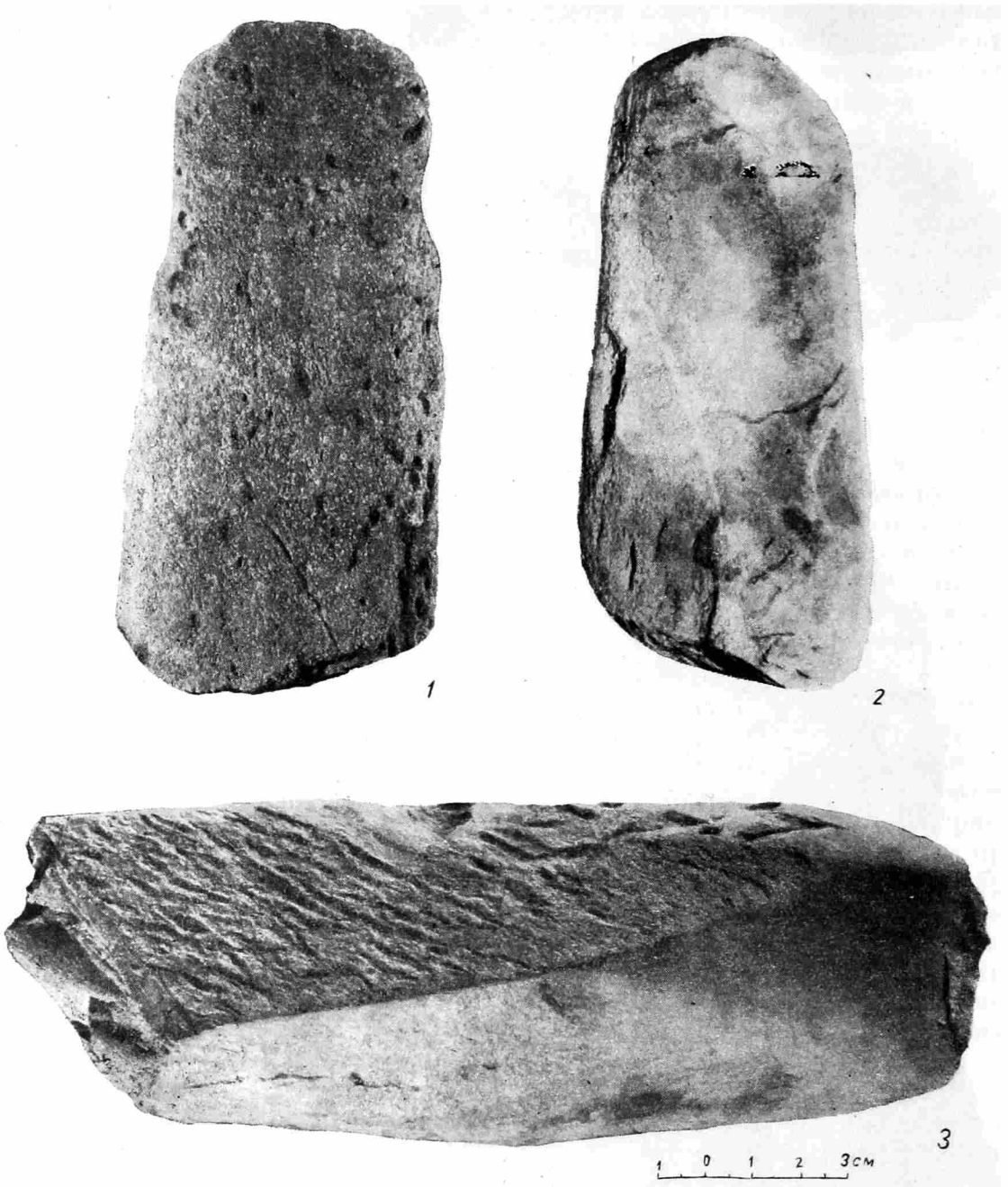


Рис. 6.
1 — мотыгообразное орудие из гранита; *2* — кварцитовая пилка; *3* — топор сланцевый, типа «рованиеми».

хорошей сохранности. Напрашивается вывод о большом значении лабиринта в представлении его созидателей и об особом уважении к нему рыбаков, так ревностно охранявших его многие столетия.

Помимо нашей экспедиции, в связи с геологическими работами на южном побережье Кольского полуострова специалистом-геологом

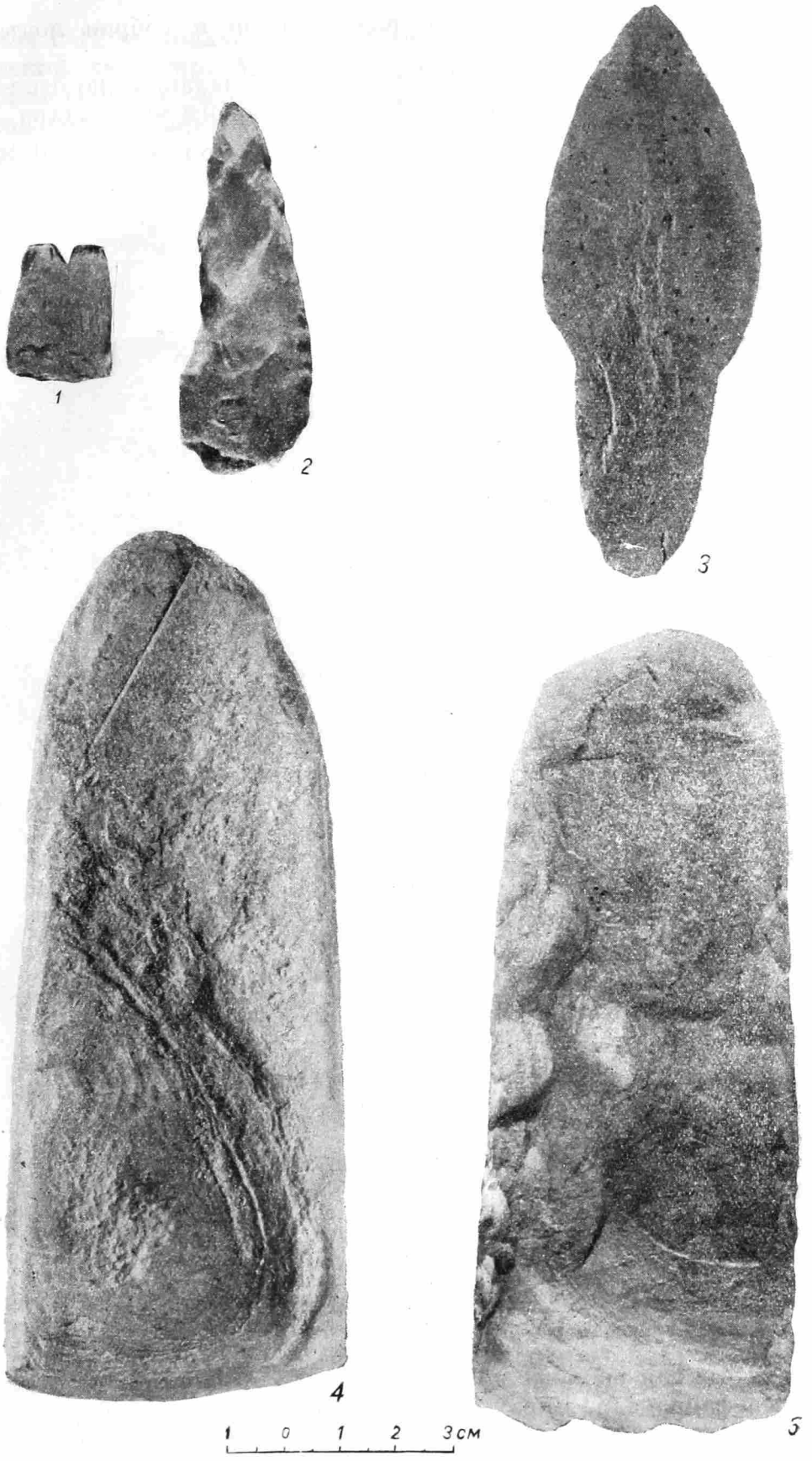


Рис. 7.

1 — штамп для керамики с поселения № 10; *2* — кремневый наконечник стрелы с поселения № 2; *3* — сланцевый наконечник стрелы с поселения № 10; *4*, *5* — сланцевые топоры с поселения № 10.

Г. И. Горецким был обнаружен ряд стоянок и собран подъемный материал.[1]

В 1928 г. район, лежащий к востоку от г. Кандалакши, посетил А. В. Шмидт в связи с исследованиями Оленеостровского могильника. Пред-

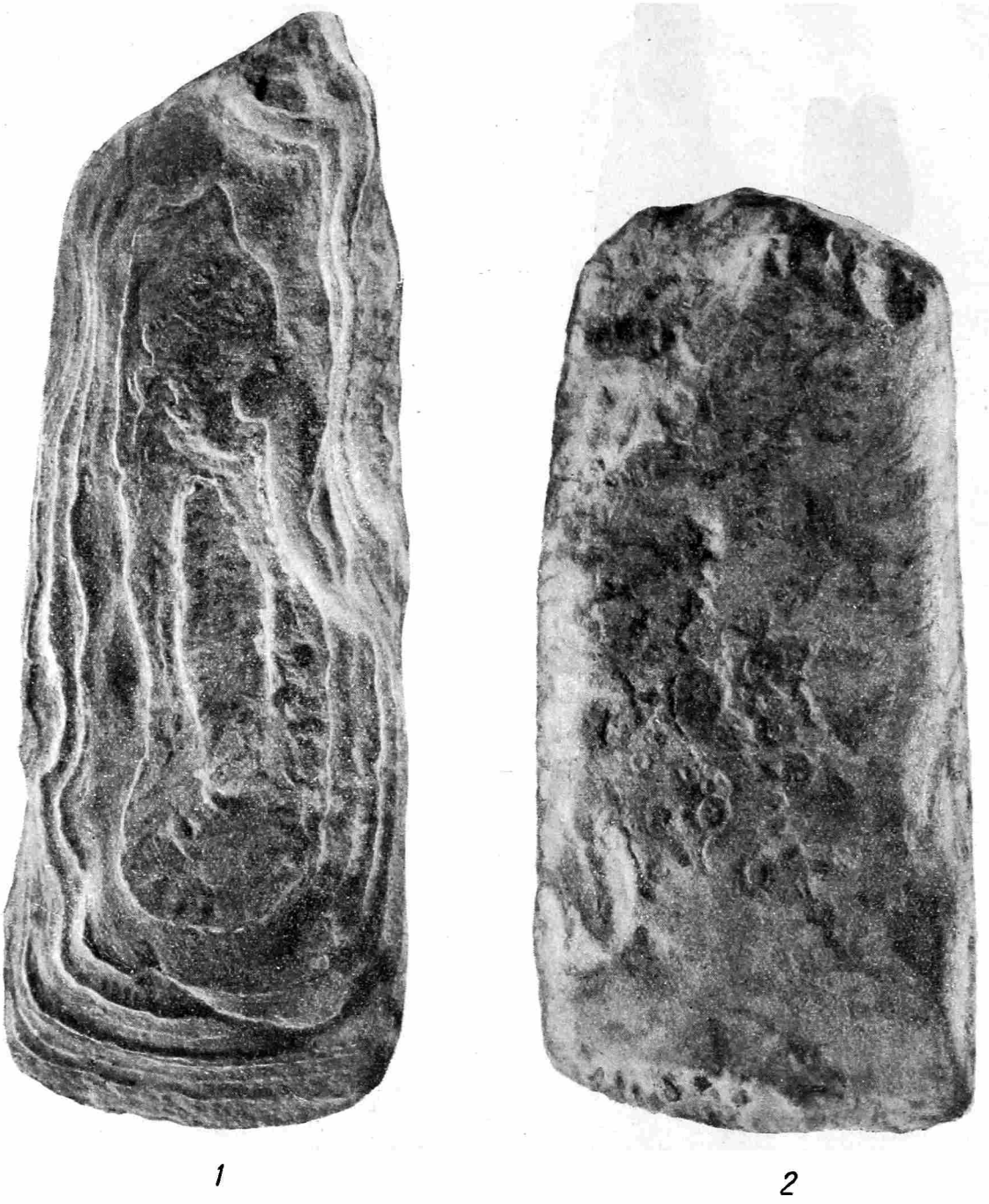


Рис. 8. Сланцевые топоры с поселения № 10 близ Кандалакши.

метом его внимания послужила группа дюнных стоянок, обнаруженных ранее географами на р. Варзуге, близ селения Кузомень. В результате небольших раскопок и зачистки обнажений и выдувов им был собран

[1] Результаты обследования Г. И. Горецкого опубликованы в «Трудах советской секции INQUA» (вып. 3, 1937). Собранный автором материал бесследно утрачен, как бесследно исчезло и подавляющее большинство обнаруженных им стоянок в связи с быстрым ростом строительства Кандалакши.

материал с 12 местонахождений, носивших, за исключением двух,[1] неолитический характер. Материал, добытый А. В. Шмидтом, остался неопубликованным, если не считать краткого упоминания о нем при сопоставлении инвентаря Оленеостровского могильника с прочими памятниками Кольского полуострова.[2]

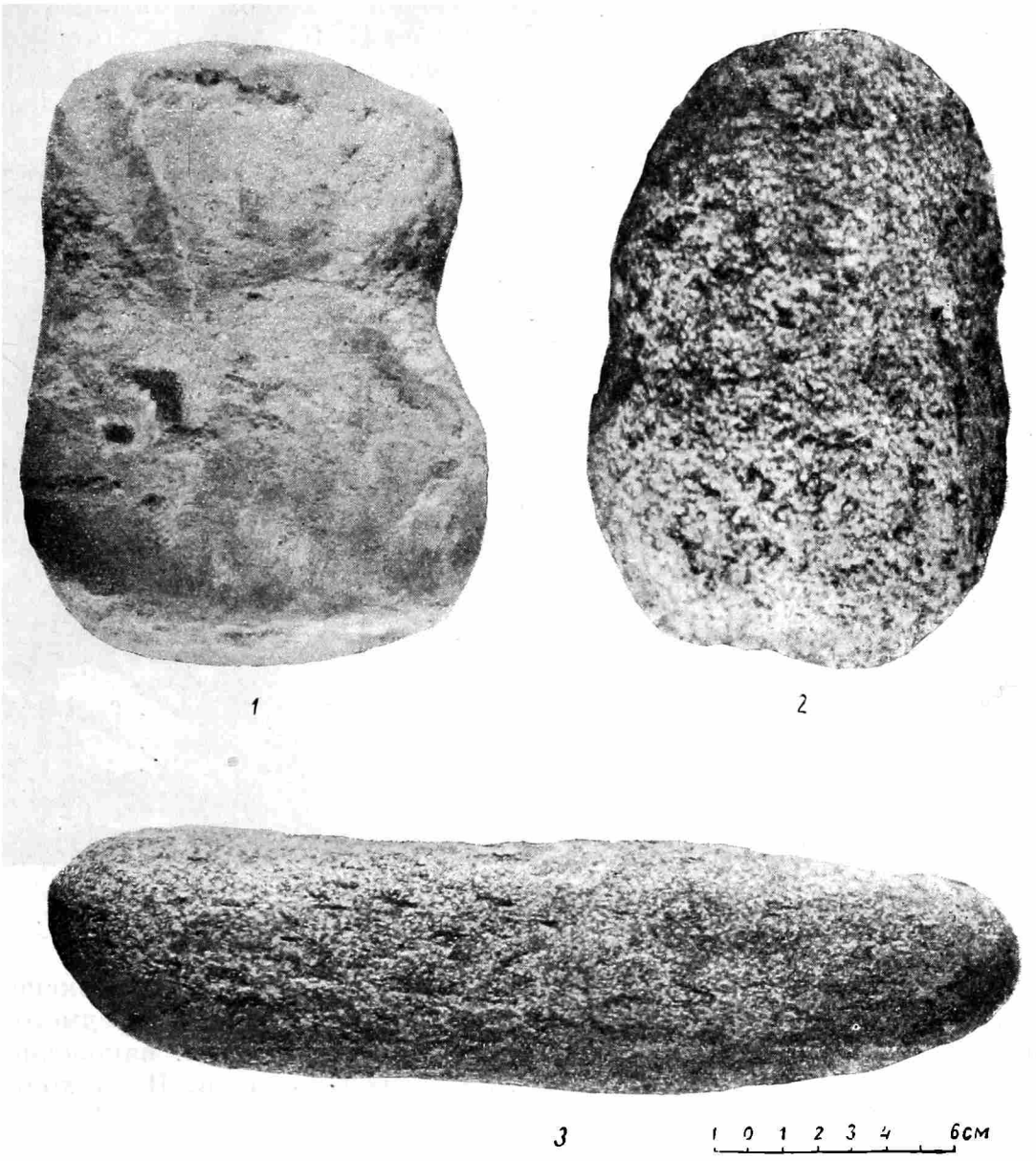


Рис. 9. Молоты из кварцита и гранита.

Знакомство с указанным материалом особенно важно потому, что он позволяет пополнить наши крайне скудные сведения об археологических памятниках южного побережья Кольского полуострова и дает возможность проследить их распространение дальше на восток.

---

[1] Эти две стоянки имели материал, относящийся к славянским поселениям.

[2] А. В. Шмидт. Древний могильник на Кольском заливе. Кольский сборник. Мат. Ком. экспед. исследований АН СССР, вып. 23, серия Северная, Л., 1930. Документация, состоящая из таблиц на каждую стоянку, хранится в Археологическом отделе ИАЭ Академии Наук СССР, равно как и весь добытый материал, заинвентаризованный под номером 4114. Отчета об этой части работы экспедиции не сохранилось.

Таким образом, учитывая наши изыскания и исследования А. В. Шмидта, мы можем теперь насчитать до 30 различных стоянок, раскинутых на пространстве свыше 300 км и захвативших $^3/_4$ северного побережья Белого моря.

Изучение рукописного архива А. В. Шмидта, хранящегося в ЛОИИМК,[1] показало, что первые сведения о данном памятнике были получены от работника Мурманского музея В. К. Алымова. Последний сообщил А. В. Шмидту, что жителями с. Кузомень в 1922 г. был передан ряд найденных ими каменных орудий студенту Географи-

Рис. 10. Вид на Б. Березовый остров против Кандалакшского лабиринта.

ческого института М. В. Померанцеву, находившемуся тогда в экспедиции. «Померанцев собрал много чрезвычайно интересных предметов — полированных орудий из (глинистого?) сланца, топоры, наконечники стрел; кроме того, точильные камни, кухонные остатки. Из кухонных остатков я узнал по зубам остатки тюленя. Кроме каменных, Померанцевым было найдено несколько бронзовых предметов и железный наконечник стрелы.. По словам местных жителей, Померанцевым было собрано до 5 пудов разных доисторических предметов».[2]

По словам того же Алымова, все собранные Померанцевым вещи были переданы в Географический институт. Где в настоящее время находятся эти материалы, выяснить не удалось.

Таким образом, коллекция А. В. Шмидта является лишь частью материала, полученного со стоянок на р. Варзуге, что нельзя забывать при анализе инвентаря.

Место, выбранное под поселение, исключительно выгодно отличается от окружающей части побережья. Река Варзуга является самой крупной рекой южной части Кольского полуострова, имеет бурное, порожистое

[1] Архив ИИМК, фонд № 26, дело № 29.
[2] Там же, письмо В. К. Алымова А. В. Шмидту.

Рис. 11. Лабиринт близ с. Умба.

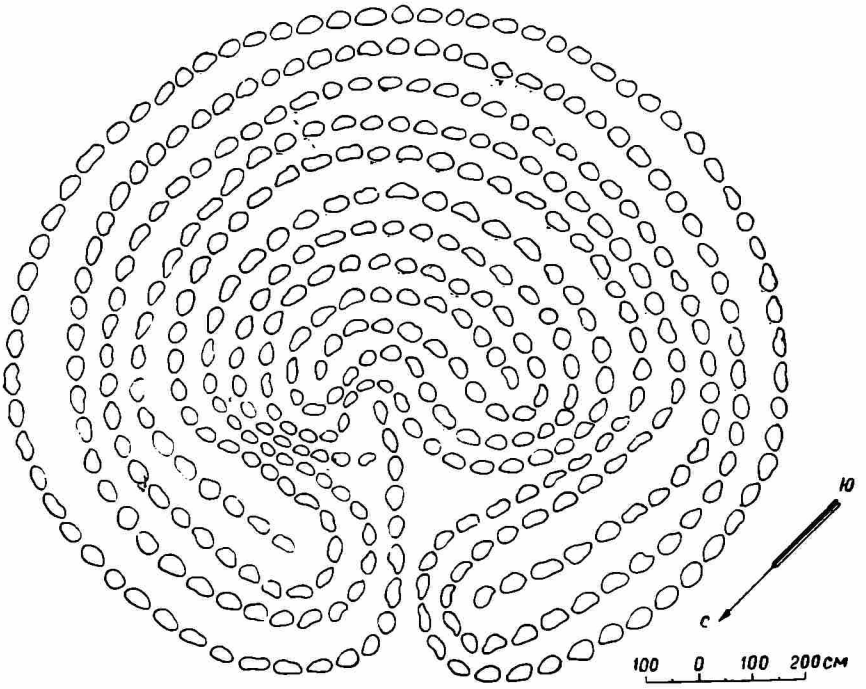


Рис. 12. Схема лабиринта близ с. Умба.

течение. В верховье своими притоками она близко подходит к другой крупнейшей реке, протекающей по восточной части полуострова — Поною. Узкое место между системами этих двух рек издавна превращено местным населением в волоки. Варзуга, в силу своей величины и характера течения, исключительно богата рыбой — семгой, ежегодно приходящей сюда метать икру. Описания путешественников середины XIX в. свидетельствуют о несметных рыбных богатствах этой реки, одной из первых освоенных новгородцами. Из новгородских летописей 1216 г. явствует, что жившие здесь лопари уже тогда были данниками Новгорода, а в XIV в. новгородцы основывают селение в устье р. Варзуги.

Все стоянки, исследованные А. В. Шмидтом, были сосредоточены в двух местах на левом берегу реки. В одном случае они располагались на группе дюн, достигающих 12 м высоты, и в различных направлениях, примыкающих к Гагачьему озеру, в другом — на склонах высокой дюны, носящей название «Голые горы».

Наиболее многочисленной является первая группа, насчитывающая свыше 7 местонахождений. Близкое расположение стоянок, разделенных иногда лишь несколькими метрами, и полная тождественность материала исключают возможность их хронологического расчленения. В основном, весь материал был получен в результате сборов его на поверхности развеянных дюн, на дне и стенках выдувов и только в некоторой части из небольших раскопок.

Из группы стоянок вблизи Гагачьего озера наиболее тщательному исследованию подвергся пункт № 4, предоставивший значительное количество материала. Данное местонахождение располагалось на 2-й террасе, в 1.25 км от берегово о края. Поверхность дюны (в этой части) заросла брусникой, ягелем и голубикой. Глубина залегания находок 40 см от поверхности.

Меньшую по численности группу составляли стоянки, протянувшиеся на 2 км по юго-западному склону Голых гор. Несмотря на значительное расстояние, они очень сходны по инвентарю и условиям залегания. Наиболее насыщенной материалом в этой группе является стоянка № 2.

В силу того, что весь добытый инвентарь, как указывалось выше, обладает рядом общих черт, мы будем рассматривать его как единое целое.

При первом взгляде на коллекцию невольно обращает на себя внимание материал, из которого сделаны орудия. По преимуществу это кварц, несколько реже — сланец, затем — песчаник. Кремень почти полностью отсутствует; из 2500 предметов, числящихся в коллекции, имеется всего 4 кремневых орудия и 3 отщепа кремня, что составляет 0.28% от общего числа находок. Из кварца изготовлены, главным образом, мелкие, а из сланца — крупные рубящие орудия; кварцит же и песчаник употреблены на грузила, точильные плиты и т. д.

По функциональному назначению орудия довольно разнообразны. Наибольшую по численности группу составляют мелкие, 2—3 см, скребки. Обработаны они мелкой ретушью и часто с высоким мастерством. Обычно обработка захватывает обе поверхности и особенно тщательна на рабочих концах. Всего в данной коллекции насчитывается 60 скребков. Крупные орудия в форме топоров крайне немногочисленны, что стоит, вероятно, в связи со своеобразием условий, в которых был найден материал. Многочисленные сборы местного населения и Померанцева, предшествовавшие экспедиции А. В. Шмидта, значительно уменьшили возможность обнаружения крупных орудий, в силу чего они представлены в подавляющем большинстве обломками. Однако,

хотя и немногочисленные, но достаточно хорошо выраженные целые экземпляры дают отчетливое представление о типах этой категории орудий. Топоры крупного размера, несколько сужены к тыльной части и обладают широким и хорошо отточенным лезвием. Два из них имеют большое сходство с кремневыми топорами из Скандинавии.

Значительный интерес вызывают наконечники стрел. Кремневые наконечники по своей форме приближаются к лавролистным, хотя и несколько шире, чем это обычно свойственно данному типу. Среди наконечников, изготовленных из глинистого сланца, имеются два типа. Одни наконечники небольшного размера, листовидной формы с черешком, близкие к обнаруженным нами на поселении № 10 у г. Кандалакши. Отличие от кандалакшских заключается в наличии продольного ребра, проходящего вдоль всей рабочей части наконечника, вследствие чего в поперечном сечении он приобретает ромбовидную форму. Наконечники второго типа несколько отличаются от только что описанного, имея бóльшую удлиненность и резче выраженное ребро, проходящее вдоль орудия. Черешок их хорошо выражен. Подобная форма наконечников стрел несколько приближается к скандинавской, но не имеет полного тождества, сохраняя свои своеобразные черты.

Другую группу сланцевых орудий составляют ножи. Все они изготовлены из серого или почти черного сланца, прекрасно зашлифованы и не превышают 6—7 см. Большинство из них угловой формы. Некоторые фрагментированы. Наиболее близким к ним типом являются ножи из Тромсо, хотя ножи, найденные на поселениях р. Варзуги, значительно меньшего размера, по сравнению со скандинавскими, и отличаются способом их изготовления. В то время как шиферные скандинавские ножи имеют зашлифовку по всей поверхности, ножи со стоянок на Варзуге в большинстве случаев изготовлены комбинированным способом. Рабочий край орудия образован с помощью зашлифовки и имеет ровное острое лезвие; противоположные ему края обработаны мелкой ретушью. Эта форма ножей, подобно наконечникам стрел, будучи близкой к образцам из арктической шиферной культуры Скандинавии, тем не менее имеет своеобразные черты.

Среди отдельных вещей необходимо отметить обломок массивного плоского орудия ромбовидной формы. Подобные предметы, не будучи достаточно многочисленными и определенными по функциональному назначению, имеют строго ограниченную территорию распространения, встречаясь на стоянках Финляндии и Карелии, в частности на северо-восточном побережье Онежского озера.

Довольно многочисленными являются грузила двух типов. Один тип представлен единичным экземпляром, он имеет форму удлиненной гальки, опоясанной по длинным сторонам выбитым желобком, предназначенным для привязывания к нему веревки. Внешняя поверхность гальки сглажена. По форме это грузило очень близко к грузилу из Оленеостровского могильника, раскопанного А. В. Шмидтом. Остальные 8 грузил имеют иную форму. Семь из них, обнаруженных вместе на стоянке № 5 близ Гагачьего озера, не только совершенно тождественны по материалу и форме, но и одинаковы по размеру. Это плоские плитки, внешняя поверхность которых достаточно сглажена. По обеим сторонам грузил имеются округлые выбоины, предназначенные для привязывания. Поразительное их сходство и расположение в тесном соседстве друг с другом, на берегу озера, указывает, повидимому, на то, что они являются остатками от одной сети, с помощью которой древние рыбаки вылавливали рыбу из Гагачьего озера.

Очень велико на стоянках количество шлифовальных плит и точил. Для основной массы плит материалом послужил кварцит и реже серый гранит. Плиты представляют собой тонкие и очень ровные куски, прекрасно сохранившие следы заполировки. Чрезвычайное обилие шлифовальных плит на стоянках и сильные следы их изношенности свидетельствуют о широком применении сланцевых орудий.

Пожалуй, наибольшего внимания заслуживает керамика, найденная вместе с перечисленными орудиями на обеих группах стоянок — Голых горах и Гагачьем озере. Условия нахождения керамики на последнем пункте особенно интересны. Керамика здесь была найдена не только на поверхности выдувов, но и в шурфах, непосредственно в культурном слое, в общей связи с другими находками. Несмотря на ограниченное число фрагментов и нахождение их в различных пунктах, часто отделенных друг от друга значительным пространством, характер керамики настолько сходен, что она может быть рассматриваема как единое целое. Все фрагменты — части тонкостенных сосудов, в глиняное тесто которых введено значительное количество мелко толченого асбеста. Внешняя поверхность сосудов имеет черный цвет. Последнее объясняется, вероятно, не столько цветом глины, сколько пребыванием сосудов на сильном огне и нахождением их на поверхности дюн. Внешняя поверхность сосудов совершенно не орнаментирована.

В непосредственной близости от найденных фрагментов были открыты скопления обожженных камней, повидимому, остатки очагов. Следов постоянных жилищ обнаружено не было, что может быть объяснено стратиграфическими условиями стоянок. Тем не менее на длительное существование поселений и их постоянный характер указывает обилие и разнообразие инвентаря, среди которого видное место занимают крупные орудия.

Весь комплекс найденного инвентаря и расположение стоянок в непосредственной близости от богатой рыбой реки и озера с несомненностью свидетельствует о большом значении рыболовства у древних обитателей побережья Варзуги, а обнаруженная группа грузил, принадлежащих, вероятно, одной сети, раскрывает перед нами способы лова. С этой точки зрения заслуживает особого внимания найденный здесь зуб тюленя, могущий служить доказательством существования и морского промысла, так широко распространенного на южном побережье Белого моря, судя по наскальным изображениям близ сел. Выгостров.

Суммируя результаты изучения памятников южного побережья Кольского полуострова, мы приходим к следующим выводам. Для обнаруженных стоянок и поселений характерен ряд общих устойчивых признаков, свойственных подавляющему большинству стоянок. Такими общими чертами являются: 1) одинаковая высота расположения над современным уровнем моря, колеблющаяся в среднем от 10 до 13 м; 2) незначительная глубина залегания находок: 3) ограниченная площадь, занятая находками; 4) отсутствие хорошо выраженного культурного слоя; 5) абсолютное преобладание кварца в качестве материала для изготовления мелких орудий (при почти полном отсутствии кремня) и обилие разнообразных крупных сланцевых орудий; 6) особый характер керамики — преобладание тонкостенных сосудов с примесью толченого асбеста; 7) группировка стоянок в местах современных рыболовецких тоней и около устья рек, впадающих в море, что может служить доказательством господствующей роли рыболовства в экономике общества того времени.

Законно поставить вопрос: что общего с соседними памятниками имеют эти поселения, т. е. к какой культуре мы должны отнести их?

Решение этого вопроса сейчас не может быть дано в категорической форме, поскольку исследование данной области только начато. Число памятников, открытых к настоящему времени на всей территории Кольского полуострова, столь ограничено, а характер их так разнообразен, что они с трудом поддаются сравнению. Можно констатировать, что между памятниками «арктического палеолита» Рыбачьего полуострова, Оленеостровским могильником и стоянками южного побережья Кольского полуострова прямой генетической связи почти не прослеживается. Пока это только отдельные фрагменты, которые не дают возможности последовательно воссоздать древнейшую историю Кольского полуострова; для изучения ее потребуется ряд лет. Однако уже и теперь, кратко характеризуя материал стоянок южного побережья Кольского полуострова, мы не можем не заметить некоторых общих черт, связывающих их со стоянками «арктического палеолита» и с Оленеостровским могильником: с первым сближает их общность материала, используемого для изготовления орудий (почти исключительно кварц, кварцит и сланец), а также формы скребков, со вторым — некоторая общность в керамике: наличие примеси асбеста в глиняном тесте. К сожалению, отсутствие на стоянках костяной индустрии не позволяет продолжить эти сравнения.

Что же получится в том случае, если мы выйдем за пределы Кольского полуострова и сравним наши памятники с памятниками из соседних областей — Карелии, Скандинавии и южного побережья Белого моря?

Для того чтобы этот вопрос стал ясен, позволим себе напомнить основные черты, характеризующие поселения эпохи неолита и раннего металла на каждой из указанных территорий. Без сомнения, было бы ошибочно представлять себе культуру общества, населявшего Карелию, Беломорье или Скандинавию, как нечто застывшее, не претерпевавшее никаких изменений на протяжении длительного периода, исчисляющегося не в одну тысячу лет. Менялись типы орудий и техника их выделки, совершенствовалась форма хозяйства, но оставались некие общие черты, которые удается проследить на протяжении всей или, во всяком случае, наибольшей части времени существования культуры.

Для беломорских стоянок, расположенных преимущественно на Летнем и Зимнем берегах Белого моря, характерен ряд особенностей, отграничивающих их от стоянок сопредельных областей. Среди них следует назвать: а) расположение стоянок на древних морских террасах в непосредственном соседстве с морем; б) исключительное обилие кремневого инвентаря, разнообразного по форме и совершенного по технике обработки, среди которого выделяются наконечники стрел и скребки; в) крайняя малочисленность (если не почти полное отсутствие) крупных рубящих орудий — топоров, долот (как кремневых, так и сланцевых); г) наличие, наряду с другими формами, пильчатых кремневых наконечников стрел с высоко совершенной техникой их выделки; д) своеобразие керамики, среди которой можно выделить четыре группы, соответственно четырем фазам ее развития, объединяемой, тем не менее, общими чертами — тонкостенностью, преобладанием в орнаменте мелкой четкой гребенки и профилировкой; е) временный характер жилищ в виде шалашей, с очагами, сложенными из камней; ж) наличие в поздних стоянках бронзовых вещей и предметов литья, указывающих на местное производство металлических предметов; и) форма хозяйства — морское и речное рыболовство, при большом удельном весе охоты. Указанными чертами, без сомнения, не исчерпывается своеобразие этой культуры, но они, на наш взгляд, являются наиболее характерными.

Переходя к перечислению главнейших особенностей карельских стоянок, необходимо указать на следующее: а) расположение стоянок и поселений на древних берегах рек и озер; б) крайняя ограниченность применения кремня и широкое использование заменяющих его материалов — кварца, роговика и сланца; в) большое количество крупных рубящих орудий из сланца, высокосовершенных по технике и разнообразных по форме; г) наличие типичных форм орудий — русско-карельских топоров, топоров типа «рованиеми», желобчатых долот, ромбических орудий с отверстиями, встречающихся в массовом масштабе только на данной территории, а также образцов высокого искусства в выделке орудий — сланцевых молотов с головами животных; д) появление в позднем неолите и в эпоху раннего металла своеобразной керамики с примесью асбеста; е) наличие жилищ зимнего типа в виде полуземлянок, в раннее время — овальной, а в позднее — четыреугольной формы; ж) крайне малое количество бронзовых орудий, но в то же время и наличие предметов литья, указывающих на существование местного производства металлических предметов; з) в экономике господствующее место занимает рыболовство, при большом значении охоты.

Черты, отмеченные как характерные для поселений и стоянок Карелии в период неолита и раннего металла, в большой степени свойственны восточной части Финляндии.

Чтобы закончить рассмотрение материала всех областей, граничащих с Кольским полуостровом, нам остается сказать несколько слов о севере Скандинавии. Среди каменной культуры Скандинавии выделяется своеобразная, так называемая «арктическая шиферная культура». Ее особенность заключается в том, что для выделки орудий, наряду с кремнем и сланцем, широко применялся такой материал, как шифер, откуда она и получила свое название. Для этой культуры характерны угловые ножи и наконечники копий и стрел, изготовленные с помощью шлифования. Указанные орудия столь отличны от всех прочих, что могут служить одним из самых характерных признаков, подчеркивающих своеобразие арктического неолита. Основой экономики общества того времени служило рыболовство и, весьма вероятно, охота на морского зверя. Образ жизни, повидимому, был полуоседлый, о чем свидетельствует наличие землянок. Ареалом распространения этой культуры является север Скандинавии.

Сравнивая материал южного побережья Кольского полуострова с материалом описываемых выше соседних областей, нам становится ясно, что менее всего общих признаков прослеживается между ними и материалом Беломорья. Наоборот, сопоставляя кольский материал с материалом поселений Карелии, нельзя не заметить значительных черт сходства, как, например, крайняя ограниченность применения кремня, характер формы сланцевых орудий, обилие кварца и асбестовая керамика. Наиболее близкими в этом отношении к поселениям южного побережья Кольского полуострова являются стоянки северо-восточного побережья Онежского озера — Вой-Наволок и Оров-Губа, характеризующие период раннего металла. Прослеживаемое сходство не ограничивается обильным применением кварца и общностью форм изготовленных из него скребков, но распространяется и на сланцевые орудия, керамику и типы жилищ (четыреугольные в плане землянки с коридором при входе).

Далее на север, в материале со стоянок близ г. Беломорска (Выгостров) также можно проследить некоторые черты сходства с рассматриваемыми памятниками, в частности применение шиферных наконеч-

ников стрел, среди которых имеется один, совершенно тождественный обнаруженному на поселении № 10 близ г. Кандалакши. Такого типа наконечники не имеют аналогии в шиферной культуре Скандинавии.

Территория северной Карелии еще не подвергалась археологическому исследованию, вследствие чего невозможно судить о характере существующих там памятников. Исключение составляет лишь район г. Кеми, где разведками Г. И. Горецкого в 1937 г.[1] и нашими в 1940 г.[2] было обнаружено несколько различных по своему характеру стоянок. Наибольший интерес для нас представляют те из них, материал которых состоит из большого числа кварцевых орудий и тонкостенной, с примесью слюды и асбеста, керамики, совершенно тождественной керамике южного побережья Кольского полуострова. К сожалению, с территории, лежащей севернее Кеми, не известны даже хотя бы случайные находки, а между тем исследование этого района является крайне необходимым: без этого разрешение вопроса заселения южной части Кольского полуострова не представляется возможным.

Говоря о чертах сходства материала стоянок Карелии и южного побережья Кольского полуострова, мы отмечали, что это сходство распространяется в основном на поздний тип стоянок Карелии. Среди памятников, исследованных нами и А. В. Шмидтом, не было встречено стоянок с типичной ямочно-гребенчатой керамикой, лишь на стоянке близ Колвицкого озера найден один фрагмент с подобным орнаментом. Вместе с тем, по сведениям Г. И. Горецкого,[3] известно, что среди подъемного материала, собранного в районе Кандалакши, им была обнаружена керамика позднего ямочно-гребенчатого типа.

Основываясь на добытом к настоящему времени материале, я позволю себе в порядке гипотезы высказать предположение, которое может стать утверждением лишь после того, как будут открыты новые памятники на интересующей нас территории. Заселение южного побережья Кольского полуострова, как мне кажется, происходило в следующем порядке.

В поздненеолитическое время, когда территория Карелии была уже заселена, отдельные группы людей стали проникать и на Кольский полуостров, двигаясь как по рекам и озерам, так и вдоль морского побережья. При этом первые, наиболее ранние поселения этих выходцев возникали в ближайшей к Карелии территории Кольского полуострова — в его юго-западной части, не проникая дальше на восток. Очевидно, им, пионерам освоения Кольского полуострова, и могла принадлежать ямочно-гребенчатая керамика, обнаруженная Г. И. Горецким. Однако интенсивнее заселение Кольского полуострова происходило, повидимому, позже — в эпоху металла. Именно в эту пору двигались на север и северо-восток Кольского полуострова основные людские массы, почему мы и не встречаем на южном побережье полуострова к востоку от Кандалакши сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом.

Укрепившись на новой территории и сохранив старые элементы культуры (типы орудий, жилищ, керамики), переселенцы, вместе с тем, были вынуждены заменить здесь старую форму хозяйства (озерно-речное рыболовство) новой (морским промыслом). Здесь же они испытывали влияние соседней с ней арктической шиферной культуры, идущее с северо-

---

[1] Г. И. Горецкий. Неолитические стоянки в районе г. Кеми. КСИИМК, IX.

[2] Н. Н. Гурина. Результаты работ археологической экспедиции в Карело-Финскую ССР в 1940 г. КСИИМК, IX.

[3] См.: Г. И. Горецкий, Тр. советск. секции АИЧПЕ, вып. 3, 1937.

запада. Под воздействием последней в материальной культуре переселенцев появились новые элементы — шиферные наконечники стрел и угловые ножи, которые, однако, не были прямым подражанием образцам запада, а имели свои характерные особенности. При этом мы не склонны отрицать наличие связи и с востоком, в частности с близко лежащей областью — Беломорьем.

Говоря об отсутствии общих элементов в материале стоянок южного побережья Кольского полуострова и Летнего и Зимнего берегов Белого моря, мы, тем не менее, допускаем, что население этих областей имело между собою связь и, вероятно, эта связь будет прослеживаться нами тем отчетливее, чем ближе мы станем двигаться к восточной оконечности Кольского полуострова, т. е. к той части, где находится горло Белого моря. Последнее, будучи настолько узким, что противоположные берега его просматриваются в хорошую погоду, могло явиться наиболее вероятным водным путем, через который проходила связь между Кольским полуостровом и востоком. Насколько эта связь была тесной, смогут показать материалы тех стоянок, которые будут открыты на восточной оконечности полуострова. В настоящее время с данной территории неизвестно даже случайных находок, кроме одного ножа, обнаруженного на острове Моржовец.

Заканчивая рассмотрение памятников южного побережья Кольского полуострова, нам остается еще выяснить вопрос: к какому хронологическому периоду могут быть отнесены эти памятники. Пользуясь методом де-Геера и располагая стоянки, близкие по материалу, соответственно их высоте залегания над современным уровнем моря, мы получим следующую таблицу (в метрах):

1. Неолитические стоянки Рыбачьего полуострова .	11
2. Стоянки Кеми с асбестовой и слюдяной керамикой	12—17
3. Стоянки на р. Варзуге . .	12—18
4. Стоянки кандалакшской, колвицкой и умбинской групп	12—13

Таким образом, все указанные стоянки имеют приблизительно одинаковые высотные отметки над современным уровнем моря. Для сравнения приведем показатели с высотными отметками (в метрах) других известных на Кольском полуострове памятников:

1. Стоянки арктического палеолита	50—30
2. Оленеостровский могильник	10.5
3. Поселение на острове Кельмö	5.6

Из приведенных сравнительных данных видно, что археологические памятники южного побережья Кольского полуострова занимают промежуточное положение между стоянками арктического палеолита Рыбачьего полуострова и Оленеостровским могильником. Относя дату Оленеостровского могильника, как ее определяет А. В. Шмидт, приблизительно ко второй половине первого тысячелетия до н. э., наши памятники можно датировать первой половиной первого тысячелетия до н. э. (1000—500 лет). Этой дате не противоречит и археологический материал, в частности асбестовая керамика и формы орудий. Синхроничными нашим стоянкам будут неолитические поселения Карелии с асбестовой керамикой и стоянки третьей и четвертой группы Беломорья.

Нашими работами текущего года и исследованиями А. В. Шмидта на р. Варзуге и Г. И. Горецкого в районе Кандалакши положено лишь начало изучению археологических памятников южного побережья Кольского полуострова, которое должно быть продолжено путем плановых, систематических исследований. Это позволит в будущем разрешить ряд вопросов, стоящих перед археологами, изучающими север, и тем самым даст возможность воссоздать историю древнейшего населения Кольского полуострова.

М. П. ГРЯЗНОВ

МИНУСИНСКИЕ КАМЕННЫЕ БАБЫ В СВЯЗИ С НЕКОТОРЫМИ НОВЫМИ МАТЕРИАЛАМИ

Археологический памятник становится полноценным историческим источником лишь в том случае, если правильно определено время его изготовления или сооружения. Только тогда он может быть включен в число других памятников какого-либо определенного периода или момента истории древних племен и народов и использован для изучения истории их культуры. Между тем вопрос датировки некоторых памятников, находимых по отдельности, вне связи с какими-либо сооружениями, группами предметов или иными комплексами, представляет большие трудности. К числу таких памятников относятся каменные бабы Минусинских степей. И хотя они находятся чаще всего в системе древних сооружений, это не облегчало вопроса об их датировке, а наоборот, приводило вначале к неправильным решениям, так как это не первоначальное, а вторичное их местонахождение.

Каменные бабы Минусинских степей изучаются уже в течение 225 лет. За это время определение их культурной и хронологической принадлежности не раз менялось. Изучение их началось с 1722 г., когда первые ученые путешественники по Сибири, Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Страленберг, впервые обратили свое внимание на эти памятники древности, дали первые их описания и зарисовки. С тех пор минусинские каменные бабы постоянно привлекали к себе внимание ученых исследователей. Их зарисовывают, описывают и находят все новые и новые экземпляры: в 30-х годах XVIII в. — Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин, в 40-х годах — геодезист И. Шишков, затем члены академических экспедиций 1768—1774 гг. — П. С. Паллас и И. П. Фальк.[1] Располагая уже довольно разнообразным археологическим материалом, эти первые исследователи сибирских древностей не могли все же еще распределить их по каким-либо хронологическим группам. Все древности Минусинских степей, в том числе и каменные бабы, они приписывали древнему народу, предшествовавшему современным насельникам края.

Более детальное изучение древностей Минусинских степей, с попытками их исторического освещения, начинается с 20-х годов прошлого столетия, с исследований Г. И. Спасского. Вслед за Г. И. Спасским ими занимались М. А. Кастрен, Н. Н. Костров, Н. И. Попов, В. В. Радлов, И. Р. Аспелин и др. Аспелин и Радлов располагали уже значительным материалом, в том числе и добытым путем археологических раскопок. К их времени в науке уже сложилось представление о культурах ка-

[1] И. П. Фальк сам в Минусинских степях не был, а воспользовался рисунками и описаниями каменных баб, находившимися в воеводской канцелярии г. Кузнецка.

менного, бронзового и железного веков. Они смогли и древности Минусинских степей распределить по этим основным делениям. Так как Минусинские степи исключительно богаты находками бронзовых орудий и других бронзовых изделий, так как основная масса исследованных в то время курганов содержала древние погребения с бронзовыми орудиями и так как каменные бабы обычно находятся на курганах, подобных раскопанным, то оба автора относили к бронзовому веку почти все известные им памятники, в том числе и каменные бабы всех типов.[1]

Однако вскоре же вопрос о датировке минусинских каменных баб получил новое освещение в работах Н. М. Ядринцева (1885) и Д. А. Клеменца (1886). Ядринцев, считая каменные бабы намогильными памятниками, одновременными с загадочной еще в то время орхонской письменностью, отмечает, что китайские хроники, подробно описывая все обычаи хакас, ничего не говорят об обычае ставить на могилах каменные бабы. Отсюда он заключает, что «каменные монументы принадлежали народу, предшествовавшему хакасам или жившему в соседстве с ними». Происхождение каменных баб (а также и орхонской письменности) он относит ко времени до н. э., около 2000 лет тому назад.[2] Также и Клеменц отмечает «прямую связь» каменных баб с курганами и руническими (орхонскими) письменами и определяет их как намогильные памятники. Ссылаясь на сообщения китайских хроник об обычае у народа Тукю ставить на могилу изображение умершего и камни по числу убитых им врагов и считая, что этот обычай мог быть заимствован у более древних народов, минусинские каменные бабы, а также и рунические письмена он относит ко времени между II в. до н. э. — VI в. н. э.[3]

В дальнейшем, вплоть до 20-х годов нынешнего столетия, вопросы датировки минусинских каменных баб в археологической литературе не подвергались пересмотру. В 1921—1925 гг. мною, совместно с Е. Р. Шнейдером, было предпринято специальное исследование этих вопросов. Нами учтено на месте, в музеях и по литературным источникам, 64 памятника. Работая в составе археологической экспедиции С. А. Теплоухова, мы были знакомы во всех деталях с разрабатывавшейся им тогда первой хронологической классификацией археологических памятников Минусинских степей[4] и благодаря этому располагали более широкими, чем наши предшественники, возможностями для правильного решения вопросов о датировке и назначении каменных баб. Нам удалось установить два типа каменных изваяний. Один, представленный всего лишь несколькими экземплярами, принадлежит широко распространенной группе намогильных каменных изваяний тюркских народов первого тысячелетия н. э. Основная же масса изваяний (55 из 64) составляет другой тип. Хотя изваяния этого типа находятся обычно на курганах, но наблюдения показывают, что прежде они стояли в других местах и лишь

---

[1] I. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, I. Гельсингфорс, 1877. — W. Radloff. Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten, II. Лейпциг, 1884, стр. 91—96 (см. также: В. В. Радлов. Сибирские древности. ЗРАО, VII, вып. 3—4, 1895, стр. 169—174).

[2] Н. Ядринцев. Древние памятники и письмена в Сибири. Лит. сб., изд. ред. «Восточного обозрения». СПб., 1885, стр. 468, 474—476.

[3] Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, стр. 32—42.

[4] Свои первые соображения о классификации древних минусинских культур С. А. Теплоухов опубликовал в 1922 г. очень кратко и не полно. Памятники минусинской курганной культуры и более поздние тогда им еще не были изучены (см. С. Теплоухов. Следы доисторической жизни в Минусинском крае. Географич. вестн., I, вып. 2—3, П., 1922, стр. 27—29). В законченном виде классификация Теплоухова опубликована в 1929 г. (см. Мат. по этногр., IV, вып. 2, 1929; Природа, 1929, № 6).

в последующие эпохи, начиная с 1-го этапа минусинской курганной культуры, были использованы как строительный материал при сооружении каменных оград на курганах. Отсюда следует, что они не являются надгробными памятниками, а представляют собой изображение каких-то божеств и что время их сооружения предшествует 1-му этапу минусинской курганной культуры. Время их бытования определено нами карасукской эпохой.[1]

Наша датировка была принята и до последнего времени не оспаривалась, хотя она и не может считаться вполне доказанной. Несомненно, что основной тип минусинских каменных баб древнее 1-го этапа минусинской курганной культуры, но принадлежность его именно к карасукской эпохе, а не какой-либо другой, недостаточно обоснована. Основным и почти единственным доводом в пользу карасукской эпохи послужило соображение о необходимости для изготовления каменных баб иметь хорошие металлические орудия вроде бронзовых долот, которые предположительно относятся к карасукской эпохе. Однако внимательное рассмотрение изваяний с точки зрения техники их изготовления показывает, что они отнюдь не высечены металлическими или какими-либо режущими инструментами, а выбиты каменными ударными орудиями, местами же (например желобчатые линии рисунка) шлифованы. Такой способ обработки камня практиковался с неолита и, вероятно, до железного века включительно. Следовательно, техника изготовления каменных баб не может дать решительно никаких указаний на эпоху их сооружения.

Спустя два года после нашей работы, в Финляндии были опубликованы обширные материалы по минусинским каменным бабам и писаницам, собранные И. Р. Аспелином в 1887—1889 гг., увеличивающие количество известных минусинских каменных баб еще на 16 экземпляров, но не дающие чего-либо принципиально нового для их понимания или для их датировки.[2] Еще годом позже специальное исследование по вопросу о семантике орнамента минусинских каменных баб предпринял С. В. Киселев. Не касаясь вопроса о назначении каменных баб и не подвергая пересмотру их датировку, он делает попытку проследить смену культово-космических образов на протяжении почти двух тысяч лет.[3] Других специальных исследований по вопросу о минусинских каменных бабах не производилось. Однако некоторые новые материалы, добытые раскопками или ставшие известными по публикациям за последние 18 лет, позволяют вновь вернуться к вопросу об их хронологическом определении. Теперь из общей массы каменных баб основного типа можно выделить более ранние формы, связать их с определенным культурным комплексом и, таким образом, уточнить и исправить датировку всей группы так называемых карасукских каменных баб. В связи с этим представляется возможность заново пересмотреть и вопрос о назначении этих каменных баб и об их роли в процессе развития культуры древних племен Минусинских степей.

Прежде чем перейти к рассмотрению всех этих вопросов, необходимо сначала определить основные характерные особенности древней группы

---

[1] См.: М. Грязнов, Е. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. Мат. по этногр., IV, вып. 2, 1929, стр. 63—93. Основные результаты этой работы кратко изложены в нашей статье в журнале «Природа», 1926, № 11—12, стр. 100—105.

[2] H. Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial, von I. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887—1889. Гельсингфорс, 1931.

[3] С. В. Киселев. Семантика орнамента карасукских стел. ИГАИМК, вып. 100, М.—Л., 1933, стр. 280—292.

минусинских каменных баб. Несмотря на кажущееся на первый взгляд чрезвычайное разнообразие их формы, они все же представляют собой весьма однородную группу памятников, единого, в основном, художественного стиля (рис. 1 и 2). Они отличаются следующими характерными особенностями.

1. Каменная баба представляет собой монумент в виде плиты или столба с изображением внизу, реже посредине, головы человека. Это не фигура человека, хотя бы и крайне условная, которую можно было бы назвать каменной статуей, истуканом, болваном и т. д., а камень, на поверхности которого помещено изображение головы человека, не рассчитанное на то, чтобы хоть в какой-то мере сделать камень похожим на фигуру человека.

2. Голова изображена всегда в фас графически или слабым рельефом, всегда условно. Овал лица обведен правильной замкнутой линией или четко выделен рельефом. Часто на рельефно выделенном гладком овале лица детали его изображены графически.

3. Изображение головы человека всегда не реальное; на лице обычно проведены одна, две и даже три горизонтальные линии непонятного нам пока значения, пересекающие его на уровне носа, верхней губы и лба; на лбу часто изображен третий глаз (рис. 1, *4* и др.); часто голова изображена со звериными рогами и ушами и другими обрамляющими ее придатками непонятного нам сейчас значения, в том числе и длинной волнистой или змеевидной лентой, поднимающейся вверх от середины головы.

4. Изображения всегда женские. Однако, поскольку имеется противоположное мнение, необходимо на этом остановиться подробнее. С. В. Киселев считает все изображения, кроме четырех, мужскими. Он пишет: «Поскольку женские изображения отмечены специально (на четырех стелах изображена грудь и однажды, повидимому, женский половой орган), то вряд ли будет ошибкой считать остальные (а их подавляющее большинство) мужскими изображениями».[1] Объясняя появление мужских изображений развитием патриархальных отношений в карасукскую эпоху, он строит на этом и дальнейшие свои выводы. Никаких других доводов в пользу такого определения изображений он не приводит, да и не может привести. Ни на одном из рассматриваемых 72 памятников нет ни одного намека на то, что перед нами изображение мужчины, а не женщины. Если бы в практике древнего населения Минусинских степей существовал обычай изображать мужчин и женщин, то в этих изображениях можно было бы уловить хоть какие-нибудь отличия, позволяющие разделить их на две группы. Ничего подобного в действительности нет. Поэтому не представляется никакой возможности установить наличие двух разных типов изображений — мужских и женских. Отсюда следует заключить, что все изображения одного пола — либо мужские, либо женские. Так как все они без усов и бороды, то естественно предположить, что это изображения женщины.

Определяется это не только указанными негативными признаками — отсутствие усов и бороды, но в некоторых случаях и позитивными — наличие женской груди (рис. 1, *1* и *3*). Изложенные соображения позволяют утверждать, что на рассматриваемых минусинских каменных бабах во всех случаях изображена голова женщины, даже тогда, когда изображение ее состоит всего лишь из овала, внутри которого помещены два кружка (глаза), горизонтальная черточка (рот) и пересекающая лицо линия (рис. 2, *2* и *6*).

---

[1] Там же, стр. 281—282.

5. На боковых гранях камня, а иногда и на лицевой, изображены круги с четырьмя лучеобразными уголками — повидимому, солярные знаки.

Перечисленные особенности отличают рассматриваемую группу минусинских каменных баб от всех других типов каменных баб, широко распространенных в степях и горных районах Азии и Восточной Европы, в том числе и от поздних типов в Минусинских степях. В эту группу в указанной выше нашей работе включено и несколько таких каменных баб, которые не вполне соответствуют или даже совсем не соответствуют данной характеристике,[1] но они ближе всего стоят именно к этому, а не к какому-либо другому типу. Сейчас часть из них может быть определена как ранняя форма древнего типа минусинских каменных баб. Это стало возможным благодаря замечательной находке С. В. Киселева в г. Абакане в 1945 г. при раскопке раннеандроновских могил, содержащих характерную глиняную посуду, покрытую орнаментом по всей наружной поверхности, включая и дно, спиральные бронзовые височные кольца и бусы из сине-зеленого камня и светлой пасты. В погребении № 4 обнаружены две костяные пластинки с выгравированным на них изображением женщины.

1-я абаканская пластинка представляет собой исключительный по своеобразному, изумительно изящному и строгому стилю рисунка памятник изобразительного искусства древнесибирских племен. В верхней части ее тонкими линиями выгравирована женская голова с длинными волосами, расчесанными на прямой пробор и спадающими по бокам ниже плеч (рис. 3).[2] На длинном лице с острым подбородком прямыми черточками показаны глаза, брови, нос и рот. По бокам подбородка изображены, повидимому, подвесные ушные украшения. В верхней части груди выгравирована орнаментальная полоса, вероятно, шитое украшение ворота одежды, вряд ли ожерелье.

2-я абаканская пластинка имеет такое же, но менее искусно выполненное, изображение. Волосы также спадают по бокам ниже плеч, но в верхней части головы они даны прямыми линиями, расходящимися в стороны от лба и висков, как на таштыпской каменной фигурке, о которой речь будет ниже. На месте ушных украшений, выгравированных на изображении первой пластинки, здесь обозначены два кружка.[3]

Неожиданная находка замечательных абаканских пластинок впервые знакомит нас с изображениями человека в памятниках андроновской культуры. Однако эти изображения не единственные в своем роде, не совершенно исключительное явление. В комплексных находках пока действительно не известно ничего подобного, но среди памятников древнего изобразительного искусства из числа случайных находок, а потому недатированных или датированных неточно или неверно, есть очень близкие аналогии.

Таштыпская каменная фигурка должна быть упомянута в первую очередь как наиболее близкая аналогия к абаканским пластинкам (рис. 4). Она найдена на р. Таштып и приобретена И. Р. Аспелином в 1887 г.[4] Хранится в Гельсингфорском музее. Такая же малень-

---

[1] См.: Грязнов, Шнейдер. Древние изваяния, №№ 17, 46, 49.

[2] Воспроизводимый мною рисунок заимствован из заметки С. В. Киселева в газете «Советская Хакассия» от 10 VIII 1945, за № 159, любезно предоставленной мне автором.

[3] С. В. Киселев, (в указанной заметке) видит на этой пластинке сочетание изображения человека и быка, с чем вряд ли можно согласиться.

[4] H. Appelgren-Kivalo, ук. соч., стр. 19 и рис. 242.

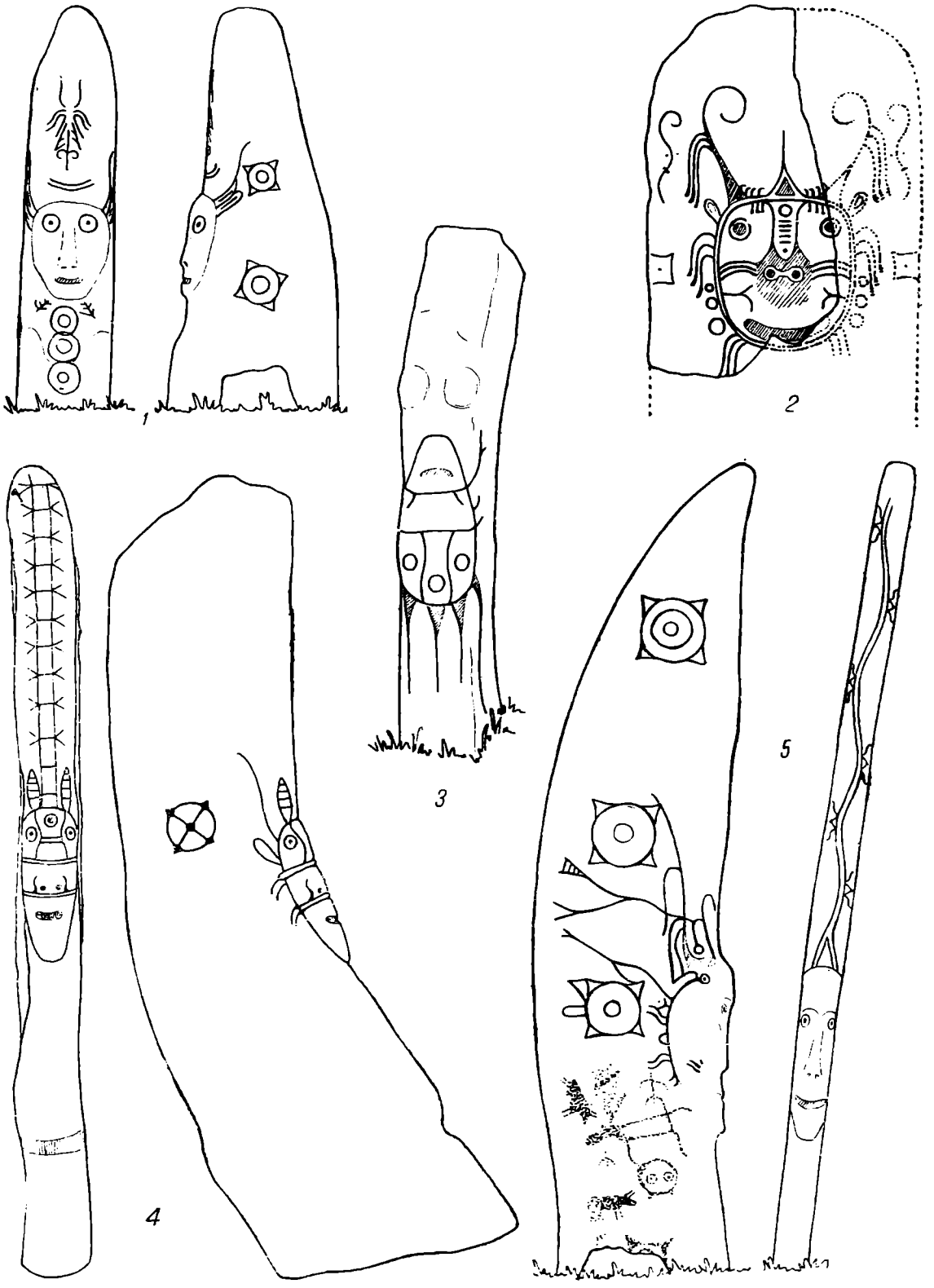


Рис. 1. Минусинские каменные бабы.

1 — на р. Бире, близ улуса Тазмина; *2* — на р. М. Есь, близ улуса Кызласова (Томский университет); *3* — «Ахмарчинская Кыс», близ улуса Верхне-Биджинского; *4* — неизвестного происхождения (Минусинский музей); *5* — «Бирский камень» на р. Бире, близ улуса Тазмина (Гос. музей этнографии). *1* и *2* — гранит, остальные — песчаник.

кая, как и абаканские (длина 42.5 мм), вырезана из мягкого камня — агальматолита.[1] Голова исполнена круглой скульптурой. Детали ее показаны слабым рельефом. Длинные распущенные волосы и совершенно подобные изображенным на первой абаканской пластинке ушные украшения (серьги) исполнены врезанными линиями. Характерен удлиненный острый подбородок. Опубликовавший эту фигурку в 1938 г. А. М. Тальгрен о времени ее изготовления мог сказать только, что она относится, вероятнее всего, к эпохе металла.[2] Теперь же совершенно определенно можно датировать ее временем, близким к абаканским пластинкам, т. е. андроновской эпохой, вероятно, ее началом.

Бейская каменная фигурка, вероятно, также является вариантом андроновских антропоморфных изображений (рис. 5). Найдена на Бейской заимке на р. Бее. Хранится в Минусинском музее. На плоском валуне неправильно овальной формы в 33 см длиной изображено лицо человека, вероятно женщины (нет усов и бороды), исполненное слабым рельефом техникой выбивания. Волосы, украшения и другие детали не показаны.[3]

Усть-Есинская Кыс-таш — каменная баба близ с. Усть-Есь, несомненно, принадлежит к тому же типу изображений и относится к тому же времени. Хранится в Минусинском музее (рис. 6 и 7). За последние 200 лет она неоднократно описывалась и зарисовывалась. Однако из-за несовершенства рисунков, по-разному указанных сведений о ее местонахождении и по разным ее наименованиям можно было бы думать, что авторы сообщают о нескольких различных памятниках.[4] Поэтому необходимо сопоставить вместе все эти сообщения и рисунки.

Первые сведения о памятнике были даны в 1739 г. Г. Ф. Миллером и И. Г. Гмелином, которые назвали его «Кичик-куртуяк». В 6 верстах от р. Теи («Тюэ»), сообщает Миллер, и в 2 верстах от берега р. Абакан, при одной маленькой и низенькой могиле стоял камень шириной и высотой в аршин, на северной стороне которого изображено человеческое лицо с длинными волосами.[5] В 1785 г. И. П. Фальк, лично не видевший памятника, а получивший сведения о нем и чертежи в воеводской канцелярии г. Кузнецка, сообщает: «На левом берегу р. Абакана, в Кузнецком уезде, в так называемой Китайской степи, стоят две статуи в недальнем расстоянии, которые тамошние кочевники называют Куртаяк-таш, т. е. старухи-камни . , сделаны из неотесанного мягкого красноватого песчаника».[6] На приложенном чертеже памятник представлен стоящим вертикально на земле без повреждений (рис. 8, *1*). Ясно видна верхняя часть тела человека без деталей. В 1847 г. М. А. Кастрен осмотрел памятник

---

[1] A. M. Tallgren. Some North-Eurasian Sculptures. ESA, XII, 1938, стр. 132.

[2] Там же.

[3] Подробное описание см.: A. M. Tallgren, ук. соч., стр. 131, рис. 25.

[4] Так, например, А. П. Пискарев, пользуясь разными источниками, дважды говорит об этом памятнике, приняв его за два разных и спутав при этом топографические и другие данные. В одном случае это каменная баба «вышиной и шириной 8 вершков, с косою, заплетенною по обеим сторонам головы», находящаяся против ключа Колазова по дороге от Аскыза к думе (Усть-Еси); в другом — «она туземцами называется девкою, вышины полтора аршина» и находится около устья р. Аскыз, в горе Сорою. См.: А. И. Пискарев. О местонахождении каменных баб в России. ЗАО, III, 1851, стр. 218.

[5] См.: В. Радлов. Сибирские древности, I, 3, стр. 95; МАР, № 15, 1894.

[6] I. P. Falk, Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs, I, стр. 348, табл. 3. Он пользовался, по всей вероятности, рисунками и описаниями геодезиста И. Шишкова, сделанными по поручению В. П. Татищева около 1740 г. Во всяком случае это несомненно для каменной бабы на р. Юсе, называемой «Казан-кыс-таш» (ср. наш рис. 17, заимствованный из цитируемой книги Фалька, и у В. Радлова, в ук. соч., рис. на стр. 143).

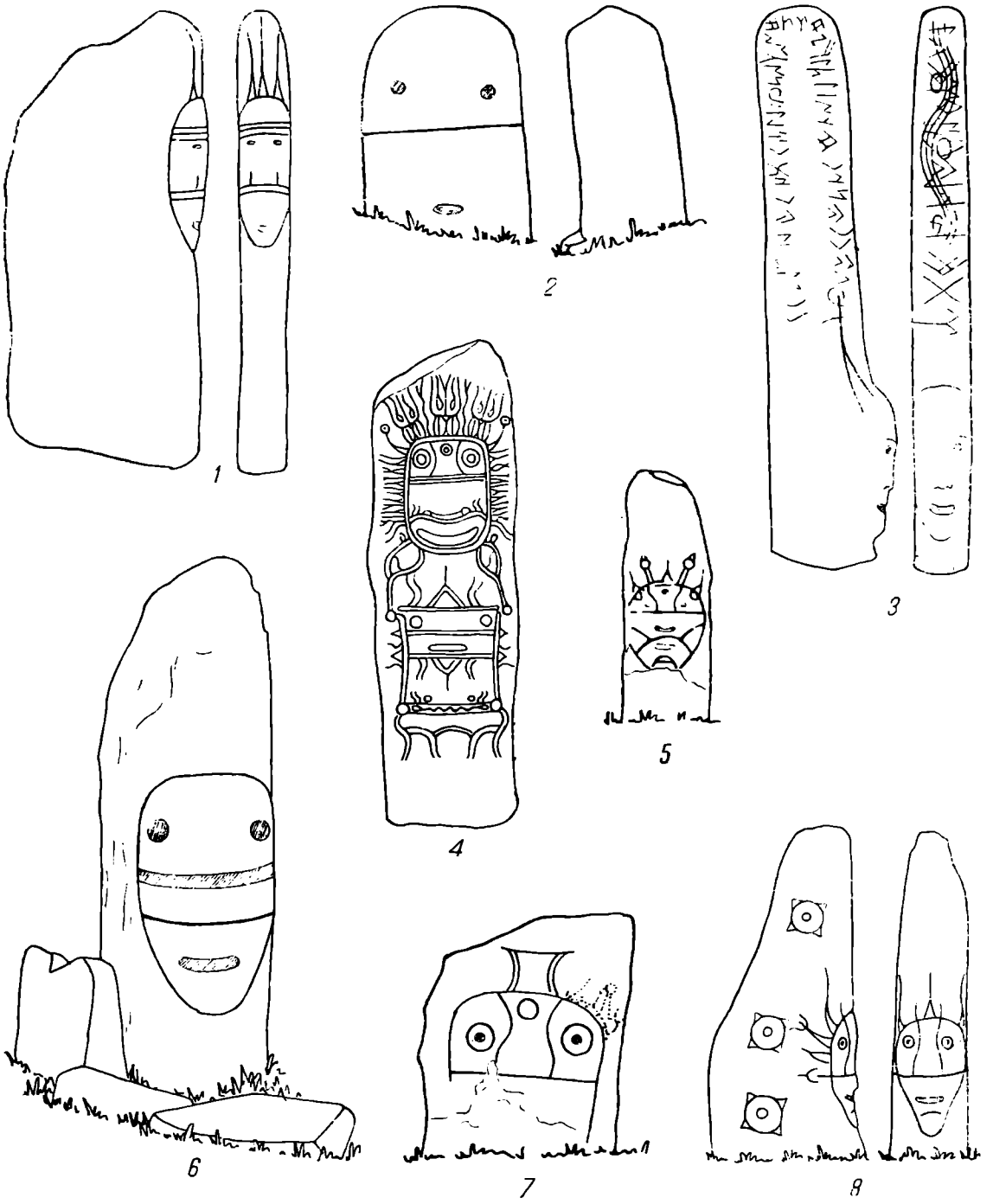


Рис. 2. Минусинские каменные бабы.

1 — на р. Немир, близ улуса Аптыша (Томский университет); *2* — на р. Б. Сыр, близ улуса Сафьянова; *3* — на р. Уйбат, близ улуса Чаркова; *4* — на р. Бире, близ улуса Таазмина (Минусинский музей); *5* — неизвестного происхождения (Минусинский музей); *6* — неизвестного происхождения (по фото Томского университета); *7* — близ оз. Шира; *8* — на р. Бире, близ улуса Таазмина. *1*, *3*, *6* — песчаник, остальные — гранит.

на месте и сообщил, что «около старой Сагайской церкви (Усть-Есь) лежит упавшее каменное изображение женщины, называемое «Кыс (девица)», что раньше оно стояло на кургане Кыз-коза (Девичий курган), теперь разрытом.[1] Сделано на сланцевой плите длиной в 2 арш. 2 д. (1 арш. 14 д.), шириной в 1 арш. 1 д., т. е. длиной в 147 см (107 см), шириной 74 см.[2] Края плиты как вверху, так и внизу закруглены (рис. 8, *2*).[3] Семью годами позже, в 1854 г., Н. А. Костров сообщает, что камень Кичик-кыс-таш находится против дер. Усть-Есь, в 3 верстах от горы Сары между четырьмя курганами, разрытыми глубиной аршин на пять в 1846 г. окружным начальником. На

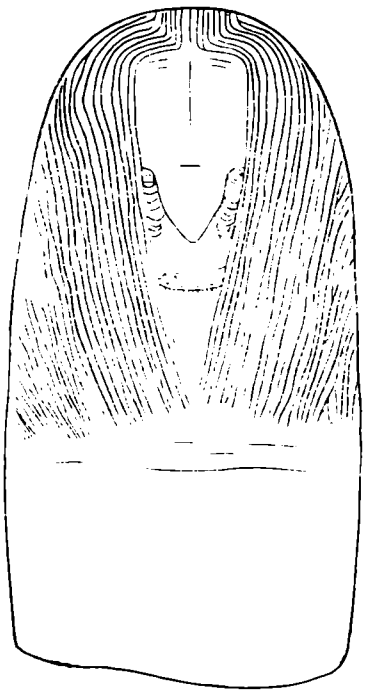


Рис. 3. Абаканская костяная пластинка из погребения раннеандроновского времени.

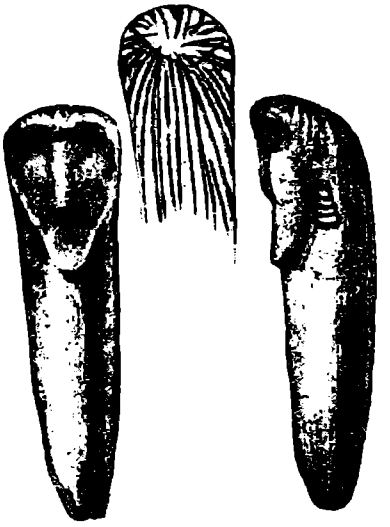


Рис. 4. Таштыпская каменная фигурка (нат. вел.).

камне высотой не более полутора аршин «изображено небольшое женское лицо, глаза, брови, щеки, груди; на голове обозначены волосы, заплетенные косами».[4] В 1863 г. памятник осмотрен В. В. Радловым, который сообщает, что Кыс-таш находится на могиле на р. Еси, представляет собой плиту овальной формы высотой в полтора аршина, на гладкой стороне ее изображено лицо девушки с косами по обеим сторонам и что раньше этот камень стоял где-то в другом месте, а здесь поставлен лишь лет 50 тому назад.[5] Наконец, И. Р. Аспелин в 1887 г. памятника на месте уже не застал. Нижняя часть его была отбита и переделана на мельничный жернов, а верхняя перевезена в Минусинский музей, где он ее и зарисовал (рис. 8, *3*). По собранным

---

[1] Однако на своем рисунке он представил камень в вертикальном положении, нижней частью врытым в землю.

[2] Что значит вторая цифра длины камня, заключенная в скобки, мне не понятно.

[3] M. A. Castrens Aufzeichnungen über die Altertümer im Kreise Minussinsk. SMYA, XXI, 1901, стр. 23—24, рис. 20. По техническим соображениям зарисовку Кастрена воспроизвожу по книге Аспелина: Antiquités du Nord Finno-Ougrien, I, рис. 340.

[4] Н. А. Костров. Список каменным изваяниям, находящимся в Минусинском округе, Енисейской губернии. ВРГО, X, 1854, стр. 74—75.

[5] W. Radloff. Aus Sibirien, стр. 92—93; русск. пер.: ЗРАО, VII, вып. 3—4, стр. 170—171.

Аспелином сведениям, памятник находился на могиле в двух верстах к СЗ от с. Усть-Есь. Судя по зарисовке Аспелина, это курган, повидимому, 2-го этапа минусинской курганной культуры. На этом же кургане лежал еще один камень с изображением лица человека и другой камень, на узком ребре которого вырезано 62 поперечных черты. Курган был «основательно перерыт», по словам местных жителей, Кастреном или, как говорят другие, это случилось до него.[1]

Усть-Есинская Кыс-таш (девица-камень) стилистически ближе всего к первой абаканской пластинке. На плоском камне, также с округлым верхом, изображена лишь голова и верхняя часть тела женщины.[2] Слабым рельефом выделены подбородок, нос и лоб. Глаза и рот показаны углублениями, волосы и контуры верхней части тела — врезанными линиями. Как и на абаканской пластинке, волосы без пробора спадают по бокам головы, но не закрывают плеч. Детали лица исполнены иными приемами, но также условно и схематично. Характерен острый подбородок.

Рис. 5. Бейская каменная фигурка головы человека (1/3 нат. вел.).

Все пять рассмотренных изображений (или четыре, если не считать Бейскую фигурку) имеют некоторые отличия друг от друга, обусловливаемые частично материалом, размерами и техникой изображения, но стилистически они представляют собой единую группу памятников. Общим для них является то, что во всех случаях на удлиненном предмете, плоском или круглом, в верхней его части, изображена верхняя часть женской фигуры — голова и плечи или только голова, без каких-либо не свойственных человеку дополнений. Лицо исполнено в самых общих чертах — с длинным прямым носом и острым подбородком. Обычно показаны длинные волосы и в двух случаях серьги (или какие-то другие ушные украшения).

Наличие рассмотренных пяти памятников свидетельствует о распространенности в раннеандроновское время обычая делать изображения женщины определенного типа от маленьких в 4 см длиной, как Таштыпская каменная фигурка и абаканские костяные пластинки, до крупных каменных монументов в 1.5 м длиной. Изображения, несомненно, культового характера и, следовательно, указывают на наличие в мировоззрении минусинских раннеандроновских племен культового образа женщины. Но культовый образ женщины нам известен также и по большой группе памятников, предположительно относимых пока к карасукскому времени, — по многочисленным минусинским каменным бабам. Есте-

---

[1] См.: H. Appelgren-Kivalo, ук. соч., стр. 19, рис. 233 и 234.

[2] Судя по тому, что Кастрен, изучавший камень в целом виде, отмечает в изображении наличие только лица и плеч (SMYA, XXI, стр. 24), надо думать, что другие части фигуры женщины не были изображены.

ственно встает вопрос — не связаны ли эти две группы памятников друг с другом более тесно как по своему культовому значению, так и хронологически. Отметим при этом, что Усть-Есинская Кыс-таш, включенная нами в группу раннеандроновских памятников, до сих пор числилась в составе основной группы минусинских каменных баб. Рассматривая с этой точки зрения каменные бабы, мы найдем среди них такие, которые покажут, что, действительно, такая связь есть, что Усть-Есинская

Рис. 6. Усть-Есинская Кыс-таш — каменная баба близ с. Усть-Есь.

Кыс-таш, следовательно и вся группа раннеандроновских женских изображений, связана серией переходных форм с основным типом минусинских каменных баб.

Каменная баба Асочакова улуса (рис. 9)[1] в первую очередь должна быть сопоставлена с раннеандроновскими изображениями женщины. Это каменная плита высотой в 90 см (не считая часть, скрытую под землей), такой же ширины в основании и в 20 см толщиной.[2] На узкой ее грани изваяно в слабом рельефе лицо женщины. В самых общих

[1] Воспроизвожу по фото И. П. Кузнецова, хранящемуся в Томском университете.

[2] Размеры даны по Аппельгрен-Кивало (ук. соч., стр. 18). По Аппельгрен-Кивало, памятник находится в 3 верстах к северу от Апакова улуса. На фото Кузнецова местонахождение бабы указано в 300—400 саженях от Асочакова улуса в сторону от р. Абакана.

чертах намечены нос, глазные впадины, щеки. Рот обозначен овальной ямкой, глаза же совсем не показаны. Подбородок не острый, как во всех предыдущих случаях, а прямоугольный. Выше лба — волосы или головной убор без каких-либо деталей. От раннеандроновских изображений Асочаковская баба отличается тем, что лицо помещено на узкой грани плиты, а не на широкой, а также отсутствием ясного рисунка волос и широким подбородком. От основного типа каменных баб Асочаковская отличается отсутствием каких-либо дополнений в виде звериных рогов и ушей, поперечной линии через лицо и т. д., а также положением головы в верхней части камня.

Каменная баба неизвестного местонахождения, известная мне по фотографии А. В. Адрианова (рис. 10),[1] также должна быть сближена с раннеандроновскими женскими изображениями. В верхней части широкой грани плиты, расширяющейся книзу, дано крайне схематическое изображение лица человека в фас — нос, глаза и рот, исполненное с минимальной затратой труда. Глаза — овальные ямки со слабым возвышением посредине, нос — незначительное углубление поверхности камня вдоль его контуров, постепенно сходящее на-нет. С раннеандроновскими изображениями этот памятник сближается по композиции, с каменными бабами основного минусинского типа он ничего общего не имеет.

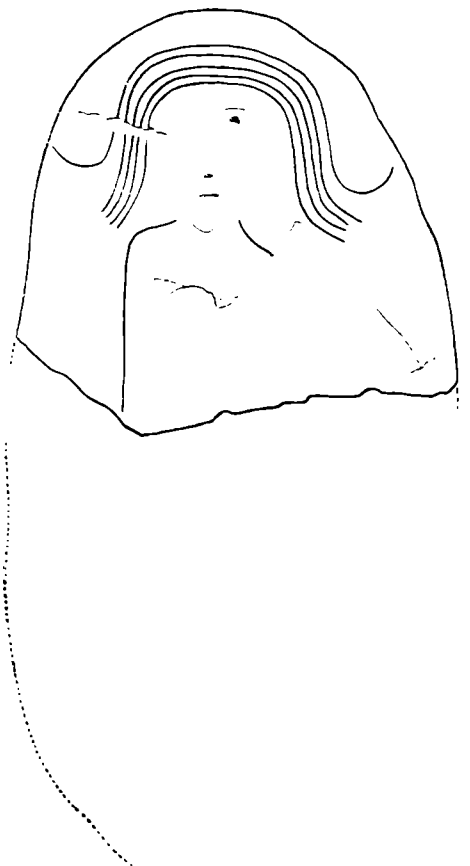


Рис. 7. Усть-Есинская Кыс-таш (прорись).

Последние два памятника могут быть объединены в одну группу с Усть-Есинской Кыс-таш, но для установления связи последней с основным типом каменных баб ничего не дают. В этом отношении интересны следующие два памятника.

Уйбатская Кыс-таш, представляющая собой почти полную фигуру женщины (рис. 11 и 12), стояла в качестве углового камня ограды на могиле 1-го этапа минусинской курганной культуры в Уйбатском чаатасе близ Чаркова улуса на р. Уйбате.[2] В 1936 г. вывезена М. М. Герасимовым в Ленинград, в Эрмитаж, где теперь и хранится.[3] Гранитная плита, размером 2.00 × 0.65 × 0.35 м, превращена в фигуру женщины. Рельефом выделен овал лица, грудь в виде двух овальных возвышений, выпуклый живот, и затылок отделен от плеч. Волосы, детали лица и руки показаны углубленными линиями. Такой же линией обведен овал лица. Глаза и ноздри обозначены круглыми, а рот и пупок на животе — овальными ямками. Поперек лица, на уровне носа, проведена горизонтальная линия. На лбу помещен третий глаз.

---

[1] См.: Грязнов, Шнейдер, ук. соч., № 73.
[2] Там же, № 17.
[3] К сожалению, М. М. Герасимов не смог произвести раскопку могилы, в ограде которой стояло изваяние.

Корчинская баба в верховьях р. Бири близ улуса Корчина, сходная с предыдущей (рис. 13).[1] Стоит также в качестве углового камня ограды на могиле, судя по внешнему виду, — 1-го этапа минусинской курганной культуры. Поставлена вниз головой. Представляет собой глыбообразный гранитный столб высотой около метра. На более узкой стороне его рельефом выделен выпуклый овал лица и под ним — женская грудь в виде двух округлых возвышений. На боковых широких сторонах углубленными линиями изображены руки. Детали лица по фотографии плохо различимы. Ясно видна лишь широкая углубленная поперечная полоса, пересекающая лицо на уровне носа, и заметны круглые углубления, обозначающие глаза и ноздри носа.

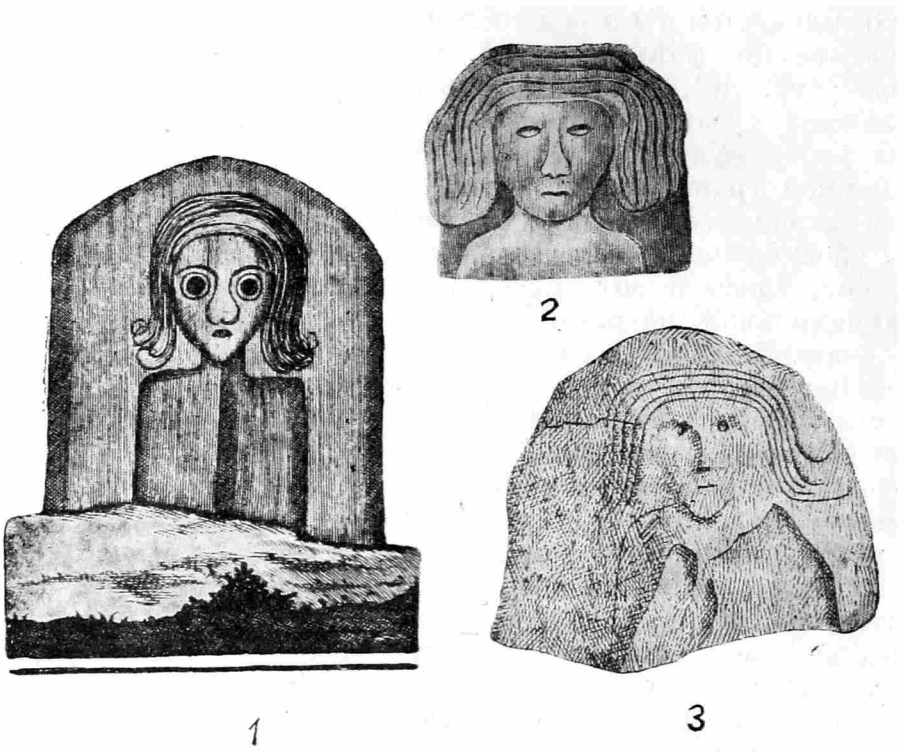


Рис. 8. Усть-Есинская Кыс-таш.
1 — по Фальку; 2 — по Кастрену; 3 — по Аспелину.

Последние два памятника,[2] подобно раннеандроновским изображениям, представляют собой камень, превращенный в фигуру женщины. Изображение более полное — не только голова и плечи, но также грудь, руки и в одном случае — живот. На Уйбатской бабе изображены длинные волосы. Нет дополнительных изображений, обрамляющих лицо. На этих двух памятниках появились, однако, и новые черты, которые в дальнейшем будут характерны для основного типа минусинских каменных баб. Это — выделенный из плоскости плиты выпуклый овал лица, поперечная горизонтальная линия на уровне носа и третий глаз на лбу. Наконец, лицо помещено на узкой грани камня, что характерно для большей части каменных баб основного типа.

[1] Известна мне по фотографии Минусинского музея, хранящейся в фотоархиве ИИМК.

[2] Может быть, третьим таким же памятником является каменная баба «Узун» близ улуса Барбакова на р. Черный Юс. По Кострову и Пискареву, на камне обозначены голова, нос, рот и одна рука, передающие женский облик. См.: Костров, ук. соч., стр. 76. — Пискарев, ук. соч., стр. 218.

Таким образом, Уйбатскую Кыс-таш и Корчинскую бабу можно рассматривать как промежуточные формы между Усть-Есинской Кыс-таш с подобными ей мелкими женскими фигурками и основным типом минусинских каменных баб. В них сочетаются признаки обеих групп памятников. Также к переходным формам, но более близким к основному типу, можно отнести еще два памятника.

Каменная баба близ улуса Верхний Долгий Маяк (рис. 14, *1*) стоит в качестве углового камня на могиле, повидимому, 1-го этапа минусинской курганной культуры.[1] На широкой каменной плите высотой около 80 см, на широкой ее грани, углубленными линиями изображен овал лица с глазами-точками, ртом-черточкой и горизонтальной чертой, пересекающей лицо ниже глаз. Такими же линиями изображены волосы в виде лучеобразных черточек вокруг головы и контуры плеч.

Рис. 9. Каменная баба близ Асочакова улуса.

Каменная баба близ Чаркова улуса, подобная предыдущей, хуже сохранившаяся (рис. 14, *2*). Стоит на кургане 2-го этапа минусинской курганной культуры. На широкой гранитной плите, высотой около 120 см, той же техникой выполнено почти совершенно такое же изображение, как и на предыдущей, но без поперечной черты на лице и с волосами, показанными всего лишь тремя черточками.[2]

Оба памятника настолько близки к основному типу каменных баб, что их можно было бы рассматривать как один из многих вариантов в общем единого типа, но они имеют также ряд признаков, сближающих их с раннеандроновскими изображениями женщины. Особенно отчетливо это видно на первом — из улуса Верхний Долгий Маяк. Здесь попрежнему изображение помещено в верхней части широкой плиты, изображены волосы и плечи, нет никаких дополнений к человеческому лицу, кроме поперечной линии через нос.

Рассмотренные семь памятников не представляют собой особого сложившегося типа каменных баб. Это еще не выработавшиеся, сильно

---

[1] См.: Аппельгрен Кивало, ук. соч., стр. 9 и рис. 115.
[2] См.: Грязнов, Шнейдер, ук. соч., № 48.

варьирующие, ранние формы основного типа минусинских каменных баб. Это первые опыты по изготовлению монументальных каменных изображений женщины, приведшие в дальнейшем к созданию чрезвычайно своеобразного, многообразного по формам и в то же время единого стилистически, типа минусинских каменных баб эпохи бронзы.

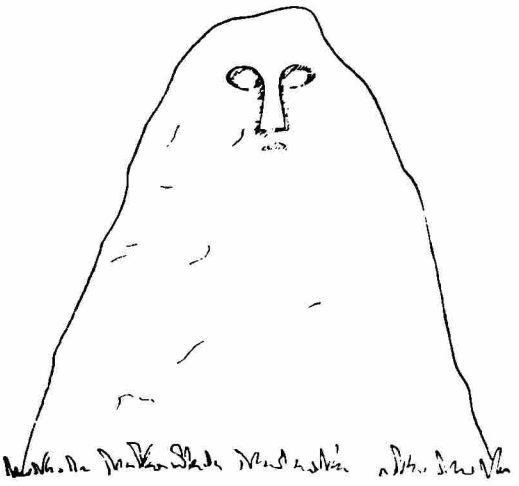


Рис 10. Минусинская каменная баба (точное местонахождение не известно).

Все каменные бабы эпохи бронзы в Минусинских степях принадлежат к одному типу, более ранние формы которого еще не обладают всеми характерными для него чертами или даже совсем их не имеют, как, например, Усть-Есинская Кыс-таш. Эти формы определены нами как ранние на основании близкого сходства их с группой раннеандроновских изображений женщины, в числе которых находится и одна каменная баба — Усть-Есинская Кыс-таш. Теперь, когда более ранние формы каменных баб выделены из общей массы памятников, можно видеть, что и стилистические особенности их подтверждают такое определение. Ранние формы отличаются более или менее искусным воспроизведением женского образа, ничем еще не осложненного, порой наивного в своей простоте и примитивности передачи форм человеческой фигуры, и отсутствием каких-либо установившихся традиций в изобразительных

Рис. 11. Уйбатская Кыс-таш — каменная баба близ улуса Чаркова (Эрмитаж).

приемах. В основной же массе изваяний мы видим характерный сложившийся иконографический образ, почти совершенно утративший прежний реальный облик изображения, в своем изобразительном оформлении сохранивший от полной фигуры женщины или от верхней ее части только лицо, но зато обогащенный многими новыми дополнениями, нам пока непонятными, и образ этот нашел свое внешнее выражение в сложившемся, стилистически едином, но разнообразном по формам, типе памятников.

Если ранние формы каменных баб датируются раннеандроновским временем, то остальные должны принадлежать частью тому же времени, частью последующему периоду истории древних минусинских племен, т. е. времени развитой андроновской культуры. Сейчас мне известно 72 памятника этого типа, распространенных на сравнительно небольшой территории — около 250 км в длину и менее 100 км в ширину (меньше Крыма). Несомненно есть и еще такие же памятники, мною не учтенные. Судя же по тому, что часть памятников, о которых сообщали исследователи XVIII и XIX вв., теперь уже не существует, что уничтожение каменных баб имело место и в древности (примером может служить Знаменская баба, о которой речь будет далее), надо думать, что в свое время количество их было значительно больше (быть может, в несколько раз больше известного нам сейчас).[1] Такое количество монументальных памятников вряд ли могло относиться к короткому промежутку времени. Период их создания должен охватывать несколько столетий, вероятно все время существования андроновской культуры, а может быть, и больше, но не намного, так как уже на 1-м этапе минусинской курганной культуры население пользовалось ими как строительным материалом при сооружении могил, ставило их в качестве простых каменных плит и столбов на могильных оградах, совершенно не считаясь с имеющимися на них, когда-то священными, изображениями, ломало их на куски для устройства стен и покрытия могильной ямы. Особый интерес представляет Знаменская баба, обнаруженная крестьянами в могиле 1-го этапа минусинской курганной культуры. Обследовавший место находки А. В. Адрианов сообщает, что каменная баба была разбита на две части, которые употреблены на устройство покрытия и одной из стен могильной ямы. Но особенно знаменательно то, что эта каменная баба давно уже не почиталась. Еще до того, как она попала в могилу, когда она еще стояла в степи, ею пользовались, забыв о ее

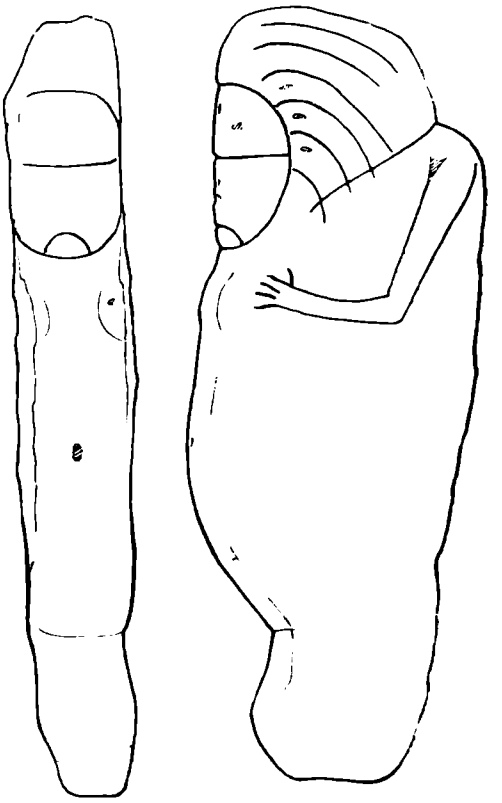


Рис. 12. Уйбатская Кыс-таш (прорись).

[1] По всей вероятности и область распространения минусинских каменных баб была значительно шире. Сейчас она почти точно совпадает с границами Хакасской автономной области, т. е. с областью распространения местного кочевого скотоводческого хозяйства. На правобережье Абакана и Енисея, занятых с начала XVIII в. русскими хлебопашцами, известна только одна каменная баба (с. Кавказское на р. Тубе, см. рис. 20, *1*), сохранившаяся, быть может, только потому, что она лежала на земле, скрытая от взоров растительным покровом. Поскольку другие памятники андроновской, карасукской и других культур в равной мере распространены как на левом, так и на правом берегу Енисея, надо думать, что и каменные бабы были в свое время на обоих берегах, но на правобережье Абакана и Енисея они полностью уничтожены новыми пришельцами с их более развитым хозяйством, переделаны на жернова, фундаменты домов и т. д. (Карту распространения каменных баб см.: Грязнов, Шнейдер, ук. соч., стр. 89). К подобной мысли склонялся и Н. Попов (Н. Попов. О каменных бабах Минусинского края. ИСОРГО, II, № 4, 1871, стр. 62).

первоначальном назначении, как местом, где можно было выбивать так называемые наскальные рисунки, или писаницы. На ее широкой гладкой боковой поверхности выбиты изображения четырехколесной крытой повозки и, повидимому, лошади.[1] Отсюда следует заключить, что в конце кара-

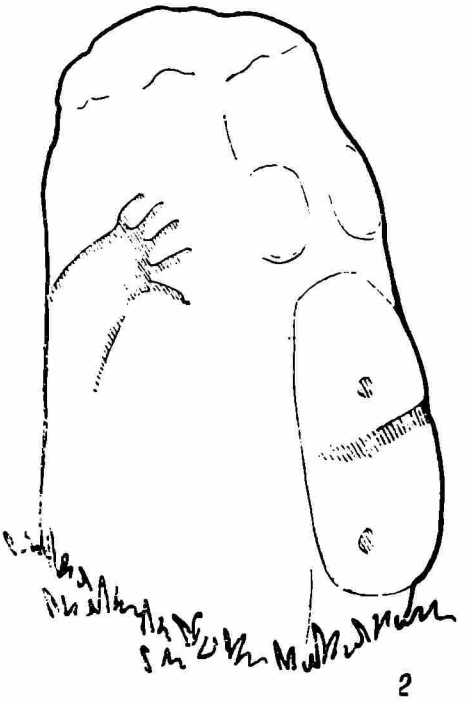


Рис. 13. Корчинская баба — каменная баба близ улуса Корчина на р. Бире.

1 — фото Минусинского музея; *2* — прорись.

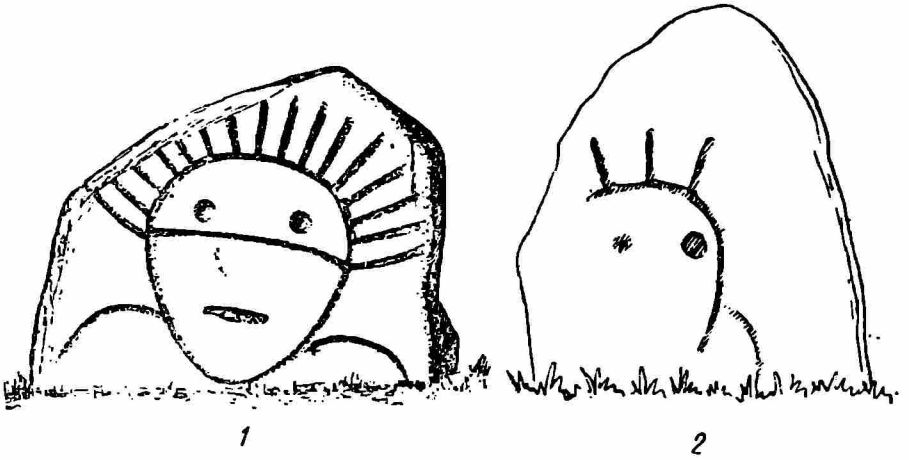


Рис. 14. Минусинские каменные бабы.

1 — близ улуса Верхний Долгий Маяк (в районе р. Ербы); *2* — близ улуса Чаркова на р. Уйбат.

сукской эпохи, а может быть, и с самого ее начала, каменные бабы уже не почитались, следовательно, и не изготовлялись и что время их

[1] См.: Грязнов, Шнейдер, ук. соч., стр. 82. Подробные сведения об условиях находки памятника имеются в архиве ИИМК, дело № 33, 1903 г.

сооружения ограничивалось андроновской культурой и только, быть может, частично — началом карасукской.

Далее, на протяжении ряда столетий, в Минусинских степях каменные бабы не сооружались, и нам не известно ни одного такого памятника, который можно было бы отнести к минусинской курганной культуре.

Наиболее ранними, после всех рассмотренных, следует считать два памятника, известные в литературе под именем «Кижи-таш» и «Улу-Кыс-таш». Они находились на левом берегу р. Абакан между селами Аскыз и Усть-Есь в так называемой Могильной степи.[1] П. С. Паллас видел их здесь в 1772 г. лежавшими на земле друг около друга.[2] Там же и в том же положении их застал Г. И. Спасский в 1818 г.,[3] но через некоторое время они были кем-то перевезены в с. Аскыз и, как сообщает И. Р. Аспелин, поставлены рядом перед церковью.[4] Н. А. Костров в 1854 г. сообщает, что Улу-Кыс-таш стоит против церкви и служит коновязью, а Кижи-таш употреблен в качестве ступени крыльца у купеческого дома.[5] И. Р. Аспелин в 1887 г., найдя Кижи-таш на прежнем месте (ступень крыльца), а Кыс-таш лежавшей на заднем дворе школы, распорядился поставить их у стены Сагайской думы.[6] Дальнейшая судьба памятников не известна.

Эти памятники известны сейчас лишь по описаниям Палласа, Спасского и Аппельгрен-Кивало, а также по несколько фантастичным зарисовкам Спасского[7] и Аспелина.[8] Оба сделаны из песчаника, представляют собой четырехгранные столбообразные плиты высотой около 2 м с высеченными на трех гранях изображениями.

Кижи-таш на лицевой стороне имеет изображение верхней части фигуры человека, на боковых — несколько мелких фигур (рис. 15). На правой стороне камня, по описанию Палласа, представлен натянутый лук с наложенной на него стрелой, а ниже — всадник на коне с копьем в руках, направленным вперед и снабженным на конце трехлопастным флагом. На левой стороне, наверху — такое же копье, ниже — поперечная черта и что-то, напоминающее выворотный сапог, еще ниже — фигура ребенка.

Улу-Кыс-таш также с изображением верхней части фигуры человека (рис. 16). На левой грани камня изображен ряд верблюдов, на правой «безобразная рожа дитяти».[9] На рисунке Спасского показано еще несколько фигур, не отмеченных Палассом, видевшим памятник в лучшем состоянии. Одна из этих фигур, самая нижняя на правой грани,

---

[1] Указания о местонахождении этих памятников, сообщаемые разными авторами, противоречивы. Несомненно лишь, что они находились по соседству с известной Улу-Куртуяк-таш (см.: Грязнов, Шнейдер, ук. соч., № 43), недалеко от большого кургана, видимого из с. Аскыз.

[2] П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, полов. I., СПб., 1788, стр. 501.

[3] См.: Костров, ук. соч., стр. 13.

[4] См.: Аппельгрен-Кивало, ук. соч., стр. 17.

[5] См.: Костров, ук. соч., стр. 73—74.

[6] См.: Аппельгрен-Кивало, ук. соч., стр. 17. За год до этого Д. Н. Клеменц писал, что Улу-Кыс-таш уже не существует (см.: Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск, 1886, стр. 33). Не исключена возможность, что эти интересные памятники еще не совсем погибли, они могут быть найдены и детально изучены.

[7] Григорий Спасский. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и о сходстве некоторых из них с великорусскими. ЗРГО, XII, 1857, табл. I, рис. 4, 5.

[8] См.: Аппельгрен-Кивало, ук. соч., рис. 211, 212.

[9] Паллас, ук. соч., стр. 501.

представляющая верблюда или другое животное, отмечена и на рисунке Аспелина, несомненно, более точном.

Кижи-таш и Улу-Кыс-таш отличаются от всех других каменных изваяний Минусинских степей техникой и сюжетом изображений. Здесь нет ни барельефа, ни линейного рисунка. Судя по сообщению

Рис. 15. Кижи-таш — каменное изваяние близ с. Аскыз.
1 — по Спасскому; *2* — по Аспелину.

Аппельгрен-Кивало и зарисовкам Спасского и Аспелина, на гладких поверхностях камня высечены силуэты изображения путем выемки поверхности камня на 4—5 мм за пределами контуров изображаемых фигур. Для изображений использованы три грани камня. На средней грани, в верхней ее части, помещено крупное изображение человека, а на других боковых — различные мелкие фигуры в виде отдельных рисунков, как будто композиционно не связанных друг с другом и с главным изображением.

По технике изображения Кижи-таш и Улу-Кыс-таш напоминают так называемые «оленные камни» Забайкалья и Монголии,[1] но там углублен рисунок, фоном которому служит гладкая возвышенная плоскость камня, в то время как на наших изваяниях, наоборот, рисунок возвышается

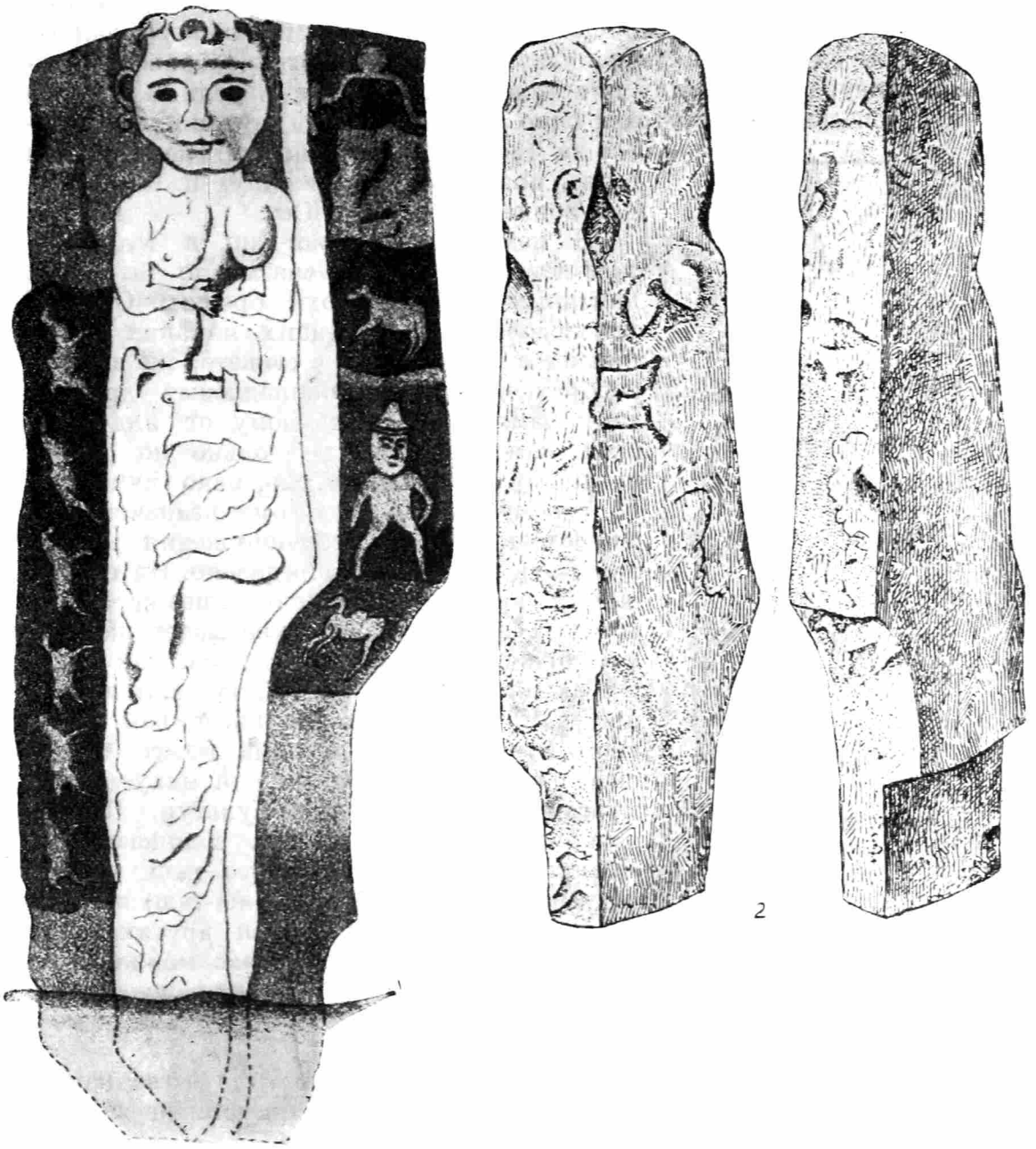


Рис. 16. Улу-Кыс-таш — каменное изваяние близ с. Аскыз.
1 — по Спасскому; *2* — по Аспелину.

на фоне углубленной поверхности камня. Ближайшей аналогией является одно изваяние в Туве с изображением человека с сосудом в руках, сидящего на сложенных «калачиком» ногах, и мелкими изображениями — человек, поразивший стрелой марала, бронзовый котел, другой сосуд,

[1] См.: Труды Орхонской экспедиции. Атлас древностей Монголии, вып. I, табл. IV, рис. 5 и 6. — Д. Клеменц. Отдельная экскурсия в Восточную Монголию. ИАН, 1896, IV, № 1, стр. 46—47.

какая-то птица и еще некоторые непонятные предметы (рис. 17). Здесь совершенно такая же техника изображения, не встреченная более ни на одном другом памятнике в Сибири. Совершенно подобны сюжет и композиция изображений: крупная центральная фигура человека и ряд мелких изображений животных, людей и разных предметов, также охотничьих и боевых сцен. К сожалению, имеющиеся данные во всех трех случаях не позволяют определить, кого изображает центральная фигура — мужчину или женщину. Местные жители (а вслед за ними и Г. Спасский) принимали одно изображение за мужчину, а другое за «девицу», но они же, как увидим ниже, принимали за «девицу» и изображение воина на Черном Юсе.

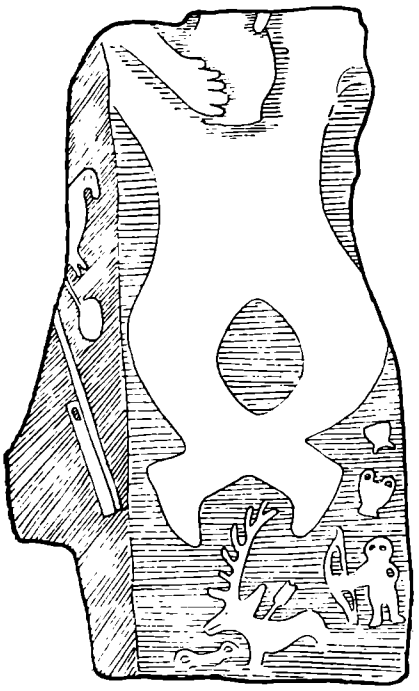


Рис. 17. Каменное изваяние в Туве.

В памятниках Кижи-таш, и Улу-Кыс-таш нет ничего, что связывало бы их с каменными бабами эпохи бронзы. Они не унаследовали от последних никаких традиций ни в технике, ни в сюжете, ни в стиле изображений. Они принадлежат другому типу памятников, отличному от андроновских каменных баб не только по своему внешнему оформлению, но, надо думать, и по своему функциональному назначению и осмыслению. Время их сооружения не может быть пока точно определено. На то, что они по времени значительно позже андроновских каменных баб, указывает наличие в изображениях таких предметов, как копье с трехлопастным флагом (Кижи-таш), известное нам по енисейским писаницам тюркского времени, и бронзовый котел (тувинское изваяние), известный для минусинской курганной и таштыкской культур. По основному изображению они сближаются с каменными бабами тюркского типа такими деталями, как сосуд в руках (тувинское изваяние и Кижи-таш) и положение ног «калачиком» (тувинское изваяние). Не имея других более прочных оснований для датировки этих памятников, сейчас можно ограничиться лишь предположением, что они относятся ко времени около нашей эры или несколько позднее, и считать их ранними формами каменных баб тюркского типа.

Широко распространенные и известные в большом количестве каменные бабы тюркского типа в Минусинских степях представлены всего лишь пятью экземплярами.

Казан-Кыс-таш (девица-камень с сосудом), вероятно, не существующее теперь изваяние (рис. 18). Известно по описаниям Мессершмидта (1722),[1] Миллера и Гмелина (1739),[2] весьма несовершенному рисунку Шишкова (1741)[3] и рисунку Аспелина (1887).[4] Первые исследователи XVIII в. застали его еще стоящим в небольшой лесной долине близ улуса Ошколь, в 7 км от р. Черный Юс. Голова была отбита, но

[1] См.: В. Радлов. Сибирские древности, I, вып. 1, стр. 16.
[2] Там же, I, вып. 3, стр. 92.
[3] Там же, стр. 143. По техническим соображениям воспроизвожу рисунок не Шишкова, а Фалька, который, несомненно, является копией первого (см.: И. П. Фальк, ук. соч., табл. 4, *1*).
[4] См.: Аппельгрен Кивало, ук. соч., стр. 42 и рис. 301.

находилась рядом и ее можно было поставить на место. Спустя почти 150 лет Аспелин нашел изваяние уже на новом месте, в 5 км от прежнего (3 км от улуса Подкамень, по дороге на с. Чебаки). Оно было разбито

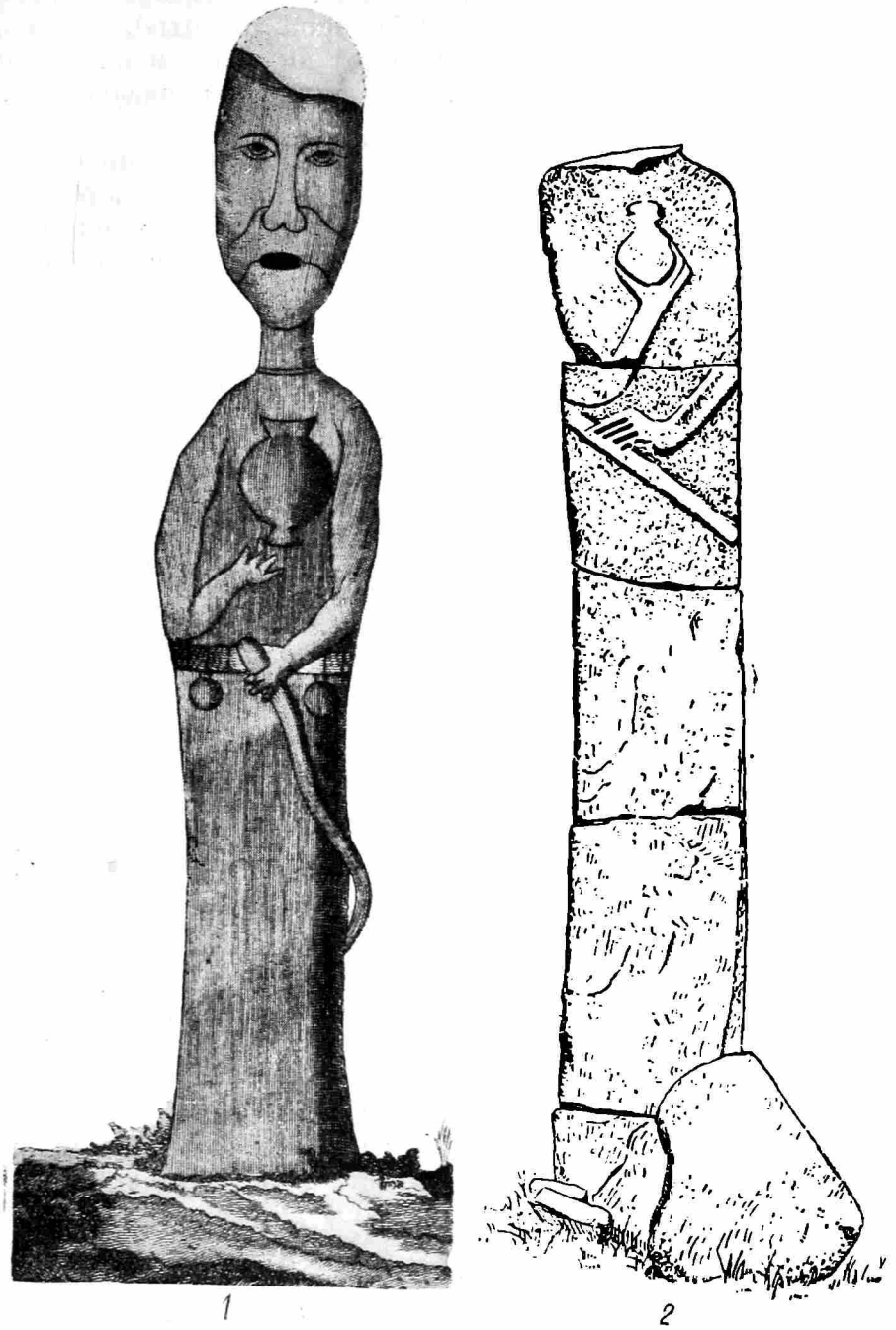


Рис. 18. Казан-Кыс-таш — каменное изваяние на р. Черный Юс, близ улуса Ошколь.

1 — по Фальку; *2* — по Аспелину.

на пять кусков, голова утрачена. Изваяние представляло собой четырехгранный брус из красного песчаника высотой в человеческий рост[1] с поясным изображением человека. Голова, шея и плечи выполнены

[1] Указания размеров различны: Мессершмидт — $5^1/_2$ фут. (168 см), Миллер — $1^3/_4$ арш. (124 см), Гмелин — $^3/_4$ человеческого роста (ок. 120—125 см), Шишков — 135 см, Аспелин — 165 см без головы.

круглой скульптурой, остальное — барельефом на гранях камня. На голове изображена шапка, «над верхней губой. возвышается что-то, похожее на усы» (Миллер и Гмелин).[1] В правой руке у груди маленький сосуд. Левая покоится на мече или сабле. Все авторы XVIII в. отмечают пояс, украшенный бляшками («брацкой работы»), с подвешенным мешочком,[2] но Аспелин об этом не говорит ни слова и на рисунке не показал. Быть может, к его времени, эта деталь изображения была плохо видна.

Туимское изваяние стояло на ровной степи близ р. Туим, но за три года до посещения его местонахождения Миллером было перевезено в Красноярск, причем голова дорогой отломилась и утрачена. По словам Миллера, видевшего памятник в Красноярске, он «изобра-

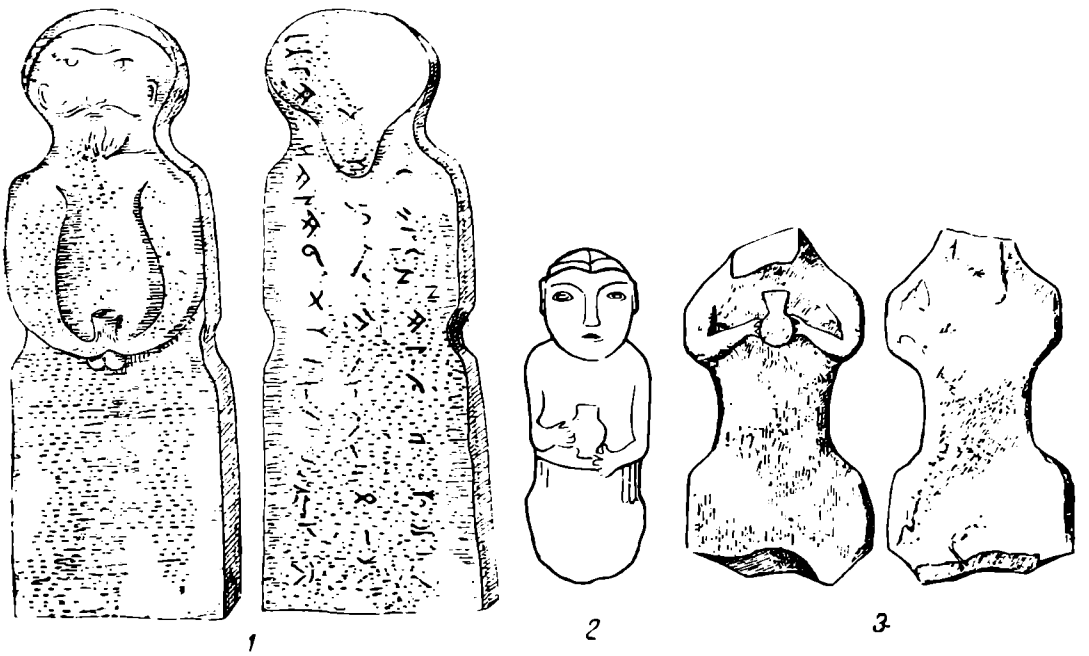


Рис. 19. Каменные изваяния Минусинских степей.

1 — «Богатырь» на р. Тесь, близ дер. Знаменки (по Страленбергу); *2* — на р. Нине, близ с. Синявина; *3* — на р. Аскыз, близ устья р. Базы (по Аспелину).

жает мужскую фигуру, которая, как Хозен-кыс [Казан-Кыс-таш], в правой руке держит перед грудью горшочек, а левой придерживает саблю».[3] Это все, что известно о памятнике. В Красноярске его сейчас нет.

Тесинский «Богатырь», известный со времени Мессершмидта и Страленберга, находился на кургане или рядом с курганом в степи между реками Ербой и Тесью недалеко от дер. Знаменки (рис. 19, *1*).[4] В 1896 г. доставлен по указанию А. В. Адрианова в Минусинский музей, где теперь и хранится.[5] Представляет собой каменную плиту.

---

[1] Мессершмидт говорит, что усы похожи на польские, а борода довольно длинна и редка.

[2] По Мессершмидту и Шишкову, два мешочка — один слева, другой справа.

[3] См.: В. Радлов. Сибирские древности, I, вып. 3, стр. 93.

[4] Не располагая фотографией или хорошей зарисовкой, воспроизвожу старый рисунок Страленберга, дающий далеко не точное, но в общем правильное представление о памятнике.

[5] См. А. В. Адрианов. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае. Изв. Русск. комит. для изуч. Средн. и Восточн. Азии, 1904, № 4, стр. 30.

высотой примерно в человеческий рост, которой лишь в самых общих чертах придана форма человека. Детали фигуры выполнены барельефом. Статуя изображает мужчину с усами и бородой, держащего в руках сосуд. На задней стороне весьма схематично показан свисающий вниз головной убор и вырезана трехстрочная надпись орхонским письмом.

Синявинское изваяние (рис. 19, *2*). Хранится в Минусинском музее, куда доставлено из с. Синявино на р. Нине.[1] Небольшая высеченная из гранита поясная фигура мужчины без усов и бороды, держащего в руках сосуд распространенного в Сибири типа серебряных кубков тюркского времени (может быть, сосуд в правой руке, а левая на поясе — это не вполне ясно). На поясе по обоим бокам свисают ряды вертикальных коротких ремней.[2]

Аскызское изваяние, открытое Аспелином в 1887 г. на р. Аскыз, в 13—14 км от ее устья и в 2.5 км от р. Базы (рис. 19, *3*).[3] Голова отбита и утрачена, повреждена и нижняя часть изваяния. Высота сохранившейся части 109 см. Круглой скульптурой передана фигура человека, держащего у груди в обеих руках небольшой узкогорлый сосуд. На задней стороне изваяния, как и у Тесинского «Богатыря», опускающаяся на спину часть головного убора.

Есть еще указания Кострова на подобного же типа изваяние Кичик-Куртаяк-таш на р. Нине,[4] но от включения его в последнюю группу изваяний лучше пока воздержаться, так как примерно так же описанное Костровым и Пискаревым изваяние близ улуса Патанкова на р. Белый Юс оказалось типичным представителем каменных баб эпохи бронзы.[5]

Последние пять изваяний, несмотря на различия в иконографическом образе, принадлежат к одному типу, являясь лишь различными его вариантами, относящимися, быть может, к различным периодам эпохи существования подобного рода изваяний. Вопрос об их датировке, культурной принадлежности и назначении может быть решен только при детальном изучении всех каменных баб тюркского типа на всей обширной территории их распространения, что не входит в задачи настоящей статьи. Здесь можно ограничиться пока лишь указанием на то, что поздние каменные изваяния тюркского типа, в том числе и ранние их формы (Кижи-таш и Улу-Кыс-таш), по своему сюжету, композиции, технике изображения принадлежат к совсем иному типу памятников, чем минусинские каменные бабы эпохи бронзы, генетически с ними не связаны и, как будто несомненно, являются намогильными памятниками. В Минусинских степях на последнее нет пока определенных указаний, но подобные памятники Монголии и Алтая дают многочисленные достоверные доказательства этого положения.

Поскольку каменные бабы эпохи бронзы представляют особую категорию памятников, ничем не связанную с поздними изваяниями тюркского типа, вопрос об их культурно-историческом значении можно рассматривать независимо от последних. Они относятся и к совершенно иной эпохе.

---

[1] Фоторепродукцию см.: Грязнов, Шнейдер, ук. соч., рис. 11 на стр. 87.

[2] Это изваяние принадлежит характерному типу памятников, распространенных в Туве. Во время печатания настоящей статьи Л. А. Евтюхова сообщила мне, что имевшееся в Минусинском му ее ука ание о происхождении и ваяния ошибочно. Ей удалось установить, что изваяние приве ено в Минусинск не из с. Синявино, а из Тувы. Таким образом, оно должно быть исключено из числа памятников Минусинских степей.

[3] См.: Аппельгрен-Кивало, ук. соч., стр. 18 и рис. 216.

[4] Костров, ук. соч., стр. 74.

[5] Там же, стр. 76. — Пискарев, ук. соч., стр. 217. У Кострова указан улус Ботажаков. Это опечатка, следует читать: Батанаков.

Изваяния тюркского типа появились в эпоху сложения первых государственных образований, а наибольшее их количество принадлежит к периоду, когда оставившие их народы входили в состав различных мощных патриархально-феодальных государств Центральной Азии. Каменные же бабы эпохи бронзы являются памятниками периода первобытнообщинного строя, причем не последней его стадии. Время их ограничивается средней ступенью варварства, еще за несколько веков до перехода древних минусинских племен на следующую, высшую ступень варварства. Это обстоятельство необходимо иметь в виду при решении вопроса о культурной и социальной значимости минусинских каменных баб эпохи бронзы.

Прежде всего следует отметить, что каменные бабы появляются в начале андроновской культуры, когда минусинские племена переживали переломный момент в развитии их социально-экономической жизни. От охотничьего по преимуществу хозяйства афанасьевского этапа, земледелие и скотоводство в котором служили лишь некоторым подспорьем, они перешли к пастушескому продуктивному скотоводству. Мотыжное земледелие и продуктивное скотоводство стали экономической основой хозяйства, а охота и рыболовство заняли второе место по своему значению. Это было не количественное изменение в развитии скотоводства и земледелия, а качественное. Андроновские племена, по сравнению с афанасьевскими, имели не только больше скота и более обширные посевы, но они перешли от содержания одиночных животных при доме ради мяса к разведению стада с выпасом на пастбищах и использованием молока и шерсти животных; перешли, повидимому, от случайных крошечных посевов к систематическому возделыванию, хотя бы и небольших, но уже полей. Стадо и поле давали родовой общине какое-то регулярное обеспечение молочными и растительными продуктами, ставшими основой питания в определенные сезоны года. Такая перемена хозяйственной основы общества нашла яркое отражение в могильных памятниках, а именно, в составе пищи, которой снабжали умерших при их погребении. В афанасьевских погребениях мы находим остатки различной пищи, в том числе часто мясо разных видов домашних и диких животных, в андроновских же, известных в большом количестве, остатки мясной пищи ни разу не встречены, зато всегда обнаруживаются глиняные горшки, часто по нескольку и больших размеров, поставленные, очевидно, с жидкой или полужидкой молочной и растительной пищей. Как и в реальной жизни, ритуальной пищей стала молочно-растительная.

Новые формы скотоводства и земледелия, новая форма всего хозяйства в целом — потребовали и новых форм социальной организации производственных коллективов для обеспечения ряда новых видов трудовой деятельности. Надо было организовать охрану и пастьбу стад, сооружать загоны для скота и ограды для полей, обеспечить военную защиту своих богатств — скота и урожая, которые стали теперь объектом военной добычи. На все эти трудоемкие предприятия потребовалась мобилизация новых сил родового коллектива, в первую очередь мужской силы, потребовалось сохранение и закрепление за родом мужчин. В афанасьевскую эпоху, при матриархальной структуре рода, постоянного мужского ядра в его составе не имелось, так как род систематически терял всех своих мужчин, которые по достижении зрелости уходили в род жены. Находящиеся в роде мужчины-мужья принадлежали другим родам, пришли в него извне и поэтому не были прочно с ним связаны ни узами кровного родства по происхождению, ни экономически. Чтобы сохранить своих мужчин у себя, род должен был обеспечить их женами, что можно

было сделать лишь путем насильственного похищения женщин издалека, ломая тем самым установившиеся веками нормы брачных и родовых отношений. Так возник обычай похищения жен из чужого рода или племени, выразительно засвидетельствованный в андроновскую эпоху так называемыми парными погребениями — с мужчиной хоронили и его жену. Так совершился революционный переход от матриархального рода к патриархальному. Революционный потому, что он протекал не в форме эволюционного процесса путем постепенной трансформации старых форм, приведших их к новым, а представлял собой замену одной формы структуры рода другой, совершенную путем разрушения старых норм и создания новых.

Период формирования и закрепления новой социальной организации патриархального рода и семьи был периодом обострения межродовых и межплеменных отношений, периодом, когда вопросы структуры рода, его личного состава, его экономической и военной силы и мощи приобретали особую остроту. В это время чаще и настойчивее приходилось обращаться к предкам, покровителям рода, прибегать к их помощи, утверждать свое право на их покровительство. Надо было более достойно показать силу и могущество своих покровителей. Естественно ожидать в связи с этим возникновение новых форм внешнего выражения культа предков, покровителей рода. Памятником таких новых внешних форм культа предков и являются минусинские каменные бабы, отнесенные мною к андроновской эпохе.

Представления о предках-родоначальниках в основном, вероятно, остались прежними. Попрежнему род ведет свое начало от женщины-прародительницы. Новым является лишь то, что теперь стали сооружать монументальные каменные изваяния давно уже сложившегося образа женщины-прародительницы, стали воздвигать каменные изображения родового божества. Родовое божество сначала изображалось в виде головы и верхней части фигуры женщины с длинными волосами, помещаемой в верхней части небольшой костяной пластинки (абаканские пластинки), каменного стерженька (Таштыпская фигурка) или на большой каменной плите (Усть-Есинская Кыс-таш). Далее следуют каменные, почти полные, фигуры женщины с руками, грудью и животом (Уйбатская Кыс-таш и Корчинская баба) или схематические графические изображения головы и плеч женщины (каменные бабы улуса Чаркова и Верхнего Долгого Маяка). В обоих последних случаях лицо пересечено горизонтальной чертой. Наконец, вырабатывается окончательно сложившийся тип минусинских древних каменных баб, на которых изображены голова (иногда и грудь) женщины со звериными рогами, ушами и разными непонятными дополнениями, с одной, двумя или тремя поперечными линиями на лице, часто с третьим глазом на лбу, с четырехлучевыми кругами по бокам основного изображения — вероятно, солярные знаки. Это — более полное изобразительное оформление культового образа женщины-прародительницы во всей его сложности. Солярные знаки и третий глаз на лбу указывают на космический характер образа. Зооморфные черты — звериные рога и уши — следует связывать с древними традициями, идущими еще от тотемистических представлений.

Особый интерес представляют каменные бабы с изображением головы зверя наверху, в двух случаях барана (рис. 20, *2* и *3*)[1] и в одном —

[1] Вероятнее всего — это аргали, а не домашний баран, как до сих пор нам представлялось (см.: Грязнов, Шнейдер, ук. соч., стр. 86. — Киселев, ук. соч., стр. 285). Не только в памятниках карасукской эпохи нет изображений домашних животных, но их нет и среди огромного количества изображений зверей времени ранних кочевников, кроме нескольких случаев, где сюжетом изображения являются мифы о легендарных героях.

неопределенного зверя (рис. 20, *1*). Все три памятника обладают всеми характерными признаками минусинских каменных баб и отличаются от них только тем, что верх камня оформлен в виде головы зверя. Следовательно, это обычный, часто воспроизводимый образ, дополненный головой зверя. Здесь надо видеть не два разных культовых изображения, помещенных на одном камне, а одно, представляющее собой единый образ в двух лицах, образ предка-родоначальника. Ведь древние тотемистические представления связывали происхождение рода с тем или иным зверем. Род вел свое начало от зверя, а вместе с тем, и от женщины.

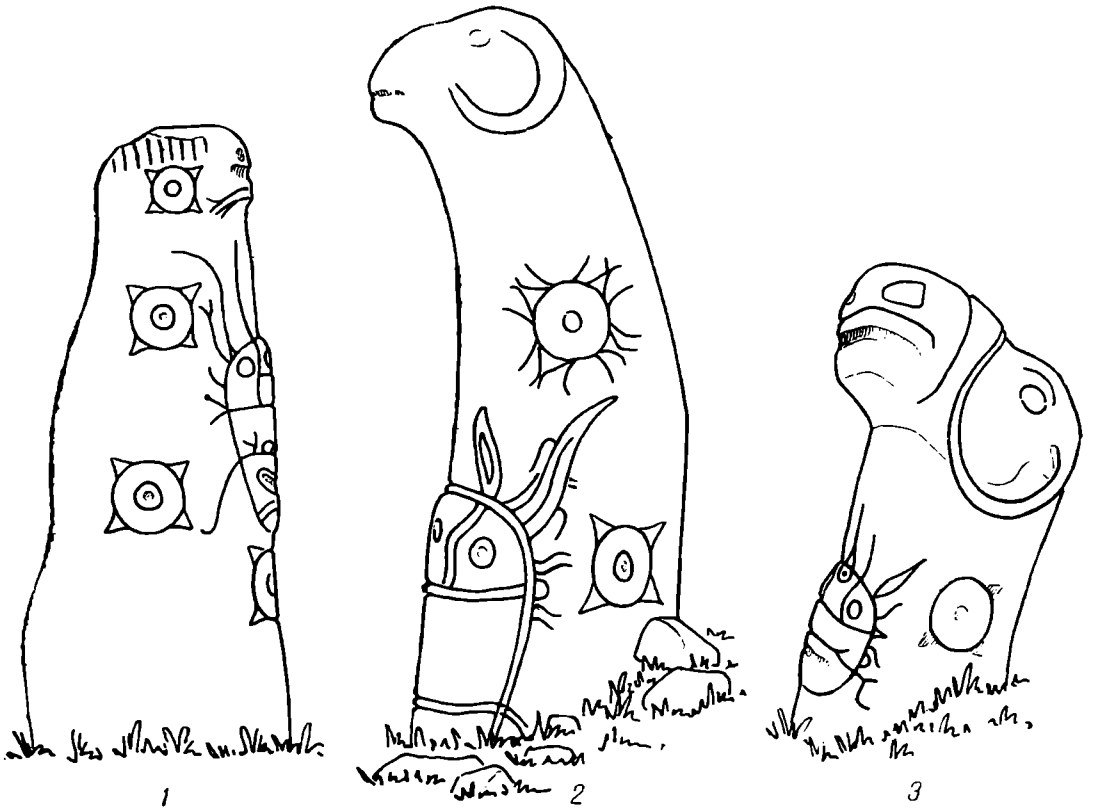


Рис. 20. Минусинские каменные бабы с головой зверя.

1 — на р. Тубе, близ с. Кавказского; *2* — «Чекмакский баран» на р. Бире, близ улуса Усть-Биря; *3* — «Ахмарчинский баран» близ улуса Верхне-Биджинского; *1* и *3* — песчаник; *2* — гранит.

Вот как, например, представляли себе нанайцы (сомагиры) происхождение рода Дзелор. Девушка 18 лет заблудилась в лесу. Ею овладел тигр. Они прожили несколько лет, как муж и жена. От их потомства и произошел род Дзелор, члены которого называют тигра отцом и будто бы могли в прежние времена свободно подходить к нему.[1] Предания о сожительстве девушки со зверем есть и в более близких к Минусинским степям местах, например у кумандинцев и челканцев Алтайского края.

Наиболее же близкой, территориально и хронологически, к интересующим нас памятникам является легенда о происхождении Гаогюй (уйгуров), сохраненная китайской хроникой Бэй-Вэй (386—588 гг.). Согласно этой легенде, у гуннского шаньюя родилось две дочери чрезвычайной красоты. Их считали богинями и потому не выдали замуж, а предоставили небу, поселив их в высоком тереме, в уединении, в необитаемом месте. Спустя четыре года «один старый волк стал денно и нощно

[1] Сообщение Б. А. Васильева.

стеречь терем, почему вырыл себе нору под теремом и не выходил из нее... Меньшая сестра... сошла к волку, вышла замуж за него и родила сына. Потомство от них размножилось, и составилось государство: посему-то люди здесь любят продолжительное пение или воют подобно волкам».[1]

Интересно, что в приведенных легендах предком-родоначальником является не женщина-мать и не женщина вообще, а девушка. Можно указать и другие примеры представлений о матери-деве. Так, от девушки ведут свое происхождение сеоки (роды) Юз и Мундус у алтайцев.[2] Телеуты в образе матери-девы представляют и домашнее божество огня. Обращаясь в своих молитвах к огню, они называют его — «тридцатиголовая огонь-мать, сорокаголовая девица-мать».[3]

Также в образе матери-девы представлялись, повидимому, и родоначальницы древних андроновских племен в Минусинских степях. Характерно, что во всех случаях, когда на андроновских изваяниях показана женская грудь, она изображена в виде двух округлых возвышений, передающих форму девичьей груди, а не кормящей матери. Это очевидно не случайно, так как в первобытном родовом обществе девушка и замужняя женщина-мать принадлежали разным четко разграничиваемым социальным группам, и когда нужно было представить в скульптуре или рисунке женщину-мать, то груди изображались плоскими, отвислыми, что не представляло для художника каких-либо затруднений как при подыскании удачного приема передачи форм, так и в технике изготовления изображения. В первобытном искусстве имеется много таких изображений женщины-матери, начиная еще с палеолитического времени. Укажем лишь один пример таких изображений, когда принадлежность их образу женщины-матери не вызывает сомнений. Это две эскимосские женские статуэтки, вырезанные из моржовой кости и представляющие собой вместилище души умершей женщины. На этих статуэтках грудь изображена в характерной для кормящей матери форме.[4]

Таким образом, каменные бабы с головой зверя наверху надо рассматривать как наиболее полное представление образа родового божества предка-покровителя, единого в двух лицах, состоящего из двух начал — мужского (зверя, наверху) и женского (девы, внизу). В отдельных случаях, в разное время, тот же самый культовый образ родового предка могли изображать то в виде женщины (девы), то — зверя, то — женщины, наделенной признаком зверя, то, наконец, обоих вместе.

Хронологически как будто наблюдается смена этих иконографических образов родового божества. Наиболее ранние изображения представляют верхнюю часть женщины-девы, затем дается почти полная ее фигура, а еще позднее только ее голова, наделенная звериными чертами, и иногда над ней голова зверя.[5] Однако вряд ли это отражает какие-то изменения

---

[1] Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1. СПб., 1851, стр. 248—249.

[2] Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948, стр. 255.

[3] Н. П. Дыренкова. Культ огня у алтайцев и телеут. Сб. МАЭ, VI, 1927, стр. 75.

[4] С. В. Иванов. О значении двух уникальных женских статуэток американских эскимосов. Сб. МАЭ, XI, 1948, стр. 162—170.

[5] Непонятными пока остаются каменные бабы с изображением двух голов — одной, обычного типа, внизу, другой, выполненной барельефом или в круглой скульптуре без каких-либо не свойственных человеку дополнительных черт, вверху (см.: Грязнов и Шнейдер, ук. соч., №№ 39, 40, 42, 43). Только в одном случае оба изображения выполнены совершенно одинаковой техникой и в том же стиле (см. там же, № 54 и наш рис. 2, *4*). Надо думать, что и в этих изображениях верхняя голова представляет собой компонент двуединого образа, но в данном случае это не зверь, а также человек.

в представлениях о божестве-родоначальнике. Вероятнее это развитие только изобразительного выражения одного и того же культово-космического образа. Сначала изображается только одна составная часть двуединого образа — дева, а затем полный образ — дева и зверь, подобно тому, как в более позднее время у ранних кочевников культово-космический образ мифического орла дается то в виде его головы, то полной фигуры, то в виде сцены терзания им животного.

Минусинские степи довольно обширны. В андроновскую эпоху они были населены не одним родом, а несколькими, быть может, несколькими племенами. Отсюда понятно большое количество сохранившихся здесь каменных баб — родовых божеств. Понятно разнообразие их как в смысле стилистических особенностей, так и по особенностям изобразительной техники и иконографическим.

Еще не так давно мы не могли разобраться во всем разнообразии минусинских каменных баб эпохи бронзы. Только новые материалы, ставшие известными за последние полтора десятка лет, и особенно находка 1945 г. в г. Абакане, позволили подойти к решению некоторых основных вопросов по изучению этих замечательных памятников культуры древних племен Минусинских степей. Теперь стало возможным выделить из общей массы памятников их ранние формы, что позволяет исправить, уточнить и обосновать датировку каменных баб. Они относятся не к карасукской эпохе, как это мы считали до сих пор, а к андроновской, начиная с раннеандроновского времени. Появление каменных баб теперь можно связать с определенным моментом в истории развития общественного строя минусинских племен, с периодом ломки матриархального рода и семьи, периодом становления патриархального рода. Последнее позволяет подойти и к правильному решению вопроса о семантике каменных баб. Минусинские каменные бабы андроновского этапа — это памятники культа предков-покровителей, культово-космический образ девы-прародительницы, родовое божество.

Решая так вопрос датировки и назначения каменных баб, мы расширяем наши представления о культуре минусинских племен андроновского этапа — получаем более конкретное освещение их мировоззрения, дополняем картину их социально-экономической жизни, по-новому представляем их изобразительное искусство.

А. А. ИЕССЕН

К ХРОНОЛОГИИ «БОЛЬШИХ КУБАНСКИХ КУРГАНОВ»

I

Проблема хронологии археологических памятников Советского Союза, относящихся к последним 3—4 тысячелетиям до н. э., имеет первостепенное значение для понимания внутренних закономерностей исторического процесса, протекавшего на нашей территории. Между тем, приходится говорить об определенной недостаточности выполненных до настоящего времени в этом направлении работ. Это обстоятельство обусловлено тем, что в первый период развития советской археологии, охватывающий время примерно до 1935 г., основное внимание исследователей было обращено на выяснение стадиальности в развитии культуры на ограниченных пространствах и на вскрытие экономического и социального содержания этих последовательных стадий. Работы эти дали исключительные по своему значению результаты и явились необходимой реакцией молодой советской науки на господствовавшее в буржуазной археологии формально-типологическое изучение вещей, оторванных от создавшей их социальной среды, а также на теорию заимствований и миграций, сводившую на-нет местную, локальную, культурную традицию и преемственность. Таким образом, первым большим результатом развития советской археологической науки, стремившейся в своем понимании явлений прошлого исходить из положений исторического материализма и оплодотворенной выраставшим в теснейшей связи с нею новым учением о языке Н. Я. Марра, оказалась разработка системы относительной последовательности археологических памятников отдельных областей, основанной на выясненной, с большей или меньшей полнотой, смене этапов в развитии общества, оставившего эти памятники.

Работы указанного периода создали для многих районов СССР основу периодизации интересующего нас отрезка исторического развития. Однако с переходом нашей науки к новым задачам, к синтезу полученных результатов, сразу же стало очевидным недостаточное внимание, уделенное вопросам синхронизации памятников, а следовательно, и соответствующих стадий или этапов общественного развития на различных территориях, а также и вопросам их абсолютной датировки. Эти пробелы в нашей работе особенно ярко выступили в 1938—1939 гг., в период подготовки коллективом советских археологов I тома академической «Истории СССР», в изданном варианте которого вопросы синхронизации культур и абсолютной хронологии (повторяем: для IV—I тысячелетий до н. э.) нашли явно недостаточное освещение и решались во многих случаях наспех.[1] За истекшие с тех пор годы состояние этой

[1] История СССР, I, ч. 1—2, М.—Л., 1939 (на правах рукописи).

большой проблемы пока еще мало изменилось, и мы сейчас вынуждены считаться с фактом недостаточной ее разработки.

Между тем перед советскими археологами стоит важнейшая задача — разработать свою систему не только относительной, но и абсолютной хронологии, независимую от хронологии западноевропейской, сложившейся на основе синхронизмов с культурами Средиземноморья и, в конечном счете, Египта. Нашей задачей является дать свое построение, для которого мы располагаем возможностью итти разными путями — путем синхронизации памятников Украины с эгейскими и малоазийскими, памятников Кавказа — с малоазийскими, месопотамскими и иранскими, а со временем, по мере накопления материала, также и памятников Средней Азии — с иранскими и индийскими.[1] Возможности для такой работы в значительной степени возросли благодаря росту археологической изученности Передней Азии, достигнутому за 1918—1939 гг. и совершенно по-новому осветившему историю этих стран и ее хронологию на последних этапах развития первобытного общества и в эпоху существования государств Древнего Востока.

Выполнение указанной задачи не может, конечно, быть осуществлено сразу; оно, несомненно, потребует длительной работы многих исследователей; несомненно также, что во многих случаях мы столкнемся с недостаточностью наших источников. Но все эти затруднения не могут и не должны препятствовать разработке хронологической проблемы, без которой мы не сумеем получить вполне отчетливого представления о конкретном историческом развитии древнего населения нашей страны. Для этой проблемы значение южных областей исключительно велико, так как только через них мы можем связать наши памятники со все более уточняемой абсолютной хронологией Древнего Востока, опирающейся на датируемые древнеписьменные источники.

Нижеследующие страницы посвящены посильному освещению одного из частных вопросов намеченного круга, вопроса, в настоящее время подвергающегося дискуссии и в то же время имеющего большое значение для понимания истории всего нашего юга. Я имею в виду вопрос о датировке так называемых «больших кубанских курганов», в том числе и наиболее известного и богатого из них — кургана Майкопского, раскопанного Н. И. Веселовским в 1897 г. Эти курганы, представляющие одно из наиболее ярких явлений среди памятников медно-бронзового века нашей страны, давно уже привлекли внимание исследователей богатством и своеобразием погребального обряда и обилием вещественного инвентаря.

Памятники этой группы, впервые объединенные под названием «больших кубанских курганов» А. М. Тальгреном в 1911 г.,[2] затем в последующих работах были выделены как ранняя группа известных на Северном Кавказе курганных погребений медно-бронзового века. Такой точки зрения придерживался М. И. Ростовцев, датировавший группу курганов Майкопа и ст. Новосвободной (б. Царской станицы), а также и Старомышастовский клад ранее известного кургана Ульского аула, исследованного в 1909 г. и давшего серию алебастровых и глиняных женских

---

[1] Наряду с этими путями весьма желательна и разработка независимой от письменных источников абсолютной хронологии, основанной на исследовании естественной среды, как, например, ленточных глин. Эта геохронологическая методика пока у нас не получила заметного применения, возможного, к тому же, далеко не везде.

[2] A. M. Tallgren. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. SMYA, XXV Хельсинки, 1911, стр. 88—90 и 200—204. (В группу включены: Майкопский курган, курган станицы Костромской и курганы станицы Царской).

статуэток.[1] Так же определял их положение и А. М. Тальгрен в 1926 г.[2]

Наконец, А. В. Шмидт в 1929 г. дал первую попытку общей периодизации курганных памятников доскифского времени на Кубани, расчленив их на три последовательные группы — раннекубанскую, среднекубанскую и позднекубанскую.[3] В первую из них были включены курганы ст. Новосвободной (б. Царской), Майкопский, Костромской. а также Андрюковский (1896 г., № 6), Псебайский, Воздвиженский и основное погребение Келермесского кургана № 3 (1904).

В последующие годы (1929—1934) развернулись археологические исследования ГАИМК в Кабарде, давшие новые основания для периодизации северо-кавказской культуры эпохи неолита, меди и бронзы, уже с привлечением не только погребальных памятников, но отчасти и древних поселений. Результатом этих работ явилась схема трех стадий, предложенная А. А. Миллером,[4] из которых вторая обнимает собой время северо-кавказского медного века, соответствуя, по нашим представлениям, раннекубанской и среднекубанской группам А. В. Шмидта. Такое сопоставление было проведено, хотя и без полной аргументации, в моих работах, посвященных древней металлургии Кавказа[5] и археологическим памятникам Кабарды.[6] Сходных взглядов придерживается и ряд других авторов.[7]

Однако за последнее время выявилась иная точка зрения на хронологическое положение «больших кубанских курганов». Основным выразителем ее стал покойный Б. Е. Деген-Ковалевский, давший развернутое изложение своих взглядов в большом докладе, сделанном им 2 II 1939 г. в ИИМК, но, к сожалению, напечатанном лишь в виде краткого реферата.[8] По мнению этого исследователя, предложенные относительные датировки рассматриваемой группы памятников неправильны и «большие кубанские курганы» должны быть относимы не к начальным, а к завершающему этапу северо-кавказского «энеолита», под каковым он понимает в основном среднекубанскую группу схемы А. В. Шмидта. Допуская, что крайние памятники группы «больших курганов» «разделены значительным промежутком времени», автор ставит их между более ранней, по его мнению, «среднекубанской группой» А. В. Шмидта, с одной стороны, и непосредственно предскифской эпохой VIII—VII вв. до н. э., с другой. Основанием для такой коренной перестановки для Б. Е. Деген-Ковалевского явились следующие соображения:

1) «Состав памятников, условно именуемых „большими кубанскими курганами", не дает достаточных предпосылок, социальных и материаль-

---

[1] M. Rostovzev. L'âge du cuivre dans le Caucase septentrional. RA, XII, июль—октябрь, 1920, стр. 1—13.

[2] A. M. Tallgren. La Pontide préscythique. ESA, II. Хельсинки, 1926, стр. 80—85.

[3] A. V. Schmidt. Die Kurgane der Staniča Konstantinovskaja. ESA, IV, Хельсинки, 1929, стр. 9—21.

[4] А. А. Миллер. Работы Северо-кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. ПИМК, 1933, № 1/2, стр. 47—51.

[5] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 77—92.

[6] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА СССР, № 3, 1941, стр. 15—19.

[7] Например: Fr. Hančar. Urgeschichte Kaukasiens. Вена, 1937, стр. 371, 379 и 339. — Тальгрен в последних своих работах (например ESA, IX, 1934, стр. 32) сомневается в хронологическом значении периодизации Шмидта, полагая, что выделенные последним группы являются социальными или этнографическими в пределах одного исторического периода.

[8] Б. Е. Деген-Ковалевский. Проблема датировки «больших кубанских курганов». КСИИМК, II, 1939, стр. 14—17.

ных, из которых могли бы сложиться культуры северо-кавказского энеолита».

2) «Культура „больших кубанских курганов“ по весьма существенным и многочисленным как социальным, так и материальным темам представляет собой полное развитие элементов, зародившихся и постепенно нараставших в процессе развития северо-кавказского энеолита, а с другой стороны, все существенные элементы этой культуры выказывают теснейшие генетические связи с более поздними бронзовыми и раннежелезными культурами и больше всего со скифскими памятниками“.

Над развитием и обоснованием этих своих взглядов Б. Е. Деген-Ковалевский трудился до последних дней своей жизни, оставив большую начатую им работу почти завершенной. В самое последнее время с поддержкой этих взглядов выступил М. И. Артамонов,[1] дополнивший аргументацию Б. Е. Деген-Ковалевского рядом соображений, основанных на изучении инвентаря погребения 3-го Разменного кургана у ст. Костромской (раскопанного Н. И. Веселовским в 1897 г.), относимого им к VII или, может быть, к VIII в. до н. э.

Таким образом, в работах двух последних авторов оказалась опрокинутой не только колебавшаяся у разных исследователей абсолютная датировка «больших кубанских курганов», но и, казалось бы, уже установившееся относительное их хронологическое положение в ряду памятников Северного Кавказа.

Последнее обстоятельство и вынуждает нас вернуться к рассмотрению оказавшегося дискуссионным вопроса с целью проверки имеющихся двух точек зрения.

Резюмируя сказанное выше, мы должны признать, что эти взгляды по существу непримиримы. Если по одному из них рассматриваемые памятники следует относить к начальным этапам медно-бронзового века на Кавказе, то представители другого относят их к предскифскому времени, т. е. к самому концу эпохи меди и бронзы. Абсолютная датировка у представителей первой группы колеблется от конца IV тысячелетия (Чайльд, Контено и другие) примерно до 1500 г. до н. э., причем большинство авторов, специально занимавшихся вопросом, относит их к III тысячелетию (Ростовцев, Шмидт), к рубежу III и II тысячелетий (Иессен, Ганчар) или к первой половине II тысячелетия (Тальгрен). Ко II тысячелетию без более точного определения относил Майкопский курган и Б. В. Фармаковский, не привлекавший в своем исследовании других памятников медно-бронзового века Северного Кавказа.[2] Представители противоположной точки зрения (Деген-Ковалевский, Артамонов) определяют возраст «больших курганов» в пределах от последних столетий II тысячелетия до VII в. до н. э.

Вследствие необходимости быть кратким, я остановлюсь только на двух вопросах, обратив, во-первых, основное внимание на относительную хронологию «больших кубанских курганов» среди памятников Северного Кавказа и приведя, во-вторых, некоторые соображения по вопросу об абсолютной их датировке.

Однако, прежде чем переходить к основному вопросу, необходимо отвести приводимые в пользу поздней датировки ссылки на первоначальные определения Майкопского кургана VIII—VII вв. до н. э., данные Н. И. Веселовским, Д. Я. Самоквасовым и Я. И. Смирновым.

---

[1] М. И. Артамонов. Третий Разменный курган у ст. Костромской. СА, X, 1948, стр. 161—182.

[2] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, вып. 34, 1914, стр. 51 и 76.

Из контекста соответствующих мест совершенно ясно вытекает, что перечисленные авторы при своих определениях имели в виду подчеркнуть лишь «доскифский» характер Майкопского кургана, его бо́льшую древность по сравнению с раннескифскими памятниками VI в. до н. э., характеризуемыми появлением в археологических комплексах первых импортных греческих вещей. Ни один из этих авторов не задавался целью (а по состоянию источников в то время и не мог ею задаваться) определить положение Майкопского кургана по отношению к другим памятникам доскифского времени, как это впервые сделали А. М. Тальгрен (1911) и Б. В. Фармаковский (1914). Достаточно указать, что Д. Я. Самоквасов весь медно-бронзовый век нашего юга включал в свою «скитскую» эпоху и датировал его VII в. до н. э.[1] Естественно, что и Майкопский курган не мог у него получить более ранней даты. Н. И. Веселовский после раскопок в Майкопе в первом докладе в Петербургском археологическом институте «на основании отсутствия в могильнике железа и стекла, предполагает, что разрытый курган может быть отнесен не ближе, как к VII веку до Р. Х.».[2] Я. И. Смирнов специально оговаривается, что «в ожидании заключений занимающихся этим вопросом лиц мы отнесли бы Майкопские сосуды веку к VIII до Р. Х.»; основанием для него было предположение, что среди исследованных им сосудов из драгоценного металла «древнейшими являются несомненно те, где видно влияние Месопотамии . ; проводником его было, вероятно, Ванское царство».[3] К этой группе отнесены в первую очередь сосуды из Майкопского кургана.

Следовательно, ни в одном из первых определений возраста Майкопского кургана не приведено никаких соображений в пользу специальной его связи именно с памятниками VIII—VII вв. до н. э.

Таким образом, оценки названных авторов не являются аргументом, подкрепляющим точку зрения Б. Е. Деген-Ковалевского и М. И. Артамонова, в своих основаниях не имеющую ничего общего с ними, кроме признаваемого всеми археологами без исключения доскифского возраста Майкопского погребения и всей группы «больших курганов» Прикубанья.

В настоящее время, после многолетних работ советских археологов на Кавказе, мы, как мне кажется, уже можем более точно определить хронологическую позицию интересующей нас группы памятников. При этом возможны три независимых друг от друга пути исследования, а именно: 1) учет стратиграфических наблюдений, 2) изучение вещественного инвентаря соответствующих памятников и его типологии и 3) стилистический анализ принадлежащих к данным комплексам произведений искусства.

Обращаясь к этим сопоставлениям, следует иметь в виду, что нас в данной связи интересуют не одни только так называемые «большие курганы», давшие наиболее богатые археологические комплексы, но и все памятники соответствующего времени, синхронные с ними. Учи-

---

[1] «Содержание древнейших могил скитской эпохи занимает переходную ступень от каменной — киммерийской и бронзовой — скитской культуры к железной культуре народов юго-западной Азии, входивших в состав племен Ассирийского царства второй половины VII в. до Р. Х.; это могилы VI в. до Р. Х., содержащие в себе одновременно бытовые изделия трех культур, столкнувшихся в надпонтийских областях конца VII в. до Р. Х.: каменной — киммерийской, бронзовой — скитской и железной — ассирийской». Перечисление, следующее затем, начинается с Майкопского кургана и курганов Царской станицы. См.: Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 66.

[2] Заметка в журнале «Археологические известия и заметки», VI, 1898, № 2, стр. 76; № 3/4, стр. 136.

[3] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, стр.

тывая и погребения, давшие только единичные вещественные находки, и совсем немногие известные нам древние поселения, можно значительно расширить состав памятников соответствующей группы, причем в число их войдут не только курганы Прикубанья, но и некоторые погребения Пятигорья и Кабарды, а также поселения в районе Нальчика и Геленджика. Такой расширенный состав мною рассматривался как ранняя группа памятников медно-бронзового века Северного Кавказа, соответствующая «раннекубанской» группе А. В. Шмидта.[1] С подобным же расширенным составом оперирует и Б. Е. Деген-Ковалевский.[2]

Несомненно, что совокупность всех этих памятников в целом характеризует собой особый этап в развитии культуры Северного Кавказа или его определенной части. В то же время бесспорно, что вся эта группа не представляет собой полного единства. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, ряд памятников примыкает непосредственно к Майкопскому кургану, тогда как другие группируются около курганов Новосвободной станицы. К такому двучленному делению М. И. Артамонов добавляет в качестве позднейшего 3-й Разменный курган у ст. Костромской,[3] а Ф. Ганчар в третью позднейшую подгруппу выделяет погребение в насыпи кургана ст. Воздвиженской.[4]

Соотношение подгрупп Майкопа и Новосвободной впервые было рассмотрено А. В. Шмидтом, отнесшим курганы Новосвободной примерно к 3000 году до н. э. (на основании аналогий с «царским» могильником Ура), а Майкопский и Костромской курганы — приблизительно к 2500 году до н. э.[5] Мною было предложено обратное соотношение курганов Майкопского и Новосвободной и более поздняя их датировка — концом III и началом II тысячелетий до н. э.,[6] принятая и Ф. Ганчаром.[7]

Не считая погребений, не давших вещественных находок, а также единичных предметов, не связанных с каким-либо комплексом и поэтому не имеющих существенного значения для хронологических исследований, мы сейчас можем перечислить следующие памятники на Северном Кавказе, которые должно отнести к расширенной в указанном смысле группе «больших кубанских курганов».

1. Майкопский курган 1897 г., с двумя погребениями, основным и впускным.[8]

2. Участок Зиссермана близ ст. Тбилисской. Основное погребение кургана № 3, исследованного Н. И. Веселовским в 1900 г.[9]

3. Там же, основное погребение кургана № 4.[10]

4. Казанская станица. Основное погребение кургана № 1, или А, исследованного Н. И. Веселовским в 1900 и 1901 гг.[11]

5. Армавир. Часть погребений кургана № 4, раскопанного Н. И. Веселовским в 1902 г.; материал сохранился не полностью.[12]

---

[1] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 81—86. — Он же. Археологические памятники Кабардино-Балкарии, стр. 16—19.

[2] Б. Е. Деген-Ковалевский, ук. соч., стр. 15—16.

[3] М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 183—184.

[4] Fr. Hančar, ук. соч., стр. 379.

[5] A. V. Schmidt, ук. соч., стр. 19—20.

[6] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 81.

[7] Fr. Hančar, ук. соч., стр. 339, 415.

[8] ОАК, 1897, стр. 2—11. — Б. В. Фармаковский, ук. соч., стр. 50—76. — Архив ИИМК, фонд 1, дело 1896/204; (все указанные в последующих ссылках дела относятся к фонду 1 (Археологической комиссии) Архива ИИМК.

[9] ОАК, 1900, стр. 42. — Дело 1900/16.

[10] ОАК, 1900, стр. 43. — Дело 1900/16.

[11] ОАК, 1901, стр. 67. — Дело 1900/16 и 1901/103.

[12] ОАК, 1902, стр. 88—89. — Дело 1902/93.

6. Нальчик. Курган в «садках» 1922 г.[1]

7. Там же. Курган в «садках» 1928 г.[2]

Все эти памятники примыкают непосредственно к Майкопскому кургану. Близки к нему и, скорее всего, должны быть отнесены к той же подгруппе еще:

8. Клад из станицы Старомышастовской, найденный в 1897 г.[3]

9. Разрушенное погребение в кургане близ Майкопа, доследованное Н. И. Веселовским в 1906 г.[4]

10. Доследованное Н. И. Веселовским в 1907 г. погребение в первом (по рукописному отчету — четвертом) кургане близ Белореченской станицы.[5]

11. Станица Горячеводская близ Пятигорска. Большой курган. Находки сделаны в 1930 г. при полухищнических раскопках и поступили в Пятигорский музей.

К подгруппе курганов станицы Новосвободной можно отнести следующие памятники:

1. Новосвободная (б. Царская)[6] станица. Курган № 1, исследованный Н. И. Веселовским в 1898 г.[7]

2. Там же, курган № 2.[8]

3. Апшеронская станица. Комплекс вещей, найденных в 1910 г. (Эрмитаж).

4. Каменномостская станица на р. Белой. Комплекс вещей в Майкопском музее.

5. Махошевская станица. Курган, хищнически раскопанный в 1904 г. (Майкопский музей).[9]

6. Ярославская станица. Погребение, вскрытое хищнически в 1910 г.[10]

7. Андрюковская станица. Основное погребение кургана № 6, исследованного Н. И. Веселовским в 1896 г.[11]

8. Псебайская станица. Погребение в кургане, исследованном Н. И. Веселовским в 1895 г.[12]

9. Келермесская станица. Основное погребение в кургане № 3, раскопанном Н. И. Веселовским в 1904 г.[13]

10. Воздвиженская станица. Два погребения в кургане, исследованном в 1899 г. Н. И. Веселовским.[14]

11. Тимошевская станица. Курганное погребение, случайно обнаруженное в 1926 г. (Краснодарский музей).

12. Село Летницкое. Курганное погребение, исследованное в 1898 г. С. А. Соловьевым.[15]

---

[1] МИА СССР, № 3, стр. 17—18.
[2] Там же.
[3] ОАК, 1897, стр. 64—65. — Дело 1897/85.
[4] ОАК, 1906, стр. 104—105. — Дело 1906/52.
[5] ОАК, 1907, стр. 86. — Дело 1907/2.
[6] Бывшая Царская станица, теперь Новосвободная, во многих работах А. М. Тальгрена ошибочно именовалась «Царевской». В последних работах Б. А. Куфтина (К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 35; Раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 12) она опять ошибочно именуется Пролетарской. Пролетарская станица находится в Ростовской обл., — это бывшая станица Великокняжеская.
[7] ОАК, 1898, стр. 33—35. — Дело 1898/60.
[8] ОАК, 1898, стр. 35—38.— Дело 1898/60.
[9] ИГАИМК, вып. 120, стр. 83—84.
[10] ИАК, приб. к вып. 37, стр. 154—155.
[11] ОАК, 1896, стр. 54. — Дело 1896/52.
[12] ОАК, 1895, стр. 134. — Дело 1895/93.
[13] ОАК, 1904, стр. 95. — Дело 1904/85.
[14] ОАК, 1899, стр. 43—47. — Дело 1899/96.
[15] ОАК, 1898, стр. 53—54. — Дело 1898/178.

13. Долинское поселение близ Нальчика, исследованное в 1930—1933 гг. Северо-кавказской экспедицией ГАИМК. Поздний комплекс; основной комплекс относится к более раннему времени, чем подгруппа Новосвободной.[1]

14. Бывший Майкопский отдел. Доставленные Н. Н. Ерамовым в 1914 г. в Исторический музей в Москве вещи (медные долото и тесло), найденные вместе в одном погребении.[2]

Кроме перечисленных, ряд памятников, принадлежащих к той же группе «больших курганов», не может быть бесспорным образом отнесен к одной из двух указанных подгрупп. Сюда относятся:

1. Костромская станица. Курган № 3 (по рукописному отчету Н. И. Веселовского) или второй (по ОАК) в группе «Разменных» курганов, исследованный в 1897 г.[3]

2. Соломенка близ Нальчика. Курган, случайно раскопанный в 1926 г.[4]

Наконец, можно упомянуть памятники, принадлежность которых к рассматриваемой группе вероятна, как, например:

3. Погребение у станицы Раевской, исследованное в 1886 г. В. И. Сизовым.[5]

4. Западнее станицы Варениковской. Основное, ограбленное погребение в исследованном В. Г. Тизенгаузеном в 1878 г. кургане к юго-востоку от Семибратних курганов.[6]

5. Саратовская станица. Основное погребение в кургане, раскопанном в 1935 г. Н. А. Захаровым.[7]

6. Ульский аул. Основное, ограбленное погребение в кургане хут. Штурбина, исследованном Н. И. Веселовским в 1899 г.[8]

7. Следы древнего поселения, обнаруженные в 1912 г. В. Саханевым при раскопках ранне-средневекового могильника в Борисове, западнее Геленджика.[9]

8. Одно или несколько поселений в ближайших окрестностях Геленджика (на северном берегу бухты); материал, собранный местными работниками, остался неопубликованным.

9. Стоянка Бочаров Ручей у Мамайки близ Сочи, открытая А. П. Красновым в 1941 г. (Сочинский музей).

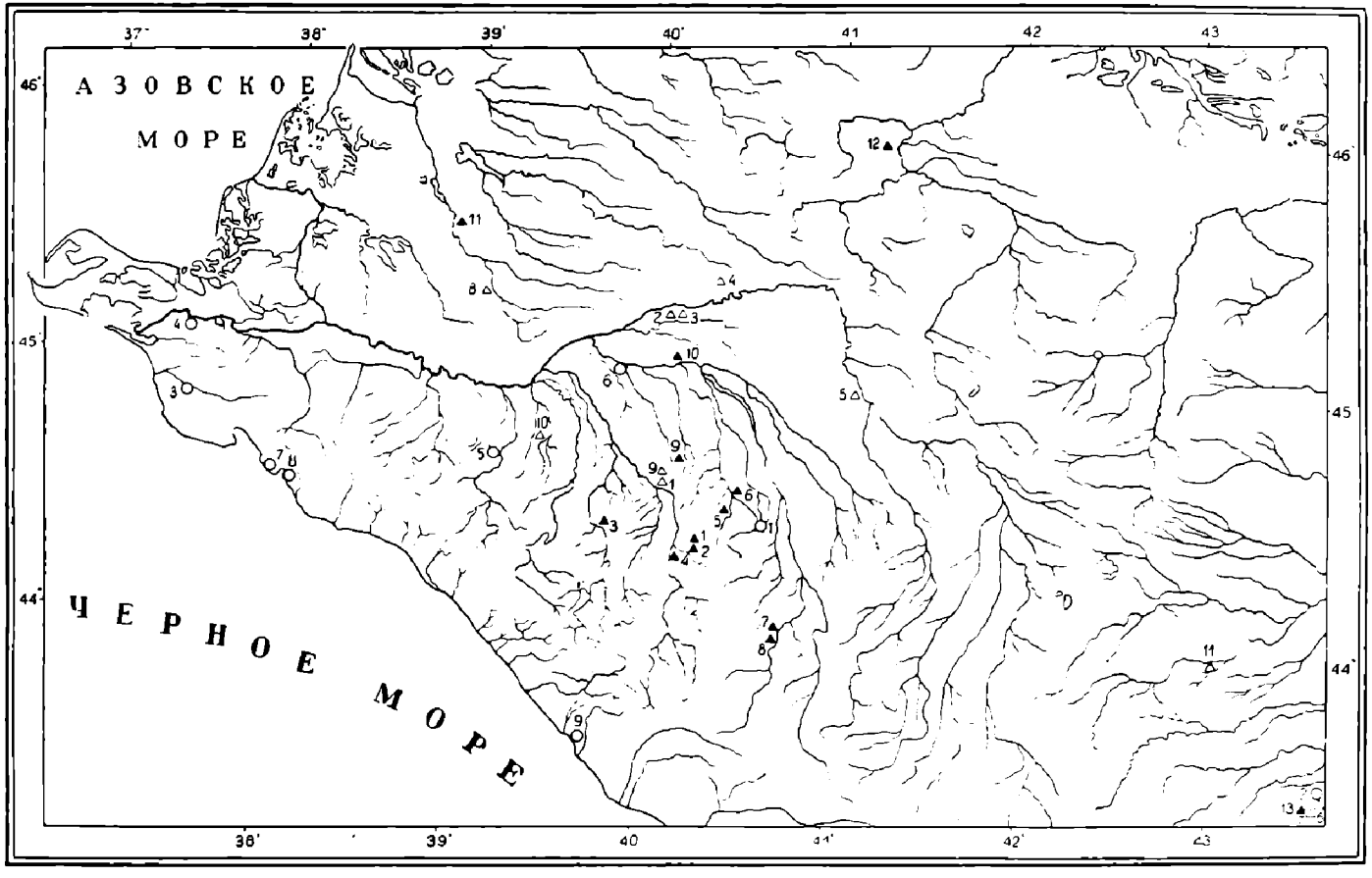
Перечислять здесь другие памятники, имеющие отдельные вещественные аналогии с разбираемой нами группой, при явной их общей принадлежности к иной культуре, нет надобности.

II

Основным и решающим как для определения относительного положения рассматриваемой группы в целом в ряду других памятников Северного Кавказа, так и для хронологического расчленения ее самой является накопление точных стратиграфических наблюдений. В этом отношении наиболее показательна была бы стратиграфия соответствующих многослойных древних поселений, которые, однако, пока еще,

---

[1] МИА СССР, № 3, стр. 147—211.
[2] Отчет Росс. историч. музея за 1914 г., М., 1916, стр. 8.
[3] ОАК, 1897, стр. 15—16. — Дело 1896/204.— М. И. Артамонов, ук. соч.
[4] МИА СССР, № 3, стр. 193—196 и 212.
[5] МАК, II, стр. 94—97.
[6] ОАК, 1878/79, стр. VI—VII. — Дело 1875/3.
[7] СА, III, 1937, стр. 227—228.
[8] ОАК, 1899, стр. 41—42. — Дело 1899/96.
[9] ИАК, вып. 56, стр. 122; находки хранятся в Эрмитаже.



КАРТА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ГРУППЫ «БОЛЬШИХ КУБАНСКИХ КУРГАНОВ».

△ — Курганные погребения и находки подгруппы Майкопского кургана.

1 — Майкоп 1897 г.; *2* и *3* — участок Зиссермана; *4* — Казанская; *5* — Армавир; *6* и *7* — Нальчик; *8* — Старомышастовский клад; *9* — Майкоп 1906 г.; *10* — Белореченская; *11* — Горячеводская.

▲ — Курганные погребения и находки подгруппы станицы Новосвободной.

1 и *2* — Новосвободная; *3* — Апшеронская; *4* — Каменномостская; *5* — Махошевская; *6* — Ярославская; *7* — Андрюковская, *8* — Псебайская; *9* — Келермесская; *10* — Воздвиженская; *11* — Тимошевская; *12* — Летницкое; *13* — Долинское поселение; (*14* — Майкопский округ — на карте не показано).

о — Памятники, не отнесенные к одной из двух подгрупп.

1 — Костромская; *2* — Соломенка; *3* — Раевская; *4* — курган около Семибратних курганов; *5* — Саратовская; *6* — хутор Штурбина; *7* — Борисово (поселение); *8* — Геленджик (поселение); *9* — Бочаров Ручей (поселение).

за единственным исключением поселения в Долинском близ Нальчика, не подвергались научным раскопкам. Что же касается стратиграфии в многомогильных курганах, то приходится признать, что при раскопках их в дореволюционное время, особенно при раскопках Н. И. Веселовского, множество относящихся сюда наблюдений совершенно несомненно остались не зафиксированными и для нас утрачены. Мы с доверием можем относиться только к указаниям Н. И. Веселовского на первичные основные погребения в том или ином кургане и на впускной характер других погребений. Все же даже при такой ограниченной пригодности для наших целей старых отчетов о раскопках мы путем их анализа можем притти к некоторым выводам по поставленному вопросу.

Наиболее показательны и бесспорны в этом отношении следующие факты.

1) В самом Майкопском кургане, под насыпью которого находилась могильная яма с основным богатейшим погребением, обнаружено было впущенное в насыпь, следовательно несомненно более позднее, погребение, содержавшее при, повидимому скорченном, костяке плоский медный черенковый нож (табл., *II*, *3*) и серебряное спиральное кольцо, к сожалению, не зафиксированное ни в рисунке, ни в фотографии и не переданное в музей. Кроме того, в погребении обнаружена красная краска.[1] Нож близок к ножам из двух курганов у ст. Новосвободной и отличается от бесчеренкового ножа основного погребения Майкопского кургана. Это обстоятельство послужило мне одним из оснований считать основное погребение Майкопского кургана более древним, чем погребения в подкурганных дольменах Новосвободной станицы.

Далее следует остановиться на некоторых наблюдениях, сделанных Н. И. Веселовским при раскопке ряда других из перечисленных выше кубанских курганов.

2) В кургане № 3 на участке Зиссермана близ ст. Тбилисской основное материковое погребение было ограблено, но в нем найден красный глиняный горшок, совершенно совпадающий с сосудами Майкопского кургана. Более позднее впускное погребение, лежавшее головой на юг, сопровождалось плоским медным ножом типа ножа из впускного погребения Майкопского кургана.

3) Там же, в кургане № 4 в основном погребении найдены бесчеренковый нож и плоскодонный черный лощеный горшок, напоминающие, хотя и довольно отдаленно, находки в основном погребении Майкопского кургана. Более позднее впускное погребение принадлежало к типу катакомбных захоронений степного предкавказского типа.

4) В кургане, исследованном в 1900—1901 гг. близ ст. Казанской (курган № 1, или А), основное нарушенное погребение (5-е) содержало два глиняных сосуда, один из которых совершенно соответствует майкопскому типу (шаровидный горшок с отогнутым венчиком; серая глина, яркокрасная окраска); второй сосуд, повидимому, был орнаментирован геометрическим орнаментом штампом. Впускное погребение в насыпи (2-е) содержало глиняную курильницу предкавказского типа на крестовидной ножке.[2]

5) Далее следует упомянуть об основном погребении в кургане № 3 близ Келермесской станицы, раскопанном в 1904 г. Здесь при типичном для ранних погребений обряде захоронения (подстилка из голышей, ориентировка костяка головой на юг) найдено медное желобчатое

---

[1] ОАК, 1897, стр. 2. Ссылки в скобках здесь и ниже даны на рисунки приложенной таблицы.

[2] ОАК, 1900, стр. 45; 1901, стр. 67.

долото, близкое к находкам в курганах станиц Воздвиженской (1899) и Новосвободной (1898). Впускные погребения содержали: 1-е — глиняный сосуд, по форме имеющий близкие аналогии в «среднекубанской» керамике, но технически близкий к керамике Майкопа, и 3-е — типичные для «среднекубанских» погребений медный нож и песчаниковые «выпрямители стрел».

6) К сожалению, не могут быть в полной мере использованы важные находки в 4-м Армавирском кургане 1902 г., безнадежно спутанные. В этом кургане основное 7-е погребение («центровое», по терминологии Н. И. Веселовского) содержало в крытой деревом материковой яме лежавший на спине костяк (голова обращена на юг), сопровождаемый краской, но без вещей. Таким образом, обряд захоронения и ориентировка соответствуют преобладающему во всей группе «больших курганов». Также головой на юг были ориентированы и смежные погребения №№ 5 и 6, снабженные красной краской и, в 6-м погребении, тремя длинными кремневыми пластинами. Погребение № 3, расположенное на материке, содержало при обращенном головой на юг костяке «кувшин из черной глины» (не сохранившийся) и глиняную курильницу.[1] Наконец, впускное погребение № 1, найденное в насыпи на 2.13 м выше материка, сопровождалось при костяке, лежавшем головой на север, тремя глиняными сосудами: красным «кувшином» (раскопочный № 17), серой «патерой» (№ 18) и большим сосудом красной глины (№ 19). Рядом с этой могилой найден золотой витой браслет сарматского времени. Все три сосуда из этого погребения не значатся в описях передачи из Археологической комиссии в Эрмитаж и в Исторический музей. Между тем, в Историческом музее имеется красный сосуд под № 17, по форме определимый как широкогорлый безручный кувшин (высота 14.3 см) и несколько напоминающий аналогичные серебряные сосуды Майкопского кургана, а по технике совершенно соответствующий керамике из Майкопа. С другой стороны, в Эрмитаж в 1929 г. из ГАИМК поступил большой красный яйцевидный сосуд, полностью повторяющий в несколько уменьшенных размерах соответствующий сосуд Майкопского кургана, с обозначением «Армавир, 1902 год, курган № 4»; видимо, это и есть сосуд № 19. Найти «патеру» № 18 не удалось. Таким образом, можно полагать, что погребение № 1 относилось к майкопскому времени, а найденный, по словам рукописного отчета, рядом с могилой поздний золотой браслет к погребению не относился, или же, что здесь было погребение сарматского времени (ориентировка головой на север, «патера» и браслет), может быть нарушившее более раннее погребение с двумя сосудами майкопского типа. Основное погребение кургана, не содержавшее вещей, в свою очередь напоминает майкопское и, видимо, относится к тому же времени, что и последнее.

Невыясненным остается стратиграфическое соотношение погребений в кургане № 1 ст. Новосвободной (1898), где, повидимому, более ранними являются два захоронения, помещенные на «уграмбованных» возвышениях на материке. Одно из них (№ 1) было ограблено; сохранились только красная краска и кремневый наконечник дротика. Другое погребение (№ 2) содержало скорченный и окрашенный костяк, обращенный головой на юг и сопровождаемый двумя золотыми спиральными

---

[1] В ОАК (1902, стр. 88—89) сделана ссылка на изображение курильницы на рис. 198, *а—б*; однако в действительности на этих рисунках изображены две курильницы из курганов №№ 6 и 7 в станице Кубанской; курильница из 4-го Армавирского кургана издана только у Тальгрена: Tallgren. Etudes sur le Caucase du Nord. ESA, IV, 1929, стр. 32, рис. 23, *а*.

кольцами и стоявшим в ногах небольшим грубым горшочком. Впускным, по мнению Н. И. Веселовского, является погребение в каменной гробнице-дольмене (№ 3), давшее богатый и разнообразный инвентарь. Возможно, что первичное захоронение этого кургана вообще не было вскрыто, но несомненно, что все три обнаруженных погребения, связанные, насколько сейчас возможно судить, единством обряда захоронения, относятся к одному этапу исторического развития. Следует особо отметить, что «над гробницей» № 2 был найден еще один небольшой глиняный сосуд со шнуровым орнаментом (раскопочный № 1-б). Он относится, повидимому, к группе западнокавказской дольменной керамики, пока нам еще очень плохо известной. По технике орнаментации его можно было бы отнести ко времени среднекубанской группы, однако принадлежность его к погребению № 2 никак не может быть доказана.

В курганах более восточных районов, в Пятигорье и Кабарде, мы пока не имеем стратиграфических наблюдений, связывающих погребения, по инвентарю (а не только по общему облику и обряду) сопоставимые с группой Майкопа и Новосвободной, с погребениями иных типов. Однако не лишне отметить, что здесь погребения, в известной мере сопоставимые с майкопским, являются древнейшими в соответствующих курганах. Примером может служить основное погребение № 18 кургана № 10, раскопанного в 1936 г. около Моздока экспедицией ГАИМК.[1]

В итоге приведенных, хотя и очень немногочисленных, стратиграфических наблюдений, мы все же видим, что во всех случаях, когда в одном кургане встречаются погребения Майкопско-Новосвободненской группы и погребения иных типов, первые всегда являются древнейшими.

В частности, мы можем утверждать, что погребения, связывающиеся с Майкопом и Новосвободной, старше: 1) погребений с типичными глиняными курильницами степного типа (уч. Зиссермана, курган 4; ст. Казанская, курган А) и 2) погребений с инвентарем среднекубанской группы (ст. Келермесская, курган 3).

Необходимо указать, что типичные погребения среднекубанской группы, охарактеризованные А. В. Шмидтом,[2] а затем Б. Е. Деген-Ковалевским,[3] и погребения степного типа с глиняными курильницами принадлежат двум различным, но территориально смежным и хронологически совпадающим культурам. Степная предкавказская культура с катакомбными могилами и обычно бедным погребальным инвентарем впервые была обнаружена В. Г. Тизенгаузеном на Нижнем Дону[4] и Н. И. Веселовским на Средней Кубани,[5] а затем, уже в наше время, прослежена с большой полнотой на Маныче[6] и в степях восточного Предкавказья близ г. Степного.[7] Наиболее характерна для этой культуры глиняная посуда,

---

[1] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 244—247. В 1947 г. важные наблюдения для разбираемой темы сделаны Е. И. Крупновым при раскопках кургана в Старом Лескене в Кабарде; см.: Е. И. Крупнов. Отчет о работе археол. экспед. 1947 г. в Кабардинской АССР; Ученые записки Каб. н.-иссл. инст., IV, Нальчик, 1948, стр. 282—290.

[2] A. V. Schmidt, ук. соч.

[3] Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА СССР, № 3, 1941, стр. 213—293.

[4] ОАК, 1864, стр. XX слл.; 1865, стр. XI слл.; 1866, стр. XIV слл.

[5] ОАК, 1902, стр. 69—91; 1903, стр. 65—68 и др.

[6] М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала. ГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 201—212. — Он же. Раскопка курганов в долине р. Маныча. СА, IV, 1937, стр. 93—131.

[7] Изв. Н.-Волжск. инст. краеведения, IV, Саратов, 1931, стр. 51—79. — Там же, II, 1936, стр. 57—70. — СА, I, 1936, стр. 115—156.

среди которой преобладают большие горшки «репчатой» формы и богато орнаментированные глиняные курильницы на крестовидной ножке. Эта культура синхронна с Донецкой катакомбной культурой и с Полтавкинской в Поволжье. Более поздний этап ее развития характеризуется горшками с валиком у основания шейки и пережиточными формами курильниц, доживающими до предскифского и даже до раннескифского времени.[1] Эти этапы условно можно назвать I и II.

Прямое доказательство одновременности «среднекубанской» группы (в более поздней ее части) и погребений с типичными курильницами, вроде обнаруженной в упомянутом кургане ст. Казанской, мы имеем в курганном погребении, раскопанном в 1907 г. в г. Сталинграде Ф. И. Черновым.[2] Здесь совместно найдены обломок орнаментированной курильницы и медное тесло такой же вытянутой и уширенной у лезвия формы, какая встречена в кладе из Костромской станицы, а также и долото, подобное долоту этого же клада.

Таким образом, как мне представляется, стратиграфическая позиция всей группы «больших кубанских курганов» ранее «среднекубанских» погребений уже сейчас может быть обоснована достаточно прочно.

С другой стороны, приведенные выше данные позволяют говорить, хотя и не столь уверенно, о более глубоком стратиграфическом положении подгруппы Майкопского кургана и непосредственно с ним связанных комплексов по сравнению с погребениями типа ст. Новосвободной (ср. стратиграфию Майкопского кургана и кургана № 3 на участке Зиссермана).

В этой связи нам следует упомянуть еще об интересных стратиграфических наблюдениях, сделанных во время исследования древнего поселения в Долинском близ Нальчика. Здесь основной слой дал остатки жилищ, содержавшие плоскодонные сосуды красного цвета, снабженные небольшими ушками, а по форме приближающиеся к биконическим.[3] При всем отличии форм этих сосудов от майкопских (и при сходстве их с аналогичными трипольскими формами), технически они очень близки именно к майкопской керамике. Одна из ям, относившихся к жилищам основного слоя, была перекрыта остатками более позднего жилища, содержавшего иную керамику, и технически и по формам весьма близкую керамике курганов ст. Новосвободной.[4] На основании этих наблюдений можно считать, что поздний комплекс Долинского поселения (Долинское II) более или менее соответствует времени курганов Новосвободной, а более ранний комплекс (Долинское I) характеризуется керамикой, технически, но не типологически, близкой к Майкопской.

Таким образом, стратиграфия Долинского поселения косвенно указывает на более ранний возраст Майкопской группы по сравнению с группой Новосвободной.

Итоги по стратиграфии рассматриваемых памятников можно свести к прилагаемой схеме.

---

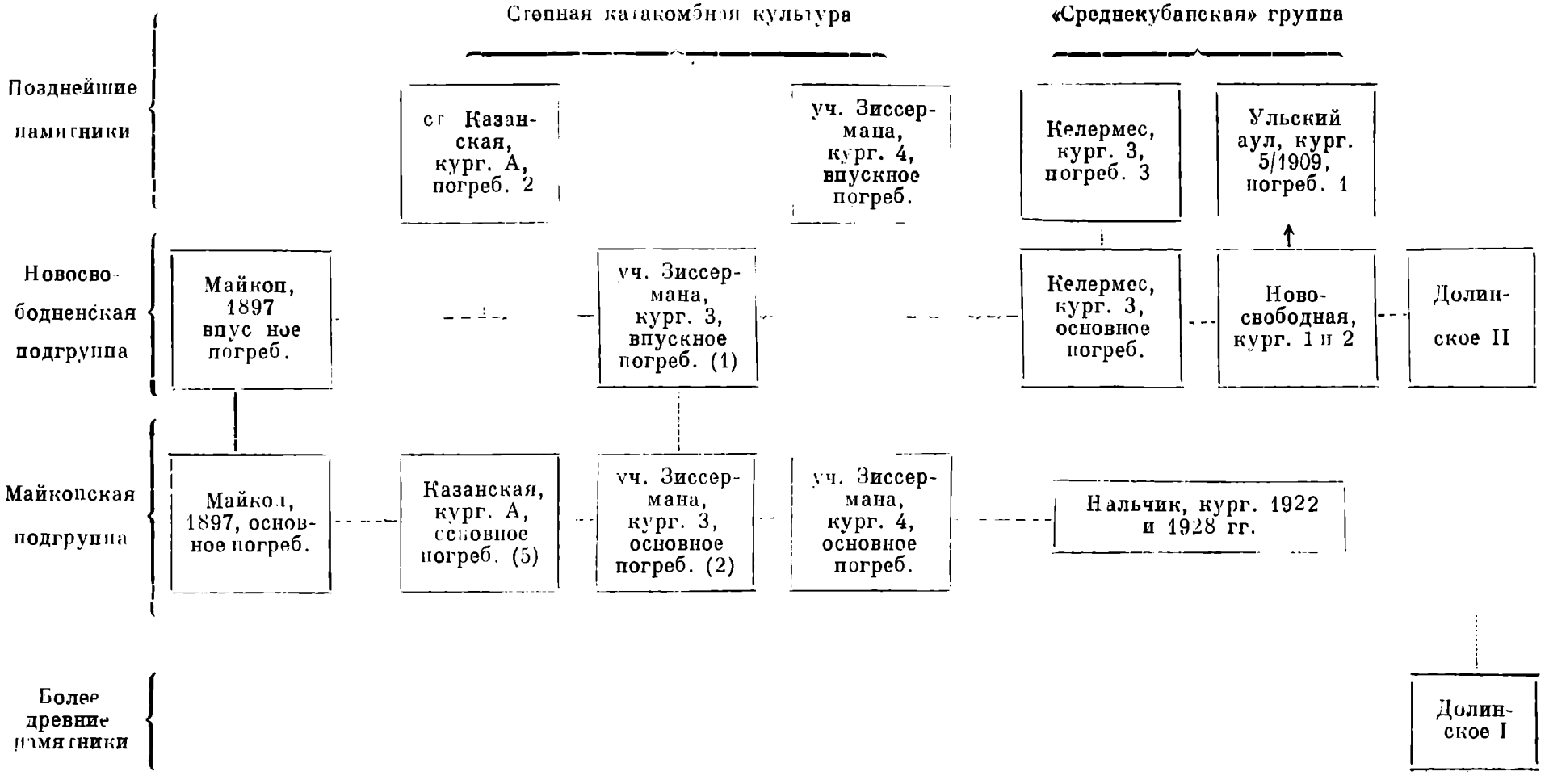
[1] А. А. Иессен. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа. Экспедиции Гос. Эрмитажа, вып. I, Л., 1940, стр. 42—44.

[2] Ф. И. Чернов. Раскопка кургана в г. Царицыне. Тр. Сарат. УАК, вып. 24, 1908, стр. 14 сл.

[3] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА СССР, вып. 3, 1941, стр. 185—188 и табл. VI.

[4] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, ук. соч., стр. 166, 188—19 и табл. IX.

СХЕМА СТРАТИГРАФИЧЕСКИХ СООТНОШЕНИЙ ГРУППЫ «БОЛЬШИХ КУБАНСКИХ КУРГАНОВ»



стратиграфическая связь; типологическая связь; ↑ типологическая последовательность.

III

Переходя ко второму разделу нашего анализа, к типологии вещественного инвентаря, мы должны будем ограничиться лишь немногими указаниями, так как в рамках настоящей статьи нет места для полного его обозрения.

А. В. Шмидт в основу своей периодизации положил типологию медных орудий, оружия и украшений. Он указал на постепенное удлинение пропорций топоров и тесел, на основании чего им и был построен хронологический ряд: курганы Новосвободной — Майкоп — среднекубанские погребения. Правильно подмеченная черта в изменении некоторых медных орудий, однако, получила у А. В. Шмидта слишком большое значение, что привело к ошибочным, по нашему мнению, выводам в деталях.

Рассмотрение вещественного инвентаря «больших кубанских курганов» приводит к следующим результатам.

1. Наиболее яркие пережитки неолитической культуры мы видим в Майкопском кургане и непосредственно с ним связанных памятниках. Здесь представлены ромбические наконечники стрел из кремня и мелкие кремневые вкладыши пережиточной неолитической техники. Клиновидные каменные топоры неолитического облика (типа табл., *I*, *1*) имеются в кургане 1928 г. у г. Нальчика и в Майкопском кургане (в последнем — в пережиточно-ритуальной форме, с тупым лезвием). Эти пережитки менее ярко выявлены в курганах ст. Новосвободной и их группе и еще слабее в среднекубанских курганах, где сохраняются только кремневые наконечники стрел с выемкой у основания и сверленые каменные секиры.

Типологическое развитие северо-кавказских каменных топоров и секир показывает, что наиболее ранние формы их встречены в группе «больших курганов». Так, большой сверленый топор из кургана в с. Летницком (табл., *II*, *7*), относящийся к погребению Новосвободненской группы, имеет довольно близкую аналогию в не осверленном топоре из неолитической стоянки Кистрик у Гудаут в Абхазии [1] и в ряде других ранних памятников. Долинское поселение дало также весьма архаичные несверленые рабочие топоры из камня с желобками для привязывания.[2] Подобные топоры в комплексах среднекубанского времени не встречены ни разу.

Наоборот, среднекубанские памятники дают типологически позднейшие формы каменных топоров и, по преимуществу, боевых секир северокавказского типа. Эти высокоразвитые орудия, в основной массе изготовленные из местного змеевика, дают хорошо прослеживаемую линию эволюции от сравнительно простых форм (табл., *III*, *7*), имеющих аналогии в таких секирах, как, например, секиры клада «L» в Трое, вплоть до резко изогнутых секир так называемого «пятигорского» типа с сильно расширенным лезвием (табл., *IV*, *10*), которые составляют типологически непосредственный переход к бронзовым секирам Кубанского периода.

Кремневые наконечники дротиков представлены в ряде экземпляров в кургане № 1 у ст. Новосвободной [3] и никогда не встречаются в среднекубанских комплексах.

Особого внимания заслуживают асимметричные кремневые наконечники стрел со скошенным основанием, представленные в рассматривае-

---

[1] А. Л. Лукин. Неолитическая стоянка Кистрик близ г. Гудаута. СА, XII, 1949, табл. VIII *1*.

[2] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, ук. соч., стр. 182, рис. 25, *1* и *4*.

[3] ОАК, 1898, табл. I, *16*.

мых нами курганах и поселениях в нескольких вариантах. О них придется упомянуть еще ниже.

Помимо отдельных случайных находок, такие наконечники известны из кургана № 2 в Новосвободной (короткая шиповатая форма),[1] в поселениях Долинском,[2] Борисовском и на стоянке Бочаров Ручей (Сочинский музей), а в более удлиненных вариантах — в кургане станицы Костромской.[3] Эти наконечники резко отличны как от ромбического типа Майкопского кургана, не имеющего аналогий в других находках, так и от симметричных наконечников с выемкой у основания, встречаемых в комплексах среднекубанского времени.[4] Таким образом, есть все основания считать их хронологически обособленной группой.

2. Комплекс медных изделий «больших кубанских курганов» является наиболее важным слагаемым инвентаря, позволяющим подойти к относительной их датировке в ряду других памятников Северного Кавказа. Комплекс этот, благодаря особенностям погребального обряда соответствующего времени, содержит большое число различных орудий и иных предметов, дающих достаточно полное общее представление об ассортименте использованных медных изделий. Типы этих изделий схематически изображены на прилагаемой таблице в двух нижних рядах (*I* и *II*).

В среднекубанский период погребальный обряд имеет иной характер, и металлические орудия в погребениях встречаются только в виде исключений, при наличии разнообразных украшений из меди. Однако несколько известных нам кладов позволяют эти единичные орудия связать в один комплекс (табл., ряды *III* и *IV*), который мы можем сравнить с комплексом «больших курганов». Среднекубанский комплекс в целом ряде своих элементов непосредственно и закономерно переходит в комплекс позднего бронзового века (позднекубанский и кобанский, табл., ряд *V*).

Не касаясь деталей, остановимся кратко на характеристике основных изделий из меди больших курганов в сопоставлении со среднекубанскими того же функционального назначения.

Тесла больших курганов отличаются относительно короткой и широкой формой с прямым срезом тыльной стороны (табл., *II*, *1*). Несколько отличается только форма тесел Майкопского кургана, имеющих закругленную тыльную часть (табл., *I*, *2*). Этот признак связывает майкопские тесла с плоскими кремневыми топорами из Мариупольского могильника[5] и из случайной находки на Малке в Кабарде.[6] Сходные топоры представлены и в несомненно близком «большим курганам» комплексе находок со стоянки Бочаров Ручей в Мамайке близ Сочи (Сочинский музей). Возможно, что медные тесла с закругленной тыльной стороной старше тесел с прямо срезанным тыльным краем.

Тесла среднекубанской группы отличаются более удлиненными пропорциями (клад из Привольного, табл., *III*, *1*; Келермес, курган № 5, погреб. 1, 1904 г.; Константиновка у Пятигорска, курган № 1, раскопки Самоквасова 1882 г.).

Наиболее поздние из этих тесел имеют значительно расширенную лезвийную часть и суженную тыльную (Костромской клад, табл., *IV*, *1*:

---

[1] ОАК, 1898, табл. IV, *48*.

[2] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, ук. соч., стр. 182, рис. 25 *2* и *3*.

[3] ОАК, 1897, стр. 16, рис. 61 и 62.

[4] Например в ст. Константиновской; A. V. Schmidt, ук. соч., стр. 11, рис. 3—4. М. Макаренко. Маріюпільский могильник. Киев, 1933, табл. XXVII.

[6] А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА СССР, № 3, 1941, стр. 18, рис. 2, *1*.

Сталинградское погребение и др.), образуя как бы переход к бронзовым теслам колхидско-кобанской группы, у которых эти признаки выражены еще более отчетливо при наличии целого ряда вариантов и дополнительных деталей формы (табл., *V*, *1*).

Долота больших курганов имеют четырехгранный насад при квадратном или округлом сечении тела самого орудия. Рабочая часть имеет небольшую выемку или, в ряде случаев, глубокий и длинный желобок; лезвие варьирует от почти прямого (Майкоп, табл., *I*, *3—4*) до почти полукруглого (Пятигорск, табл., *II*, *2*).

Долота среднекубанской группы отличаются от описанных тем, что края желобчатой выемки оттягиваются, насад отпадает, и получается орудие, закрепляемое на рукояти боковыми захватами, небольшими в ранних экземплярах (Привольное, табл., *III*, *2*) и образующими почти сомкнутую втулку в позднейших (клад из Костромской, табл., *IV*, *2*); и это орудие, таким образом, является переходной формой к позднейшим долотам развитого бронзового века, имеющим закрытую, замкнутую втулку (находки на Дону, табл., *V*, *2* и *3*; в кобанско-колхидской культуре встречаются изредка аналогичные орудия несколько иного типа).

Кинжалы или двулезвийные ножи больших курганов отличаются менее стойкими признаками.

Первым их типом являются бесчеренковые ножи (Майкопский курган, основное погребение; Нальчик, курганы 1922 и 1928 гг.; курган уч. Зиссермана 1900 г. № 4, табл., *I*, *5*).

Вторым вариантом являются черенковые ножи с прямыми, постепенно сходящимися боковыми гранями (впускное погребение Майкопского кургана, табл., *II*, *3*; курган Зиссермана № 3), иногда с прокованным в средней части клинка долом (Новосвободная станица; Тимошевский курган, табл., *II*, *4*; Махошевский курган).

Среднекубанские ножи отличаются подтреугольной или листовидной формой с резко выраженным черенком, иногда, особенно в районе Пятигорья, достигающим равной длины с самим клинком, в этих случаях укороченным (табл., *III*, *3* и *4*; *IV*, *3*).

В процессе дальнейшей эволюции среднекубанские ножи уступают место, с одной стороны, ножам так называемого срубного типа с боковыми выемками в листе (табл., *IV*, *4*), для Северного Кавказа мало характерными, а с другой стороны, уже типичным кинжалам с коротким черенком и продольным срединным ребром вдоль клинка (табл., *IV*, *5*); эти кинжалы образуют переход к типичным кобанским кинжалам (табл., *V* *5*) и синхронным им (табл., *V*, *4*, из Бесленеевской станицы).

Большой, очень тонкий плоский кинжал (?) из Майкопского кургана (табл., *I*, *6*) пока стоит совершенно особняком.

Наконечники копий, в «больших курганах» известные в единичных экземплярах, отличаются четырехгранным хвостом для крепления в древке и массивным круглого сечения стержнем. Короткая их форма представлена в Новосвободной станице (табл., *II*, *5*), а очень крупная, удлиненная — в Псебайском кургане.

В ранних среднекубанских комплексах настоящие наконечники копий нам не известны, тогда как к более позднему времени, особенно к позднекубанскому и кобанскому, относится большое разнообразие форм с открытой (табл., *IV*, *6* и *7*) или сомкнутой (табл., *V*, *6* и *7*) втулкой. В Закавказье втульчатый наконечник копья известен из Триалети (курган XV); по времени он соответствует среднекубанской группе.[1]

---

[1] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. CVI.

Топоры с проушинами для круглой в сечении рукояти представлены в Майкопе прямой удлиненной формой (табл., *I*, *7*), а в других курганах более короткой, иногда имеющей характерный признак — незначительное свисание обуха и легкую изогнутость лезвийной части (Новосвободная станица, Махошевский курган; Андрюковский курган — табл., *II*, *6*; Псебайский курган).

Для среднекубанских комплексов характерны топоры со свисающим обухом и значительно сильнее изогнутым телом (клады из Привольного — табл., *III*, *6* — и Курчанской), а с другой стороны, — почти прямые топоры с рельефными выступами на обушной части (Келермес, курган № 5, табл., *III*, *5*).

В позднейших топорах (Костромской клад, табл., *IV*, *8*) мы видим характерное расширение лезвия, приближающее эти топоры уже к топорам и секирам кобанских типов (табл., *V*, *9* и *10*). Местный вариант тяжелого рабочего топора позднекубанского времени см. табл., *V*, *8*.

С другой стороны, кобанские боевые секиры (табл., *V*, *10*) несомненно связаны генетически не только с более ранними медными топорами, но и с каменными секирами упомянутых выше типов (табл., *III*, *7* и *IV*, *10*), дающих в предкобанское время на Кубани особый местный дериват в меди (табл., *IV*, *9*).

Такие орудия, как четырехгранные острия, встреченные во многих комплексах, относящихся как к «большим курганам», так и к средне- и даже к позднекубанскому времени, не дают оснований для их периодизации, хотя в общем можно отметить бóльшие размеры и бóльшую удлиненность формы среднекубанских экземпляров, по сравнению с находками в «больших курганах».

Однолезвийные ножи (Махошевский курган) и иглы (там же)[1] являются единичными находками, пока не позволяющими делать никаких хронологических сопоставлений.

Весьма специфическим орудием являются медные втульчатые вилообразные орудия с двумя или тремя зубьями, загнутыми в виде крючьев, вероятно служившие при приготовлении мясной пищи. Эти орудия отсутствуют в Майкопском кургане и в его группе. Известны они в курганах станиц Новосвободной (табл., *II*, *8*), Псебайской, Махошевской, Каменномостской и Ярославской. Вероятно, близки им по назначению одиночные крючки с насадом (Новосвободная, табл., *II*, *10*), переходящие в конце этого периода в крючки со свернутой из листа втулкой (Тимошевский курган) и известные в одном комплексе (хутор Кубанский, табл., *III*, *8*) среднекубанского типа, а также в абхазских дольменах (с. Эшеры). В остальных среднекубанских комплексах мы подобных орудий не знаем; повидимому, они представляют собою узко-локальную прикубанскую и недолговечную форму. Некоторые аналогии им можно видеть лишь в позднейших бронзовых вилах Закавказья, а также в уже железном крючке со втулкой из Кисловодска (из комплекса VII—VI вв. до н. э., Пятигорский музей).

Тесло (или, возможно, мотыга) с проушиной для насаживания на рукоятку из Майкопского кургана, а также комбинированное орудие — топор и тесло — из того же комплекса являются единичными предметами, не имеющими пока аналогий в пределах Северного Кавказа и вообще в СССР. Близкие аналогии к ним можно указать лишь на далеком юге, в медном веке Передней Азии.

---

[1] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 84, рис. 4, *3* и *9*.

Из металлических предметов **украшения** и личного убора в «больших кубанских курганах» представлены, главным образом, бусы из золота и серебра, а также золотые диадемы (Майкопский курган), не имеющие прямых соприкосновений с разнообразным комплексом соответствующих украшений из меди среднекубанского времени. Все эти изделия в «больших курганах» являются предметами роскоши, которые были доступны, несомненно, не всему населению края, а лишь единичным, наиболее сильным в экономическом отношении, его представителям. Несколько слов об этих предметах еще придется сказать ниже.

В настоящей же связи необходимо упомянуть, что изогнутые стержневидные **булавки** с отверстием в верхнем конце, известные в 4 серебряных экземплярах из Новосвободной (курганы №№ 1 и 2, табл., *II*, *9*), имеют близкие аналогии в распространенных в среднекубанское время таких же изогнутых булавках из меди, отличающихся лишь наличием утолщенной головки, через которую проходит сквозное отверстие, а иногда (например в одном из 4 экземпляров Ульского кургана 1909 г., табл., *III*, *9*) еще и рельефным, литым по восковой модели, орнаментом. Эти изогнутые булавки, применявшиеся, вероятно, наряду с многообразными в среднекубанское время прямыми булавками с отверстием в головке, в качестве застежек для одежды, возможно послужили прототипом для фибул кобанского времени (табл., *V*, *11*). Такую типологическую их преемственность мы, однако, не можем доказать полным рядом развития; возможным остается и независимое происхождение как северо-кавказской изогнутой булавки, так и кобанской фибулы.

Серебряные, золотые и электровые **височные кольца** в $1^1/_2$ оборота, встреченные во многих комплексах нашей группы (табл., *II*, *11* из Новосвободной и *II*, *12* из Летницкого), в среднекубанское время повторяются в близких формах из меди (Пятигорск, табл., *IV*, *11* и *12*), тогда как бронзовые экземпляры позднекубанской и кобанской группы имеют обычно удлиненную форму с перегибом в верхнем конце (табл., *V*, *12* и *13*).

Медная **посуда** (Майкопский курган, Новосвободная станица), так же как и сосуды из золота и серебра, представлена простыми формами, вычеканенными из одного или двух кусков, изредка имеющими приклепанные ушки. Не имея параллелей в среднекубанской группе, эти сосуды технически резко отличаются от склепанных из бронзового листа и снабженных литыми ручками сосудов позднейшего, кобанского, времени.

Следует упомянуть, что **подвески** из зубов оленя, связывающие ряд комплексов из группы больших курганов (напр. Новосвободная, табл., *II*, *13*) с еще неолитическим могильником в Нальчике,[1] в среднекубанское время вытесняются имитацией их в меди (табл., *IV*, *13*).

Все приведенные соображения об орудиях и некоторых других изделиях из металла приводят нас к выводу, что три больших комплекса этих предметов: комплекс «больших курганов», комплекс среднекубанский и комплекс позднекубанский (включая и синхронный ему кобанский) соответствуют трем последовательным этапам в развитии материального производства. Последовательность их во времени может быть только указанная. Перестановка комплекса форм, характерных для «больших курганов», на другое место — между среднекубанской и кобанско-позднекубанской группами или же между последней и архаической скифской — равно невозможна, так как, помимо ряда соображений

---

[1] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА СССР, вып. 3, 1941, стр. 73, 74, 91, 100, табл. I и IV.

историко-технического порядка, типологическое развитие форм было бы при такой перестановке совершенно нарушено.

Комплекс «больших курганов» совершенно не смыкается непосредственно с комплексом позднекубанским или кобанским, но прекрасно переходит в него через посредство форм среднекубанского комплекса. А так как хронологическая последовательность среднекубанской, кобанской и скифской групп памятников не может вызывать сомнений, то место «больших кубанских курганов» должно быть хронологически наиболее ранним и, таким образом, отнесение к ним термина «раннекубанский» оправдано.

Вместе с тем типология медных изделий дает не вполне отчетливую картину в смысле места, занимаемого внутри раннекубанской группы подгруппами Майкопа и Новосвободной, и сама по себе не достаточна еще для решения этого частного вопроса.

Кроме того, изучение изделий из металла указывает на наличие в раннекубанском комплексе ряда форм «предметов роскоши», включающих металлическую посуду из меди, серебра, золота и различные предметы украшения, личного убора и погребального обряда (например части балдахина в Майкопе), которые не имеют в известном нам сейчас материале дальнейшего развития в средне- и позднекубанское время и, таким образом, свидетельствуют о привнесении в раннекубанский культурный комплекс элементов, не свойственных, вероятно, местной культурной среде и занесенных в нее извне.

Не имея возможности, в данной связи, разбирать вопрос о происхождении этих слагаемых раннекубанского комплекса, укажем все же, что близость и почти тождество форм глиняной и металлической посуды Майкопского кургана, при распространенности таких же форм глиняной посуды на обширной территории Прикубанья и далее на восток вплоть до района Нальчика, свидетельствует о том, что район изготовления серебряной, золотой и медной посуды Майкопа, вероятно, находился в пределах ареала распространения соответствующей керамики, границы которого, особенно на юге, нам еще не известны.

Наконец, необходимо указать, что развитой характер изделий из металла раннекубанского комплекса, при всей его архаичности, все же позволяет предположить, что ему предшествовал еще период первичного распространения металла на Северном Кавказе. В частности, мы до сих пор нигде на Кавказе не знаем находок массивных клиновидных медных топоров, типа трипольских, непосредственно повторяющих форму неолитических несверленых каменных топоров. Свидетельством такого первичного ознакомления с медью пока может служить только проволочное медное колечко, найденное в могиле № 86 Нальчикского могильника.[1]

3. Керамика северо-кавказского медно-бронзового века еще недостаточно изучена, так как, с одной стороны, отсутствует массовый материал поселений, а с другой, имеющиеся находки из погребений недостаточно документированы и в значительной своей части лишены точной паспортизации, что сильно осложняет их использование в хронологических целях. Вместе с тем керамика, являющаяся наиболее «местным» слагаемым в составе археологических комплексов, дает обычно множество узко-локальных вариаций, разобраться в которых возможно лишь при достаточном количественно и хорошо документированном материале. Поэтому керамика, могущая в дальнейшем дать основные показатели для детальной периодизации памятников Северного Кавказа, пока что, на

---

[1] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий, ук. соч., стр. 88 и 114.

первых этапах изучения местного медно-бронзового века, не может служить таким руководящим материалом. В частности, сейчас только начинают выясняться характеристики и границы распространения отдельных территориальных культурных групп, существовавших в интересующем нас районе в древности. Так, например, для среднекубанского времени мы уже можем различать, главным образом по керамике, сосуществующие группы или культуры: предкавказскую степную (Мариуполь—Нижний Дон—Сталинград—Нижняя Волга—Грозный—Моздок—Армавир), и Пятигорско-Кабардинскую (северные склоны Кавказа от верхней Кумы до Грозненской области), тогда как собственно кубанская, или, вернее, закубанская керамика этого времени, связанная с многочисленными погребениями среднекубанского времени, нам остается еще мало известной. В ней мы, повидимому, имеем черты сходства и со степной группой, и с кабардинской, и, с другой стороны, с керамикой «больших курганов». Для более позднего, предскифского, времени развитого бронзового века кубанская керамика нам также еще не достаточно известна, но она явно отличается от одновременной керамики Центрального Предкавказья и горного Кавказа.

Сказанное свидетельствует о необходимости особо осторожного обращения с керамикой при ее использовании в качестве датирующего материала.

Вместе с тем необходимо отметить, что в «больших кубанских курганах» мы имеем два различных керамических комплекса, один из которых представлен сосудами Майкопского кургана и единичными сосудами из других мест, вплоть до района Нальчика на востоке.[1] Такое распространение этой керамики позволяет считать ее характерным элементом соответствующего этапа местного исторического развития, а близость форм керамики и серебряных сосудов в Майкопском кургане позволяет считать, что последние изготовлены в пределах области распространения Майкопской керамики.

Второй керамический комплекс, представленный в курганах станицы Новосвободной, имеет ряд общих черт с Майкопской группой (окраска, характер черепка, шаровидное тулово, слабо выраженное донце) при наличии существенных отличий (широкое применение орнаментации сосудов штампом, бо́льшее разнообразие форм шеек, венчиков, ручек и т. д.).

Для хронологического соотношения обеих этих групп из них самих мы не можем почерпнуть вполне убедительных показаний. Можно, пожалуй, указать только на более простые формы керамики Майкопа, на отсутствие в ней орнамента и на едва намеченную уплощенность донной части шаровидных сосудов, тогда как в Новосвободной эта плоскодонность выражена несколько отчетливее. Вместе с тем, керамика Майкопа не производит впечатления первичной, а скорее наоборот: это вполне выработанная, технически и эстетически высококачественная посуда, не несущая почти никаких следов генетической связи с грубой толстостенной и плоскодонной керамикой таких памятников, как Нальчикский могильник и, с другой стороны, ранний слой абхазских дольменов. Однако у комплекса Новосвободной некоторые связи с этой грубой, местной керамикой, переживающей еще со времен неолита, имеются. Ряд элементов и в форме сосудов и в их орнаментации связывают комплекс Новосвободной и с керамикой среднекубанского времени, известной нам,

[1] Кроме сосуда из упомянутого выше кургана 1922 г. в Нальчикском музее имеется еще один горшок (№ 1934/103) Майкопского типа, найденный в кургане в 1934 г.

главным образом, из Пятигорья и Кабарды и характеризуемой широким распространением орнаментации штампом и шнуровыми оттисками.

В свете этих фактов гладкая неорнаментированная посуда Майкопа в северо-кавказском окружении производит впечатление до известной степени чужеродного элемента. Так ли это на самом деле, мы сумеем решить лишь при увеличении круга наших источников. Существенно, что такая же гладкая неорнаментированная посуда, наряду с грубой керамикой, представлена и в нижнем горизонте Долинского поселения. Во всяком случае керамический материал не дает никаких противопоказаний для ранней датировки больших курганов.

В этой связи следует однако упомянуть, что отдельные сосуды, формально близкие к керамике Майкопской группы, известны из погребений с основным инвентарем среднекубанского времени. Таков небольшой горшочек из погребения № 1 кургана № 3 станицы Ново-Лабинской, исследованного Н. И. Веселовским в 1899 г., где костяк лежал «в согнутом положении», головою на юг, а медные ножи и привески имели среднекубанский облик;[1] таков же и серый горшочек с высокой шейкой из погребения № 1 кургана № 5 в Келермесской станице [2] (если последний не спутан после раскопок при обработке материала с серым же горшочком среднекубанского типа из погребения № 1 кургана № 3, там же).[3]

Эти, пока единичные, наблюдения позволяют поставить вопрос, не будет ли для собственно кубанской керамики среднекубанского времени характерно переживание форм и техники более раннего периода «больших курганов».

4. В комплексе инвентаря погребений «больших кубанских курганов» весьма существенное место занимают многочисленные бусы из полудрагоценного цветного камня. Материал этих бус разнообразен и свидетельствует о получении их путем межплеменных сношений из далеких стран.

Нам известны следующие находки.

Майкопский курган: сердолик, бирюза.

Старомышастовский клад: сердолик, лазурит, морская пенка, гагат, медная лазурь.

Новосвободная станица, курган 1: сердолик, горный хрусталь.

Там же, курган 2: сердолик.

Псебайская, курган 1895 г.: сердолик.

Андрюковская, курган 1896 г. № 6: сердолик, горный хрусталь.

Горячеводский курган близ Пятигорска: сердолик.

Соломенский курган близ Нальчика: сердолик.

Тимошевский курган: горный хрусталь.

По исследованию Г. Г. Леммлейна, сердолик этих комплексов происходит скорее всего из Ирана или из Индии, бирюза — из Ирана, лазурит — из Средней Азии (Бадахшана); морская пенка — из Анатолии. Последние работы того же исследователя показали, что каменные бусы Майкопа, Новосвободной и Старомышастовской дают наиболее архаичную на Кавказе технику сверления, более архаичную, чем бусы Закавказского развитого бронзового века, а также Кобанского могильника и синхронных с ним памятников.[4]

Таким образом, каменные бусы позволяют говорить о более ранней дате «больших курганов», чем развитой бронзовый век Северного Кавказа и Закавказья. К сожалению, погребения среднекубанского времени

---

[1] ОАК, 1899, стр. 43; вещи в Историческом музее.

[2] Tallgren. Études sur le Caucase du Nord. ESA, IV, 1929, стр. 30, рис. 21.

[3] Там же, рис. 22.

[4] Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 25—26.

этих каменных бус южного происхождения пока не дали. Единичные сердоликовые бусы древнего типа известны из Кисловодска (курган № 2 в урочище «Три Камня», раскопка А. С. Уварова в 1882 г.: погребение с глиняной курильницей).[1]

К сожалению, нам остается неизвестным способ сверления сердоликовых бус из курганов Триалети (например из кургана XV младшей группы),[2] вероятно хронологически соответствующих среднекубанской группе. Если бы в этих случаях применялось иное, более совершенное сверление, чем в находках Прикубанья, то это могло бы служить еще одним веским аргументом в пользу ранней датировки последних.

Кроме бус, в некоторых из кубанских курганов встречены характерные ожерелья из подвесок, изготовленных из просверленных зубов оленя (Новосвободная, курганы № 1 и № 2; курган хутора Штурбина). Не давая непосредственно хронологических указаний, эти подвески все же в большей степени свойственны раннему времени, как, например, Нальчикскому неолитическому могильнику,[3] хотя в редких случаях встречаются еще и в последнем тысячелетии до н. э.[4] Следовательно, все элементы вещественного комплекса «больших кубанских курганов» свидетельствуют о ранней дате их, или, по меньшей мере, не противоречат ей.

Необходимо еще кратко остановиться на обряде погребения, характерном для «больших курганов». Несмотря на недостаточную тщательность раскопок, все же выясняется, что характерным для рассматриваемой группы является захоронение покойников в положении на спине с подогнутыми ногами или на боку в скорченном положении с ориентировкой головою на юг и с относительно обильным применением красной краски. Этот обряд связывается с неолитическим обрядом погребения, пока, правда, известным только в Нальчике, но не на Кубани.

Для средне- и позднекубанских погребений характерна иная картина захоронения; здесь костяк обычно обнаруживается лежащим в вытянутом положении на спине, головой чаще всего на восток, при незначительном, по преимуществу, употреблении красной краски. На Кубани вытянутое положение на спине зафиксировано уже для таких ранних в пределах среднекубанской группы погребений, как открытые в 5-м кургане Ульского аула в 1909 г. Такое же положение костяков на Кубани сохраняется и в скифское время.

Таким образом, и по обряду погребения «большие курганы» становятся в начало развития, а перестановка их в предскифское время привела бы к непонятному возрождению архаичного (для этого времени) обряда и к новому, чрезвычайно резкому разрыву между ними и раннескифскими памятниками, закономерную преемственную связь с которыми пытаются доказать сторонники поздней датировки больших курганов.

Эта связь, искусственно конструируемая по отдельным элементам культурного комплекса, как видим, приводит к разрывам по другим направлениям.

Закончив, таким образом, рассмотрение «больших курганов» и происходящих из них находок с типологической точки зрения, мы приходим

---

[1] «Древности», Труды МАО, т. IX, протоколы, стр. 59—60. Единичные сердоликовые бусы из курганов среднекубанского времени у с. Урванского в Кабарде имеются в Нальчикском музее (МИА СССР, № 3, стр. 119 и 127).

[2] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. XXII.

[3] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий, ук. соч., стр. 117, табл. I, *1* и *8*; IV, *1* и др.

[4] Сагурамо: см. Е. Пчелина. Раскопки в дер. Сагурамо. Вестник Музея Грузии, III, 1927, стр. 136; Земо-Авчала: Wesendonk. Archäologisches aus dem Kaukasus, AA, XL, 1—2, 1925, стр. 54, рис. 3—4.

к заключению, что совокупность всех наших наблюдений приводит к тому же выводу, что и стратиграфический анализ, а именно к выводу о принадлежности всей связанной с «большими курганами» группы памятников ко времени более раннему, чем время среднекубанской группы.

IV

Особого нашего внимания требуют два комплекса, по ряду признаков относящиеся к «большим курганам», но занимающие в аргументации сторонников поздней датировки особое место. Я имею в виду 3-й Разменный курган близ станицы Костромской (по печатному отчету: 2-й), исследованный Н. И. Веселовским в 1897 г., и Соломенский курган близ Нальчика, раскопанный в 1926 г.

Комплекс 3-го Разменного кургана, недавно разобранный и переизданный М. И. Артамоновым, представляет по ряду составных элементов большой интерес. Могильное сооружение, недостаточно ясно описанное в отчете о раскопках, принадлежало к типу каменных гробниц, в различных вариантах известных в целом ряде погребений группы «больших курганов». Согнутое положение сильно окрашенного костяка, положенного головою на ЮВ, также близко к положению в других курганах.

В инвентаре кургана имелись характерные кремневые наконечники стрел со скошенным основанием, уже упомянутые выше. Дополнительно следует отметить, что подобные костромским удлиненные наконечники встречены, например, на стоянке у города Кропоткина в сочетании с керамикой степного типа предкавказской катакомбной культуры, но никак не предскифского времени (Кропоткинский и Ставропольский музеи), а на стоянке Бочаров Ручей на р. Сочи близ ее устья — без керамики, с кремневым и каменным инвентарем поздненеолитического облика (Сочинский музей, сборы А. П. Краснова). Таким образом, оснований для того, чтобы в них видеть непосредственных предшественников раннескифских двухлопастных бронзовых наконечников с шипом, как предполагает М. И. Артамонов, нет.

Медные орудия 3-го Разменного кургана близки к орудиям других курганов подгруппы Новосвободной. Топор, например, сходен с топором Псебайского кургана; долото, тесло, острие также имеют аналогии в той же подгруппе. То же самое следует сказать о золотом витом колечке, повторяющем формы, известные из Новосвободной. Что касается трех медных ножей или кинжальчиков, то они скорее могут быть сближены с подобными ножами среднекубанской группы, а один из них, с резко выделенным и расширенным в конце черенком и с треугольным клинком, является типичным для этой среднекубанской группы.

Весь перечисленный инвентарь позволяет относить разбираемый курган к подгруппе курганов Новосвободной или, скорее всего, к переходу от нее к среднекубанской группе.

Кроме этих предметов, в погребении 3-го Разменного кургана были обнаружены шесть глиняных сосудов и мелкие костяные рубленые бусы.

М. И. Артамонов сближает рассматриваемый курган с памятниками раннескифского времени, главным образом, на основании анализа изображения оленя, сделанного краской на одном из глиняных сосудов, а также на основании формы этого же сосуда и по наличию в погребении костяных рубленых бус.

Остановимся кратко на этих сближениях. Изображение оленя и второй фигуры на сосуде из Костромской станицы, сохранившееся только в акварельной копии в архивном деле, тщательно разобрано и реконструировано М. И. Артамоновым; он, возможно, прав, видя во второй,

почти не сохранившейся, фигуре — крылатого грифона, а во всей композиции — сцену борьбы зверей, нападения грифона на оленя. Несомненно, что изображения эти, с точки зрения известного нам скифского искусства, весьма архаичны. Грифон в подобной трактовке в скифских памятниках вообще не известен, что же касается оленя, то непосредственное его сближение с памятниками VI в. до н. э. на основании трактовки рогов с рядом завитков, конечно, правомерно, хотя можно указать на ряд близких изображений оленьих рогов и в более раннее время. Примерами могут служить изображения оленей на рельефах ворот из Аладжи (Эйюк) в центральной Анатолии, где завитки рогов обращены вниз. Эти рельефы относятся к эпохе хеттского Нового Царства, т. е. к XV—XIII вв. до н. э.[1]

До некоторой степени сходны направленные вперед завитки на вертикальных рогах у скульптурных бронзовых наверший в виде оленей из значительно более древних погребений медного века в той же Аладже.[2] Таким образом, мы знаем более древние, чем VII—VI вв., образцы подобной трактовки рогов. Правда, полного тождества с рогами оленя на сосуде из Разменного кургана мы здесь не видим, так как у этого последнего, как и на типично скифских изображениях (например у золотого оленя из 1-го Разменного кургана), завитки обращены вверх.

Прав М. И. Артамонов и в характеристике формы сосуда как промежуточной между большим яйцевидным горшком Майкопского кургана и типичной раннескифской формой корчаги; совершенно правильно отмечено также, что в смысле типологического развития расстояние от Майкопского сосуда до Костромского должно быть значительно больше, чем от последнего до скифской корчаги. Таким образом, в целом отнесение сосуда из Разменного кургана ко времени, близкому к памятникам раннескифской группы, нам представляется возможным, с той, однако, оговоркой, что абсолютная его датировка VII или VIII в. не опирается на бесспорный сравнительный материал. Вместе с тем, в пользу значительного хронологического разрыва между рассматриваемым сосудом и Майкопским курганом свидетельствует и резко отличная в стилистическом отношении трактовка изображения оленя на сосуде из Костромской станицы по сравнению с изображениями животных в Майкопе.

В связи с сосудом из Разменного кургана необходимо остановиться на другой стороне вопроса — на степени достоверности наших сведений о приуроченности сосудов из Костромской станицы к отдельным погребальным комплексам. Необходимо, к сожалению, признать, что при изучении раскопок Н. И. Веселовского на Кубани мы часто сталкиваемся с невозможностью разобраться в керамическом материале. Это особенно относится к раскопкам 1902 и некоторых других годов, а также и к раскопкам в Костромской станице в 1897 г.

Если мы обратимся к рукописному [3] и печатному отчетам Н. И. Веселовского, то для курганов Костромской станицы мы получим следующий перечень глиняных сосудов.

1-й Разменный: 1) на площадке в насыпи «разные черепки глиняной посуды с узором, из которых составились 2 почти целых горшка и несколько неполных» (по рукописному отчету №№ предметов 5-*б* и 6-*а*; по описи к нему — 6 и 6-*а*: «глиняные горшки с узором, из них 2 почти целых и несколько частей других»).

2) В насыпи, ниже лошадей: «маленький глиняный горшочек» (№ 8).

---

[1] H. Bossert. Alt-Anatolien. Берлин, 1942, рис. 521 и 522.
[2] Там же, рис. 299 и 300.
[3] Архив ИИМК, фонд № 1, 1896 г., дело 204.

2-й Разменный: погребение № 2: глиняный кувшин с ушками и орнаментом (№ 11-*б*).

3-й Разменный: 1) у головы один глиняный горшок (№ 13-*г*). По печатному отчету: сосуд с росписью желтой краской крупными точками.

2) В ногах — три глиняных горшка, раздавленных на мелкие части (№№ 13-*б* и 13-*в*). По печатному отчету — без орнамента.

3) У стены — два глиняных сосуда (№ 14-*а* и 14-*б*).

В остальных курганах, раскопанных в Костромской станице, глиняной посуды не оказалось. Всего, таким образом, Н. И. Веселовским было найдено не менее 13 сосудов.

Однако далеко не все эти сосуды (только 6) оказались в свое время сфотографированными, и только четыре из них имеются в собраниях Исторического музея в Москве. Некоторые дополнительные данные о них можно почерпнуть из картотеки А. А. Спицына,[1] где сохранились беглые зарисовки 7 сосудов из группы Разменных курганов. Сопоставляя эти данные, мы получим следующие результаты:

Курган	№№ по отчету	№№ по описи	Отметка о передаче в Ист. музей	Наличие в Музее	Издан в ОАК 1897 г.	Рисунок А. А. Спицына	Негатив ИИМК
1-й Разменный	5-*б*	6	+	+	Рис. 47	+	1557
	6-*а*	6-*а*	+	—	—	(+?)	—
	Части сосудов	Части сосудов	+	—	—	—	—
	8	8	Уничтожен	—	—	—	—
2-й Разменный	11-*б*	11-*б*	+	+	—	—	—
3-й Разменный							
У головы	13-*г*	13-*г*	+	—	Рис. 53	+ (13-*б*)	1556
В ногах	13-*б*	13-*б*	+	—	Рис. 54	+	1555
	13-*в*	13-*в*	+	?	—[2]	—[3]	?
	?[4]	?	—	—	—	—	—
У стены	14-*а*	14-*а*	+	+	Рис. 57	+	1549 Слева
	14-*б*	14-*б*	+	—	Рис. 56	+	1553

[1] Архив ИИМК, фонд А. А. Спицына, д. № 309.

[2] По ОАК это рис. 55; однако здесь явная ошибка, так как изображенный сосуд происходит из Майкопского кургана (№ по описи 55).

[3] В Историческом музее имеется еще один сосуд без №, орнаментированный, с ушками, негатив 1549 справа; может быть, это № 13-*в* из 3-го кургана; но по зарисовке Спицына это «3-й Разменный, погр. 2» — следовательно, по рукописному отчету — 2-й Разменный и № 11-*б*; тогда имеющийся в Историческом музее сосуд этого номера должен относиться к другому кургану.

[4] Так как в отчете третий сосуд номера не получил и нигде не фигурирует, он, очевидно, не был восстановлен и сохранен.

Как видно из приведенной таблицы, в распределении керамики из курганов Костромской станицы имеется ряд неясностей, а самое главное это то, что из 8 сосудов и «нескольких» частей их, переданных в Исторический музей, в последнем сейчас сохраняется только 4 сосуда, что не позволяет проверить сообщаемые сведения по самим находкам. В этих условиях у нас не может быть уверенности в правильности приурочения и остальных сосудов.

Так, например, сосуд, изображенный в ОАК на рисунке 47, отнесенный к раннескифскому погребению 1-го Разменного кургана, содержавшему, между прочим, известную большую золотую пластину в виде оленя, имеет характерную древнюю форму открытого горшочка с двумя ушками и сплошь орнаментирован шнуровым орнаментом. Подобные сосуды для раннескифского времени нигде не известны и должны относиться к значительно более раннему времени, скорее всего к эпохе кубанских дольменных погребений медного века, близких по времени «среднекубанской» группе курганов.

Другой сосуд этого же погребения, известный только по зарисовке А. А. Спицына, несомненно относится к раннескифской лощеной черной керамике, отличаясь лишь особой формой. Это была прямоугольная чаша или ванночка на четырех ножках, поделенная поперечной стенкой на две равные половины и украшенная снаружи геометрическим резным орнаментом.

Таким образом, к первому, несомненно скифскому по времени кургану, по сохранившимся сведениям, приурочиваются два совершенно несочетаемых сосуда.

Из трех остальных сохранившихся в Историческом музее сосудов один отнесен ко 2-му кургану, а два других — к 3-му кургану, причем в распределении их также имеется путаница. Все три явно относятся к медно-бронзовому веку.

В этих условиях отнесение сосуда с изображением оленя к 3-му кургану также не может считаться абсолютно достоверным и совершенно не исключена возможность того, что в нем мы должны видеть один из сосудов 1-го кургана. В таком случае все соображения М. И. Артамонова о «предскифском» его возрасте окажутся правильными, с тем лишь уточнением, что его нужно будет отнести уже к одному из древнейших «скифских» погребений Прикубанья и что датировка его не окажет никакого влияния на датировку 3-го кургана. К сожалению, это предположение, благодаря утрате оригинала сосуда, не может быть проверено и доказано.[1]

Остальные сосуды 3-го кургана, судя по их недостаточным изображениям, не противоречат отнесению их к керамике подгруппы Новосвободной станицы.

---

[1] Косвенным указанием на неясность принадлежности рассматриваемого сосуда к определенному комплексу может служить упоминание де-Бая о наличии изображений, сделанных краской, черточками, на одном из сосудов из 1-го кургана станицы Новосвободной. Так как ни на одном из 9 сосудов этого кургана таких изображений нет, автор, очевидно, отнес сюда рассматриваемый сосуд из станицы Костромской, который, следовательно, еще после раскопок 1898 г. находился в б. Археологической комиссии, где автор знакомился с соответствующими материалами. См.: De Baye. Fouilles de kourganes au Kouban (Caucase). Mém. Soc. Nat. Antiq. de France, LIX, 1900, стр. 53. Если принять наше предположение о принадлежности этого сосуда 1-му скифскому кургану станицы Костромской, то прав будет Б. Е. Деген, отметивший (КСИИМК, XI, 1945, стр. 145) неоправданность исключения его мною в работе 1931 г. (СГАИМК, 1931, № 2) из ряда других северо-кавказских сосудов раннескифского времени с изображением оленей.

Мелкие «костяные», на деле пастовые, рубленые бусы 3-го кургана, сохранившиеся в Историческом музее, очень близки аналогичным бусам 1-го кургана и других раннескифских комплексов Прикубанья, отличаясь от них лишь отсутствием окрашенных экземпляров. В курганах доскифского времени мы таких бус пока не знаем, но во впускном позднейшем погребении № 31 Нальчикского неолитического могильника они есть.[1] Это погребение вполне обоснованно можно сближать хронологически с памятниками среднекубанской группы.[2] Бусы из пасты в курганах среднекубанского времени Кабарды и Пятигорья несколько отличны по форме.[3]

В целом, таким образом, находки из 3-го Разменного кургана должны считаться слишком недостоверными, чтобы на них можно было опирать какую-либо хронологическую схему. Они сами нуждаются в опоре. Если исключить сосуд с изображением оленей, то весь остальной вещественный комплекс, как и обряд захоронения и самое могильное сооружение, говорит скорее всего о принадлежности его к подгруппе Новосвободной станицы с элементами перехода к среднекубанской группе.

Соломенский курган, раскопанный в 1926 г. близ Нальчика местными жителями и доследованный заведующим местным музеем М. И. Ермоленко,[4] содержал три погребения со скорченными костяками, лежавшими на правом боку, головой на запад, при которых находилось 7 глиняных сосудов с красной лощеной поверхностью, в двух случаях орнаментированных резным рисунком. Эта керамика сопоставляется с керамикой позднего комплекса Долинского поселения. В то же время четыре из семи сосудов, имеющие форму горшков с уплощенным дном и широким горлом с отогнутым венчиком, несомненно являются дальнейшим развитием формы «майкопского» горшка, представленного в Нальчике в кургане в Садках 1922 г.

Пятый горшок Соломенского кургана, технически примыкающий к остальным, по своей форме более близок к сосудам среднекубанского времени, особенно Пятигорского района.[5] Остальные два сосуда — чаши — по форме не имеют близких местных аналогий, хотя в среднекубанское время чаши встречаются довольно часто.

Кроме сосудов в кургане найден ряд медных украшений явно среднекубанского времени, медный кинжальчик или нож, костяная орнаментированная поделка с грубой головкой животного на конце, не поддающаяся датировке, разомкнутое золотое колечко малого размера и две сердоликовых бусы. Приурочить эти предметы к погребениям, за отсутствием фиксации мест их находки, не представляется никакой возможности. Вполне возможно, что они происходят из одного или нескольких впускных погребений,[6] вскрытых раньше или позже зарисовки трех погребений, сделанной, по просьбе М. И. Ермоленко, отдыхавшим в Нальчике художником и являющейся единственным документом по раскопке этого кургана.

---

[1] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий, ук. соч., стр. 119—120 и табл. II.

[2] Там же, стр. 127.

[3] Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА СССР, № 3. 1941, стр. 262.

[4] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА СССР, № 3, 1941, стр. 193—196 и табл. XI.

[5] Например: Б. Е. Деген, ук. соч., табл. XIV, 19—20.

[6] Возможность эту допускают А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, ук. соч., стр. 196, прим. 3; ее же считают установленной А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий, ук. соч., стр. 127.

Таким образом, Соломенский курган по своей керамике стоит, видимо, позже подгруппы Майкопа и примыкает к подгруппе Новосвободной и Долинского поселения (позднего комплекса), при наличии элементов, переходных к группе среднекубанского времени. Однако наличие медных, среднекубанских по времени, украшений (и не ранних в пределах этого периода) при недостаточной документации заставляет нас и этот интереснейший курган, как и 3-й Разменный, исключить из числа опорных комплексов.

Нам остается сказать несколько слов о датировке основного, более раннего комплекса Долинского поселения около Нальчика. Выше уже упоминались характерные для этого горизонта красные сосуды с мажущимся черепком, технически близкие майкопской группе погребальной курганной керамики. Эта посуда в Долинском поселении сопровождается весьма грубой посудой, пережиточно воспроизводящей формы сосудов, известные еще из неолитического Агубековского поселения близ Нальчика. Можно поэтому, вместе с авторами исследования о Долинском поселении,[1] считать, что ранний комплекс Долинского хронологически стоит между Агубековским поселением и поздним комплексом Долинского, примерно синхронным, как мы уже отмечали, с подгруппой Новосвободной.

Что же касается памятников, синхронных с ранним комплексом Долинского, то, как сказано выше, напрашивается параллелизация его с Майкопской подгруппой.

Однако наличие в этой же местности, на 1—2 км ближе к г. Нальчику, курганных погребений с совершенно совпадающими с майкопскими (и по форме и по технике) сосудами и с бесчеренковыми медными ножами,[2] о чем выше уже упоминалось, заставляет хронологически разделять основной горизонт Долинского и Майкопскую подгруппу. Повидимому, из них более поздней нужно считать последнюю, и тогда Майкоп соответствовал бы хронологическому промежутку между ранним и поздним комплесками Долинского. Косвенно об этом свидетельствует и наличие в Долинском, в позднем комплексе, обломков больших сосудов, соответствующих майкопским по профилю, но не по технике и размерам.[3]

Несомненно правильно отмечаемое сходство культуры основного раннего комплекса Долинского с развитой Трипольской культурой Украины для интересующих нас в данной связи вопросов детальной хронологизации имеет слишком общий характер.[4]

V

Третий из намеченных выше путей исследования — стилистический анализ памятников искусства — в настоящее время для определения относительной хронологии интересующей нас группы погребений не применим, так как мы на Северном Кавказе не располагаем сравнительным материалом для сопоставлений. Изображения животных из Майкопского кургана [5] и Старомышастовского клада,[6] как и человеческие фигурки на вилообразном орудии из Новосвободной[7], являются пока изолирован-

---

[1] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, ук. соч., стр. 196—198.
[2] А. А. Иессен, МИА СССР, вып. 3, 1941, стр. 18, рис. 2, 5—6.
[3] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, ук. соч., стр. 189, рис. 28, 2.
[4] Там же, стр. 197.
[5] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, вып. 34, 1914, табл. XXI—XXIX.
[6] ОАК, 1897, стр. 64—65, рис. 158 и 159.
[7] ОАК, 1898, табл. II, рис. 29.

ными, не имеющими параллелей в местных памятниках так называемой «среднекубанской» группы. Ни у кого не вызывает сомнений, что эти изображения старше раннескифского искусства VI в. до н. э. Сопоставления же с памятниками более южных районов, начиная с позднебронзовой культуры Кобани и находок в Триалетских курганах, выводят нас из местного северо-кавказского окружения, каковым мы пока должны ограничиться.

Во всяком случае бесспорно, что изобразительное искусство Майкопской группы вполне доказательных и близких аналогий, которые позволили бы сразу точно определить его культурную и хронологическую принадлежность, не имеет также и на юге. Это доказывается хотя бы широким диапазоном сопоставлений, для которых Фармаковский привлекал памятники древневосточного искусства II тысячелетия, а Ростовцев — IV—III тысячелетий до н. э.

Следовательно, для детального выяснения хронологической позиции всей группы в пределах Северного Кавказа, памятники искусства нам пока, впредь до накопления дальнейшего материала, помочь не могут.

Об изображении оленя на сосуде из Костромской станицы все необходимое сказано выше.

Завершая рассмотрение фактического материала «больших кубанских курганов», нам следует остановиться еще на аргументе негативного порядка, также подкрепляющем нашу точку зрения. Допустив позднюю датировку «больших курганов» предскифским временем, мы неизбежно придем к неразрешимому противоречию. В этом случае время рассматриваемой группы памятников должно будет более или менее совпадать со временем древнего Кобанского могильника и всей кобанской или колхидско-кобанской культуры позднего бронзового века, отличающейся несравненно более высоким уровнем, прежде всего, технического развития.

В частности, металлический инвентарь Кобани совершенно не сравним с глубоко архаичным по сравнению с ним инвентарем Майкопа, Новосвободной и других «больших курганов». К тому же множество форм «кобанских» бронз закономерно объяснимы из форм более раннего времени, относящихся как к среднекубанской группе Северного Кавказа, так и к памятникам Закавказья II тысячелетия (долота, тесла, секиры, многие украшения и т. п.). Во всех этих случаях мы видим в кобанской бронзе дальнейшее развитие, усовершенствование и усложнение более ранних форм II тысячелетия до н. э. В то же самое время, в пределах области распространения культуры «больших курганов», в основном не совпадающей с ареалом кобанской и колхидской культуры, мы бы имели комплекс изделий из меди, резко отличный от кобанской бронзы и вместе с тем по многим чертам более архаичный, чем докобанские медные изделия II тысячелетия («среднекубанской» группы), распространенные на этой же территории. Такое положение было бы объяснимо единственно путем введения нового допущения, именно гипотезы о резком отставании в развитии культуры Прикубанья по сравнению со смежными областями Кавказа, отставании настолько значительном, что оно привело в конце II и в начале I тысячелетия до н. э. даже к регрессу по сравнению с местной предшествующей культурой среднекубанского этапа. Этот регресс должен был бы выразиться в области материальной культуры в возрождении или появлении архаических форм медных орудий, исчезнувших в Передней Азии и юго-восточной Европе за тысячу лет ранее их появления на Кубани. Для подобных гипотез мы не имеем никаких реальных оснований.

Между тем сейчас все более отчетливо начинают выявляться местные прикубанские археологические памятники, относящиеся к предскифскому времени и, следовательно, синхронные кобанской культуре,[1] памятники, совершенно отличные и по инвентарю, и по всем другим признакам от группы «больших курганов». Таким образом, начинает наполняться конкретным содержанием постулированная еще в 1929 г. «позднекубанская» группа А. В. Шмидта, к каковой он тогда смог отнести только погребение с тремя втульчатыми наконечниками копий из бронзы, открытое Н. И. Веселовским в 1895 г. в кургане Крымской станицы, и два сходных наконечника копий из случайных находок в районе Геленджика.

Однако, даже и не говоря об этом фактическом материале, заполняющем в Прикубанье тот хронологический отрезок, который Б. Е. Деген-Ковалевский, а отчасти и М. И. Артамонов склонны занять группой «больших курганов», приведенных выше соображений положительного порядка, основанных на «материальных темах», по выражению первого из этих авторов, уже достаточно для отнесения этих курганов к раннему времени, к началу периода меди и бронзы.

VI

Абсолютная датировка «больших кубанских курганов» может и должна быть выяснена только путем синхронизации кубанской и вообще предкавказской стратиграфической колонки с памятниками иных территорий, прежде всего более южных. Попытки таких сопоставлений делались неоднократно; однако обычно они опирались на сравнение отдельных элементов вещественного комплекса «кубанских курганов», к тому же взятых вне связи с другими памятниками Северного Кавказа, с такими же отдельными элементами материальной культуры других стран, подчас весьма далеких. Поэтому такие сопоставления приводили к разноречивым или недостаточно обоснованным выводам, в результате чего абсолютная хронология Майкопского и Новосвободненских курганов, прежде всего интересовавших исследователей, колебалась в чрезвычайно широких пределах, от конца IV тысячелетия и до VII в. до н. э.

Нам прежде всего хотелось бы отбросить, как методически непригодное для хронологических целей, сопоставление керамики из курганов станицы Новосвободной с фатьяновской керамикой Центральной России. Абсолютная датировка Фатьяновской культуры далеко еще не является твердо установленной и требует со своей стороны обоснования путем ее сопоставления с южными, в том числе и северо-кавказскими культурами.

Абсолютная хронология кубанских памятников установилась бы наиболее бесспорным образом, если бы в составе соответствующих комплексов мы могли указать несомненно привозные и хорошо датируемые вещи южного происхождения. Этим путем попытался пойти Г. Шмидт, отметивший сходство большого ножа или кинжала Майкопского кургана (табл., *1*, *6*) с «бритвами» среднеминойского или начала позднеминойского времени на Крите,[2] против чего возражал А. В. Шмидт, отметивший недостаточную надежность датировки самих минойских

---

[1] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и в начале I тысячелетия до н. э. КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 18—21.

[2] Hubert Schmidt. Vorgeschichte Europas, I. Берлин, 1924, стр. 100.

бритв.[1] К тому же и размеры соответствующих предметов, по своим очертаниям сходных, совершенно различны: длина майкопского кинжала 31 см, а минойских 13—20 см. Связи с Эгейским бассейном пытались видеть и в алебастровых женских статуэтках из Ульского аула (курган № 5, 1909 г.),[2] а импорт из придунайских стран — в глиняных статуэтках оттуда же и в глиняных курильницах степного типа на крестовидной ножке.[3]

Между тем и эти сопоставления, по мере накопления местного археологического материала, оказываются все менее достоверными, поскольку ни в одном из этих случаев на Северном Кавказе нет безусловно полного формального совпадения с изделиями, находимыми в других областях, и близость с ними является очень общей. С другой стороны, на месте, на Северном Кавказе, начинают прослеживаться элементы местного сложения соответствующих форм, дающие все основания видеть в них результат местного производственного развития. Это относится и к женским статуэткам, известным нам теперь в ряде находок, начиная с неолитического Агубековского поселения у Нальчика[4] и с Нальчикского могильника,[5] причем известны и каменные и глиняные их экземпляры. То же самое следует сказать и о глиняных курильницах, прошедших в степном Предкавказье длинный путь местного развития и появившихся, очевидно, в силу местных потребностей, которые нет никаких оснований считать заимствованными с далекого запада.

Стилистические сопоставления художественных изображений из Майкопа и Старомышастовской с памятниками Древнего Востока также не дали безусловно убеждающих результатов. Интересная попытка М. И. Ростовцева[6] сравнить изображения из Майкопа и Старомышастовской с памятниками додинастического Египта, архаического Шумера и Элама не выводит за пределы общих сближений, иногда ярких формальных совпадений, объяснимых стадиальной близостью идеологии варварского общества в различных странах. Несомненно, что эта близость не обязательно соответствует и хронологической близости, а обусловлена в основном местным историческим развитием, приводящим в разных местах и в различные хронологические моменты к сходным формам идеологии и ее отражения в искусстве. Естественно ожидать при этом, что передовые по своему развитию страны (Египет, Южная Месопотамия) должны были достичь соответствующего уровня развития ранее северных, периферийных областей Древнего Востока, к которым для IV — начала III тысячелетий до н. э. следует относить не только Северный Кавказ, но и Анатолию, Армению и северо-западный Иран. Можно поэтому считать, что М. И. Ростовцевым установлен лишь terminus post quem, моложе которого на какой-то отрезок времени должны быть памятники Прикубанья.

Что касается исследования Б. В. Фармаковского,[7] то приведенные в нем сопоставления изображений из Майкопского кургана с памятни-

---

[1] A. V. Schmidt, ук. соч., стр. 18—19.

[2] Н. И. Веселовский. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе. ИАК, вып. 35, 1910, стр. 3 сл.

[3] Н. И. Веселовский, ук. соч.; A. M. Tallgren, ук. соч., стр. 22—40, в особенности стр. 38.

[4] Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Неолитическое поселение близ г. Нальчика. МИА СССР, № 3, 1941, стр. 55, рис. 3, *1*.

[5] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА СССР, № 3, 1941, табл. VIII, *1*.

[6] M. Rostovzev. L'âge du cuivre dans le Caucase septentrional. RA, XII, 1920, стр. 1—37.

[7] Б. В. Фармаковский, ук. соч., стр. 53—72.

ками главным образом малоазийского хеттского мира II тысячелетия до н. э. в ряде случаев имеют достаточно конкретный характер, однако при внимательной проверке их прежде и сильнее всего бросается в глаза больший общий архаизм майкопских изображений по сравнению с хеттскими. В этом можно убедиться хотя бы по значительному единообразию в изображении животных различных видов в Майкопе или по полному господству в Майкопе изображений животных, при совершенном отсутствии антропоморфных элементов.

Таким образом, сопоставления Б. В. Фармаковского, как мне представляется, дают скорее всего terminus ante quem для датировки Майкопа. Вместе с тем большой заслугой Б. В. Фармаковского явилось указание на Малую Азию как на возможную область возникновения тех образов, которые в более раннем своем выражении представлены в Майкопе, а в более развитых и поздних формах — в хеттском и сиро-хеттском искусстве.

Следовательно, ни попытки выявления и датировки в составе комплексов «больших кубанских курганов» отдельных привозных вещей, ни широкие сопоставления художественного стиля прикубанских памятников с искусством Древнего Востока не привели к удовлетворительному решению интересующей нас хронологической проблемы.

Очевидно для получения искомого ответа остается итти путем широкого сопоставления кубанских комплексов с комплексами смежных стран. Такое сопоставление должно бы быть осуществлено на подлинных материалах из раскопок в Передней Азии, нам лишь очень недостаточно известных по изданиям. Разумеется, что эта трудоемкая работа не может быть выполнена сейчас с необходимой полнотой.

Поэтому остановимся лишь на важнейших моментах, могущих пролить свет на абсолютную датировку кубанской группы.

Ближайшие районы Закавказья для III—II тысячелетий до н. э. еще не достаточно изучены, и хронология соответствующих памятников не получила еще необходимой разработки. Тем не менее, ряд аналогий к находкам в «больших курганах» нам известен (медные наконечники копий с четырехгранным насадом, как в Новосвободной и в Псебайском кургане; долота с четырехгранным насадом, прямые проушные топоры и т. д.).[1] Известны и некоторые керамические находки, как, например, два сосуда из пещеры в Дошаки в Мингрелии,[2] напоминающие керамику Майкопского кургана. Все эти находки не имеют аналогий в памятниках среднего и позднего медно-бронзового века Закавказья и, несомненно, предшествуют им во времени.

В частности, курганы Цалки (Триалети), относящиеся к среднему периоду медно-бронзового века, по ряду признаков должны быть позже этих находок, а следовательно, и позже «больших кубанских курганов». При всей неясности отдельных деталей хронологического определения Триалетских курганов, все же крайние пределы датировки «младшей» их группы Б. А. Куфтиным намечены достаточно ясно. Эта группа относится ко времени позже упомянутых выше отдельных ранних медных орудий и ранее памятников развитого бронзового века. Сопоставимыми с северо-кавказскими комплексами оказываются прежде всего курганы первой и средней подгрупп триалетских младших

---

[1] Последняя сводка находок дана в работах Б. А. Куфтина. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 10—15; он же. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. Вестник Гос. Музея Грузии, т. XII—B, Тбилиси, 1944, стр. 297—303.

[2] Поти, Музей Колхиды.

курганов.[1] Так, XV курган, отнесенный Б. А. Куфтиным по керамике (черная роспись по красному фону) к первой, видимо древнейшей, подгруппе, по своему металлическому инвентарю (втульчатый бронзовый наконечник копья, бронзовые кинжал и острие и др.),[2] явно относится к более позднему времени, чем «большие кубанские курганы». Курганы V и XVII, тесно связанные между собой и относимые Б. А. Куфтиным к средней хронологической подгруппе, дали серебряный кинжал, золотой кубок со спиральным орнаментом, инкрустированным цветными камнями и повторяющим орнамент расписной керамики тех же курганов, а также серебряные ведерко и кубок со сложной многофигурной композицией, и т. д.;[3] они также, несомненно, должны быть отнесены ко времени более позднему, чем «кубанские курганы».

Собственная же дата всей «младшей» группы, триалетских курганов безусловно охватывающей довольно значительный отрезок времени, никак не может быть позже середины II тысячелетия до н. э.

С другой стороны, курган XL, отнесенный Б. А. Куфтиным к древне-бронзовой эпохе,[4] по обсидиановым наконечникам стрел, не отличается заметно от курганов XV и XXXVI первой и средней подгрупп младших курганов.[5] Между тем в кургане XL обнаружены два плоских черенковых кинжальных клинка (или кинжал и наконечник копья) и шесть выпуклых медных блях с шишечным орнаментом;[6] последние имеют весьма близкие аналогии на Северном Кавказе в погребениях средне-кубанской группы.[7] То же самое следует сказать о медных кинжальчике и остриях из курганов XIX и XXIV той же древне-бронзовой эпохи.[8] Таким образом, создается впечатление, что и эти ранние или старшие триалетские курганы моложе «больших кубанских курганов», в особенности Майкопской их подгруппы.

Вместе с тем, хронологическое положение старших триалетских курганов, как более молодых по сравнению с энеолитическими поселениями южного Закавказья, вырисовывается достаточно отчетливо.

Все сказанное приводит нас к выводу, что по отношению к Закавказью так называемые «большие кубанские курганы» должны быть синхронными упомянутым выше отдельным находкам медных орудий, аналогичных кубанским экземплярам, и старше всех подгрупп курганов Триалети. Соотношение кубанских курганов с энеолитическими поселениями Закавказья пока не может быть достаточно уточнено, но следует думать, что поселения типа Шенгавита и Шреш-блура окажутся старше рассматриваемых нами курганов Прикубанья.

Обращаясь к более отдаленным районам юга, следует прежде всего упомянуть о недавно открытом богатейшем комплексе могильника Аладжи в Центральной Анатолии, где мы в общем облике его погребений можем отметить значительную близость стадиального характера

---

[1] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 85—90.

[2] Там же, табл. LXXXI, *2*; LXXXIII, *5—7*; C: CII, *1*; CV, *1* и *4*; CVI.

[3] Там же, табл. LXXVI; LXXVII; LXXVIII; LXXXVIII и сл.; XCI; XCIII; CV, *2*.

[4] Там же, стр. 101.

[5] Там же, стр. 85—86, табл. CVI bis.

[6] Там же, табл. CXV.

[7] Например, из кургана станицы Ново-Джерелиевской и из Шатохина кургана у станицы Кужорской (Эрмитаж, Раскопки Н. И. Веселовского в 1911 и 1908 гг.). Более развитые и, вероятно, более поздние варианты их из кургана близ Кисловодской станицы см.: В. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА СССР, № 3, 1941, табл. XV (стр. 313).

[8] Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 104, рис. 109.

с Майкопским и другими кубанскими погребениями. Близких предметных аналогий Аладжа, однако, не дала. Хронологическое соотношение этих двух групп памятников требует еще специального исследования, опирающегося на детальное изучение всего добытого в Аладже вещественного материала, изданного в некоторых частях недостаточно полно (это, например, относится к бусам). На основании предварительных сопоставлений по изданиям, можно сказать, что и в Аладже немногие найденные орудия имеют несколько менее архаичный облик, чем на Кубани (кинжалы, ножи), хотя это и не может служить вполне убедительным аргументом в пользу большей древности кубанских, в частности майкопского, погребений.

Вместе с тем, вопрос об абсолютном возрасте погребений Аладжи, несомненно покрывающих довольно значительный отрезок времени, не менее 2 или 3 столетий, также еще недостаточно ясен. Существенно напомнить, что погребения Аладжи залегают в культурных отложениях медного века, верхний горизонт которых несет следы пожарища. Эти слои перекрыты ненарушенным слоем эпохи древнего хеттского царства.[1] Таким образом, по общепринятой хронологии эти погребения старше начала древнехеттской державы, т. е. старше примерно 1950 г. до н. э. Сейчас, после установления новой хронологии I Вавилонской династии,[2] этот верхний предел Аладжинского могильника должен считаться более или менее прочно установленным.[3] Вместе с тем в инвентаре одного из погребений Аладжи (могила ВМ, обнаруженная в слое пожарища и относящаяся к позднейшим в могильнике) найдена хеттская каменная печать с изображением двух птиц и зайца.[4] Если мы в данном случае имеем дело не со случайно попавшим в более древнее погребение из верхних слоев предметом, то эта находка должна привести к пересмотру датировки могильника и перекрывающих его культурных слоев; можно было бы думать, что позднейшие погребения могильника относятся к начальному периоду древнехеттского царства, а перекрывающий их культурный слой — к более поздним моментам его существования. К сожалению, по опубликованным отчетам ясного представления о такой возможности получить нельзя.

Таким образом дата Аладжинского могильника, исходя из вещественного комплекса его инвентаря, мне представляется сейчас близкой к 2000 г. до н. э., т. е. относящейся к предхеттскому времени.

Нам следует еще остановиться на сопоставлениях находок из «кубанских курганов» с находками в Трое и в Эгейском бассейне. Впервые на аналогии между ними обратил внимание еще А. А. Спицын (в 1907 г.).[5] После него к привлечению материалов из Трои и Восточного Средиземноморья для датировки наших памятников неоднократно возвращался А. М. Тальгрен, а также и М. И. Ростовцев. Сопоставления эти в основном были безусловно правомерны и ведут нас к параллелизации «больших курганов» Кубани с Троей II, а не с Троей VI, как пытался доказать Б. Е. Деген-Ковалевский. Особенно важно наличие в Трое II и в ряде синхронных памятников медных долот и других орудий с четырех-

---

[1] Remzi Oğuz Arik. Les premiers résultats des fouilles d'Alacahöyük. Belleten, I, 1937, № 1, Анкара, стр. 222 сл.; Fr. Hančar. Alaca-Höyük. Wiener Beiträge zur Kunst- und Kulturgeschichte Asiens, XII, 1938, стр. 6.

[2] В. В. Струве. Датировка I Вавилонской династии. ВДИ, 1947, № 1, стр. 9—35.

[3] H. Bossert, ук. соч., табл. на стр. 38.

[4] Hančar, ук. соч., табл. IV, 5; Bossert, ук. соч., рис. 681—682; последний автор относит ее к новохеттскому царству.

[5] ЗРОРАО, т. VIII, вып. 2, 1909, стр. 286 (протокол заседания 14 апреля 1907 г.).

гранным насадом,[1] отсутствующих в позднейших слоях. Так же близки и детали некоторых серебряных сосудов (ушки для подвешивания, крышки) в Трое II, Майкопе и Старомышастовской.

Дата Трои II, опирающаяся в конечном счете на хронологию Египта, а не Месопотамии, вопреки попыткам ее омоложения, предпринятым недавно Обергом,[2] может считаться установленной в пределах второй половины III тысячелетия до н. э.[3]

Относимый к Трое II клад «L», содержавший известные каменные секиры из лазурита и нефрита,[4] по стратиграфическим условиям зафиксирован недостаточно точно и может относиться и к более позднему времени (Трои III—V). Секиры этого клада имеют формально близкие аналогии на Северном Кавказе в комплексах ранней половины среднекубанского времени.

Что же касается Трои VI, датируемой сейчас примерно 1600—1300 гг. до н. э., и Трои VII, то имеющиеся к находкам этого периода аналогии в Прикубанье относятся либо к позднейшей половине среднекубанского периода, либо к еще более позднему времени. Никаких конкретных параллелей к материалу наших «больших курганов» ни Троя VI, ни тем более Троя VII уже не дают.

Попытка Б. Е. Деген-Ковалевского использовать для поздней датировки Майкопского кургана найденный в нем рифленый серебряный сосуд[5] по техническому признаку — наличию рифления, якобы появляющегося впервые в начале I тысячелетия до н. э.,[6] основана на чистейшем недоразумении. Рифленые металлические сосуды из серебра, меди и золота могут быть указаны и в так называемом «царском» могильнике Ура, и в Трое II, и в Аладже.[7]

В этой связи необходимо еще указать, что могильник Аладжи по ряду элементов погребального инвентаря в свою очередь связывается с Троей II, что подкрепляет вероятную их синхронность, хотя бы частичную, вытекающую и из независимого для обоих памятников определения их возраста.

Наконец можно отметить, что комплекс медных орудий больших кубанских курганов в общем имеет больше сходства с находками в Малой Азии и Северной Сирии, чем с находками в Ассирии и Южной Месопотамии. В частности, очень близкие к кубанским наконечники копий с четырехгранным насадом найдены в погребениях в каменных ящиках в Кархемише, в районе наибольшего приближения Евфрата к побережью Средиземного моря. Относятся они ко второй половине III тысячелетия до н. э.[8]

---

[1] H. Schmidt. Heinrich Schliemanns Sammlung trojanischer Altertümer. Берлин, 1902, стр. 251, №№ 6213—6239; стр. 226, №№ 5823—5825.

[2] N. Åberg. Bronzezeitliche und früheisenzeitliche Chronologie, III: Kupfer- und Frühbronzezeit. Стокгольм, 1932, стр. 123—158.

[3] См., напр.: Childe. The Orient and Europe. AJA, 1939, № 1, стр. 14, 19, 24 (Троя II при всех вариантах еще III тыс. до н. э.). Новые датировки Бледжена, AJA, 1940, № 3, стр. 365—366 (Троя II 2600—2300 до н. э.), возможно преувеличены.

[4] H. Schmidt, ук. соч., стр. 242—244.

[5] Я. И. Смирнов. Восточное серебро, 1909, табл. CXXX, № 326.

[6] Б. Е. Деген-Ковалевский, КСИИМК, II, 1939, стр. 15.

[7] H. Schmidt, ук. соч., стр. 229, № 5860 (Троя II); Hančar, ук. соч., табл. III; Bossert, ук. соч., табл. 64 (Аладжа); L. Woolley. Ur und die Sintflut. Лейпциг, 1931, табл. 7 и 10 (Ур).

[8] Hogarth. The Kings of the Hittites. 1926, стр. 25, рис. 26; V. Christian. Altertumskunde des Zweistromlandes, I. Лейпциг, 1940, табл. 324, 4—7.

Сходный наконечник найден в том же районе в Тиль Барсиб и относится к периоду аккадской династии, т. е. к тому же времени.[1]

Аналогичные по своим формам, хотя часто и отличающиеся в деталях, медные орудия найдены и в других районах Восточного Средиземноморья — на Кипре, Крите, в синхронных Трое II слоях Терми на Лесбосе и в других пунктах, причем все эти находки относятся к домикенскому периоду, т. е. старше по меньшей мере середины II тысячелетия до н. э.

Что касается Северного Причерноморья, то сходные с раннекубанскими долото и тесло найдены в Усатове в позднетрипольском комплексе, что также хорошо вяжется со всеми приведенными выше наблюдениями.

Необходимо еще коснуться аналогий к находкам из курганов станицы Новосвободной в так называемом «царском» могильнике Ура, отмеченных А. В. Шмидтом. Некоторые черты близости тут, несомненно, прослеживаются, но говорить о тождестве ни в одном случае не приходится. Все же стоит отметить, что дата Урского могильника теперь, по уточнении месопотамской хронологии, должна определяться как близкая к 2500 г., а не к 3100—3000 гг. до н. э., как считалось во время появления работы А. В. Шмидта.

Также существенно отметить, что для более поздних, чем Майкоп и Новосвободная, курганов Триалети наиболее близкие месопотамские аналогии относятся к периоду более позднему, чем Урский могильник. Наиболее убедительна в этом отношении чрезвычайная близость агатового кулона в золотой оправе из кургана VIII в Триалети [2] с таким же кулоном из Урука,[3] относящимся к эпохе царя Шусина третьей династии Ура (сейчас датируется около 2100—2000 гг. до н. э.). Близость обоих предметов настолько велика, что вполне вероятны как происхождение их из одного производственного центра, так и хронологическая близость если не всего комплекса кургана VIII, то по крайней мере данной вещи из его состава с находкой в Уруке. Несомненно также, что серия раскопанных Триалетских курганов покрывает не одно, а ряд столетий.

Приведенные соображения свидетельствуют о том, что материал, обнаруженный в «больших курганах» раннекубанской группы, находит себе наиболее близкие аналогии в памятниках второй половины и конца III и отчасти самого начала II тысячелетия до н. э. в странах Передней Азии. Детальный разбор всего комплекса кубанских находок позволил бы еще уточнить и увеличить этот ряд сопоставлений. Можно не сомневаться в том, что, не взирая на территориальную удаленность Прикубанья от Анатолии, Кипра, Месопотамии и Ирана, возраст раннекубанской группы этими сопоставлениями определяется, конечно в общих чертах, достаточно хорошо. Это утверждение можно было бы подкрепить сопоставлениями позднейших этапов культурного развития Прикубанья с более поздними этапами закавказской и переднеазиатской культурной стратиграфии II и начала I тысячелетий до н. э., для чего мы в данной статье не располагаем необходимым местом. Вполне вероятно, что в случае возможности детального сопоставления импортных с юга каменных бус Майкопского, Старомышастовского и других комплексов с бусами Передней Азии этот материал сможет значительно помочь уточнению абсолютной хронологии раннекубанских памятников.

Вместе с тем приведенные параллели обращают наше внимание на то обстоятельство, что наиболее убедительные аналогии, относящиеся

---

[1] Christian, ук. соч., табл. 388,7.
[2] Б. А. Куфтин, ук. соч., стр. 93, рис. 97.
[3] Там же, стр. 94, рис. 98.

к металлическим изделиям, в Передней Азии относятся не к самым начальным этапам освоения меди. Это дает нам некоторое право ожидать, что в дальнейшем мы и на Северном Кавказе, в том числе и на Кубани, получим возможность проследить действительно первичные моменты проникновения металла, предшествующие его разностороннему освоению на стадии Майкопа и Новосвободной, о чем мы уже упоминали выше. Таким образом, раннекубанскую группу в целом следует относить если не к самым начальным, то все же к ранним этапам северо-кавказского медного века, а абсолютная ее датировка может быть с достаточной степенью вероятия определена как конец III тысячелетия до н. э. Более точное определение возраста отдельных курганов и их групп станет возможным лишь по мере накопления новых наблюдений и новых материалов.

В порядке гипотезы я лично предложил бы датировать подгруппу Майкопского кургана пока несколько широко, примерно пределами от 2300 до 1900 лет до н. э., а подгруппу Новосвободной от 2100 до 1700 до н. э., считая вторую более поздней, чем первая, и считая рубеж между ними близким к 2000 г.

VII

Всем сказанным, как мне кажется, ранняя датировка так называемых «больших кубанских курганов» и отнесение их к медному веку на Северном Кавказе могут считаться доказанными.

Нам могут, однако, вместе с Б. Е. Деген-Ковалевским, возразить, что «социальная тема», картина социальных взаимоотношений, обнаруживаемых нашими памятниками, решительно противоречит нашим выводам и требует их коренного пересмотра. Действительно, мы здесь подходим к самой сложной стороне всей проблемы.

Такие богатые погребения, как Майкопское, как погребения в двух курганах Новосвободной, к тому же в Майкопе снабженное сопровождающими захоронениями,[1] естественно не могут принадлежать обществу, не знающему еще никакой имущественной и социальной дифференциации. Фактом остается и то, что, несмотря на относительно очень большое число исследованных погребений среднекубанской группы, в несколько раз превышающее число изученных погребений раннего времени, мы пока ни в одном случае еще не видим захоронений, сходных по своему богатству с «большими курганами». Как нами уже отмечалось в иной связи, мы в среднекубанских памятниках не видим также и следов тех прямых сношений с югом, которые так явственно выступают в Майкопе, Новосвободной, Старомышастовской и других находках раннего времени.[2]

По всем этим признакам некоторые северо-кавказские аналогии для нашей группы мы можем найти лишь на завершающем этапе бронзового века — в Кобанской культуре, а дальнейшее их развитие — только в раннескифских курганах. Поэтому действительно заманчиво было бы видеть в погребенных в «больших курганах» непосредственных предшественников скифских племенных вождей VI в. до н. э., могилы которых

[1] Утверждение Б. Е. Деген-Ковалевского (КСИИМК, II, стр. 16) о сопровождающих погребениях «жен или рабов» остается на ответственности автора, так как антропологический материал из «больших курганов» ни в одном случае не был изучен и не сохранился.

[2] Ср. А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 21—22.

обнаружены в Келермесе и Ульском ауле. Сделать такое заключение значит, однако, избрать для решения вопроса путь наименьшего сопротивления. Прочного, окончательного решения вопроса на этом пути найти нельзя, ибо все приведенные нами материальные факты резко ему противоречат, а факты — упрямая вещь, и на фактах должны быть построены наши выводы.

Следовательно, задача должна решаться не путем перенесения рассматриваемых памятников, вопреки материальным, вещественным фактам, в предскифское время, а путем исторического осмысления установленной действительной последовательности древних культур Предкавказья.

При попытке такого осмысления нельзя забывать о неполноте и отрывочности наших знаний, нельзя забывать, что еще 20—25 лет тому назад мы вообще на Кавказе не знали памятников, хронологически сопоставимых с Майкопом и его группой, что впервые 10 лет тому назад стала нам открываться древняя высокая культура южной Грузии (Триалети), что только 1930-е годы приоткрыли перед нами энеолитические культуры Колхиды и Армении, что дальше на юге древние культуры Ирана и Центральной Анатолии начали исследоваться лишь с 1926—1930 гг., а ближайше сходные в социальном разрезе погребения Аладжи впервые обнаружены в 1935 г. Совершенно несомненно, что и сейчас наше знание источников еще далеко не достаточно, что круг их будет расширяться и в дальнейшем.

Поэтому чрезвычайно опасно и неосмотрительно пытаться решать все вопросы на основании уже известного недостаточного материала источников. Нет никакой надобности в выстраивании всех линий и направлений в развитии древней культуры в сплошные последовательные ряды. Такие попытки неизбежно должны привести во многих случаях к ошибочным, неверным, а следовательно, временным и преходящим построениям. В частности, смыкание неполных рядов фактов в отношении хронологии неизбежно должно привести к искусственно укороченным хронологическим схемам, к известной боязни ранних датировок, которой многие наши археологи страдали все последние десятилетия. Достаточно напомнить, что недавно еще мало кто решался у нас говорить о памятниках III, а тем более IV тысячелетия до н. э. на территории СССР и 2000-й год до н. э. являлся каким-то таинственным пределом — «его же не прейдеши». В рамки двух тысячелетий до н. э. стремились уложить весь неолит, энеолит, бронзовый и раннежелезный век. Тем самым создавался искусственный разрыв между хронологией палеолита и мезолита, давно стоящей на здоровых методологических началах, и хронологией позднейших эпох.

Гораздо вернее и разумнее не бояться пробелов в наших источниках, не стремиться затянуть их искусственной тканью, а прямо на них указывать. Необходимо строго различать выводы, опирающиеся на факты, являющиеся основой, остовом будущего цельного и полного исторического построения, и гипотезы, создаваемые для объяснения неполных рядов фактов и имеющие только временный характер.

Если с такой точки зрения подойти к оценке социального содержания культуры «больших курганов», то нужно будет признать, что фактом является их ранняя датировка, а раскрытие их социальной значимости пока что возможно только в порядке гипотезы.

Это положение нашло свое отражение и в имеющихся попытках социальной характеристики погребений «больших кубанских курганов». Не останавливаясь на таких общих определениях, как «княжеские» или «царские» погребения, отметим, что В. В. Гольмстен в 1931 году склонна

была видеть в них памятники «распада родового общества», следы «накопления на почве эксплоатации чужого труда» и «процесс выделения и укрепления класса эксплоатирующих». Она также допускала, что на Кубани существовал «известный экономический и, возможно, политический центр, к которому тяготело все Предкавказье».[1] Еще более резкую модернизацию допустил А. М. Тальгрен, считавший, что Майкопский курган доказывает, что «на Кубани была „империя" воинов-кочевников, имевших на своей службе восточных ремесленников и художников и бывших скотоводами и, возможно, земледельцами».[2] Против взглядов В. В. Гольмстен совершенно обоснованно выступил В. И. Равдоникас, отметивший возможность сношений и связей Северного Кавказа с Передней Азией и Эгейским миром, но вместе с тем подчеркнувший, что в Майкопском и других богатых курганах мы имеем погребения «родовых жрецов-вождей» при матриархально-родовой структуре общества и коллективном производстве.[3]

В макете первого тома «Истории СССР», изданном ИИМК в 1939 г., Майкопское погребение объяснено как погребение «родового или племенного вождя» времени начала патриархальных отношений.[4]

Мне представляется, что для решения вопроса о социальной значимости «больших курганов» важны следующие соображения.

Во-первых, бесспорно наличные в них признаки имущественной и социальной дифференциации все же говорят об очень раннем, начальном этапе в развитии этого процесса, резко отличном от тех его форм, которые мы можем наблюдать в ранних скифских курганах. Об этом свидетельствует, например, отмеченное еще В. И. Равдоникасом отсутствие в погребальном инвентаре основных средств производства, прежде всего скота, появляющегося впервые, и то в редких случаях, в погребениях среднекубанского времени. «Богатство» погребений создается положением в могилу многочисленных предметов личного убора и украшений, предметов ритуального значения и орудий труда личного, индивидуального пользования, при относительно малом удельном весе оружия. Все это позволяет видеть в раннекубанской группе памятников культуру, характеризуемую еще полностью коллективным производством, когда выделение богатых погребений обусловлено вероятно не столько экономической силой погребенного, его семейной или личной собственностью, а скорее лишь его общественной ролью в рамках родового коллектива. Вместе с тем появление подобных богатых погребений становится возможным лишь в условиях общего роста благосостояния всего общества, роста, основанного в данном случае, несомненно, на развитии скотоводства и, параллельно, земледелия. О значении и роли скотоводства мы пока можем только догадываться на основании косвенных показателей, тогда как наличие земледелия зафиксировано уже для раннего, основного этапа Долинского поселения. Отчетливо выступающая в изображениях животных из золота и серебра в Майкопском кургане особая роль быка, с одной стороны, и хищника (льва?), с другой, также свидетельствуют о достигнутом к этому времени уровне развития

---

[1] В. В. Гольмстен. Погребение из Криволучья, СГАИМК, 1931, № 6, стр. 7—12.

[2] A. M. Tallgren. Dolmens of North Caucasia. «Antiquity», № 26, 1933, стр. 198.

[3] В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья. ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 57—62.

[4] История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, ч. I—II, М.—Л., 1939, стр. 103—107 (на правах рукописи).

религиозных представлений, свойственном лишь племенам примитивной земледельческо-скотоводческой культуры. Это свидетельство, правда, может быть ослаблено допущением импорта указанных предметов из драгоценного металла извне, из более южных районов. Вполне вероятно, что мы в кубанских «больших курганах» имеем дело с отражением первых моментов перехода от матриархального строя к патриархальному, для утверждения чего у нас, однако, также еще нет достаточно точных наблюдений.

Во-вторых, обращает на себя внимание близость общего облика богатых кубанских курганов разбираемой нами группы с погребениями в курганах Триалети, исследованных Б. А. Куфтиным, и с погребениями предхеттского могильника Аладжи в Анатолии. Можно не сомневаться в том, что все эти три группы погребений, хотя и не вполне синхронные, относятся к одной стадии общественного развития, социально близки друг другу. Ключ к пониманию их синстадиальности, вероятно, кроется в достигнутом и на Кубани, и в южной Грузии, и в центральной Анатолии относительно высоком уровне развития скотоводства, создавшем возможности для накопления излишков продукции, превышающих текущие потребности данной социальной группы и, тем самым, для начальных моментов имущественной и социальной дифференциации. Эта общность трех указанных групп в дальнейшем ходе исторического развития привела к различным результатам, но для рассматриваемого нами этапа, она, при всех различиях в деталях, все же является фактом. В Анатолии мы затем видим чрезвычайно быстрый переход к развитому классовому обществу хеттов, тогда как области Закавказья и, в особенности, Прикубанья должны были пройти еще долгий путь относительно замедленного развития в рамках варварского строя.

В-третьих, при учете явных переднеазиатских связей культуры «больших курганов», вполне допустимо предположение, что эти связи и идущие с юга культурные влияния обусловили как бы вспышку ускоренного развития варварского общества на Кубани, приведшую к начальной дифференциации. Впоследствии, в среднекубанское время, наблюдается явный перерыв этих связей, причины которого нам пока еще остаются неизвестными и смогут быть выяснены только по мере дальнейшего накопления и изучения источников по древним культурам Закавказья III и II тысячелетий до н. э. Этот-то перерыв, повидимому, и повлек за собой затухание временного явления, характеризуемого «большими курганами». В последующее время мы в Прикубанье видим как бы некоторый регресс в области общественных отношений, как бы возврат к стадиально более раннему, чем «большие курганы», состоянию, к социально не дифференцированному родовому строю. В дальнейшем, в процессе закономерного местного исторического развития, дифференциация общества возобновляется (или вновь усиливается) и приводит в VII в. до н. э. к сложению скифского общества, стадиально являющегося как бы продолжением стадии «больших курганов».

Таким образом, кажущееся противоречие между ранней датировкой «больших курганов» и их социальной значимостью, вероятно, можно будет разрешить при учете конкретной, нам еще недостаточно известной, исторической обстановки в Закавказье и прилегающих странах Передней Азии.

Не исключена, с другой стороны, и возможность обнаружения местных северо-кавказских памятников средне- и позднекубанского времени, которые будут свидетельствовать о неполном замирании столь ярко выявленного в Майкопе социального процесса и явятся промежуточными

звеньями между «большими курганами» и погребениями скифских племенных вождей.

Ключ к полному разрешению социальной стороны «Майкопской» проблемы может быть найден лишь на пути пополнения круга наших источников, на пути новых полевых археологических исследований.

Пока что можно лишь предположить, что курганы в Майкопе, Новосвободной и, может быть, некоторые другие насыпались над погребениями вождей, выделившихся из состава своего общественного коллектива, вероятно находившегося на начальном этапе развития патриархального строя, в общем окружении еще, возможно, матриархальных родовых групп.

При анализе конкретных памятников нельзя к ним подходить с одной только социологической схемой, вне учета живой исторической действительности. Последняя всегда была сложнее любой схемы, и задачей исторического исследования является посильное раскрытие этой действительности в ее конкретных взаимосвязях, часто имевших характер сношений между разностадиальными общественными группами — племенами, народами, государствами. Такие связи, естественно, могли и должны были в отдельных случаях нарушать прямолинейное развитие от стадии к стадии, соответствующее нашим общим социологическим представлениям. Думается, что в раннекубанских памятниках мы имеем один из примеров такого нарушения изолированного, взятого в чистом, отвлеченном виде развития варварского общества, — нарушения, обусловленного как местным хозяйственным процессом, так и сношениями с передовыми в то время странами юга, Передней Азии и Закавказья. Это привело к внезапному ускоренному развитию в районе Кубани, которое, однако, носило временный, эпизодический характер и сменилось затем, после перерыва этих сношений, длительным периодом медленного, постепенного развития, закономерно приведшего в первой половине I тысячелетия до н. э. к переходу населения Северного Кавказа на высшую ступень варварства.[1]

Из всего изложенного позволительно сделать следующие выводы.

1) Для отнесения так называемых «больших кубанских курганов» к концу медно-бронзового века и к предскифскому времени нет никаких объективных оснований. Эти курганы, наоборот, относятся к ранним этапам освоения меди, представляя древнейший известный нам сейчас слой памятников эпохи металлов на Северном Кавказе.

2) Следует говорить не о группе «больших кубанских курганов», а об определенном комплексе разнородных памятников (богатых и рядовых курганов, поселений, кладов), относящихся к одному этапу в развитии населения Северного Кавказа, соответствующему раннекубанской группе А. В. Шмидта, началу II стадии схемы А. А. Миллера и I этапу металлургии меди на Кавказе по моей схеме 1935 г. Культуру, представленную этой группой, можно было бы назвать раннекубанской культурой.

---

[1] Конкретный характер этих сношений с югом, в которых М. И. Ростовцев одно время склонен был видеть сильное, но кратковременное шумерское влияние (M. I. Rostovzeff. The Animal Style in South Russia and China. Принсетон, 1929, стр. 18), пока не поддается уточнению. Совершенно на голову ставят весь вопрос турецкие исследователи, пытающиеся объяснить сходство между Майкопом и погребениями Аладжи проникновением из Азии (с Алтая?) пратурецкого народа металлургов на Кубань, а оттуда в Анатолию (См., например, Hâmit Zübeyr Koşay. Ausgrabungen von Alaca Höyük. Анкара, 1944, стр. 177, 180—182). Это бредовое построение не требует критики, но оно показательно для бесцеремонности, с какой обращаются с фактами профашистские псевдоученые.

3) Более древней является неолитическая культура Северного Кавказа, пока известная нам лишь по разрозненным находкам единичных предметов, а также по основной массе погребений Нальчикского могильника и по Агубековскому поселению около Нальчика. Эти памятники соответствуют I стадии схемы А. А. Миллера.

4) Более поздней, чем раннекубанская культура, является культура, представленная памятниками среднекубанской группы А. В. Шмидта, отвечающая позднейшей части II стадии А. А. Миллера, II этапу металлургии меди моей схемы 1935 г. и, наконец, Кабардино-Пятигорской группе Б. Е. Деген-Ковалевского. Эту культуру, в развитии которой возможно выделить ряд этапов и локальных групп, можно было бы назвать среднекубанской, хотя этот термин при географическом его понимании может создать впечатление об отнесении его лишь к среднему течению р. Кубани. Поэтому можно именовать ее и северо-кавказской культурой II тысячелетия, включая в нее памятники как Прикубанья, так и Пятигорско-Кабардинского района.

5) В пределах раннекубанской культуры выделяются два разновременных комплекса, различающихся между собой по ряду элементов материального производства и, повидимому, отчасти по своему ареалу. Первый из этих комплексов — раннекубанский I — можно назвать Майкопским этапом, тогда как второй — раннекубанский II — скорее всего следовало бы назвать Новосвободненским этапом, совпадающим с ранним этапом дольменной культуры Прикубанья.

6) Абсолютная датировка раннекубанской культуры окончательно не установлена, но наиболее вероятно отнесение ее к столетиям до и после 2000 года до н. э., в пределах 2300—1700 лет до н. э.

7) Дальнейшие исследования должны привести к уточнению хронологических этапов и территориальных подразделений древней культуры Северного Кавказа, а также к уточнению их абсолютного возраста.

Указанные соотношения показаны на схеме (стр. 199).

В заключение необходимо указать, что самая возможность глубоко ошибочной, по моему убеждению, поздней датировки занимавшей нас группы памятников возникла в результате ряда неблагоприятных для изучения древней истории Северного Кавказа обстоятельств.

Прежде всего, находящийся в нашем распоряжении археологический материал для рассматриваемого времени все еще относительно невелик и очень не полон, в частности, вследствие отсутствия достаточных сведений о поселениях. С другой стороны, и имеющийся, основной для данной проблемы, фонд источников, добытый многолетними работами Н. И. Веселовского в Прикубанье, в значительной части недостаточно документирован, добыт без соблюдения элементарных, с нашей современной точки зрения, приемов фиксации изучаемого памятника, а вещественный материал из этих раскопок частично не дошел до музеев, частично же не может быть опознан, что чрезвычайно затрудняет его научное использование.

Далее, в наиболее интересном для разбираемого вопроса районе, в бассейне Кубани, за весь советский период не производилось никаких археологических работ по памятникам эпохи меди и бронзы. Этот недостаток только частично компенсируется успешно начатыми, но не получившими развития, работами ГАИМК в Кабарде в 1929—1934 гг. До сих пор в Прикубанье не исследовано ни одного поселения медно-бронзового века, и мы можем использовать только погребальные комплексы и отдельные клады.

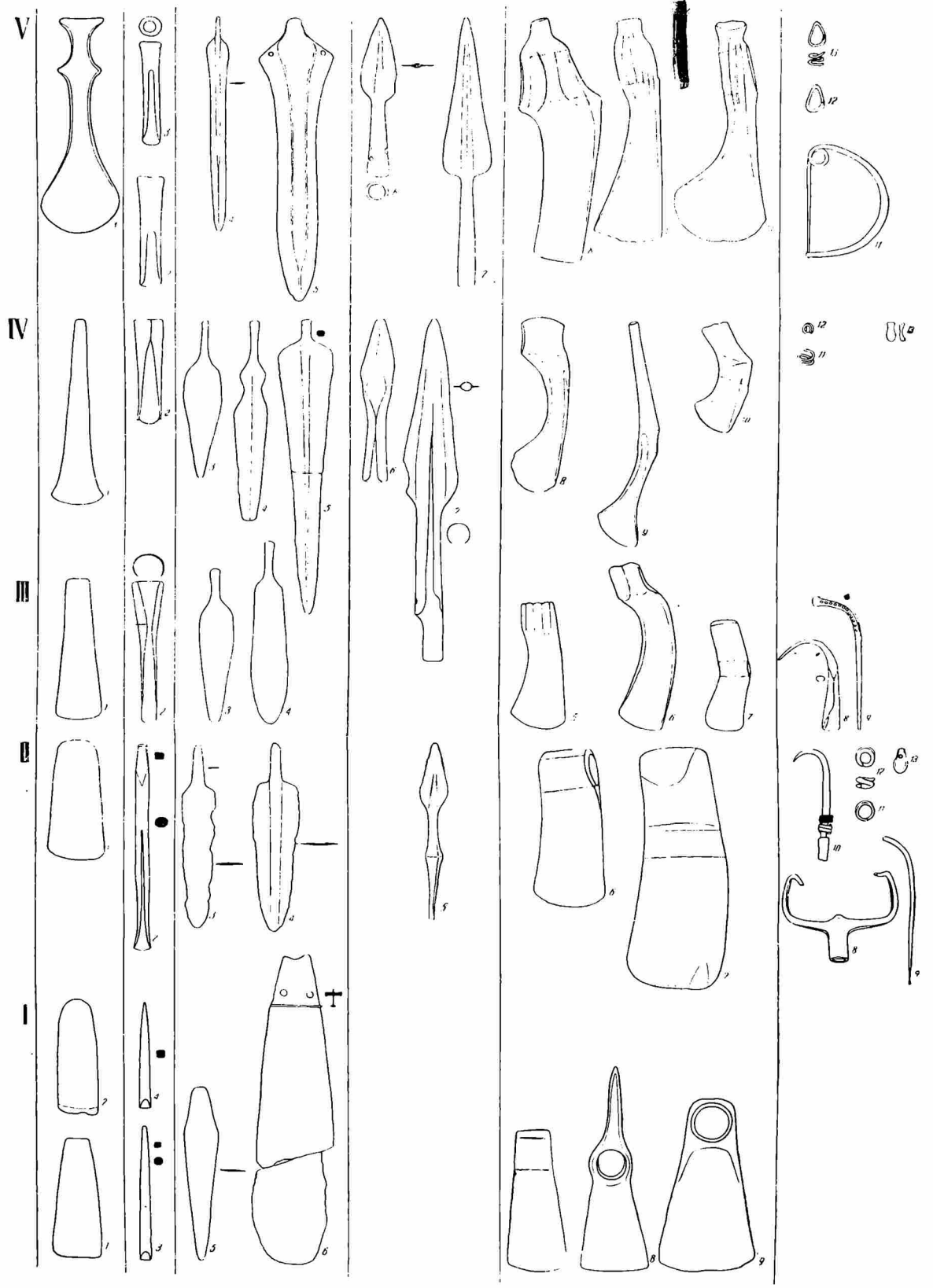
Сказанным обусловлено отсутствие в нашем распоряжении детально разработанной относительной хронологии доскифских памятников как

СХЕМА ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ СООТНОШЕНИЙ

Технический этап	Схема А. В. Шмидта 1929 г.	Схема А. А. Миллера 1932 г.	Схема А. А. Иессена 1935 г.	Предлагаемая схема: Черноморское побережье	Прикубанье	Пятигорье и Кабарда	Степное Предкавказье	Восточный Кавказ	Абсолютная датировка до н. э.
Раннежелезный век		Скифская стадия	—		Скифская культура	Позднекобанская культура	Скифская культура	Исти-су, Урус-Мартан	ок. 700 г.
Бронзовый век	Позднекубанская группа	III стадия	III этап металлургии	Колхидская культура	Позднекубанская культура	Кобанская культура	Предкавказская катакомбная культура II	Хорочоевская культура	ок. 1000 г.
Медный век	Средне-кубанская группа	II стадия	II этап металлургии	Вторичные погребения эшерских дольменов; Эшерские дольмены	Среднекубанская культура: Костромской этап; Привольненский этап	Кабардино-Пятигорская поздняя группа; Кабардино-Пятигорская ранняя группа	Предкавказская катакомбная культура I		ок. 1700 г.
	Раннекубанская группа		I этап металлургии	Геленджик, Бочаров Ручей и т. п.	Раннекубанская культура: Новосвободненский этап	Долинское II	Древнейшие кург. погребения	Курган Закан-юрт	ок. 2000 г.
					Майкопский этап	Нальчик, курганы 1922 и 1928 гг.			ок. 2300 г.
						Долинское I			
Неолит	—	I стадия	—	Неолит Причерноморья (Кистрик и т. п.)	Следы неолита	Нальчикский могильник, Агубековское поселение	Мариупольский могильник		ок. 3500 г.

Прикубанья, так и Северного Кавказа в целом. Если к этому добавить, что таково же положение и в прилегающих с юга районах Западной Грузии, то станет очевидным, что создание полной стратиграфической схемы, в которой положение группы Майкопского кургана и курганов станицы Новосвободной было бы вполне прочно и детально закреплено, является еще задачей будущего.

Поэтому, заканчивая статью, хочется выразить пожелание о скорейшем развертывании новых археологических работ по эпохе меди и бронзы на Кубани и в прилегающих областях. Только новые источники, свежий материал, добытый не только из погребений, но и из поселений, со тщательной фиксацией всех наблюдений стратиграфического порядка позволит заполнить пробелы в наших знаниях и осветит многие еще темные вопросы истории Северного Кавказа в эпоху III—I тысячелетий до н. э.



ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНВЕНТАРЯ «БОЛЬШИХ КУБАНСКИХ КУРГАНОВ».

Объяснение к таблице

I — Майкопский этап:

1 — каменный клиновидный топор; *2* — плоское медное тесло; *3* и *4* — медные долота; *5* — медный нож; *6* — медный кинжал; *7—9* — медные проушные топор, топор-тесло и тесло. (*1* — случайная находка; *2—4*, *6—9* — Майкопский курган; *5* — курган № 4 на участке Зиссермана).

II — Новосвободненский этап:

1 — медное тесло; *2* — медное долото; *3* и *4* — медные ножи-кинжалы; *5* — медный наконечник копья; *6* — медный топор; *7* — каменный топор; *8* — медное вилообразное орудие; *9* — серебряная булавка; *10* — медный крюк; *11* и *12* — золотое и электровое спиральные кольца; *13* — подвеска из зуба оленя. (*1* и *6* — станица Андрюковская, курган № 6, 1896 г.; *2* — случайная находка из кургана у Пятиторска; *3* — Майкопский курган, впускное погребение; *4* — курган станицы Тимошевской; *5*, *8*, *9*, *11*, *13* — станица Новосвободная, курган № 1; *7* и *12* — курган с. Летницкого, 1898 г.; *10* — станица Новосвободная, курган № 2).

III — «Среднекубанская» группа — ранний (Привольненский) этап:

1 — медное тесло; *2* — медное долото; *3* и *4* — медные ножи-кинжалы; *5* и *6* — медные топоры; *7* — каменная секира; *8* — медный крючок; *9* — медная булавка. (*1—4* и *6* — клад из с. Привольного; *5* — станица Келермесская, курган № 5, 1904 г., погребение 1; *7* — неизвестное происхождение; *8* — могильник у хутора Кубанского; *9* — Ульский аул, курган № 5, 1909 г., погребение 1).

IV — «Среднекубанская» группа — поздний (Костромской) этап:

1 — медное тесло; *2* — медное долото; *3* и *4* — медные ножи; *5* — медный (?) кинжал; *6* и *7* — медные наконечники копий; *8* — медный топор; *9* — медная (?) секира; *10* — каменная секира; *11* и *12* — медные спиральные кольца; *13* — медная подвеска. (*1*, *2* и *8* — клад из станицы Костромской; *3* — Зубовский хутор, курган 1899 г.; *4* — станица Крымская, курган № 2, 1895 г., впускное погребение; *5*, *7* и *9* — станица Андрюковская, курган № 3, 1897 г.; *6* — хутор Трактирный; *10* — станица Цимлянская; *11—13* — Кисловодск, курган 1914 г.).

V — Позднекубанская группа — развитой бронзовый век:

1 — бронзовое тесло; *2* и *3* — бронзовые долота; *4* и *5* — бронзовые кинжалы; *6* и *7* — медные наконечники копий; *8* — медный топор; *9* и *10* — бронзовые топоры; *11* — бронзовая фибула; *12* и *13* — бронзовые спиральные кольца. (*1* и *8* — неизвестное происхождение; *2* — Терновская станица; *3* — Золотовская станица; *4* — Бесленеевская станица; *5* и *11* — Верхний Кобан; *6* — станица Крымская, курган № 1, 1895 г.; *7* — с. Тубенель на Черекс; *9* — Теберда, клад из ур. Агур; *10* — р. Маруха; *12* и *13* — сел. Гунделен на Баксане).

Масштаб всех предметов несколько менее 1/4 н. в., за исключением *V*, *4*, уменьшенном вдвое по сравнению с остальными.

Места хранения изображенных предметов: Эрмитаж: *I*, *2—4*, *6—9*; *II*, *1*, *3*, *6*, *7*, *12*; *III*, *1—6*, *9*; *IV*, *1—4*, *8*; *V*, *5*, *6*, *7*. Исторический музей: *I*, *5*; *II*, *2*, *5*, *8*, *9*, *10*, *11*, *13*; *IV*, *5*, *7*, *9*. Краснодарский музей: *I*, *1*; *II*, *4*; *III*, *7*, *8*; *V*, *1*, *8*, *10*. Новочеркасский музей: *IV*, *6*, *10*; *V*, *2*, *3*. Ростовский музей: *V*, *9*. Пятигорский музей: *IV*, *11—13*. Нальчикский музей: *V*, *12*, *13*. Азербайджанский музей: *V*, *4*.

Примечание: В таблице даны рисунки основных типов орудий, оружия и украшений «больших кубанских курганов» (ряды *I* и *II*) и сопоставлены с функционально однозначными предметами других хронологических групп Прикубанья (ряды *III—V*), причем эти другие группы даны обобщенно, хотя детальный анализ материала и в них позволяет наметить более дробные хронологические подразделения.

МАТЕРИАЛЫ

Г. П. СЕРГЕЕВ

ПОЗДНЕАШЕЛЬСКАЯ СТОЯНКА В ГРОТЕ У сел. ВЫХВАТИНЦЫ (МОЛДАВИЯ)

(Предварительное сообщение)

Весной 1946 г. по поручению Республиканского музея краеведения Молдавской ССР автором были предприняты разведки палеолитического местонахождения у сел. Выхватинцы Рыбницкого р-на.

Сел. Выхватинцы расположено на левой стороне Днестра, вниз по течению, в 8 км от г. Рыбница. Крутые склоны окаймляют небольшую

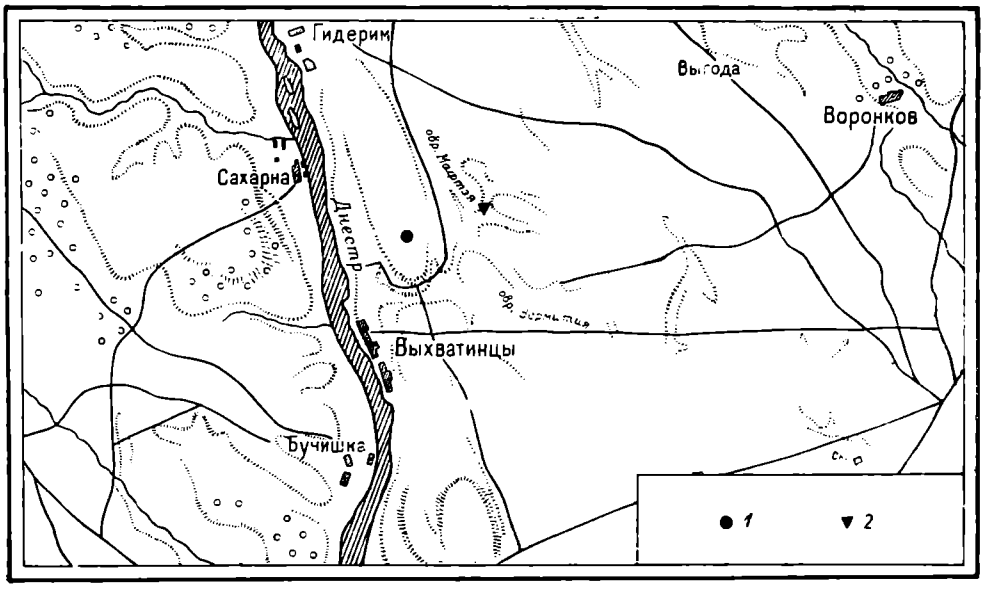


Рис. 1. Окрестности сел. Выхватинцы. Балка Вермития и ее отрог-овраг Мафтея, в котором расположен грот.

1 — находки кремней на плато, *2* — грот.

котловину, спускающуюся к реке в южном направлении, с северной же стороны селение примыкает к глубоким оврагам, прорезающим толщи сарматских отложений (рис. 1).

Особенно грандиозен один из оврагов, называемый местным населением «Вермитка» (яр Вермития). Обнаженные породы под влиянием выветривания приняли живописный вид, образуя зубчатые выступы, навесы и гроты (рис. 2).

По оврагу даже в засушливую летнюю пору протекает ручей, который в период весеннего таяния снегов и, особенно, после проливных дождей превращается в бурную речку.

К яру Вермития с северо-западной стороны примыкает овраг меньших размеров, носящий название «рыпа Мафтея». Этот овраг берет начало среди глинистых отложений на всхолмленной возвышенности, ниже он углубляется в сарматские известняки, залегающие горизонтальными пластами.

Некогда скалистые навесы с обеих сторон обрамляли овраг, но время разрушило их, и теперь только в одном месте тремя клиновидными зубцами незначительных размеров они выступают на фоне темнобурой глины.

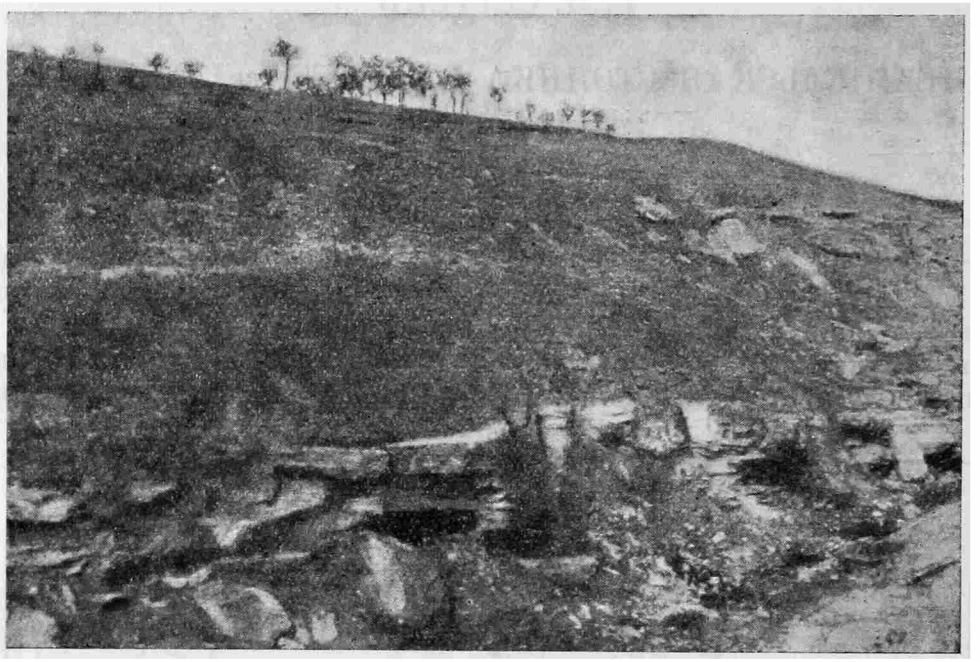


Рис. 2. Обнажение сарматских пород у подножия правого склона оврага Мафтея. В середине грот (вид с юго-восточной стороны).

По словам старожила-колхозника Г. М. Кутасевича, еще около 40 лет тому назад по оврагу валялись кости больших размеров (вероятно, мамонта), вымытые потоками воды. Поверхностный осмотр показал, что, действительно, кости мамонта, вместе с костями пещерного медведя, лошади, оленя и других животных, находятся под скалистым навесом, представляющим собой грот (глубина 4.5 м, ширина 2.3 м и высота 2 м, считая от верхнего горизонта глинистого слоя до потолка верхней плиты навеса у входа), расположенный на расстоянии 264 м от устья оврага Мафтея, на его западном склоне.

Стенки и потолок грота имеют множество трещин, южная половина навеса обрушилась. Вдобавок, край скалы носит следы недавней ломки камня для строительных нужд местных жителей (рис. 3 и 4).

Во время предварительного осмотра склонов оврага Мафтея и яра Вермития было найдено большое количество аморфных кусков кремня, происходящего из верхних горизонтов глинистых осыпей правого склона оврага Мафтея. Среди массы кремня встретилось несколько намеренно оббитых кремней, в том числе два призматических нуклеуса, по возрасту не старше верхнего палеолита, не связанные с гротом и отличные по типу от найденных в нем орудий.

Встреченные в большом количестве на поверхности правого склона оврага Мафтея и на возвышенном мысе древней береговой террасы Днестра расколотые кремни с глубокой патиной не дают возможности принять их за несомненно приготовленные рукой человека.

Внизу оврага (правый склон), на расстоянии 41 м от грота, в осыпи суглинка были обнаружены три бивня мамонта, лежавшие вместе, два

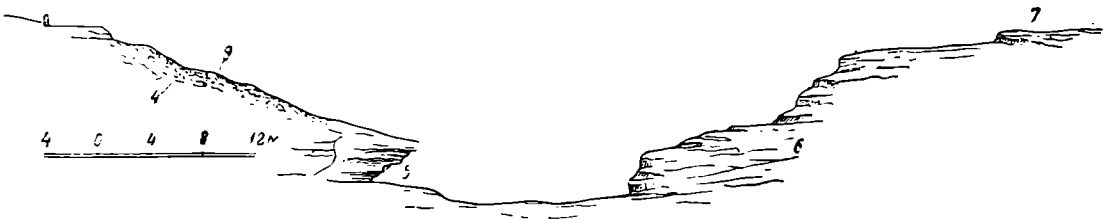


Рис. 3. Схема поперечного профиля оврага Мафтея и скалистого навеса с гротом.
1 — забор, *2* — дорога, *3* — правый склон, *4* — глинистая осыпь, *5* — грот, *6* — скала, *7* — верхняя площадка скалы.

из которых достигали в диаметре 16 см. Указанные находки дали основание предполагать наличие где-то вблизи, возможно в гроте, палеолитической стоянки. С целью проверки этого мною были предприняты раскопки около грота и в самом гроте.

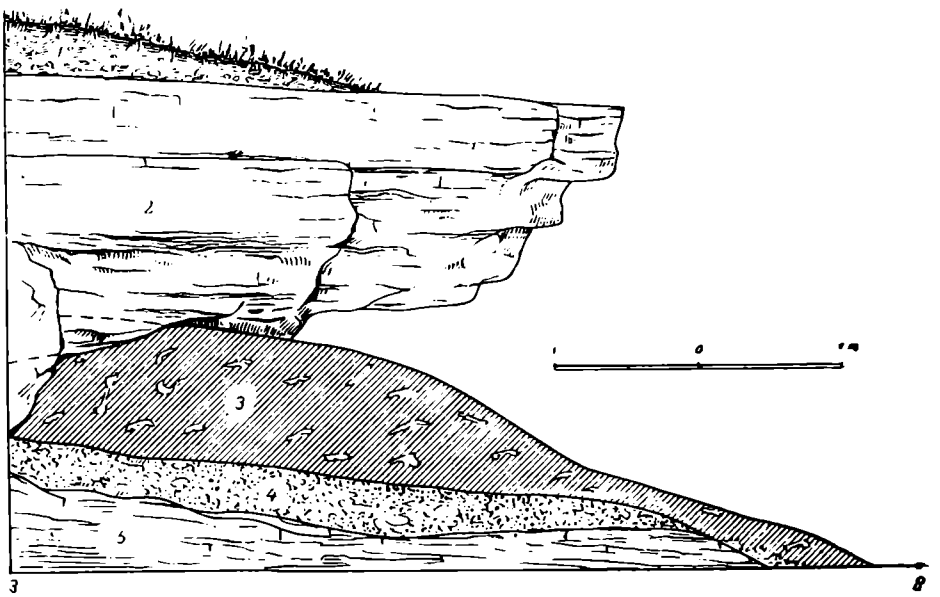


Рис. 4. Разрез грота (поперечный).
1 — щебнистый суглинок, *2* — скала, *3* — темнобурая глина с костями четвертичной фауны, *4* — культурный слой, *5* — скала.

Работы начаты у подножия скалы, с ее северной стороны, в 2 м от входа в грот. Была расчищена площадка размером 2.70 × 1.40 м. На глубине 1 м в уцелевшем слое глины около скалы на уровне подстилающей породы встречены раздробленные трубчатые кости крупных животных, зубы и обломок нижней челюсти пещерного медведя, обломок рога быка и обломок рога оленя (рис. 5 и 6). Среди костей на том же горизонте найдено несколько обработанных кремней, в том числе кремневый остроконечник из широкой пластины (рис. 7, *1*).

Далее, после предварительной расчистки верхнего горизонта, были сделаны раскопки внутри грота. В слое очень плотной темнобурой илистой глины были обнаружены кости мамонта, лошади и несколько отдельных зубов и челюстей пещерного медведя. Дальнейшие раскопки дали обильный и исключительно интересный палеонтологический материал: были найдены кости северного и большерогого (благородного) оленей, быка, носорога, обломки челюстей пещерного льва и пещерной гиены.

Наибольшее скопление костей было вскрыто вдоль левой стены от входа в грот (рис. 4 и 5). Какого-либо порядка в расположении костей не наблюдалось. Большая часть костей, содержавших мозг, была раздроблена. Некоторые кости имеют следы зубов хищника, грани изломов сглажены, но их поверхность не носит признаков долгого лежания на открытом воздухе.

Верхний слой темнобурой глины, толщиной 80 см, залегал над глинистым слоем светлосерого цвета с вкраплениями измельченных частиц известняка. Второй слой достигал 30, местами 50 см толщины и находился непосредственно на полу скалы.

Среди костей на верхней части второго слоя, в различных местах грота и, особенно, у входа, были кремневые гальки, среди которых найдено скребловидное орудие с частичной подправкой грубыми сколами по рабочему краю.

В глубине грота, в скоплении рогов оленя, костей медведя и мамонта и фрагментов челюсти носорога, был найден характерный дисковидный кремень (рис. 7, *5*).

При зачистке верхнего горизонта культурного слоя обнажилось темное пятно, наибольший диаметр которого составлял около 1 м; контур этого пятна не имел ясных границ. Никаких следов золы, углей или обожженных костей найдено не было. Собранные в этом месте мелкие обломки косточек темного цвета приобрели окраску естественно, от железисто-марганцевых соединений, конкреции которых встречались при раскопках.

Дальнейшей раскопкой верхнего горизонта культурного слоя в середине грота обнажены две каменные плиты, лежавшие рядом (рис. 2), большая из которых имела размер 50 × 60 см. Под плитами, на глубине 20 см, найдены отдельные зубы (резцы) хищников, обломки костей животных, коренные зубы и часть челюсти пещерного медведя. Здесь на той же глубине in situ были найдены в разрозненном положении кость пальца и два большие обломка черепной коробки, повидимому, человека (?). На 10 см ниже находок костей человека (30 см от верхнего горизонта второго слоя) обнажилась скала — пол грота. Ввиду возможного обвала, раскопки в гроте на этом прекращены и продолжались вне грота.

Культурный слой на площадке перед гротом был расчищен до скалы. Здесь он не превышал 25 см толщины и содержал лишь редкие раздробленные трубчатые кости и отдельные зубы крупных животных, причем кости были плотные, хорошей сохранности и не имели сглаженных граней в изломах, как это наблюдалось на костях, лежавших в слое темнобурой глины.

Кремневых орудий на раскопанном участке не найдено. Далее раскопки были продолжены в южном направлении от грота, вдоль стенки скалы (рис. 5). В этом месте верхняя плита навеса полностью разрушена каменоломнями, и только три небольших ее обломка лежали у подножия скалы, частично прикрывая остатки узкой полосы с культурным слоем, который продолжался на одном горизонте от грота вдоль всей стенки.

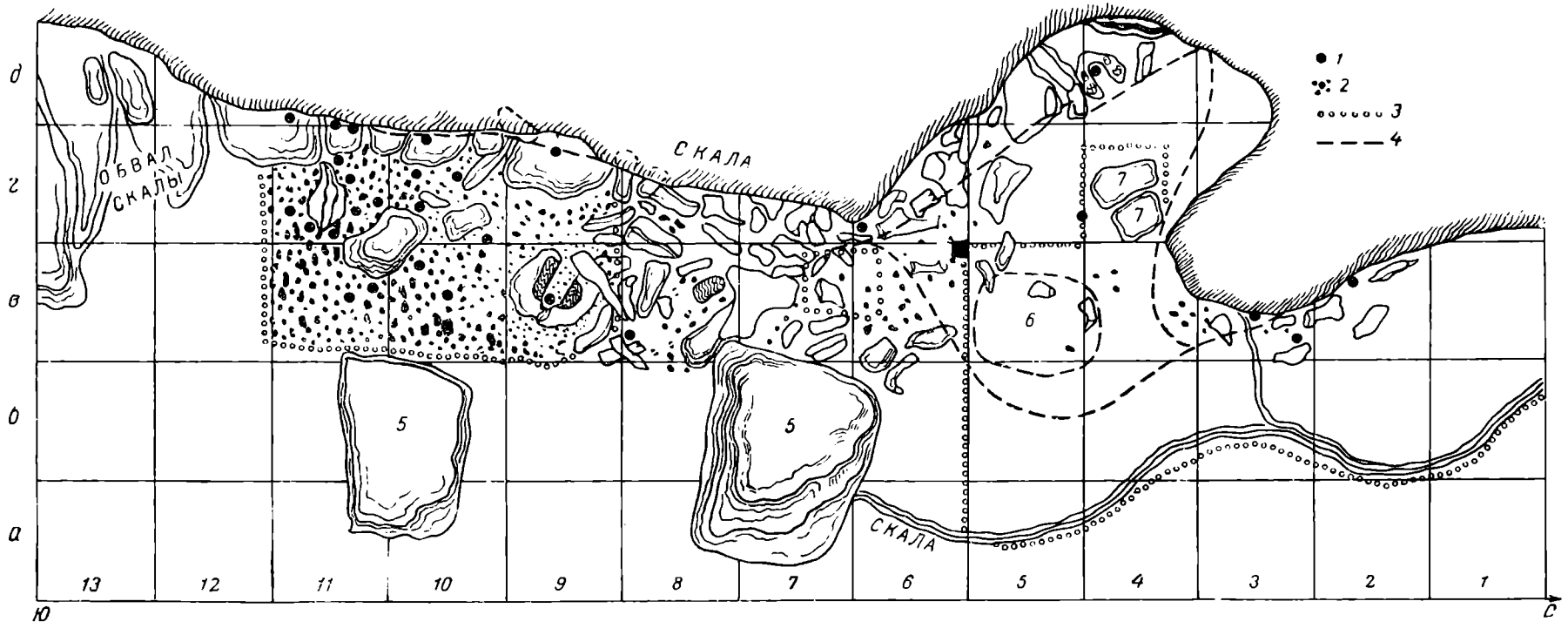


Рис. 5. План залегания культурных остатков в гроте.

1 — отдельные находки кремневых орудий и пластин, *2* — кремневые гальки, *3* — пункты раскопок культурного слоя до скалы, *4* — нависающие плиты, *5* — обломок скалы, *6* — темное пятно, *7* — плиты с темным пятном. Сторона квадрата равна 1 м.

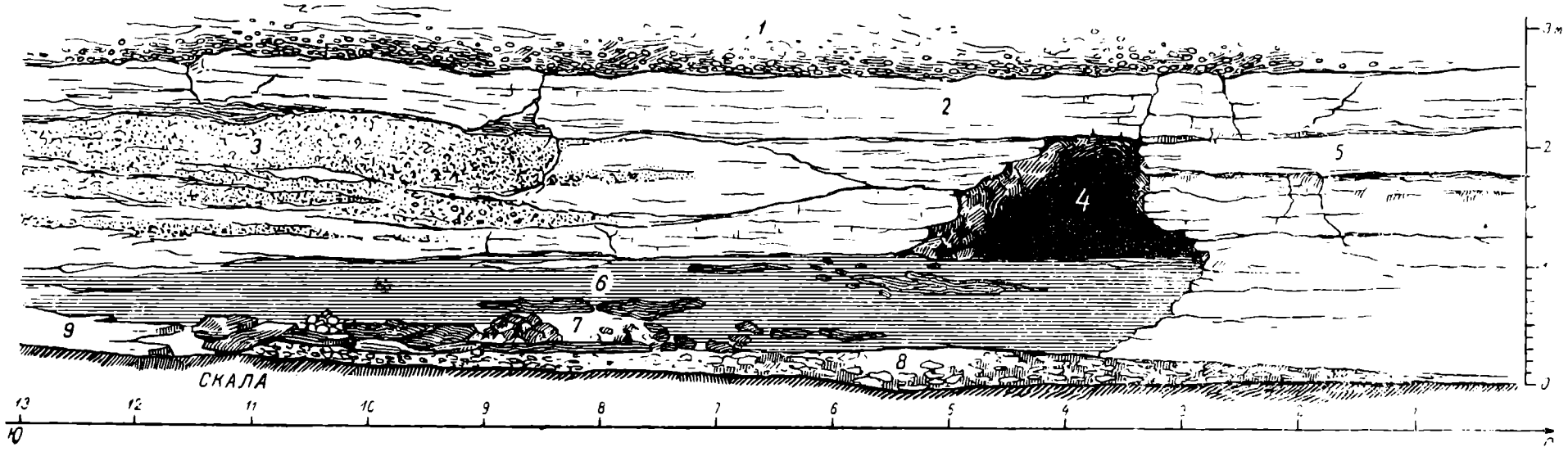


Рис. 6. Разрез грота (продольный).

1 — глинистая осыпь с галечником, *2* — плита навеса, *3* — рыхлая порода, *4* — грот, *5* — выступ скалы, *6* — слой темнобурой илистой глины, *7* — осыпь, *8* — культурный слой, *9* — плиты обвала.

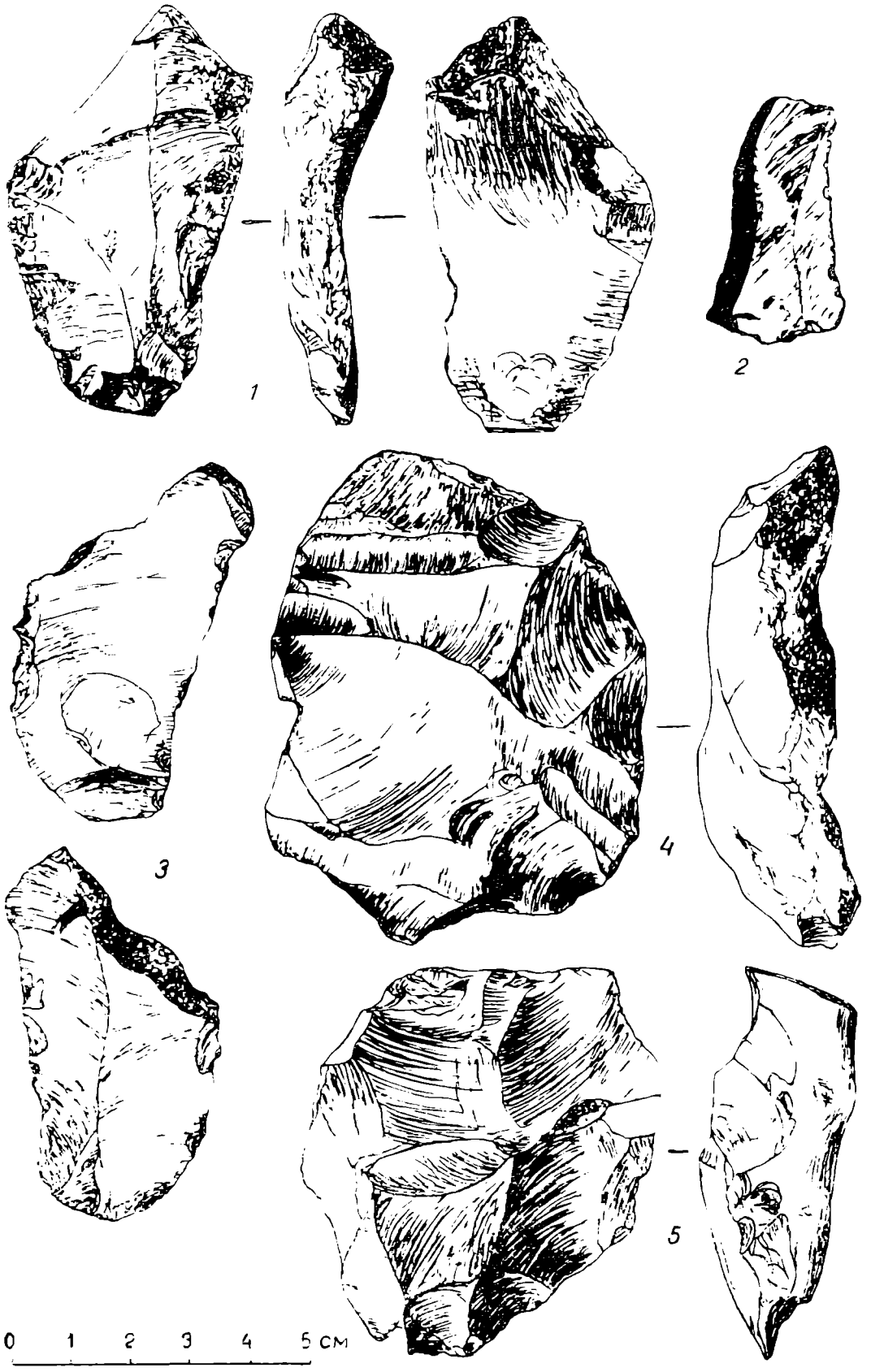


Рис. 7 Кремневые орудия.

1 — пластины типа Леваллуа, *2*, *3* — пластины «клэктонского» типа, *4*, *5* — дисковидные кремни.

Раскопано пространство вдоль скалы на протяжении 5 м, при ширине от 1.5 до 2 м. На этом участке были найдены остатки той же фауны. Значительное скопление костей обнаружилось около отвесной скалы, образующей в нижней части небольшой навес. Кости, как и в гроте, залегали на уровне верхней части второго слоя, прикрытого отложением темнобурой глины. Многие кости обгрызаны хищником (вероятно, гиеной): они имели сглаженную поверхность и стертые грани изломов.

При зачистке верхнего горизонта культурного слоя около угла отвесной скалы, отходящей от навеса грота, был найден нуклеус, сильно сработанный с одной стороны, а на другой — сохранивший естественную корку (рис. 7, *4*).

Дальше, в расстоянии 1.5 м от этой находки и в метровом расстоянии от скалы, между костями крупных животных найден типичный мустьерский остроконечник.

Рядом было обнаружено еще более интересное орудие в форме небольшого рубильца, лежавшее под нижней челюстью мамонта. Рубильце (рис. 8, *2*) изготовлено из кремневой речной гальки, симметрично заострено посредством стесывания мелких отщепов с одной стороны и широких — с другой.

На расстоянии 1 м от нижней челюсти мамонта, у самой скалы, под нависшей плитой, рядом с обломком рога оленя было найдено второе рубило. Валунная корка темнокоричневого цвета нарочито не тронута обработкой на тыльной части и представляет удобство при захвате орудия рукой (рис. 8, *1*).

В конечном пункте раскопа, среди массы кремня, найдены миниатюрные остроконечники, мелкие сколы и широкие пластины, напоминающие пластины Леваллуа (рис. 7, *2*, *3*), скреблообразные орудия и не оконченное обработкой рубило, конец которого обломился от удара при стесывании пластин, вследствие изъяна в кремневом желваке. Этот инвентарь имеет резкие, острые грани сколов и такую же патину, как типичные орудия, описанные выше.

Изложенным исчерпываются работы 1946 г.

Проведенное разведочное обследование и предварительное изучение материала позволяют сделать известные выводы как относительно размера палеолитической стоянки в Выхватинцах, так и ее датировки, которые пока не могут претендовать на полноту и точность.

Значительная часть района сел. Выхватинцы не была затронута более широким исследованием из-за ограниченного времени (всего 15 дней) полевых работ экспедиции. Богатейшая фауна, полученная раскопками, еще не определена полностью.[1] Проведенные работы послужат отправными точками при дальнейшем, более углубленном исследовании.

Картина, выясненная работами 1946 г., позволяет считать, что скалистый навес с гротом Мафтея не был местом постоянной стоянки, а скорее всего служил лишь кратковременным укрытием для людей в наиболее холодное время года.

Этим обстоятельством, как мне кажется, объясняется отсутствие мощного культурного слоя, малочисленность орудий и сравнительно незначительное количество отбросов кремневой индустрии, найденных на раскопанном участке.

Возможно, что постоянное поселение надо искать на возвышенной террасе (вершина юго-западной части правого склона оврага Мафтея), представляющей собой древнюю береговую террасу Днестра, поднимаю-

[1] Фауна, собранная во время раскопок 1946 г. в Выхватинцах, была определена В. И. Зубаревой, и, с ее любезного разрешения, результаты этого определения приводятся в приложении.

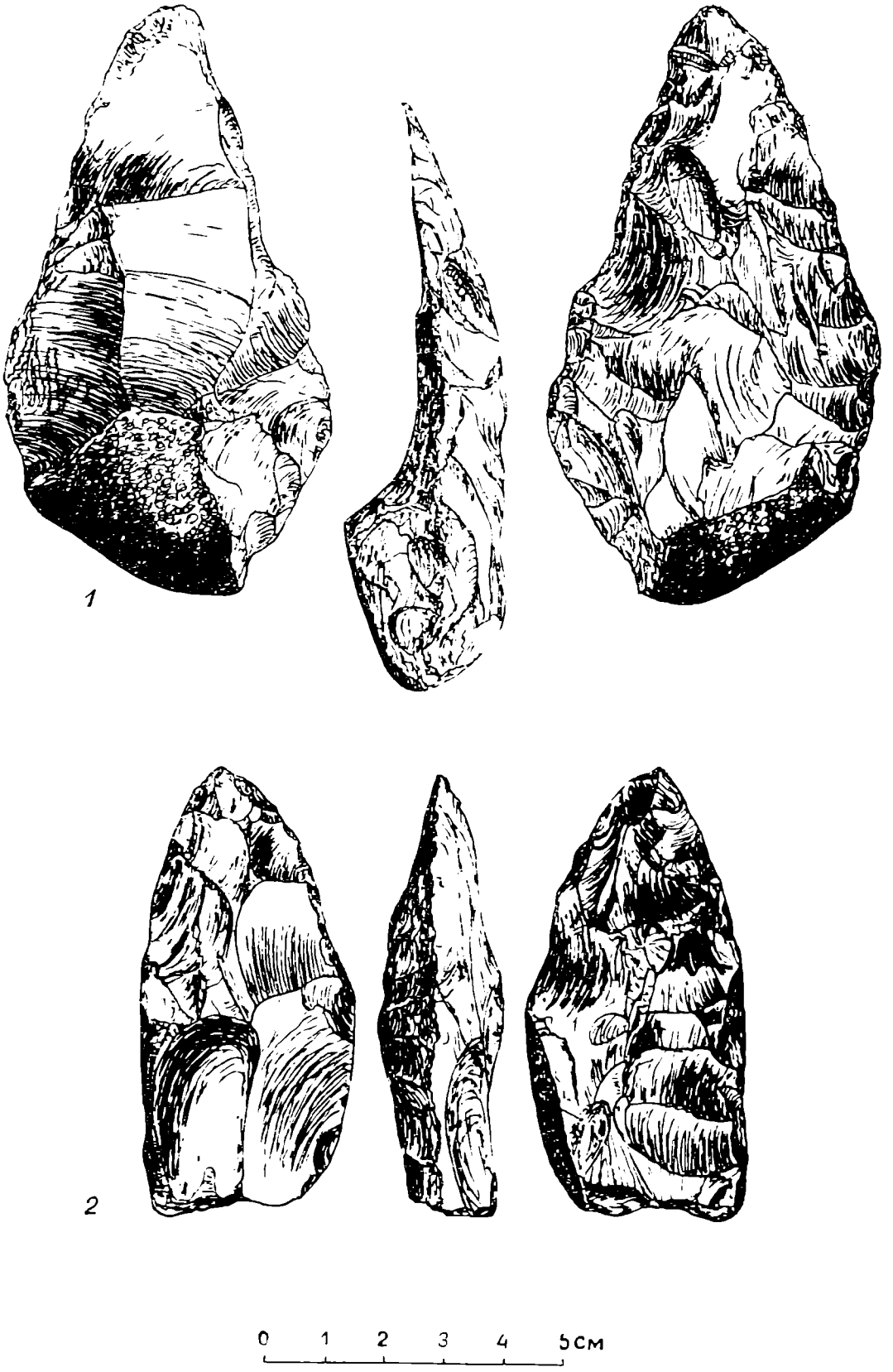


Рис. 8. Кремневые орудия.

1 — ручное рубило типа Ла-Микок. *2* — остроконечник из кремня светлосерого цвета.

щуюся от современного уровня реки на высоту около 50 м, где при разведке во время работ мною также были собраны среди огородов и рытвин кремни весьма древнего облика.

К какому же времени следует отнести комплекс кремневых орудий, найденных при раскопках в Выхватинцах?

Ориентируясь на наличие холодолюбивой фауны, можно было бы местонахождение отнести к мустье, так как северный олень, пещерный медведь, мамонт и носорог являются характерными представителями мустьерского времени. Однако среди кремневого инвентаря грота, за исключением одного остроконечника, характерных мустьерских орудий не найдено, так же как и правильных треугольных пластин, типичных для этого времени.

Наиболее выразительными являются описанные выше рубильца, они находят прямую параллель среди кремневых орудий из позднеашельской пещеры Ла-Микок в юго-западной Франции.

На территории СССР ближайшей параллелью орудий из Выхватинцев следует считать инвентарь пещерной стоянки Киик-коба в Крыму, датируемой тем же временем. Все это позволяет с достаточным основанием находки в Выхватинцевском гроте датировать позднеашельским временем.

Приложение

ФАУНА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ В ВЫХВАТИНЦАХ

(Определена В. И. Зубаревой)

Наименование вида	Количество		% соотношения видов
	костей	особей	
Мамонт (*Elephas trogontherii primigenius*)	239	8	10.3
Шерстистый носорог (*Rhinoceros antiquitatis* Blum.)	78	5	6.4
Дикая лошадь [*Equus* (*Equus*) *caballus* Foss.]	298	11	14.1
Зубр (*Bison priscus* Boj.)	141	9	11.5
Caprovinae (козлы — *Capra*, бараны — *Ovis*, серны — *Rupicapra*)[1]	1	1	1.3
Гигантский олень (*Cervus euryceros* Aldr.)	12	3	3.9
Благородный олень (*Cervus elaphus* L.)	45	9	11.5
Северный олень (*Rangifer tarandus*)	15	3	3.9
Пещерный медведь (*Ursus spelaeus*)	163	12	15.3
Пещерная гиена (*Hyaena spelaea* Goldf.)	69	9	11.5
Пещерный лев (*Felis leo spelaea*)	9	2	2.6
Волк (*Canis lupus* L.)	18	4	5.1
Лисица обыкновенная (*Vulpes vulpes* L.)	7	2	2.6
	1095	78	

[1] В материалах 1946 г. имеется всего один фрагмент (дистальный конец большой берцовой кости) мелкого жвачного, по которому определение до рода с уверенностью невозможно.

С. Н. ЗАМЯТНИН

ПАМЯТИ МИХАИЛА ВАЦЛАВОВИЧА ВОЕВОДСКОГО

(1903—1948)

Преждевременная смерть вырвала из наших рядов Михаила Вацлавовича Воеводского. В лице его советская археологическая наука потеряла крупного исследователя древнейшего прошлого нашей страны, отдавшего изучению его все годы своей сознательной жизни. Еще двадцатилетним юношей, в 1923 г., одновременно с учебой на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета, М. В. начал работать в Антропологическом музее МГУ, с которым он в дальнейшем не порывал связи, пройдя за 25 лет работы в музее все последовательные ступени от научно-технического сотрудника до заместителя директора по научной части и заведующего отделом археологии. С 1933 г. М. В., одновременно с работой в музее, был старшим научным сотрудником Государственной Академии материальной культуры (ныне Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР), а с 1939 г. — доцентом кафедры археологии Московского университета. Таковы основные вехи несложной «официальной» биографии М. В., за которыми скрывается четверть века кипучей и плодотворной исследовательской, педагогической и организационной работы.

С первых же лет работы в Антропологическом музее М. В. начал принимать участие в его археологических экспедициях, охватывавших памятники весьма различные хронологически.

Но научные интересы М. В. определились рано, и еще в студенческие годы он начал сосредоточивать свое внимание на ранних памятниках эпохи камня. Изучению каменного века СССР и посвящено большинство работ М. В.

В течение ряда лет обстоятельные полевые исследования М. В. проводил в центральных областях Европейской части Союза, особенно, в долинах Оки и Десны. Более эпизодический характер носили его исследования в Средней Азии.

Ряд работ М. В. был посвящен многочисленным неолитическим стоянкам, открытым им и изученным [5—7, 14, 27 и др.].[1]

Специальное внимание уделялось им, между прочим, изучению керамики, составляющей наиболее массовый материал в археологических находках, не используемый, однако, в достаточной степени. Вопросам истории гончарной техники у первобытного населения территории СССР и методике ее изучения была посвящена им специальная серия работ [2,3, 10, 12].

[1] Цифры в скобках указывают порядковые номера в списке работ М. В., приведенном ниже.

Весьма недостаточно изученный у нас период перехода от палеолита к неолиту являлся предметом постоянных научных интересов М. В., которому мы обязаны рядом работ на эту тему как общего характера, так и посвященных отдельным памятникам [4, 20, 25].

Выдающееся значение имеет вклад, внесенный М. В. в дело изучения культуры человека четвертичного периода на территории СССР. М. В. принадлежит честь открытия известной Тимоновской палеолити-

М. В. Воеводский.

ческой стоянки близ Брянска [1]. Ближайшее участие принимал он в исследовании другого важнейшего памятника, расположенного поблизости, — Супоневской стоянки. Эти последние исследования, падающие по времени на начало научной деятельности М. В., в значительной мере определили круг его научных интересов. В последующие годы им была детально обследована долина Десны на всем ее протяжении [21, 22, 26, 28–33] и подвергнут исследованию ряд первоклассных памятников как палеолитического, так и последующего времени.

В последние годы жизни М. В. особенно интересовался ранним палеолитом. Результатом этого интереса явился ряд находок, освещению которых, между прочим, посвящена работа М. В., публикуемая в настоящем томе «Советской археологии».

В годы Отечественной войны, находясь в эвакуации, М. В. проводил исследования на Островской стоянке в устье Чусовой.

Выдающийся интерес представляют открытия М. В. на Авдеевской палеолитической стоянке близ Курска, раскопки которой показали, что этот памятник является двойником знаменитой стоянки Костенки I, в деталях повторяя характернейшие формы кремневых орудий, ее орнаментированных изделий из кости и женских статуэток из бивня мамонта.

Заняться обработкой этих материалов М. В. уже не пришлось. Исследования Авдеевской стоянки, которые М. В. вел в течение нескольких полевых сезонов, он заканчивал уже больным.

М. В. был мастером полевых исследований. Методика и техника его раскопок, тонкость наблюдений вызывали восхищение специалистов.

Деятельность М. В. не исчерпывалась только исследовательской работой. Столь же горячо, не жалея сил, он отдавался и педагогической работе (в течение ряда лет читал специальные курсы на кафедре археологии МГУ), музейной, экспозиционной (в Государственном музее антропологии) и организационной работе.

М. В. ушел от нас в расцвете сил, полный творческих замыслов и кипучей энергии.

Все, кто знал М. В. и работал с ним, навсегда сохранят память о нем как о крупном специалисте, превосходном работнике, прекрасном товарище и обаятельном человеке.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ М. В. ВОЕВОДСКОГО

1. Тимоновская палеолитическая стоянка. АЖ, XVIII, № 1—2, М., 1929, стр. 59—70.
2. Les moyens méthodiques pour l'etude de la céramique. ESA, IV, Хельсинки, 1929, стр. 82—89.
3. К истории гончарной техники народов СССР. Этнография, кн. 12, М.—Л., 1930, стр. 55—70.
4. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы. Тр. II Межд. конф. АИЧПЕ, вып. 5, Л., 1934, стр. 230—245.
5. (Совместно с О. Н. Бадером). Стоянки Балахнинской низины. Сб. «Из истории родового общества на территории СССР», ИГАИМК, вып. 106, М., 1934, стр. 298—346.
6. (Совместно с А. В. Збруевой). Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции (Средволгострой), участок по р. Шексне. Сб. «Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг.», т. I, ИГАИМК, вып. 109, Л., 1935, стр. 120—135.
7. (Совместно с О. Н. Бадером). Участок Скнятино-Молога. Стоянки родового общества. Тот же сборник, стр. 145—156.
8. Наглядные пособия по антропологии. АЖ, 1935, № 1, стр. 144.
9. Из польской археологической периодики. Обзор статей, помещенных з журнале «Wiadomosci Archeologiszne», X, XI, XII. ПИДО, 1935, № 5—6, стр. 170—174.
10. Глиняная посуда Москвы XV—XVIII вв., по материалам, собранным при работах Метростроя. Сб. «По трассе первой очереди Московского метрополитена», ИГАИМК, вып. 132, Л., 1936, стр. 168—171.
11. Рецензия на кн.: L. Savicki. Przemyst swiderski i stanowiska wydmowego Swidry Wielkie. АЖ, 1936, № 4, стр. 467—470.
12. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР СА, I, Л., 1936, стр. 51—77.
13. (Совместно с П. И. Борисковским). Стоянка Елин Бор. СА, III, Л., 1937, стр. 77—101.
14. Результаты работ Окской экспедиции 1936 г. АЖ, 1937, № 2, стр. 111—114.
15. (Совместно с рядом авторов). О методах вредительства в археологии и этнографии. «Историк-марксист», 1937, кн. 2 (60), стр. 78—91.
16. Остатки торфяного поселения Лужицкой культуры в Польше. ВДИ, 1938, № 2, стр. 224—237.
17. (Совместно с М. П. Грязновым). У-суньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 162—179.
18. A summary report of Khvarizm expedition. Bull. of the Amer. Inst. for Iranian Art and Archaeology, № 3. Вашингтон, стр. 235—245.
19. Важнейшие открытия советской археологии в 1938 г. ВДИ, 1939, № 1 (6), стр. 248—252.

20. К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе. СА, V, стр. 144—150 Л., 1940.
21. Результаты работ Деснинской экспедиции по изучению палеолита (1936—1937). Бюлл. АИЧПЕ, № 6—7, М., 1940, стр. 54—57.
22. Работы Деснинской экспедиции в 1939 г. КСИИМК, IV, Л., 1940. стр. 34—36.
23. Обзор полевых археологических исследований в 1939 г. ВДИ, 1940, № 2 (11), стр. 178—191.
24. (Совместно с О. Н. Бадером). Краткий очерк археологических исследований Института, Кафедры и Музея антропологии Московского университета. Уч. зап. МГУ, вып. 53, М., 1940, стр. 243—247.
25. (Совместно с М. М. Герасимовым и П. Н. Третьяковым). Тульская область, долина реки Оки. Сб. «Археологические работы в РСФСР в 1934—1936 гг.». Л., 1941, стр. 40—53.
26. Находки раннего палеолита на р. Десне. Кратк. сообщ. о научн. раб. Научн.-иссл. Инст. и Муз. антрополог. МГУ за 1938—1939 гг., М., 1941, стр. 64—65.
27. Стоянка Гремячее. Мат. и иссл. по археолог. СССР, 2, Л., 1945, стр. 142—148.
28. Деснинская археологическая экспедиция 1940 г. КСИИМК, XIII, М., 1946, стр. 89—94.
29. Результати робіт Деснянської експедиції 1936—1938 рр. Сб. «Палеоліт і неоліт України», т. I. Киев, 1947, стр. 41—57.
30. Крем'яні і костяні вироби палеолітичної стоянки Чулатів I. Сб. «Палеоліт і неоліт України». Киев, 1947, стр. 107—115.
31. Кремневые изделия из сборов Орловского отряда Деснинской экспедиции. Бюлл. АИЧПЕ, № 9, М., 1947, стр. 81—83.
32. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г. КСИИМК, XX, М., 1948, стр. 36—44.
33. Результаты работ Деснинской экспедиции. КСИИМК, XXI, М., 1948, стр. 45—46.
34. Ранний палеолит Русской равнины. Тр. Муз. антрополог., Уч. зап. МГУ, вып. 115, М., 1948, стр. 127—168.
35. К методике раскопок открытых палеолитических стоянок. Доклады и сообщ. Историч. факульт. МГУ, вып. 7, 1948, стр. 82—86.
36. Раннепалеолитические находки в бассейне Десны. СА, настоящий выпуск.

37. Городища Десни (Дослідження Деснянської експедиції 1945—1946 рр.). Сб. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. I. Киев, 1949, стр. 105—111.
38. Короткий звіт Деснянської експедиції про результати вивчення пам'яток кам'яної доби в 1945—1946 рр. Сб. «Археологічні пам'ятки УРСР» т. II. Киев, 1949, стр. 277—282.
39. Городища Верхней Десны. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 67—77.
40. Новая палеолитическая стоянка на р. Сейм. Бюлл. АИЧПЕ, № 14, М., 1949, стр. 132—137.
41. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 22—25.
42. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, XXXI.
43. Палеолитическая стоянка Погон. КСИИМК, XXXI.
44. (Совместно с А. В. Збруевой) Мало-Окуловская стоянка. КСИИМК, XXXI.

М. В. ВОЕВОДСКИЙ

НАХОДКИ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА В БАССЕЙНЕ р. ДЕСНЫ

Нахождение раннепалеолитических орудий на Десне представляет большой интерес, благодаря возможности проследить их соотношение с единственной здесь мореной максимальной (рисской) стадии оледенения и, тем самым, уточнить наши представления о геологическом возрасте палеолита.

Несмотря на то, что этот вопрос привлекал внимание большого числа исследователей, до сих пор никакого единства взглядов по нему не существует.

Наиболее распространенная точка зрения Буля—Обермайера—Осборна, согласно которой шельская и ашельская эпохи раннего палеолита относятся к рисс-вюрмскому времени, а мустьерская — к вюрмскому, за последнее время, в связи с накоплением новых данных, стала нуждаться в коренном пересмотре. На территории СССР до недавнего времени почти все раннепалеолитические стоянки и находки были известны лишь в районах, не подвергавшихся покровному оледенению, что сильно затрудняло сопоставление их стратиграфии со стратиграфией гляциальных областей. Вопрос о возможности отнесения раннего палеолита юга СССР к дорисскому времени был впервые поставлен В. И. Громовым в связи с нахождением отщепа позднеашельского облика на миндель-рисской ископаемой почве у ст. Бессергеновка близ г. Таганрога.[1] К этому же выводу пришли В. И. Громов, Г. Ф. Мирчинк, Е. В. Шанцер и С. Н. Замятнин в результате изучения условий залегания раннепалеолитических орудий на Черноморских террасах Абхазии.[2] На площади, покрывавшейся днепровским языком рисской стадии оледенения, достоверных, стратиграфически обоснованных раннепалеолитических находок не было известно до работ Деснинской экспедиции. На возможность их нахождения указывало лишь Кодакское местонахождение, хотя и расположенное вне площади оледенения, но на небольшом расстоянии от южной границы ледника.

---

[1] В. И. Громов. Некоторые итоги полевых исследований по палеолиту СССР в 1935 г. СА, II, стр. 189—194. — Он же. Новые данные о четвертичных млекопитающих Северного Кавказа. Тр. Сов. секции INQUA, вып. 1, Л., 1937, стр. 48—50. — С. Н. Замятнин. К определению кремневого отщепа из миндель-рисской толщи Азовского побережья. Тр. Сов. секции INQUA, вып. 1, стр. 48—50.

[2] В. И. Громов. Итоги изучения геологических условий нахождения палеолита на Кавказе, и его значение для четвертичной стратиграфии. Бюлл. АИЧПЕ, № 6—7, М.—Л., 1940, стр. 93—97. — Е. В. Шанцер. Условия залегания и геологическая датировка Абхазского палеолита. Там же, стр. 97—100. — С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии. Тр. Инст. Абхазской культуры, вып. 10, Сухуми, 1937, стр. 1—54.

Кремневые изделия, фауна и стратиграфия этого местонахождения позволяют датировать его археологический возраст ранним мустье, а геологический — миндель-риссом или началом рисса.[1]

В пределах днепровского языка оледенения первая находка орудия мустьерского типа была сделана учителем П. Н. Чайковским еще в 1929 г. и опубликована К. М. Поликарповичем в 1937 г.[2] Орудие было найдено в небольшом овраге на урочище «Каменная гора», на правом берегу р. Беседи (левого притока Сожа), в 2 км от м. Светиловичи.

К. М. Поликарпович считает, что Каменная гора представляет собою верхнюю (вторую) надпойменную террасу, сложенную белыми древнеаллювиальными песками с примесью не очень частых валунчиков.

Эти пески, повидимому, можно считать флювиогляциальными рисскими подморенными отложениями.

Аналогичные образования описаны Г. Ф. Мирчинком на р. Соже, в районе Бердыжской стоянки.[3]

Вторая находка была сделана в 1936 г. автором настоящего очерка в верхнем течении р. Оки, у с. Мельтиново Белевского р-на Тульской обл.[4]

Здесь, на дне молодого оврага «Хотожков ров», левого притока Оки, были найдены два крупных кремневых отщепа позднеашельского или раннемустьерского характера. Рядом с отщепом лежали ulna и позвонок крупного бизона (*Bison priscus*). Судя по слабой окатанности отщепов и костей, они были вымыты на небольшом расстоянии от места находки.

Современный овраг врезан на глубину до 15 м в долину древней балки, хорошо прослеживающейся в рельефе местности.

Ложбина этой балки была выработана, несомненно, в дорисское время, так как в основании выполняющего его балочного аллювия лежит морена мощностью 2—3 м, состоящая из гравия с валунами северных пород и местного известняка. Верхние плиты подстилающих морену известняков были сдвинуты, частью поставлены на ребро, сильно потерты и окатаны.

Можно предполагать, что раннепалеолитическая стоянка располагалась на пологом склоне древней балки и была разрушена ледником.

Хотя оба эти местонахождения и расположены на территории, покрывавшейся рисским ледником, но, вследствие неясности условий их первичного залегания, они не добавили ничего нового для уточнения стратиграфического положения раннего палеолита.

Во время работ Деснинской экспедиции В. И. Громовым и В. А. Хохловкиной была сделана целая серия находок, среди которых два пункта — Неготино и Язви — дали четкую стратиграфическую картину.

Условия нахождения кремневых поделок в Неготино В. А. Хохловкина описывает следующим образом:

«Летом 1939 г. Орловским отрядом Деснинской экспедиции, в составе В. А. Хохловкиной, Т. Н. Трапло и Т. С. Кулигиной, в верхней части

---

[1] П. Г. Пидопличка. Фауна Кодакской палеолитической стоянки. Природа, № 6, 1936, стр. 118—120. — Л. Лепикаш. Замітка про геологічні умови знахідки давнього палеоліту в околицях с. Старий Кодак на Дніпропетровщині. Четвертич. період, вып. 10, Изд. АН УССР, Киев, 1935, стр. 71—78.

[2] К. М. Поликарпович. Первая находка мустьерской эпохи в БССР. СА, III, стр. 197—199.

[3] Г. Ф. Мирчинк. О соотношении речных террас и стоянок палеолитического человека в бассейнах рек Десны и Сожа. Бюлл. Моск. общ. испыт. природы (геология), VII, вып. 1—2 (новая серия, XXXVII), М., 1929, стр. 1—18.

[4] М. В. Воеводский. Результаты работ Окской экспедиции 1936 г. АЖ, № 2, 1937, стр. 111—114.

дер. Неготино, на правом берегу Десны выше г. Бежицы, на бичевнике было обнаружено большое количество обломков кремней. Из них некоторые носили следы искусственной обработки. Был заложен шурф и выяснилось, что кремни вымыты из-под морены, так как нами был найден отщеп in situ, аналогичный отщепу, найденному на бичевнике, и, кроме того, ряд других кремней со следами обработки.

«Найденные кремни характерны для мустьерской эпохи (см. описание их М. Воеводским).

«Место находки кремней расположено на правом берегу р. Десны, имеющем следующее геологическое строение:

1.	Задернованная поверхность	1.5 м
2.	Тонкозернистый песок с ортзандами	4 »
3.	Суглинок с охристыми натеками, с большим количеством известковистых солей до	2 »
4.	Супесь серая, легкая, около	1 »
5.	Песок серый, среднезернистый с большим количеством крупных зерен кварца и других минералов. Кверху песок крупнозернистый	11 »
6.	Морена плотная с большим количеством кристаллических валунов различной крупности, щебенкой с острыми краями, галек и крупных кварцевых зерен. Все сцементировано незначительным количеством тонкого суглинка. В нижней части большое скопление обломков кремня, среди которых встречаются кремни со следами обработки	1 »
	По всей вероятности это остатки морены, размытой ледниковыми водами. (При посещении этого местонахождения в 1940 г. Т. Н. Тралло был найден еще один крупный отщеп в верхней части подморенных зеленых песков).	
7.	Зеленые мелкозернистые пески около	2 »
8	Плотный зелено-желтый песчаник — видимая мощность	0.5 »

«Указанный разрез и рельеф приводят к заключению, что в данном месте морена выстилает дно древней дорисской ложбины. Мало вероятно, чтобы стоянка находилась на дне ложбины, повидимому, она располагалась где-то выше по склону, и кремни снесены сюда ледником.

«В Черниговской области, в балке Язви близ с. Пушкари В. И. Громовым и В. А. Хохловкиной было найдено мустьерское скребло также под рисской мореной, но во флювиогляциальных песках, и не на дне древней ложбины, а на склоне.

«Так как обе находки приурочены к нижним слоям ледниковых отложений, то нет оснований предполагать, что до наступления ледника они были перекрыты какой-либо значительной толщей. Из этого следует, что геологически их можно датировать концом миндель-рисса или началом рисского оледенения».

Материал из местонахождения у дер. Неготино, переданный мне В. А. Хохловкиной для определения, состоял из 14 кремневых обломков, отщепов и осколков. Кремень меловой, темносерого цвета, полупрозрачный, с остатками меловой корки. Наибольший интерес представляют 4 отщепа, добытых под отложениями рисской морены, и один, найденный на бичевнике. Все 5 экземпляров имеют совершенно ясные признаки, свидетельствующие о том, что они были сколоты рукой человека. Все они слегка окатаны и покрыты легкой желтоватой патиной. На одном имеются пятнышки голубовато-белой патины.

1. Плоский отщеп, размером 4.6 × 4.0 см. На слегка выпуклой спинке имеются две продольные грани от предыдущих сколов и одна небольшая фасетка близ основания (рис. 1, *1*).

На брюшке хорошо выраженный невысокий широкий ударный бугорок. Ударная площадка широкая и расположена под прямым углом к плоскости спинки. На одной стороне ударной площадки имеется несколько фасеток с заломами от сколов, подправляющих основание

нуклеуса. Этот отщеп является наиболее показательным для определения возраста местонахождения.

Наличие достаточно правильных граней на спинке и форма отщепа позволяют заключить, что он был сколот с нуклеуса. Судя по положению ударной площадки и подправляющих сколов на ней, сторона нуклеуса, с которой был сколот описываемый отщеп, была плоской и скалывание происходило вдоль нуклеуса, а не под углом.

Такого рода широкие нуклеусы и отщепы характерны для мустьерской эпохи и почти не встречаются в более древних эпохах раннего палеолита.

2. Отщеп, размером 2.3 × 4.5 см, сколот с кремневой плитки. На плоской спинке большое количество небольших плоских фасеток, снимающих поверхность, покрытую коркой. На брюшке широкий, массивный, хорошо выраженный ударный бугорок. Ударная площадка широкая, без следов подправки.

3. Обломок плоского широкого отщепа, сколотого с кремневой плитки.

4—5. Массивные небольшие осколки. У обоих на спинке параллельные продольные грани, свидетельствующие о том, что осколки были сколоты с нуклеуса. На одном на ударной площадке имеются фасетки от подправки основания нуклеуса.

Вся описанная выше группа отщепов принадлежит, несомненно, к мустьерской эпохе и свидетельствует о существовании в верхнем течении р. Десны раннепалеолитических стоянок в начале рисской стадии оледенения.

Находка у дер. Неготино полностью подтверждает данные, полученные в ряде пунктов северной Черниговщины, где в сходных условиях были найдены типичные мустьерские орудия.

Отщеп, найденный в 1940 г. Тралло в верхней части зеленых песков, подстилающих морену, имеет все признаки искусственной обработки. Отщеп плоский, из темносерого роговика, со следами корки, слегка окатан. Брюшко гладкое, слегка вогнутое, спинка выпуклая, с несколькими сколами. Ударная площадка ясно выражена, по краю ее имеется несколько заломов, а самый край слегка забит. Этот отщеп по своему характеру вполне аналогичен описанной выше группе и вместе с ними может быть отнесен к мустьерской эпохе.

Второе местонахождение — Язви — расположено близ с. Пушкари Гремячского р-на Черниговской обл.

Овраг Язви находится на правом берегу р. Десны, на расстоянии около 3.5 км от берега реки, и является левым притоком большой балки «Мосолов ров».

В вершине оврага, врезающейся уже в плато, в обнажении обрывистой левой стенки, в 1939 г. В. И. Громовым и В. А. Хохловкиной было найдено типичное мустьерское скребло. Оно залегало под толщей хорошо выраженной морены, в подморенных флювиогляциальных песках. Совершенно ясные условия залегания этой находки не вызывают никаких сомнений в ее дорисском или раннерисском возрасте.

Орудие изготовлено на правильной широкой, несколько удлиненной пластине. На слегка выпуклой спинке идут две правильные параллельные продольные плоскости от предыдущих сколов (рис. 1, *2*). Ударный бугорок на брюшке невысокий, очень широкий и занимает бо́льшую часть нижней поверхности орудия.

Ударная площадка сохранилась лишь в левой части основания. Она расположена под тупым углом к плоскости брюшка и не несет никаких следов подправки. На спинке, у основания пластины, имеются много-

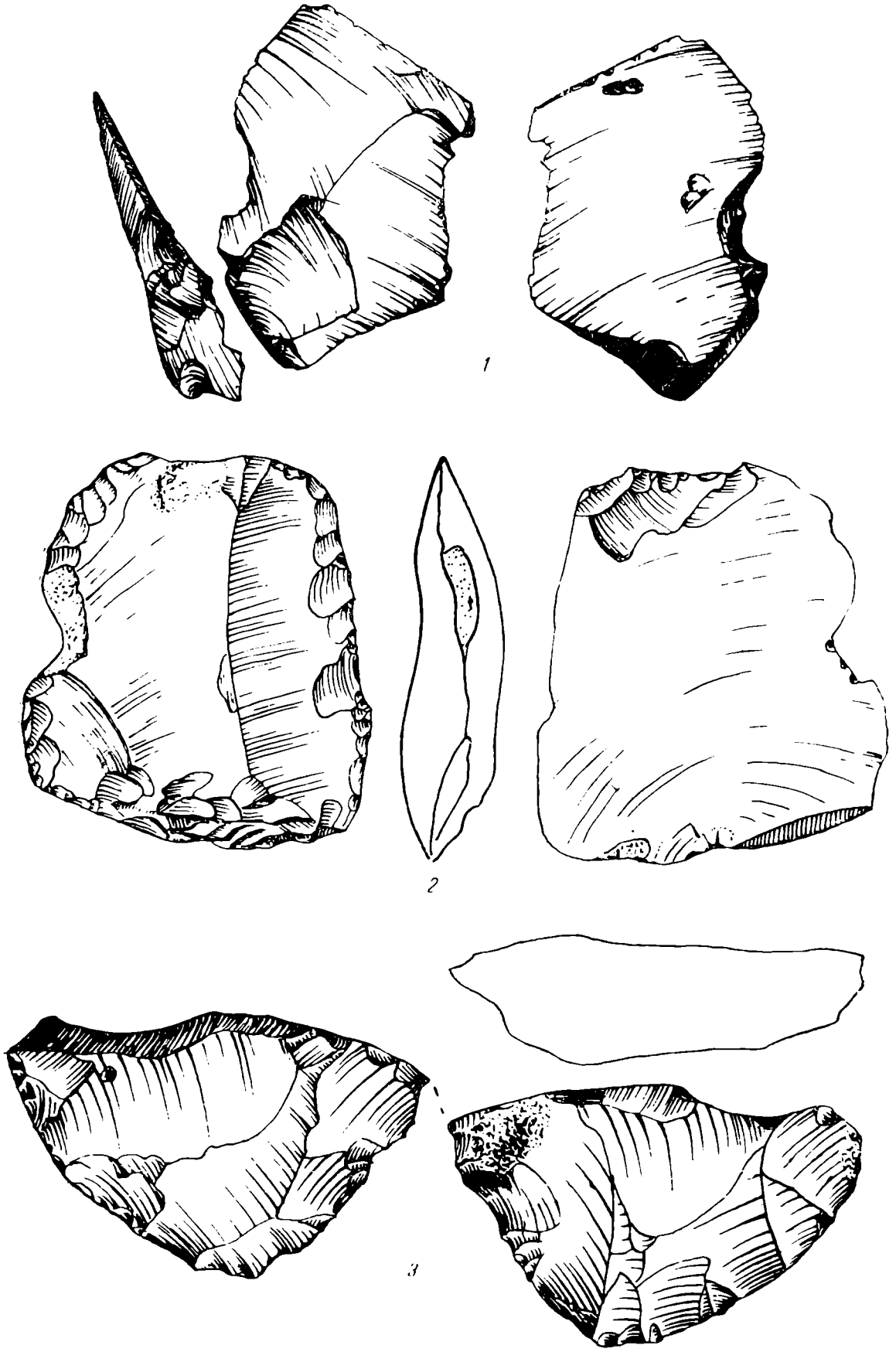


Рис 1.

1 — отщеп, дер. Неготино; *2* — скребло, Язви близ с. Пушкари; *3* — обломок ручного рубила, Ореховый лог близ с. Пушкари.

численные фасетки с заломами от неудачных попыток произвести откол.

Правый ровный край обработан со спинки довольно крутой правильной ретушью с небольшими короткими фасетками. На левом крае аналогичная ретушь имеется лишь на двух участках — близ основания и у вершины, так как в средней части находится глубокая естественная выемка, покрытая меловой коркой. Конец орудия отбит молотком во время зачистки обнажения. Размеры орудия небольшие — длина 5.5 см, ширина 5.0 см и толщина 1.2 см.

Оно изготовлено из мелового непрозрачного серо-коричневого кремня с остатками меловой корки. Обе поверхности покрыты пятнами голубовато-серой патины с легким желтоватым налетом. Орудие сильно окатано, грани сглажены, и обе поверхности приобрели глянец. Судя по форме пластины и технике обработки, описанное орудие может быть датировано временем развитого мустье.

В районе того же с. Пушкари, близ устья оврага «Ореховый лог», на поверхности был найден еще один обломок раннепалеолитического орудия (рис. 1, *3*).

Судя по форме и технике выделки, он является тыльным концом плоского ручного рубила или крупного остроконечника с двухсторонней обработкой, изготовленного из массивного широкого скола. Спинка орудия слегка выпуклая, брюшко плоское. Края со спинки довольно крутые, обработаны небольшими плоскими сколами. Вся поверхность брюшка покрыта крупными плоскими сколами, а края подправлены довольно грубой ретушью.

Размеры обломка — толщина 1.6 см, наибольшая ширина 6.0 см. Поделка изготовлена из мелового серо-коричневого непрозрачного кремня с остатками корки. Брюшко покрыто пятнами голубоватой и серой патины с мелкими крапинками. На спинке патина серая с желтоватым оттенком, обычным для раннепалеолитических находок Десны.

Орудие слегка окатано, грани потерты, и часть поверхности приобрела глянец. Нахождение орудия на поверхности, естественно, лишает его стратиграфического значения, но в соединении с другими находками указывает на значительное распространение раннего палеолита на Десне.

Такого рода плоские рубила с асимметричным профилем встречаются, начиная от позднего ашеля и вплоть до развитого мустье. В СССР совершенно аналогичные формы встречены, например, в Крыму, в мустьерских стоянках Чокурча и Волчий грот.

Наибольшее количество находок дало местонахождение у с. Чулатово, находящееся в 40 км ниже с. Пушкари. Здесь в 1938 г. В. И. Громовым и В. А. Хохловкиной в урочище «Заровская круча» у с. Чулатово Новгород-Северского р-на Черниговской обл. были сделаны первые находки отщепов мустьерского облика.

Местонахождение Заровская круча (Чулатово III) расположено на правом берегу Десенки, притоке р. Десны, между стоянкой «Рабочий ров» и с. Чулатово. Находки были обнаружены на поверхности бичевника правого берега, на высоте 1.5—2.0 м над современным летним уровнем Десны, у подножья обрыва 10-метровой (первой надпойменной) террасы.

В 1939 и 1940 гг. на этом месте были заложены 2 траншеи и несколько шурфов, которые позволили установить, что поделки залегают в основании террасовых отложений. Весь материал, несомненно, залегает во вторичном отложении, в аллювиальных суглинках и супесях, частью непосредственно на поверхности мела, вместе с большим количеством кремневых конкреций, вымытых из коренных месторождений.

Всего за три года было добыто 180 кремней со следами искусственного откалывания и обработки. Вместе с кремневыми поделками залегало много костей животных (почти исключительно байбаков) и большое количество остатков пресноводных моллюсков. На поверхности бичевника, в небольших промоинах, были найдены сильно разрушенный зуб мамонта и плечевая кость шерстистого носорога,[1] повидимому, вымытые из той же толщи.

Судя по результатам геологического изучения местонахождения, можно предполагать, что находки залегают в отложениях древней старицы Десны и в овражном делювии впадавшей в нее балки.

В толще, содержащей кремневые поделки и фауну, встречаются небольшие валуны северных пород и крупные, слегка окатанные, обломки бучакского песчаника. По всей вероятности, стоянка располагалась на коренном берегу, на склоне балки, и была разрушена ледником. Впоследствии весь материал был вынесен по балке в долину Десны вместе с остатками размытой морены.

Кремневые поделки состоят из 29 нуклеусов и нуклеобразных обломков, 36 сколов и отщепов, 4 правильных пластин, 65 мелких отщепов и осколков и нескольких десятков обломков. На четырех предметах есть вторичная обработка. На прочих кремнях имеются лишь следы случайных ударов, возможно частично не связанных с человеческой деятельностью, а получившихся в результате окатывания.

Весь кремень меловой, темносерый, полупрозрачный, совершенно идентичный вымываемым здесь же из коренных месторождений конкрециям.

Почти все поделки в той или иной степени покрыты патиной. При патинизации, что обычно для местного сеноманского кремня, они сперва покрываются мелкими светлыми пятнышками, а затем вся поверхность приобретает голубовато-белый цвет с серыми крапинками. Но кроме того, на большинстве поделок с Заровской кручи есть еще легкий желтоватый налет, имеющийся и на раннепалеолитических находках с других пунктов, но почти не встреченный на кремне с позднепалеолитических стоянок.

Так как кремень для изделий раннего и позднего палеолита употреблялся один и тот же, то появление этого специфического желтоватого оттенка в патине можно объяснить лишь влиянием условий залегания под мореной, богатой железистыми соединениями. На многих поделках сохранились участки меловой корки, но только ее окремнелые части; мажущейся корки нет ни на одном объекте.

Почти все кремни в той или иной степени несут следы окатанности. Сильно окатанных предметов очень немного. Несколько поделок имеют совершенно глянцевую поверхность.

Качество кремня плохое, он часто трещиноватый и распадается при слабом ударе, поэтому многие предметы дошли до нас в обломках. Вторичная обработка, как уже указывалось выше, имеется лишь на 4 поделках.

Одна из них (7 × 7 см), изготовленная из массивного обломка, напоминает типичное мустьерское скребло (рис. 2, *1*). Слегка дугообразный рабочий край у него очень массивный и обработан со спинки характерной мустьерской ретушью с заломами, снявшей поверхность естественного излома, покрытого еще до обработки патиной. Брюшко у орудия гладкое, получено одним широким сколом; спинка сплошь покрыта окремнелой меловой коркой.

---

[1] Определение фауны произведено В. И. Громовым.

Второе орудие (5 × 3.5 см) изготовлено из небольшого плоского отщепа с гладким брюшком и слегка выпуклой спинкой, сплошь покрытой меловой коркой (рис. 2, *2*). Орудие имеет овальную форму с заостренным концом. Правая сторона покрыта близ вершины довольно тонкой правильной краевой ретушью со спинки. На левой стороне ретушью подправлен лишь один небольшой участок с брюшка. Конец обломан. В целом виде орудие, повидимому имело вид небольшого ручного остроконечника, сделанного из первичного отщепа с кремневого желвака.

От третьей поделки сохранился лишь тыльный конец. Она изготовлена из крупной пластины с двумя правильными продольными плоскостями на спинке. Часть левого края у основания покрыта ровной, не особенно крутой ретушью (рис. 2, *3*). Ввиду того, что от орудия сохранилась сравнительно небольшая часть, назначение и форму его определить невозможно.

Четвертая поделка представляет собою удлиненный массивный отщеп размером 9 × 4.5 см (рис. 2, *4*), с выпуклой спинкой с несколькими негативами от предыдущих сколов. На левой стороне у отщепа имеется глубокая полуциркульная выемка, покрытая со спинки ретушью с довольно крупными фасетками. Край правой стороны почти прямой и покрыт также со спинки тонкой, не особенно правильной ретушью. Это орудие представляет собою архаичный выемчатый скобель. Аналогичные скобели встречаются на стоянках мустьерской эпохи, хотя и не являются широко распространенными.

Найденные вместе с другими поделками пластины отличаются от отщепов большей правильностью, меньшей шириной и толщиной (рис. 3, *1*, *2*). Ударные площадки у них небольшие, направлены почти под прямым углом к плоскостям откола, а на краю ударной площадки имеются лишь небольшие сколы и фасетки, полученные при подправке основания нуклеуса. На спинке у них по две, а у одной три, правильных параллельных плоскости от предыдущих сколов.

Ударный бугорок у всех пластин очень мощный и широкий, что резко отличает их от позднепалеолитических пластинок. Судя по указанным выше признакам, можно предполагать, что часть пластинок скалывалась с правильных удлиненных нуклеусов. Следов вторичной обработки на пластинках нет.

Многочисленные выщербинки по краям получились, несомненно, в результате окатывания. Одна из пластинок (рис. 3, *3*), длинная и узкая, с тремя правильными параллельными гранями на спинке, позволяет уточнить возраст описываемого местонахождения в пределах мустьерской эпохи.

Такого типа пластинки, сколотые с удлиненных, а не с дисковидных нуклеусов, не встречаются в раннемустьерских комплексах и характерны для развитого и позднего мустье.

Полностью оформленных и целых нуклеусов имеется всего 5 экземпляров. Все они довольно массивные и имеют более или менее правильную дисковидную форму, с широкими сколами на одной стороне (рис. 4, *1*, *2*).

Размеры нуклеусов невелики — диаметр их 7—7.5 см и толщина 2.5—3 см. Края почти у всех скошены и подправлены мелкими сколами. Эта группа представляет собою прекрасные образцы типичных мустьерских нуклеусов.

Остальные являются либо обломками кремня разной величины с одним-двумя сколами, частью полученными при первичной обработке желваков, либо обломками нуклеусов.

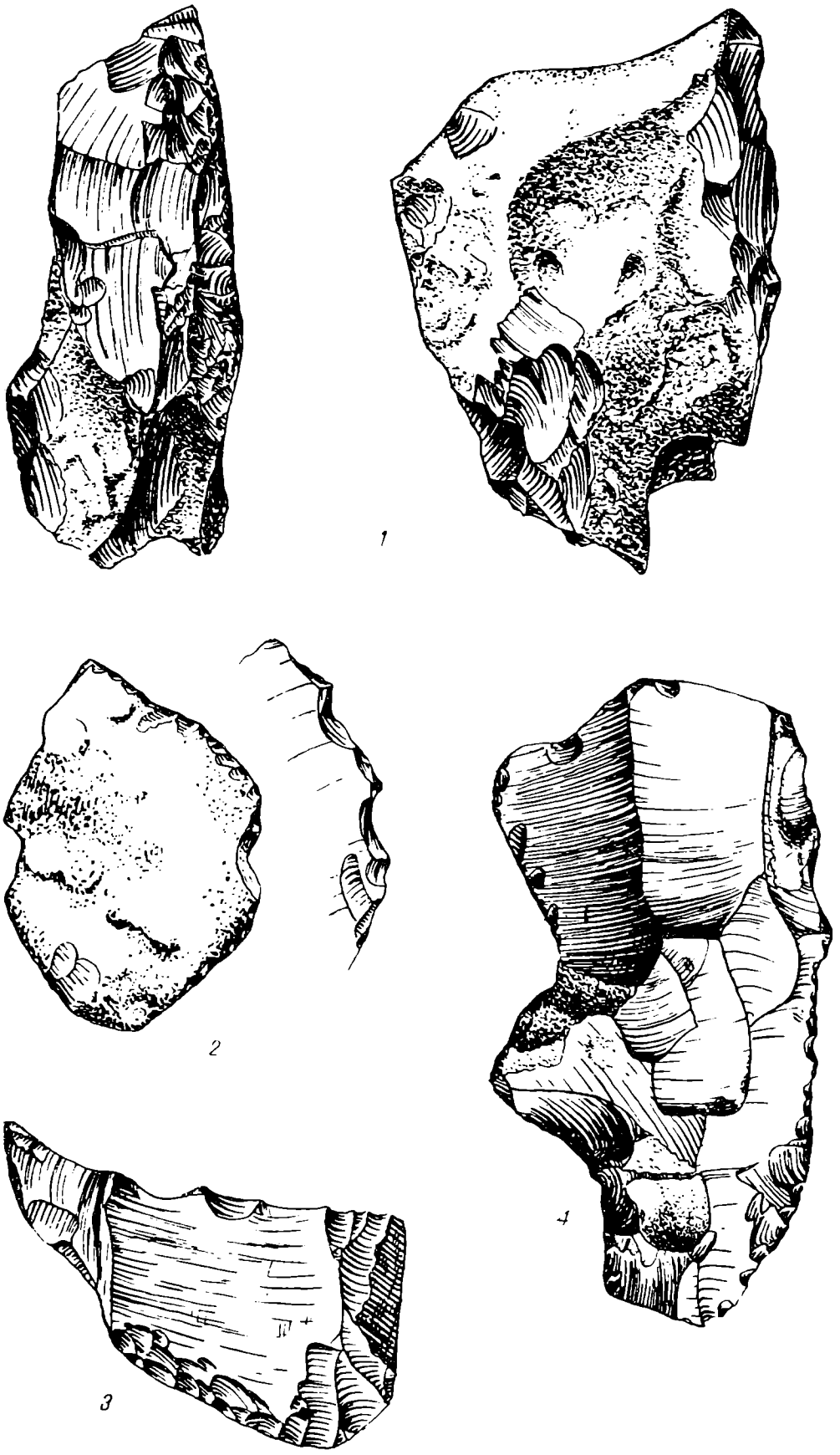


Рис. 2.

1 — скребло, Заровская круча близ с. Чулатово; *2* — остроконечник, там же; *3* — обломок орудия, там же; *4* — выемчатый скобель, там же

Один из последних представляет собою обломок основания почти призматического нуклеуса с хорошо сохранившимися негативами от ножевидных пластинок (рис. 4, *3*).

Среди осколков имеется один, сколотый с этого или аналогичного нуклеуса. Нуклеусы такого типа в небольшом проценте встречаются также в комплексах не древнее развитого мустье, где уже начинают зарождаться некоторые черты позднепалеолитической техники.

Среди отщепов значительная часть является первичными сколами с желваков, полученными при подготовке нуклеусов. Они отличаются неправильной формой, большей массивностью и присутствием корки на спинке. Ударная площадка у таких отщепов совершенно не оформлена и частью покрыта коркой. Отщепы, сколотые с нуклеусов, имеют правильную форму, более плоские, с одной или двумя плоскостями от предыдущих сколов (рис. 3, *4*; рис. 5, *1*).

Почти все они достаточно широки, узких вытянутых отщепов имеется всего несколько экземпляров. Ударные площадки у отщепов, сколотых с нуклеусов, широкие, расположены под тупым углом к плоскости откола и часто покрыты многочисленными фасетками от подправки края нуклеуса. Этот способ оформления ударных площадок характерен для отщепов, сколотых с дисковидных мустьерских нуклеусов. С этой стороны очень интересен один из крупных отщепов, сколовшийся поперек всего нуклеуса, вследствие чего у него на обоих концах оказались подправленные обивкой края дисковидного нуклеуса (рис. 5, *2*).

Размеры отщепов невелики; большинство их имеет длину 4—6 см и лишь отдельные экземпляры достигают 9 см.

Кроме крупных и правильных отщепов, являющихся, повидимому, заготовками для орудий, среди поделок имеется много мелких отщепов и осколков размером от 1 до 4 см. За очень небольшим исключением, они сколоты также с нуклеусов и имеют на спинке по две и иногда по три грани. Несколько осколков имеют величину меньше 1 см.

Судя по их присутствию, можно предполагать, что стоянка располагалась очень близко от местонахождения, так как иначе материал был бы сильнее отсортирован, и мелкие осколки не залегали бы вместе с крупными предметами.

Характер кремневых поделок, несмотря на присутствие небольшого количества архаичных массивных и широких отщепов, позволяет отнести описываемое местонахождение ко времени развитого мустье. Основанием для этого служит наличие значительного количества типично мустьерских правильных отщепов и пластин, среди которых представлены поздние формы узких пластин с параллельными гранями.

Кроме описанного местонахождения, отдельные находки были сделаны В. И. Громовым и В. А. Хохловкиной еще в нескольких пунктах правого берега р. Десны.

У выселок с. Араповичи Новгород-Северского р-на, в 4 км ниже с. Чулатово, в 1939 г. найден типичный мустьерский остроконечник. Он лежал на поверхности осыпи крутого склона молодого оврага, ниже выхода хорошо выраженной рисской морены.

Орудие имеет подтреугольную форму с сильно вытянутым концом. Изготовлено оно из плоского отщепа, со слегка выпуклой спинкой, с широкой поверхностью от предыдущего скола (рис. 5, *3*). Основание широкое, с несколькими заломами от неудавшихся сколов и несколькими плоскими фасетками, повидимому, снявшими выпуклость у правого угла. Со стороны брюшка основание подправлено несколькими плоскими фасетками. Ударной площадки нет, и основание, подправленное с брюшка и спинки, имеет вид широкого лезвия. Ударный бугорок широ-

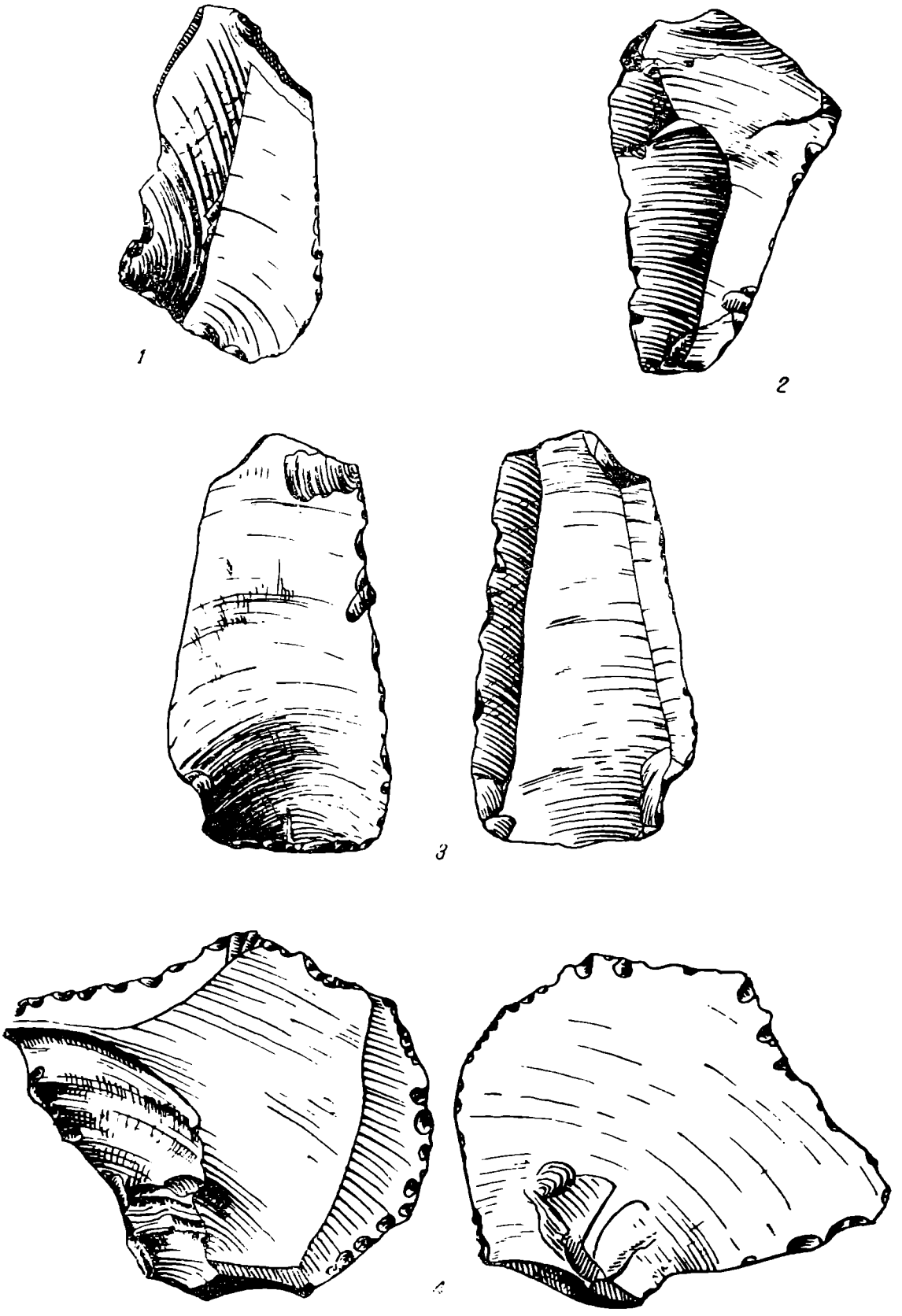


Рис. 3.

1—3 — пластины, Заровская круча; *4* — отщеп, там же

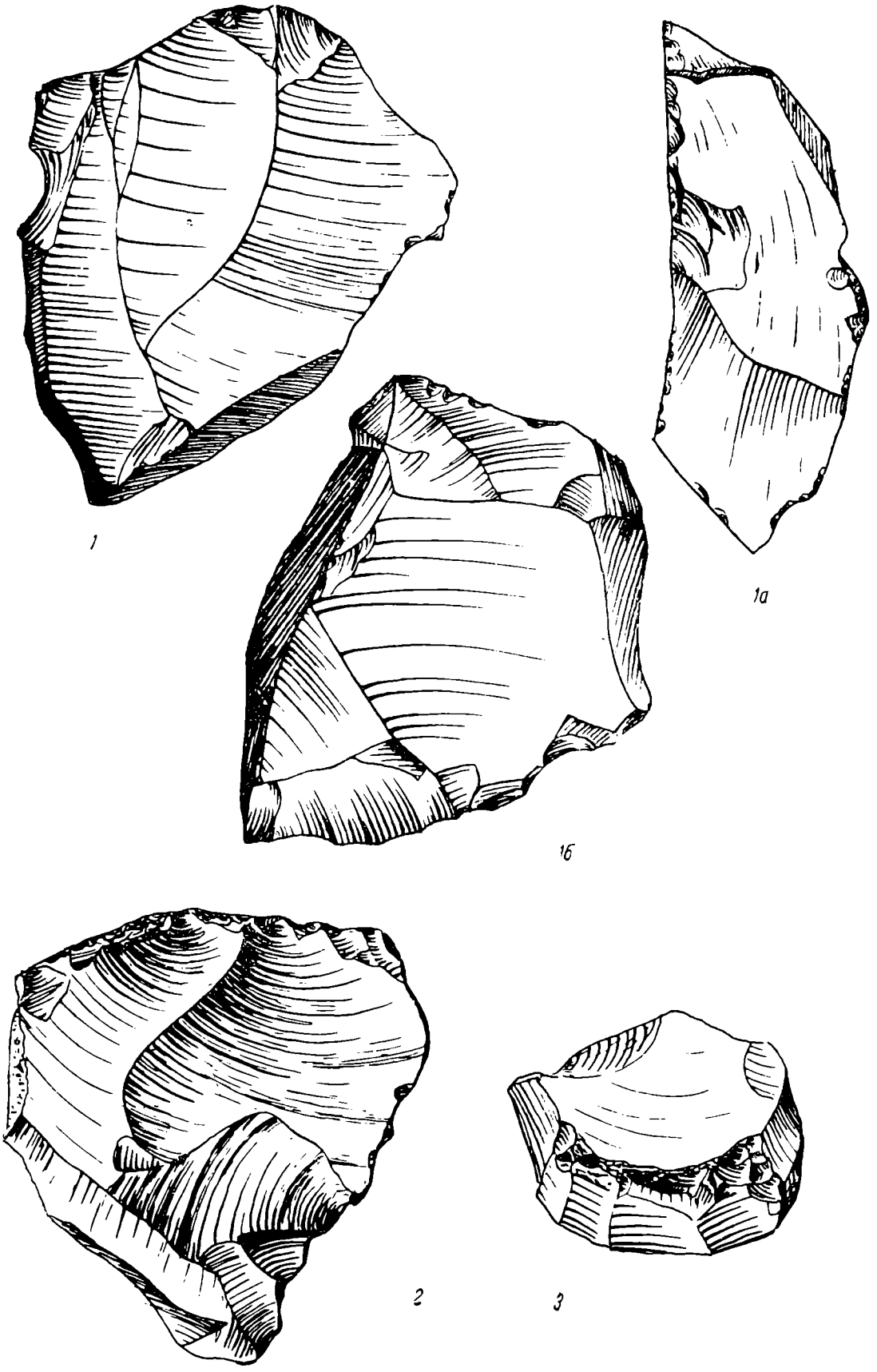


Рис. 4.

1, 2 — нуклеусы, Заровская круча; *3* — обломок нуклеуса, там же.

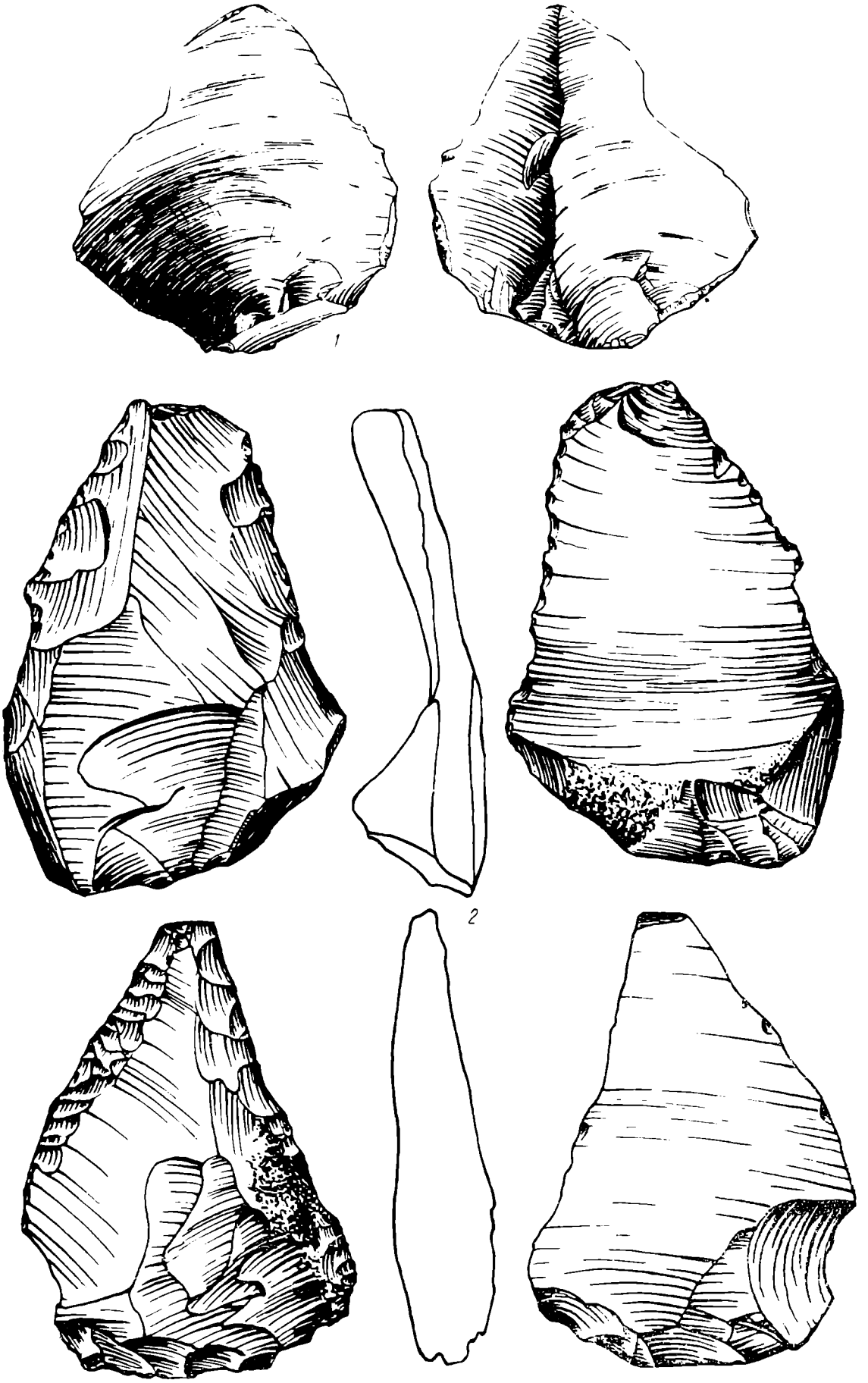


Рис. 5.

1 — отщеп, Заровская круча; *2* — отщеп с дисковидного нуклеуса, там же; *3* — остроконечник, у выселок с. Араповичи.

кий и низкий; на месте его вершины находится ямка от естественного выпада в результате инсоляции.

Скалывающий удар был направлен сбоку, от левого угла основания. Правая сторона остроконечника, более массивная и слегка вогнутая, обработана плоскими широкими фасетками, с подправкой тонкой ретушью самого края. Левая выпуклая сторона обработана тонкой, довольно крутой краевой ретушью. Конец орудия обломан. Размеры остроконечника — длина 6.7 см, ширина у основания 4.0 см и толщина 1.4 см.

Кремень меловой, темный, серо-коричневый, непрозрачный, покрыт голубоватой патиной и мелкими светлосерыми крапинками. Следов окатывания почти нет.

Описанный материал позволяет с полной определенностью установить наличие серии раннепалеолитических находок на площади, покрывавшейся днепровским языком рисской стадии оледенения.

Условия их залегания свидетельствуют о существовании здесь раннего палеолита в дорисское или раннерисское время, вплоть до прихода ледника, разрушившего стоянки.

Наиболее поздние из находок могут быть датированы развитой стадией мустьерской эпохи.

Многочисленные стоянки позднего палеолита на той же территории залегают в толще надморенных отложений лёссовидных суглинков. Наиболее ранние из них датируются концом ориньякской или солютрейской эпохи. Находки конца мустьерской и ориньякской эпох на описываемой территории отсутствуют вовсе. Это время, повидимому, отвечает максимальной стадии развития рисского ледника.[1]

---

[1] М. В. Воеводский. Деснинская археологическая экспедиция 1940 г. КСИИМК, XIII, М.—Л., 1946, стр. 89—94.

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ОКРЕСТНОСТЕЙ сел. АЛЕКСЕЕВСКОГО ВЫШНЕВОЛОЦКОГО РАЙОНА

В августе 1946 г. ЛОИИМК были организованы небольшие археологические исследования в Вышневолоцком р-не Калининской обл. Разведкой были охвачены побережья озер Тубос, Пудоро и Коломенского, входящих в водный бассейн р. Мсты у ее истока. Кроме разведочных работ, были произведены небольшие раскопки с целью получения материала, который помог бы разобраться в обширных музейных коллекциях из этого района, составленных преимущественно сборами Н. И. Гумилевского. Коллекции эти в значительной степени обесценены полным отсутствием документации.

I

Среди многочисленных неолитических стоянок, расположенных на северо-восточном побережье оз. Пудоро, только на одной стоянке культурный слой сохранился настолько, что возможно было произвести раскопки. Именно эта стоянка ранее была известна по сборам Н. И. Гумилевского и кратким упоминанием о ней П. Н. Третьякова как о стоянке, в которой имелась землянка, а также богатый и разнообразный кремневой инвентарь и керамика.[1] Расположена стоянка на широкой площадке первой надпойменной террасы, окруженной с трех сторон высокой песчаной грядой, хорошо защищающей площадку от ветра. Терраса, шириной в 22—25 м, возвышается над уровнем озера на 1.5—2 м и отделена от него небольшой поймой в 7—8 м. До произведенных в 1946 г. раскопок стоянки здесь несколько раз собирался подъемный материал. Так, в 1929 г. Н. И. Гумилевским в обрезе берега был собран значительный материал, среди которого было два целых сосуда и фигурный кремень.[2] В 1931 г. В. В. Федоровым было заложено на стоянке несколько шурфов, давших кремневый материал и керамику.[3] Следы шурфов в виде оплывших углублений были ясно видны на стоянке.

Стратиграфия стоянки, установленная по нескольким шурфам, очень несложна и однородна. Сверху идет дерновый слой в 5—7 см, непосредственно под дерном — слой в 25—27 см темножелтого песка с находками (керамика, кремень, угольки), постепенно переходящий в светложелтый чистый песок. Небольшое отклонение дает разрез по линии *аб*,

---

[1] П. Н. Третьяков. Из истории доклассового общества Верхнего Поволжья. ИГАИМК, вып. 106, стр. 107.

[2] Там же, стр. 115.

[3] Материалы МАЭ АН СССР, коллекция № 4517.

т. е. по линии, ближайшей к обрезу берега. Здесь на протяжении 1.5 м имеется незначительная западина, идущая на 25—30 см ниже уровня культурного слоя (рис. 1). В этом углублении обнаружено некоторое скопление керамики — фрагменты, принадлежащие одному сосуду, несколько рассеянных угольков и пережженных камней. В плане углубление имеет овальную форму, диаметром 1.5 × 1 м; одной стороной оно выходит к обрезу берега, охватывая, таким образом, неполные квадраты *а6*, *а5* и частично квадраты *б6* и *б5* (рис. 2). Никакой разницы в окраске или характере песка по сравнению с культурным слоем не наблюдается. Очаги, следы перекрытий отсутствовали. Небольшие остатки западины, отсутствие ясно выраженных следов жилища (остатков перекрытий, очагов, особого заполнения) не позволяют точно определить ее характер и назначение, а также не дают возможности восстановить ее первоначальную форму и размеры. Возможно, что она является остатком землянки, о которой упоминает в своей работе П. Н. Третьяков,[1] но

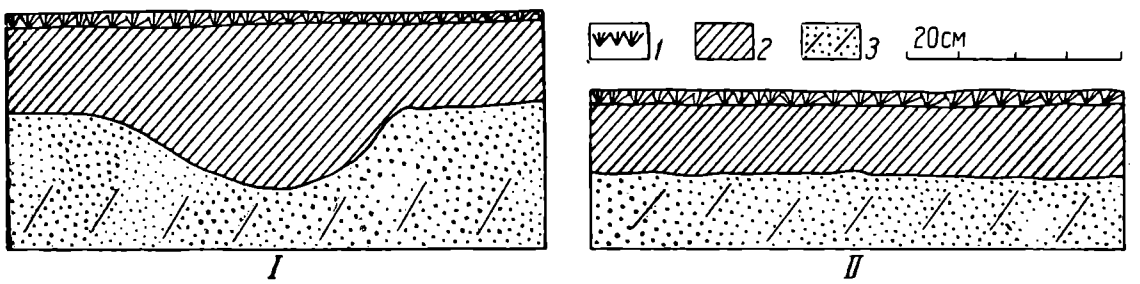


Рис. 1. Стратиграфия стоянки у оз. Пудоро.

I — разрез по линии *аб*; *II* — разрез по линии *вг*. *1* — дерновый слой, *2* — культурный слой, темножелтый песок с керамикой, кремнем и угольками, *3* — светложелтый чистый песок.

утверждать это категорически нельзя, поскольку значительная площадь стоянки, в частности участок западины, смыта ежегодным подъемом воды. Общие контуры поселения также подтверждают, что оно в своих первоначальных размерах не сохранилось, так как сейчас, имея длину вдоль берега около 50 м, оно уходит вглубь только на 4 м.

Всего была вскрыта площадь в 60 кв. м. На окраинных квадратах находки отсутствовали. На протяжении первых 5 м от западного края они были немногочисленны. Керамика встречалась только в мелких фрагментах. Кремневый инвентарь представлен обломками и отщепами, из орудий встре ен один обломок наконечника стрелы. Далее, к центру стоянки, количество находок на каждый квадрат увеличивается. Чаще встречаются кремневые орудия — скребки, наконечники стрел и копий, проколки. Керамика с разнообразными формами орнамента встречается в более крупных фрагментах, позволяющих при частичной реставрации восстановить приблизительные размеры и формы некоторых сосудов.

Основная масса материала стоянки представлена многочисленными фрагментами керамики, которая по качеству теста, характеру обжига и орнамента может быть разделена на ряд групп. Другим массовым материалом являются кремневые орудия и их обломки. Ассортимент орудий не очень разнообразен. Наибольшую группу составляют скребки и скребла. Кроме того, имеются наконечники стрел, копий, проколки и ножевидные пластинки с ретушью.

---

[1] ИГАИМК, вып. 106, стр. 109.

Скребки (17 экз.) по форме могут быть разделены на концевые, квадратные и скребки на отщепах и пластинах неопределенной формы (рис. 3, *1*, *4* и *5*). Концевые и квадратные скребки изготовлены на тонких небольших пластинках.

Квадратные скребки имеют размеры 3 × 3 см. Рабочий край оформлен мелкой тщательной отжимной ретушью. Следы сработанности можно проследить на всех экземплярах в виде мелких выщербинок. Со стороны брюшка обработки нет, за исключением одного случая, где суживающийся конец имеет подтеску со стороны брюшка, делающую его уплощенным и более удобным для скрепления с рукояткой. Для группы скребков неопределенной формы характерно отсутствие тщательной обработки рабочего края. Мелкая ретушь сочетается с подтеской, идущей по одной или двум граням. Форма самой пластинки или отщепа неправильная. К группе скребковидных орудий следует также отнести два экземпляра, имеющие несколько своеобразную форму (рис. 3, *2* и *3*). Оба они изготовлены из узких длинных пластинок; на одном из них одна боковая

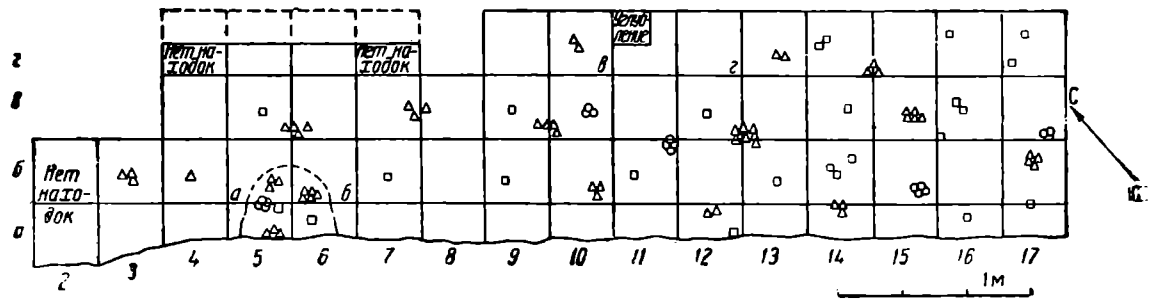


Рис. 2. План раскопа стоянки у оз. Пудоро.

△ — керамика, ○ — камни, □ — кремневые орудия.

грань, а на другом обе грани обработаны крутой отжимной ретушью. Следы употребления особенно хорошо прослеживаются на обработанных гранях.

Преобладание в кремневом инвентаре скребков, скребковидных орудий, скребел и скобелей не является исключением, присущим данному поселению. Аналогичное явление наблюдается почти на всех неолитических стоянках.[1] Устойчивая форма скребков, сохраняющаяся почти неизменной с эпохи верхнего палеолита, свидетельствует о широком и разнообразном применении их первобытным человеком.

Наконечники стрел и копий (12 экз.). Наконечники стрел, небольшие по размерам (в среднем 4 × 1 см), сплошь обработаны мелкой тщательной отжимной ретушью (рис. 4, *2—4*). Черешки наконечников выделены незначительным сужением пластинки к концу, вставляющемуся в рукоять. В боковых гранях наблюдается некоторая асимметрия, связанная, по всей вероятности, с особенностями скола самой пластинки. Исключение составляет особенно тщательно обработанный миниатюрный наконечник (3 × 0.7 см), правильной ромбической формы с коротким треугольным черешком (рис. 4, *5*).

Проколки представлены всего двумя экземплярами. Рабочий конец, треугольный в сечении, обработан со всех сторон мелкой ретушью, дающей тонкое острие (рис. 4, *7*). Ножевидные пластинки, тонкие, узкие (длина в среднем 3.5—4 см), имеют сильные следы сработанности по граням в виде мелких выщербин и сильной шероховатости краев.

---

[1] М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино. СА, V, стр. 47. — Н. Н. Гурина. Орудия Вознесенской стоянки. МИА СССР, т. I, стр. 170.

Крупные каменные орудия представлены обломком кремневого топора или долота и сланцевым полированным теслом. Обломок кремневого топора обработан с обеих сторон крупными сколами и подтеской (рис. 4, *6*). Боковые грани его слегка расширяются книзу. Верхний конец уплощен для удобства скрепления с рукояткой. На сломе произведена

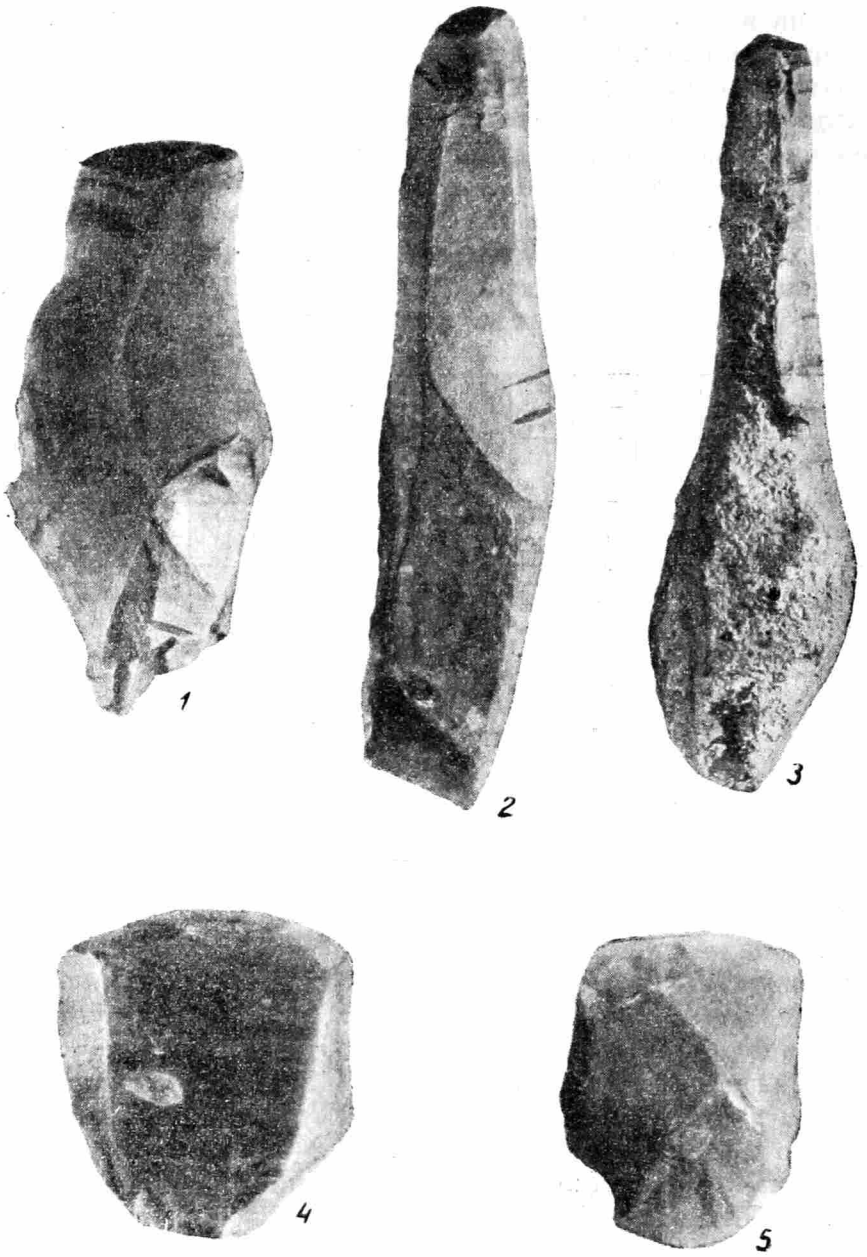


Рис. 3. Кремневый инвентарь.

1, 4, 5 — скребки; *2, 3* — скребковидные орудия.

подправка, образующая острую неровную грань, которая, однако, нового законченного орудия не оформляет.

Тесло является единственным сланцевым орудием на стоянке (рис. 5). Длина его достигает 14 см, толщина — 4.5 см. В поперечном сечении оно трапециевидно. Слабо закругленное асимметричное острое лезвие образовано двумя сторонами, из которых одна гладкая, несколько закругленная, другая имеет две грани, суживающиеся к лезвию и расширяющиеся к верхнему краю. По форме тесло сильно напоминает топор русско-

карельского типа. Однако сильная сработанность одного края лезвия, свидетельствующая о работе с нажимом на одну сторону, позволяет определить орудие именно как тесло.

Наконец, следует указать на наличие нескольких отбойников, а также шлифовальных плиток и точил небольших размеров из различных

Рис 4. Кремневый инвентарь.

1 — наконечник копья; *2—5* — наконечники стрел; *6* — обломок кремневого топора; *7* — проколка.

сортов песчаника. Большую часть орудий составляет группа случайных и незаконченных форм. Среди них имеются грубо оббитые массивные наконечники копий, пластинки с частичной подретушовкой по одной грани, незаконченные обработкой скребки. Орудия и их обломки, незаконченные и случайные формы сопровождаются большим количеством

заготовок, пластинок разнообразных форм, отщепов, осколков и кусков кремня. Обработанный кремень составляет 5% к общему количеству кремневого инвентаря. Наличие сопровождающего инвентаря, незаконченных орудий, заготовок, а также шлифовальных плиток, точил, большого числа расколотых камней и галек свидетельствует о производстве кремневых орудий на стоянке. Что же касается сланцевого тесла, то никаких признаков производства его на месте не имеется. Единичность находки и отсутствие поблизости залегания сланцевых пород подтверждает его «привозное» происхождение.

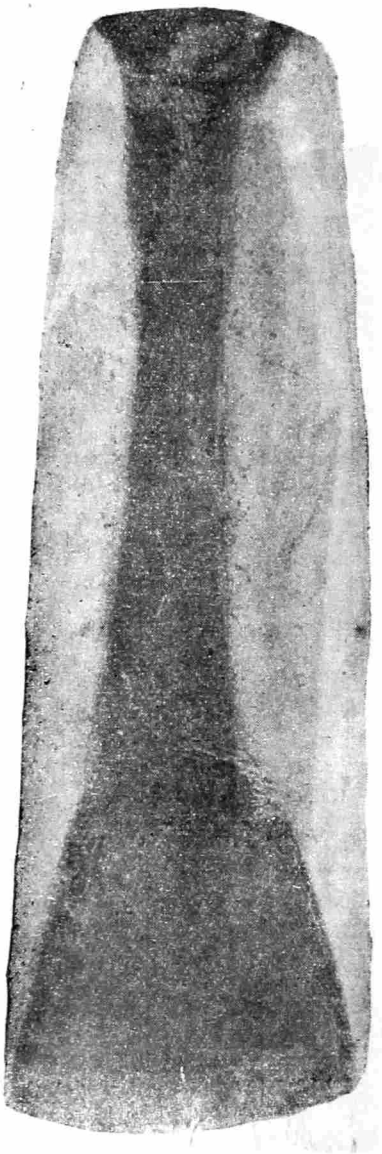


Рис. 5. Сланцевое тесло.

Керамический материал представлен фрагментами стенок сосудов и незначительным количеством венчиков. Днища и фрагменты их отсутствуют. Вся керамика, за исключением небольшой группы черепков, тонкостенная (толщина стенок от 0.4 до 0.7 см). Фрагменты сосудов — хорошего обжига, некоторые черепки при постукивании звенят. В составе глины преимущественной примесью является дресва. Как с внутренней, так и с внешней стороны черепки хорошо залощены, некоторые до блеска. Вся керамика орнаментирована. Среди элементов орнамента совершенно отсутствует глубокая, круглая ямка правильной формы с коническим дном, преобладающая в орнаменте керамики ранненеолитических стоянок. Здесь же имеются различные ямочные вдавления: ромбические, квадратные, неглубокие вдавления неправильных форм, небрежно нанесенные. Кроме того орнамент наносился различными формами штампа и оттисками веревки и сетки. Из-за отсутствия целых сосудов и днищ, расположение орнамента по сосудам полностью проследить трудно. В большинстве сосудов следует, однако, отметить наличие зональности: орнаментальные линии, идущие ровными поясами, чередуются с неширокими пространствами чистого поля. По характеру орнамента всю керамику можно разделить на следующие группы:

I—фрагменты сосудов, орнаментированных гребенчатым штампом;

II—фрагменты сосудов, орнаментированных различными ямочными вдавлениями;

III—фрагменты сосудов с веревочным орнаментом;

IV—фрагменты сосудов со сложными узорами различной формы штампа;

V—фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом.

I Группа с гребенчатым штампом выделяется толстостенностью (в среднем 1—1.2 см) (рис. 6). Глина хорошо отмученная, хорошего обжига. Примеси, преимущественно шамот, едва прослеживаются. Орнамент нанесен короткими косыми линиями гребенчатого штампа. Направленные под углом друг к другу, они образуют зигзагообразные

ряды, идущие поясами вокруг сосуда, с промежутками между ними в 6—8 см. Данная группа составляет приблизительно $^1/_6$ всей керамики.

II. Группа фрагментов с ямочной орнаментацией в свою очередь может быть разделена на ряд подгрупп. Имеются фрагменты, принадлежащие одному сосуду, орнаментированные небольшой плоской ямкой подчетырехугольной формы. Ряды ямок, расположенные в шахматном по-

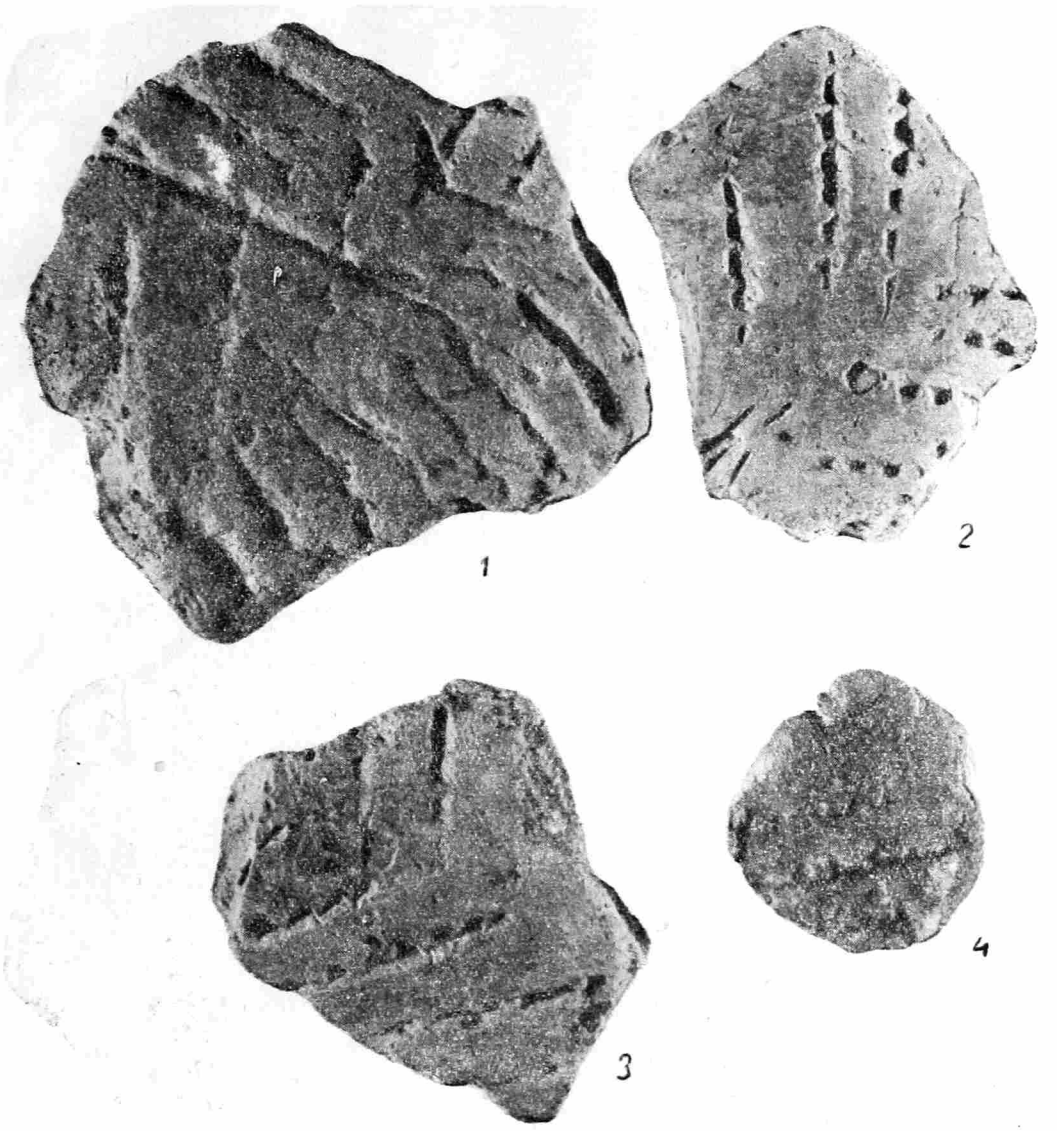


Рис. 6. Фрагменты сосудов с гребенчатым орнаментом.

рядке, чередуются с значительным незаполненным пространством (рис. 7, *1*). Едва заметно отогнутый венчик орнаментирован по самому бережку короткими косыми линиями насечек. Среди фрагментов данного сосуда три обломка стенки имеют изломы, по которым видно, что последующая глиняная лента налеплялась на предыдущую с наружной стороны, так как слом идет по линии налепа и произошел, видимо, вследствие недостаточно прочной лепки. Иной характер ямки наблюдается на фрагментах, принадлежащих другому сосуду, где орнамент состоит из рядов ямок почти правильно овальной формы (рис. 8, *1*, *2*). Каждая ямка имеет около 1 см длины. Ряды их, расположенные на сосуде непосредственно от венчика, тесно примыкают один к другому. Внутри каждой ямки наблюдаются отпечатки мелких витков, полученных,

видимо, вследствие того, что конец инструмента, которым они наносились, был обмотан тонким плетением. Судя по диаметру верхнего края (приблизительно 30 см), сосуд имел большие размеры. Глина хорошего обжига, черепки при ударе звенят. Сосуд тонкостенный, толщина его наименьшая из всех имеющихся фрагментов (4—5 мм).

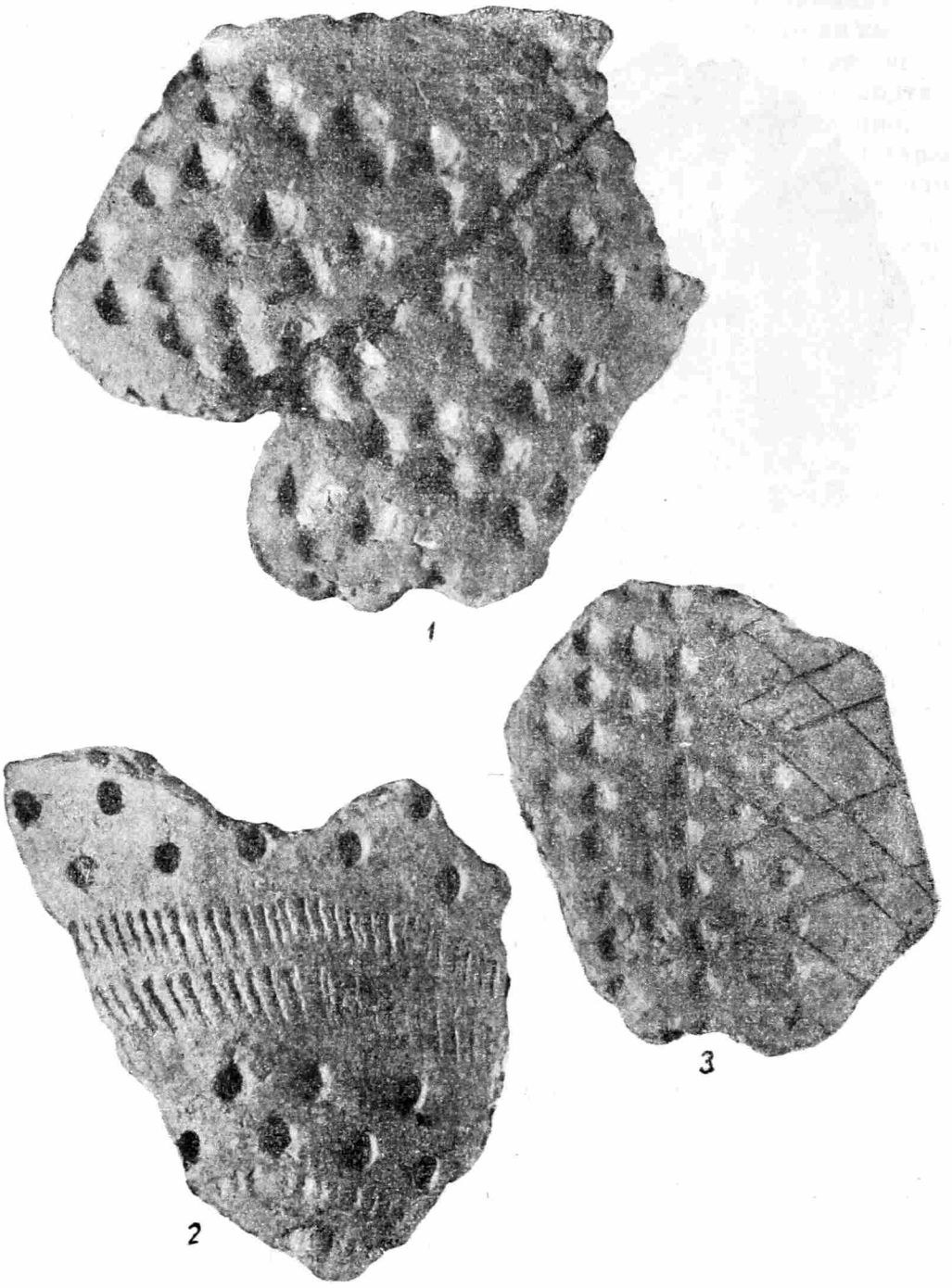


Рис. 7. Фрагменты сосудов с ямочным орнаментом.

К этой же группе относятся отдельные фрагменты, орнаментированные продолговатыми, либо округлыми плоскими ямками, беспорядочно нанесенными на поверхность сосуда. Таким образом, как мы видим, ямочный орнамент весьма разнообразен как по характеру ямок, так и по композиции сложных узоров.

III. Небольшая группа фрагментов имеет веревочный орнамент. Фрагменты одного сосуда орнаментированы сложным узором нанесенным толстой крученой веревкой. Отпечатки веревки расположены под углом друг к другу и покрывают сплошь всю поверхность черепка

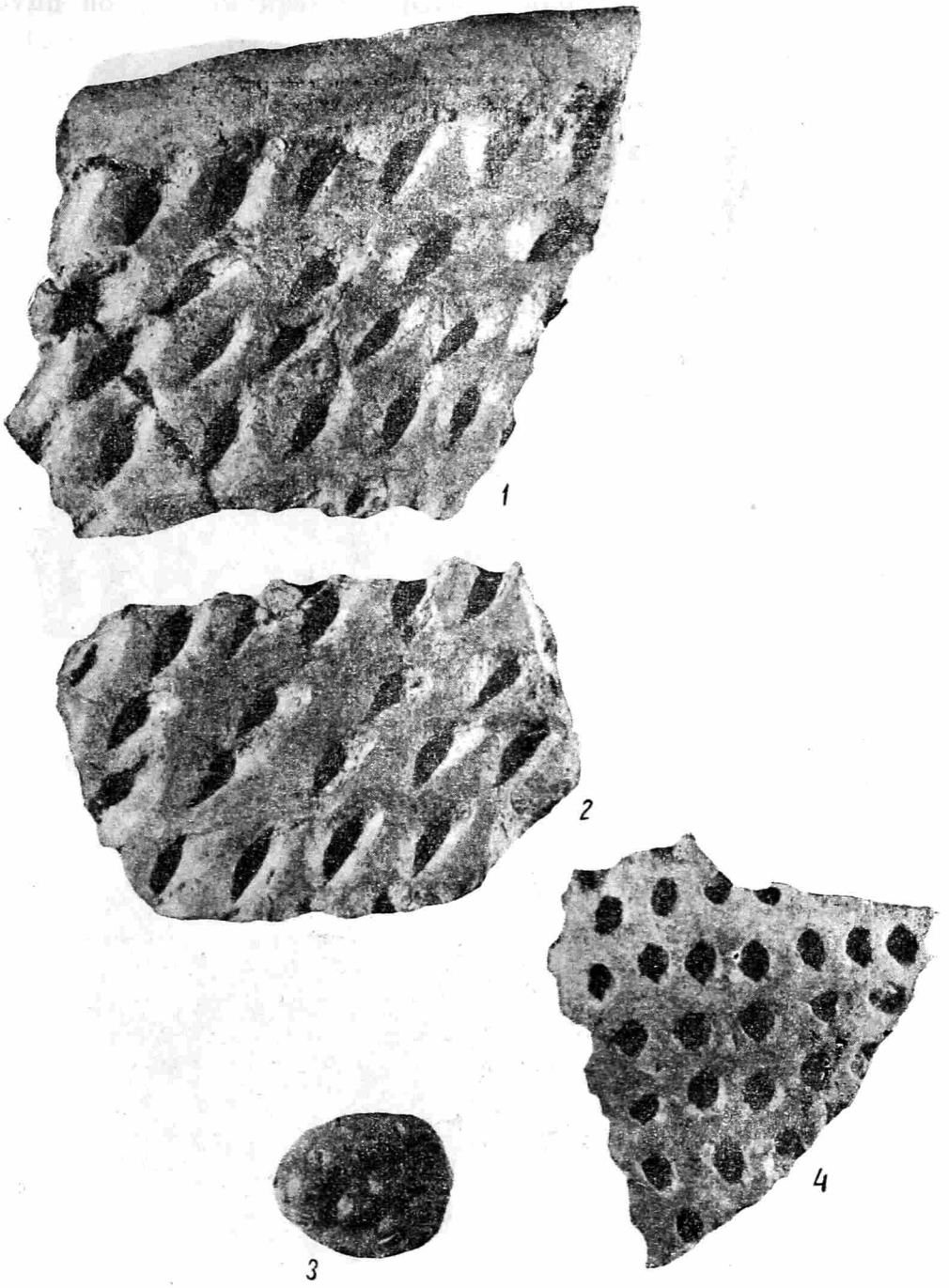


Рис. 8. Фрагменты сосудов с ямочным орнаментом.

(рис. 9, *1* и *2*). Другим видом веревочного орнамента является овальный штамп, составленный из четырех тонких коротких витков. Нанесен он рядами, охватывающими сосуд поясом с небольшими (1—1.5 см) промежутками незанятого поля (рис. 9, *3*).

IV. Наибольшее разнообразие дают различные формы штампа. Здесь мы имеем композиции из линий, нанесенных чеканом, приближающимся

к вытянутому овалу — четырехугольнику и прямоугольнику (рис. 10). На некоторых углублениях есть перемычка, разделяющая отпечаток пополам, на других видна ступенчатость, отражающая ступенчатые срезы на конце инструмента. Несмотря на небольшие размеры фрагментов, отчетливо прослеживается зональность орнамента.

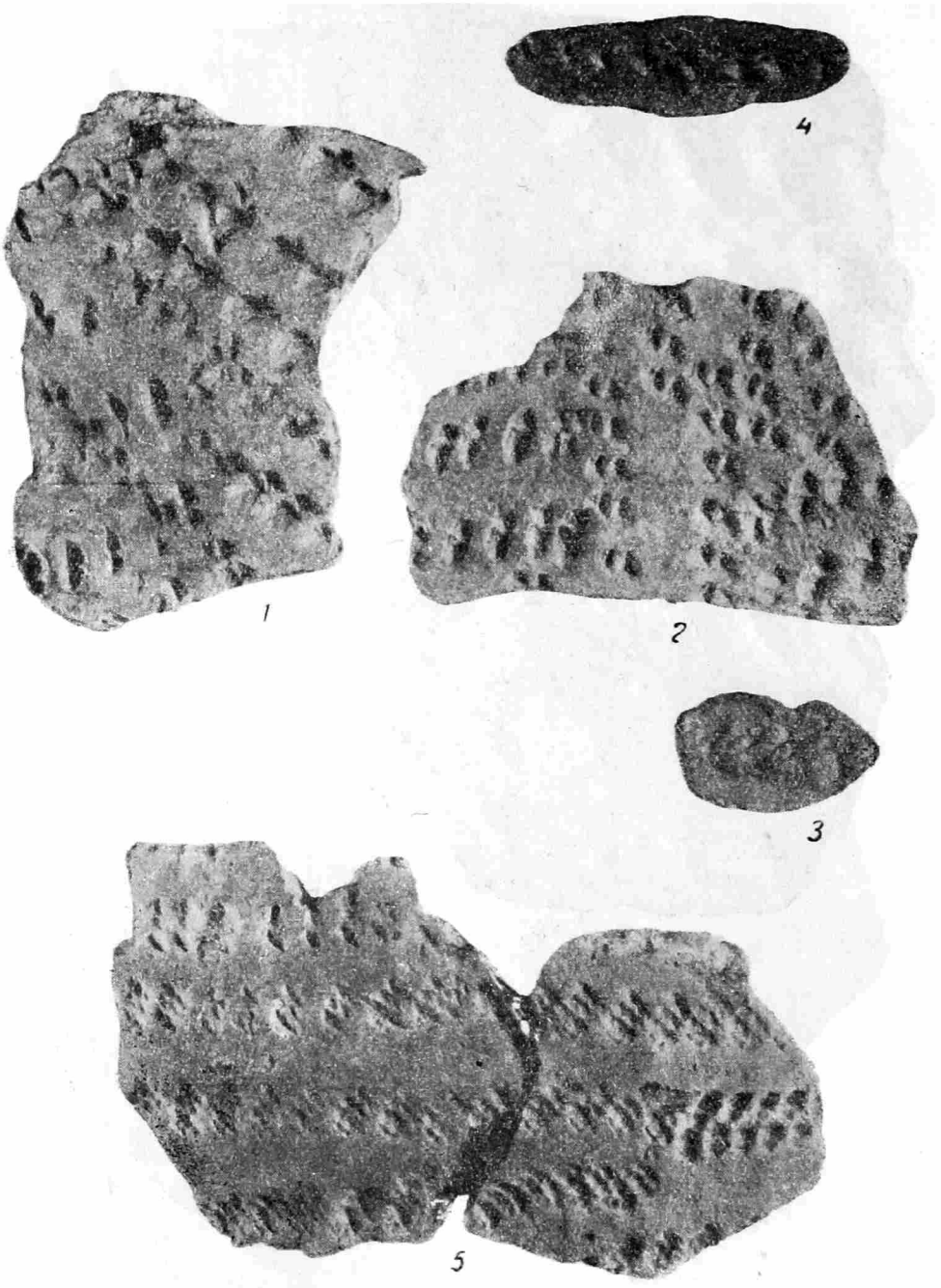


Рис. 9. Фрагменты сосудов с веревочным орнаментом.

V. Фрагменты с сетчатым орнаментом принадлежат одному сосуду (рис. 11). Сосуд тонкостенный, глина среднего обжига с примесью шамота. Все фрагменты с наружной стороны покрыты очень тонкой мелкоячеистой сеткой. Величина каждой ячейки равна 3—4 кв. мм. На некоторых фрагментах отчетливо прослеживаются следы узелков и нити, на других — только следы узелков, имеющих вид трехугольных наколов величиной с булавочную головку. Сетка настолько мелка, что, несмотря на ясный

ее узор, в ней скорее следует видеть отпечатки ткани. Аналогичная сетчатая керамика широко распространена в поздненеолитических стоянках лесной полосы и северо-запада (верхний слой Бологого, Волосово, Панфилово, Кубенино).

Венчики сосудов разнообразны и могут быть разделены также на ряд групп по формам края: 1) ровный прямой край; 2) ровный, незначи-

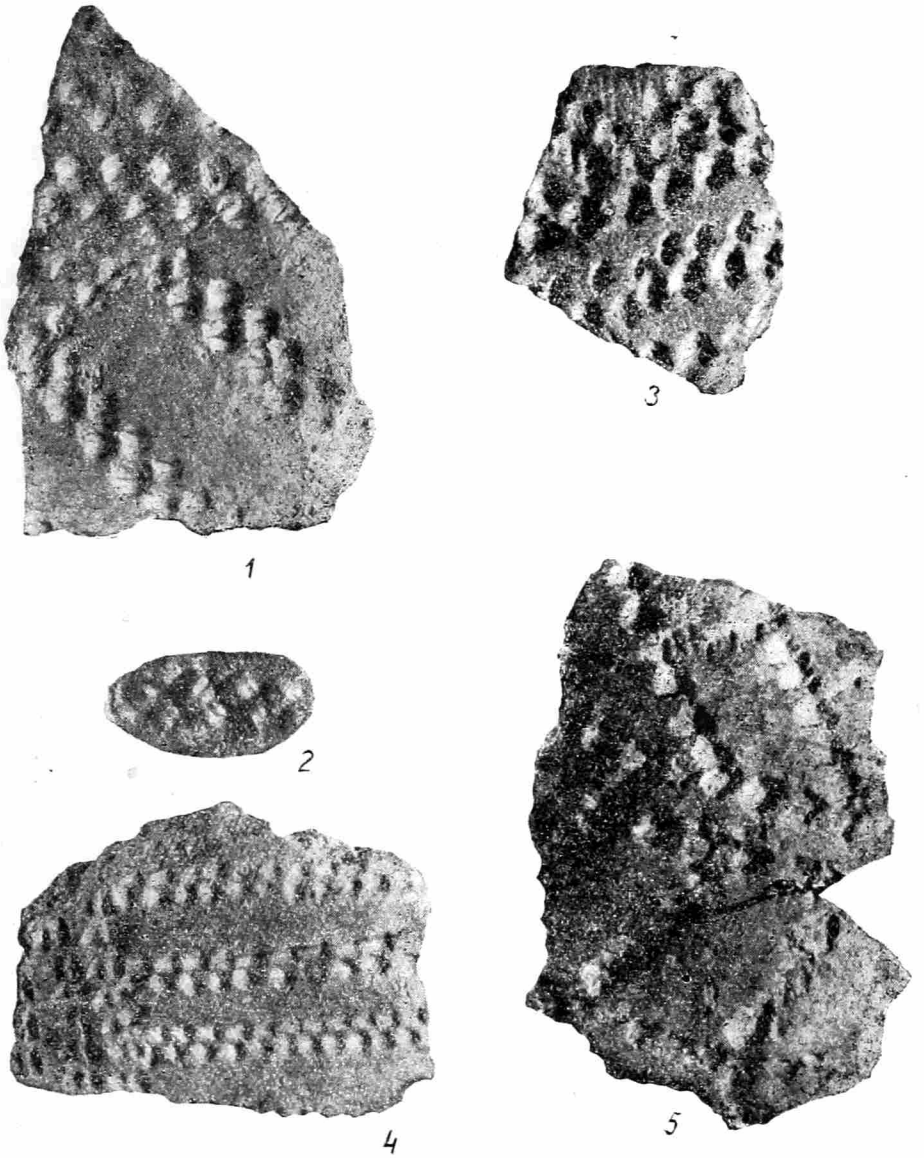


Рис. 10. Фрагменты сосудов, орнаментированных различными формами штампа.

тельно утолщенный и загнутый внутрь; 3) слегка отогнутый к наружной стороне; 4) сильно отогнутый и значительно утолщенный.

На нескольких фрагментах стенок имеются сквозные конусообразные отверстия, специально просверленные по сухой, уже обожженной глине. Такие отверстия известны в неолитической керамике и могут служить либо для подвешивания сосуда, либо для связывания его после поломки.[1] В данном случае следует рассматривать эти отверстия как

[1] В. А. Городцов. Русская доисторическая керамика. Тр. XII АС, стр. 605—607.

сделанные для связывания сосуда. Если бы они служили для подвешивания, то были бы сделаны одновременно с изготовлением сосуда и располагались бы у венчика. Здесь же мы имеем последующее сверление готового сосуда, зачастую нарушающее орнаментальный узор и находящееся в различных частях стенок.

Площадь поселения, насыщенность культурного слоя, наличие небольшой западины (или остатка землянки?), а также характер инвентаря —

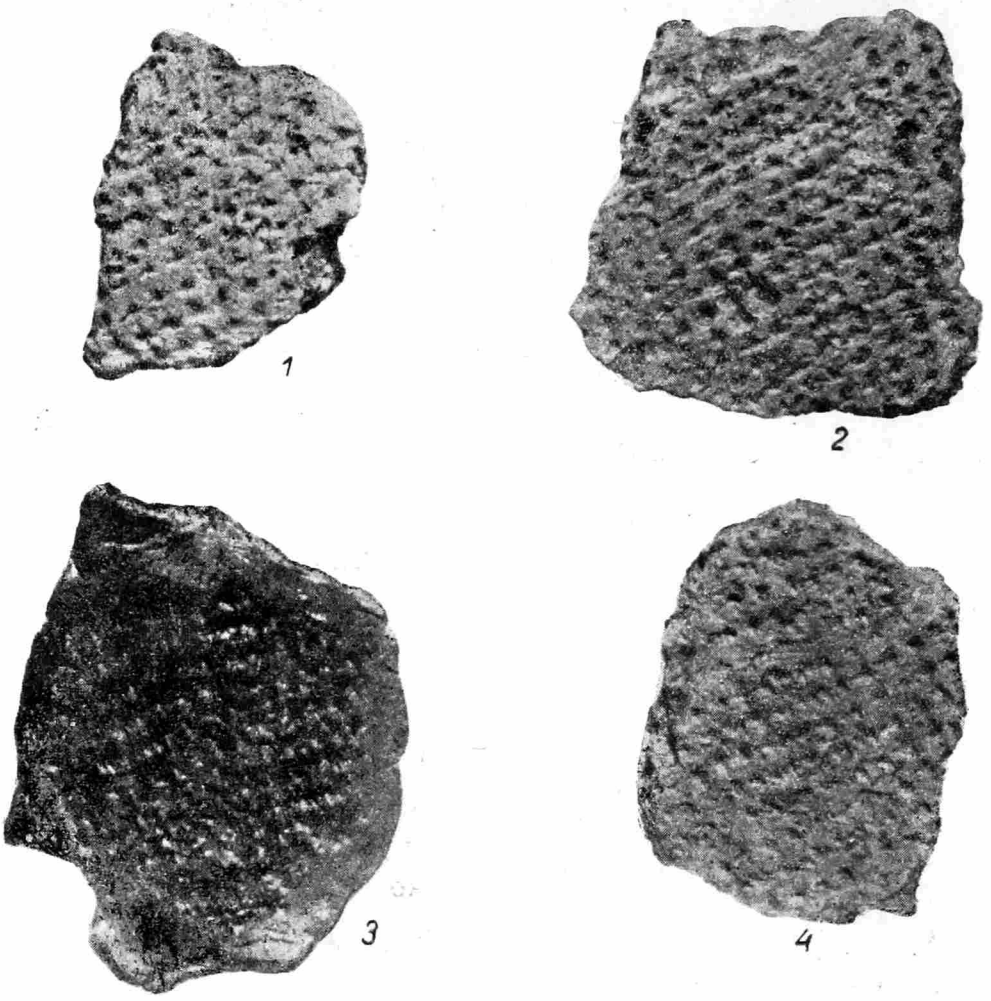


Рис. 11. Фрагменты сосуда с сетчатым орнаментом.

орудия, большое количество отщепов, точила и отбойники, — все это позволяет рассматривать поселение на оз. Пудоро как длительно обитаемое.

Ближайшую аналогию керамике в данном районе мы находим в верхних слоях Бологовской стоянки. Сходство прослеживается как в характере теста керамики (тонкостенность, преимущественная примесь дресвы, хороший обжиг), так и в орнаментации. Наибольшее сходство наблюдается с группой керамики, орнаментированной ямочными вдавлениями, с некоторыми формами штампов (овальным, двойным квадратным с перемычкой посередине) и с характером сетчатой керамики.[1] Однако при общем сходстве следует подчеркнуть несколько большее

[1] А. А. Спицын. Бологовская стоянка каменного века. ЗОРСА, V, табл. XXXV, XXXVIII, XLII, XLIII и материалы Гос. Эрмитажа.

однообразие орнамента Бологовских сосудов. В керамике Пудорских поселений как с раскопанной стоянки, так и с соседних имеется сложный веревочный орнамент, большее разнообразие в штампах и комбинированные узоры, прямых аналогий которым ни в бологовском материале ни в других соседних районах нет. Здесь, таким образом, можно проследить, помимо общих признаков, позволяющих определить возраст керамики, также узко-локальные особенности приемов орнаментации, характерные только для данной группы поселений. На наличие локальных вариантов орнамента, характерных для поздненеолитического времени, указывал М. В. Воеводский в связи с древнейшим гончарным производством.[1]

В целом керамика имеет все признаки поздненеолитической. Тонкостенная, хорошего обжига, со сложным разнообразным орнаментом, с наличием сетчатой керамики, она сближает поселение с поздненеолитическими стоянками лесной полосы Восточной Европы.

II

В районе с. Алексеевского имеется значительное количество неолитических поселений, которые концентрируются отдельными группами по берегам озер и речек.

Такие группы поселений расположены: у южной оконечности оз. Тубос, на правом берегу р. Мсты, в 0.5 км ниже с. Алексеевского, при впадении р. Шишовки в оз. Молошевинское, и на северо-восточном берегу оз. Пудоро. Наиболее густо заселенным являлся северо-восточный берег оз. Пудоро, где на протяжении 3 км поселения тянутся почти непрерывной полосой. Все стоянки вышеперечисленных групп, за исключением двух, находящихся на северо-восточном берегу оз. Пудоро, находятся на пахотных полях, поэтому культурный слой почти нигде не сохранился. Представлены они, однако, большим подъемным материалом, главная часть которого собрана Н. И. Гумилевским еще в 1929 г.

Основную массу находок составляет керамический материал. Он состоит преимущественно из фрагментов стенок сосудов, небольшого количества венчиков и единичных фрагментов днищ. Несмотря на большое количество керамики, остатки ее настолько мелки, что восстановить по ним формы и размеры сосудов не представляется возможным. Вся керамика тонкостенная, хорошего обжига. Основной примесью является дресва.

В орнаменте керамики, так же как и в керамике раскопанной стоянки, отсутствует элемент округлой ямки. Преобладающим элементом являются разнообразные формы штампа: приближающиеся к овалу и четырехугольнику, разделенные пополам перемычкой или имеющие ступенчатые срезы по краям. По качеству теста, примесям и орнаментальным узорам керамика в большей своей части аналогична керамике из раскопанной стоянки. Днища представлены небольшими обломками, дающими уплощенные формы, что вполне соответствует общему позднему облику керамики.

Что касается орудий, то большинство из них сделано из кремня. Сланцевые орудия единичны. Только в материалах двух стоянок, не считая раскопанной (стоянка № 13 на берегу оз. Пудоро и стоянка № 5 у оз. Молошевинского),[2] имеются изделия из сланца: миниатюрное

---

[1] М. В. Воеводский. О гончарной технике первобытно-коммунистического общества. СА, I, стр. 72.

[2] Нумерация стоянок дается по П. Н. Третьякову. См. карту в его работе: Из истории доклассового общества Верхнего Поволжья. ИГАИМК, вып. 106, стр. 117.

долото, подвеска и 4 обломка топоров или тесел. В кремневом инвентаре преобладают скребки различных форм, наконечники стрел. Последние имеют преимущественно листовидную форму. В некоторых стоянках (№№ 8 и 13) имеется также небольшое число наконечников ромбической формы.

Наряду с обычным кремневым инвентарем, в поселениях имеются крупные орудия, изготовленные грубыми макролитическими приемами

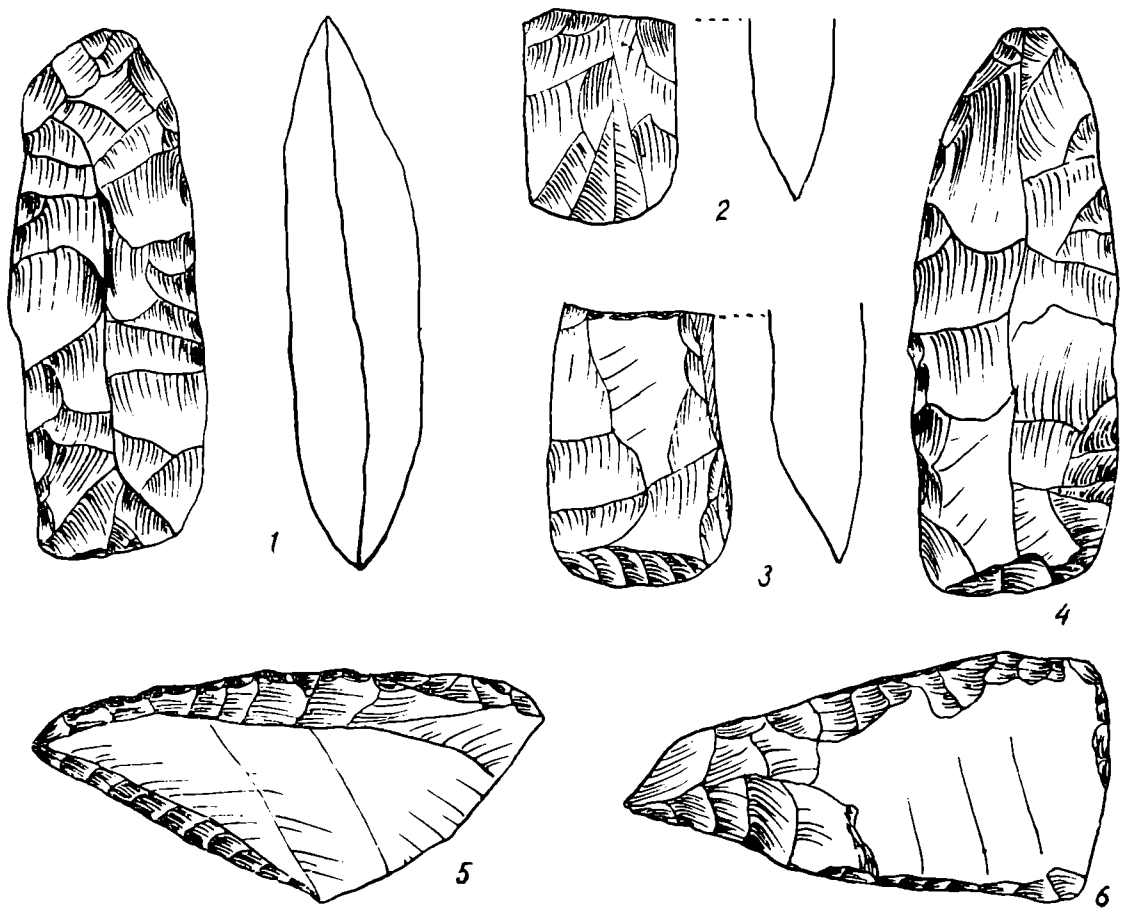


Рис. 12. Макролитические кремневые орудия.

(рис. 12). Особенно много таких орудий найдено на стоянке № 5 у оз. Молошевинского; имеются они и в ряде других стоянок. В стоянке № 5, в группе массивных кремневых орудий можно выделить ряд форм: 1) группу орудий типа долот с выемкой. Они обработаны настолько грубо, что имеют вид заготовок, либо не законченных обработкой орудий. Выемка, идущая у лезвия со стороны брюшка не имеет правильной формы или тщательно законченной обработки. Сами орудия изготовлены на массивных трехгранных пластинках, оббитых крупными сколами, идущими сплошь по всей поверхности; 2) группа топоров напоминает своей формой и характером обработки примитивные топоры типа «пик», причем степень обработки каждого орудия различна: некоторые больше напоминают заготовки, другие имеют форму почти законченных орудий. Почти на всех экземплярах можно наблюдать следы сработанности в виде мелких выщербин и заглаженности, свидетельствующих о том, что они являлись орудиями, а не только заготовками. Грубые приемы обработки придают им архаический вид; 3) наряду с крупными рубя-

щими орудиями имеется группа массивных скребловидных изделий, изготовленных на пластинах различных неправильных очертаний, без обработки или с частичной обработкой поверхности аналогичными грубыми приемами. Несколько скребловидных орудий имеют следы употребления их в качестве отбойников.

Крупные рубящие орудия, напоминающие одновременно и не законченные в обработке долота и примитивные топоры, имеются и в группе стоянок №№ 2—6, расположенных на берегу р. Мсты, и в стоянках на оз. Тубос. В меньшем числе они встречены в целом ряде поселений (№№ 10, 26б, 13).[1]

Особый интерес представляет массивное рубящее орудие из стоянки № 10, у которого имеется широкая площадка, удобная для держания рукой. Рабочий край носит сильные следы сработанности. Наконец, в раскопанной стоянке встречен массивный кремневый желвак, оббитый грубыми сколами и имеющий незначительную подправку, образующую острое лезвие, на котором видны следы сработанности. В 1931 г. В. В. Федоровым в одном из заложенных им шурфов были обнаружены несколько массивных орудий с плоской площадкой для держания рукой на конце, противоположном рабочему краю.[2]

Все вышеперечисленные типы изделий находят ближайшую аналогию в формах орудий Верхне-волжских макролитических коллекций Романченко,[3] Кандыбы, Горской, Савенкова, Лемешевского.[4] Аналогичные орудия имеются среди материалов Бологовской стоянки.[5] Наконец, подобный кремневый инвентарь найден в стоянках на Петровских озерах, что позволило О. Н. Бадеру отличительной чертой каменного инвентаря стоянок Верхнего Поволжья признать яркую макролитическую технику его в поздненеолитическое время.[6]

О макролитическом облике Вышневолоцких неолитических поселений вскользь упоминает П. Н. Третьяков.[7]

Основные выводы можно свести к следующему.

1. Вопросы датировки поселений могут быть сколько-нибудь разрешены только в связи с дальнейшими систематически проводимыми раскопками. По имеющемуся материалу, среди которого преобладает подъемный, можно только суммарно отнести стоянки к поздненеолитическим (тонкостенная хорошего обжига керамика, прямые тонкие венчики сосудов, отсутствие чисто ямочной орнаментации, преобладание в орнаменте сложных разнообразных форм штампов, приближающиеся к плоскодонным формы днища, ромбические наконечники стрел).

2. Изобилие крупных кремневых орудий грубых макролитических форм в комплексе с поздненеолитической керамикой составляют особенность каменного инвентаря неолитических стоянок Валдайской возвышенности.

3. При сопоставлении керамики различных пунктов, в частности пунктов №№ 6 и 8 с пунктами №№ 13 и 17, следует отметить и некоторые

---

[1] Материалы из сборов Н. И. Гумилевского хранятся в Гос. Эрмитаже, коллекции №№ 174, 1052, 1053, 1054, 1074, 1193, 1214, 1415, 1444.

[2] Материалы МАЭ АН СССР: В. В. Федоров. О макролитических «кладах». (Доклад, читанный на заседании сектора палеолита и неолита в декабре 1947 г.).

[3] Материалы Гос. Эрмитажа, колл. № 83.

[4] Материалы МАЭ АН СССР, коллекции №№ 2101, 2517, 3978.

[5] Материалы Гос. Эрмитажа и МАЭ АН СССР.

[6] О. Н. Бадер. Неолитические стоянки Петровских озер и смежного участка Волги. КСИИМК, II, стр. 13—14.

[7] П. Н. Третьяков. Из истории доклассового общества. ИГАИМК, вып. 106, стр. 143—144.

черты в характере ее орнаментации, позволяющие говорить о разновременности поселений. Так, в пунктах №№ 13 и 17 имеется керамика, покрытая мелкоячеистой сетью, а также тонкая, хорошего обжига керамика со сложными узорами веревочного штампа вместе с черепками, украшенными елочкой и слегка напоминающими по форме фатьяновские. В других пунктах большая часть сосудов имеет более ранние формы ямочно-гребенчатого орнамента, в то время как вышеперечисленных элементов (сетки, веревки — признаков поздненеолитического возраста) не имеется.

Это дает основание говорить о длительном пребывании человека в данном районе, нашедшем отражение в разновременных памятниках.

А. Л. ЛУКИН

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ СЕЛИЩЕ КИСТРИК БЛИЗ ГУДАУТ[1]

В августе 1940 г. на свежепрополотом чайном поле я обнаружил вывернутые плантажной вспашкой на поверхность древнюю керамику, кремни разнообразных форм и шлифованные орудия из галек (рис. 1).

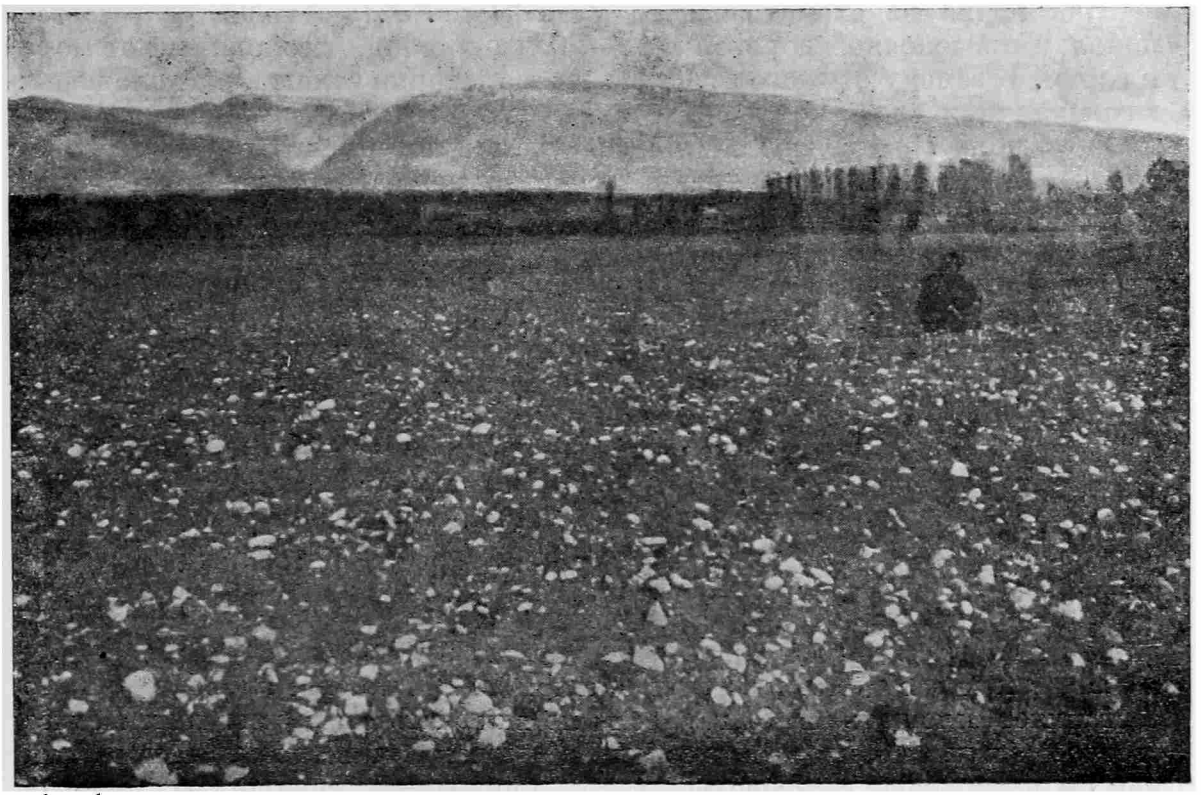


Рис. 1. Селище Кистрик. Поле *I*. На горизонте, за покрытыми снегом вершинами, свинцовое месторождение Дзышра.

К зиме я довел сборы до 1300 единиц, а 22 марта 1941 г. в Абхазском научно-исследовательском институте (АбНИИ) в Сухуми был заслушан мой доклад «О селище новокаменного века на ручье Кистрик под Гудаутами, в Абхазии».[2]

В апреле 1941 г. на средства АбНИИ была организована небольшая экспедиция под руководством Л. Н. Соловьева, давшая обильный

[1] Рисунки к настоящей работе выполнены художником С. Ф. Луневским.
[2] См.: А. Мелихов. Неолит в Абхазии. Сов. Абхазия, № 117 от 21 мая 1940 г.

подъемный материал и ряд ценных наблюдений, добытых путем пробных шурфовок.

В мае 1941 г. доклад автора о селище Кистрик был представлен пленуму по изучению четвертичного периода, состоявшемуся в г. Воронеже.

В июне 1941 г. по вопросу о селище в Гудауты приезжали представители Академии наук Грузинской ССР, ученый секретарь Академии В. Г. Мачавариани и Г. К. Ниорадзе. В результате на сентябрь 1941 г. были намечены большие работы, но начавшаяся 22 июня Великая Отечественная война оборвала все начинания.

Селище Кистрик расположено близ берега Черного моря на территории смежного с Гудаутами колхоза им. М. И. Калинина Бамборского сельсовета. Оно занимает возвышенную площадь на правом берегу поймы ручья Кистрик, протекающего по западной окраине города. Ручей берет свое начало в пределах расположенного севернее Лыхнынского сельсовета и служит границей между городом и землями с. Бамборы. Пойма ручья, имеющая характер заливного луга, местами расширяется до 80 м. Расширяется в некоторых местах и сам ручей, в особенности западный его рукав, похожий на обособляющийся остаток древнего русла.

Как видно из схематического плана (рис. 2.), селище разрезается пополам проселочной дорогой в 17—20 м шириной, проходящей от моря к горам. К западу от этого проселка на территории селища расположены: юго-восточная часть колхозного поля, бывшего под чаем (по плану селища — поле *I*), и северо-восточный участок подсобного хозяйства санатория «Волга», на котором находятся разрушенная оранжерея и жилой дом (поле *II*). Восточную половину селища занимают два смежных колхозных поля, обращенных склонами на юго-восток и восток (поля *III* и *IV*), и к северу, против поля *I*, две смежных крестьянских усадьбы, также соседящие с ручьем (поля *V* и *VI*).

Площадь селища определяется границами культурного слоя, повсюду выраженного совместным залеганием кремней, черепков, щебня и орудий из гальки.

Высшая точка селища находится в юго-восточном углу поля *I*, имея 4.8 м над уровнем моря. Отсюда равнина полого спускается во все стороны, переходя в более крутой склон непосредственно у ручья. Заболоченная низина окаймляет обработанные участки с юго-западной стороны.

В общем площадь селища, отделенная полосой примерно в 100 м ширины от современного берега моря, имеет в поперечнике как с севера на юг, так и с востока на запад около 240 м, что при грубом подсчете составляет площадь в 6 га, если не включать сюда зону пятен более светлой глины, каждое в несколько метров диаметром. Пятна эти как бы примыкают с северо-запада к территории селища на поле *I*; однако археологические признаки, свойственные почве всего селища, здесь отсутствуют. Пятна эти остались необследованными.

По собранным мною данным, сельскохозяйственная обработка земель селища имеет довольно пеструю историю, начинающуюся в первые годы текущего столетия разделкой небольших участков под табак плантаторами-одиночками и завершившуюся в предвоенные годы закладкой цитрусового питомника и чайных полей.

Сохранность памятника нарушалась как табаководами, оставившими после себя корчеванные участки и заплывшие поливочные ямы, так и крупными хозяйственными организациями, засорявшими селище завозом гравия и производившими обработку полей *I*, *III* и *IV* плантажным плугом, что означает срезание пластов почвы на 45 см глубины с полным их перевертыванием.

В качестве частных моментов, искажавших лицо памятника, следует еще учесть рытье канав, посадочных и хозяйственных ям, подсыпку топких мест чужеродным балластом и постройку в 1932 г. оранжерей.

В данное время площадь селища подвергается лишь обычной огородной и неглубокой полевой обработке, но совокупностью всех предыдущих воздействий местами значительно нарушена стратиграфия памятника, и почти на всем пространстве мелко раздроблена и без того хрупкая керамика.

Геологическая характеристика места селища определяется прежде всего тем, что оно расположено на II морской террасе, входящей здесь

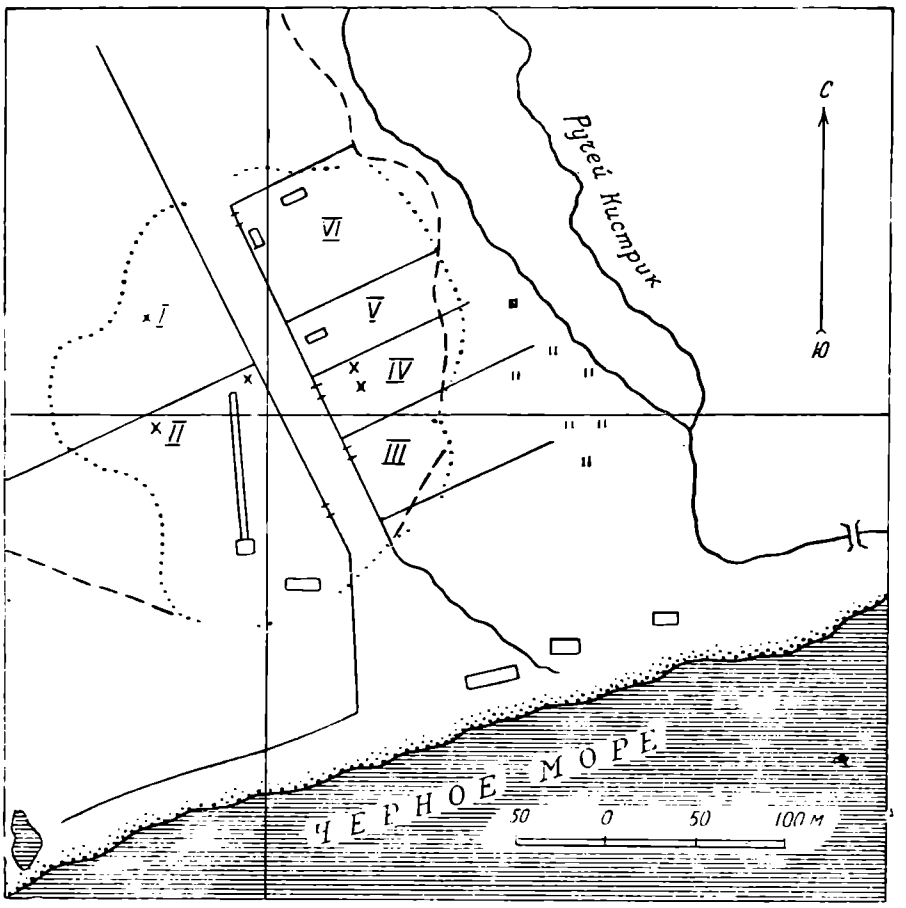


Рис. 2. Схематический план селища Кистрик.
.— граница селища, X — шурф, I—VI — поля селища.

в состав обширной площади четвертичных отложений, примыкающих с востока к долине р. Хипсы (Белой). К смытому и покатому в сторону моря южному склону этой террасы прислонены морские отложения, состоящие из слоистого, рыхло сцементированного мелкого галечника, переслоенного песком; эти отложения характеризуют строение разрушенного и выклинивающегося в этом месте остатка I морской террасы, хорошо еще различимой восточнее, по другую сторону ручья Кистрик.

Разнослойная глинистая толща, образующая площадь селища, определяется как древний аллювий. Вне границ селища эта толща свободна от галек, щебня и валунов, но на смежном, таком же глинистом поле, примыкающем непосредственно к пляжу несколько западнее селища

и отмежеванном от последнего заболоченной полосой, замечены небольшие валуны гранита.

По всей территории в толщу глин вкраплены железисто-марганцевые включения.

По юго-восточной границе селища, т. е. на эродированных склонах террасы, обращенных к ручью, мы имеем выходы слоя гальки. Галька покрыта кремового цвета коркой и состоит из очень твердых известняковых пород с прослойками кальцита. Местами такие выходы намечаются и на более высоких точках.

Почвенный слой выражен слабо; толщина его на нетронутых местах доходит всего до 10 см. Ниже залегает, примерно на 30 см, слой желтой или светлосерой глины. Еще ниже — слой серовато- или буровато-желтой глины, неодинаковой мощности для различных участков; нижняя граница этого слоя всегда расположена глубже нижней границы культурного слоя.

Исследование выброса из оставшихся в разных местах селища незаконченных современных колодцев дает образцы плотного конгломерата характеризующего киммерийские слои. Глубина единственного действующего колодца на поле *II*, около бывшей оранжереи, доказывающего водоносность конгломератовых слоев, составляет 5.85 м.

Таким образом, подстилающая Бамборский мыс свита верхнеплиоценовых конгломератов, несомненно, проходит и под местом селища, способствуя сравнительной устойчивости очертаний морского берега. Эта же свита, выдвигаясь далеко в глубь моря, образует известную Гудаутскую устричную отмель, в настоящее время лежащую на глубине около 16 м, параллельно берегу, в расстоянии 1.5 км от него.

В данное время движение береговой линии в районе селища, как и на смежных участках побережья, положительное. Наряду с этим имеются местные наблюдения, указывающие на существование в прошлом иных условий.

В глинистой толще поймы ручья Кистрик, как и в аллювиальных отложениях протекающего восточнее ручья Адзлагара, недавно обнаружены были на глубине нескольких метров дубовые стволы. Старый штейгер П. С. Козлов, копая на своем участке, в пойме ручья Адзлагара, колодезь, натолкнулся в синеватой глине на подобие изгороди, состоявшей из вертикально поставленных в ряд кольев.

Переходя к стратиграфии самого памятника, мы можем отметить, что культурный слой начинается обычно с глубины в 10—15 см, а иногда почти с поверхности почвы, достигая мощности от 30 до 65 см. Этот слой выражен прежде всего наличием в нем большого количества галечного щебня, перемешанного с одиночными булыжниками и неповрежденными гальками разнообразнейших пород, часто несущими следы стертости. Среди этих накоплений щебня и камней лежат разной степени сохранности орудия из галек и кремня, обломки глиняных сосудов, кремневые отходы и прочие остатки былой деятельности человека.

Культурный слой покрывает всю площадь селища, но не одинаково насыщен в различных местах.

Предельная глубина культурного слоя в 80 см, показанная одним из шурфов, составляет, повидимому, исключение.

Поверхностное размещение археологического инвентаря на участках селища, при первом с ним знакомстве, было разнообразным. В одном месте преобладали топоры и долота, в другом — заготовки камня, в третьем — мелкие орудия. Были участки, отличавшиеся скоплением керамики или обилием кремней и нуклеусов и т. д. К настоящему времени картина неодинакового размещения материала сгладилась как по

причине ежегодной обработки полей, так и вследствие многолетних археологических сборов, доведенных только лично автором (не учитывая результатов экспедиции 1941 г.) до количества свыше 13 500 единиц.

Послойная обстановка залегания культурных остатков на Кистрике не выяснилась, так как эта работа требует больших расходов. Перевернутые и взрыхленные верхние слои плантажированных полей *I*, *III*, *IV*, а также почвенный слой ежегодно перепахивавшегося поля *II*, мало пригодны для решения такой задачи. Внимание должно быть обращено на целинные части селища, к которым, кроме указанного уже южного отрезка проселочной дороги (обочины), относятся полоски под выбросами из канав, некоторые межи и внутренняя площадь оранжереи. Сохранна также нижняя часть культурного слоя, на всем селище не затронутая вспашками, за исключением мест, где производилась корчевка крупных пней.

Весь валунный камень, гальки и кремень, лежащие на селище, в древности занесены сюда человеком и им же разбиты в процессе производства орудий.

При описании селища необходимо упомянуть еще о так называемом «черном пятне», расположенном на возвышенной части поля *IV* и имеющем очертания удлиненного островка размерами 8 × 12 м. Здесь одинаково резкая, насыщенная чернота почвы прослеживается до глубины в 80 см, а ниже идет опять та же глина, что и в других шурфах.

В 1941 г. мне удалось выяснить, что место селища у абхазского населения носит полузабытое и не всем известное название «приморское Хáса место», именно место стоянки скота. Предание говорит, что местность между сел. Лыхны и морем была в старину покрыта лесом, служившим хорошим пастбищем для скота в течение круглого года; это обстоятельство избавляло от необходимости перегонять скот на лето в горы, в силу чего указанным постбищем дорожили. Использование «Хáса места» в качестве стоянки для скота прекратилось с появлением на побережье, в начале прошлого столетия, русских войск и постройкой Бамборского укрепления.

По условиям абхазского быта в местах круглогодичного пастбищного содержания скота обязательно наличие загона для молодняка. «Черное пятно» поля *IV* и является местом длительного существования такого загона, чему соответствуют и размеры, и контуры пятна, и глубокая (до 80 см) пропитанность почвы органическими остатками. Этим объясняются и наличие подсыпки мелкого гравия как в пятне, так и по соседству с ним (на месте пастушеского шалаша), и находка в пятне керамики плохой сохранности, амфорного типа, датируемой железным наконечником копья с глухой втулкой. Ни в каком другом месте селища подобная керамика и подсыпка гравием не обнаружены.

Залегание неолитического материала в черном пятне совершенно такое же, как и в остальных местах селища.

Самым ярким археологическим признаком селища Кистрик служит наличие в его вещевом комплексе большой группы разнообразных орудий из мелкого валуна и морской гальки и среди них немалого числа шлифованных орудий. Поэтому именно орудиям этой группы, их морфологической, а отчасти и функциональной характеристике я уделяю в дальнейшем изложении главное внимание.

Источником сырья для выделки указанных орудий служил смежный пляж, содержащий окатанные, частично или полностью ошлифованные и разнообразные по породе, формам и размерам валуны и гальки.

Вся совокупность кистрикских орудий из валунов и галек охватывается следующим перечнем, основанным на характере приемов, примененных при их изготовлении:

1) орудия необработанные, каковыми являются естественных форм гальки, часто сохраняющие на своей поверхности следы использования: утюжки, дробильники, отбойники, пальцевидные камни, песты, метательные камни, полировальники;

2) орудия таких же естественных форм, но имеющие простейшими способами подправленную рабочую часть, например «долота» и некоторые остроконечники;

3) колотые орудия: резаки, мотыги-горбушки, блюдечные гальки, ломтики;

4) орудия с частичной оббивкой мелкими сколами: грузила;

5) орудия колотые, с добавочной частичной оббивкой сколами: некоторые мотыги, дробильники и тесла;

6) орудия колотые, с добавочной отеской: «рубанки» и плоские остроконечники;

7) орудия сплошной оббивки сколами в технике «пик»;

8) орудия с отеской и точечной оббивкой, частичной или сплошной: круговые зернотерки (жернова), песты и фрагменты некоторых не выясненного назначения орудий;

9) орудия той же техники с добавлением шлифовки, частичной или полной: продольные терки с удлиненно-симметричным (вальковым) курантом, стамески, тесла, клинья, топоры;

10) орудия и обиходные вещи с начатками сверления.

К этому основному перечню необходимо добавить следующие группы:

11) незаконченные орудия (в том числе неудачные пробы материала);

12) вторичные орудия, т. е. переделанные из разрушенных в работе;

13) отщепы камня (отходы производства) в роли случайных орудий;

14) остатки разбитых и поломанных орудий.

Четыре последние группы, несмотря на невзрачность заключающегося в них материала, ценны для исследователя, так как они способствуют раскрытию технических приемов и их последовательности в деле изготовления орудий.

Для орудий, изготовление которых требовало большой затраты труда, в особенности для клиньев и топоров, подбирались гальки, возможно близко подходившие по размеру и очертаниям. Мало того, — подобные гальки жителями селища собирались в запас.

Экономия труда проявлялась еще и в другом направлении: имели место напряженные поиски лучшей для обработки, наиболее подходящей для орудия данного вида и наиболее устойчивой в работе горной породы. Орудия селища, равно и отходы их производства, свидетельствуют о том, что, несмотря на огромный опыт в обработке камня, накопленный многими поколениями, и на изобилование местности однородным и привычным сырьевым материалом, люди эпохи неолита как бы вновь переиспытывают весь местный ассортимент пригодных горных пород. Явление это понятно: орудия дифференцируются, функции их усложняются, — необходимо привести поделочный материал в соответствие с новыми требованиями и, следовательно, с более совершенными техническими приемами работы (точечная оббивка, шлифовка и т. д.).

Все это привело к засорению селища кусками разнообразнейших пород (рис. 1). Широкое накопление галек и валунов различных пород настолько резко выступало при обследовании селища, что я, в соответствии с положением, высказанным в свое время акад. А. Е. Ферсма-

ном[1] и Н.К. Ауэрбахом,[2] положил начало небольшой вспомогательной минералогической коллекции, с целью осветить, по местным данным, пределы технических исканий человека эпохи неолита, а заодно и географические пределы этих исканий. Заслуживает внимания наличие в составе этой коллекции образцов обсидиана, породы не свойственной территории Абхазии и прилегающим районам Черноморского побережья Кавказа.

Петрографическое изучение кистрикских орудий из валунов и галек, как и сопутствующего им материала, — это одна из тем предстоящего детального изучения селища специалистами.

Описываемые орудия и отщепы покрыты патиной, резко отличающей старую поверхность от случайных свежих повреждений или изломов.

Перехожу к описанию отдельных типов кистрикского комплекса.

1. «Утюжки». Природные крупные удлиненные гальки твердых пород, плоские с одной стороны и сферически выпуклые — с другой. Длина 17—23 см, ширина 7—10 см, высота 4—4.5 см. Плоская сторона использовалась как разглаживающая поверхность. Отмечен экземпляр четырехугольной формы размером 8 × 10 см из осадочной породы. Точное назначение «утюжков» остается неясным.

2. Дробильники. Природной полушаровидной формы гальки, около 8—9 см в поперечнике, удобно лежащие в руке. Нижняя поверхность плоская, чаще неровная. Функция — измельчение какого-либо материала посредством ударов. О другом типе дробильников будет сказано далее.

3. Отбойники. Шаровидные гальки твердых кристаллических пород, 8.5—9 см в диаметре, со следами ударов, сосредоточенными в одном месте. Вес около 900 г, в то время как вес кремневых отбойников (табл. X, *18*) колеблется в пределах от 65 до 105 г. Эти большие отбойники служили для раскалывания небольших валунов и крупных галек, а также для оббивки более массивных и грубых орудий. Иллюстрацией их работы может служить увесистый роговиковый отщеп, размерами 12 × 15 см с ударной площадкой и бугорком.

4. Песты. Естественные гладкие, в поперечном сечении округлые или овальные столбики, с одного конца утолщенные и оканчивающиеся горизонтальной площадкой (табл. I, *5*). Длина от 8 до 11 см. Имеются фрагменты ровных крупных, сплошь цилиндрических пестов.

5. Метательные пращевидные камни. Шаровидные, разнообразных пород и разной степени сглаженности. Средний диаметр их равен 5—6 см.

6. Пальцевидные гальки разнообразных пород, длиной от 6.5 до 17 см при поперечнике от 1.2 до 3.5 см, иногда со следами стертости на боковых поверхностях. В эту группу входят гальки округлого сечения, уплощенные, частично ограненные и т. д. Эта распространенная на селище форма еще требует дифференциации. Часть этих галек, несомненно, шла на выделку орудий (табл. I, *1*, *2*); способ использования другой части остается неизвестным.

7. Неоформленные куски абразивного материала в виде пластин или галек соответствующих пород для шлифовки и полировки каменных и костяных изделий. Зерно материала различное, от грубого до очень

---

[1] А. Е. Ферсман. Задачи исследования камня в предметах археологии и истории культуры. Изв. Инст. археологич. технологии, вып. 1, П., 1922, стр. 9—14.

[2] Н. К. Ауэрбах. К вопросу о материале каменных орудий Сибири. ТСАРАНИОН, IV, М., 1928, стр. 43—47.

мелкого. Обломок единственного оформленного орудия для шлифовки, обнаруженного на селище, мы видим на табл. II, *7*. Все образцы носят следы работы.

Применение на Кистрике необработанных галек в качестве орудий устанавливается, помимо прямых следов работы на них, по совокупности нахождения этих галек среди бытового инвентаря селища, по настойчивой, однообразной повторяемости этих находок и по отсутствию залегания подобных форм вне селища (не считая, конечно, пляжа, где, однако, материал соответствующих форм рассеян не слишком щедро).

8. Остроконечники примитивного типа, изготовленные из гальки соответствующих очертаний, с подправкой острия скалыванием и оббивкой. Форма, очень редкая для Кистрика, что позволяет допускать преимущественное использование кости для изготовления орудий подобной формы.

9. «Долота». Продолговатые, узко-овальные в поперечном сечении гальки от 10 до 21 см длиной. Целость одного или обоих концов нарушена сколами, слегка заостряющими эти концы. Если сколоты оба конца гальки, то площадки сколов чаще лежат по одну ее сторону (табл. I, *3*). Использование этих галек в качестве долот, при наличии на селище хорошо оформленных долотообразных орудий (табл. I, *2* и IX, *1*) и полностью ошлифованных стамесок, надо считать сомнительным. Скорее долотом можно назвать орудие, изображенное на табл. I, *1*, симметрично сколотое с обеих сторон и обладающее режущим концом, на данном экземпляре сношенном в работе.

10. Резаки. Эту группу орудий составляют круглые, овальные или удлиненные плоские гальки, у которых под острым углом к фронтальной плоскости четким ударом сколота значительная часть одной из поверхностей. Эти орудия характеризуются наличием полулунного или прямого валика, образованного сохранившейся частью края гальки и предназначенного для удобного держания орудия в руке. Лезвие — полукруглое, дугообразное или прямое (табл. II, *2*, *6*). Предельные размеры округлых и овальных резаков от 5 до 16 см в поперечнике, средний размер 8—10 см. Для прямых резаков крайние пределы длины составляют 7 и 16 см.

Имеются варианты перечисленных типов «со сбитой спинкой». Этот технический прием, примененный к необработанной стороне резака (как и других орудий), в основном имел целью снижение толщины орудия, а в иных случаях устранение скольжения его в руке при работе.

Можно отметить пластинчатые круговые резаки, для получения которых скол направлялся не косо, а параллельно плоскости гальки, вследствие чего краевого валика они не имеют. Эти резаки, несомненные орудия, много тоньше и острее вышеописанных форм и часто превышают их размерами. Однако в нескольких случаях такие резаки сами образовывались у меня в руках путем расслоения целых на вид галек при выемке их из земли. Такое расслоение является одним из видов естественного разрушения орудий из галек и валунов.

Намечается как бы еще вариант резаков разнообразных размеров, сплошь оббитых, с плоской прямолинейной площадкой взамен валика и дугообразной, иногда волнистой линией лезвия. Более тяжелые из них могли бы даже служить рубящими орудиями.

Резаки, несущие исключительно разнообразные функции «кухонных ножей» каменного века, являются очень стойким типом орудия, имеющим широкое распространение и территориально и во времени.

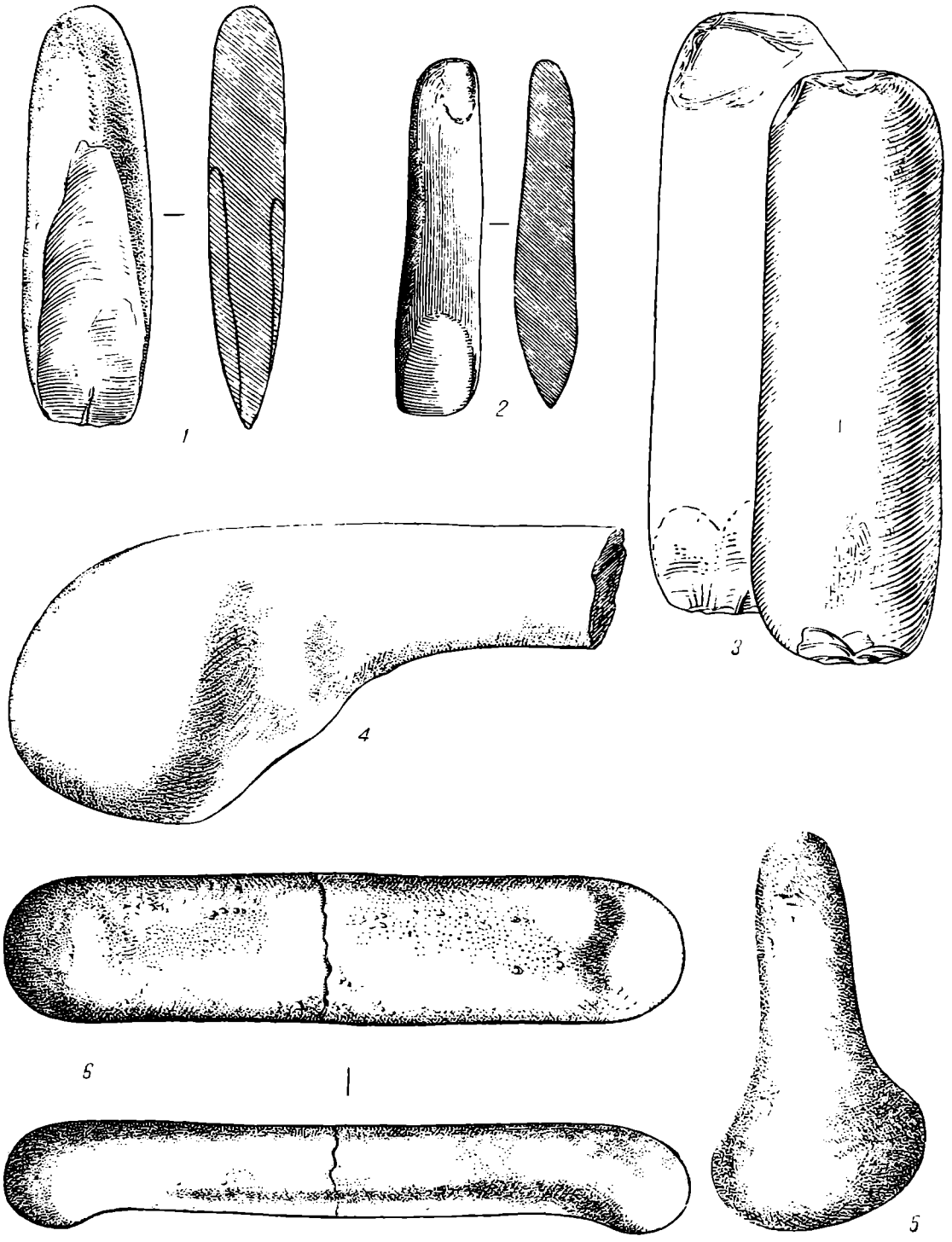


Табл. I. Селище Кистрик.

1, 2, 3 — долота; *4* — концевой фрагмент сношенного куранта продольной терки; *5* — пест; *6* — курант продольной терки. *1—5* — 1/2 нат. вел., *6* — 1/4 нат., вел.

11. Ломтики. По технике изготовления те же резаки, у которых косыми сколами сбиты во встречных направлениях обе стороны гальки. Размерами они несколько меньше резаков, и лезвия их обычно острее, что и позволяет выделить их в обособленный тип с не вполне выясненной функцией (табл. II, *5*).

12. Блюдечные гальки — плоско-овальные гальки кристаллических пород в 9—10 см диаметром, одна из сторон которых обращена сколами в овальное углубление, служившее сосудцем (табл. II, *1*).

13. Мотыги-горбушки с усеченной пяткой, наряду с резаками и топорами широко представленные на селище Кистрик. Получались эти мотыги откалыванием от длинного края овальных галек, иногда весьма крупных, сегмента желаемых размеров с прямой или вогнутой хордой. Один из концов такого отщепа отбивался поперек сегмента, получалась пятка, упиравшаяся при креплении орудия в уступ рукояти. Рабочий конец такой мотыги не подправлялся (табл. II, *4*, и III, *1*, *2*).

При надобности, для снижения толщины мотыги, и здесь применялся прием сбивания спинки. Таким образом, мы имеем добавочную серию мотыг-горбушек с усеченной пяткой и сбитой спинкой.

Варьируют эти мотыги в двух направлениях: 1) усиливается острота и клиновидность концов, с попутным увеличением общих размеров орудия (табл. III, *2*, *4*), и 2) тело мотыги расширяется и становится все более плоским, причем прямолинейный или слегка дугообразный, рабочий край мотыги получает во всю свою длину тесаную фаску, заостряющую орудие (табл. III, *3*, *5*).

По размерам мотыги представлены в пределах от 8 до 18 см длины с широкими колебаниями в остальных измерениях.

14. Грузила. Плоско-овальные или плоско-округлые гальки с выбитыми на противоположных, обычно коротких сторонах выемками для удержания обвязки (табл. II, *3*). Имеются экземпляры с выемками на длинных сторонах, а также с двумя парами накрест расположенных выемок.

Группа малых грузил имеет вес 45, 60, 80 г и диаметр около 5 см; средние грузила — с поперечниками в 7—9 см и весом в 250—310 г. Единичное крупное грузило, размерами 12 × 16 см, весит 960 г. Средние грузила численно преобладают. Применение они могли иметь в ткацком деле, при морском лове рыбы и в других разнообразных случаях.

Эти примитивные изделия также являются очень устойчивым типом, широко распространенным хронологически и географически. Вне селища они обнаружены мною в местности Адзлагархук, севернее Гудаут, среди остатков позднего неолита, а также в одиночных экземплярах в долине ручья Дзышта, на территории Куланкурхвинского сельсовета, в 5 км от берега моря, и среди гравия, привозившегося в город на арбах с разных мест пляжа.[1]

15. Дробильники искусственной выделки того же назначения, что и описанные орудия природной формы, представляют собой или небольшие булыжники с плоской нижней стороной, округленные и уменьшенные оббивкой до размеров, удобных для обхватывания камня ладонью, или ровно отколотые увесистые сегменты, подправленные оббивкой с конца и боков до указанных выше размеров. Во втором

---

[1] Л. Н. Соловьев описывает эти грузила в своей работе: Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии. Мат. по ист. Абхазии, изд. АбНИИ АН СССР, вып. 15, 1939.

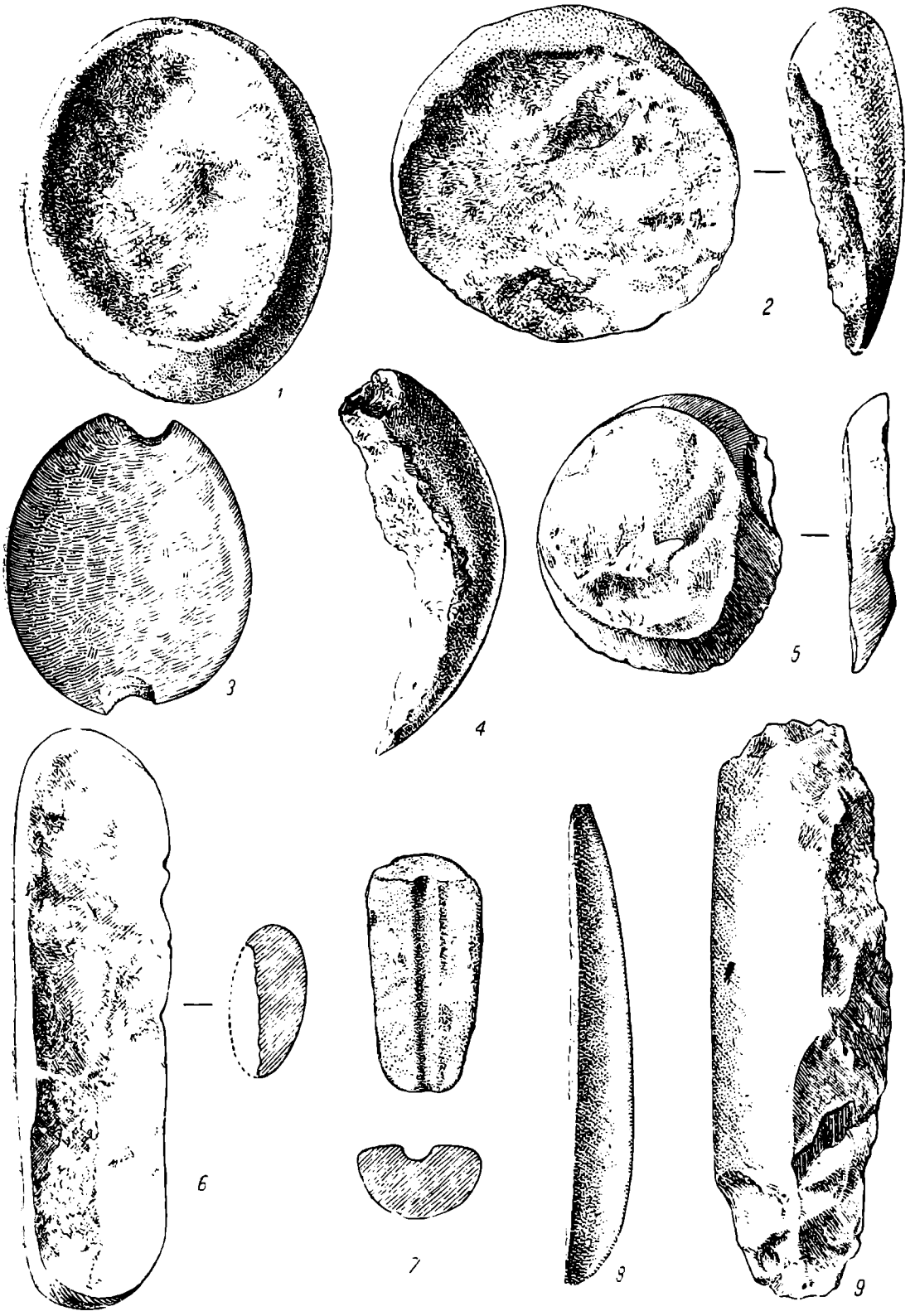


Табл. II. Селище Кистрик.

1 — блюдечная галька; *2*, *6* — резаки; *3* — грузило; *4*, *8* — мотыги; *5* — ломтик; *7* — концевой обломок шлифовального орудия из песчаника; *9* — вторичное орудие типа «пик». $^1/_2$ нат. вел.

варианте площадь скола, обращаемая в рабочую поверхность, получает удлиненно-овальную форму размерами от 6 × 12 до 8 × 15 см. Функция орудия — разминание, сплющивание и дробление ударами (рис. 3).

16. Рубанки и пластинчатые остроконечники. На Кистрике выявляются два типа орудий из галек, однородных по способу подготовки материала и по технике их изготовления. Слегка дугообразные спинки этих орудий представляют собой природную гладкую поверхность использованных галек. Брюшко — подправленная отеской поверхность основного скола, создавшего пластинку. Если прямолинейные края орудий обрабатывались сколами и отеской с таким расчетом, чтобы ширина пластинки сохранялась на всем ее протяжении, благодаря чему на одном или обоих концах сами собой создавались поперечные лезвия во всю ширину орудия, то получались «рубанки» (табл. IV, *1*, *5*). Заправленные в рукоятку подобно теслу, они могли использоваться как стругающие орудия, например, для зачистки и заглаживания деревянных изделий, причем орудие скользило по обрабатываемой поверхности своей спинкой. Средние размеры рубанков около 10 см длины, при ширине в 2.5—4 см. Имеются, однако, экземпляры до 15 см длиной, при ширине в 4.5 и толщине в 2.5 см.

Рис. 3. Дробильник искусственной выделки в работе.

Если при отеске боков пластинки ее края примерно от середины начинали сближаться и доводились до смыкания в конце, то получался один из видов остроконечника, листовидного или узкоромбовидного, пригодного для изготовления копья или рогатины (табл. IV, *2*, *4*). Здесь также преследовалась цель хотя бы частичного снижения сопротивления в колющем оружии. Длина этих остроконечников составляет от 8 до 12 см.

Общим признаком для обоих орудий остается их слегка изогнутая к брюшку форма.

По номенклатуре, предложенной Л. Н. Соловьевым для рубанков из энеолитического инвентаря Очамчирской стоянки (раздел III), лишь один из вариантов, именно второй тип рубрики *б*, несколько подходит к типу рубанка в моем определении, относящемся к кистрикским формам.[1]

17. Орудия «пик», найденные на селище в количестве нескольких десятков, заслуживают особого внимания, так как присвоенное в литературе этим орудиям значение мотыг или кирок не исчерпывает вопроса. На основании кистрикского материала приходится говорить не об орудии-мотыге «пик», а об орудиях в технике «пик».

Характерной особенностью орудий сплошной оббивки в этой технике является наличие у них двух пар волнистых основных линий, определяющих фронтальную и саггитальную плоскости орудий, причем вся система попеременных сколов, напоминающих контрударную технику, подчинена этим линиям.

Краевые фасетки этих орудий часто сочетаются с прямолинейными заломами, которые можно трактовать как следы вспомогательной стесывающей ретуши.

В некоторых экземплярах срединные линии широких боковых поверхностей недостаточно выражены или же смещены.

Несомненной мотыгой является орудие на табл. III, *4*, дополняющее клиновидный вариант мотыг-горбушек (см. выше). Двусторонней моты-

[1] Л. Н. Соловьев. ук. соч., стр. 27—28.

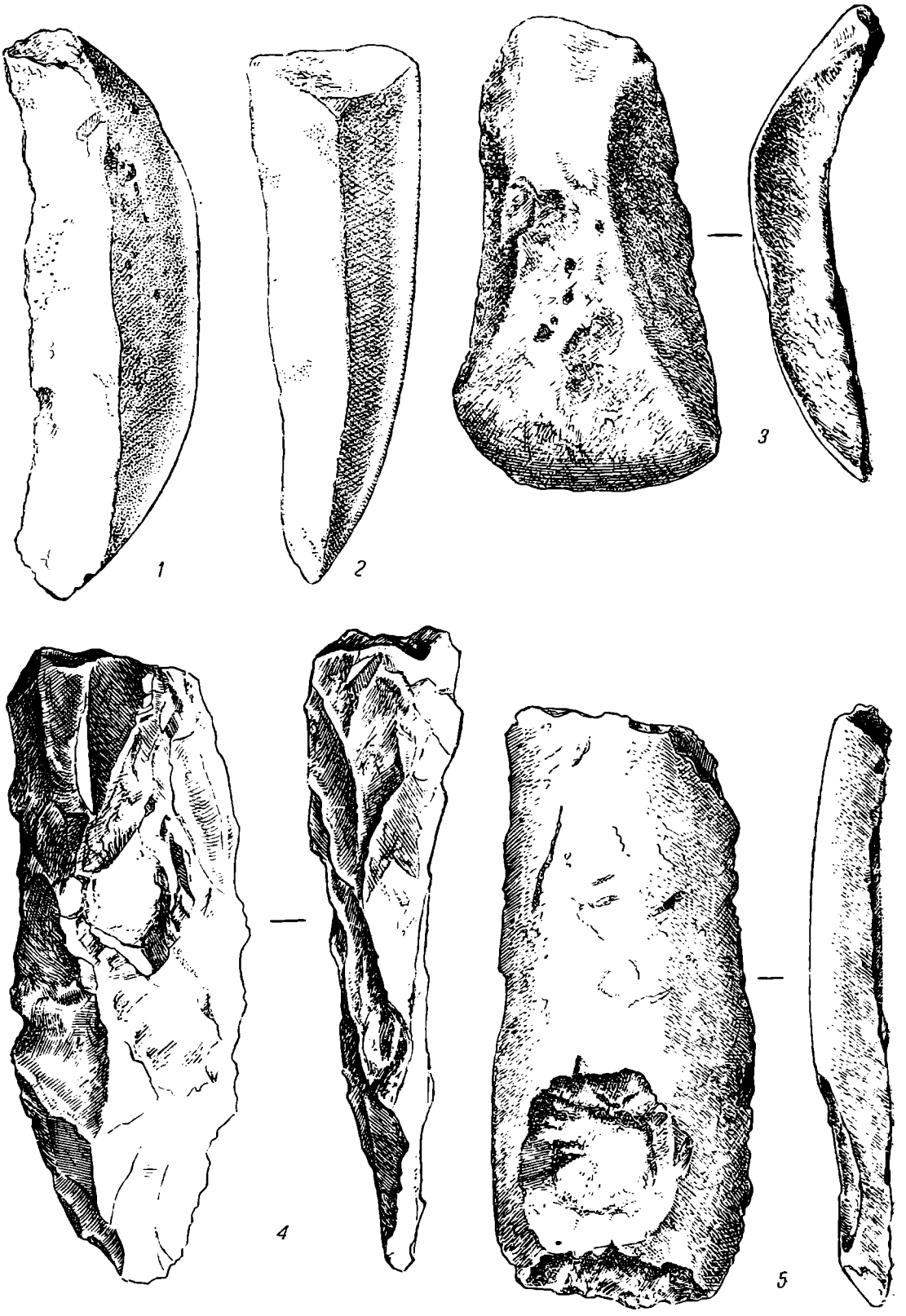


Табл. III. Селище Кистрик.

1—5 мотыги. $^1/_2$ нат. вел.

гой можно считать и орудие, показанное на табл. IV, *3*. В качестве кирки могло быть использовано орудие, показанное на табл. V, *4*. Не подходящи для роли мотыги или кирки орудия, изображенные на табл. V, *1*, *2*, *5*, а также *6*, как по кривизне и форме своего тела, так и по саггитальному положению лезвий, явно рассчитанные на рубящее действие. «Пик», переделанный из разбитого в работе топора или клина (табл. II, *9*), как и другие аналогичные экземпляры, имеет два рабочих конца и слишком массивен в поперечном сечении для выполнения роли мотыги.

Наконец, самое малое миндалевидное орудие разбираемой группы размерами 5 × 3 × 1.7 см, однородное с крупными экземплярами не только по технике, но и по материалу, никак не может служить киркой или мотыгой. Из состава мотыг и кирок в технике «пик» должны быть выделены также большой бурав (табл. XII, *7*) и остроконечники листовидного контура (табл. XII, *6*), упоминаемые далее, в разделе кремневых орудий.

Надо надеяться, что дальнейшее накопление материала позволит внести ясность и в этот вопрос.

Одно несомненно, что собранные на селище орудия в технике «пик» (за исключением бурава и листовидных остроконечников), изготовлявшиеся приемущественно из той же твердой зеленокаменной породы, что и топоры, или из кремня, относятся к группе ударных орудий.

Отдаленное подтверждение рубящего действия дают общие контуры некоторых экземпляров, напоминающие несколько изогнутые в саггитальной плоскости тела позднейших медных топоров (табл. V, *1*).

18. Круговые зернотерки. Многие лежавшие на селище булыжники кристаллических пород, формой и размерами напоминавшие удлиненные или округлые ковриги хлеба, с плоской стороны оказались прямолинейно отесанными и подвергнутыми точечной оббивке. При неподвижной установке одного такого камня плоскостью вверх и покрытии его вторым камнем плоскостью вниз получалась примитивная мельница двуручного действия, являющаяся прототипом еще бытующей у коренного населения Абхазии ручной мельницы.

Таким образом, перед нами жернова, многие из которых, наряду с более крупными булыжниками, за истекшие годы унесены с селища и использованы окрестными жителями для строительных и хозяйственных нужд. Размером эти жернова около 20—24 см в поперечнике, при толщине до 14 см. Движение их было круговым иначе в результате длительного трения имела бы место неравномерная сношенность трущих плоскостей (рис. 4).

19. Продольные терки с вальковым курантом. Ширина нижнего камня 18, 22, 24 см, при приблизительно двойной длине и толщине от 4 до 6 см. Рабочая поверхность мелко оббита и зашлифована. Куранты вальковидные, приблизительно овальные в сечении.

Выделка курантов необычайно тщательна; они сплошь шлифованы и строго симметричны. Для более удобного держания руками концы у большинства курантов слегка загнуты книзу. Длина их 24, 28, 36 см, при наибольшем диаметре сечения в 6.5—8 см.

На использованных экземплярах в процессе снашивания образуется в той или иной мере вогнутая поверхность, к тому же еще и скругленная по длинным краям камня.

Куранты, очевидно в силу трудности их изготовления, использовались до возможного предела, как это показано на табл. I, *4*, где также отчетливо виден вторичный валик, обусловленный снашиванием нижнего камня.

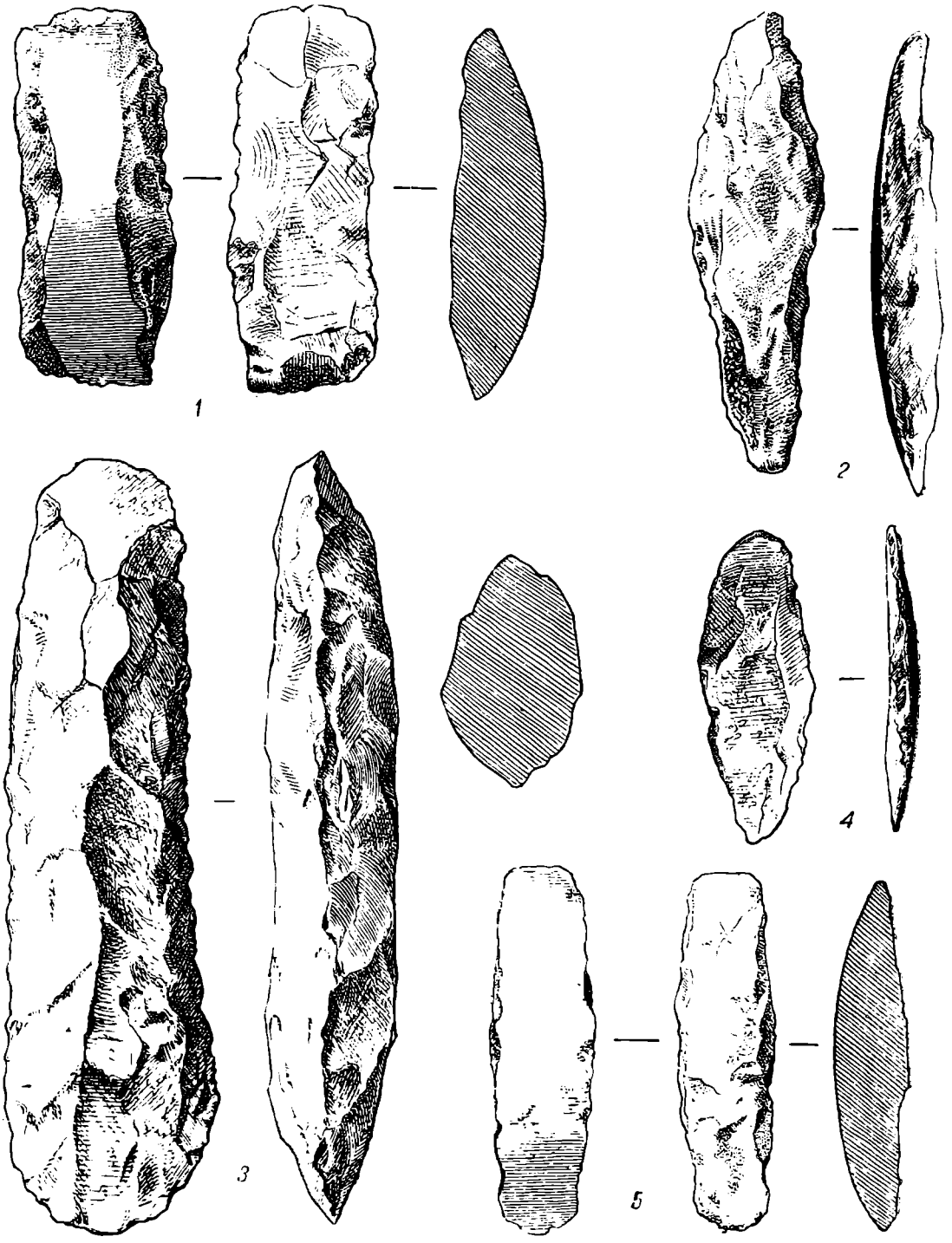


Табл. IV. Селище Кистрик.

1, *5* — рубанки; *2*, *4* — остроконечники; *3* — орудие в технике «пик». $^1/_2$ нат. вел.

Имеется вариант курантов, быть может древнейший, менее совершенный, с использованием для его изготовления природных длинных пластинчатых галек. В этом случае сечение несношенного орудия должно было быть уплощенным, близким к вытянутому прямоугольнику.

Продольные терки в неизменном виде бытуют вплоть до конца эпохи бронзы, т. е. наряду с бронзой Кобано-колхской культуры и, повидимому, даже позднее.[1]

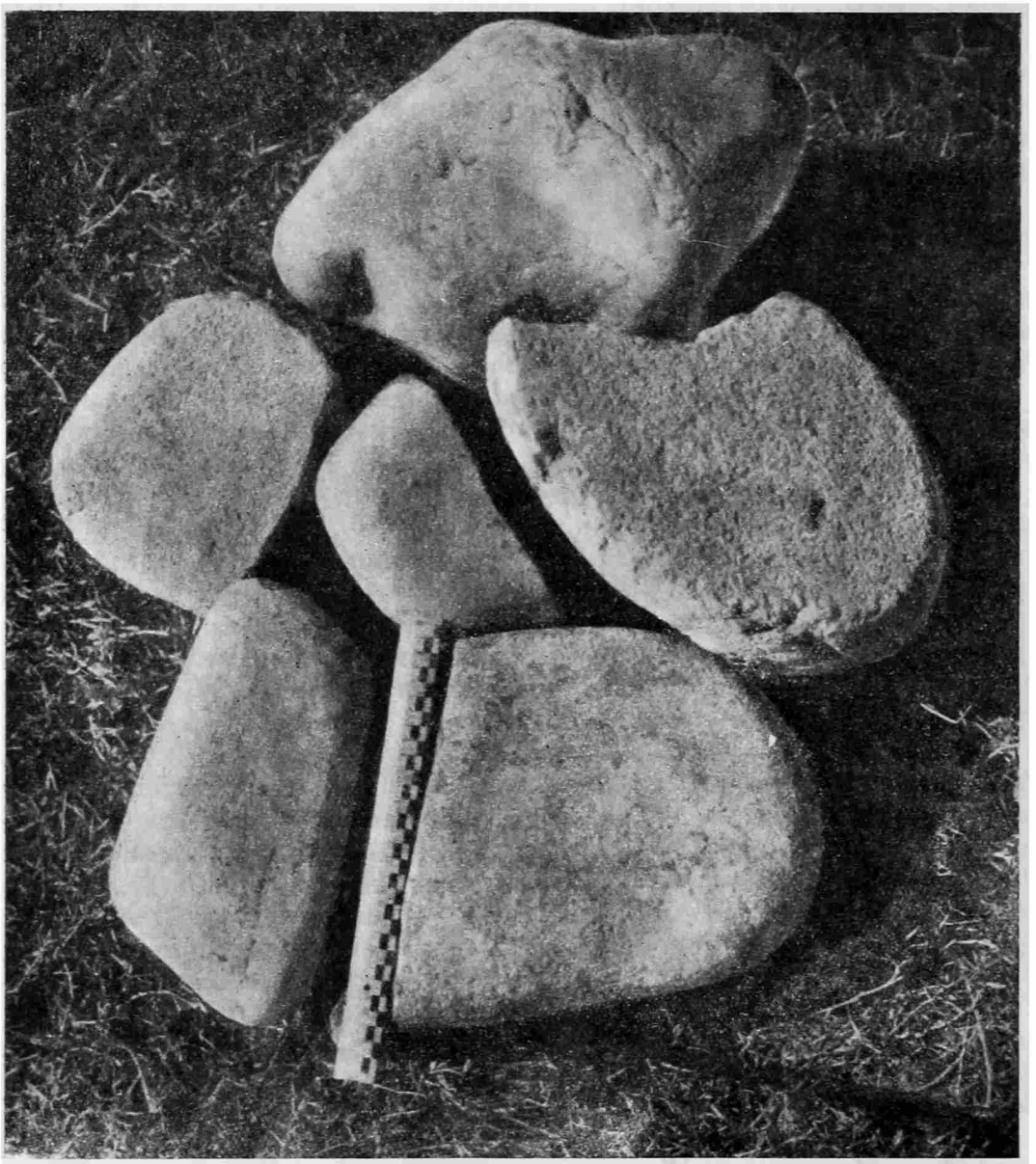


Рис. 4. Круговые зернотерки и валуны естественных форм со следами использования их в работе.

20. Тесла по технической структуре представляют собой топоры среднего размера, у которых одна щека выпуклая, а другая плоская. Расширяющееся лезвие, слабо дугообразное, смещено на плоскую сторону. Средний размер 11 см длины и 4.5—5 см ширины у рабочего конца

[1] А. Л. Лукин. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии Тр. отд. ист. первобытной культ., I, Л., Гос. Эрмитаж, 1941, стр. 27 и табл. I.

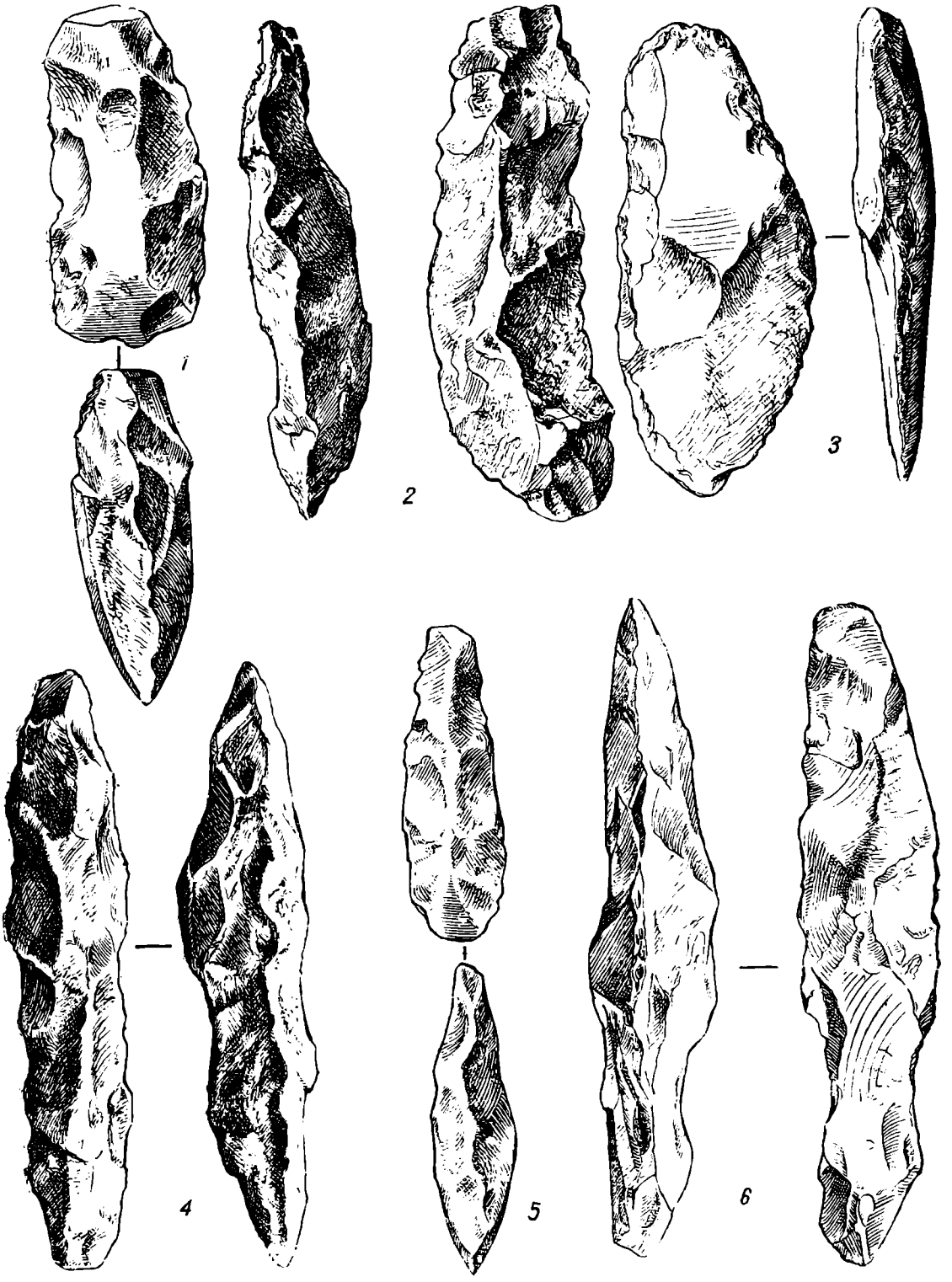


Табл. V. Селище Кистрик.

1, 2, 4—6 — орудия в технике «пик»; *3* — нож. 1/2 нат. вел.

(табл. VI, *5*, *6*). Вариант тех же размеров, со срединным положением лезвия, отличается малой толщиной стройного клиновидного тела и встречен в одном случае. Тесла частично или полностью ошлифованы. Единичный экземпляр из твердой зернистой породы (табл. VI, *4*) шлифовки не имеет.

Намечающаяся группа мелких тесловидных орудий еще недостаточно выявлена.

21. Стамески представлены двумя разновидностями: типом высоких равнобедренных треугольников с усеченной вершиной, несущих у основания выпуклой спинки широкую фаску, заканчивающуюся лезвием (табл. VI, *2*, *7*), и типом плоских, с обеих поверхностей равномерной толщины пластинок с параллельными краями, также переходящих с конца в одностороннее, плавно скошенное лезвие (табл. VI, *1*, *3*).

Все стамески очень твердого материала и, за малыми исключениями (недоделки?), почти сплошь ошлифованы. Длина их колеблется в пределах от 5 до 11 см, ширина лезвий — от 12 до 40 мм. Для работы они должны были заправляться в рукоятки. К первому типу примыкает экземпляр с дугообразным, слегка желобчатым лезвием, вогнутостью обращенным к спинке.

22. Топоры из галек — ведущие орудия селища, хорошо представленные количественно, притом в большом разнообразии типов. Подробное описание этих типов излишне, так как они, за некоторыми исключениями, хорошо известны в археологической литературе. Материал топоров — преимущественно твердая зеленокаменная порода и, в немногих случаях, другие изверженные или крепкие осадочные породы.

Все без исключения топоры частично или полностью ошлифованы; проушин нет. Размеры колеблются по длине от 9 до 18.5 см, по ширине от 3 до 7.5 см. Самые малые топорики в этот обмер не включены.

Среди собранного материала выявлены следующие типы топоров: а) вальковые, б) двусторонне-выпуклые толстые, в) двусторонне-выпуклые, основного типа, г) двусторонне-выпуклые, укороченного типа, д) тип со сходящимися к лезвию краями, е) плоские топоры, ж) долотообразные топоры (1 экз.), з) топорики уменьшенного размера (средние), и) малые топорики, к) уменьшенный (средний) топор с односторонним выпукло-дуговым лезвием, л) топор-колун.

Эволюция топора, по кистрикским материалам, в общих чертах представляется в следующем виде: типологически древнейший на селище вальковый топор (табл. VII, *5*), сохраняя толщину и тупой обух, начинает расширяться в своей лезвийной части и дает ряд переходных форм. Сформировавшийся указанным путем двусторонне-выпуклый топор толстого типа (табл. VII, *4* и рис. 5, контур *5*) в дальнейшем становится менее выпуклым и увеличивается в общих размерах; края и обух топора приобретают заостренность и сливаются в одну линию. Гнездовое крепление заменяется креплением топора в обхват. Орудие начинает варьировать: с одной стороны оно достигает предельных размеров и притупленно-лопатообразных очертаний обоих концов (рис. 5, контур *1*). Вводится шлифование боковых краев топора для образования прямолинейной фаски шириной в 3—6 мм, облегчающей заправку топора в сквозную проушину рукоятки и скольжение краев при работе (табл. VII, *2* и рис. 5, контур *2*).

Другой вариант, также снабженный краевыми фасками, удерживается на средних размерах, иногда сохраняя тупой обушок, и дает разновидность с краями, параллельными или сближающимися от середины топора к лезвию (рис. 5, контур *6*).

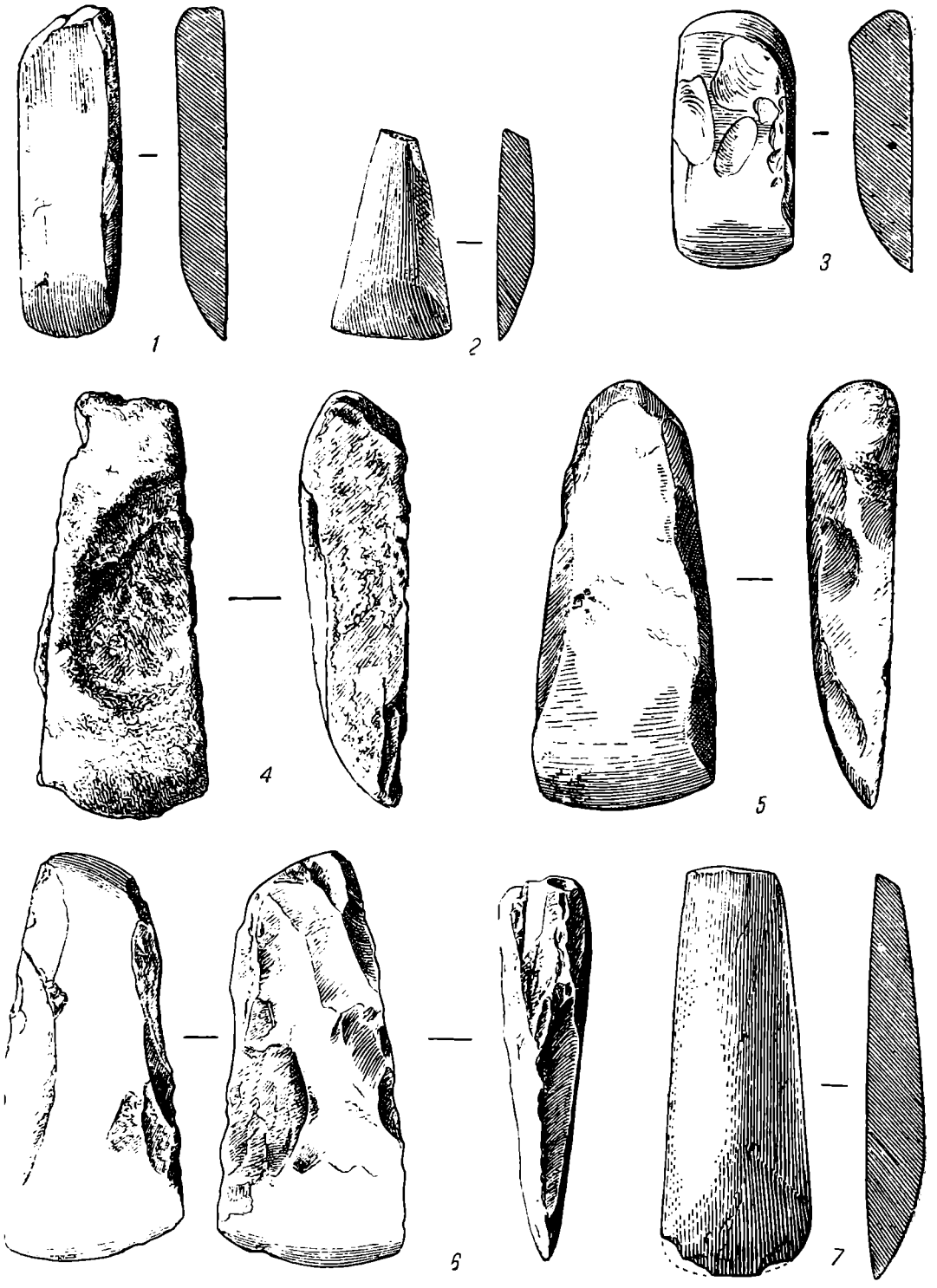


Табл. VI. Селище Кистрик.

1, 2, 3, 7 — стамески; *4—6* — тесла. 1/2 нат. вел.

Описанные варианты, соответствующие контурам *1*, *2*, *3*, *4*, *6* (рис. 5), и составляют группу топоров двусторонне-выпуклых основного типа, представляя ныне одну из основных категорий вещевого комплекса на Кистрике.

С этими формами сосуществуют двусторонне-выпуклые топоры укороченного типа, иногда подправленные фаской, но удерживающие тупой обух и, очевидно, гнездовое крепление (табл. VIII, *5*).

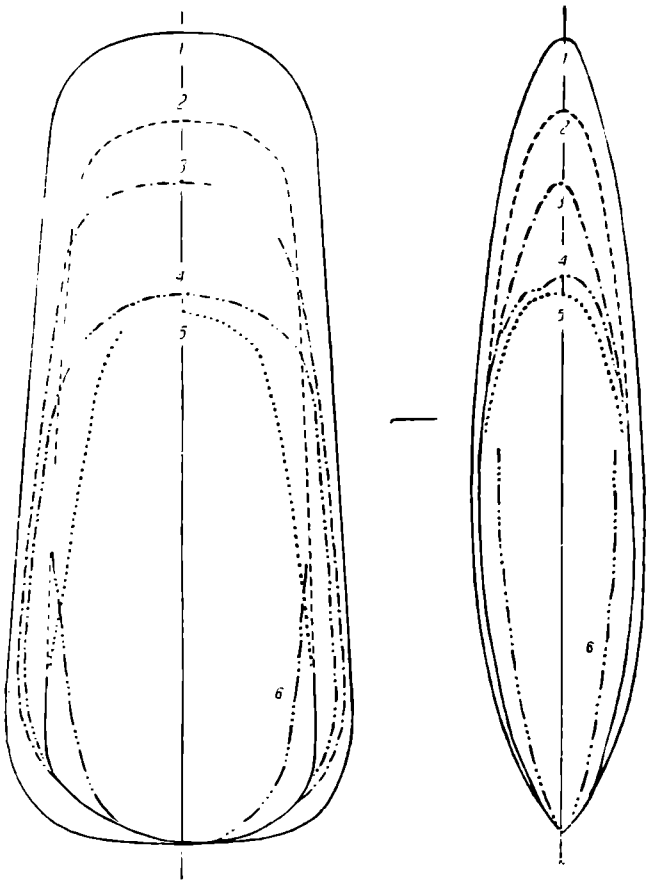


Рис. 5. Сопоставление контуров двусторонне-выпуклых кистрикских топоров из галек. 1/2 нат. вел.

Дальнейшее развитие форм топоров определяется, с одной стороны, стремлением снизить их толщину, в результате чего появляются уплощенные экземпляры контура *6* (рис. 5) и новый тип плоского топора (табл. VII, *1*, *3*), а с другой — стремлением усилить раскалывающую и ударную силу орудия; получается тяжеловесный шлифованый колун с прямоугольной площадкой свободного обуха и начатком сверленой круглой проушины (табл. VIII, *1*).

Попутно, с развитием основных форм, в процессе приведения свойств орудий в большее соответствие с усложнявшимися требованиями к их техническим функциям, возникали дополнительные типы топоров. Таковы долотообразные топоры (табл. IX, *1*), топоры уменьшенного типа (средние) длиной в 9—10 см (табл. VIII, *4*; табл. IX, *4*), малые топорики длиной всего в 5.5 см, при ширине в 25—28 мм (табл. IX, *3*) и такие специализированные орудия, как среднего размера топорик с дугообразным боковым лезвием и высокой фаской с брюшка, необычайно правильной формы, сплошь шлифованый (табл. VIII, *2*).

Мы остановились на схеме развития этой группы, так как именно на топорах Кистрика ход развития орудий из гальки выступает всего нагляднее.

Того или иного характера развитие присуще, конечно, и другим категориям кистрикских орудий из галек, но представляющий их в сборах материал недостаточно выразителен.

Намеченный перечень типов каменных топоров является условным, но необходимым для ориентировки впредь до выявления новых материалов.

При внешнем знакомстве с собранием кистрикских топоров бросается в глаза разнообразие их форм и размеров. Ближайшее изучение этих форм сводит все это разнообразие к небольшим вариациям пропорций, показывая стойкость и единство плоскостного контура для всех основ-

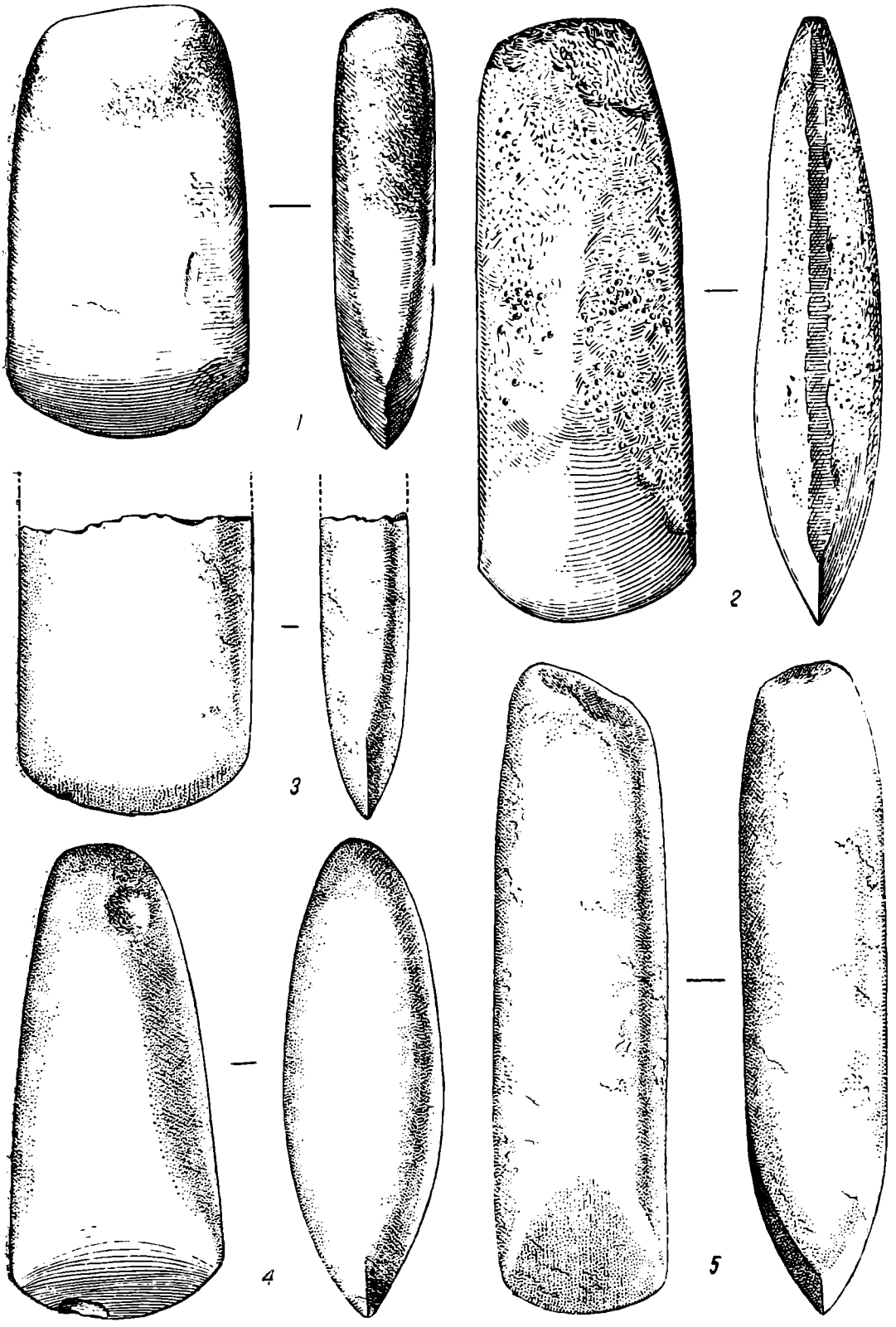


Табл. VII. Селище Кистрик.

1—5 — топоры (*5* — реконструкция по обломкам). $^1/_2$ нат. вел.

ных типов, кроме валькового топора. Плоскостной контур колуна полностью сливается с общей схемой.

Еще разительнее совпадение профилей топоров указанных типов, определяющее наиболее полезную форму каменного клина на известной стадии производственного развития (рис. 5), причем даже вальковый топор оказывается подчиненным этой закономерности. Зато здесь клин колуна расширяется в верхней своей части за счет увеличения веса орудия.

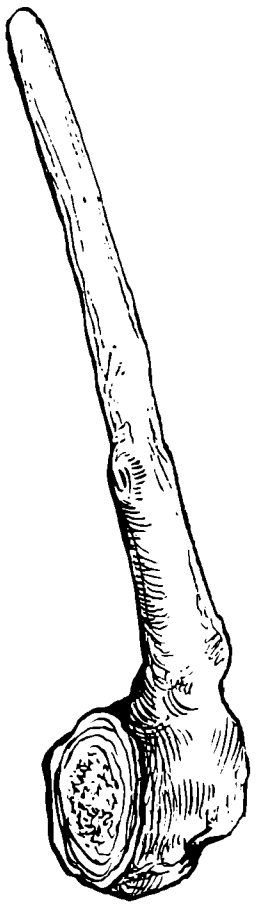


Рис. 6. Пережиточно бытующий у абхазов деревянный молот для битья по клиньям. Приблизительно, 1/10 нат. вел.

Подобное совпадение профилей позволяет нам наметить три фазы эволюции этого орудия для Кистрика: начальную фазу валькового топора (с древнейшей керамикой и малой территорией поселка); длительную фазу варьирующих двусторонне-выпуклых топоров (с развивающейся гребенчатой керамикой) и заключительную фазу плоских топоров и колуна со сверлиной.

23. Клинья из галек — орудия, по размерам и форме очень напоминающие топоры. Они также ошлифованы, имеют краевые фаски и не имеют проуха. Узкие концы клиньев, соответствующие обушной части топоров, обработаны несколько тщательнее, и фаска обычно доведена до конца. Утолщенная часть клина переходит, плавно закругляясь, в воспринимающую удары овальную площадку размерами, приблизительно, 2.5—3.5—4 см (табл. VIII, *3*). Боковые фаски выдают относительное время появления этих клиньев, имевших, надо думать, менее оформленных предшественников.

Описываемые клинья являются группой наиболее разрушенных орудий, причем в работе преимущественно страдала головка клина.

Главная функция орудия — это, вероятно, приготовление с его помощью колотых досок-плах.

У местного абхазского населения до сих пор бытует так называемый aħasag. Это деревянный молот, состоящий из отрезка нетолстого ствола и отходящей от него ветви, обращенной в рукоять. Плохо скользящей торцевой поверхностью этого примитивного молота бьют по деревянным и железным клиньям при заготовке дров и досок (рис. 6). Можно полагать, что сходное простое орудие для указанной надобности использовал и человек неолита.

24. Из числа орудий из галек, представленных одиночными экземплярами, необходимо обратить внимание на нож из сланца. Сработан он из отщепа гальки, сохранившего с одной стороны природную шлифовку. «Ручка» слегка утолщена и подправлена для удобного держания орудия в руке. Лезвийная часть укороченно-листовидной формы уплощена широкими сколами и по краям несет следы работы. Длина 12.5 см, наибольшая ширина 5 см. Рукоять занимает почти половину длины ножа (табл. V, *3*).

25. Орудия неизвестного назначения. Сюда относятся крупные природные гальки и булыжники твердых пород, разных размеров и форм, со следами работы (выбоинами, стертостью и т. п.), затем плоские булыжники с углубленной, но ошлифованной до блеска поверхностью (рис. 4), отщепы различных размеров и очертаний: пла-

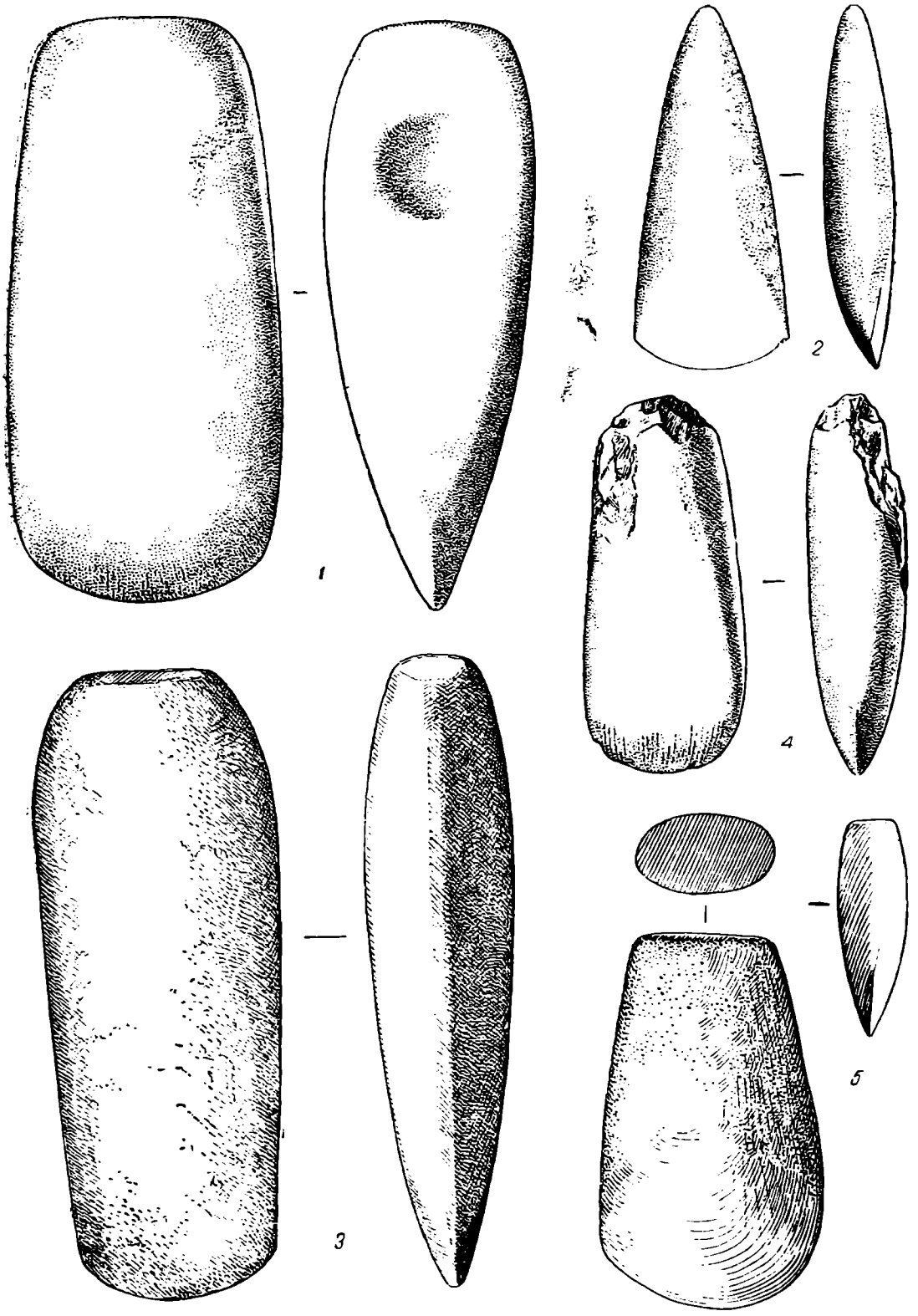


Табл. VIII. Селище Кистрик (*2* найден вне селища).

1 — топор-колун; *2*, *4*, *5* — топоры; *3* — клин (реконструкция по обломкам). 1/2 нат. вел.; *5* — профиль, 1/4 нат. вел.

стинчатые, остроконечные и др., а также отдельные обработанные орудия не определившихся еще типов.

Былое применение всего этого материала в работе не подлежит сомнению, но подлинные функции отдельных единиц гадательны.

26. Обломки орудий неизвестных форм. Речь идет о разрозненных фрагментах оббитых или шлифованых орудий, не дающих, однако, представления о вещи в целом. Был обнаружен и сохранен слегка подшлифованный ничего не говорящий обломок узкой и плоской гальки. Через два года было найдено дополнение к этому обломку: получился удлиненный долотообразный топор — единственный для селища экземпляр. Таким же порядком составился точильный брусок из трех частей. В коллекции сохраняются оригинальной формы обломки нескольких крупных орудий, общий вид которых по этим обломкам установить не удается.

27. Вторичные орудия, изготовленные из разрушенных орудий. Изучение остатков орудий из галек показывает, что человек не щадил их и работал ими с полным напряжением. Так, например, топоры не только теряли части лезвия или обуха, но иногда разламывались поперек и даже раскалывались по плоскости вдоль. Но человек неолита с трудом расставался со своим даже искалеченным топором. Соответственно характеру поломки или повреждения он подтачивал или вновь перетачивал его, или выравнивал лезвие оббивкой. Если пострадавшей частью был обух, топор оббивкой укорачивался и вновь заправлялся в ручку (табл. IX, *2*). Если лезвийная часть топора не могла быть в каком-либо виде восстановлена, топор обращался в тупой односторонний, иногда и двусторонний молот или в клин, путем обращения лезвийной части в обушную. В частности, в этом обстоятельстве кроется трудность различения сношенных в работе топоров и клиньев, тем более, что бывали и обратные случаи переделки поврежденного клина в топор уменьшенного размера.

При боковом повреждении топор становился орудием в технике «пик» с частичной или почти полной переделкой его поверхности (табл. II, *9*). Это позволяет нам с достоверностью установить единовременность бытования на Кистрике этих двух форм. Такое положение, как известно, отмечено и для других местонахождений неолита.

Естественно, что переделки касались и других орудий, менее выразительных, причем иногда вовсе терялась характеристика исходного типа и возникали как бы новые, искусственные, а по существу вынужденные формы.

Попутно упомяну, что каменные орудия селища, в меру устойчивости пород, из которых они сделаны, подвергаются и естественному разрушению; многие из них, лежа в земле, приобретают расплывчатые контуры, выщелачиваются почти до неузнаваемости или раскалываются в самых неожиданных направлениях по плоскостям слоистости.

Замечание о выщелачивании в особенности относится к твердой зеленокаменной породе, преимущественно шедшей на изготовление топоров, клиньев и орудий в технике «пик». Предельно устойчивая механически, эта порода оказалась достаточно податливой разрушительному влиянию почвенных агентов.

Естественный процесс раскалывания по плоскостям затрагивает, как уже указывалось, и необработанные гальки-заготовки. Получаются, таким образом, резаки круговые, резаки скошенные, горбушки с прямыми или дугообразными сколами (но без усеченной пятки!), наискось расколовшиеся плоские длинные гальки и т. д., причем in situ обе разделившиеся части обычно еще прилегают одна к другой. Создается как бы

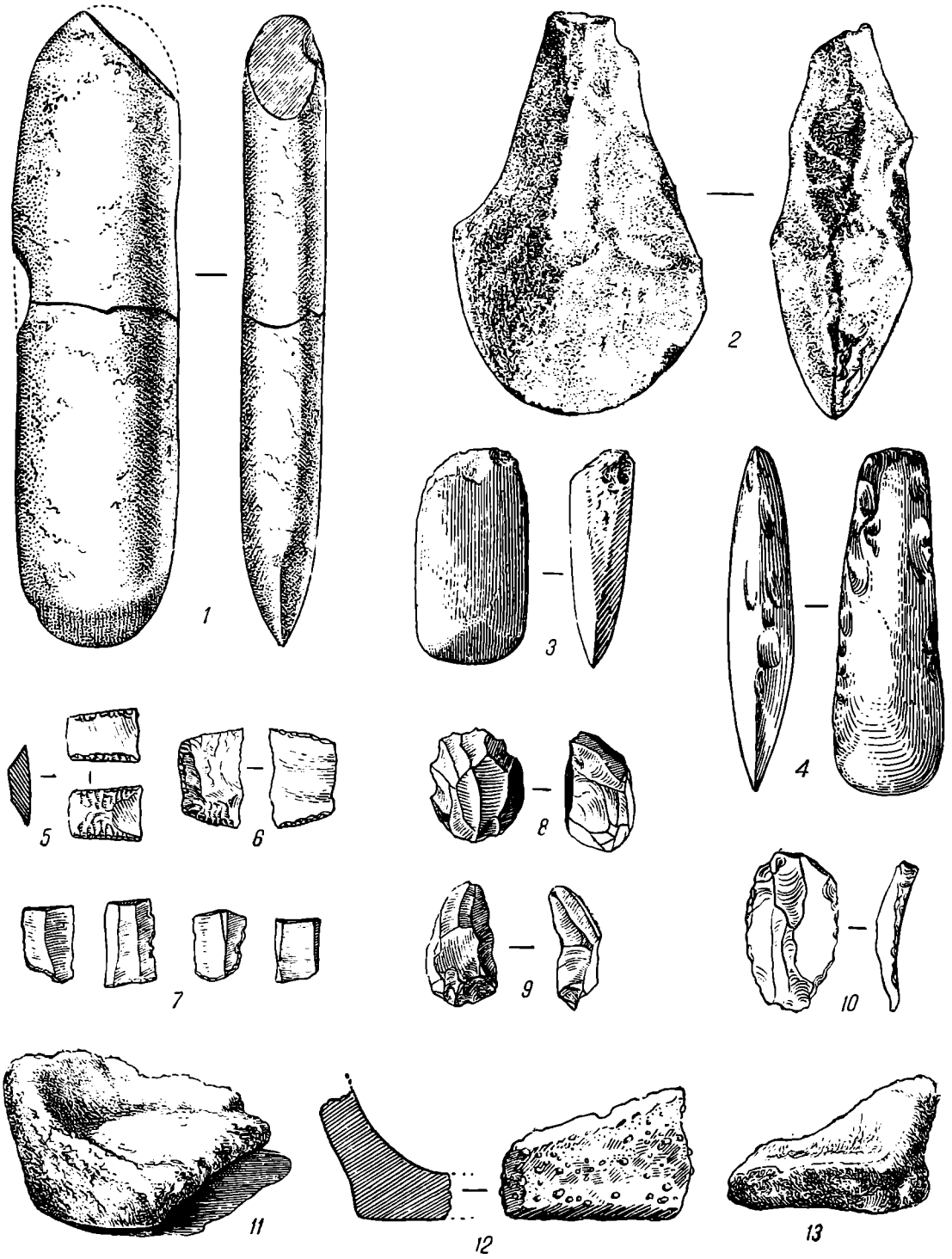


Табл. IX. Селище Кистрик.

1, 3, 4 — топоры; *2* — вторичное орудие (топор); *5—7* — микролиты; *8—10* — скребки; *11—13* — фрагменты донцев глиняных сосудов. 1/2 нат. вел.

группа ложных орудий, правда с очень небольшим количеством входящих в нее единиц.

28. Фигурные камни — мелкие, очень твердые гальки в виде полулуний, полых цилиндров, столбиков, шариков, округленных по краю мелких пластинок, яйцевидных камней и чашечек — привлекали внимание человека как материал для хозяйственных нужд или с целью удовлетворения эстетических и культовых потребностей (талисманы, подвески и т. п.).

29. Имеются в отложениях Кистрика и «самоцветы». Это собранные на взморье мелкие гальки близкой к сердолику породы, а также окатанные небольшие куски яшмы темно-красного цвета. Все они найдены вышаханными с глубины, по несколько штук вместе.

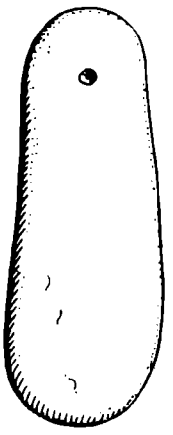


Рис. 7. Плоская, тонкая галька, начатая сверлением. $^2/_3$ нат. вел.

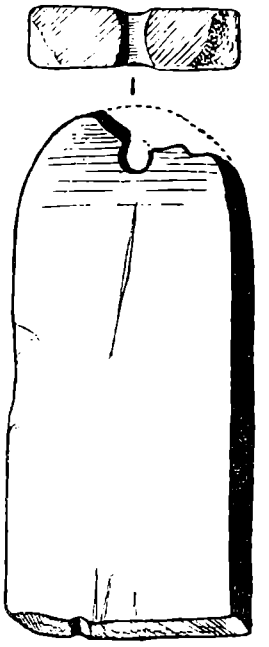


Рис. 8. Точильный брусок со следами применения его в работе. $^2/_3$ нат. вел.

Характерен интерес к сердолику, который позднее мы встречаем здесь же в Абхазии, в кобано-колхских погребениях в виде слабо ошлифованных и просверленных бус.

30. Наряду с фигурными камнями внимание жителей древнего поселка привлекали также гальки с природными отверстиями, но опыты сверления камня человеком обнаруживаются лишь на заключительном этапе существования поселка.

Среди собранного за 6 лет материала имеется всего лишь 4 следующих образца сверления: 1) маленькая, удлиненная и плоская галька с начатым сверлением (рис. 7); 2) брусок точильный со сквозным отверстием (рис. 8); 3) галька в виде слабо конического пряслица и 4) топор-колун, широкообушный, с начатой сверлением проушиной. Сверление бруска и пряслица осуществлено трехгранным кремневым стержнем, причем встречные конические отверстия в каждом объекте доходят с обеих сторон до половинной его толщины. Одна из половинок канала в пряслице несет следы трех последовательно уменьшавшихся калибров сверл.

Описанные сверленые образцы имеют своих предшественников в виде отдельных камней со следами настойчивых попыток добиться получения сквозного отверстия путем глубокой оббивки двух встречных ямок.

* * *

По вопросу о числовом соотношении различных типов орудий из галек на селище можно пока лишь отметить, что наиболее богато представленными группами являются грузила, резаки, мотыги и топоры.

Следы стоянок неясного возраста с орудиями из гальки обнаруживались в Абхазии, в частности в прибрежной ее полосе, неоднократно и частично отмечены в цитированной работе открывшего большинство этих стоянок Л. Н. Соловьева.

Из датированных стоянок территориально ближайшей аналогией для неолитического селища Кистрик, по ряду типичных орудий из галек, является энеолитическое селище Очамчирского порта. Судя по описанию и рисункам, тождественными орудиями, кроме уже упомянутых выше грузил, являются резаки всех типов, «долота», ломтики, остроконечники, часть мотыг, каменные шары, песты, терки.[1] Все это — орудия из группы наименее подвижных, в смысле изменчивости форм, в силу того, что на протяжении нескольких исторических периодов они вполне соответствовали наиболее примитивным хозяйственным и производственным потребностям родового общества. Отсюда отсутствие самостоятельного датирующего значения этих орудий.

Такими же пережиточными орудиями представлены изделия из галек на стоянках абхазского побережья с тканевой (текстильной) керамикой,[2] датируемые бронзовым веком.[3] Известны, наконец, находки обработанных галек на южном Кавказе, также не поддающихся датировке. Такое положение говорит о необходимости усиления работы по параллельному выявлению функций и форм орудий из галек для всех этапов развития местного родового общества.

Этим путем мы сможем подойти к хронологической классификации группы «немых» орудий и значительно облегчить разрешение связанных с ними вопросов.

Со стороны исследователей западной Грузии первым шагом в сторону такого направления работы было бы установление объединенными усилиями единой, наиболее соответствующей номенклатуры для тех орудий из галек, тип которых в районе Абхазии «прослеживается в ряде более поздних и более ранних стоянок и селищ»,[4] начиная «от Тарденуаза (Цебельда, Холодный грот) до Кобани».[5]

На этом заканчиваю обзор орудий из валунов и гальки.

Минералы и металлы. Наряду с доставкой в свой поселок булыжников и галек различных пород, еще подлежащих петрографическому определению, жители Кистрика приносили с собой также образцы гагата, черной слюды, крупнопористой пемзы, а также куски окаменелого дерева и даже самородки железа и свинца, к факту использования которого мы вернемся в дальнейшем изложении.

Одни из этих материалов шли на производственные нужды, другие — как объекты любопытства подвергались примитивному изучению и испытаниям, расширяя таким путем материальную и техническую базы коллектива.

Роль кремневых орудий в хозяйстве обитателей селища Кистрик огромна, и относящиеся сюда формы, наряду с орудиями из

[1] Л. Н. Соловьев, ук. соч., стр. 25—31.
[2] Там же, стр. 46—47.
[3] Л. Соловьев. Новые данные о бронзовом веке в Абхазии. Сов. Абхазия, № 4 от 5 января 1947.
[4] Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии, стр. 25.
[5] Там же, стр. 50.

гальки, составляют очень характерную часть всего вещевого комплекса. Многочисленные кремневые отщепы, законченные орудия и микролиты рассеяны по всей территории селища и являются наиболее заметным показателем в определении его границ. В кремневом материале Кистрика представлены все разновидности кремня, известные в районе Гудаут; изделия представлены в одинаковой мере как макролитами, так и микролитическими образцами.

Немало крупных желваков принесенного кремня обнаруживается на самом селище. Много желваков лежит среди галечника на соседнем взморье и еще больше кремня можно получить в окрестности, в зоне обнажений древних горных пород. Имеющаяся коллекция разновидностей кремня, встреченных на селище, содержит 85 образцов различной окраски, от молочно-белой, до черной. Таким образом, то разделение функций между орудиями из гальки и из кремня, которое наблюдается на селище, обусловлено было исключительно потребностями хозяйства общины, а не состоянием сырьевых запасов.

Основную задачу в отношении кремневых изделий составляла бы функционально-типологическая систематизация их с последующим сравнительным изучением всего комплекса для возможно более точного определения этапов производственного развития, пройденных населением древнейшего приморского поселка. Но для осуществления этой цели у нас недостает раскопочного материала, стратиграфически обоснованного.

В соответствии с приведенными соображениями мы ограничимся перечнем имеющихся типов и обратим особое внимание на морфологические особенности лишь тех орудий, которые говорят о наших локальных отличиях.

Достаточно бросить беглый взгляд на изображения микролитов с ретушированными спинками (табл. IX, *5*, *6* и табл. XI) и добавить сюда еще микролиты, не ретушированные, в их числе по преимуществу полученные дроблением ножевидных пластинок на правильные части (табл. IX, *7* и XI, *10*, *20*, *40*), чтобы оценить полноту и разнообразие всего ассортимента. Дуговые края сегментовидных микролитов в большинстве случаев значительно утолщены.

Из микролитических орудий можно отметить очень тонкую пластинку с ретушированным поперечным косым сколом (табл. XI, *12*), миниатюрное скребло (табл. XI, *50*), круговой скребок (табл. XI, *46*) и еще меньший скребок (табл. XI, *22*), трехгранные сверла (табл. XI, *43*, *44*, *48*). Редкие формы представляют собой трапециевидный удлиненный микролит (табл. XI, *30*), асимметричный (табл. XI, *20*), а также прямоугольный (табл. XI, *1*, *2*). Отжимной ретушью подправлены даже №№ *17* и *5*, изображенные на той же таблице. Встречаются и нуклеусы миниатюрных размеров. Пластинки №№ *51* и *52* табл. XI—обсидиановые.

Макролитический материал представлен нуклеусами, коническими и призматическими (табл. X, *6*, *17*); встречаются также формы дисковидные и неправильные. О кремневых отбойниках (табл. X, *18*) уже упоминалось. Имеются нуклевидные орудия, преимущественно короткие долота, прямые и желобчатые (табл. X, *5*). Характерно, что корка с кремней при выделке орудий не снималась; она часто входит в состав их поверхности. Ножевидные пластинки многочисленны, и размер их разнообразен — от очень грубых, крупных пластин до мельчайших. Предельная длина пластин составляет около 9.5 см, ширина их также разнообразна, доходя у сохраняющих полную типичность экземпляров до 32 мм (табл. X, *1*). Преобладающий, характерный для Кистрика размер пластин лежит между величинами, данными в табл. X, *4* и *2*, т. е. между 4.5 и 8 см. Обильно представлены орудия, сработанные на пла-

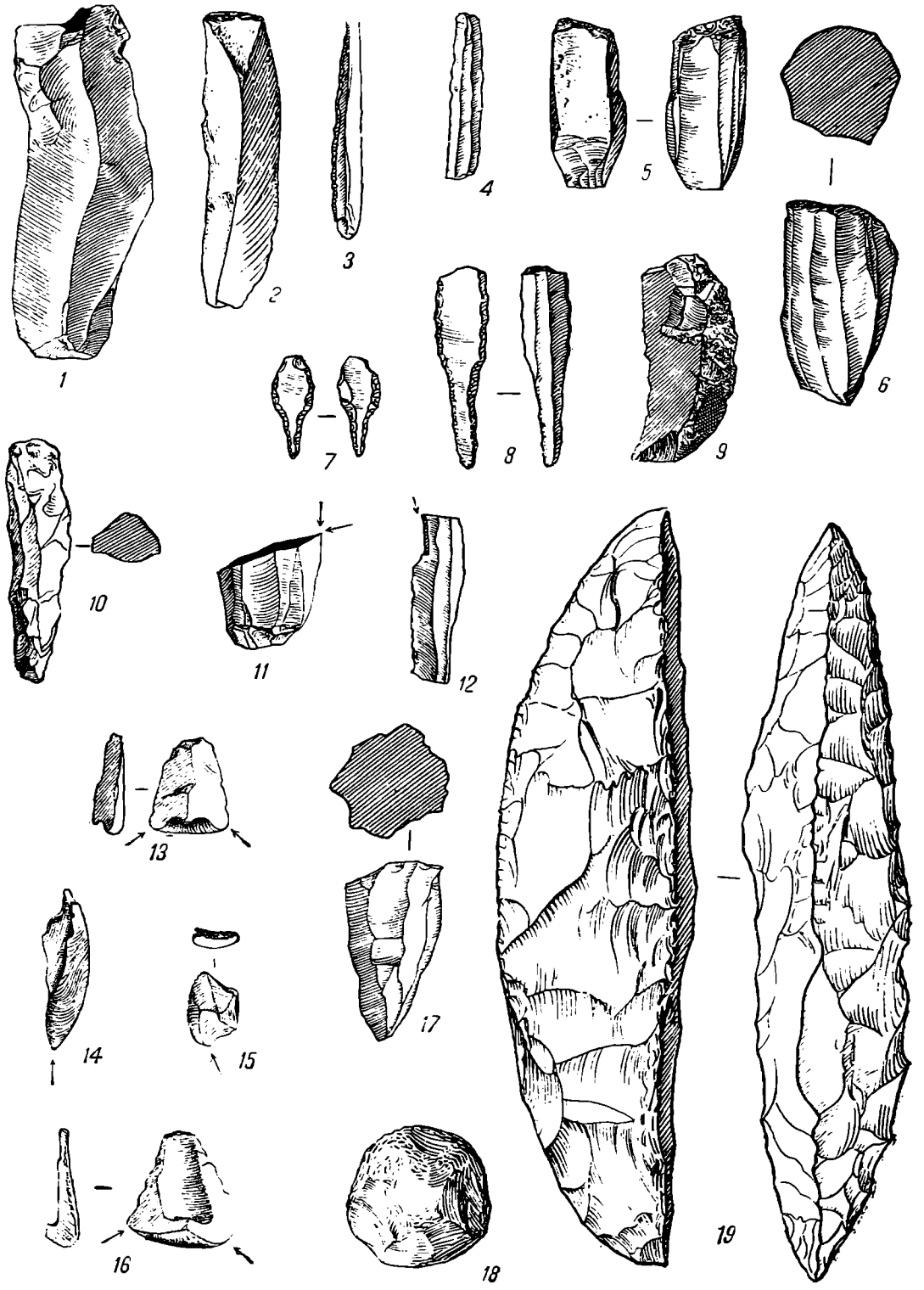


Табл. X. Селище Кистрик. Кремневый инвентарь.

1—4 — пластины; *5* — нуклевидное долото; *6*, *17* — нуклеусы; *7*, *8* — проколки; *9* — нож; *10* — сверло; *11*, *12* — резцы боковые; *13—16* — резцы «на волне»; *18* — отбойник; *19* — кремневое орудие. 1/2 нат. вел.

стинках; тут и разнообразные боковые (табл. X, *12*) и серединные резцы с ретушью и без таковой, концевые скребки, пластинки с боковыми выемками, пластинки с ретушью всего края (табл. X, *3*) или только лишь скошенного конца. Проколки разнообразных форм (табл. X, *7*, *8*), иногда в виде комбинированных орудий, например в сочетании с концевым скребком, боковой выемкой по одному краю и режущим или скребущим лезвием по другому. Дальше, на отщепах, идут скобели, скребла, скребки боковые и круглые (табл. IX, *10*), килевидные скребки (табл. IX, *8*, *9*), буравчики. Резцы на отщепах представлены угловыми (табл. X, *11*, *12*), клювовидными и полиэдрическими формами.

Среди кремневого материала выделяется особый тип резца, который я назвал бы «резцом на волне». Структура его определяется особенностью строения кремня, в силу которой гладкая поверхность спинки отщепа, не дойдя до конца ядрища, иногда вдруг резко меняет направление и оканчивается заворотом на брюшко. Образуется красивая гладкая волна, при поперечном сечении которой под разными углами с тем или иным поворотом секущей плоскости и получаются «резцы на волне», являющиеся очень устойчивым и продуктивным орудием для обработки кости, рога и дерева (табл. X, *13—16*).

Из числа массивных изделий отметим плоско-овальные в сечении, слегка дугообразные небольшие орудия с параллельными краями, по отделке напоминающие орудия «пик» в миниатюре. Длина их составляет около 6—6.5 см, ширина 16—18 мм, толщина 8—11 мм. Оба конца уплощенно затуплены на всю ширину тела. Предполагаемая функция — мелкая отеска камня.

К ним примыкает группа примерно таких же по размерам, но более массивных трехгранных (табл. X, *10*) и четырехгранных прямых стержневидных орудий с тупо приостренным рабочим концом и туповатой пяткой (сверла), или же со следами работы на обоих концах (особенно отжимники).

К таким же коротким, но еще более массивным, за счет утолщения их средней части, орудиям относятся ладьевидные формы, плоские с одной стороны и килевидные с другой. Их длина от 5.5 до 7.5 см, при высоте в 18—22 мм (табл. XII, *1*, *2*).

Перечисленные массивные мелкие изделия обычно рассматриваются как отжимники, между тем морфологически они различны, причем тщательно обработанный дугообразный тип мог бы исполнять роль отжимника при значительно меньшей затрате труда и внимания на его оформление.

Функция малых ладьевидных форм, возможно, была смешанной. Используемые как отжимники, они, быть может, применялись и как вставные наконечники для точечной оббивки менее крупных орудий из гальки, оббивки, превращающей поверхность изделия в ровное поле оспин или как самодовлеющее завершение отделки орудия, или как подготовку поверхности его под шлифовку. Если такое толкование их функции ошибочно, то остается открытым вопрос о типе орудия, которым такая оббивка производилась.

К той же категории стержневидных орудий типа отжимников относится и изображенное на табл. X, *8*, имеющее 9.5 см. длины.

Можно полагать, что с дальнейшим накоплением орудий описываемой группы станет возможным и более точное их разграничение соответственно получающей в неолите заметное развитие фактической дифференциации орудий, т. е. выработки четкой зависимости между их формой и функцией.

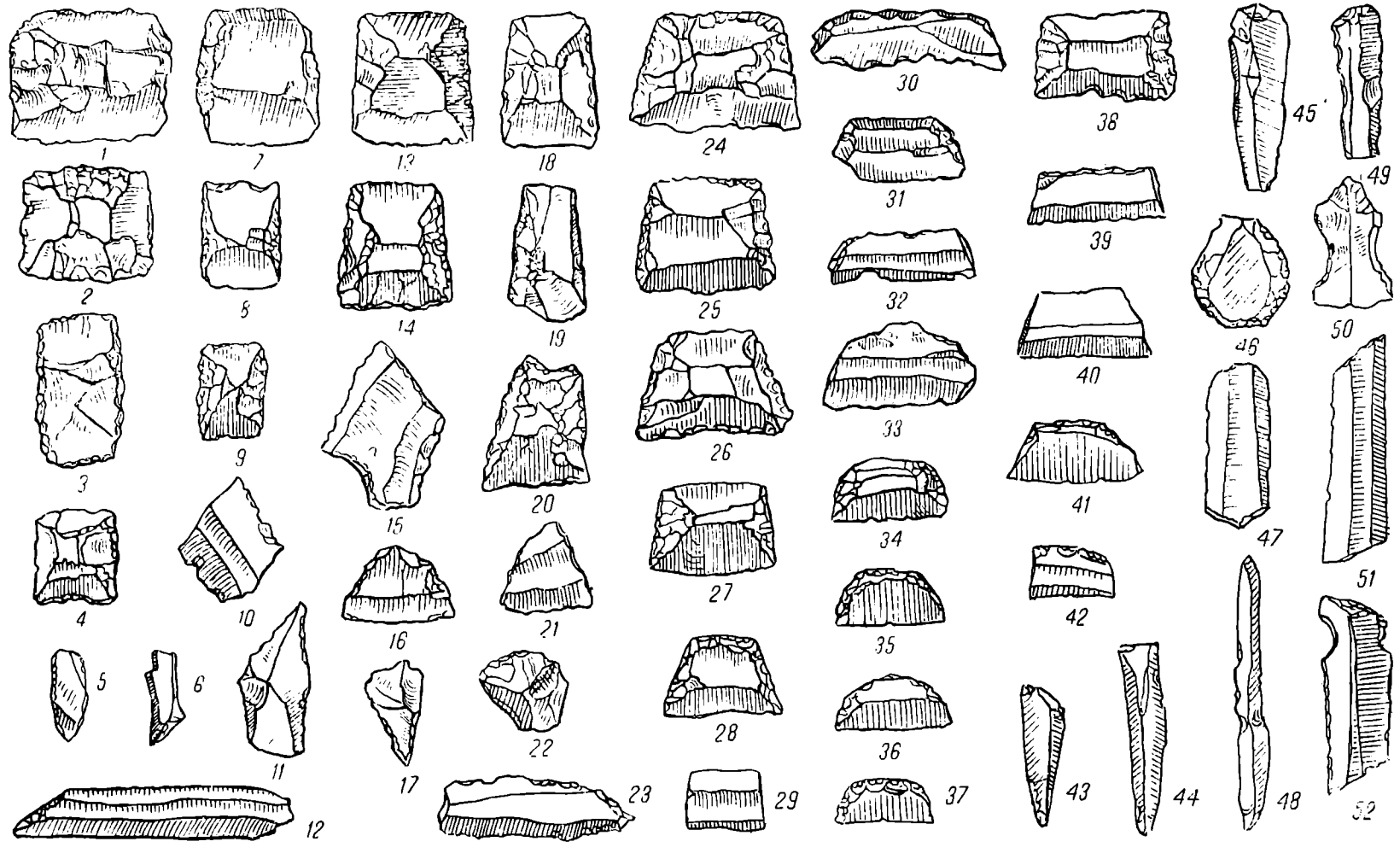


Табл. XI. Селище Кистрик. Кремневый инвентарь.

1—52 — микролиты. Кремень. 7/8 нат. вел.

Мнение свое о малых ладьевидных формах выдвигаю на основании их сходства с самым крупным кремневым орудием Кистрика, уникальной «киркой», длиной свыше 20 см (табл. X, *19*). Эту «кирку» возможно сопоставить с еще бытующим старинным стальным орудием, вывезенным в Абхазию греками-каменщиками из района Орду и применяющимся в Малой Азии для точечной оббивки при обработке камня (рис. 9). Таковой же мне представляется и функция кистрикской кремневой «кирки».

Также в одиночных экземплярах встречены: острый и плоский, округлого контура резак, размером 7 × 7.5 см, с искусно сколотым гладким полулунным лезвием; тесло длиной 8 см, при ширине лезвия в 2 мм; нож полулунной формы (табл. X, *9*); бурав большой трехгранный, длиной 19 см, при поперечнике более 3 см в утолщенной части (табл. XII, *7*); два одинаковой длины массивных «остроконечника» листовидной формы в технике «пик» (табл. XII, *6*) и другие орудия.

Кроме того, накоплено много отщепов, подлежащих всестороннему изучению и как материал для характеристики техники обработки кремней и как добавочный фонд, из которого могут быть извлечены неопознанные орудия и обломки изделий.

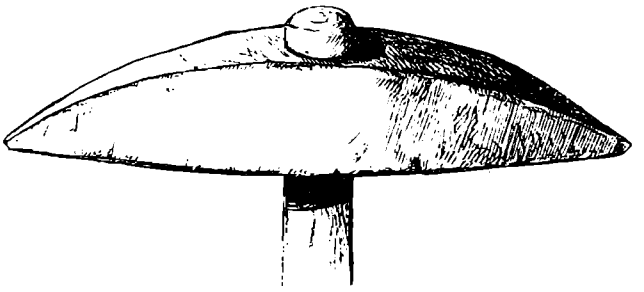


Рис. 9. Стальной молот каменщика, бытующий в Малой Азии.

Обзор кремневого инвентаря показывает, что жители Кистрика пользовались всеми видами обработки кремня, кроме его шлифовки и сплошной отжимной ретуши. Впрочем, имеется единственный обломок вещи, отретушированной с обеих сторон, свидетельствующий, что и этот прием начал осваиваться людьми селища. Этим обстоятельством подкрепляется достоверность сообщения бригадира колхоза им. М. И. Калинина И. И. Заикина о кремневом кинжале, выкопанном в 1938 г., во время работы на поле *II*, к западу от оранжереи: «Кинжал, красиво сделанный из кремня и формой похожий на кавказский кинжал, имел в длину около 28—30 см. Края его были ровные и острые, а вся поверхность кинжала была в мелких ямках. Ручка оканчивалась утолщением. Некоторое время вещь эта находилась у нас дома, а потом ее побили на куски и затеряли».

Местная история освоения отжимной ретуши имеет свое продолжение в находке к северу от Гудаут незначительного количества орудий из гальки, сопровождавшихся кремнями неолитических типов, но несколько иного облика, чем кистрикские, и сплошь ретушированным крупным кремневым наконечником стрелы с пиловидными краями.

Обсидиан — материал, технически смежный кремню и как порода западной окраине Кавказа не свойственный, представлен на селище скромным количеством ножевидных пластинок и немногими мелкими отщепами; не обнаружено, пока, ни желваков ни нуклеусов. Площадь рассеяния обсидиана совпадает с максимальными границами селища, что позволяет связать время его появления на Кистрике с фазой наибольшего хозяйственного развития общины.

Интерес обитателей Кистрика к обсидиану, несомненно, вызывался исключительной остротой лезвий у приготовленных из него пластинок.

Большую значимость приобретает вопрос об источнике импорта обсидиана для района Бзыбской Абхазии, которая могла с равным удобством получить его и «из небольших северо-кавказских месторождений», и

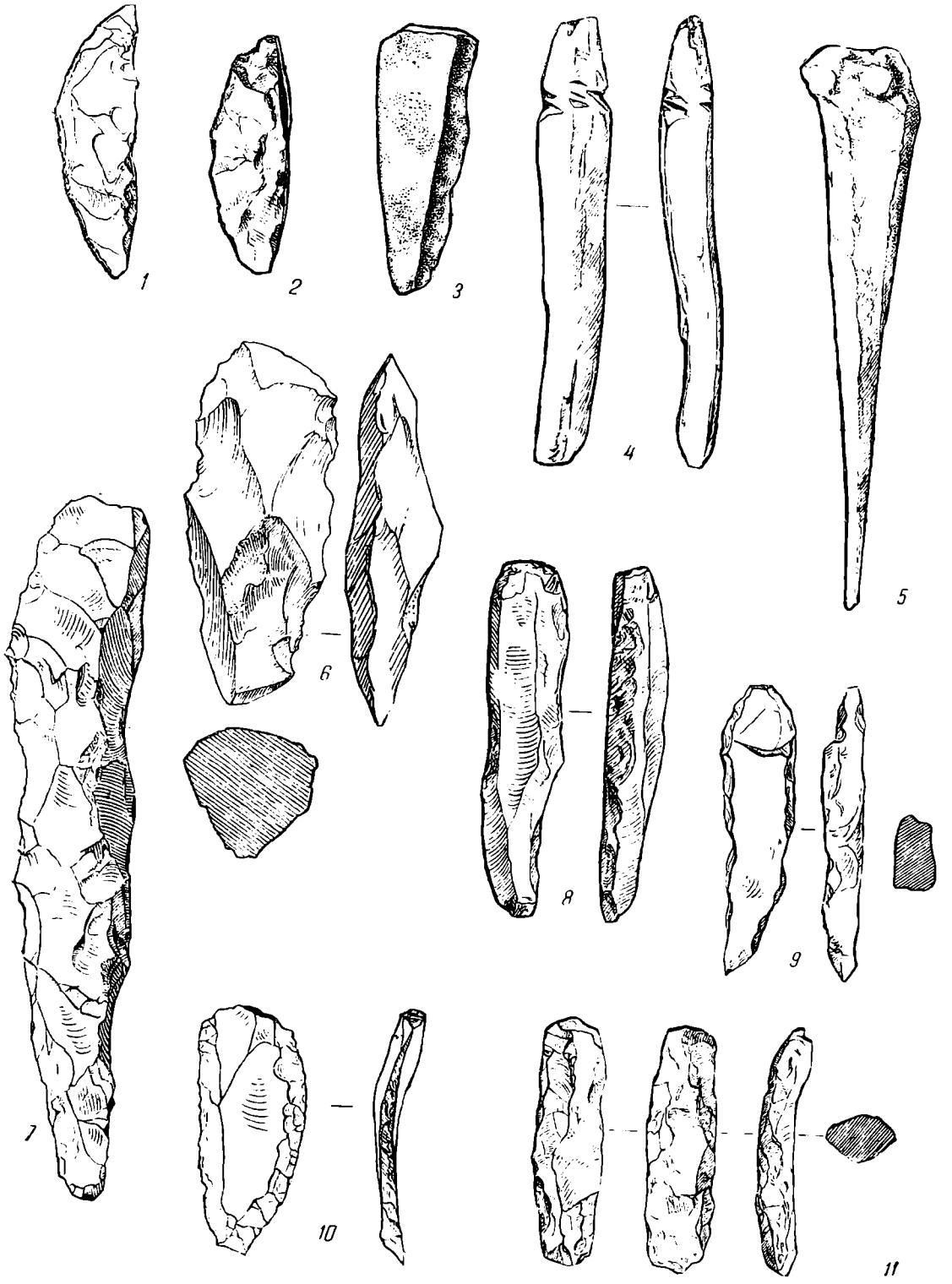


Табл. XII. Селище Кистрик.

1, 2, 6, 8—11 — кремневые орудия; *3* — образчик пиления камня; *4* — палочка окаменевшего дерева; *5* — шило костяное; *7* — кремневый бурав. 1/2 нат. вел.

«из вулканической зоны Малого Кавказа»,[1] и даже из обоих источников одновременно.

Результаты сравнительного литологического изучения ножевидных пластинок и отщепов обсидиана, обнаруженного на Кистрике, и образцов из мест его природного залегания могли бы, вероятно, послужить основанием для важных общих выводов культурно-исторического порядка.

Керамика селища, вошедшая в коллекцию сборов, не обильна, так как представлена преимущественно образцами глубинными, связанными с основной толщей культурного слоя, откуда они вывернуты на поверхность при плантажной вспашке или вскрыты копкой шурфов. Кроме того, обломки наиболее древние, в силу совершенного их разложения, плохо поддавались сбору, а искусственное их укрепление в таких условиях не оправдывалось бы.

Древнейшие сосуды селища имели плоские массивные донья и почти вертикальные или с небольшим отвалом стенки. Общая их форма, вероятно, была близка к баночной, с прямыми округлыми или заостренными и слегка отогнутыми краями.

Высота сосудов остается неизвестной. Общие размеры их были разнообразны, от миниатюрного, не более 5 см диаметром, до сосуда, сохранившееся дно которого имеет в поперечнике почти 17 см. Тесто этих сосудов грубого замеса на морском песке (табл. IX, *12*). Формовка ручная. На сохранившихся участках поверхности иногда заметны густо расположенные горизонтальные, толщиной в волос, полоски заглаживания. Обжиг окислительный (табл. IX, *11* и *13*). Цвет черепков красный или бурый с темносерым или беловатым налетом. Поверхность местами крошковата, а местами покрыта густой сеткой мелких трещин. Как и на каменных орудиях, на этой керамике, как, впрочем, иногда и на более поздней (гребенчатой), обнаруживаются припаявшиеся железисто-марганцевые стяжения и известковые натеки.

В первые годы моих разведочных работ на Кистрике в центральной части селища (на участках 5 и 6 поля *II* и на поле *III*) разновременно найдены вывернутые из глубоких слоев 6 фрагментов тканевой (текстильной) керамики, принадлежащих 5 различным сосудам.

Действительное значение этого факта раскрылось лишь после обнаружения мной в сел. Псыртсхе (под Ахали-Афони) в июне 1945 г. огромной береговой стоянки с подобной же тканевой керамикой.

В связи с посвященным этому обстоятельству моим докладом в АбНИИ выяснилось, что две такого же рода стоянки открыты еще в 1934 г. под Сухуми (близ пос. Красный Маяк) и в г. Очамчире[2] Л. Н. Соловьевым, датирующим их бронзовым веком.[3]

Не находя возможным оспаривать эту датировку, я, однако, допускаю более ранний возраст кистрикских фрагментов и выдвигаю гипотезу о бытовании тканевых сосудов на перечисленных выше стоянках в едином пережиточном составе с упомянутыми выше хронологически безличными орудиями из гальки. Перечисленные «стоянки» я склонен рассматривать как места культовых празднеств с вековыми наслоениями традиционных сосудов, уничтожавшихся тут же на месте, как и все другие ритуальные принадлежности. Не было бы ничего удивительного,

---

[1] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, Изд. АН Груз. ССР, 1941, стр. 123

[2] Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии, стр. 46—47.

[3] Л. Н. Соловьев. Новые данные о бронзовом веке в Абхазии. Сов. Абхазия, № 4 от 5 I 1947.

если бы раскопки Кистрика подтвердили неотъемлемую принадлежность типа четырехугольных тканевых сосудов к неолитическому комплексу, в силу традиции, так же как и часть орудий из галек, просуществовавших «от Тарденуаза до Кобани».

К древнейшему слою кистрикской керамики присоединяю еще один придонный обломок с гладкой отвесной прямолинейной стенкой и плоским дном, принадлежащий, повидимому, сосуду прямоугольной формы.

Остальная керамика представлена образцами лучшей (даже хорошей) сохранности, вплоть до кусков величиной в 20 × 35 см. Черепки этой категории говорят о большом разнообразии сосудов селища по размерам, форме, сортам глины, примесям к формовочной массе, приемам обработки и т. д. Перед нами следы развития гончарного дела от примитивного мастерства до выработки хороших, крупных сосудов, примерно до 90 см в поперечнике. Толщина стенок, по собранным остаткам, доходит от 0.65 до 1.7 и даже до 2.5 см.

Преобладают, как будто, фрагменты крупных сосудов, притом, судя по уверенности линий и равномерной толщине черепков, на заключительном этапе, быть может, уже сработанных на круге. Отделка поверхностей сосудов разнообразна: имеются образцы отделки гребнем как снаружи, так и изнутри, причем иногда гребнем обработана только внутренняя поверхность, а наружная гладко залощена; иногда же наоборот — внутренняя поверхность заглажена, а следы гребня несет только наружная. Имеется и разделка двусторонняя, сплошная, с использованием гребня для орнаментации путем заглаживания поверхности в елочку, в переплет и т. п. Цвет черепков также разнообразен. Повидимому, наиболее молодой группой для Кистрика является керамика чернолощеная.

У разных сосудов борозды от гребешков различны по ширине; обычные размеры — 7, 4, 3, $^1/_2$ борозды на 1 см. Применялись гребни, дававшие борозды даже в 6 мм шириной. Остатки сосудов гребенчатой техники [1] рассеяны по всему селищу, связаны с общим вещевым его комплексом, и никакие сопутствующие им материальные свидетельства об иных, кроме неолита, эпохах до сих пор на Кистрике не отмечены, хотя к северу и к западу от селища и имелись некоторые находки бронзы III этапа и керамики энеолитического облика.

Среди разнообразных образцов чернолощеной керамики Кистрика обращают на себя внимание крупные крепкие обломки серого или серо-бурого излома, до 2 см толщиной, сплошь обработанные с обеих поверхностей резко профилированным крупнозубчатым гребнем, причем по наружной поверхности сосуда проведены вертикальные, с широкими интервалами, узкие сглаженные полосы. Внутренняя сторона этих обломков светлокрасного или розово-красного оттенков. Места их нахождения связаны с плантажированной почвой. Ни доньев ни венчиков этих крупнейших сосудов пока обнаружить не удалось. По своей сохранности эти обломки несколько отличаются от основной керамики селища.

Кроме того, как было упомянуто, в единственном месте, в так называемом «черном пятне», на поле *IV*, были подняты обломки амфор классической формы и других синхронных им сосудов, датируемых железным наконечником копья.

Таким образом, совокупность наблюдений позволяет нам установить определенное разнообразие керамики селища в хронологическом разрезе; мы вправе выделить особый древнейший слой, связанный с воз-

---

[1] Оговариваюсь, что речь идет не о накалывании, а о заглаживании гребнем.

никновением поселения, и отметить последующий этап в развитии форм сосудов и техники их выделки.

Задача исчерпывающего исследования селища обязывает нас добиться полного представления о всем его гончарном наследстве; осуществить это требование будет, однако, возможно лишь при условии проведения тщательных раскопок с установлением стратиграфии Кистрика. При этом необходимо будет учесть, что многие формы сосудов неолита, удовлетворявшие хозяйственно развивавшуюся общину, могли бытовать и в последующие эпохи.

Изделия из кости на селище являются редкостью. Единственный экземпляр, имеющийся в наших сборах, представлен крупным шилом (табл. XII, *5*).

Судя по значительному развитию кремневой индустрии, и группы резцов, в частности костные изделия, должны были занимать в кистрикских культурных остатках видное место. Между тем в условиях влажных субтропиков кость не сохраняется длительно в открытом грунте, и до нас могут доходить лишь изделия, очутившиеся в исключительной обстановке, способной предохранить материал от разложения.

Следы дерева на Кистрике обнаружены: 1) в виде плоского черного, полуобуглившегося, полуокаменевшего куска, величиной в раскрытую ладонь, тяжеловесного и твердого, как эбонит, и теперь растрескивающегося, и 2) в виде палочки около 12 см длиной, представляющей в сечении квадрат (т. е. четвертую долю более толстой ветви, расщепленной накрест). Палочка полностью окаменела; у одного из концов она имеет охватывающие зарубки как бы для привязывания, сделанные острым кремневым орудием (табл. XII, *4*).

Дерево также должно было играть выдающуюся роль в хозяйстве обитателей селища, а наличие в местной флоре самшита и трудно гниющего тисса дает кое-какую надежду на дальнейшие находки.

Изделия из свинца. Разведки на Кистрике велись мною при напряженном внимании к возможному присутствию следов металла, конечно, меди в первую очередь.

Особое внимание привлекало к себе упомянутое выше «черное пятно» на поле *IV*. Раскоп, размером 130 × 140 см, произведенный мною осенью 1930 г. в западном конце пятна, показал, что чернота почвы доходит до глубины в 80 см.

В восточной части раскопа, на глубине 20—60 см от поверхности, в тесной близости одна от другой обнаружены 22 крупных свинцовых обоймицы. Во всей толще черного слоя попадались черепки разнообразных, характерных для Кистрика сосудов, в том числе и древнейших, кремни и битая галька. Ни по своей насыщенности ни по общему содержанию слои раскопа не отличались от остальных мест селища. Обоймицы, слегка деформированные сдвигами смешанной с камнями почвы, представляют собой, приблизительно, прямоугольные, плющеные пластинки длиной, в среднем, около 98 мм, при ширине около 34 мм. Концы пластинок загнуты на одну сторону до встречи, причем длина загибов в 15—20 мм не всегда выдержана. Толщина пластинок, различная даже в одном куске, колеблется от 3 до 7 мм. Таким образом, просвет обоймицы для ремня или плетеного жгута имеет, приблизительно, 12 мм вышины и около 30 мм ширины. Обоймицы покрыты глубокой патиной и частично видоизменены в результате окислительных процессов. Неравномерность состава свинца, обнаружившаяся отдельными уже вывалившимися «окошечками» (рис. 10), видимо, свидетельствует о холодной обработке материала путем использования рудных самородков или

с близлежащей Дзышры[1] или с Хымцы. Эти обоймицы, являющиеся, вероятнее всего, поясным набором (по аналогии с обоймицами из меди), не были надеты на ремень или жгут в готовом виде, а были загнуты и обжаты ударами на самом ремне. На ряде обоймиц сохранились ясные следы этой грубоватой техники, замечательной тем, что в действии были орудия с очень незначительной ударной поверхностью, имевшей то линейную форму, то форму притупленного острия.

В этом факте мы имеем подтверждение того, что первобытный человек в своем начальном знакомстве с металлом подходил к его обработке с приемами камнеобрабатывающей техники; кузнец, хотя бы и примитивный металлург, никогда бы к свинцу не применил только что описанного приема.

Исчерпывающее заключение об огневом или самородном происхождении свинца в представленных изделиях будет зависеть от предстоящего химико-технологического исследования обоймиц.

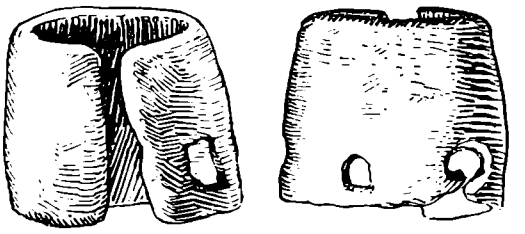


Рис. 10. Свинцовые обоймицы с вывалившимися «окошечками». $^2/_3$ нат. вел.

Присутствие среди шлифованых каменных орудий изделий из свинца ни в какой мере не снижает датировки селища, которое своими материалами уже говорит за себя достаточно убедительно. Наоборот, опираясь на прочную датировку селища, мы, возможно, должны будем несколько изменить свои представления о порядке зарождения примитивной металлургии юго-западного Кавказа, так как исключительная уникальность обоймиц, характер их обработки, древность, свидетельствуемая мощным слоем патины, наконец, невозможность связать их по Кистрику с каким-либо иным вещевым комплексом, утверждают их положение в перечне неолитического инвентаря. Вполне последовательно, что человек неолита начал свое знакомство с металлами с самого мягкого, самого ковкого и самого легкоплавкого из них, перейдя на следующей ступени культурного развития к широкому освоению меди.

Литература по начальной технологии свинца очень невелика. Случаи находок древнейших изделий из свинца малочисленны. В кругу этих фактов обоймицы селища Кистрика, как по обстановке их находки, так и по датировке изделий, должны лечь «свинцовым грузом» на чашу весов в споре о самобытности и древности зарождения металлургии на Кавказе.

Перечень добытого на Кистрике археологического материала заканчиваю упоминанием об остатках отдельных раковин устрицы и мидии, обнаруженных in situ в нескольких местах селища.

***

В подкрепление ориентировочных соображений по относительной датировке селища, основывающихся на уровне развития производительных сил родового коллектива, нам необходимо обратиться к причинам, вызвавшим возникновение и дальнейший хозяйственный рост приморского поселка на ручье Кистрик.

Эти причины, в основном, сводятся:

1. К зарождению новых отраслей хозяйства и необходимости иной расстановки его слагаемых, рассчитанной на лучшее удовлетворение потребностей растущей общины.

[1] По словам проживающего в Гудаутах старого штейгера П. С. Козлова, на Дзышре встречались самородки свинца до кулака величиной.

2. К обусловленному вышесказанным усложнению технических функций родовой общины, с вытекающей отсюда потребностью в орудиях труда, более разнообразных, более многочисленных и лучших в качественном отношении.

3. К тому, что, в силу отсутствия нужных условий и вследствие недостаточности кормовой и сырьевой базы, старое место обитания сделалось непригодным для решения вставших перед родовым коллективом новых задач.

С переселением к берегу моря община получала залежи берегового галечника, т. е. неисчерпаемый сырьевой запас для производства орудий из галек.

Кормовая база усилилась наличием против поселения большой устричной отмели, а также сезонными береговыми перелетами сухопутной и водоплавающей птицы и ходом морской рыбы и дельфина. Открытая береговая полоса способствовала обмену между дальними общинами; к тому же жизнь у моря позволяла людям пользоваться плотом и долбленой лодкой. Выброс штормами на пляж частей сваленных деревьев экономил труд по добыванию топлива. Наконец, немаловажен и вопрос о соли для людей и скота. Ему мало уделено внимания в нашей археологической литературе. Несомнено, в некоторые эпохи он решался на побережье как непосредственным потреблением морской воды, так и выпариванием этой воды в нарочито устроенных на берегу углублениях.

В освоении новой природной и хозяйственной обстановки община подчинялась сезонному ритму трудовых процессов, вызванному примитивными формами земледелия и скотоводства. В развитии их — одна из причин общего ускорения культурно-исторического процесса.

Надо думать, что именно с этого времени стала ощутимой и суровая сила божества моря, понуждавшая общину к умилостивительным обрядам. Так расширялась надстроечная, культовая сторона быта.

В этих же условиях заложено и начало хозяйственной дифференциации родовых общин. Не все родовые коллективы ушли «к морю». Мы вправе ожидать выявления следов и пещерного неолита и следов открытых горных неолитических стоянок, население коих существовало, главным образом, охотой и собирательством. Несомненно, первыми клиентами по обмену для Кистрика были не дальние обладатели обсидиана, а свои же местные общины.

Первые шаги по исследованию и изучению селища знакомят нас с обильным и весьма разнообразным археологическим материалом, и все же у нас нет в руках материала, добытого послойными раскопками, строго хронологизированного, и нет уверенности в том, что типы орудий Кистрика уже представлены исчерпывающе. Тем не менее, сделаем попытку определить лицо древнего поселка на основе уже выявленных данных.

Прежде всего, по развитию ведущего орудия — шлифованного топора — мы можем говорить о длительном существовании селения, о присущем ему большом хронологическом диапазоне. Затем, по облику орудий и местам их залегания, мы можем предположить, что первоначальный поселок был невелик, и до оконтуренных нами границ он разрастался постепенно, параллельно умножению числа членов общины, усложнению техники и, соответственно, нарастанию количества типов орудий.

Доказанными для Кистрика мы можем считать развитое гончарство и примитивное земледелие. По наличию определенных орудий, а также по аналогии с синстадиальными памятниками мы заключаем, что члены Кистрикской общины занимались охотой и рыболовством и освоили начатки животноводства, а также занимались обработкой дерева, кости,

рога и шкур. Нахождение пряслица и следов тканевой (текстильной) керамики позволяет предполагать знакомство кистрян с прядением и ткачеством.

Предельного развития на селище достигала техника обработки кремня (за исключением его шлифовки) и гальки. Люди общины пользовались не только раскалыванием, оббивкой сколами, точечной оббивкой и шлифовкой изделий, но начали применять и сверление и пиление камня (табл. XII, *3*). Мало того, среди материала, добытого на Кистрике в 1941 г. экспедицией АбНИИ под руководством Л. Н. Соловьева, мы видим образчик примитивной глиптики, маленькую таблетку с углубленным изображением магического символа — раскрытой шестипалой руки.

Перед нами картина развитого неолита, при изучении которого, однако, уже намечаются значительные местные отличия.

Прежде всего, неолит Абхазии, как и вообще неолит южных стран, не связан с мегалитами; известно, что местные дольмены относятся к более позднему времени. Инвентарь Кистрика характеризуется разнообразием микролитов, большинство которых ретушировано со спинки. Совершенно отсутствуют пилки-пластинки с лезвиями, обработанными в виде зубцов, и листовидные ножи, копья и стрелы «солютрейской» техники. На селище мы видим остатки развитого гончарства с рано возникшими плоскодонными формами сосудов, при слабо развитом орнаменте.

Кистрикская, вероятно еще матриархальная, община, очутившись в благоприятной природной обстановке, быстро и самобытно продвинулась по пути экономического и культурного развития.

Отмеченные выше местные отличия Кистрикской неолитической культуры, при только сейчас начинающемся изучении неолитических памятников Кавказа, еще не могут быть в должной мере оценены исторически. Мы пока можем только наметить некоторые соображения, которые должны учитываться при такой оценке.

С одной стороны, необходимо помнить о непрерывном существовании человека на данной территории, даже в условиях значительных климатических колебаний, вызванных оледенениями, откуда следует и непрерывность его культурно-исторического развития на древнейших этапах. Это подтверждается обилием палеолитических находок,[1] в данном районе. С другой стороны, в последующем огромное значение имело расположение Кистрикского поселения, а вероятнее широко разбросанной группы подобных приморских поселений, в своего рода коридоре, именно в достаточно узкой части одного из немногих древнейших путей, соединявших области равнинного юго-востока Европы со странами южного Кавказа и Малой Азии.

При определении хронологических дат для родовых коллективов, характеризуемых примером Кистрика, необходимо будет учитывать возможность известного местного выигрыша темпа в культурно-историческом движении, который мог быть самостоятельно достигнут отдельными общинами, вышедшими к морю и являющими для своего этапа картину предельного развития.

Находку столь содержательно представленного берегового неолита в Абхазии можно считать случаем неповторимым. В свое время неолит,

---

[1] С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии. Тр. Инст. Абхазской культуры АН СССР, вып. 10, Сухуми, 1937. — П. П. Ефименко и Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. МИА СССР, II; статья содержит ссылки на 10 сообщений о находках палеолита, сделанных Л. Н. Соловьевым в Абхазии. К этим ссылкам присоединяю факт обнаружения мною в 1941 г. несколько западнее ручья Кистрик и в 40 м выше шоссе, т. е. на уступе III террасы, в обрыве, образованном промоиной, типичного мустьерского остроконечника.

видимо, неплохо был выражен по всему Черноморскому побережью Кавказа, но в силу тектонических смещений, при положительном движении береговой линии, большинство береговых поселений снесено морем. Это подтверждается: 1) наблюдениями, сделанными во время раскопок энеолитического селища у Очамчирского порта, где основной культурный слой оказался лежащим почти на уровне моря или уходящим ниже этого уровня, причем отдельные, более древние культурные прослойки были обнаружены на глубине от 3 до 5 м ниже уровня моря; аналогичное положение отмечено и для г. Сухуми;[1] 2) продолжающимся в наши дни разрушением подступающих к морю террас и 3) находками в разных местах пляжа среди берегового галечника слегка окатанных орудий неолитического типа.

Подкреплением этих доводов служит абхазское сказание о чуть видимом над поверхностью моря, восточнее Гудаут, камне Нагу, ниже которого якобы имеется пещера, в которой когда-то обитали люди.

При всей своей общей недостаточности кистрикский вещевой комплекс по разнообразию орудий из кремня и гальки и наличию среди них форм классического неолита должен занять твердое место в списке древних поселений, обнаруженных на территории современной Абхазии, и приобрести значение опорной точки в вопросе периодизации и датировки неолита и примыкающих к нему эпох по юго-западному Кавказу, а может быть, и более широкой территории.

Значение селища Кистрик особенно велико ввиду того, что на Кавказе периоды исторического развития, соответствующие мезолиту и неолиту, пока почти не известны.[2]

Это значение усиливается тем, что Кистрик — не могильник, а место поселения, хранящее в своих напластованиях материальные следы длительного периода жизни и деятельности древнего родового коллектива.

Полагаю, что сохранившийся еще местами археологический материал селища Кистрик, в своей совокупности состоящий из последовательного ряда качественно изменявшихся вещевых комплексов, сможет дать нам множество указаний о времени, темпах и характере развития матриархальной родовой общины, обитавшей здесь.

Отражая в себе общие законы развития человеческого общества, неолит Кавказа, юго-западного Кавказа в частности, имеет и свои собственные местные черты, исчерпывающее выявление которых само по себе составляет благодарную научную задачу.

Совокупностью всех изложенных соображений определяется значение селища Кистрик как объекта, требующего неотложного исчерпывающего исследования квалифицированными силами.

---

[1] Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии, стр. 14, 21, 22, 46 и др., где отмечаются факты, согласующиеся с приведенной выше геологической характеристикой района Кистрик.

[2] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 1935, стр. 78—79.

Э. Р. РЫГДЫЛОН

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА НИЖНЕ-БЕРЕЗОВСКОЙ СТОЯНКЕ

Около 20 лет тому назад была открыта Нижне-Березовская стоянка вблизи г. Улан-удэ Бурят-Монгольской АССР. Г. П. Сосновский, производивший в 1928 г. разведочные раскопки на стоянке, писал по поводу собранного им материала: «Найденные на Березовской стоянке древние предметы состояли из костяных орудий и обломков глиняной посуды. Инвентарь стоянки близок к комплексу находок поздненеолитических поселений Ангаро-Байкальского района».[1]

Несколько лет тому назад мною вновь были осмотрены берега р. Селенги в том месте, где расположена стоянка — около устья небольшой речки Нижней Березовки, впадающей в Селенгу с правой ее стороны. Берега речки в устье сильно размываются, особенно правый берег. После каждого продолжительного дождя здесь обнажаются все новые и новые древние отложения.

Установлено было, например, что в одном месте, на глубине 1.45 м от поверхности, на протяжении 8.5 м четко обозначился темный культурный слой толщиной 0.08—0.15 м, имевший наибольшую мощность, приблизительно, в середине. Однако часть жилой площади стоянки разрушилась: среди обвалившихся комков земли лежали обломки пережженных камней и фрагменты глиняной посуды.

На месте собрано было более 20 обломков костей животных и значительное число черепков глиняной посуды. По определению зоологов, остатки фауны принадлежат исключительно диким животным: маралу (Cervus canadensis), косуле (Capreolus pygargus).[2]

Среди фаунистических материалов, собранных при раскопках Г. П. Сосновского на стоянке, первое место по обилию остатков занимали кости косули.[3] Интересно отметить, что косуля до сего времени является одним из важнейших промысловых копытных животных у местного населения побережья оз. Байкала. Что касается марала, то его костей не оказалось среди фауны, добытой Г. П. Сосновским. Кроме косули, в его находках были представлены лось, кабан, заяц и благородный олень; из домашних животных — лошадь, длиннорогий бык и собака.

Из обломков глиняного сосуда старшему реставратору ИИМК П. А. Смелову удалось собрать почти полностью верхнюю часть горшка, но дно у этого сосуда, к сожалению, не сохранилось (см. рисунок). Тем

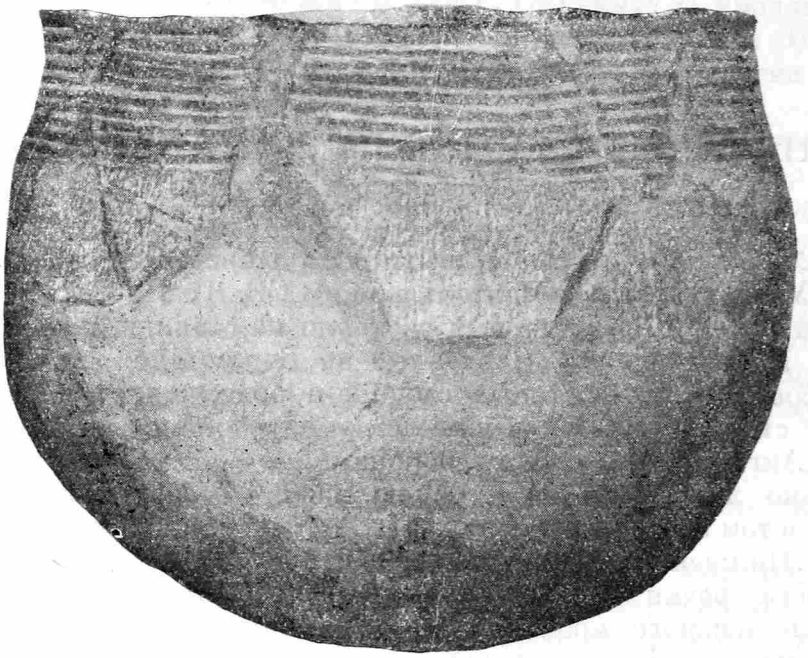
---

[1] Г. П. Сосновский. Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье. ГАИМК, вып. 100, стр. 212.

[2] Кости определил В. В. Карачаровский.

[3] Г. П. Сосновский, ук. соч., стр. 212.

не менее, из отдельных фрагментов все же удалось восстановить низ этого сосуда, имевшего, повидимому, сферическую форму. Хотя эта реконструкция довольно условна, но нам кажется, что форму сосуда опытный реставратор уловил правильно. Как видно по фотографии, горшок имеет немного отогнутый наружу венчик. Верхний край сосуда покрыт вдавленным штамповым орнаментом. На верхней части наружной поверхности сосуда имеется орнамент в виде 10 поясков, нанесенных, пови-



Глиняный сосуд с Нижне-Березовской стоянки (реставрация).

димому, гребенчатым штампом. Процесс орнаментации происходил, однако, уже после того, как вся поверхность сосуда была покрыта мелкими крапинами-ямочками, произведенными путем надавливания предметом с шершавой поверхностью или путем удара остроконечным орудием.

Наиболее вероятным кажется второе предположение, ибо ямочки больше походят на следы удара, чем надавливания. Диаметр сосуда по верхнему краю равняется 28 см.

Описанный сосуд имеет большую ценность, так как дает представление о мало изученной керамике неолитических памятников Забайкалья.

Вместе с тем находки на Нижней Березовке показывают, что нужно спешить с изучением этого памятника, который может дать много нового для выяснения чрезвычайно слабо выявленного каменного века и более поздних этапов исторического прошлого данной области.

Т. М. ДЕВЕЛЬ

ОБОЗРЕНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ СОБРАНИЯ ФОТОАРХИВА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА АН СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фотоархив Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР был основан в 1919 г. в системе вспомогательных учреждений Государственной Академии истории материальной культуры и в 1937 г. при реорганизации Академии в Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР перешел в ведение последнего.

Основным фондом, поступившим в Фотоархив в 1919 г., явилось собрание негативов и фотографий Археологической комиссии. С этого же года начал откладываться фотографический фонд ГАИМК, который из года в год рос, пополняясь за счет экспедиционной и камеральной научно-исследовательской работы Академии, вплоть до ее реорганизации в 1937 г. В этот начальный период своего существования Фотоархив постоянно пополнялся и сторонними поступлениями, особенно в 1919—1925 гг., когда происходила перегруппировка фотособраний в результате ликвидации ряда учреждений дореволюционного времени и предложений частными лицами своих коллекций. В этот период поступают материалы Русского археологического общества, Археологического института, приобретаются коллекции фотографов И. Ф. Чистякова, Н. Г. Матвеева, В. М. Машечкина, реставратора Ф. А. Каликина, архитекторов М. Т. Преображенского, В. В. Суслова, художника А. С. Славцова, археолога Н. Е. Макаренко и др. Следующее усиление притока сторонних поступлений имело место в промежутке между 1927 и 1934 гг., когда происходила частичная реорганизация некоторых учреждений, основанных вскоре после Октября. В этот период поступают коллекции Ленинградской реставрационной мастерской Главнауки, Комитета популяризации художественных изданий, Дворца-музея Шуваловых, Ленинградского Государственного музейного фонда, фотоархивы Н. Я. Марра, А. А. Спицына, Я. И. Смирнова, диатека Б. В. Фармаковского, коллекция Л. А. Мацулевича и многих других. С 1937 г. начал откладываться фонд Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР, ежегодно пополняемый в результате как полевых, так и камеральных работ Института. Сторонние поступления незначительны (коллекции Ленинградского отдела охраны памятников и некоторых сотрудников ИИМК — Н. И. Репникова, А. Л. Якобсона, Г. В. Занковича и др.).

В настоящее время[1] общая численность хранящихся в Фотоархиве материалов свыше 240 000 ед. хранения (из них негативов 114 000, фотографий 116 000 и диапозитивов около 10 000). Полностью обработано около 190 000 ед., для прочего материала имеются ориентировочные описи. Весь обработанный фонд влит в каталоги: авторский, географический и предметный иллюстрированный (последний — для диапозитивов).

Предлагаемое «Обозрение коллекций собрания Фотоархива ИИМК» имеет целью дать общее представление о характере всех хранящихся коллекций. Руководствуясь поставленной задачей, мы сочли возможным включить в «Обозрение» и необработанные коллекции, имеющие лишь ориентировочные описи. Этим в значительной мере обусловливается наблюдаемая бо́льшая или меньшая полнота в характеристике той или другой коллекции. В соответствии с основным профилем ИИМК особое внимание нами было обращено на раскрытие археологического содержания коллекций, а в части археологического материала — на полевые работы, как дающие наиболее ценные документы прошлой жизни обществ. При отборе материала, подлежащего включению в краткое обозрение, мы руководствовались, кроме отмеченного, также полнотой представленного материала, его актуальностью, редкостью снимка и т. д. и отмечали репродукции лишь в случаях ценности самого тематического подбора.

«Обозрение» построено на характеристиках отдельных коллекций. К первому разделу относятся фонды учреждений,[2] ко второму — коллекции частных лиц.[3] Каждая коллекция рассматривается отдельно по каждому виду содержащегося в ней материала (негативы, фотографии, диапозитивы). В характеристиках больших коллекций материал группируется по территориальному признаку.

К «Обозрению» приложены именной и географический указатели.

Часть I

КОЛЛЕКЦИИ УЧРЕЖДЕНИЙ

1. ИМП. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ (1859—1917 гг.); РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ (1918—1919 гг.)

Собрание поступило в 1919 г. как основной фонд Фотоархива. Состоит из негативов (26 662 ед.), фотографий (30 746 ед.) и стереоскопических диапозитивов (244 ед.). Имеются инвентарные описи для большей части негативной коллекции (свыше 23 000 ед.) и меньшей части фотографи-

---

[1] На 1 ноября 1946 г.

[2] Археологической комиссии, Археологического института в Петербурге, Русского археологического общества, Государственной Академии истории материальной культуры, Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР, Комитета популяризации художественных изданий, Ленинградской реставрационной мастерской Главнауки, Ленинградского Государственного музейного фонда, Ленинградского отдела охраны памятников Комитета по делам искусств, Дворца-музея Шуваловых.

[3] Айналова Д. В., Бакланова Н. Б., Бобринского А. А., Давиденко Е. Н., Дойниковой А., Занковича Г. В., Каликина Ф. А., Куна А. Л., Лихачева Н. П., Макаренко Н. Е., Малиновского В. П., Марра Н. Я., Матвеева Н. Г., Мацулевича Л. А., Машечкина В. М., Миллера А. А., Преображенского М. Т., Репникова Н. И., Славцова А. С., Смирнова Я. И., Сосновского Г. П., Спицына А. А., Султанова Н. В., Суслова В. В., Фаберже Г. К., Фармаковского Б. В., Чистякова И. Ф., Шилейко В. К., Шмита Ф. И., Якобсона А. Л. и Библиотеки Мраморного дворца.

ческого собрания (около 6 000 ед.); для прочего материала имеются ориентировочные описи.

Негативы. Коллекция содержит снимки, сделанные в промежутке между 1890 и 1917 гг. Бóльшая часть снимков с вещей произведена фотографом Археологической комиссии И. Ф. Чистяковым (с 1896 по 1917 гг.), снимки 1890—1895 гг. — фотографом Романовичем, С. М. Дудиным и членом Археологической комиссии В. Г. Дружининым. В коллекции представлены следующие основные группы материалов: 1) полевые работы, производившиеся как членами Археологической комиссии, так и местными археологами, обнаруженный раскопками вещевой материал, а также случайные находки, приобретавшиеся Комиссией или поступавшие к ней для определения; 2) работы, связанные с реставрацией памятников архитектуры, монументальной и станковой живописи; 3) материалы, связанные с подготовкой специальных изданий. Первые две группы численно равновелики и вместе составляют бóльшую часть коллекции. Полевые работы в части раскопок представлены преимущественно снимками с находок. Полевых снимков, фиксирующих процесс раскопок, — наперечет. Это — раскопки Б. В. Фармаковского в Ольвии, раскопки Д. В. Милеева в Киеве, П. П. Покрышкина в Овруче. Многолетние работы Н. И. Веселовского представлены небольшой серией полевых снимков, не поддающихся пока точной паспортизации. Представленные на снимках памятники охватывают период времени, начиная с неолита и кончая средневековьем. Материал по палеолиту полностью отсутствует.

I. Полевые работы

А. Европейская часть СССР

1) **Северные и западные** районы (северные и западные области РСФСР, Карело-Финская, Белорусская, Литовская, Эстонская ССР).

Археологический материал незначителен (98 ед.) и представлен снимками с вещей из раскопок (преимущественно курганов, жальников), производившихся в губерниях: Псковской (В. Н. Глазов, 1899—1902 гг.), Петербургской (он же, 1899—1901 гг.; В. А. Городцов и К. Д. Трофимов, 1909 г.; Л. К. Целепи, 1899 г.), Смоленской (Н. И. Булычев, 1893 и 1904 гг.), Минской (В. З. Завитнович, 1892 г.) и Ковенской (И. С. Абрамов, 1909—1910 гг.; В. В. Нагевич, 1905, 1909—1910, 1912 гг.).

Значительно объемнее материал, представленный монументальными памятниками. Материал этот связан в большей своей части с проводившимися под наблюдением Археологической комиссии ремонтно-реставрационными работами в губерниях: Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской (418 ед.), Петербургской (224 ед.), Витебской, Минской, Гродненской, Виленской (139 ед.), а также крупными работами в Новгороде, например в церкви Спас Нередицы (П. П. Покрышкин, 1903—1904 гг. — прекрасные снимки фотографа И. Ф. Чистякова, дающие детальную фиксацию внутренней росписи, 1315 ед.), обследование кремлевских стен (П. П. Покрышкин, 1910 г., 92 ед.) и др. Большой материал имеется и по Пскову (например, серия снимков, 306 ед., 1908—1909 гг. крепостных стен, ряда церквей, Поганкиных палат и др.), а также по Смоленску (1683 ед.) — обследование П. П. Покрышкиным Смоленской крепостной стены в 1908—1910 гг. и 1912—1915 гг. (детальная фиксация памятника).

2) **Центральные** районы (Московская, Калининская, Рязанская, Калужская, Костромская, Горьковская, Владимирская, Ярославская области).

Археологический материал, относящийся к данной территории (284 ед.), представлен снимками с находок из раскопок, производившихся в губерниях: Рязанской (В. А. Городцов, 1890, 1892 и 1898 гг., стоянка Фефелов бор, Борковский могильник), Тамбовской (Н. Е. Макаренко, 1909 г., Томниковский могильник; В. Н. Глазов, 1902 г., Кошибеевский могильник), Калужской (Н. И. Булычев, 1893, 1895, 1898 гг., разные памятники; Ю. Г. Гендуне, 1899 г., городище Дуна и др.), Владимирской (Ю. Г. Гендуне, 1904 и 1908 гг., курганы), Московской (она же, 1901—1903 гг., курганы и городища по р. Вори и др.), Тверской (она же, 1903—1904 гг., курганы и городища в Корчевском у.; Н. Е. Макаренко, 1902 г.; С. А. Гатцук, 1902 г., курганы в Корчевском и Зубцовском уу.; И. П. Крылов и А. П. Шебякин, 1903 г., раскопки старого кремля в г. Старице, репродукции с полевых снимков) и Костромской (В. Н. Глазов, 1908—1909 гг., Сергачский могильник и др.; Н. П. Бекаревич, 1895—1897, 1899, 1902 гг., Ветлужские городища, и др.).

Бо́льший материал для данной территории представлен снимками (4221 ед.), связанными с охраной и исследованиями монументальных памятников. Среди этого материала следует отметить серию снимков (1005 ед.) исследования К. К. Романовым в 1909—1910 гг. Георгиевского собора в Юрьеве Польском (детальная фиксация памятника) и серию снимков (1897 ед.) реставрационных работ Д. В. Милеева (1910—1912 гг.) в Ипатьевском монастыре в Костроме, а также снимков (55 ед.), связанных с обследованием Д. В. Милеевым Макарьевского Желтоводского монастыря (наружные виды и роспись). Имеется материал и по работам, производившимся в Ярославле (319 ед.), например серия прекрасных снимков (279 ед.) фотографа И. Ф. Чистякова 1905 г. наружных видов и росписи церкви Иоанна в Толчкове, а также в Москве (например обследование 1911 г. П. П. Покрышкиным стен и башен Кремля). Менее значителен имеющийся материал по ремонтно-реставрационным работам, производившимся в губерниях: Рязанской (56 ед.), Тамбовской (31 ед.), Тверской (22 ед.), Калужской (16 ед.) и Тульской (4 ед.).

3) **Восточные** районы (Удмуртская авт. обл., Молотовская, Свердловская, Куйбышевская области, Башкирская и Татарская АССР).

Археологический материал (186 ед.) представлен снимками с находок из раскопок, производившихся, главным образом, в Пермской губ. (А. А. Спицын, 1898 г., могильники у деревень Броды и Горбунята Кунгурского у.; Н. Н. Новокрещенных, 1896—1897 гг. и 1899 г., Гляденовское костище и др.; В. Г. Дружинин, 1891—1893 гг., городище у оз. Иртяш; В. Л. Борисов, 1900 г., Харинский и Бурдаковский могильники в Чердынском у.). Имеются также снимки вещевого материала из раскопок в Вятской губ. (А. А. Спицын, 1898 г., Зуевский могильник и др.), Оренбургской (Н. Е. Макаренко, 1903 г., Красногорский курган), Симбирской (В. Н. Поливанов, 1890—1893, 1895, 1898, 1900 гг., Муранский могильник) и Уфимской губ. (В. В. Гольмстен, 1910—1912 гг., «Чортово городище»).

Материал ремонтно-реставрационных работ незначителен (70 ед.) и связан, главным образом, с монументальными памятниками Казани (например кремль) и Свияжска (соборы).

4) **Южные** районы (Воронежская, Курская, Орловская, Саратовская, Сталинградская и Ростовская области и Краснодарский край).

Археологический материал представлен снимками (1316 ед.) с находок из раскопок, производившихся преимущественно в губерниях Воронежской, Орловской, Саратовской и Черноморской и областях Донской и Кубанской. Так, по Воронежской губ. имеются снимки находок из раскопок С. Е. Зверева (1899 г., курганы у с. Мазурки Новохоперского у.); А. А. Спицына (1905 г., курганы у сел. Мастюгино и Боршево); Н. Е. Макаренко (1908—1909 гг., Мастюгино и Маяцкое городище); Н. К. Рериха (1905 г., курганы в Боровском у.); А. Мартиновича (1910—1911 г. «Частые курганы») и др. Небольшой материал, относящийся к раскопкам в Орловской губ., представлен снимками находок С. А. Чугунова (1901 г., в Брянском у.) и В. Р. Апухтина (1902 г., в Болховском у.). Работы, производившиеся в Саратовской губ., отражены в снимках с вещевого материала из раскопок А. А. Спицына (1895 г., курганы в Камышинском у.) и В. Н. Глазова (1909 г., в Аткарском у.).

Значительно богаче представлен материал (748 ед.), связанный с многолетними работами Н. И. Веселовского на Дону (могильник у хут. Недвиговки, 1908—1909 гг.) и, в особенности, на Кубани (с 1894 и по 1915 гг.) — курганные находки из раскопок у ст. Белореченской, Андрюковской, Царской, Ульского аула и др. Как было указано (стр. 291), имеется небольшая серия и полевых снимков (60 ед.) раскопок Н. И. Веселовского на Кубани (предположительно, у ст. Джегутинской, Елизаветинской, Марьевской и др.). Из прочего материала следует отметить снимки находок из раскопок В. В. Шкорпила на Таманском полуострове (1911—1914 гг., 46 ед.), В. Г. Тизенгаузена (1875—1876 гг., Семибратний курган и 1878—1879 гг., Артюхов курган), Д. Е. Фелицина (1888 г., курган Карагодеуашх), В. М. Сысоева (1896 г., курган у ст. Курджипской), Д. Б. Шульца (Келермесский курган), В. В. Саханева (1911—1912 гг., Борисовский могильник близ Геленджика), а также А. А. Миллера на Дону (1908—1911 гг., могильник у ст. Елизаветовской).

Материал, связанный с охраной монументальных памятников на данной территории, незначителен (95 ед.) и отражает мелкие ремонты, производившиеся в губерниях: Орловской (Брянск, Карачев, Быхов), Курской (Путивль, Курск), Воронежской (Большие Липяги, Донская Монастырщина), в Астрахани и областях Донской (Старочеркасский собор) и Кубанской (Сентинский монастырь).

5) **Крым** (Крымская обл.).

Основной материал, относящийся к данной территории, представлен археологическими сериями (1233 ед.), связанными, преимущественно, с раскопками в Керчи (705 ед.), Херсонесе (357 ед.) и Евпатории (83 ед.). Так, по Керчи большую серию снимков (378 ед.) находок дают раскопки В. В. Шкорпила (1902—1914 гг.). Имеется вещевой материал и из раскопок более ранних годов (П. Дюбрюкс, 1831 г., Куль-оба; А. А. Бобринский, 1891 г., и К. Е. Думберг, 1894—1901 гг., в Керчи), дополняемый серией снимков керченских надгробий (114 ед.), поступивших в Керченский музей в 1892—1893 гг., и др. Херсонес представлен находками из раскопок К. К. Костюшко-Валюжинича (1888—1891, 1894—1906 гг., 253 ед.), Р. Х. Лепера (1908—1913 гг., 72 ед.), Н. И. Репникова и М. И. Скубетова (1908 г., 32 ед.). Работы в Евпатории, кроме небольшой серии снимков находок Н. Ф. Романченко (1896—1897 и 1899 гг.), представлены полевыми снимками Л. А. Моисеева (1916—1918 гг., 65 ед.). Прочий материал связан, главным образом, с раскопками Ю. В. Кулаковского (1895—1896 гг., курганы в районе рр. Алмы и Качи), Н. И. Веселовского (1889—1892 гг., курганы близ Симферополя), Н. И. Репникова (1903—1904 гг., могильник Суук-су), Р. Х. Лепера (1913 г., в Мангупе).

Реставрационные работы в Крыму отражены в серии снимков обследования С. С. Некрасовым Бахчисарайского дворца (1913—1915 гг., 209 ед.). Кроме того, имеются материалы (114 ед.) по генуэзским памятникам Феодосии, церквам в Керчи, ханской мечети в Евпатории и др.

6) **Украина** (Украинская ССР).

Археологический материал, относящийся к данной территории, значителен (4918 ед.) и связан с раскопками, производившимися в губерниях: Киевской (А. А. Бобринский, 1901—1913 гг., курганы в Чигиринском и Черкасском уу.; Н. Е. Бранденбург, 1900—1902 гг., курганы в Каневском, Черкасском, Липовецком уу.; Д. В. Милеев, 1908, 1910—1911 и 1914 гг., в самом Киеве — у Десятинной церкви и на других участках города), Харьковской (В. И. Бабенко, 1901, 1903—1904, 1908—1912 гг., могильник у с. Верхнее Салтово), Екатеринославской (И. В. Забелин, 1860 г., Краснокутский курган и 1862—1863 гг., Чертомлыцкий курган; Н. Е. Бранденбург, 1892, 1896 гг., и др.) и Таврической (Н. И. Веселовский, 1891—1897, 1909—1915 гг., курганы в Мелитопольском у., Чмырева могила, Солоха и др.; Ф. А. Браун, 1898 г.; К. Е. Думберг, 1897 г.). Из материалов, относящихся к раскопкам в Херсонской губ., следует, в первую очередь, отметить серию снимков как полевых, так и с находок из раскопок Б. В. Фармаковского (1902—1915 гг., античный город Ольвия, 2905 ед.), а также снимки с вещей, происходящих из Ольвии и приобретенных у местных жителей (153 ед.). Имеются небольшие серии снимков с вещей из раскопок на о. Березани (Г. Л. Скадовский, 1900—1901 гг.; Э. Р. Штерн, 1904—1905, 1908 гг.).

Среди материалов, связанных с ремонтно-реставрационными работами (837 ед.), следует отметить исследование П. П. Покрышкиным (1907—1908 гг.) Васильевского храма в Овруче (137 ед.) и его же работы в Киеве (1909—1912 гг. и 1914 г., церковь Спас на Берестове, 501 ед.). Кроме отмеченных крупных серий, имеется небольшой материал, связанный с охраной памятников в губерниях: Волынской (46 ед.), Полтавской (51 ед.), Киевской (30 ед.), Харьковской (20 ед.), Черниговской (36 ед.) и Бессарабской (крепость Хотин на Днестре).

7) **Северный Кавказ** (Грозненская обл., Кабардинская и Дагестанская АССР).

Археологические работы на Северном Кавказе представлены, в основном, снимками с вещей из раскопок В. И. Долбежева в Дагестанской и Терской областях (между 1887 и 1898 гг., могильники у сел Кая-Кент, Чми, Кобан и др.), И. А. Владимирова (1897—1898 гг., курганы Нальчикского округа), Г. А. Вертепова (1900 г., курганы Грозненского округа) и др.

8. **Закавказье** (Азербайджанская и Грузинская ССР).

Основной археологический материал представлен снимками (108 ед.) находок из раскопок Э. А. Реслера (1894—1901 гг.) и Г. О. Розендорфа (1903 г.) в разных местах Елизаветпольской губ. (могильники близ Елизаветполя, Еленендорфа и др.). Небольшое число снимков имеется с вещевого материала из раскопок Е. С. Такайшвили (1902 г., близ Мцхета) и С. З. Мачавариани (1902 г., могильник у с. Бори Шарапанского у.).

Б. Азиатская часть СССР

1) **Средняя Азия** (Казахская, Узбекская и Туркменская ССР).

Археологический материал незначителен (32 ед.) и ограничивается небольшой серией полевых снимков (24 ед.) поездки

В. В. Бартольда в Туркестан (1904 г., раскопки на Афрасиабе) и снимками находок из раскопок А. А. Козырева и Н. П. Петровского (1901—1905 гг., ур. Кара-агач Акмолинской обл.).

По линии работ, связанных с исследованиями монументальных памятников, следует в первую очередь отметить серию снимков (315 ед.) из поездки Н. И. Веселовского в Самарканд в 1895 г. (мечети и мавзолеи Самарканда). Кроме того, имеются снимки (18 ед.) из поездки В. А. Жуковского в Туркмению (1896 г., Анау, Меана, Мерв) и поездки художника Л. Е. Дмитриева в 1890-х годах в Самарканд и Мерв.

2) **Сибирь** (Красноярский край, Томская, Тюменская области, Якутская АССР и Тувинская авт. обл.).

Археологический материал представлен снимками находок из раскопок ранних лет, производившихся, главным образом, в Енисейской губ. (Д. А. Клеменц, 1888—1890 гг., в Ачинском и Минусинском округах, 8 ед.; П. С. Проскуряков, 1895, 1897, 1899 гг., в Ачинском округе — Айдашинская пещера, курганы у д. Карымской и др., 16 ед.; А. В. Адрианов, 1894—1899, 1902—1903 гг., в Минусинском округе — курганы по р. Тубе, Думная гора, Саргов и др., а также писаницы по рр. Мане и Колбе, 204 ед.). Материалы из раскопок в Томской губ. представлены снимками (21 ед.) находок С. М. Чугунова (1895—1897, 1899 гг., курганы в Томском и Каинском уу., городище на р. Томь) и С. К. Кузнецова (1891, 1896—1897 гг., курганы в Томском у., 18 ед.). Из материалов более поздних лет имеется небольшая серия полевых снимков (15 ед.) из поездки С. Р. Минцлова в Урянхайский край (1914 г., виды могил со стояками, каменные изваяния, наскальные рисунки).

Небольшая группа снимков (30 ед.), связанная с ремонтно-реставрационными работами, производившимися в городах Сибири, содержит материал к делу о сохранении Якутского деревянного острога, башен в Илимске и ряда церквей Тобольска и Тюмени.

В. Зарубежные страны

1) **Польша.** Имеющийся материал представлен, главным образом, работами П. П. Покрышкина по исследованию монументальных памятников в связи с проводившимися реставрационными работами (например обследование в 1909 г. старинных башен в окрестностях Холма, 10 ед.; раскопки 1910 и 1912 гг. на соборной горе в Холме, 22 ед.; материалы к делу о расчистке в 1903 г. стенописи костела в Люблине, 32 ед.; реставрационные работы 1907—1909 гг. в Благовещенской церкви г. Супрасль, 32 ед.; Черский замок и др.).

2) **Румыния.** Серия полевых снимков поездки П. П. Покрышкина в Буковину (1916—1917 гг., 319 ед.) фиксирует архитектурные памятники ряда посещенных местностей (Сучава, Драгомирна, Гумора, Радовица, Воронец и др.).

II. Прочие материалы

Кроме материалов, связанных с полевыми работами (раскопки и реставрации), собрание содержит большое число снимков случайных находок и приобретенных древностей, большею частью изданных в «Отчетах» Археологической комиссии, а также серии снимков Выставок древностей Археологической комиссии за 1891—1896, 1898—1901, 1908, 1910 и 1913 гг., коллекций частных собраний (А. А. Бобринского, Музея Штиг-

лица и др.) и снимки, сделанные для иллюстрации специальных изданий (например.: «Восточное серебро» Я. И. Смирнова, «Русские клады» Н. П. Кондакова, «Античная декоративная живопись на юге России» М. И. Ростовцева, к работам В. В. Латышева и др.). Имеется также небольшое число снимков с рисунков и акварелей, отображающих архитектурные памятники (например альбом рисунков 1866 г. И. Д. Годовикова по псковским памятникам; рисунки и чертежи В. Л. Даля памятников деревянного зодчества Олонецкого края; гравюры по рисункам архитектора М. Казакова с видами Коломны и Москвы; акварели художника М. М. Иванова с видами городов Северного Причерноморья).

Фотографии. Археологический материал слабо представлен в собрании (большая часть снимков является позитивами к вышеописанному негативному фонду). Основа собрания — альбомы, составленные П. П. Покрышкиным и содержащие снимки с памятников архитектуры и церковного художественного ремесла. Сюда вошли фотографии, сделанные им лично во время ежегодных поездок по России, начиная с 1907 и по 1917 гг., по поручению Археологической комиссии, в связи с теми или иными ремонтно-реставрационными работами, а также ряда других исследователей, художников, местных деятелей и известных русских фотографов. По северному деревянному зодчеству выделяются серии снимков художников И. Я. Билибина (1904—1905 гг.) и В. А. Плотникова (1907—1909 гг.), архитектора Д. В. Милеева (1907 г.). Серия снимков фотографа И. Барщевского содержит преимущественно памятники центральных областей, а также Пскова и Новгорода при незначительном числе снимков по Крыму и Кавказу. Серия фотографа Машукова (1890—1903 гг.), кроме памятников центральных областей, фиксирует ряд памятников на территории Украины. Памятники архитектуры Киевщины и Черниговщины представлены в снимках В. М. Щербаковского (1905 г.) и фотографа Н. Ушакова. Архитектура Армении и Грузии представлена, в основном, сериями фотографов Д. И. Ермакова, М. Пагазяна, О. Кюркчяна. В части среднеазиатского материала следует отметить снимки из поездки В. А. Жуковского (1890 и 1896 гг., Мерв, Анау), С. М. Дудина (1905 г., детальная съемка орнаментации мавзолеев Шах-и-зинде в Самарканде), а также снимки ряда русских фотографов конца XIX и начала XX вв. (Г. А. Панкратьева, А. Мишона, В. Ф. Козловского, А. Г. Полякова, Д. И. Ермакова, инженера Н. П. Петровского) и парижского фотографа Надара (Мерв).

В части зарубежного материала надлежит отметить большую серию снимков из путешествия Н. П. Кондакова (1901 г.) в Македонию, снимки, привезенные П. П. Покрышкиным из поездок (1901 г.) в Месемврию (Греция) и в Сербию (1902 г.), памятники Раваницы, Придворицы, Студеницы и др., снимки (1916 г.) Черновицкого университета с памятников архитектуры Буковины. Небольшая коллекция Е. М. Придика содержит фотографии известных заграничных фотографов с памятников античной Греции и Рима, а также по искусству Италии эпохи Возрождения. Довольно полный подбор равеннской мозаики представлен серией фотографа Риччи. Небольшой этнографический материал содержит серия снимков Русской ученой торговой экспедиции в Китай (1874—1875 гг., фотограф А. Э. Боярский).

Диапозитивы. Коллекция стереоскопических диапозитивов, изготовленных с полевых снимков архитектора В. Г. Леонтовича (сопровождавшего П. П. Покрышкина в его поездке в Буковину в 1916—1917 гг.),

содержит как видовые снимки, так и отдельные архитектурные памятники посещенных местностей (Гумора, Сучава, Радовица, Кимполунг, Драгомирна, Воронец и др.).

2. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В ПЕТЕРБУРГЕ
(1877—1923 гг.)

Собрание поступило в 1925 г., состоит из негативов (1557 ед.) и фотографий (51 ед.). Имеется инвентарная опись (на 395 ед.), для прочего материала — ориентировочная опись.

Негативы. Собрание в основном содержит материал по русской палеографии и геральдике (575 ед.); значителен раздел византийской миниатюры, в котором следует отметить серию снимков (281 ед.) миниатюр менелогия Василия II ватиканского собрания, снятых непосредственно с памятника. Археологический материал представлен серией снимков (114 ед.) раскопок Н. Е. Макаренко и В. В. Саханева (1914 г.) Мордвиновского кургана (близ дер. Каховки, УССР). В этой же серии имеются, кроме того, снимки «каменных баб» в Аскания Нова. В части монументальных памятников коллекция содержит снимки, относящиеся предположительно к работам в Успенском соборе во Владимире 1880-х годов (98 ед.). Прочие снимки (около 300 ед.) являются репродукциями с изданий и содержат материалы по русской архитектуре, фреске и прикладному искусству.

Фотографии. Небольшая фотографическая коллекция содержит снимки памятников архитектуры Львова и Кракова.

3. РУССКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПЕТЕРБУРГЕ
(1846—1925 гг.)

Собрание поступило в 1925 г., состоит из негативов (167 ед.), фотографий (861 ед.) и диапозитивов (118 ед.). Имеется инвентарная опись.

Негативы. Небольшое собрание негативов содержит снимки, сделанные фотографом И. Ф. Чистяковым в промежутке между 1900 и 1908 гг. Они в значительной мере использованы в изданиях Общества. По содержанию коллекция, в основном, представляет вещевой материал, добытый раскопками (например, П. А. Путятин, 1880-е годы, Бологовская стоянка; Н. К. Рерих, 1902 г., Боровичский у. Новгородской губ.; В. И. Каменский, 1901—1902 гг., Балахна; В. В. Хвойко, 1893—1899 гг., Кирилловская стоянка и Триполье; Н. И. Репников, Партенит), а также случайные находки и клады. Кроме вещевого материала, коллекция содержит снимки, связанные с исследованием монументальных памятников (кальки В. В. Суслова росписи Георгиевской церкви в Старой Ладоге).

Фотографии. Кроме позитивов к части негативной коллекции, в собрании имеются оригинальные фотографии, связанные преимущественно с полевыми работами и поездками П. А. Путятина (раскопки Бологовской стоянки — видовые снимки, находки, костный материал, 73 ед.; его же поездка в 1905 г. на Международный конгресс по доистории Франции — иллюстрации экскурсии, организованной Конгрессом в район палеолитических местонахождений, 26 ед.). Имеется выборочная серия фотографий (199 ед.) фотографа Д. И. Ермакова — памятники архитектуры и прикладного искусства (в предметах церковного обихода) Грузии и Армении, древности в собрании Кавказского музея. Из прочего материала следует отметить серию снимков (133 ед.), составленную из

иллюстраций археологического и этнографического разделов «Туркестанского альбома» А. Л. Куна (1871—1872 гг.).

Диапозитивы. В коллекции представлен, главным образом, археологический материал, добытый на территории СССР и происходящий из неолитических стоянок (Бологое, Балахна и др.), скифских курганов Украины и Кубани. Значителен подбор иллюстраций по «каменным бабам». Небольшой зарубежный материал представлен памятниками Хорсабада, Куюнджика, а также видовыми снимками ряда городов Азиатской Турции.

4. ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (1919—1937 гг.).

Собрание откладывалось в Фотоархиве в промежутке между 1919 и 1937 гг., состоит из негативов (36 719 ед.), фотографий (27 838 ед.) и диапозитивов (3877 ед.). Имеются инвентарные описи для большей части собрания.

Негативы. В коллекции представлены следующие группы материалов: 1) полевые снимки экспедиций ГАИМК, а также родственных учреждений, в которых участвовали сотрудники ГАИМК; снимки вещевого материала, добытого указанными экспедициями, равно как и снятого в местных музеях; 2) снимки, связанные с камеральными работами, публикацией больших сводных работ и учебных пособий; 3) снимки, связанные с работами Института археологической технологии ГАИМК. По содержанию собрание заключает, в основном, материал по археологии, отчасти этнографии и искусству на территории СССР. Зарубежный материал представлен преимущественно в репродукциях.

I. Полевые работы

А. Европейская часть СССР

1) **Северные и западные** районы (Мурманская, Ленинградская, Вологодская, Новгородская, Псковская области и Карело-Финская ССР).

Археологический материал представлен нижеследующими основными сериями: снимки (20 ед.) Кольской экспедиции 1935 г. (П. Н. Третьяков), обследовавшей прибрежную полосу залива М. Мотка на Рыбачьем полуострове (стоянка «арктического палеолита»); снимки (107 ед.) Свирьской экспедиции 1934 г. (В. И. Равдоникас, раскопки и находки неолитической стоянки у с. Вознесенье на р. Свирь и регистрация памятников по р. Свирь и притокам); снимки (230 ед.) Беломоро-Балтийской экспедиции 1934 г. (раскопки и вещевой материал из неолитических стоянок Вой-Наволок, Медвежьей горы и курганных могильников у с. Челмужского); снимки (353 ед.) Карельской экспедиции 1929—1930 гг., работавшей двумя отрядами: в Видлицком р-не (П. П. Ефименко, палеоэтнологическое обследование и раскопки курганов) и в районе рек Ояти и Сяси (В. И. Равдоникас, раскопки приладожских курганов); снимки (79 ед.) Карельской экспедиции 1935 г. (В. И. Равдоникас, кальки наскальных изображений в районе Онежского озера); снимки (140 ед.) Оленеостровской экспедиции 1936—1937 гг. (В. И. Равдоникас, раскопки неолитического могильника на Оленьем острове, Онежское озеро); снимки (41 ед.) Северо-западной экспедиции 1928 г. (отряд П. Н. Шульца, палеоэтнологическое обследование Гдовского района: курганы, жальники, селища). Работы в Новгороде представлены серией снимков (71 ед.) Новгородской

экспедиции 1932 и 1934 гг. (М. К. Каргер и А. В. Арциховский, раскопки на Славенском холме, вскрытие погребений в церкви Спас на Ковалеве).

Исследования в области древнерусской архитектуры и живописи представлены, в основном, материалами по Пскову и Новгороду. Среди них следует отметить серию снимков (123 ед.) Архитектурной экспедиции 1926—1929 гг. (К. К. Романов), исследовавшей ряд памятников Пскова и ближайших окрестностей (Мелетово, Снятная гора, Выделебье), Псковской экспедиции 1930 г. (К. К. Романов) — раскопки в Псковском кремле, фрески церкви в Мелетове и др. (106 ед.). Памятники архитектуры Новгорода представлены в снимках (28 ед.) из поездки В. А. Богусевича 1930 г., монументальная роспись; в снимках (30 ед.) Новгородской экспедиции 1920 г. (Н. П. Сычев) — фрески церкви Спас на Ковалеве. Из прочего материала данного раздела следует отметить небольшую серию снимков (13 ед.) из поездки В. А. Богусевича 1926 г. в Вологду — живописные иконы Глушицкого монастыря и Вологодского музея. Памятники усадебной архитектуры представлены в серии снимков (106 ед.) Е. Н. Глезер (1925—1927 гг.), произведшей архитектурное обследование Лужского р-на.

2) **Центральные** районы (Московская, Калининская, Ивановская, Тульская, Ярославская и Горьковская области).

Археологический материал представлен работами экспедиции ГАИМК на новостройках. Среди них, в первую очередь, следует отметить материалы Средне-Волжской экспедиции 1933—1934 гг., работавшей в 1933 г. в составе четырех отрядов по археологическому обследованию (частично раскопкам) в Ярославской обл. Серия снимков (134 ед.) I отряда (П. Н. Третьяков) содержит фиксацию памятников разного времени (стоянки, селища, городища, курганы) по рекам Волге (от с. Норского до г. Мологи), Мологе, Яне; снимки (87 ед.) II отряда (М. В. Воеводский) — аналогичные памятники по р. Шексне; снимки (57 ед.) III отряда (А. В. Шмидт) — верховья р. Мологи; снимки (93 ед.) IV отряда (О. Н. Бадер) — по Волге (участок Скнятино—Молога). Материалы той же экспедиции 1934 г. (П. Н. Третьяков) содержат снимки (115 ед.) стационарных работ в районе Ярославля (селище у с. Устье, курганы у с. Воздвиженского на левом берегу Волги). Стационарные работы на городище у дер. Березняки (Рыбинского р-на) представлены серией снимков (69 ед.) Ярославской экспедиции 1935 г. (П. Н. Третьяков). Археологическое обследование на участке Углич—Калязин представлено в серии снимков (63 ед.) Угличской экспедиции 1935 г. (П. Н. Третьяков), фиксирующих памятники разного времени (например, у с. Золоторучье, Греков ручей и др.). Снимки (121 ед.) Верхне-Волжской экспедиции 1936 г. (П. Н. Третьяков) представляют памятники по рекам Яне, Исети и Мологе. Из прочих экспедиций следует отметить большую серию снимков (543 ед.) Московско-Волжской экспедиции 1932—1933 гг. (О. Н. Бадер), проведшей археологическое обследование в районе Волга — Москва; Калужской экспедиции 1935—1936 гг.; снимки (35 ед.) работ 1935 г. (М. М. Герасимов) иллюстрируют обследование памятников по р. Оке (от Калуги до Белева), а снимки (91 ед.) 1936 г. (П. Н. Третьяков) — раскопки на городище XI—XII вв. у дер. Спас (Калужский р-н) и разведку по р. Угре. Окская экспедиция 1934 г. (П. И. Борисковский) представлена снимками (49 ед.) обследования палеолитических стоянок близ Мурома (Карачарово, Елин бор).

Исследования в области изучения древнерусской архитектуры представлены работами К. К. Романова в 1925—1926 и

1929 гг. в Юрьеве Польском (Георгиевский собор, 64 ед.) и Н. Н. Воронина — в 1934 г. во Владимире и Боголюбове (67 ед.), а в 1936 г. в Суздале (раскопки на кремлевской луке и в других пунктах города) и во Владимире (раскопки на территории Детинца, 122 ед.).

Этнографический материал (730 ед.) представлен работами Верхне-Волжской экспедиции 1921—1925 гг. (Д. А. Золотарев) в Ярославской и Калининской обл. (богатый материал по жилищу, сельскому хозяйству, ремеслам, транспорту и проч.).

3) **Восточные** районы (Молотовская, Свердловская, Чкаловская, Куйбышевская области и Башкирская АССР).

Археологический материал представлен многолетними работами (1932—1936 гг.) Камской экспедиции, начавшей свои исследования в Молотовской и Свердловской областях. Серия содержит снимки (646 ед.) археологического обследования (в 1932 г. — А. В. Шмидт, в последующие годы — Н. А. Прокошев) р. Камы у устья Чусовой и самой Чусовой, а также ряда проведенных стационарных работ (например, раскопки неолитических стоянок у хут. Астраханцева, оз. Грязного, Родановского городища, Турбинского могильника и др.).

Исследования в Чкаловской обл. представлены двумя сериями: 1) снимки (73 ед.) Южно-Уральской экспедиции 1933 г. (Б. Н. Граков), проведшей археологическое обследование района р. Урал, выше Чкалова (разновременные памятники в бассейне рек Урала и Суундука, пещеры, стоянки, могильники), и 2) снимки (106 ед.) Орской экспедиции 1936 г. (Г. В. Подгаецкий и К. В. Сальников), фиксирующие раскопки могильника эпохи бронзы и сарматских курганов близ Орска. Небольшая серия снимков (35 ед.) Экспедиции по изучению культур палеолита 1930 г. (П. П. Ефименко) иллюстрирует разведку на палеолит в окрестностях Куйбышева (Постников овраг). Исследования на территории Башкирской АССР представлены в серии снимков (90 ед.) Уральской экспедиции 1928 г. (А. В. Шмидт, раскопки на городище Кара-Абаз и Бахмутинского могильника) и снимками (78 ед.) Уфимской экспедиции 1934 г. (П. А. Дмитриев), проведшей археологическое обследование в направлении Уфа — Ишимбаево и зафиксировавшей разновременные памятники (курганы, стоянки, селища), частью подвергнутые раскопкам (например, стоянка «Баланбаш»). Исследования на территории Чувашской АССР отражены в материалах (147 ед.) палеоэтнологического отряда Средне-Волжской экспедиции 1926—1927 гг. (П. П. Ефименко) — разновременные памятники (селища, городища, курганные могильники) в Ядринском и Чебоксарском р-нах, частично обследованные раскопками (например, Иваньковский могильник и др.).

Этнографические сборы представлены в снимках (63 ед.) этнографического отряда Средне-Волжской экспедиции (1927—1928 гг.), содержащих материал по жилищу, одежде, домашним занятиям чувашей Цивильского, Ядринского и Чебоксарского р-нов.

4) **Южные** районы (Воронежская, Курская, Тамбовская, Сталинградская, Ростовская области, Краснодарский край).

Материалы полевых исследований в Воронежской обл. связаны, главным образом, с изучением палеолитических местонахождений на верхнем Дону (С. Н. Замятнин, 1922 и 1927 гг., раскопки у с. Костенки, 17 ед.; П. П. Ефименко, 1926—1936 гг., с перерывами, там же и у с. Борщево, 407 ед.; разведка С. Н. Замятнина 1933 г. у с. Шубное Острогожского р-на, 36 ед.). Из прочего материала следует отметить снимки архео-

логического отряда Юго-восточной экспедиции 1928—1929 гг. (П. П. Ефименко), фиксирующие раскопки раннеславянских городищ и курганов у с. Боршево (117 ед.) и серию снимков (47 ед.) Воронежской экспедиции 1936 г. (Г. В. Подгаецкий), обследовавшей поселения предскифской поры на левом берегу р. Воронеж. Имеется небольшой материал, относящийся к работам в Курской и Тамбовской областях (например, снимки, 145 ед., Оскольской экспедиции 1934 г. — раскопки поселения у с. Лукьяновки, обследование курганов по р. Осколу или снимки, 41 ед., раскопок С. Н. Замятниным и П. П. Ивановым в 1930 г. могильника IX в. близ Моршанска и могильника XVI в. у с. Татаново Тамбовского р-на). Из материалов, относящихся к работам в Ростовской обл., следует, в первую очередь, отметить серию снимков (133 ед.) Северо-Кавказской экспедиции 1924—1928 гг. (А. А. Миллер) на Дону (Кобяково городище, Гниловское, Потайновское, Елизаветовское и др.); серию снимков (204 ед.) Манычской экспедиции 1933—1935 гг. (В. В. Гольмстен и М. И. Артамонов); снимки (494 ед.) Саркелской экспедиции 1934—1936 гг. (М. И. Артамонов, раскопки хазарского городища и курганного могильника у ст. Цымлянской на Дону). Исследования на территории Краснодарского края отражены в серии снимков (53 ед.) раскопок С. Н. Замятниным (1926 и 1928 гг.) Ильской палеолитической стоянки и в серии (624 ед.) Таманской экспедиции 1930—1931 гг. (раскопки городища у ст. Таманской и крепости древней Фанагории у ст. Сенной). Небольшая серия снимков (33 ед.) из поездки А. А. Иессена (1938 г.) на р. Белую дает регистрацию обследованных памятников (курганы, городища, долмены). Исследования на территории Сталинградской обл. представлены материалами (86 ед.) Донской экспедиции 1932 г. (М. И. Артамонов, раскопки поселения у хут. Ляпичева на р. Царице-Донской). Прочие материалы связаны с предпринятым археологическим обследованием территории между Волгой и Доном. Таковы, например, серия снимков (128 ед.) Волго-Донской экспедиции 1929 г. (А. А. Иессен и М. И. Артамонов) и снимки (150 ед.) той же экспедиции 1934 г., работавшей в составе трех отрядов: I отряд (Б. Б. Пиотровский) обследовал памятники по р. Дону, от ст. Магулинской до г. Серафимовича, и нижнее течение р. Хопра (стоянки, поселения); II отряд (Г. В. Подгаецкий) — от г. Серафимовича до ст. Голубинской (курганы, поселения поздней бронзы); III отряд (М. А. Миллер) — в бассейне рек Червленной, Карповки, Царицы-Донской до хут. Ляпичева (курганы).

Этнографический материал имеется по Воронежской обл. — сборы Юго-восточной экспедиции 1926—1927 гг., работавшей двумя отрядами в Острогожском и Нижнедевицком р-нах (Н. А. Гринкова и Е. Э. Бломквист, 386 ед.) и в Бобровском р-не (С. А. Еремин, 98 ед.). Коллекция содержит материал по жилищу, хозяйственным постройкам, строительной технике, сельскому хозяйству, одежде и др. Небольшая серия снимков (25 ед.) из поездки Л. И. Песселеп в 1925 г. в Задонский р-н дает, главным образом, материал по жилищу и прочим строениям.

5) **Крым** (Крымская обл.).

Археологический материал связан с исследованием памятников античного периода и средневековья. Так, большая серия снимков (1414 ед.) Керченской экспедиции 1933—1934 гг. (Л. М. Славин) и 1935—1936 гг. (В. Ф. Гайдукевич) иллюстрирует раскопки античных городов Мирмекия и Тиритаки близ Керчи. Исследования на месте античного Каркинита представлены серией снимков (51 ед.) раскопок Л. А. Моисеева 1929 г. близ Евпатории. Серия снимков (126 ед.) Евпаторийской экспедиции 1933—1934 гг. (П. Н. Шульц) фиксирует памятники античного периода на Тарханкутском полуострове (городища и курганы).

Большой материал по «местной керамике» и скульптуре того же периода содержат снимки (105 ед.), сделанные П. Н. Шульцем в 1928—1929 и 1932—1933 гг. в местных музеях (Керчи, Херсонеса, Евпатории, Симферополя, Феодосии). Исследования средневекового Крыма представлены большой серией снимков (1106 ед.) многолетних работ Н. И. Репникова (1928—1936 гг.) в Эски-кермене и окрестностях. Снимки (106 ед.) Феодосийской экспедиции 1935 г. (В. В. Данилевский) фиксируют археологическое обследование и раскопки на Тепе-оба и в балке Джан-кутаран (Феодосийского района), предпринятые в связи с исследованием древнего водоснабжения Феодосии. Материалы Крымской экспедиции 1935 г. (В. В. Данилевский) содержат иллюстрации (114 ед.) произведенного обследования военно-инженерных сооружений средневекового Крыма (в Феодосии, Судаке, Эски-кермене, Мангупе и др.). Большой материал по генуэзским памятникам Крыма содержат серии снимков (104 ед.) из поездок Е. Ч. Скржинской в 1925—1926 гг. в Крым (памятники Судака, Балаклавы, Феодосии и др.) и Судакской экспедиции 1928—1929 гг. (Ю. В. Готье, Е. Ч. Скржинская, М. А. Тиханова — раскопки и детальная фиксация Судакской крепости, 485 ед.). Из прочего материала следует отметить две небольшие серии снимков (49 ед.), связанных с работами М. А. Тихановой (церковь Иоанна в Керчи и раннехристианские надгробия Керченского музея, снимки Е. Ч. Скржинской 1925 г.) и Н. В. Измайловой (38 ед., херсонесские мозаики, капители и другие древности Херсонесского музея).

Небольшой этнографический материал содержат снимки (47 ед.) из поездки А. Н. Бернштама в Крым в 1930 г. (строительная техника степных районов).

6) **Украина** (Украинская ССР).

Основной материал, относящийся к данной территории, связан с исследованием памятников античного времени. Так, серия снимков (1700 ед.) Ольвийской экспедиции 1924—1926 гг. (Б. В. Фармаковский) и 1927—1930, 1931 гг. (И. И. Мещанинов) фиксирует раскопки античного города Ольвии на р. Буге. Материалы той же экспедиции 1935—1936 гг. (Л. М. Славин) представлены снимками (426 ед.) с находок и лишь выборочной группой репродукций с полевых фотографий. Снимки из поездок П. Н. Шульца (1929 и 1930 гг.) для работы в музеях содержат материал по «местной» скульптуре, керамике, орудиям производства античного периода в музеях Одессы, Николаева, Херсона, Первомайска (115 ед.).

Из прочего материала следует отметить снимки (68 ед.) из поездки А. Л. Якобсона на Украину (1931 г., — обследование земляных городищ по маршруту Белгородка—Васильков—Звонковая—Плисецкое—Вышгород) и экспонаты Выставки работ Археологического комитета УАН 1931 г. в Киеве.

7) **Северный Кавказ** (Грозненская обл., Кабардинская, Северо-Осетинская, Дагестанская АССР, Орджоникидзевский край).

Археологические исследования в Кабардинской АССР представлены серией снимков (345 ед.) Северо-Кавказской экспедиции 1924, 1929—1930, 1932—1933 гг. (А. А. Миллер, раскопки курганов и поселений эпохи бронзы в окрестностях Нальчика, древности Нальчикского музея). Серия снимков (155 ед.) отряда той же экспедиции 1933 г. (А. А. Иессен) фиксирует обследованные памятники в бассейне рек Баксан и Чегем (места древних укреплений, добычи руды, плавильни), а серия (95 ед.) Баксанского отряда (Б. Е. Деген-Ковалевский) — обследованные памятники на р. Баксан (городища, курганные могильники). Аналогичные памятники в районе Сеюково

и Гунделин представлены на снимках (116 ед.) Баксанской экспедиции 1934 г. (А. А. Иессен). Исследования на территории Северо-Осетинской АССР и Грозненской обл. представлены снимками (370 ед.) Терской экспедиции 1934—1935 гг. (А. П. Круглов), проведшей археологическое обследование в долине р. Терек (от ст. Сиверaут Военно-Грузинской дороги до ст. Балта), и разведку в районе Кобани (склепы, каменные ящики); снимками (106 ед.) экспедиции 1936 г. (А. П. Круглов, археологическое обследование в долине рек Аргун и Терек); снимками (59 ед.) из поездки Н. Ф. Яковлева и Е. М. Шиллинга в 1921 г. (оборонительные и культовые сооружения). Небольшая серия снимков (59 ед.) из поездки А. А. Миллера в 1923 и 1928 гг. в горную Осетию содержит обследование дзуара Реком, а также ряда надгробных сооружений. Работы на территории Дагестанской АССР отражены в небольшой серии снимков (19 ед.) поездки А. А. Иессена в 1933 г. на р. Сулак (археологическое обследование) и снимки (36 ед.) Дагестанской экспедиции 1936 г. (М. И. Артамонов), произведшей обследование Дербентских стен. Из прочего материала по Северному Кавказу следует отметить снимки (47 ед.) разведки А. А. Иессена (1929 г.) в районе Пятигорска и раскопок, произведенных Моздокской экспедицией 1935 г. (М. А. Миллер) и 1936 г. (Б. Б. Пиотровский) в районе ст. Моздок (курганный могильник, 143 ед.).

8) **Закавказье** (Армянская и Грузинская ССР). Материалы, относящиеся к территории Армянской ССР, связаны с исследованием архитектурных памятников. Так, серия снимков (200 ед.) из поездки Б. Б. Пиотровского и Л. Т. Гюзаляна в 1930 г. фиксирует, главным образом, древние крепостные сооружения Армении (Хаджи-халил, Кырх-дагерман, Хором, Согутлю, Адиаман и др.). Церковное зодчество представлено в серии снимков (48 ед.) из поездки Н. М. Токарского 1923 г., посетившего Севан, Птгни, Норадуз, Вагаршапат, Быджни, Егварт, Ацтарак, Звартноц, Аван. Памятники архитектуры как в общих видах, так и в деталях богато представлены в серии снимков (390 ед.) из поездки И. А. Орбели 1929 г. (Анберд, Гарни, Егварт, Птгни, Ереруйк, Дарачичаг, Севан и др.).

Материалы, относящиеся к территории Грузинской ССР, представлены снимками (140 ед.) Сухумской экспедиции 1935 г. (А. А. Иессен), обследовавшей памятники Абхазии эпохи бронзы и средневековья. Небольшая серия снимков (13 ед.) Б. Е. Деген-Ковалевского 1930 г. из Верхней Свании содержит находки из Шхибарской железоплавильни в общине Чубар.

Б. Азиатская часть СССР

1) **Средняя Азия** (Узбекская, Туркменская, Казахская и Киргизская ССР).

Археологические исследования на территории Узбекской ССР представлены снимками (584 ед.) работ Б. А. Латынина 1930, 1933—1934 гг. в Фергане. Серия содержит снимки обследованных памятников (тепе, городище домусульманского периода) в Кызыл-ярской и Уч-курганской степях (район ст. Кугай и Хакулабад). Исследования в области средневековой архитектуры представлены серией снимков (446 ед.) из поездки А. П. Удаленкова в Самарканд 1921 г. (детальная съемка мавзолеев Шах-и-зинде) и из поездки А. Ю. Якубовского 1926 г. (памятники Шахрисябза и Бухары). Архитектурные серии имеются и в материалах, относящихся к Туркменской ССР. Так, серия Хорезмской

экспедиции 1928—1929 гг. (А. Ю. Якубовский) содержит снимки (229 ед.) памятников Куня-ургенча и др., снимки (72 ед.) из поездки Н. М. Бачинского 1936 г. (памятники Анау, Мерва, Несы). По Казахстану — снимки (122 ед.) Нуринской экспедиции 1933 г. фиксируют археологическое обследование территории совхоза «Гигант» (Караганда) — курганы, могильники, поселения разного времени; материалы (489 ед.) Казахстанской экспедиции 1936 г. (А. Н. Бернштам) — раскопки древнего города Тараза (на месте нынешнего Джамбула) и разведку в районе Таласской долины; материалы (161 ед.) Калба-нарымского отряда (С. С. Черников) Казахстанской экспедиции 1935 г. — обследование древних выработок в районе Калбинского и Нарымского хребтов (верховье Иртыша). Небольшой материал, относящийся к работам в Киргизской ССР, представлен снимками из поездок А. Ю. Якубовского 1927 г. (Узгенские мавзолеи).

Небольшой этнографический материал имеется в снимках (123 ед.) из поездки А. Н. Бернштама 1930 г. в Туркмению (жилище, производства, типы теке и нухурцев).

2) **Сибирь** (Красноярский и Алтайский края, Иркутская обл., Бурято-Монгольская АССР).

Материалы, относящиеся к территории Западной Сибири, связаны с работами Г. П. Сосновского 1927—1928 гг. (раскопки Кокоревской палеолитической стоянки на р. Енисее, могильник Андроновской культуры в Хакасской авт. обл. и др.) и 1936 г. (палеолитическая стоянка у с. Сростки на р. Катуни, Алтайский край). Серия снимков (44 ед.) Саяно-Алтайской экспедиции 1935 г. (С. В. Киселев) содержит иллюстрации исследованных курганов эпохи бронзы и позднекочевнических от г. Бийска до с. Кош-агач. Геологическое обследование бассейна рек Оби, Черной и Югана дает серия снимков (160 ед.) Юганской геологической экспедиции 1929—1930 гг. (В. И. Громов). Более значителен имеющийся материал по Восточной Сибири. Здесь, в первую очередь, следует отметить снимки (316 ед.) раскопок палеолитической стоянки Мальта близ Иркутска (М. М. Герасимов, 1928—1929 гг., он же и С. Н. Замятнин, 1932 г., и М. М. Герасимов и Г. П. Сосновский, 1934 г.). Имеется материал (112 ед.), связанный с археологическим обследованием 1929—1936 гг. А. П. Окладниковым нижнего течения р. Ангары и верховья р. Лены (неолит и эпоха бронзы), и снимки полевых работ в Бурято-Монгольской АССР, например археологическое обследование М. М. Герасимовым в 1936 г. нижнего течения р. Селенги (погребения эпохи неолита и позднего железа), раскопки Г. П. Сосновского 1928—1929 гг. в районах Кяхты и Улан-Удэ (могильники, курганы, городища); поездка Э. Р. Рыгдылона 1936 г., исследовавшего ряд разновременных памятников в Хоринском районе, в районе Улан-Удэ и р. Селенги (плиточные могилы, херексуры, писаницы).

Материалы поездки Э. Р. Рыгдылона 1935 г. представлены небольшой серией снимков (10 ед.) инвентаря шаманского погребения XVII—XVIII вв. в м. Ацагат Хоринского р-на.

Этнографический материал по орочонам содержит серия снимков (166 ед.) Амурской экспедиции 1933 г. (К. Г. Болтенко).

В. Зарубежные страны

Полевые работы в Монголии представлены двумя сериями: 1) снимки (278 ед.) находок из раскопок П. К. Козлова 1924—1925 гг. в Ноин-Уланских горах и 2) снимки (334 ед.) Монгольской экспедиции 1925—1926 гг., проведшей обследование археологических памятников по среднему течению р. Толы (могильники, писаницы, каменные изваяния).

Кроме того, серия содержит небольшой материал по деревянным постройкам и резьбе в Улан-Баторе.

II. Камеральные исследования и подготовка публикаций сводных коллективных трудов и учебных пособий

Среди материалов данного раздела следует отметить коллекцию снимков (446 ед.) с миниатюр, связанных с исследованиями Н. В. Малицкого (греч. Евангелие, №№ 21, 105, 118, и др. собрания Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, греческой Хлудовской псалтыри собрания ГИМ), Д. В. Айналова (русская летопись Георгия Амартола собрания Загорского музея), Е. И. Реу-Полетаевой (Лицевой летописный свод собрания Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Житие Евстафия Плакиды Ростовского музея), Ф. А. Розенберга и В. В. Эбермана (миниатюры арабских и персидских рукописей ленинградских собраний). Имеется небольшой материал (45 ед.) и по французской миниатюре XVI в. (часослов Marie Carnivet собрания Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина). Большую серию образуют снимки (573 ед.), связанные с подготовкой общего свода античных ваз в собраниях СССР. Серия содержит воспроизведения ваз собрания Гос. Эрмитажа. Из прочего материала следует отметить ряд серий, образовавшихся в результате работ ГАИМК по составлению учебных пособий по древней истории для вузов. Входящие в эти серии снимки являются, в большинстве, репродукциями с изданий. Имеются серии по истории первобытного общества (424 ед.), по истории античного мира (447 ед.) — Древний Восток, Греция, Рим, — дополняемая специальной коллекцией (685 ед.) по истории материального производства античного мира, а также серия (274 ед.) по истории техники западноевропейского феодализма и др.

III. Работы Института археологической технологии

Снимки (393 ед.) камеральных работ Института содержат материал, связанный, главным образом, с исследованиями в области реставрации и консервации (тканей, керамики, живописи, мозаики, металла), исследований причин разрушений (книжные вредители, болезни металлов) и др.

Фотографии. Бóльшая часть фотографического собрания состоит из позитивов к негативному фонду. Оригинальных фотографий немного. Они поступали как иллюстрации к представлявшимся отчетам о полевых работах или в порядке приобретения и обмена. В бóльшей своей части эти фотографии содержат материал по археологии СССР, зарубежный материал — незначительный.

А. Европейская часть СССР

1) **Северные и западные районы.**

Основной материал связан с обследованием и учетом архитектурных памятников; например, снимки (81 ед.) из поездки В. К. Макарова в Череповецкий округ в 1929 г. (каменное и деревянное зодчество), из поездки Ф. М. Морозова в 1928 г. в Карелию (северное деревянное зодчество, 54 ед.), из его же поездки в 1925 г. по Ленинградской области (памятники усадебного быта, 157 ед.). Имеется также неполная серия снимков (56 ед.) раскопок А. В. Арциховского в Новгороде, в 1936 г.

2) **Центральные и восточные районы.**

Имеется серия выборочных снимков (18 ед.) раскопок Д. А. Крайнова 1934 г. в Тутаевском р-не Ярославской обл. (Вауловский могильник) и А. П. Смирнова 1935 г. (60 ед.) — раскопки древнего городища Сувар, Кузнечихинского р-на Татарской АССР.

3) **Южные районы.**

По Краснодарскому краю имеется небольшая серия снимков (17 ед.) раскопок М. В. Покровским в 1936 г. могильника у ст. Усть-Лабинской на Кубани. Значительнее материал по Крыму. Исследования палеолитической стоянки в навесе Шан-коба (Байдарская долина) представлены в серии полевых снимков (68 ед.) С. Н. Бибикова 1936 г. Большую серию (727 ед.) дают исследования Г. Д. Белова в 1931—1932 и 1936 гг. в Херсонесе. Памятники античного периода в районе Керчи представлены в небольшой серии фотографий 1890-х годов Е. Ф. Кеппеля (43 ед.). Основной материал, относящийся к Украине, представлен полевыми снимками Ольвийской экспедиции 1935—1936 гг. (Л. М. Славин), приобретающими особую ценность вследствие гибели негативов.

Б. Азиатская часть СССР

1) **Средняя Азия.**

Материалы данного раздела представлены снимками архитектурных памятников. Так, серия снимков (71 ед.) из поездки проф. Кон-Винера в 1926 г. содержит памятники Кассана, Узгена, Самарканда, Бухары и Анау; снимки из поездки А. Ю. Якубовского в 1929 г. (69 ед.) показывают памятники Мерва; снимки Н. М. Бачинского около 1935 г. — памятники г. Туркестана, Бухары, Вабкента.

2) **Сибирь.**

Из материалов по Сибири следует отметить небольшую серию снимков (33 ед.) с негативов Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова (погребальные сооружения и каменные изваяния).

В. Зарубежные страны

Небольшой зарубежный материал представлен преимущественно снимками с древностей из собраний различных музеев: Моравского земского музея в Брно (керамика и каменные орудия из поселений с линеарной и расписной керамикой в Моравии, 30 ед.), Музея естественной истории в Вене (древности из Эрёжда и Шипениц, 26 ед.), Венгерского Национального музея в Будапеште (находки из раскопок д-ра Феттиха в м. Szebény в 1935 г., 9 ед.), Доисторического отдела Государственного музея в Берлине (керамика Венгрии, Румынии, Испании и др., 27 ед.). Фотографии Доисторического института Венского университета, наряду с находками 1927 г. из свайных поселений у м. Зее на Мондском оз., содержат виды местонахождений энеолитических стоянок в данном районе (65 ед.). Из прочего материала следует отметить альбом снимков русских монет собрания герцога Брауншвейгского в Вольфенбюттеле (209 ед.).

Диапозитивы. Собрание диапозитивов образовалось в результате докладов, читанных сотрудниками ГАИМК на общих собраниях и в Разрядах Академии, а также в результате выездных лекций сотрудников в разных учреждениях Ленинграда и области. Собрание содержит материал по археологии и искусству на территории СССР и зарубежных стран. Численно выделяются серии по первобытному обществу (492 ед., к докладам Б. Л. Богаевского, С. Н. Замятнина,

П. И. Борисковского, Г. А. Бонч-Осмоловского, П. П. Ефименко и др.) и античности (650 ед., к докладам Б. В. Фармаковского, О. Ф. Вальдгауэра, Б. Л. Богаевского, А. Н. Зографа, П. Н. Шульца и др.). Имеется материал по древнерусской архитектуре и монументальной живописи (282 ед., к докладам К. К. Романова, Н. Н. Воронина, Е. Н. Глезер, В. А. Богусевича и др.), по архитектуре Средней Азии (161 ед., к докладам А. П. Удаленкова, А. Ю. Якубовского, Н. Б. Бакланова). Кроме того, в собрании имеется небольшой этнографический материал (156 ед., к докладам Д. А. Золотарева, Е. Э. Бломквист, Н. А. Гринковой, А. Н. Бернштама и др.).

5. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА АН СССР

(В системе учреждений АН СССР с 1937 г.)

Фонд начал образовываться в 1937 г. и ежегодно пополнялся. Состоит из негативов (13 914 ед.), фотографий (15 340 ед.) и диапозитивов (521 ед.). Бо́льшая часть собрания имеет инвентарные описи.

Негативы. В собрании представлены: 1) полевые работы ИИМК и родственных учреждений, в которых участвовали сотрудники ИИМК, а также вещевой материал, добытый в результате данных работ и снятый в местных музеях, 2) камеральные работы ИИМК, связанные преимущественно с подготовкой сводных коллективных трудов. Что касается первой группы материалов, следует здесь же отметить, что имеющиеся серии снимков не отражают полностью полевой работы Института.

Полевая фотофиксация ряда экспедиций, проводившихся совместно с другими учреждениями, поступала на хранение к последним (например негативы Ольвийской экспедиции — в Археологический институт УАН; негативы Казахстанской экспедиции — в Институт археологии и этнографии Казахской АН и т. д.).

I. Полевые работы

А. Европейская часть СССР

1) **Северные и западные** районы (Ленинградская обл., Карело-Финская ССР).

Материал, относящийся к данному разделу, незначителен. Имеются полевые снимки (36 ед.) Оленеостровской экспедиции 1938 г. (В. И. Равдоникас) — продолжение работ 1936—1937 гг. (см. фонд ГАИМК), снимки вещевого материала из раскопок Н. Н. Гуриной в 1938—1939 гг. неолитических стоянок в Медвежьегорском р-не (39 ед.), далеко неполный материал полевых снимков, находок и чертежей Старо-Ладожской экспедиции 1938, 1940 гг. (В. И. Равдоникас).

2) **Центральные** районы (Калининская, Ярославская, Владимирская, Горьковская области).

Материалы Верхне-Волжской экспедиции 1937—1938 гг. (П. Н. Третьяков), продолжавшей начатые в 1936 г. работы (см. фонд ГАИМК) в Калининской и Ярославской областях, содержат снимки (150 ед.) обследованных и, частично, раскопанных разновременных памятников (например, городища у деревень Городок, Скнятино, курганный могильник у дер. Новоселки и др.). Серия полевых снимков (176 ед.) работ

Я. В. Станкевич (1938—1939 гг.) в Ярославской области иллюстрирует раскопки Михайловского и Тимеревского могильников. Исследования в области русской архитектуры представлены многолетними работами Н. Н. Воронина: в Боголюбове (1937—1938 гг., раскопки дворца и собора, 144 ед.), во Владимире (1937—1938 гг., раскопки Детинца, разведка во Владимирском и Собиновском р-нах, 144 ед.) и ряде других городов (Суздале, Горьком, Переяславе и Ярославле) в 1939—1940 гг. (198 ед.).

3) **Восточные** районы (Свердловская и Молотовская области).

Материалы данного раздела связаны, главным образом, с исследованиями Н. А. Прокошева. Так, имеются снимки (199 ед.) Камской экспедиции 1937 г., продолжавшей начатые в 1933—1936 гг. работы в Свердловской и Молотовской областях (см. фонд ГАИМК). Снимки отражают как стационарные работы (раскопки Концегорского селища, стоянки у оз. Грязное и др.), так и обследование пещер по р. Чусовой (от дер. Кашки до г. Чусового).

Серия снимков из поездки Н. А. Прокошева (1938—1940 гг.) содержит: 1) вещевой материал, снятый им в музеях Кирова, Свердловска, Горького, Молотова (57 ед.), 2) раскопки М. В. Талицкого 1939 г. Островской стоянки на правом берегу р. Чусовой (33 ед.) и 3) археологическое обследование Н. А. Прокошевым памятников по р. Чусовой в 1940 г. (19 ед.).

4) **Южные** районы (Воронежская, Ростовская области, Краснодарский край).

Материалы, относящиеся к Воронежской обл., связаны с продолжением ранее начатых исследований (см. фонд ГАИМК) палеолитических местонахождений в районе с. Костенки. Так, снимки Костенковской экспедиции 1937—1938 гг. содержат фиксацию раскопок П. П. Ефименко Тельманской стоянки (77 ед.) и раскопок А. Н. Рогачевым стоянки Костенки IV (407 ед.). Исследования в Ростовской обл. представлены снимками Манычской экспедиции 1937 г. (Г. В. Подгаецкий, раскопки курганов у хут. Веселого, 123 ед.) и Саркелской экспедиции 1939 г. (И. И. Ляпушкин, раскопки правобережного городища VIII—IX вв. у ст. Цымлянской на Дону, 179 ед.). Материалы Черноморской палеолитической экспедиции 1937—1938 гг. (С. Н. Замятнин) содержат снимки раскопок в Ахштырской пещере Адлеровского района (46 ед.).

5) **Крым** (Крымская обл).

Исследования памятников античного периода представлены снимками (810 ед.) Боспорской экспедиции 1937—1940 и 1946 гг. (В. Ф. Гайдукевич), продолжавшей ранее начатые раскопки (см. фонд ГАИМК) античных городов Тиритаки и Мирмекия близ Керчи. Исследования памятников средневекового Крыма представлены в следующих сериях: снимки (224 ед.) Эски-кермен кой экспедиции 1937 г. (Н. И. Репников), продолжавшей ранее начатые работы (см. фонд ГАИМК); Инкерманской экспедиции того же года (Н. И. Репников, оборонительные сооружения, пещерный город, 210 ед.); Крымской экспедиции 1940 г. (Н. И. Репников, пещерные города Чуфут-кале, Тепе-кермен, бахчисарайские дюрбе, 235 ед.); Мангупской экспедиции 1938 г. (в части работ М. А. Тихановой и А. Л. Якобсона, раскопки базилики и дворца в Мангупе, 385 ед.).

6) **Украина** (Украинская ССР).

Материалы полевых работ в северных районах Украины представлены снимками (67 ед.) Деснинской экспедиции 1939 г. в части: 1) раскопок П. И. Борисковским палеолитической стоянки Пушкари

на р. Десне в окрестностях Новгорода-Северского и 2) археологического обследования Г. В. Подгаецким правобережья р. Десны в том же районе (стоянки и поселения). Материалы (51 ед.) Днепровской экспедиции 1940 г. содержат снимки раскопок И. И. Ляпушкина на «Городище» в с. Опошня (Полтавская обл.) и Я. В. Станкевич на Мотыженском городище. Снимки (24 ед.) той же экспедиции 1946 г. фиксируют раскопки И. И. Ляпушкина в Полтаве; серия снимков (39 ед.) Шестовицкой экспедиции 1946 г. (Я. В. Станкевич) фиксирует раскопки на городище у дер. Шестовицы (Черниговская обл.). Материалы работ М. К. Каргера в Киеве в 1938—1939 гг. представлены небольшой серией снимков (31 ед.), чертежей и графических воспроизведений находок.

Полевые работы на юге Украины представлены снимками (67 ед.) Средне-Днестровской экспедиции 1946 г. (С. Н. Бибиков, раскопки поселения предтрипольского времени у с. Лука-Врублевецкая на Днестре и разведка у с. Ильинки близ Одессы), снимками Южно-Подольской экспедиции 1946 г. (М. И. Артамонов, обследование городищ близ Немирова и дер. Дерешевой Винницкой обл., 28 ед.).

7) **Северный Кавказ** (Грозненская обл. и Дагестанская АССР).

Основной материал представлен снимками (1087 ед.) Северо-Кавказской экспедиции 1937—1939 гг. (А. П. Круглов, А. В. Мачинский и Г. В. Подгаецкий под общим руководством М. И. Артамонова). Снимки фиксируют обследованные, частью раскопанные разновременные памятники (городища, могильники, начиная с VIII в. до н. э. и кончая монументальными памятниками средневековья) в Грозненской обл. и Дагестанской АССР. Из стационарных работ, отраженных в данной серии, можно отметить, например, снимки раскопок могильников у сел Хорочей и Исти-су (Грозненская обл.) и детальную съемку Дербентских стен и крепости (Дагестанская АССР).

Имеются снимки кавказских древностей в собраниях музеев Махач-Калы и Грозного (112 ед.).

8) **Закавказье** (Армянская и Грузинская ССР).

Материал по данному разделу незначителен и ограничивается серией снимков (50 ед.) из поездки Б. Б. Пиотровского и А. П. Круглова (1938 г., древности музеев Еревана и Кутаиси) и Е. М. Калашниковой (1940 г., вещевой материал из раскопок Н. Я. Марра в 1893 г. в Ворнакском могильнике, в собрании Музея Грузии в Тбилиси, 101 ед.).

Б. Азиатская часть СССР

1) **Средняя Азия** (Узбекская, Казахская и Киргизская ССР).

Исследования на территории Узбекистана отражены в серии снимков (98 ед.) раскопок (1938 г., А. П. Окладников) палеолитической стоянки в гроте Тешик-таш (Байсунского р-на). Работы Г. В. Григорьева в 1937—1938 гг. в Янгиюльском р-не (городище Каунчи) и под Самаркандом (1936—1940 гг., городища Тали-барзу и Кафир-кала) представлены преимущественно вещевым материалом (240 ед.), фиксация полевых работ имеется лишь частично (для 1939—1940 гг., 81 ед.). Кроме указанного, имеется небольшая серия снимков (26 ед.) находок Пейкендского отряда Зарафшанской экспедиции 1939 г. (А. Ю. Якубовский и М. М. Дьяконов). Материалы по Казахстану связаны с работами С. С. Черникова по обследованию мест древних горных выработок (в 1937 г. — в районе Калбинского и Нарымского хребтов, в 1938 г. — в районе г. Степняка, Сталинского рудника и других мест Джелалабадского р-на), а также с работами Казахстанской экспедиции 1940 г.

(А. Н. Бернштам), представленной снимками с находок из раскопок древнего Тараза (Джамбул), могильника Бер-кара и других обследованных памятников. Материалы (530 ед.) Киргизской экспедиции 1938—1940 гг. (А. Н. Бернштам), произведшей обследование (частично — раскопки) археологических памятников в верховьях Таласа и в долине рек Чу и Или, представлены полевыми снимками лишь по работам 1938—1939 гг., прочие снимки дают инвентарь находок.

2) **Сибирь.**

Имеющийся материал связан, главным образом. с работами А. П. Окладникова на Ангаре (1939 г., раскопки палеолитической стоянки Буреть), на Лене (археологическое обследование, проводившееся им в 1940—1941 и 1946 гг., 96 ед.) и на Колыме (1946 г., раскопки жилищ у Баранова мыса в Нижне-Колымском р-не, 20 ед.). Небольшая серия (33 ед.) Мальтинской экспедиции 1937 г. (М. М. Герасимов) содержит полевые снимки раскопок Мальтинской стоянки близ Иркутска и обследование стоянки у устья Белой. Кроме того, имеются снимки находок из раскопок А. В. Мачинского (1940 г.) у с. Черемхово на Амуре (Хабаровский край), а также с древностей, снятых им в музее в Благовещенске (38 ед.).

II. Камеральные работы, связанные с публикацией сводных коллективных трудов и специальных монографий

Снимки, относящиеся к этому разделу, являются в большинстве репродукциями с различных изданий и изготовлены фотолабораторией ИИМК в промежутке между 1938 и 1941 гг. Такова, например, большая серия иллюстративного материала (717 ед.) к I и II томам «Истории СССР», охватывающим время от появления человека на территории СССР и до образования древнерусского государства, а также к I тому «Истории культуры древней Руси» (327 ед.). Имеется материал и по отдельным темам, связанным с подготовкой I тома «Всемирной истории» (212 ед.), III тома «Истории античной культуры» (посвященного Северному Причерноморью) и др. Из прочего материала следует отметить серию снимков (71 ед.), произведенных для монографии А. Н. Зографа «Античные монеты».

Фотографии. Численно большое фотографическое собрание содержит, в основном, позитивы к негативному фонду. Оригинальных фотографий немного. Они представляют иногда полные, чаще — выборочные серии снимков полевых работ, производившихся Московским отделением ИИМК в 1938—1940 гг. или же ИИМК совместно с другими учреждениями (негативы этих работ хранятся на местах).

Среди материалов, относящихся к центральным районам Европейской части Союза, имеются, например, альбомы Селигерской экспедиции 1938 и 1940 гг. (С. А. Тараканова), фиксирующие раскопки на городище Березовец у оз. Селигер (41 ед.) и Стерженского городка в Калининской обл. (30 ед.); снимки (47 ед.) раскопок А. Ф. Дубынина (1940 г.) в Суздале. По Крыму — альбом (175 ед.) Нимфейской экспедиции 1939 г. (М. М. Худяк) иллюстрирует раскопки, произведенные на месте античного города Нимфея близ Керчи. Из материалов, относящихся к исследованиям на Украине, — выборочная серия снимков (47 ед.) Трипольской экспедиции 1937 г. (Т. С. Пассек) иллюстрирует раскопки трипольских площадок в уроч. Коломищины близ дер. Халепье. Полные серии снимков (1568 ед.) Ольвийской экспедиции 1938—1940 и 1946 гг. (Л. М. Славин) содержат детальную фиксацию раскопок

античного города Ольвии на р. Буге. Северный Кавказ представлен снимками (52 ед.) археологического обследования, проведенного Е. И. Крупновым в 1938 г. в Осетии (могильник у с. В. Рутка и др.) и в Грозненской обл. (селище у с. Алхасте, могильник у ст. Нестеровской и др.). Полевые исследования в Средней Азии представлены снимками (370 ед.) Казахстанской экспедиции 1938 г. (А. Н. Бернштам, раскопки на городище древнего Тараза, ныне Джамбул).

Диапозитивы. Коллекция образовалась в результате прочитанных докладов на общих собраниях ИИМК и на заседаниях в секторах Института и носит узко специальный характер. Основная группа (291 ед.) содержит материал по доклассовому обществу (к докладам П. П. Ефименко, Б. Л. Богаевского, П. И. Борисковского, Г. П. Сосновского, А. П. Окладникова, Н. А. Прокошева, А. А. Иессена и др.); имеется материал (101 ед.) по античным городам Северного Причерноморья (к докладам В. Ф. Гайдукевича), по архитектуре Владимиро-Суздальской Руси (73 ед., к докладам Н. Н. Воронина). Средняя Азия представлена серией диапозитивов (18 ед.), иллюстрирующих работы В. А. Шишкина в 1938 г. в Варахше (УзССР).

6. КОМИТЕТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИЗДАНИЙ (1920—1931 гг.)

Собрание поступило в 1932 г., состоит из негативов (2444 ед.), фотографий (1917 ед.) и диапозитивов (32 ед.). Имеется инвентарная опись.

Негативы. В собрание вошли материалы как самого КПХИ, так и унаследованные им в 1920 г. от Издательства Общины св. Евгении и Общества поощрения художеств в Петербурге.

Небольшая серия КПХИ содержит, среди других, снимки картин и рисунков А. Н. Бенуа (42 ед.), серию посмертной выставки картин Б. И. Кустодиева (74 ед.), рисунки В. А. Серова к басням Крылова.

Коллекция Издательства Общины св. Евгении (1772 ед.) представлена снимками, снятыми в промежутке между 1896 и 1917 гг. Они в значительной мере использованы при издании открыток Общины. По содержанию коллекция включает: 1) видовые снимки городов и местностей Европейской части Союза и, лишь в меньшем числе, Сибири. Имеется небольшой материал по Ленинграду, ближайшим окрестностям и пригородным дворцам (Павловск, Петродворец, г. Ломоносов, г. Пушкин); 2) снимки (741 ед.) с картин русских и иностранных мастеров в собраниях Эрмитажа, Русского музея и др.; 3) серия снимков «Выставки исторических портретов 1905 г. в Таврическом дворце» (50 ед.).

Материалы Общества поощрения художеств представлены снимками (452 ед.), частью изданными в «Художественных сокровищах России», с предметов внутреннего убранства особняков старого Петербурга и Павловского дворца (мебель, бронза, фарфор, ковры, скульптура).

Фотографии. Собрание дополняет негативную коллекцию Издательства Общины, представляя снимки, исполненные между 1890 и 1917 гг. по той же тематике (виды городов, русская и иностранная станковая живопись, преимущественно ленинградских собраний).

Диапозитивы. Небольшая серия диапозитивов по итальянской и испанской живописи XV—XVI вв. (Джорджоне, Веласкез и др.).

7. ЛЕНИНГРАДСКАЯ РЕСТАВРАЦИОННАЯ МАСТЕРСКАЯ ГЛАВНАУКИ

(1918—1930 гг.)

Собрание поступило по частям в 1927 и 1930 гг., состоит из негативов (2555 ед.) и диапозитивов (133 ед.). Имеются инвентарные описи.

Негативы. Основу собрания составляют снимки (1900 ед.), связанные с реставрационными работами, производившимися ЛРМ преимущественно в Ленинграде и области за время 1920—1929 гг.; например, реставрация 1926—1929 гг. адмиралтейского шпиля и скульптур, реставрация 1924—1928 гг. ростральных колонн, работы 1927—1928 гг. в Исаакиевском соборе, реставрация скульптур здания Горного института, кухонного корпуса Елагина дворца и др. Из реставраций, произведенных за пределами Ленинграда, следует отметить работы в церкви Рождества на кладбище в Новгороде, звонницы Софийского собора там же, церкви Георгия в Старой Ладоге, работы в Ферапонтовом и Кирилло-Белозерском монастырях, а также фиксацию ряда древних зданий в Пскове (солодежня, хлебопекарня и др.). Кроме этой основной группы материала, коллекция содержит серию снимков (126 ед.) реставратора Ф. А. Каликина из его поездки по Ленинградской области и Карелии в промежутке между 1920 и 1928 гг. для регистрации архитектурных памятников, а также выпадающую из общей тематики собрания серию снимков (143 ед.) не установленного пока автора с памятников архитектуры Средней Азии (Самарканд, Бухара, Ташкент, Мерв).

Диапозитивы. Небольшая коллекция диапозитивов содержит материал по архитектуре Средней Азии (34 ед., Самарканд, Бухара, Ташкент, Мерв), а также детальную фиксацию Айя-Софии в Константинополе, дополненную видовыми снимками того же города (99 ед.). Последняя группа, возможно, связана с исследованиями архитектора В. Н. Максимова.

8. ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙНЫЙ ФОНД

(1918—1928 гг.)

Собрание поступило в 1928 г., состоит из негативов (3485 ед.), фотографий (5147 ед.) и диапозитивов (481 ед.). Имеются инвентарные описи для диапозитивной и части (1932 ед.) негативной коллекций; для прочего материала — ориентировочные описи.

Негативы. Собрание содержит две группы материала: 1) коллекцию снимков 1906—1911 гг. (581 ед.) неустановленного автора по некрополю старого Петербурга и ближайших окрестностей (Гатчина, Кронштадт, Мартышкино и др.) и 2) коллекцию снимков, сделанных между 1919 и 1928 гг. и связанных с деятельностью Музейного отдела Главнауки в Ленинграде (1850 ед.). В этой последней коллекции ценной является серия снимков (1225 ед.), регистрирующих памятники архитектуры, монументальной скульптуры и предметы внутреннего убранства дворцов и особняков Ленинграда и пригородов. Особенно полно заснят Павловский дворец (330 ед.). Прочий имеющийся материал (1538 ед.) представлен репродукциями с различных изданий для изготовления диапозитивов к докладам, читавшимся в Музейном отделе Главнауки на различные темы. Снимки, в основном, содержат материал по археологии и искусству Древнего Востока (Вавилон, Ассирия, Египет), античной Греции и Рима, а также по искусству Италии эпохи Возрождения.

Фотографии. Кроме значительного числа позитивов к негативной коллекции (в части некрополя Ленинграда и регистрации архитектурных памятников Ленинграда и пригородов), собрание содержит фото-

графии, происходящие из различных частных собраний дореволюционного времени. Среди них имеются, например, снимки (213 ед.) из собрания А. А. Бобринского (раскопки в Керчи, Ольвии и др.). Бо́льшая часть этой группы фотографий содержит зарубежный материал (1223 ед.), представленный фотографиями известных заграничных фотографов с памятников архитектуры, скульптуры и живописи различных стран Западной Европы (преимущественно — Италии, Испании, Греции). Из прочего материала следует отметить альбом снимков (28 ед.) экспедиции 1873—1874 гг. Г. Рольфса (G. Rolfs) в Ливийскую пустыню, фиксирующих ряд археологических памятников и ландшафты по маршруту экспедиции.

Диапозитивы. Коллекция образовалась в результате докладов, читанных на разные темы в Музейном отделе Главнауки, и содержит материал по археологии и искусству древнего Египта, Греции и Рима античного времени и искусству эпохи Возрождения в Италии. Имеется небольшой материал по музееведению и пригородным дворцам Ленинграда (Стрельна, Пе́тродворец, г. Ломоносов, Павловск).

9. ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОТДЕЛ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ

(1936—1945 гг.)

Коллекция поступила в 1938 г., состоит из фотографий (490 ед.). Имеется инвентарная опись.

Коллекция, в основном, содержит снимки с памятников архитектуры северных и западных районов Европейской части СССР. Полнее всего представлен Смоленск (166 ед., крепостная стена, ряд церквей) и Смоленская обл. (109 ед., церковные памятники гг. Дорогобужа и Вязьмы, усадебные постройки в Бельском и Дорогобужском районах). Материал, относящийся к Архангельской обл. (67 ед.), представлен как монументальными памятниками Сольвычегодска, так и предметами церковного прикладного искусства в собраниях местного музея. Имеется небольшой материал (23 ед.), относящийся к территории Татарской АССР (Казанский кремль, соборы Свияжска).

10. ДВОРЕЦ-МУЗЕЙ ШУВАЛОВЫХ В ЛЕНИНГРАДЕ

(1922—1925 гг.)

Собрание поступило в 1925 г., состоит из негативов (282 ед.) и фотографий (986 ед.). Имеется ориентировочная опись.

Негативы. Коллекция содержит снимки (1919—1924 гг.) внутреннего убранства бытового дворца-музея Шуваловых в Ленинграде, а также отдельных предметов его художественного собрания (фарфор, эмали, резная кость, картины, скульптура, мебель).

Фотографии. Собрание содержит две группы материалов: 1) снимки (260 ед.) художественного собрания дворца-музея (частью совпадающие с негативной коллекцией) и 2) оригинальные фотографии (726 ед.) собрания Шуваловых, относящиеся ко времени между 1858 и 1917 гг. Среди последних основную группу (514 ед.) составляют снимки известных заграничных фотографов с памятников итальянского искусства, преимущественно эпохи Возрождения (живопись, скульптура, архитектура) и в меньшем числе — с памятников античности.

Часть II

КОЛЛЕКЦИИ ЧАСТНЫХ ЛИЦ

1) **Айналов Д. В.** Род. в 1862 г., ум. в 1939 г., историк искусств, византинист.

Собрание поступило в 1932 г., состоит из негативов (171 ед.). Имеется инвентарная опись.

Коллекция содержит репродукции с различных изданий. Снимки в значительной мере использованы в труде Д. В. Айналова «История древнерусского искусства», вышедшем на немецком языке. По содержанию коллекция дает материал, относящийся к наиболее известным памятникам русской архитектуры Киевщины, Черниговщины, Пскова, Новгорода, Владимиро-Суздальской и Московской Руси, а также по северному деревянному зодчеству.

2) **Бакланов Н. Б.** Род. в 1886 г., архитектор-художник, профессор Всесоюзной Академии художеств.

Коллекция поступила в 1931 г., состоит из негативов (297 ед.). Имеется инвентарная опись.

Коллекция содержит снимки с разных изданий, сделанные для изготовления серии диапозитивов по истории архитектуры (начиная с Древнего Востока и кончая современностью) к лекциям, читанным Н. Б. Баклановым в 1931 г.

Серия подобрана под углом зрения строительной техники, давая как общие виды памятников, так и конструктивные их детали. Имеется материал по строительной технике Древнего Востока (Вавилон, Ассирия, Египет), Греции и Рима, западного средневековья, по русскому ампиру, по железобетонной архитектуре XX в., а также по капитальному строительству СССР.

3) **Бобринский А. А.** Род. в 1852 г., археолог, председатель Археологической комиссии с 1886 по 1917 гг.

Собрание поступило в 1934 г., состоит из негативов (73 ед.) и фотографий (920 ед.). Имеются инвентарные описи.

Негативы. В коллекции имеется серия полевых снимков (36 ед.) раскопок (1912—1913 гг., Н. И. Веселовский) кургана Солоха (УССР). Прочие снимки представляют, главным образом, вещевой материал, среди которого — древности Томского музея и др.

Фотографии. Коллекция содержит материал по археологии Украины и Кавказа, представленный следующими основными сериями: 1) снимки находок из раскопок А. А. Бобринским курганов в Чигиринском и Черкасском уу. Киевской губ. разных годов, в значительной мере опубликованные в его работе «Курганы и случайные находки бл. м. Смела»; 2) находки из раскопок В. И. Долбежева на Кавказе (1886—1890 гг., Кобанский могильник и др.); 3) кавказские древности коллекции Ольшевского (Гос. Эрмитаж); 4) выборочная серия снимков фотографа Д. И. Ермакова.

4) **Давиденко Е. Н.** Род. в 1867 г., художник.

Коллекция поступила в 1927 г., состоит из негативов (678 ед.). Имеется инвентарная опись на 362 ед.

Коллекция содержит материал по древнерусскому прикладному искусству (церковная утварь, ризы, иконы, шитье, резьба иконостасов и проч.) в церквах Архангельской и Вологодской областей. Численно выделяется серия, относящаяся к памятникам Сольвычегодска (ризницы Благовещенского и Введенского соборов).

5) **Дойникова А.**

Коллекция поступила в 1920 г., состоит из фотографий (733 ед.) и открыток (179 ед.). Имеется ориентировочная опись.

Фотографии. Искусствоведческая коллекция, содержащая снимки известных итальянских фотографов с памятников итальянской живописи XIII—XVIII вв. Представлены работы 115 мастеров, среди них: Беато Анжелико (86 ед.), Лука Синьорелли (35 ед.), Рафаэль (28 ед.), Ботичелли (26 ед.), Тинторетто (24 ед.) и др. Имеется незначительный материал (59 ед.) по нидерландской, фламандской и испанской школам живописи.

Открытки. Коллекция содержит материал по архитектуре и живописи Италии XIII—XVI вв.

6) **Занкович Г. В.** Род. в 1906 г., погиб во время Великой Отечественной войны, в 1942 г.; с 1937 по 1941 гг. фотограф Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР.

Коллекция поступила в 1945 г., состоит из негативов (145 ед.). Имеется инвентарная опись.

Коллекция содержит серию снимков (136 ед.) пригородных дворцов Ленинграда (дворец в Павловске и Екатерининский дворец в Пушкине), снятых автором в 1940 г. в связи с производившимися ремонтно-реставрационными работами. Серия дает детальную фиксацию, главным образом, наружного состояния дворцов и парковых строений. Кроме указанной серии, имеется незначительное число видовых снимков Ленинграда.

7) **Каликин Ф. А.** Род. в 1876 г., художник-реставратор Гос. Эрмитажа с 1931 г.

Коллекция поступила в 1919 г., состоит из негативов (81 ед.). Имеется инвентарная опись.

Коллекция представлена снимками Ф. А. Каликина в период 1912—1914 гг., содержащими материал: 1) по русской живописной иконе XVI—XVIII вв. (49 ед.) новгородского, московского и строгановского письма и ее реставрации (например, очистка в 1914 г. иконы св. Николая Николо-Дворищенского собора в Новгороде); 2) медному литью (15 ед., кресты, образки, оклады евангелия); 3) по северному деревянному зодчеству в границах Карело-Финской ССР (14 ед.). Кроме того, имеется снимок ныне не существующей колокольни церкви Спас Нередицы в Новгороде и любопытная гравюра XVIII в. общего вида г. Петрозаводска.

8) **Кун А. Л.** Род. в 1840 г., ум. в 1888 г., ориенталист.

Коллекция поступила в 1930 г., состоит из негативов (637 ед.). Имеется инвентарная опись.

Коллекция снимков фотографов Н. Нехорошева и Г. Кривцова к «Туркестанскому альбому», составленному А. Л. Куном в 1871—1872 гг. Полных комплектов «Туркестанского альбома» было составлено шесть, из которых один находится в настоящее время в Ташкентской библиотеке, три других были в свое время направлены в Русское географическое общество, Академию Наук и Публичную библиотеку в Петербурге, куда была передана и негативная коллекция. Последняя пролежала там в опечатанных печатью Кауфмана ящиках вплоть до 1930 г., когда при вскрытии было обнаружено, что часть негативов погибла. Таким образом, поступившая в Фотоархив коллекция представляет лишь часть целого комплекта и содержит неполные серии снимков к Археологическому разделу Альбома (212 ед., памятники Самарканда, г. Туркестана, Джамбула, Ура-тюбе), Этнографическому и Промысловому разделам (425 ед., материалы по быту и производствам таджиков, узбеков и других народов Средней Азии).

9) **Лихачев Н. П.** Род. в 1862 г., ум. в 1934 г., византинист.

Коллекция поступила в 1931 г., состоит из негативов (278 ед.). Имеется инвентарная опись.

Коллекция содержит снимки, исполненные фотографом И. Ф. Чистяковым около 1930 г. как непосредственно с памятников, так и с разных изданий для иллюстрации работ Н. П. Лихачева, например, «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики» и др.

10) **Макаренко Н. Е.** Род. в 1877 г., художник-археолог.

Коллекция поступила в 1919 г., состоит из негативов (477 ед.). Имеется инвентарная опись на 354 ед.

Коллекция содержит снимки, произведенные Н. Е. Макаренко во время его многочисленных поездок по России до 1917 г. Основную группу материала представляют снимки с предметов древнерусского церковного художественного ремесла (утварь, шитье, оклады, ризы икон и проч.) в церквах Сольвычегодска, Вологды, Устюга, Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей, Новгорода и др., а также в собраниях провинциальных музеев того времени (Новгородского, Вологодского древнехранилищ, музея Владимирской ученой архивной комиссии, Екатеринославского и др.). Имеется материал и по русской архитектуре, преимущественно церковной (Новгород, Галич, Ярославль), и в меньшем объеме — крепостной (Новгородский кремль). Археологический материал представлен слабее: кроме случайных снимков некоторых экспонатов Воронежского и Полтавского музеев, следует отметить единичные полевые снимки Красногорского кургана (раскопки Н. Е. Макаренко 1903 г.), курганов у м. Броварка, у с. Липовое на Полтавщине (раскопки Н. Е. Макаренко, 1906 г.). Следует упомянуть в качестве курьеза снимок памятника (с наивным изображением скелета мамонта), водруженного Ю. Л. Головкиным на месте находки в 1841 г. на его земле у с. Кулешевки (Роменского у.) костей мамонта. Случайным является не лишенный интереса снимок башенного поселения в Местии (Свания) — репродукция с фото Пятигорского горного общества.

11) **Малиновский В. П.** Ум. в 1942 г., инженер-строитель.

Коллекция поступила в 1925 г., состоит из фотографий (379 ед.). Имеется инвентарная опись на 238 ед.

Коллекция содержит снимки памятников русской архитектуры XVI—XVIII вв., преимущественно центральных районов Европейской части СССР: Москва и подмосковные (Кусково, Кузьминки, Измайлово, Останкино, Дубровицы), церкви Ярославля, Ростова, Владимира, Переяслава, Мурома и др. Имеется небольшой материал (16 ед.) по памятникам Пскова и Новгорода.

12) **Марр Н. Я.** Род. в 1864 г., ум. в 1934 г., академик, организатор и бессменный председатель ГАИМК с 1919 по 1934 г.

Коллекция поступила в разное время: в 1932 г. Н. Я. Марр передал археологическую часть собрания (преимущественно стекольный фонд), дополненную последующими поступлениями из Разряда археологии и искусства Армении и Грузии ГАИМК и Кабинета Н. Я. Марра. Собрание состоит из негативов (1969 ед.), фотографий (2522 ед.) и диапозитивов (510 ед.).[1] Имеется инвентарная опись.

Негативы. Бо́льшая часть негативного собрания связана с полевыми работами Н. Я. Марра. В серии снимков, относящихся к раскоп-

[1] Данное собрание не представляет всего фотографического фонда Н. Я. Марра, часть которого была им отослана в 1917 г. в Кавказский историко-археологический институт и утрачена в дороге, другая, связанная с работами над текстами, хранится в Кабинете Н. Я. Марра ИИМК.

кам в Ани (363 ед.), полностью сохранилась фотофиксация работ 1892—1893 и 1904 гг. Прочие годы (1906—1913) представлены разрозненными снимками, случайно оставшимися после отсылки основного материала в Тифлис в 1917 г. Тем большую ценность приобретает имеющаяся в собрании серия (308 ед.) репродукционных снимков с полевых фотографий (сделанных в свое время для диапозитивов к лекциям Н. Я. Марра об Ани), которая дополняет в известной мере материал по раскопкам 1906—1913 гг. Значительную серию (166 ед.) представляют полевые снимки археологической экспедиции в Ван в 1916 г. (Н. Я. Марр и И. А. Орбели) — раскопки ниш на северном склоне Ванской скалы, стены Ванской крепости, эпиграфический материал. Полностью сохранившаяся серия (175 ед.) по поездке Н. Я. Марра в Армению в 1892—1893 гг. содержит снимки архитектурных памятников, городищ, ландшафтов посещенных мест (Агарак, Адиаман, Айриванк, Алемн, Армавир, Артик, Ахтала, Багаран, Багнайр, Гарни, Гегард, Двин, Дрсег, Кобайр, Лмбат, Магасберд, Мрен, h'Наванк, Огузлу, Талин, Птгни, Текор, Узунлар, Хцонк, Ширакаван и др.). Небольшая серия (46 ед.) по поездке Н. Я. Марра 1904 г. в Шавшию и Кларджию дает также снимки архитектурных памятников и виды пройденных мест, а также небольшой этнографический материал. Из прочих серий, не связанных непосредственно с работами Н. Я. Марра, отмечу: 1) снимки (145 ед.) из поездки С. В. Тер-Аветисяна в Ванский округ для охраны и регистрации памятников зимою 1915—1916 гг. по маршруту Хой—Востан—Ахтамар—Айхзе—Цвстан—Вараг—Кармравор—Ван—Нораванк (памятники архитектуры, клинописные и армянские надписи, миниатюры церковных книг) и 2) снимки (410 ед.) из поездки Н. Л. Окунева на Кавказский фронт летом 1917 г. (тоже для охраны памятников) по маршруту Дёрт-килисе — Бархал — Мемахатун — Пичерыч — Эрзинджан — Петерек — Эрзерум — Бейбурт—Варзахан — Ишхан — Эошк - Ванк — Хахул — Ольты — Бана — Карс (детальная съемка архитектурных памятников и видовые снимки).

Этнографический материал в собрании представлен серией снимков (143 ед.) по Закавказью не установленного пока автора, относящихся к 1890-м годам (типы населения, занятия, праздники).

Фотографии. Бо́льшая часть фотографий является позитивами к негативному фонду. Среди оригинальных снимков выделяются следующие серии, связанные с полевыми работами Н. Я. Марра и его учеников: поездки Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова на Гехамские горы (вишапы: 82 ед.); поездки И. А. Орбели и А. А. Лорис-Калантара в 1913—1914 гг. по поручению Н. Я. Марра (Ширакаванский храм, 48 ед.); раскопки Д. А. Кипшидзе 1913 г. у часовни Максима Исповедника в Мури (39 ед.); поездки И. А. Орбели в Турецкую Армению в 1911—1912 гг. (архитектурные памятники Эрзерума, Бейбурта, Вана, Варага, Ахтамара, халдские надписи). Ранние поездки Н. Я. Марра за границу (на Афон в 1898 г. и на Синай в 1902 г.) представлены снимками (63 ед.) грузинских рукописей X—XI вв. Иверского монастыря (Афон) и арабских и грузинских рукописей Синайского монастыря. Более поздние заграничные поездки Н. Я. Марра отражены, главным образом, в материалах, привезенных из путешествия в Грецию и Турцию в 1933 г.: снимки (46 ед.) греческих и римских надгробий в собрании музея в Анкаре, альбом средневековых памятников Мистры (Греция) — архитектура и фрески (фотограф Георгиади) и др.

Диапозитивы. Коллекция образовалась в результате публичных лекций Н. Я. Марра о раскопках в Ани, а также докладов, читанных в Русском археологическом обществе. Коллекция содержит значи-

тельную серию иллюстраций раскопок в Ани (около 300 ед.), раскопок 1909—1910 гг. в Гарни (65 ед.), Ванской археологической экспедиции 1916 г. (18 ед.) и др.

13) **Матвеев Н. Г.** Род. в 1867 г., ум. в 1918, с 1889 по 1918 гг., канцелярский работник Академии художеств, фотограф-любитель.

Коллекция поступила в 1919 г., состоит из негативов (3711 ед.) и диапозитивов (38 ед.). Имеется инвентарная опись.

Коллекция представлена снимками, исполненными Н. Г. Матвеевым в промежутке между 1910 и 1914 гг., и, в основном, содержит материал по русской архитектуре и художественно-бытовому убранству памятников Ленинграда и его ближайших окрестностей (Гатчина, Пелла, Павловск, Петродворец, Пулково, г. Ломоносов, г. Пушкин). Ленинградская серия (1470 ед.) в значительной мере использована В. Я. Курбатовым в путеводителе «Петербург», издания 1913 г., и содержит, кроме снимков общественных зданий, дворцов, особняков и других строений, также снимки монументальной скульптуры и металлических украшений (решотки и др.). Из материалов пригородных дворцов численно выделяется серия Павловска (1060 ед.), частично использованная В. Я. Курбатовым во 2-м издании путеводителя «Павловск». Серия эта, кроме внешних видов и внутреннего убранства дворца (мебель, бронза, картины, скульптура и проч.) и парковых строений, содержит также снимки проектов Гонзаго, Камерона, Росси и др., связанных со строительством в Павловске. Слабее представлен в коллекции Екатерининский дворец и парковые постройки в г. Пушкине (204 ед.). К указанной группе материалов тематически примыкают две другие серии: 1) снимки экспонатов «Исторической выставки архитектуры 1911 г.», организованной Обществом архитекторов-художников в залах Академии художеств (проекты и модели работ выдающихся зодчих XVIII—XIX вв., работавших в старом Петербурге, — Растрелли, Гваренги, Росси и др., — рисунки, гравюры, а также предметы художественно-бытового убранства, относящиеся к той же эпохе, — мебель, вазы, часы, люстры и проч.), и 2) серия «Юбилейной царскосельской выставки 1910 г.» (виды выставочных помещений и отдельные экспонаты). В коллекции имеется также материал по древнерусской архитектуре (Псков, Новгород, Москва).

Диапозитивы. Небольшая серия диапозитивов содержит материал по пригородным дворцам Ленинграда.

14) **Мацулевич Л. А.** Род. в 1886 г., искусствовед, византинист.

Коллекция поступила в 1930 г., состоит из негативов (735 ед.). Имеется инвентарная опись.

Коллекция представлена снимками, исполненными Л. А. Мацулевичем между 1909 и 1914 гг., с памятников древнерусской монументальной живописи и архитектуры, а также предметов художественного ремесла. Особо богато (546 ед.) представлен Новгород (роспись Спас Нередицы, 141 ед.; Волотовской церкви, 136 ед.; Ковалевской церкви Федора Стратилата и др.; наружные виды ряда церквей; детальная фиксация Корсунских врат; утварь Софийского собора и др.). Имеется материал и по Пскову (39 ед.), Изборску, Псково-Печерскому монастырю, Старой Ладоге (роспись Георгиевской церкви). Серия снимков (39 ед.) по архитектуре Владимиро-Суздальской земли представлена архитектурными памятниками Владимира (Успенский и Дмитриевский соборы), Суздаля, Переяслава, Юрьева Польского. Особо следует отметить выпадающую из общей тематики коллекции небольшую серию более поздних снимков (50 ед.) по поездке Л. А. Мацулевича в Крым в 1929 г. (укрепленные городища Эски-кермен, Мангуп, Сюйрень и др.).

15) **Машечкин В. М.** С 1912 по 1922 гг. фотограф Русского музея.

Коллекция поступила в 1919 г., состоит из негативов (328 ед.). Имеется инвентарная опись.

Коллекция содержит снимки, исполненные фотографом В. М. Машечкиным до 1917 г. для диапозитивов. Они являются репродукциями частью с изданий, частью с фотографий И. Барщевского, художников В. Плотникова, С. М. Дудина, архитектора И. И. Горностаева и др. Снимки воспроизводят памятники русской архитектуры центральных районов Европейской части СССР (Москва и область, 107 ед.; Ярославль, Углич, Ростов и др., 67 ед.), а также Пскова и Новгорода. Имеется материал и по северному деревянному зодчеству (в границах Архангельской, Вологодской областей и Карелии).

16) **Миллер А. А.** Род. в 1875 г., ум. в 1935 г., археолог.

Коллекция поступила в 1935 г., содержит негативы (169 ед.), фотографии (225 ед.) и диапозитивы (89 ед.). Имеется инвентарная опись.

Негативы. Основу коллекции составляет материал, связанный с раскопками А. А. Миллера дореволюционного периода (полевые снимки, 78 ед., раскопок 1908—1911 гг. на городище у ст. Елизаветовской на Дону, разведка 1914 г. по Мертвому Дону, 11 ед.). Из полевых работ А. А. Миллера после Октября следует отметить серию снимков разведки 1922 г. на городище Старой Ладоги. Имеется небольшой материал по «каменным бабам». Кроме отмеченного, коллекция содержит выпадающие из общей тематики снимки по памятникам русского ампира в Таганроге (11 ед.) и дворца сардара в Ереване (9 ед.).

Фотографии не представляют особого интереса, являясь в большинстве позитивами к негативной коллекции как А. А. Миллера, так и коллекции ГАИМК.

Диапозитивы. Коллекция частично дублирует негативное собрание (в части иллюстраций раскопок на городище Старой Ладоги). Кроме того, она содержит фиксацию раскопок Таманской экспедиции 1930 г. (А. А. Миллер), а также иллюстрации к ряду читанных А. А. Миллером докладов в ГАИМК (например, «Изображение собаки в древностях Кавказа», «Новые памятники из пещеры Нио»), а также к теме становления человека (виды обезьян, реконструкции питекантропа, неандертальца, пильтдаунского человека) и по «каменным бабам».

17) **Преображенский М. Т.** Род. в 1854 г., ум. в 1929 г., академик архитектуры.

Коллекция поступила в 1919 г., состоит из фотографий (1612 ед.). Имеется ориентировочная опись.

Основу собрания составляют снимки (1492 ед.) известных заграничных фотографов (Алинари, Броджи, Соммера, Бонфис, Себа, Штенгель и др.), приобретенные М. Т. Преображенским во время его длительной, четырехгодичной командировки за границу в 1880-х годах, в течение которой он посетил ряд западноевропейских стран (Италию, Францию, Бельгию, Германию и др.). Эта серия содержит материал по западноевропейской архитектуре, преимущественно, Средних веков и Возрождения, а также и более поздних эпох. Кроме общих видов памятников, снимки представляют и детали орнаментики, внутреннее убранство (мозаику, фреску), а также монументальную скульптуру. Численно выделяющаяся итальянская группа (1092 ед.) содержит снимки, относящиеся к целому ряду как крупных, так и мелких провинциальных городов (всего представлены памятники 53 городских центров). Наиболее полно представлена Флоренция (131 ед.), Венеция (73 ед.), Орвьето (34 ед.). Французская группа (73 ед.) содержит снимки знаменитых соборов средневековья (Лан, Ган, Руан, Шартр, Париж, Страсбург). Ана-

логичный материал заключен и в серии снимков (67 ед.), относящихся к Германии (соборы Аахена, Кельна, Ульма, Бамберга, старинные дома Нюренберга, Гейдельберга и др.). Бельгия представлена в памятниках Брюгге, Антверпена и поздней архитектурой Брюсселя. Имеется небольшой материал по Сирии и Палестине, а также памятникам Константинополя.

В коллекции имеется небольшой материал, относящийся к памятникам русского зодчества, преимущественно в снимках фотографа И. Барщевского (Москва, Ярославль, Ростов, Суздаль, Переяслав, Киев), и архитектуры Армении (Ани, Эчмиадзин и др., снимки фотографа Ордэ).

18) **Репников Н. И.** Род. в 1882 г., ум. в 1940 г., археолог.

Коллекция поступала в разное время: в 1919 г. — от автора, в 1940 г. — от вдовы покойного. Состоит из негативов (54 ед.) и фотографий (269 ед.).

Негативы. Коллекция содержит снимки фотографа В. М. Машечкина (1915) с русских живописных икон XV—XVIII вв. из частных собраний (В. Н. Ханенко, А. В. Морозова, В. А. Сахарова и др.).

Фотографии. Коллекция содержит материал, связанный с работами Н. И. Репникова в Крыму (1907—1914 и 1927—1937) и представленный разрозненными снимками из следующих серий: 1) разведка 1907 г. (28 ед., памятники в уроч. Узень-баш, у дер. Скела, Гелин-кай, дер. Шуры и др.); 2) поездка в Крым и Мариуполь 1914 г. (17 ед., иконы, одежда мариупольских греков); 3) исследования 1927—1931 и 1937 гг. в Эски-кермене и окрестностях (Чуфут-кале, Сюйрень). Кроме материалов, непосредственно связанных с полевыми работами Н. И. Репникова, в коллекции имеются разрозненные снимки (35 ед.) работ Р. Х. Лепера в Мангупе (1912) и его снимки 1914 г. (13 ед.) церкви в Лаках и др. Из прочего материала следует отметить небольшую серию снимков Бахчисарайского музея с мусульманских надгробий в Чуфут-кале, Мангупе и Бахчисарае (22 ед.) и снимки (10 ед.) с акварелей Альбома А. С. Уварова (виды Мангупа, Эски-кермена, Бахчисарая).

19) **Славцов А. С.,** художник, работавший в конце XIX—начале XX вв., был привлечен к реставрационным работам в Зарзме.

Коллекция поступила в 1920 г., состоит из негативов (76 ед.) и фотографий (256 ед.). Имеется ориентировочная опись.

Негативы. Коллекция содержит съемку росписи церкви монастыря Зарзма (ГрузССР), произведенную А. С. Славцовым в связи с реставрационными работами 1903 г.

Фотографии. Коллекция, в основном, содержит материал по архитектуре, живописи и художественному ремеслу Грузии и Армении в снимках конца XIX — начала XX вв. В первую очередь следует отметить серию снимков (107 ед.) росписи церквей Зарзмского монастыря, Сафара и Чуле. Серия снимков (103 ед.) фотографа Ермакова, кроме памятников архитектуры и художественного ремесла (в церквах Грузии), содержит материал и по зарубежной Армении (Ани, Эрзерум и др.), а также памятникам архитектуры Ирана (Тегеран, Кум, Казвин). В коллекции имеются снимки и других фотографов, работавших на Кавказе: И. Александровича (15 ед., видовые снимки Пятигорска, Кисловодска, Военно-Грузинской дороги); Л. Рогозинского (7 ед., виды Дагестана и др.). Имеется незначительный материал и по Средней Азии (архитектурные памятники Самарканда, Мерва, Анау и др.).

20) **Смирнов Я. И.** Род. в 1869 г., ум. в 1918 г., искусствовед, археолог.

Собрание поступало в разное время: в 1919 г. вместе с фондом Археологической комиссии, в 1933—1934 гг. из Архива ГАИМК и Разряда

археологии и искусства Армении и Грузии ГАИМК. Состоит из негативов (641 ед.) и фотографий (1087 ед.). Имеется инвентарная опись.

Негативы. Коллекция содержит снимки самого Я. И. Смирнова, произведенные в промежутке между 1889 и 1914 гг. во время его поездок по России и за границей. Наиболее ранняя серия снимков (131 ед.) относится к поездке 1889 г. в Крым и на Кавказ. Крымская группа (99 ед.), наряду со снимками пещерных городов (Инкерман, Чуфут-кале, Тепе-кермен), развалин Херсонеса, росписи керченских склепов и др., дает также фиксацию музейных объектов (архитектурные фрагменты и скульптура Херсонесского музея, античные древности Керченского музея). Кавказская группа (39 ед.) содержит снимки памятников архитектуры (соборы в Кутаиси, Гелати, церковь Цминда Самеба близ ст. Казбек), древностей Кавказского музея, миниатюр мепелогия XI—XII вв. Сионского собора (Тбилиси). Более поздние поездки Я. И. Смирнова на Кавказ в 1909—1912 гг. (176 ед.) представлены преимущественно снимками, сделанными им во время совместных работ с Н. Я. Марром в Ани (архитектурные памятники, надгробие с арабской надписью и др.), в Гарни (крепость, храм римского времени, виды местностей), а также во время поездки на Гехамские горы (вишапы). Из прочего материала следует отметить снимки пещерных церквей в Кала-диби (ущелье Милле-чая), лицевых изображений на столбах церкви в Агараке, мозаики церкви в Цроми.

Длительная командировка Я. И. Смирнова за границу (1894—1897) отражена в серии снимков (232 ед.), которые иллюстрируют совершенные им путешествия по Греции и Малой Азии, на о. Кипр, а также фиксируют входившие в круг научных интересов Я. И. Смирнова древности ряда посещенных им музеев (Будапешта, Вены, Бухареста, Сплита, Афин, Спарты, Каира, Смирны, Кордовы, Таррагоны, Парижа, Лондона). Путешествие 1895 г. по Греции содержит снимки развалин Оропа, крепости в Филе (Аттика), монастыря Луки Стирского (Фокида), метеорских монастырей в Калабаке, церквей в Арте, Влахернского монастыря и др. Салоники представлены, главным образом, снимками мозаик Софийской и Георгиевской церквей. Малоазийская группа снимков содержит материал по каппадокийским церквам (Бинбир-килисе, Чардаг, Чаули-килисе) и пещерным храмам в долине Кёрёме. Ранняя мозаика представлена в кипрской группе снимков (церковь в дер. Кити, монастырь Канакария). Из музейных объектов, снятых Я. И. Смирновым, следует отметить серию древностей из раскопок древней Салоны в Археологическом музее в Сплите, миниатюры арабской рукописи XIII в. (№ 1462 по каталогу Флюгеля Королевской библиотеки в Вене), египетские ткани Художественно-промышленного музея в Вене, византийские ткани собрания Кенсингтонского музея в Лондоне, восточная бронза из собрания Британского музея. Прочий, имеющийся в собрании материал связан с печатными работами и докладами Я. И. Смирнова (например «Рисунки Киева 1651 года А. Вестерфельда по копиям их конца XVIII в.», «Рисунки развалин Каневской церкви», «Ахалгорийский клад», «Серебряная чаша Киевского клада», «О загадочных буквах ХМГ на христианских надписях VI и VII вв. в Сирии и Египте»).

Фотографии. Основу фотографической коллекции составляют снимки (810 ед.) известных заграничных фотографов (Алинари, Дюма, Бонфис и др.), приобретенные Я. И. Смирновым во время его пребывания за границей в 1894—1897 гг. Снимки эти представляют памятники монументального и прикладного искусства поздней античности и средневековья в странах Средиземноморского бассейна (Италия, Испания,

Египет, о. Кипр; Сирия, Палестина). Итальянская группа (304 ед.) содержит материал по мозаике и фреске Помпей, по архитектуре и мозаике византийского Рима, Равенны, а также памятникам Палермо, Монреаля и др. Значителен материал по прикладному искусству в музеях и церквах как крупных, так и небольших провинциальных городов (например, Ареццо, Орвьето, Гаэта и др.). Испанская группа (89 ед.) представлена, главным образом, памятниками архитектуры (Гренады, Кордовы, Таррачины, Толедо, Бургоса и др.). Значительна серия снимков (106 ед.), относящихся к Сирии и Палестине, среди которых выделяется группа памятников Баальбека и Пальмиры, Иерусалима и окрестностей. Кроме заграничной серии фотографий, в коллекции имеется небольшой материал, относящийся к территории СССР: например, снимки фотографа Ермакова с предметов художественного ремесла в монастырях Армении и Грузии, снимки с восточного серебра собрания Эрмитажа (в большинстве изданные Я. И. Смирновым в Альбоме «Восточное серебро», СПб., 1909), снимки по русскому медному литью XVI—XIX вв.

21) **Сосновский Г. П.** Род. в 1898 г., ум. в 1942 г., археолог.

Коллекция поступала по частям: в 1934 и 1947 гг., состоит из негативов (58 ед.) и фотографий (130 ед.).

Негативы. Коллекция содержит полевые снимки, связанные с работами Г. П. Сосновского в 1923—1934 гг. в Сибири, а также снимки вещевого материала (например, находки из раскопок Г. П. Сосновским и П. К. Ауэрбахом в 1923—1925 гг. палеолитической стоянки Афонтова гора, находки Г. П. Сосновского и В. В. Попова в 1928—1929 гг. в Забайкалье и др.).

Фотографии. Коллекция представлена снимками 1898—1909 гг. и 1927—1940 гг. и содержит материал по археологии Сибири. Лишь незначительное число фотографий связано с раскопками Г. П. Сосновского (находки из Саянтуя на р. Селенге и Ильмовой Пади, Бурято-Монголия). Прочие — представляют вещевой материал, добытый раскопками других исследователей (например, Ю. Г. Талько Гринцевича, 1897, 1899—1900 гг., в Троицкосавском и Кяхтинском уу. Забайкальской обл.: А. В. Адрианова, 1903 г., могильник у д. Саргова Минусинского округа; М. М. Герасимова, 1929 г., Мальта). Кроме указанного, коллекция содержит небольшую серию (30 ед.) ландшафтных снимков Алтая.

22) **Спицын А. А.** Род. в 1858 г., ум. в 1931 г., археолог.

Собрание поступило в 1931 г., состоит из негативов (735 ед.), фотографий (3724 ед.) и диапозитивов (447 ед.). Имеется инвентарная опись.

Негативы. Коллекция археологическая, основу которой составляют снимки (596 ед.), произведенные в промежутке между 1911 и 1914 гг. к работе В. Толмачева «Древности Восточного Урала». В серии представлен вещевой материал, происходящий из торфяников, с различных городищ и из курганов Приуралья, частично собранный В. Толмачевым в 1911 и 1914 гг. (например, находки в районе озер Шигирского, Огневского, Исетского и др.), частью снятый им в различных местных собраниях (например, в Сысерти, Кыштыме, Верхней Нейве), а также столичных музеях (например, Исторический музей в Москве, Музей Горного института в Ленинграде). Кроме снимков с вещей, серия содержит небольшое число полевых снимков В. Толмачева из его поездки на Урал в 1914 г. (писаницы по рекам Реж, Нейва, Ирбить). Прочий имеющийся в собрании материал разнороден: небольшая сибирская группа представлена снимками (27 ед.) Омской выставки древностей. Кавказская группа содержит снимки (24 ед.) Кобанской бронзы собрания А. А. Бобринского (ныне в Эрми-

таже). Древности Прибалтики зафиксированы в снимках (26 ед.) местных сборов митавского школьного учителя Крюгера. Имеется вещевой материал из раскопок В. И. Каменского 1908 г. на Богородском и Чортовском городищах по р. Ветлуге.

Фотографии. Собрание содержит материал по археологии СССР в снимках 1890—1917 гг. Среди материалов, относящихся к Европейской части Союза, западные районы представлены, например, снимками (17 ед.) раскопок А. А. Спицыным (1910 г.) курганов близ деревень Замошье и Малый Удрай (Лужского у.), Н. И. Репниковым (1909—1910) городища Старой Ладоги (37 ед.), С. И. Сергеевым и М. Абрамовым (1898 и 1901) Гнездовского могильника (21 ед.), Е. Н. Клетневой (1909—1913) в бассейне р. Вязьмы (88 ед.). Среди материалов, относящихся к восточным районам, имеются, например, снимки из поездки С. И. Сергеева в 1895 г. на р. Колву (Чердынский у. Пермской губ.) и раскопок Н. Минко (1907—1908) курганов в Челябинском у. Оренбургской губ. Значителен материал, относящийся к южным районам. Здесь, в первую очередь, следует отметить серию снимков (170 ед.) многолетних работ Н. И. Веселовского на Кубани (1896, 1898—1903, 1908, 1912—1915), а также раскопок В. В. Саханевым (1911—1912) Борисовского могильника близ Геленджика (69 ед.). Численно выделяется группа снимков, связанных с работами в Крыму (206 ед.): например, раскопки Н. И. Репникова (1907) в Партените (154 ед.), К. К. Костюшко-Валюжинича (1889—1891) в Херсонесе, Н. Н. Печенкина (1910) там же и его же раскопки Бельбекского могильника близ Севастополя (1903) и др. Азиатская часть Союза представлена в снимках, относящихся к археологии Сибири (360 ед.). В этом разделе следует отметить присланные Гейкелем и Аспелином снимки (1890 г., 127 ед.) с древностей Минусинского, Красноярского и Тобольского музеев, а также с акварелей «Сибирского альбома» Знаменского. Серия снимков (50 ед.) Бекреева (1911) также представляет археологические коллекции музеев Омска, Тюмени, Красноярска, Минусинска. Снимки (113 ед.), связанные с работами А. В. Адрианова, дают фиксацию керамики из его раскопок (1898) курганов по р. Абакану, а также эстампажей писаниц по р. Енисею, снятых во время поездки 1904 г., и др. Материалы, относящиеся к работам И. А. Кузнецова (93 ед.), представлены, главным образом, полевыми снимками его раскопок и находок в разных местах Минусинского края в 1908—1911 гг. Кроме археологии, в Сибирском разделе коллекции имеется небольшой материал по архитектуре: снимки студента Академии художеств Н. Исцеленова (1911 г., 36 ед.) иркутских церквей и И. Портнягина (того же года, 15 ед.), воспроизводящие наряду с церквами Иркутска также и другие памятники, например, пороховой погреб 1774 г., триумфальные ворота с надписью «Дорога к Тихому океану», воздвигнутые в 1858 г. в память присоединения Амурского края к России. Небольшой, имеющийся в собрании зарубежный материал представлен серией снимков (80 ед.) Я. И. Смирнова из его путешествия по Греции и Малой Азии в 1895 г. (дополняющие собрание Я. И. Смирнова, см. выше, стр. 343) и из поездки И. А. Шляпкина в Германию в 1907 г. (7 ед.) — предметы церковного обихода из ризниц Кведлинбургского и Гильдесгеймского соборов.

Диапозитивы. Коллекция образовалась в результате преподавательской деятельности А. А. Спицына и содержит, в основном, материал по археологии СССР от палеолита и кончая средневековьем (палеолит, неолит и бронза Западной Европы представлены лишь 37 диапозитивами). Имеется небольшой картографический материал

(геологические, топографические и археологические карты), а также незначительный материал по этнографии.

23) **Султанов Н. В.** Род. в 1850 г., ум. в 1908 г., архитектор.

Коллекция поступила в 1930 г., состоит из фотографий (585 ед.). Имеется ориентировочная опись.

Коллекция в основном содержит материал по русской церковной архитектуре и художественному ремеслу 90-х годов XIX в. Архитектурная серия (174 ед.) представлена снимками с проектов, наружных видов и внутреннего убранства церквей ряда городов на территории СССР, а также и русских церквей за границей (Германия). Значителен материал по поздней церковной утвари (85 ед.) работы Хлебникова в Москве и др. Имеется небольшая серия снимков (14 ед.) «Тверской старины», воспроизводящих предметы церковного обихода и убранства XVI—XVII вв. в собрании Тверского музея. Кроме отмеченного, коллекция содержит небольшой этнографический материал (62 ед.), например, снимки фотографа Орда (типы народов Средней Азии, Кавказа и Ирана) или небольшая серия (10 ед.) из поездки 1897 г. неустановленного автора на Алтай, дающая, кроме ландшафтных снимков, несколько прекрасных иллюстраций быта местного населения.

24) **Суслов В. В.** Род. в 1857 г., ум. в 1922 г., академик архитектуры.

Собрание поступило в 1919 г., состоит из негативов (679 ед.). Имеется инвентарная опись.

Собрание содержит снимки, произведенные В. В. Сусловым, начиная с 1880-х годов, во время поездок, главным образом, по России. Имеется материал по северному деревянному зодчеству в границах быв. Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, по крепостным сооружениям западных районов Союза (крепости Старой Ладоги, Копорья, Смоленский кремль и др.) и Крыма (генуэзские памятники Судака и Феодосии). Материалы, связанные с работами В. В. Суслова в Пскове, Новгороде и Старой Ладоге по линии проводившихся реставраций, представлены снимками с калек росписи собора Мирожского монастыря, его же калек стенописи Волотовской церкви и Георгиевской церкви в Старой Ладоге. Кроме указанного, имеется неполная серия снимков реставрации Софийского собора в Новгороде в 1896 г. (дополнение к ним имеется в коллекции ЛРМ). Несколько снимков, сделанных В. В. Сусловым во время путешествия в Швецию в 1886 г., представляют образцы резьбы по дереву (орнаментированные прялки) в собрании Стокгольмского музея.

25) **Фаберже Г. К.** Владелец ювелирного торгового дома в Петербурге в конце XIX — начале XX вв.

Коллекция поступила в 1930 г. из Минералогического музея АН СССР, состоит из фотографий (88 ед.).

Коллекция содержит материал по архитектуре Индии в снимках известных местных фотографов начала XX в. Представлены пользующиеся большой известностью памятники Аменабада, Агры, Бенареса, Дели, Джайпура, Мадуры, Мандале, Танджора, а также пещерные храмы Эллоры и на о. Элефантине.

26) **Фармаковский Б. В.** Род. в 1870 г., ум. в 1928 г., археолог, искусствовед.

Собрание поступало по частям: в 1919 г. — от автора и в 1928 г. — от вдовы покойного. Состоит из негативов (1911 ед.), фотографий (74 ед.) и диапозитивов (3276 ед.). Инвентарные описи имеются для фотографической и диапозитивной коллекций. Для пользования негативами имеется ориентировочная опись.

Негативы. Коллекция (преимущественно пленки) содержит, в основном, путевые снимки Б. В. Фармаковского, сделанные им во время поездок на археологические конгрессы: в Афинах, в 1905 г., и в Каире, в 1909 г., а также его полевые снимки раскопок в Ольвии, в 1905 и 1907 гг., и в Киеве (вместе с Д. В. Милеевым) у Десятинной церкви, в 1908 г.

Фотографии. Коллекция содержит воспроизведения античных памятников Афин и античной скульптуры в собраниях Афинского музея и Эрмитажа, а также ряд видовых снимков Константинополя.

Диапозитивы. Диатека, составленная Б. В. Фармаковским в течение его многолетней преподавательской деятельности в университете и других вузах Ленинграда (1905—1928), поступила не в полном объеме — раздел греческих городов Северного Причерноморья остался у вдовы покойного, Т. И. Фармаковской. В основном, собрание содержит материал по истории искусств от палеолита до новейшего времени. Особо полно представлена серия античного искусства (Греция и Рим). Доримская Италия, Древний Восток (Вавилон, Ассирия, Египет) даны в памятниках, открытых преимущественно ранними раскопками. Менее значителен материал по раннехристианскому искусству, Византии, западноевропейскому и восточному средневековью. Западноевропейская живопись рубежа XIX—XX вв. представлена в наиболее характерных образцах французской школы.

27) **Чистяков И. Ф.** Род. в 1865 г., ум. в 1935 г., с 1894 по 1918 г. фотограф Археологической комиссии и с 1919 по 1935 гг. — Государственной Академии истории материальной культуры.

Коллекция поступала по частям, в 1919, 1924 и 1935 гг., от автора. Состоит из негативов (12 401 ед.). Имеется инвентарная опись на 1623 ед., для прочего материала — ориентировочная опись.

Коллекция содержит снимки, сделанные И. Ф. Чистяковым в промежутке между 1900 и 1918 гг. Имеются: 1) снимки, произведенные непосредственно с памятников (1448 ед.), и 2) репродукции с различных изданий (10 953 ед.). Наиболее ценной, естественно, является первая группа, содержащая в основном (1365 ед.) детальную фиксацию реставрационных работ Д. В. Милеева (1911—1912) в Ипатьевском монастыре (Кострома). Кроме указанной серии, имеются снимки по русской миниатюре. Вторая группа снимков, представляя репродукции с изданий для изготовления диапозитивов по заказам разных лиц (преимущественно членов Археологической комиссии, преподавателей Ленинградского университета и Института истории искусств), содержит материал по археологии и искусству, в значительной мере повторяющий содержание диатек Б. В. Фармаковского, А. А. Спицына (стр. 344), а также связанный с заказами О. Ф. Вальдгауэра (античная скульптура), Я. И. Смирнова (восточное серебро), П. П. Покрышкина (Спас на Берестове в Киеве), В. Я. Курбатова (дворцы и парки), В. П. Зубова (западноевропейское искусство) и др.

28) **Шилейко В. К.** Род. в 1891 г., ум. в 1930 г., ассириолог.

Коллекция поступила в 1932 г., состоит из негативов (51 ед.). Коллекция содержит материал по древневавилонским и ассирийским печатям и клинописным табличкам, а также небольшое число снимков керамики из Суз (по преимуществу — репродукции с изданий).

29) **Шмит Ф. И.** Род. в 1877 г., ум. в 1940 г., искусствовед, византинист.

Коллекция поступила в 1934 г., состоит из негативов (322 ед.). Имеется инвентарная опись.

Коллекция представлена снимками, изготовленными фотографом И. Ф. Чистяковым, с различных изданий для серии диапозитивов к общему курсу истории архитектуры, читанному Ф. И. Шмитом в 1934 г. Имеется материал по архитектуре Древнего Востока (Вавилон, Ассирия, Египет), Крито-Микенского периода, античной Греции и Рима, Византии, восточному и западному средневековью.

30) **Якобсон А. Л.** Род. в 1906 г., археолог, искусствовед.

Коллекция поступила в 1945 г., состоит из негативов (231 ед.). Имеется инвентарная опись.

Коллекция содержит снимки, сделанные А. Л. Якобсоном во время поездок в Крым в 1925—1927 и 1935 гг. Бо́льшая часть снимков (150 ед.) воспроизводит средневековые памятники Херсонеса — оборонительные стены, башни, базилики и другие храмы и сооружения, а также архитектурные фрагменты, хранящиеся в местном музее. Имеется небольшой материал (18 ед.) по Мангупу (базилика, турецкая крепость), Старому Крыму (12 ед. — армянский монастырь, мечети, караван-сарай), а также снимки древних церквей Феодосии, Судака, церкви в дер. Лаки и др.

31) Кроме вышеописанных собраний в Фотоархиве имеется коллекция, поступившая из Библиотеки ГАИМК в промежутке между 1924—1932 гг. и происходящая из Библиотеки Мраморного дворца в Ленинграде. Коллекция состоит из негативов (218 ед.), фотографий (5916 ед.) и диапозитивов (29 ед.). Имеются ориентировочные описи.

Негативы. Коллекция содержит снимки юбилейных медалей и бисквитных рельефов с портретами русских писателей и поэтов (Белинский, Лев Толстой, Максим Горький, Салтыков-Щедрин, Пушкин, Некрасов и др.), композиторов и певцов (Чайковский, Рубинштейн, Шаляпин).

Фотографии. Коллекция представлена снимками, произведенными между 1870-ми годами и 1914 г., и содержит материал, относящийся как к территории СССР (в меньшей части), так и зарубежный. Материал первой группы представлен преимущественно видовыми снимками местностей, городов и отдельных архитектурных памятников Европейской части Союза. В группе, связанной с Ленинградом и пригородными дворцами (125 ед.), следует отметить серию ранних (1880-е годы) фотографий дворца и парковых сооружений в Павловске. Имеется материал, относящийся к центральным районам Союза (205 ед.): видовые снимки Суздаля, Владимира, Боголюбова, Ростова, альбом снимков (1881) Нового Иерусалима под Москвой (г. Истра), Троице-Сергиевой лавры (г. Загорск), а также виды с. Домнино (иллюстрации к работе Н. Бекаревича) и др. Кавказ представлен серией фотографий Кавказского военно-топографического отдела (видовые снимки Дагестана, ханский дворец в Баку и др.). Среди материалов, относящихся к Азиатской части СССР, следует отметить две серии ранних снимков по Сибири — альбом Л. К. Полторацкой (1879 г., виды и типы Западной Сибири, 52 ед.) и альбом иллюстраций путешествия 1870-х годов неустановленного автора от Иркутска вокруг Байкала до Кяхты и по рр. Шилке и Амуру до Николаевска (106 ед.). В разделе материалов по Средней Азии имеется, например, альбом старинных снимков «Путешествия от Оренбурга в Хиву» (33 ед.), снимки поездки В. В. Станкевича (1900 г.) в Закаспий и на Памир для производства магнитных наблюдений (18 ед.), два тома «Исторических памятников Самарканда» Г. А. Панкратьева (1890-х годов, 80 ед.), альбом фотографа И. Введенского (1910 г., Самарканд и окрест-

ности, 37 ед.) и др. Следует также отметить альбом снимков 1883 г. археологического собрания Ташкентского музея (40 ед.), а также альбом старых снимков (100 ед.), относящийся к Кульдже и содержащий этнографический материал и портреты местных деятелей. Среди прочего материала, кроме значительной серии фотографий (163 ед.) картин собрания Эрмитажа (итальянская, фламандская, нидерландская, голландская, испанская, английская школы живописи), имеются не лишенные исторического интереса альбомы Всероссийской художественно-промышленной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде (200 ед.), Русского отдела на Международной электрической выставке в Вене в 1886 г. и др. Имеющийся материал, связанный с зарубежными странами, представлен, в основном, снимками памятников античного искусства Греции и Рима (995 ед.), например, роскошная серия фотографа Рюмина (Помпеи и Афины), а также средневековья (например, мозаика в Монреале, Палермо и др.). Значителен материал (398 ед.) и по западноевропейской живописи XIII—XVII вв. (преимущественно, итальянской) в музеях Италии, Испании, Франции и Германии. Кроме материала, относящегося к странам Западной Европы, в коллекции имеется небольшое число снимков (25 ед.) с археологических памятников Египта (Карнак, Саккара, Люксор и др.) и о. Цейлона (буддийские храмы и монументальная скульптура).

Диапозитивы. Небольшая серия диапозитивов содержит материал по русской фреске и иконе XVII в.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамов И. С. 291
Абрамов М. 323
Адрианов А. В. 295, 322, 323
Айналов Д. В. 290, 305, 314
Александрович И. 320
Алинари 319, 321
Апухтин В. Р. 293
Артамонов М. И. 301, 303, 309
Арциховский А. В. 299, 305
Аспелин 323
Ауэрбах Н. К. 322

Бабенко В. И. 294
Бадер О. Н. 299
Бакланов Н. Б. 290, 307, 314
Бартольд В. В. 295
Барщевский И. 296, 319, 320
Бачинский Н. М. 304, 306
Беато Анжелико 315
Бекаревич Н. П. 292, 326
Бекреев 323
Белинский В. Г. 326
Белов Г. Д. 306
Бенуа А. Н. 311
Бернштам А. Н. 302, 304, 307, 310, 311
Бибиков С. Н. 306, 309
Билибин И. Я. 296
Бломквист Е. Э. 301, 307
Бобринский А. А. 290, 293—295, 313, 314, 322
Богаевский Б. Л. 306, 307, 311
Богусевич В. А. 299, 307
Болтенко К. Г. 304
Бонфис (Bonfils) 319, 321
Бонч-Осмоловский Г. А. 307
Борисковский П. И. 299, 307, 308, 311
Борисов В. Л. 292
Ботичелли 315
Боярский А. Э. 296
Бранденбург Н. Е. 294
Браун Ф. А. 294
Броджи (Broggi) 319
Булычев Н. И. 291, 292

Вальдгауэр О. Ф. 307, 325
Василий II 297
Введенский И. 326
Веласкез 311
Вертепов Г. А. 294
Веселовский Н. И. 291, 293—295, 314, 323
Вестерфельд А. 321
Владимиров И. А. 294
Воеводский М. В. 299
Воронин Н. Н. 300, 307, 308, 311

Гайдукевич В. Ф. 301, 308, 311
Гатцук С. А. 292
Гваренги 318
Гейкель 323
Гендуне Ю. Г. 292
Георгиади 317

Георгий Амартол 305
Герасимов М. М. 299, 304, 310
Глазов В. Н. 291—293
Глезер Е. Н. 299, 307
Годовиков И. Д. 296
Головкин Ю. Л. 316
Гольмстен В. В. 292, 301
Гонзаго 318
Горностаев И. И. 319
Городцов В. А. 291, 292
Горький Максим 326
Готье Ю. В. 302
Граков Б. Н. 300
Григорьев Г. В. 309
Гринкова Н. А. 301, 307
Громов В. И. 304
Гурина Н. Н. 307
Гюзалян Л. Т. 303

Давиденко Е. Н. 290, 314
Даль В. Л. 296
Данилевский В. В. 302
Деген-Ковалевский Б. Е. 302, 303
Джорджоне 311
Дмитриев Л. Е. 295
Дмитриев П. А. 300
Дойникова А. 290, 315
Долбежев В. И. 294, 314
Дружинин В. Г. 291, 292
Дубынин А. Ф. 310
Дудин С. М. 291, 319
Думберг К. Е. 293, 294
Дьяконов М. М. 309
Дюбрюкс П. 293
Дюма (Dumas) 321

Евстафий Плакида 305
Еремин С. А. 301
Ермаков Д. И. 296, 297, 314, 320, 322
Ефименко П. П. 298, 300, 301, 307, 308, 311

Жуковский В. А. 295, 296

Забелин И. В. 294
Завитнович В. З. 291
Замятнин С. Н. 300, 301, 304, 306, 308
Занкович Г. В. 289, 290, 315
Зверев С. Е. 293
Знаменский 323
Зограф А. Н. 307, 310
Золотарев Д. А. 300, 307
Зубов В. П. 325

Иванов М. М. 296
Иванов П. П. 301
Иессен А. А. 301—303, 311
Исцеленов Н. 323

Казаков М. 296
Калашникова Е. М. 309
Каликин Ф. А. 289, 290, 312, 315
Каменский В. И. 297, 323
Камерон 318
Каргер М. К. 299, 309
Кеппель Е. Ф. 306
Киппидзе Д. А. 317
Киселев С. В. 304
Клеменец Д. А. 295
Клетнева Е. Н. 323
Козлов П. К. 304
Козловский В. Ф. 296
Козырев А. А. 295
Кон-Винер 306
Кондаков Н. П. 296
Костюшко-Валюжинич К. К. 293, 323
Крайнов Д. А. 306
Кривцов Г. А. 315
Круглов А. П. 303, 309
Крупнов Е. И. 311
Крылов И. А. 311
Крылов И. П. 292
Крюгер 323
Кузнецов И. А. 323
Кузнецов С. К. 295
Кулаковский Ю. В. 293
Кун А. Л. 290, 298, 315
Курбатов В. Я. 318, 325
Кустодиев Б. И. 311
Кюркчян О. 296

Латынин Б. А. 303
Латышев В. В. 296
Леонтович В. Г. 296
Лепер Р. Х. 293, 320
Лихачев Н. П. 290, 316
Лорис-Калантар А. А. 317
Ляпушкин И. И. 308, 309

Макаренко Н. Е. 289, 290, 292, 293, 297, 316
Макаров В. К. 305
Максим Исповедник 317
Максимов В. Н. 312
Малиновский В. П. 290, 316
Малицкий Н. В. 305
Мари Карниве (Marie Carnivet) 305
Марр Н. Я. 289, 290, 309, 316, 317, 321
Мартинович А. 293
Мартьянов Н. М. 306
Матвеев Н. Г. 289, 290, 318
Мацулевич Л. А. 289, 290, 318
Мачавариани С. З. 294
Мачинский А. В. 309, 310
Машечкин В. М. 289, 290, 319, 320
Машуков 296
Мещ нинов И. И. 302
Милеев Д. В. 291, 292, 294, 296, 325
Миллер А. А. 290, 293, 301—303, 319
Миллер М. А. 301, 303
Минко Н. 323
Минцлов С. Р. 295
Мишон А. 296
Моисеев Л. А. 293, 301
Морозов А. В. 320
Морозов Ф. М. 305

Нагевич В. В. 291
Надар 296
Некрасов Н. А. 326
Некрасов С. С. 294
Нехорошев Н. 315
Новокрещенных Н. Н. 292

Окладников А. П. 304, 309—311

Окунев Н. Л. 317
Ольшевский 314
Орбели И. А. 303, 317
Ордэ 320, 324

Панкратьев Г. А. 296, 326
Папазян М. 296
Пассек Т. С. 310
Песселеп Л. И. 301
Петровский Н. П. 295, 296
Печенкин Н. Н. 323
Пиотровский Б. Б. 301, 303, 308, 309
Плотников В. А. 296, 319
Подгаецкий Г. В. 300, 301, 308, 309
Покровский М. В. 306
Покрышкин П. П. 291, 292, 294—296, 325
Поливанов В. Н. 292
Полторацкая Л. К. 326
Поляков А. Г. 296
Попов В. В. 322
Портнягин И. 323
Преображенский М. Т. 289, 290, 319
Придик Е. М. 296
Прокошев Н. А. 300, 308, 311
Проскуряков П. С. 295
Путятин П. А. 297
Пушкин А. С. 326

Равдоникас В. И. 298, 307
Растрелли 318
Рафаэль 315
Репников Н. И. 289, 290, 293, 297, 302, 308, 320, 323
Рерих Н. К. 293, 297
Реслер Э. А. 294
Реут-Полетаева Е. И. 305
Риччи (Ricci) 296
Рогачев А. Н. 308
Рогозинский Л. 320
Розенберг Ф. А. 305
Розендорф Г. О. 294
Рольфс Г. (Rolfs G.) 313
Романов К. К. 292, 299, 307
Романович 291
Романченко Н. Ф. 293
Росси 318
Ростовцев М. И. 296
Рубинштейн А. П. 326
Рыгдылон Э. Р. 304
Рюмин (Rumine) 327

Салтыков-Щедрин М. Е. 305, 326
Сальников К. В. 300
Саханев В. В. 293, 297, 323
Сахаров В. А. 320
Себа (Seba) 319
Сергеев С. И. 323
Серов В. А. 311
Синьорелли 315
Скадовский Г. Л. 294
Скржинская Е. Ч. 302
Скубетов М. И. 293
Славин Л. М. 301, 302, 306, 308, 310
Славцов А. С. 289, 290, 320
Смирнов А. П. 306
Смирнов Я. И. 289, 290, 296, 317, 320—323, 325
Соммер (Sommer) 319
Сосновский Г. П. 290, 304, 311, 322
Спицын А. А. 289, 290, 292, 293, 322, 323, 325
Станкевич В. В. 326
Станкевич Я. В. 308, 309
Султанов Н. В. 290, 324
Суслов В. В. 289, 290, 297, 324
Сысоев В. М. 293
Сычев Н. П. 299

Такайшвили Е. С. 294
Талицкий М. В. 308
Талько-Гринцевич Ю. Г. 322
Тараканова С. А. 310
Тер-Аветисян С. В. 317
Тизенгаузен В. Г. 293
Тинторетто 315
Тиханова М. А. 302, 308
Токарский Н. М. 303
Толмачев В. 322
Толстой Л. Н. 326
Третьяков П. Н. 298, 299, 307
Трофимов К. Д. 291

Уваров А. С. 320
Удаленков А. П. 303, 307
Ушаков Н. 296

Фаберже Г. К. 290, 324
Фармаковская Т. И. 325
Фармаковский Б. В. 289—291, 294, 302, 307, 324, 325
Фелицин Д. Е. 293
Феттих (Fettich) 306
Флюгель (Flügel) 321

Ханенко В. Н. 320
Хвойко В. В. 297
Хлебников 324
Худяк М. М. 310

Целепи Л. К. 291

Чайковский П. И. 326
Черников С. С. 304, 309
Чистяков И. Ф. 289—292, 297, 316, 325, 326
Чугунов С. А. 293
Чугунов С. М. 295

Шаляпин Ф. И. 326
Шебякин А. П. 292
Шилейко В. К. 290, 325
Шиллинг Е. М. 303
Шишкин В. А. 311
Шкорпил В. В. 293
Шляпкин И. А. 323
Шмидт А. В. 299, 300
Шмит Ф. И. 290, 325, 326
Штенгель (Stengel) 319
Штерн Э. Р. 294
Штиглиц 295
Шуваловы 289, 290, 313
Шульц Д. Б. 293
Шульц П. Н. 298, 301, 302, 307

Щербаковский В. М. 296

Эберман В. В. 305
Якобсон А. Л. 289, 290, 302, 308, 326
Яковлев Н. Ф. 303
Якубовский А. Ю. 303, 304, 306, 307, 309

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аахен 320
Абакан, р. 323
Абхазия 303
Аван 303
Агарак 317, 321
Агра 324
Адиаман 303, 317
Адлеровский р-н 308
Азербайджанская ССР 294
Айриванк 317
Айхзе 317
Акмолинская обл. 295
Алемн 317
Алма, р. 293
Алтай 322, 324
Алтайский край 304
Алхасте, с. 311
Аменабад 324
Амур, р. 310, 326
Амурский край 323
Анау 295, 296, 304, 306, 320
Анберд 303
Ангара, р. 304, 310
Андрюковская, ст. 293
Ани 317, 318, 320, 321
Анкара 317
Антверпен 320
Аргун, р. 303
Ареццо 322
Армавир 317
Армения 296, 297, 303, 316, 317, 320—322
Армянская ССР 303, 309
Арта 321
Артик 317
Архангельская губ. 291, 324
Архангельская обл. 313, 314, 319
Аскания Нова 297
Ассирия 312, 314, 325, 326
Астраханцев, хут. 300
Астрахань 293
Аткарский у. 293
Аттика 321
Афины 321, 325, 327
Афон 317
Афонтова гора 322
Афрасиаб 295
Ахтала 317
Ахтамар 317
Ацагат, м. 304
Ачинский окр. 295
Аштарак 303

Баальбек 322
Багаран 317
Багнайр 317
Байдарская долина 306
Байкал, оз. 326
Байсунский р-н 309
Баксан 302
Баку 326
Балаклава 302
Балахна 297, 298
Балта, ст. 303
Бамберг 320
Бана 317
Баранов мыс 310
Бархал 317
Бахчисарай 294, 308, 320
Башкирская АССР 292, 300
Бейбурт 317
Белая, р. 302, 310
Белгородка 302
Белев 299
Белореченская, ст. 293
Белорусская ССР 291
Бельгия 319, 320
Бельский р-н 313
Бенарес 324
Березань, о. 294
Березняки, д. 299
Бер-кара 310
Берлин 306
Бессарабская губ. 294
Бийск 304
Бинбир-килисе 321
Благовещенск 310
Бобровский у. 293
Бобровский р-н 301
Боголюбов 300, 308, 326
Бологое 298
Болховский у. 293
Большие Липяги, с. 293
Бори, с. 294
Боровичский у. 297
Боровский у. 293
Боршево, с. 293, 300, 301
Брно 306
Броварка 316
Броды, д. 292
Брюгге 320
Брюссель 320
Брянск 293
Брянский у. 293
Буг, р. 302, 311
Будапешт 306, 321
Буковина 295, 296
Бургос 322
Буреть 310
Бурято-Монголия 322
Бурято-Монгольская АССР 304
Бухара 303, 306, 312
Бухарест 321
Быджни 303
Быхов 293

Вабкент 306
Вавилон 312, 314, 325, 326
Вагаршапат 303
Ван 317
Ванский окр. 317
Вараг 317

Варахша 311
Варзахан 317
Васильков 302
Вена 306, 321, 327
Венгрия 306
Венеция 319
Верхнее Салтово, с. 294
Верхняя Нейва 322
Верхняя Рутка, с. 311
Веселый, хут. 308
Ветлуга, р. 323
Видлицкий р-н 298
Византия 325, 326
Виленская губ. 291
Винницкая обл. 309
Витебская губ. 291
Владимир 297, 300, 308, 316, 318, 326
Владимирская губ. 292
Владимирская обл. 292, 307
Владимирский р-н 308
Военно-Грузинская дорога 303, 320
Воздвиженское, с. 299
Вознесенье, с. 298
Вой-Наволок 298
Волга, р. 299, 301
Вологда 299, 316
Вологодская губ. 291, 324
Вологодская обл. 298, 314, 319
Волотово 323
Волынская губ. 294
Вольфенбюттель 306
Вори р. 292
Воронеж, р. 301
Воронежская губ. 293
Воронежская обл. 292, 300, 301, 308
Воронец 295, 297
Востан 317
В делебье 299
Вышгород 302
Вязьма, г. 313
Вязьма, р. 323
Вятская губ. 291, 292

Галич 316
Ган 319
Гарни 303, 317, 318, 321
Гатчина 312, 318
Гаэта 322
Гегард 317
Гейдельберг 320
Гелати 321
Геленджик 293, 323
Гелин-кай, д. 320
Германия 319, 320, 323, 324, 327
Гехамские горы 317, 321
Гдовский р-н 298
Гильдесгейм 323
Голубинская, ст. 301
Горбунята, д. 292, 302
Городок, д. 307
Горький 308
Горьковская обл. 292, 299, 307
Греков ручей 299
Гренада 322
Греция 296, 305, 312, 313, 317, 321, 323, 325—327
Гродненская губ. 291
Грозненская обл. 294, 302, 303, 309, 311
Грозненский окр. 294
Грозный 309
Грузинская ССР 294, 303, 309, 320
Грузия 296, 297, 309, 316, 320—322
Грязное, оз. 300, 308
Гумора 295, 297
Гунделин 303

Дагестан 320, 326
Дагестанская АССР 294, 302, 303, 311
Дагестанская обл. 294
Дарачичаг 303
Двин 317
Дели 324
Дербент 309
Дерешевая, д. 309
Десна, р. 309
Джайпур 324
Джамбул 304, 310, 311, 315
Джан-кутаран 302
Джегутинская, ст. 293
Джелалабадский р-н 309
Днепр 309
Днестр 294, 309
Домнино, с. 326
Дон, р. 293, 299, 300, 308, 319
Донская Монастырщина, с. 293
Донская обл. 293
Дорогобуж 313
Дорогобужский р-н 313
Дёрт-килисе 317
Драгомирна 295, 297
Дрсег 317
Дубровицы 316
Думная гора 295

Евпатория 293, 294, 300—302
Егварт 303
Египет 312—314, 321, 322, 325—327
Екатеринославская губ. 294
Еленендорф 294
Елизаветинская, ст. 293
Елизаветовская, ст. 293, 301, 319
Елизаветполь 294
Елизаветпольская губ. 294
Елин бор 299
Енисей, р. 304, 323
Енисейская губ. 295
Ереван 309, 319
Ереруйк 303

Забайкалье 322
Забайкальская обл. 322
Загорск 326
Задонский р-н. 301
Закавказье 294, 303, 309, 317
Закаспий 326
Замошье 323
Заразм 320
Звартноц 303
Звонковая 302
Зее, м. 306
Золоторучье 299
Зубцовский у. 292

Ивановская обл. 299
Иерусалим 322
Изборск 318

Измайлово 316
Или, р. 310
Илимск 295
Ильинка, с. 309
Ильмовая Падь 322
Индия 324
Инкерман 321
Иран 320, 322, 324
Ирбить 322
Иркутск 304, 310, 323, 326
Иркутская обл. 304
Иртыш, р. 304
Иртяш, оз. 292
Исетское, оз. 322
Исеть, р. 299
Испания 306, 313, 321, 327
Исти-су, с. 309
Истра 326
Италия 296, 312 313, 315, 319, 321, 325, 327
Ишимбаево 300
Ишхан 317

Кабардинская АССР 294, 302
Кавказ 296, 314, 319—321, 324, 326
Казань 292
Казахская ССР 294, 303, 309
Казахстан 304, 309
Казбек 321
Казвин 320
Каинский у. 295
Каир 321, 325
Калабака 321
Кала-диби 321
Калбинский хребет 304, 309
Калининская обл. 292, 299, 300, 307, 310
Калуга 299
Калужская губ. 292
Калужская обл. 292
Калужский р-н 299
Калязин 299
Кама, р. 300
Камышинский у. 293
Канев 321
Каневский у. 294
Каппадокия 321
Кара-агач 295
Караганда 304
Карачарово 299
Карачев 293
Карелия 305, 312, 319
Карело-Финская ССР 291, 296, 298, 307, 315
Кармравор 317
Карнак 327
Каркинит 301
Карповка, р. 301
Карс 317
Карымская, д. 295
Кассан 306
Катунь, р. 304
Кафир-кала 309
Каховка, д. 297
Кача, р. 293
Кашки, д. 308
Кая-Кент 294
Кведлинбург 323
Кельн 320
Кёрёме 321
Керчь 293, 294, 301, 302, 306, 308, 310, 313
Киев 291, 294, 302, 309, 320, 321, 325
Киевская губ. 294, 314
Киевщина 296, 314
Кимполунг 297
Кипр, о. 321, 322
Киргизская ССР 303, 304, 309
Киров, г. 308
Кисловодск 320
Китай 296
Кити, д. 321
Кларджия 317
Кобайр 317
Кобан 294, 303
Ковенская губ. 291
Колба, р. 295
Колбинский хребет 304
Колва, р. 323
Коломищина, ур. 310
Коломна 296
Колыма, р. 310
Константинополь 312, 320, 325
Копорье 324
Кордова 321, 322
Корчевский у. 292
Костенки, с. 300, 308
Кострома 292, 325
Костромская губ. 292
Костромская обл. 292
Кош-агач 304
Краков 297
Краснодарский край 292, 300, 301, 308, 308
Красноярск 323
Красноярский край 295, 304
Кронштадт 312
Крым 293, 294, 296, 301, 302, 306, 308, 310, 318, 320, 321, 323, 324, 326
Крымская обл. 293, 301, 308
Кубанская обл. 293
Кубань 293, 298, 306, 323
Кугай, ст. 303
Кузнечихинский р-н 306
Кузьминка 316
Куйбышев 300
Куйбышевская обл. 292, 300
Кулешевка, с. 316
Кульджа 327
Куль-оба 293
Кум 320
Кунгурский у. 292
Куня-ургенч 304
Курджипская, ст. 293
Курск 293
Курская обл. 292, 300, 301
Кусково 316
Кутаиси 309, 321
Куюнджик 298
Кызыл-ярская степь 303
Кырх-дагерман 303
Кыштым 322
Кяхта 304, 326
Кяхтинский у. 322

Лаки, д. 320, 326
Лан 319

Лена, р. 304, 310
Ленинград 306, 311—313, 315, 318, 322, 325, 326
Ленинградская обл. 298, 305, 306, 312
Ливийская пустыня 313
Липовецкий у. 294
Липовое, с. 316
Литовская ССР 291
Лмбат 317
Ломоносов, г. 311, 313, 318
Лондон 321
Лужский р-н 299
Лужский у. 323
Лука-Врублевецкая 309
Лукьяновка, с. 301
Львов 297
Люблин 295
Люксор 327
Ляпичев, хут. 301

Магасберд 317
Магулинская, ст. 301
Мадура 324
Мазурки, с. 293
Македония 296
Малая Азия 321, 323
Малая Мотка, зал. 298
Малый Удрай, д. 323
Мальта 304, 322
Мана, р. 295
Мангуп 293, 302, 308, 318, 320, 326
Мандале 324
Мапыч, р. 301
Мариуполь 320
Мартышкино 312
Марьевская, ст. 293
Мастюгино, с. 293
Махач-Кала 309
Меана 295
Медвежьегорский р-н 307
Медвежья гора 298
Мелетово 299
Мелитопольский у. 294
Мемахатун 317
Мерв 295, 296, 304, 306, 312, 320
Мертвый Дон 319
Месемврия 296
Местия 316
Милле-чай, ущелье 321
Минская губ. 291
Минусинск 323
Минусинский край 323
Минусинский окр. 295, 322
Мирмекий 301, 308
Мистра 317
Моздок 303
Молога 299
Молотов 308
Молотовская обл. 292, 300, 322
Монголия 304
Мондское, оз. 306
Монреаль 322, 327
Моравия 306
Моршанск 301
Москва 292, 296, 316, 318—320, 322, 324—326
Московская губ. 292, 299, 319
Мрен 317
Мури, с. 317
Мурманская обл. 298
Муром 299, 316
Мцхет 294

h'Наванк 317
Нальчик 302
Нальчикский окр. 294
Нарымский хребет 304, 309
Недвиговка, хут. 293
Нейва, р. 322
Немиров 309
Неса 304
Нестеровская, ст. 311
Нижнедевицкий р-н 301
Нижне-Колымский р-н 310
Нижний Новгород 327
Николаев 302
Николаевск (на Амуре) 326
Нимфей 310
Нио, пещера 319
Новгород 291, 296, 298, 299, 301, 305, 312, 314—316, 318, 319, 324
Новгород-Северский 309
Новгородская губ. 297
Новгородская обл. 298
Новоселки 307
Новохоперский у. 293
Новый Иерусалим 326
Ноин-Ула, горы 304
Нораванк 317
Норадуз 303
Норское, с. 299
Нюренберг 320

Обь, р. 304
Овруч 291, 294
Огневское, оз. 322
Огузлу 317
Одесса 302, 309
Ока, р. 299
Олений остров 298
Олонецкая губ. 291, 324
Олонецкий край 296
Ольвия 291, 294, 302, 311, 313, 325
Ольты 317
Омск 323
Онежское, оз. 298
Опошня, с. 309
Орвьето 319, 322
Орджоникидзевский край 302
Оренбург 326
Оренбургская губ. 292, 323
Орловская губ. 293
Орловская обл. 292
Ороп 321
Орск 300
Осетия 303, 311
Оскол 301
Останкино 316
Острогожский р-н 300, 301
Оять, р. 298

Павловск 311, 313, 315, 318, 326
Пейкенд 309
Палермо 322, 327
Палестина 320, 322
Пальмира 322

Памир 326
Париж 319, 321
Партенит 297, 323
Пелла 318
Первомайск 302
Переяслав 308, 316, 318, 320
Пермская губ. 292, 323
Петербург 297, 311, 312, 315, 324
Петербургская губ. 291
Петерек 317
Петродворец, 311, 313, 318
Петрозаводск 315
Пичерыч 317
Плисецкое 302
Полтава 309
Полтавская губ. 294
Полтавская обл. 309
Полтавщина 316
Польша 295
Помпеи 322, 327
Постников овраг 300
Прибалтика 323
Придворица 296
Приуралье 322
Псков 291, 296, 299, 312, 314, 316, 318, 319, 324
Псковская губ. 291
Псковская обл. 298
Птгни 303, 317
Пулково 318
Путивль 293
Пушкари 308
Пушкин, г. 311, 315, 318
Пятигорск 303, 320

Раваница 296
Равенна 322
Радовица 295, 297
Реж, р. 322
Реком (дзуар) 303
Рим 296, 305, 312, 313, 314, 322, 325—327
Роменский у. 316
Россия 296, 311, 316, 321, 323, 324
Ростов 316, 319, 320, 326
Ростовская обл. 292, 300, 301, 308
РСФСР 291
Руан 319
Румыния 295, 306
Рыбачий, полуостров 298
Рыбинский р-н 299
Рязанская губ. 292
Рязанская обл. 292

Саккара 327
Салона 321
Салоники 321
Самарканд 295, 296, 303, 306, 309, 312, 315, 320, 326
Саратовская губ. 293
Саратовская обл. 292
Саргов 295, 322
Сафар 320
Саянтуй 322
Свания 303, 316
Свердловск 308
Свердловская обл. 292, 300, 308
Свирь, р. 298
Свияжск 292, 313
Севан 303
Севастополь 323
Северное Причерноморье 296, 310, 311, 325
Северный Кавказ 294, 302, 303, 309, 311
Северо-Осетинская АССР 302, 303
Селенга, р. 304, 322
Селенгинский р-н 304
Селигер, оз. 310
Сенная, ст. 301
Серафимович, г. 301
Сербия 296
Сеюково 302
Сибирь 295, 304, 306, 310—312, 322, 323, 326
Сивераут 303
Симбирская губ. 292
Симферополь 293, 302
Синай 317
Сирия 320—322
Скела, д. 320
Скнятино, с. 299, 307
Славенский холм 299
Слугава 295
Смела 314
Смирна 321
Смоленск 291, 313
Смоленская губ. 291
Смоленская обл. 313
Снятная гора 299
Собиновский р-н 308
Согутлю 303
Сольвычегодск 313, 314, 316
Спарта 321
Спас, д. 299
Сплит 321
Средняя Азия 294, 303, 306, 307, 309, 311, 312, 315, 320, 324, 326
Сростки, с. 304
СССР 294, 299, 305, 306, 309, 310, 314—316, 323, 324, 326
Сталинградская обл. 292, 300, 301
Старая Ладога 297, 312, 318, 319, 323, 324
Старица 292
Старочеркасск 293
Старый Крым 326
Степняк, г. 309
Стерженский городок 310
Стокгольм 324
Страсбург 319
Стрельна 313
Студеница 296
Сувар 306
Судак 302, 324, 326
Суздаль 300, 308, 310, 318, 320, 326
Сузы 325
Сулак, р. 303
Супрасль 295
Суук-су 293
Суундук, р. 300
Сучава 295, 297
Сысерть 322
Сюйрень 318, 320
Сясь, р. 298

Таврическая губ. 294
Таганрог 319

Талас, р. 310
Таласская долина 304
Тали-барзу 309
Талин 317
Таманская, ст. 301
Таманский полуостров 293
Тамбовская губ. 292, 300
Тамбовская обл. 300, 301
Тамбовский р-н 301
Танджор 324
Тараз 304, 310, 311
Таррагона 321
Таррачина 322
Тарханкутский полуостров 301
Татаново, с. 301
Татарская АССР 292, 306, 313
Ташкент 312, 327
Тбилиси 309, 321
Тверская губ. 292
Тверь 324
Тегеран 320
Текор 317
Тепе-кермен 308, 321
Тепе-оба 302
Терек, р. 303
Терская обл. 294
Тешик-таш 309
Тиритака 301, 308
Тифлис 317
Тихий океан 323
Тобольск 295
Тола, р. 305
Толедо 322
Толчков 292
Томская губ. 292, 295
Томская обл. 295
Томский у. 295
Томь, р. 295
Триполье 297
Троицкосавский у. 322
Туба, р. 295
Тувинская АО 295
Тульская губ. 292, 299
Тульская обл. 299
Туркестан 295
Туркестан, г. 306, 315
Туркмения 295, 304
Туркменская ССР 294, 303
Турция 298, 317
Тутаевский р-н 306
Тюмень 295, 323
Тюменская обл. 295

Углич 299, 319
Угра, р. 299
Удмуртская АО 292
Узбекистан 309
Узбекская ССР 294, 303, 309, 311
Узген 304, 306
Узень-баш 320
Украина 294, 296, 298, 302, 306, 308—310, 314
Украинская ССР 294, 297, 302, 307, 314
Улан-Батор 304
Улан-Удэ 304
Ульм 320
Ульский аул 293
Урал 322
Урал, р. 300
Ура-тюбе 315
Урянхайский край 295
Устье, с. 299
Усть-Лабинская, ст. 306
Устюг 316
Уфа 300
Уфимская губ. 292
Уч-курганская степь 303

Фанагория 301
Феодосийский р-н 302
Феодосия 294, 302, 324, 326
Фергана 303
Фефелов бор 292
Филе 321
Флоренция 319
Фокида 321
Франция 297, 319, 327
Хабаровский край 310
Хаджи-халил 303
Хакасская АО 304
Хакулабад 303
Халепье, с. 310
Харьковская губ. 294
Хахул 317
Херсон 302
Херсонес 293, 302, 306, 321, 323, 324, 326
Херсонская губ. 294
Хива 326
Хой 317
Холм 295
Хопер, р. 301
Хорезм 303
Хоринский р-н 304
Хором 303
Хорочей, с. 309
Хорсабад 298
Хотин 294
Хцонк 317

Царица-Донская, р. 301
Царская, ст. 293
Цвстан 317
Цейлон, о. 327
Цивильский р-н 300
Цроми 321
Цымлянская, ст. 301, 308

Чардаг 321
«Частые Курганы» 293
Чаули-килисе 321
Чебоксарский р-н 300
Чегем, р. 302
Челмужское, с. 298
Челябинский у. 323
Червленная, р. 301
Чердынский у. 292, 323
Черемхово, с. 310
Череповецкий окр. 305
Черкасский у. 294, 314
Черная, р. 304
Черниговская губ. 294
Черниговская обл. 309
Черниговщина 296, 314
Черновицы 296
Черноморская губ. 293

Чигиринский у. 294, 314
Чкалов, г. 300
Чкаловская обл. 300
Чми, с. 294
Чу, р. 310
Чубар 303
Чувашская АССР 300
Чуле 320
Чусовая, р. 300, 308
Чусовой, г. 308
Чуфут-кале 308, 320, 321

Шавшия 317
Шан-коба (навес) 306
Шарапанский у. 294
Шартр 319
Шахрисябз 303
Швеция 324
Szebény 306
Шексна, р. 299
Шестовицы, д. 309
Шигирское, оз. 322
Шилка, р. 326
Шипеницы 306
Ширакаван 317
Шубное, с. 300
Шуры, д. 320
Элефантин, о. 324
Эллора 324
Эошк-Ванк 317
Эрзерум 317, 320
Эрзинджан 317
Эрёжд 306
Эски-кермен 302, 318, 320
Эстонская ССР 291
Эчмиадзин 320

Юган, р. 304
Юрьев Польский 292, 300, 318

Ядринский р-н 300
Якутская АССР 295
Яна, р. 299
Янгиюльский р-н 309
Ярославль 292, 299, 308, 316, 319, 320
Ярославская обл. 292, 299, 300, 306—308

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

*

Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректоры *В. К. Загорская* и *А. С. Малютина*

*

РИСО АН СССР № 3607 Подписано к печати 22 XII 1949 г. Печ. л. 21 + 4 вкл. Уч.-изд. л. 28,43. М—35433. Тираж 3000. Зак. № 1487. Цена в переплете 25 р. 75 к.

1-я тип. Издательства АН СССР, Ленинград, В. О., 9 л., дом 12.